

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ОТЛАВЛЕНИЕ

ВРЕМЕНИКЪ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО
ЛИЦЕЯ.

книга пятьдесятъ третья.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собствен. домъ.

1891.

ВРЕМЕНИ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО

ЛИЦА

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскій.

КНИГА ПЯТЫДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ

ВРОСЛАВЪ

Въ типографіи Г. Тарасова, въ Львовѣ, у Г. Ковальскаго, въ 1891 г.

1891

О Г Л А В Л Е Н І Е

пятьдесятъ третей книги Временника Лицея.

Журналы Совѣта Лицея, засѣданій 28, 30 и
31 мая 1890 г., съ приложеніями . . . . . 1—66.

Лѣтопись Лицея за 1889—90 учебн. годъ съ
приложеніями . . . . . 1—9.
I—XLV.

Очеркъ науки Финансоваго права. Выпускъ 1-й
(окончаніе). *И. Т. Тарасова* . . . . . 137—211.

Курсъ Церковнаго права. Т. II (продолженіе).
Н. С. Суворова . . . . . 137—200.

Административное право. Ч. особенная. *И. Т.
Тарасова* . . . . . 1—48.

Задача и методы науки о народномъ хозяйствѣ.
(Продолженіе). *В. Ф. Левитскаго* . . . . . 65—136.

Юридическая библіографія № 17-й . . . . . 1—48.

№ 18-й . . . . . 1—48.

Объявленія объ изданіи журналовъ . . . . . 1—9.

ЛІІІ книга вышла 12-го мая 1890 г.; въ ней 30 листовъ.

FINLAND

UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY

137-200	Н. С. Суворов	Курса Перекрестка Т. II (продолжение)
137-211	Н. Т. Тарасов	Очерк жизни Феликса Феликсовича Румянцева I-II
138-1	Тарасов	Алгебраическое уравнение Р. Т. Тарасова
138-136	(Продолжение) В. Ф. Казанский	Задача и методы жизни о продолжении хозяйства

84-1 . . . . . И-71 % рифагтоикднд асжаридиу6И
84-1 . . . . . И-81 %

1—1

1111 книга вышла 12-го мая 1890 г.; в ней 30 листов.

ЖУРНАЛЫ

совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

1890 года мая 28 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шпилевскаго*, присутствовали: ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. экстраординарныхъ профессоровъ *А. Н. Лодыженскій*, *В. Г. Щегловъ* и *А. Е. Назимовъ*; и. д. доцентовъ *М. А. Липинскій* и *А. Е. Минервинъ*; привать-доценты *В. Ф. Левитскій* и *П. Θ. Бестѣкинъ*. Не присутствовали: ординарный профессоръ *Л. С. Бьлогрицъ-Котляревскій* и привать-доцентъ князь *Е. Н. Трубецкой* по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Окончившіе курсъ въ Лицеѣ въ нынѣшнемъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссерта-

ціи *Крыловъ* Николай и *Невскій* Александръ и въ прош-
ломъ году *Шереметевъ* Николай, *Абдуловъ* Николай и
Серебренниковъ Венедиктъ представили нынѣ сочиненія:
Крыловъ подъ заглавіемъ „Низшая административно-су-
дебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ
до половины XVI вѣка“, *Невскій* — „Постановка вопросовъ
на судъ присяжныхъ“, *Шереметевъ* — „Сравненіе 21 и 22
главы Уложенія царя Алексѣя Михайловича съ новоуказ-
ными статьями о татѣбныхъ, разбойныхъ и убійствен-
ныхъ дѣлахъ“, *Абдуловъ* — „О татѣбныхъ, разбойныхъ и
убійственныхъ дѣлахъ по Уложенію царя Алексѣя Михай-
ловича 1649 года сравнительно съ новоуказными статья-
ми 1669 года“ и *Серебренниковъ* „Вѣче и князь въ древ-
ней Руси“. **Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для проч-
тенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ и нихъ: *Кры-*
лова — ординарному профессору Н. С. Суворову, *Невска-*
го — приватъ-доценту П. О. Бесѣдкину, а *Шереметева*,
Абдулова и *Серебренникова* — заслуженному ординарному
профессору С. М. Шпилевскому.

3) Окончившій въ 1889 году курсъ въ Лицеѣ съ зва-
ніемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на получе-
ніе степени кандидата по представленіи диссертациі
Александръ Ледницкій, таковую своевременно пред-
ставилъ подъ заглавіемъ: „Акціонерныя компаніи“. Со-
чиненіе это для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ от-
зыва о немъ было передано и. д. доцента М. А. Липин-
скому. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи представ-
леннаго г. Липинскимъ отзыва, **Опредѣлили:** Удостоить
Ледницкаго степени кандидата юридическихъ наукъ, о
чемъ и выдать ему надлежащій аттестатъ, отзывъ же о
его сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

4) Заслушанъ былъ прилагаемый при семъ отчетъ
объ ученой командировкѣ въ С.-Петербургъ и. д. экстра-

ординарнаго профессора Лицея В. Г. *Щеглова* съ 5 января по 5 февраля сего года. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

5) Въ настоящемъ засѣданіи происходила баллотировка для порученія въ будущемъ учебномъ году чтенія лекцій приватъ-доцентамъ: *Левитскому* по политической экономіи и наукѣ о финансахъ, *Бесѣдкину* по уголовному праву и уголовному судопроизводству и князю *Трубецкому* по исторіи политическихъ ученій; всѣ они оказались избранными единогласно, а потому **Опредѣлили:** Поручить г. Бесѣдкину чтеніе уголовного права на 3 курсѣ по 1 часу и уголовного судопроизводства на 4 курсѣ по 3 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ въ 1400 руб. годовыхъ и князю Трубецкому — исторіи политическихъ ученій на 1 курсѣ по 2 часа въ недѣлю, съ вознагражденіемъ въ 1000 рублей годовыхъ, начавъ выдачу имъ вознагражденія съ 16 августа сего года изъ суммъ имѣющихъ остатся отъ содержанія личнаго состава по смѣтамъ 1890 и 1891 гг.; относительно же назначенія числа часовъ приватъ-доценту Левитскому сужденіе отложить до выясненія вопроса о приватъ-доцентѣ Свирщевскомъ.

6. Въ виду вакантныхъ кафедръ: Римскаго права, Гражданскаго права, Торговаго права, Гражданскаго судопроизводства, Всеобщей исторіи права и Исторіи римскаго права, Совѣтъ, на основаніи § 35 устава Лицея, предложилъ чтеніе въ будущемъ учебномъ году Римскаго права, на 2-мъ курсѣ, и. д. доцента *Минервину* по 3 часа въ недѣлю, и на 3-мъ курсѣ ординарному профессору *Суворову* по 4 часа; Гражданскаго права, на 3 курсѣ, по 3 часа и на 4 курсѣ по 2 часа, и. д. доцента *Липинскому* и Гражданскаго же права на 4 курсѣ (семейное и наследственное) заслуженному ординарному профессору *Шнилевскому* по 2 часа въ недѣлю; Торговаго

права—по 3 часа и Гражданскаго судопроизводства по 2 часа—и. д. доцента *Липинскому*; Всеобщей исторіи права—и. д. экстраординарнаго профессора *Щеглову* по 2 часа въ недѣлю и Исторіи римскаго права по 3 часа въ недѣлю и. д. доцента *Минервину*. Получивъ отъ нихъ на это согласіе, при чемъ ординарный профессоръ *Суворовъ* заявилъ, что Церковное законовѣдѣніе онъ считаетъ необходимымъ читать въ будущемъ учебномъ году по 6 часовъ, Совѣтъ **Опредѣлилъ**: Поручить на предстоящій учебный годъ чтеніе по вакантнымъ кафедрамъ: а) заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* Гражданскаго права по 2 часа въ недѣлю, б) ординарному профессору *Суворову* Римскаго права по 4 часа, в) и. д. экстраординарнаго профессора *Щеглову* Всеобщей исторіи права по 2 часа, г) и. д. доцента *Липинскому* Гражданскаго права по 5 часовъ, Гражданскаго судопроизводства по 2 часа и Торговаго права по 3 часа въ недѣлю, д) и. д. доцента *Минервину* Римскаго права и Исторіи Римскаго права по 3 часа въ недѣлю изъ каждаго предмета; объ этомъ представить г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа и, на основаніи § 21 устава Лицея, просить разрѣшенія Его Сіятельства на выдачу въ теченіи 1890/91 учебнаго года изъ суммъ имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по сметамъ 1890 и 1891 гг.: заслуженному ординарному профессору *Шпилевскому* за 2 часа 400 руб., ординарному профессору *Суворову* за 4 часа 800 руб., и. д. экстраординарнаго профессора *Щеглову* за 2 часа 400 руб., и. д. доцента *Липинскому* за 10 часовъ 2000 руб. и и. д. доцента *Минервину* за 6 часовъ 1200 руб., пачавъ таковую выдачу съ 16 августа сего года, съ тѣмъ, чтобы, если въ теченіи года будетъ назначенъ новый на какую либо изъ этихъ кафедръ преподаватель, то воз-

награжденіе было выдано по расчету по день этого назначенія.

7) Слушали слѣдующее представленіе ординарнаго профессора Н. С. *Суворова*: „На основаніи § 40 утвержденныхъ Господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 10 сентября 1883 г. правилъ для студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, экзамены по разнымъ группамъ наукъ, преподаваемымъ въ Лицеѣ, должны быть производимы такъ, чтобы промежутки между экзаменами по наукамъ одной группы и между экзаменами по наукамъ непосредственно слѣдующей за нею группы были не менѣе одного года. На основаніи § 42 тѣхъ же правилъ, студенту, невыдержавшему экзамена въ нормальный годичный срокъ, предоставляется соединить двѣ группы въ одну, но съ соблюденіемъ послѣдовательности группъ и сроковъ, указанныхъ въ § 40. Примѣненіе означенныхъ §§-овъ въ практикѣ лицейской втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ со времени утвержденія Г. Министромъ правилъ 10 сентября 1883 г. не вызывало никакихъ недоумѣній. Совѣтъ истолковывалъ приведенные параграфы въ томъ смыслѣ, что нормальный срокъ для перехода студентовъ съ одного курса на другой есть годичный, но что студенту, не выдержавшему экзамена въ этотъ нормальный срокъ, предоставляется послѣ двухлѣтняго пребыванія (или послѣ трехлѣтняго, когда таковое, въ видѣ исключенія, было дозволено Г. Министромъ тому или другому студенту) на одномъ и томъ же курсѣ, соединять двѣ группы въ одну и такимъ образомъ наверстать потерянный годъ. Назадъ тому три года, когда въ Лицейъ стали поступать многіе студенты Университетовъ, въ особенности Московскаго, прослушавшіе нѣсколько семестровъ и встрѣтившіе какія либо препятствія къ окончанію курса въ Университетѣ, какъ-то: незачетъ по-

лугодія, неувѣренность въ благопріятномъ исходѣ государственнаго экзамена, — Совѣтъ распространилъ дѣйствіе § 42 правилъ для студентовъ Демидовскаго Лицея и на поступившихъ въ Лицейъ университетскихъ студентовъ, предоставляя имъ право подвергнуться сразу испытаніямъ по наукамъ двухъ первыхъ группъ и, слѣдовательно, перейти прямо на третій курсъ, въ виду того, что, хотя они, бывъ приняты въ Лицейъ на 1-й курсъ, пробыли всего только одинъ годъ на этомъ курсѣ, но раньше поступленія въ Лицейъ слушали въ Университетѣ на юридическомъ факультетѣ юридическія науки втеченіе одного или даже нѣсколькихъ лѣтъ. На этомъ однако Совѣтъ не остановился. Перешедшимъ на третій курсъ и прослушавшимъ втеченіе одного года науки третьяго курса бывшимъ студентамъ Университета Совѣтъ Лицея предоставилъ въ прошломъ (академическомъ) году право подвергнуться испытаніямъ по наукамъ не только третьяго, но и четвертаго курса, хотя въ данномъ случаѣ эти студенты не подходили подъ категорію невыдержавшихъ экзамена въ нормальный годичный срокъ, и хотя требуемаго § 40 годичнаго промежутка между экзаменами по наукамъ третьей группы и по наукамъ четвертой группы не оказывалось. Но и этого мало. Студенты Лицея, никогда не бывшіе ни въ одномъ изъ Университетовъ и прямо поступившіе въ Лицейъ изъ Гимназій, пробывшіе два года на первомъ курсѣ и не воспользовавшіеся затѣмъ, при переходѣ на 2-й курсъ, въ прошломъ году, правомъ соединенія двухъ группъ въ одну, стали обращаться въ Совѣтъ съ прошеніями о допущеніи ихъ къ экзамену не за второй только курсъ, а за второй и третій, или даже студенты, остававшіеся на первомъ курсѣ два года, переходившіе затѣмъ послѣдовательно на второй и на третій курсы, стали ходатайствовать о до-

пущеніи ихъ къ экзаменамъ за 3-й и 4-й курсы, следовательно о дозволении имъ окончить лицейскій курсъ вообще, очевидно разсуждая такимъ образомъ, что право студентовъ соединять группы не приурочивается къ тому году, когда они держатъ экзаменъ внѣ предѣловъ нормальнаго годичнаго срока, а остается ихъ факультативнымъ правомъ в теченіе всего времени нахожденія ихъ въ Лицеѣ, чего, по буквальному смыслу §§ 40 и 42, допустить нельзя. Между тѣмъ, означенные студенты не безъ основанія могли сослаться на примѣръ тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые допущены Советомъ къ экзамену за два курса безъ опредѣленія годичнаго промежутка между экзаменами въ виду того только, что общее количество лѣтъ, употребленныхъ студентомъ на изученіе юридическихъ наукъ не менѣе минимальнаго четырехлѣтняго періода. Такимъ образомъ Советъ въ нынѣшнемъ году оказался вынужденнымъ предоставить право соединенія группъ и студентамъ этой послѣдней категоріи. Но предоставивъ таковое право отдѣльнымъ лицамъ, просившимъ о соединеніи группъ въ нынѣшнемъ году, и следовательно сдѣлавъ специальное ad hoc постановленіе по каждому отдѣльному прошенію, Советъ Лицея не избавилъ себя тѣмъ самымъ отъ необходимости принципиальнаго разсмотрѣнія вопроса о правильности и целесообразности означеннаго порядка вещей на будущее время. Какъ выяснилось изъ ходатайствъ студентовъ передъ наступленіемъ испытаній въ нынѣшнемъ году, у нихъ уже съ самого начала учебнаго года существовала увѣренность въ томъ, что Советъ безъ всякихъ препятствій разрѣшитъ имъ соединеніе группъ, безъ требованія годичнаго промежутка между экзаменами по объему соединяемымъ группамъ, и что отказъ въ нынѣшнемъ году со стороны Совета въ этомъ разрѣшеніи былъ

бы слишкомъ суровъ въ отношеніи ко многимъ студентамъ, съ самого уже начала учебнаго года располагавшимъ свои занятія такимъ образомъ, чтобы оказалось возможнымъ выдержать испытанія по двумъ группамъ наукъ. Допуская, что въ данномъ случаѣ лицейская практика послѣднихъ двухъ лѣтъ подавала студентамъ надежду на соединеніе группъ безъ требованія годичнаго промежутка между группами, я полагаю однако, что на будущее время Совѣтъ долженъ положить конецъ подобнымъ явленіямъ и теперь же, въ концѣ учебнаго года, выяснить студентамъ истинный смыслъ §§ 40 и 42 правилъ 1883 года, для предупрежденія всякихъ недоразумѣній и ложныхъ надеждъ въ студентахъ. По буквальному смыслу этихъ §§, право на соединеніе группъ предоставляется только тѣмъ студентамъ, которые не выдержали экзамена въ нормальный годичный срокъ, слѣдовательно послѣ *двухлѣтняго* пребыванія на курсѣ, и при томъ при переходѣ на *непосредственно слѣдующій* за тѣмъ курсъ, а не въ неопредѣленномъ будущемъ. Право студентовъ соединять группы не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ общаго количества лѣтъ, проведенныхъ въ Лицеѣ или въ Университетѣ: послѣдовательно, выдерживая точку зрѣнія, на которую сталъ Совѣтъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году, онъ неизбежно придетъ къ тому выводу, что студентъ, пробывшій на 1-мъ курсѣ три года, чрезъ годъ можетъ оказаться кандидатомъ правъ, такимъ образомъ что, при переходѣ съ перваго курса на второй, послѣ *трехлѣтняго* пребыванія на первомъ, данный студентъ будетъ допущенъ къ экзамену за 1-й и 2-й курсы, а на слѣдующій годъ за 3-й и 4-й курсы въ виду нахождения его въ Лицеѣ не менѣе четырехъ лѣтъ. Но съ правиломъ, предусматривающимъ возможность дозволенія приступать студенту, въ

видѣ исключенія, къ экзамену чрезъ три года, по особому ходатайству Совѣта и съ разрѣшенія г. Министра Народнаго Просвѣщенія, не дѣлается никакого различія между тѣми студентами, которые сдаютъ экзамены послѣ трехлѣтняго пребыванія на курсѣ, и тѣми, которые приступаютъ къ экзамену послѣ двухлѣтняго пребыванія на курсѣ: тѣ и другіе суть одинаково лица, не выдержавшія экзамена въ нормальный годичный срокъ, которымъ поэтому и предоставляется соединять двѣ группы (а не болѣе) въ одну, и, конечно, только однажды. Такимъ образомъ, послѣдовательно проводя занятую имъ точку зрѣнія, Совѣтъ допустилъ бы явное нарушеніе буквального смысла §§ 40—42 правилъ, въ основаніи которыхъ вообще лежитъ та мысль, что, судя по количеству лѣтъ, проведенныхъ студентомъ на младшихъ курсахъ, можно всегда съ опредѣленностью рассчитать, чрезъ сколько затѣмъ лѣтъ этотъ самый студентъ можетъ окончить лицейскій курсъ вообще. Отсюда объясняется содержаніе § 41, въ силу котораго студентъ, какъ не могущій пробыть въ Лицеѣ болѣе 6 лѣтъ, можетъ откладывать экзаменъ на два года не болѣе двухъ разъ въ теченіе всего лицейскаго курса, а ходатайство о дозволеніи отсрочить экзаменъ на три года можетъ имѣть мѣсто только при соблюденіи условія о томъ, что студентъ можетъ окончить полный курсъ, находясь въ Лицеѣ не болѣе 6-ти лѣтъ. Слѣдовательно, открывая студентамъ возможность соединенія группъ въ неопредѣленномъ будущемъ и выдвигая на первый планъ общее количество лѣтъ, проведенныхъ студентомъ въ Лицеѣ, Совѣтъ пересталъ бы имѣть дѣло съ опредѣленными величинами и стѣсняться установленными въ правилахъ точными сроками пребыванія на курсахъ, такъ какъ оказалось бы, что студентъ, который, по точному расчету времени, осно-

ванному на буквальномъ смыслѣ правилъ, долженъ бы былъ окончить курсъ послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Лицеѣ, на самомъ дѣлѣ оканчивалъ бы курсъ послѣ пятилѣтняго или четырехлѣтняго пребыванія и т. п. Кроме противорѣчія буквальному смыслу правилъ, совѣтская практика послѣднихъ двухъ лѣтъ, если бы она установилась на будущее время въ видѣ общаго руководящаго правила, угрожала бы весьма нежелательными въ педагогическомъ отношеніи послѣдствіями: она порвала бы связь, прикрѣпляющую, такъ сказать, студента къ опредѣленному курсу и заставляющую его сосредоточиваться именно на предметахъ даннаго курса, внесла бы неравномѣрность въ ходъ научныхъ занятій студента, приурочивая къ одному году массу труда, который долженъ бы былъ требовать вдвое больше времени, давая поводъ студентамъ манкировать занятіями на младшихъ курсахъ въ надеждѣ наверстать потерянное время въ слѣдующіе годы, наконецъ какъ бы освящая принципъ сдачи экзаменовъ безъ хожденія на лекціи соответствующаго курса. Последнее неизбежно потому, что лекціи на разныхъ курсахъ читаются въ одно и тоже время и, слѣдовательно, ходя на лекціи одного курса, нельзя въ то же время посѣщать лекціи другаго курса, по которому однако студентъ также предполагаетъ сдавать экзаменъ. Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, я позволяю себѣ войти въ Совѣтъ съ предложеніемъ принципиальнаго вопроса, не слѣдуетъ ли примѣненіе § 42 правилъ для студентовъ Лицея ограничить 1) тѣми студентами, которые не выдержали экзамена въ нормальный годичный срокъ и которые, слѣдовательно, приступаютъ къ испытанію послѣ двухлѣтняго или трехлѣтняго пребыванія на курсѣ, при переходѣ на непосредственно слѣдующій курсъ, и 2) тѣми студентами, которые поступаютъ въ

Лицей изъ Университетовъ, прослушавъ нѣсколько семестровъ и которые, воспользовавшись разъ льготою, предоставляемою § 42, слѣдовательно, перейдя съ 1-го курса на 3-й, не имѣли бы уже права соединять группу въ слѣдующемъ году, а равно какъ не слѣдуетъ ли напротивъ теперь же, при окончаніи учебнаго года, объяснить студентамъ, для предупрежденія всякихъ возможныхъ недоразумѣній и ложныхъ надеждъ, что правомъ соединенія группъ не могутъ пользоваться: 1) тѣ студенты, которые поступивъ изъ Университетовъ въ Лицей, осуществили его уже разъ, при переходѣ съ 1-го курса на 3-й и 2) тѣ студенты Лицея, какъ бывшіе, такъ и не бывшіе въ Университетахъ, которые не позаботились осуществить свое право въ то время, когда это имъ предоставлялось по правиламъ, т. е. при переходѣ, послѣ двухлѣтняго или трехлѣтняго пребыванія на курсѣ, на непосредственно слѣдующій курсъ“. По выслушаніи и обсужденіи представленныхъ профессоромъ *Суворовымъ* соображеній, Совѣтъ, вполне соглашаясь съ изложеннымъ о студентахъ поступающихъ въ Лицей изъ гимназій, **Опредѣлилъ**: Исполняя буквально правила для студентовъ Лицея, утвержденныя 10-го сентября 1883 года, допускать на будущее время студентовъ, поступившихъ въ Лицей изъ гимназій, къ экзаменамъ за два курса только тѣхъ, которые ко времени сдачи ими экзаменовъ оставались на курсѣ два года; относительно же студентовъ, переходящихъ въ Лицей изъ Университетовъ, обсудить въ слѣдующемъ засѣданіи.

8) Прошенія студентовъ Лицея 1-го курса *Васильева* Николая, 2-го курса *Преображенскаго* Алексѣя, *Вейклевича* Фридриха, *Давыдова* Василья, *Карасева* Бориса, 3-го курса *Израильсона* Макса, *Можевитинова* Леонида, *Канна* Якова, *Хлѣбникова* Александра, 4-го кур-

са *Осинскаго Льва* и *Милашевскаго Алексѣя* о допущеніи ихъ къ испытаніямъ послѣ каникулъ: *Преображенскаго* вслѣдствіе постигшей во время экзаменовъ смерти матери его, *Канна* вслѣдствіе переутомленія, а остальныхъ, за исключеніемъ *Можевитинова* и *Израильсона*, вслѣдствіе болѣзни, *Можевитиновъ* же и *Израильсонъ* въ своихъ прошеніяхъ вовсе не указали никакихъ причинъ, помѣшавшихъ имъ своевременно подвергнуться испытаніямъ. **Опредѣлили:** О студентахъ *Васильевѣ*, *Преображенскомъ*, *Вейклевичѣ*, *Давыдовѣ* и *Хлѣбниковѣ*, болѣзни которыхъ, а также семейныя обстоятельства *Преображенскаго* извѣстны нѣкоторымъ членамъ Совѣта, ходатайствовать, чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, предъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о допущеніи ихъ къ экзаменамъ послѣ каникулъ; остальнымъ же изъ означенныхъ студентовъ въ прошеніяхъ ихъ отказать.

9) Прошеніе допущеннаго къ испытаніямъ въ Лицеѣ на степень кандидата юридическихъ наукъ *Фавеля Корецкаго*, приступившаго уже къ онымъ и сдавшаго 10 экзаменовъ, о допущеніи его къ испытаніямъ на означенную степень послѣ каникулъ, такъ какъ въ настоящее время онъ, вслѣдствіе болѣзни, таковыя продолжать не можетъ. **Опредѣлили:** Въ прошеніи *Корецкому* отказать.

10) Слушали слѣдующій отзывъ приватъ-доцента *Левитскаго* о сочиненіи студента *Фирсова* „Экономическія воззрѣнія Симона де Сисмонди“, написанномъ для соисканія преміи. „Симонъ де Сисмонди, экономическія воззрѣнія котораго составляютъ предметъ сочиненія *Фирсова*, былъ однимъ изъ первыхъ экономистовъ, сдѣлавшихъ существенныя поправки въ ученіяхъ классической школы. Въ исторіи политической экономіи онъ составляетъ связующее звено между экономистами-классиками

и государственнымъ социализмомъ. Въ послѣднее время экономисты, склонные отрицать оригинальность школы государственнаго социализма, считаютъ большую часть воззрѣній послѣдней заимствованными у Сисмонди (Антонъ Менгеръ). Важное значеніе сочиненій Сисмонди въ исторіи экономическихъ ученій служитъ достаточнымъ основаніемъ для изслѣдованія ихъ въ специальной работѣ. Г. *Фирсовъ* въ своемъ сочиненіи чрезвычайно тщательно и точно передаетъ содержаніе ученій Сисмонди, останавливаясь особенно на тѣхъ изъ нихъ, которыя вносили существенныя поправки въ теорію классической школы. Тщательное изученіе текста сочиненій Сисмонди простирается до того, что *Фирсовъ* даетъ весьма порядочный переводъ цѣлой половины книги Сисмонди: *Nousaux principes d'economie politique*. Недостаточность сочиненія г. *Фирсова* заключается почти въ полномъ отсутствіи оцѣнки историческаго значенія ученій Сисмонди въ процессъ развитія экономической науки. Не смотря на это, я нахожу вполне справедливымъ, въ виду того, что одно старательное изложеніе ученій Сисмонди требовало большаго труда, назначить г. *Фирсову*, половинную премію". **Опредѣлили:** Удостоить студента *Фирсова* малой преміи, размѣръ которой назначить въ двадцать пять руб. и для исполненія сего опредѣленія копію съ настоящей статьи журнала передать въ Правленіе Лицея.

11) Въ мартѣ мѣсяцѣ 1889 года въ Совѣтъ было доставлено сочиненіе на золотую медаль „Низшая церковная административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ со введенія христіанства до XVIII вѣка“, съ эпиграфомъ: „Feci, quod potui, faciant meliora potentes“. Сочиненіе это, по опредѣленію Совѣта отъ 18-го марта 1889 г. было передано для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о немъ гг. директору С.

М. *Шпилевскому*, ординарному профессору Н. С. *Суворову* и п. д. экстраординарного профессора А. Е. *Назимову*. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи составленнаго профессоромъ *Суворовымъ* о помянутомъ сочиненіи отзыва, съ которымъ также вполне согласились С. М. *Шпилевскій* и А. Е. *Назимовъ*, Опредѣлили: Удостоить автора означеннаго сочиненія, каковымъ по вскрытіи конверта оказался студентъ Исай Розовскій, награжденія золотой медалью и отзывъ о сочиненіи напечатать во Временникъ Лицея.

12) Г. Директоръ заявилъ Совѣту, что приватъ-доцентъ Московскаго Университета *Свирщевскій* обратился къ нему съ прошеніемъ о зачисленіи въ составъ преподавателей Лицея въ качествѣ приватъ-доцента для чтенія въ будущемъ учебномъ году Финансоваго права и что г. Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, къ которому г. *Свирщевскій* обращался съ такимъ же прошеніемъ, дѣлалъ запросъ — настоятъ ли въ Лицеѣ надобность въ приватъ-доцентѣ для чтенія Финансоваго права, вслѣдствіе чего Его Сіятельство увѣдомленъ, что надобность настоятъ для чтенія не болѣе двухъ часовъ въ недѣлю. Приватъ-доцентъ *Левитскій*, читавшій въ последнее время въ Лицеѣ Политическую Экономію и Науку о Финансахъ 5 часовъ въ недѣлю, заявилъ, что для усиленія преподаванія желательно было бы имѣть въ Лицеѣ г. *Свирщевского*, какъ заявившаго себя въ наукѣ своимъ солиднымъ печатнымъ трудомъ; но ординарный профессоръ *Суворовъ* высказалъ противное мнѣніе, находя излишнимъ приглашать для этой цѣли еще приватъ-доцента въ виду того, что Лицей можетъ имѣть въ виду преподавателемъ на эту кафедру магистранта М. *Петрова* и что болѣе нуждается въ преподавателяхъ римскаго и русскаго гражданскаго и торговаго права, а

также гражданского судопроизводства, кафедры коиъ вакантны; къ мнѣнію профессора *Суворова* присоединился и профессоръ Богословія. Послѣ сего баллотировался вопросъ: нужно ли обезпечить на будущій годъ чтеніе въ Лицеѣ Финансоваго права новымъ приватъ-доцентомъ, при чемъ въ утвердительномъ смыслѣ высказались четыре члена Совѣта и въ отрицательномъ двое. **Опредѣ-**лили: Подвергнуть баллотированію г. Свирщевскаго для порученія ему въ будущемъ учебномъ году чтенія въ Лицеѣ Финансоваго права, по 2 часа въ недѣлю, съ вознагражденіемъ по 1000 р. въ годъ. Обыкновенный же профессоръ Суворовъ заявилъ, что онъ представитъ отдѣльное по сему вопросу мнѣніе.

13) Принятый въ число студентовъ Лицея въ февралѣ мѣсяцѣ сего года бывшій студентъ Императорскаго Московскаго Университета Владиміръ *Камерницкій* просилъ Совѣтъ допустить его нынѣ для окончанія курса до экзаменовъ только по Церковному и Финансовому праву, такъ какъ изъ этихъ только наукъ получилъ онъ на экзаменахъ въ Московскомъ Университетѣ неудовлетворительныя отмѣтки, имѣя въ остальныхъ наукахъ — удовлетворительныя, что подтверждается и представленнымъ *Камерницкимъ* свидѣтельствомъ отъ Московскаго Университета, отъ 1-го февраля сего года за № 1-мъ и увѣдомленіемъ Ректора Университета, отъ 27-го того же февраля за № 570. Спрошенный для разъясненія даннаго вопроса г. Ректоръ Московскаго Университета, отношеніемъ отъ 25 сего мая за № 1842, увѣдомилъ Лицей, что „Владиміръ *Камерницкій*, состоя студентомъ Юридическаго факультета, въ маѣ 1885 года, по экзамену (Исторіи Римскаго права 3, Политическая Экономія 3, Исторія Русскаго права и Энциклопедія права 3) переведенъ на 2-й курсъ. Затѣмъ, по введеніи новаго

устава, курсовые экзамены прекращены и замѣнены полугодовыми репетиціями съ зачетомъ полугодій. Окончательные же экзамены предоставлено студентамъ, вступившимъ въ Университетъ до новаго устава держать два раза въ году и при томъ необязательно и по выбору предметовъ самимъ студентомъ, съ тѣмъ, чтобы къ опредѣленному сроку, т. е. въ концѣ осьми зачетныхъ полугодій, экзамены по всѣмъ предметамъ должны быть сданы. *Камерницкій*, имѣя два незачтенныхъ полугодія, пробылъ лишній (5) годъ и въ теченіе всего времени (4 года) держалъ экзамены по отдѣльнымъ предметамъ. Не окончивъ удовлетворительно къ послѣднему сроку всѣхъ экзаменовъ, онъ не могъ получить аттестатъ. По обсужденіи сего, **Опредѣлили:** Признать Камерницкому окончательно сданными экзамены по предметамъ 1-го курса, по которымъ имѣются удовлетворительныя отмѣтки.

(Приложеніе къ ст. 3-й).

Сочиненіе, представленное г-номъ *Ледницкимъ* для соисканія степени кандидата, посвящено ученію объ акціонерныхъ компаніяхъ. Во введеніи авторъ устанавливаетъ отличительный характеръ акціонерныхъ товариществъ сравнительно съ другими видами товариществъ, съ полными товариществами и съ товариществами на вѣрѣ, и даетъ краткій историческій очеркъ возникновенія акціонерныхъ компаній на Западѣ и у насъ.

Догматическое изложеніе ученія объ акціонерныхъ компаніяхъ авторъ начинаетъ съ подробнаго анализа признаковъ, изъ которыхъ составляется опредѣленіе акціонернаго товарищества и особенно выдѣляетъ вопросы — является ли всякое акціонерное товарищество въ силу самой своей фирмы торговымъ товариществомъ, или нѣтъ,

а также вопросъ, есть ли акціонерное товарищество юридическое лицо или нѣтъ? Въ дальнѣйшемъ изложеніи въ послѣдовательности авторъ касается вопросовъ о возникновеніи акціонернаго товарищества, объ отношеніяхъ, возникающихъ между компаніею и акціонерами, объ управленіи компаніею, обрывая на этомъ свое изложеніе.

Хотя такимъ образомъ сочиненіе г-на Ледницкаго далеко не исчерпываетъ ученія объ акціонерныхъ товариществахъ, но и въ настоящемъ своемъ видѣ оно слишкомъ обширно въ ущербъ основательности въ особенности въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Авторъ далеко не ровно обработалъ различные отдѣлы своего сочиненія и матеріаль владѣлъ имъ, а не онъ матеріаломъ, что необходимо отнести отчасти на счетъ трудности самой темы избранной авторомъ. Юридическій характеръ акціонернаго товарищества недостаточно опредѣлился еще въ наукѣ и законодательствѣ, юридическая наука и законъ не уловили еще тѣхъ точныхъ юридическихъ признаковъ, которые присущи акціонерной формѣ товарищества, допускающей такое разнообразіе въ частностяхъ, которое дѣлаетъ весьма труднымъ юридическія обобщенія. Авторъ ограничился анализомъ тѣхъ опредѣленій, которыя имѣются въ западныхъ кодексахъ и въ нашемъ законодательствѣ, освѣтивъ эти опредѣленія теоретическими соображеніями, взятыми главнымъ образомъ изъ русской литературы объ акціонерныхъ товариществахъ.

Добросовѣстно изучивъ подлежащій матеріаль, авторъ доказалъ приспособленность къ теоретической работѣ, несомнѣнно восполнилъ самостоятельнымъ изученіемъ частнаго, весьма труднаго, вопроса свои свѣдѣнія въ области юриспруденціи и по моему мнѣнію исполнилъ то, что требуется отъ кандидата разсужденія.

Испр. д. доцента *Мар. Литинскій*.

(Приложеніе къ ст. 4-й).

О Т Ч Е Т Ъ

объ ученой командировкѣ въ С.-Петербургъ, исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея В. Щеглова съ 5 января по 5-е февраля 1890 года.

Комитетъ 6 декабря 1826 г., изученіе дѣлъ котораго составляло предметъ моихъ занятій въ послѣднюю командировку мою въ Петербургъ, былъ учрежденъ Императоромъ Николаемъ I-мъ съ цѣлью пересмотра всѣхъ учрежденій Александра I-го. Поэтому въ него были препровождены, прежде всего, всѣ бумаги, принадлежавшія важнѣйшимъ дѣятелямъ всего александровскаго царствованія и найденныя въ кабинетѣ Александра I-го послѣ его смерти. Но кромѣ того, сюда же поступила и масса разнаго рода мнѣній и проектовъ о необходимыхъ преобразованіяхъ во всѣхъ учрежденіяхъ эпохи Александра I-го, которые были поданы въ Комитетъ разными лицами уже во время учрежденія Комитета. Всѣ эти дѣла Комитета хранились съ 1826 г. и хранятся и теперь въ Канцеляріи Государственнаго Совѣта (въ Маріинскомъ Дворцѣ), не были до сихъ поръ доступны для ученыхъ изслѣдованій, и я могъ воспользоваться ими, лишь благодаря ходатайству Его Сіятельства, г. Министра Народнаго Просвѣщенія, графа Ивана Давыдовича Делянова предъ Его Высокопревосходительствомъ, Государственнымъ Секретаремъ, Александромъ Александровичемъ Половцевымъ ¹⁾, который разрѣшилъ мнѣ заниматься дѣ-

---

1) По иниціативѣ А. А. Половцева дѣла Комитета 6 декабря 1826 г. теперь разбираются, систематизируются и приготавливаются къ печати Д. А. Филосовымъ, который много помогъ мнѣ при моихъ занятіяхъ дѣлами Комитета.

лами Комитета, непосредственно относящимися къ моей работѣ. Изъ всѣхъ дѣлъ Комитета 6 декабря 1826 года представляющихъ собою драгоценный архивный матеріалъ для всей исторіи русскаго управленія, особенно же учрежденій времени Александра 1-го, а также и Николая 1-го, центральныхъ и мѣстныхъ, я обратилъ вниманіе исключительно на тѣ бумаги, въ которыхъ идетъ рѣчь о центральныхъ учрежденіяхъ вообще, а въ особенности о Государственномъ Совѣтѣ при Александрѣ 1-мъ. Такимъ образомъ я ознакомился съ собственноручной запиской Императора Павла 1-го объ управленіи, его „Предначертаніями о разныхъ Государственныхъ должностяхъ“ и съ двумя интересными записками неизвѣстныхъ лицъ „о лучшемъ устройствѣ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ“ и — „о томъ, что всего болѣе заслуживаетъ вниманія Государственнаго Совѣта“. Далѣе я обратилъ вниманіе на письмо Сенатора Павла Сумарокова къ Николаю Павловичу, въ которомъ авторъ указываетъ на существенные недостатки въ высшемъ управленіи при Александрѣ 1-мъ и — на двѣ записки графа Кочубея: „О положеніи имперіи и о мѣрахъ къ прекращенію безпорядковъ“ и „О введеніи лучшаго устройства въ разныхъ отрасляхъ, правительство составляющихъ“. Особенно важнымъ и цѣннымъ представляется въ дѣлахъ Комитета „Разсужденіе о средствахъ исправленія учрежденій и законодательства въ Россіи“, принадлежащее Балугьянскому, который руководствуется при разрѣшеніи этого вопроса опытомъ западно-европейскихъ государствъ, рассматриваетъ отношеніе Государственнаго Совѣта времени Александра 1-го къ Комитету Министровъ, Сенату и Министерствамъ и, между прочимъ, устанавливаетъ различіе между законами и указами. До сихъ поръ неизвѣстное „Обозрѣніе гражданскихъ установленій“ графа

Сперанскаго, хранящееся въ дѣлахъ Комитета, содержитъ въ 1-й своей части планъ Сперанскаго о преобразованіи всего управленія. Вторая часть этого обширнаго труда графа Сперанскаго сходна съ его „Государственными установленіями“, помѣщенными въ Архивѣ юридическихъ и практическихъ свѣдѣній Калачева (т. III), но только эта вторая часть „Гражданскихъ установленій“ Сперанскаго полнѣе его послѣдняго сочиненія „Записка о слѣдствіяхъ учрежденія Министерствъ и Государственнаго Совѣта“ разсматриваетъ взаимное отношеніе этихъ учреждений при Александрѣ 1-мъ. „Записка объ устройствѣ верховныхъ правительственныхъ мѣстъ въ Россіи“ графа Дибича представляетъ собою подробный и обстоятельный историческій очеркъ организаціи высшихъ учреждений въ Россіи, начиная съ Боярской Думы и оканчивая Государственнымъ Совѣтомъ 1810 года, при чемъ авторъ долго останавливается на взаимномъ соотношеніи между Комитетомъ Министровъ, Сенатомъ, Министерствами и Государственнымъ Совѣтомъ по учрежденію 1810 года. Кромѣ всѣхъ этихъ дѣлъ я просматривалъ еще „Проектъ системы управленія“ графа Баранова, напечатанный въ Архивѣ Калачева, но только безъ имени автора, „Замѣчанія Пельчинскаго о разныхъ отрасляхъ управленія въ Россіи“ (на французскомъ языкѣ) и многія другія бумаги Комитета, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе къ приготавлируемому мною къ печати труду о Государственномъ Совѣтѣ въ царствованіе Александра 1-го. Ярославль. 28 мая 1890 года.

(Приложеніе къ ст. 11-й).

Сочиненіе на тему: „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ со введенія христіанства до XVІІІ в.“, представленное для

соисканія золотой медали, имѣетъ своимъ предметомъ организацію мѣстныхъ округовъ, на которые подраздѣлялись русскія епархіи. Прѣжде чѣмъ приступить къ изслѣдованію этого предмета, авторъ во введеніи къ своему труду сообщаетъ нѣсколько свѣдѣній относительно историческаго хода развитія епархіальной организаціи въ древней христіанской церкви какъ на востокѣ, такъ и на западѣ съ тою цѣлью, чтобы объяснить, почему древне-русская епархія должна была организоваться на подобіе не византійскихъ, а западно-европейскихъ епархій, съ образованіемъ мѣстной инстанціи, посредствующей между епархіальнымъ правительствомъ и отдѣльными приходами. Авторъ доказываетъ именно, не вдаваясь впрочемъ въ самостоятельное изслѣдованіе, а основываясь большею частію на первомъ томѣ моего курса церковнаго права, что обширность русскихъ епархій, въ отличіе отъ греческихъ и въ совершенное соотвѣтствіе западно-европейскимъ, дѣлала невозможною непосредственную связь отдѣльных приходовъ съ отдаленнымъ епархіальнымъ городомъ по всѣмъ предметамъ церковной администраціи и церковнаго суда и съ необходимостью вызвала возникновеніе мѣстной посредствующей инстанціи. Приступивъ затѣмъ къ разсмотрѣнію самого предмета изслѣдованія, авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ онъ изложилъ, по его собственному выраженію, соціально-экономическое положеніе низшаго духовенства, при чемъ изобразилъ ту самую среду, въ которой должна была дѣйствовать низшая церковно-правительственная инстанція. Говоря проще, авторъ показалъ въ двухъ главахъ этого перваго отдѣла, въ какомъ положеніи находилось приходское духовенство относительно прихожанъ и относительно епархіальныхъ архіереевъ, и поступилъ вполнѣ правильно, хотя моти-

вировалъ принятый имъ порядокъ изложенія вполне неудачно. Изображеніе соціально-экономическаго положенія духовенства нужно было, по словамъ автора, въ виду того, что, „та или другая организація мѣстнаго епархіальнаго управленія вліяла на положеніе низшаго духовенства“, но въ такомъ случаѣ последовательность требовала бы изобразить сначала организацію мѣстнаго управленія и затѣмъ установить причинную связь между переменными въ этой организаціи и между переменными въ положеніи духовенства. На самомъ дѣлѣ авторъ объ этомъ не думалъ и не имѣлъ надобности думать: очеркъ положенія духовенства относительно прихожанъ и епархіальныхъ архіереевъ ему нужно было предпослать своему изслѣдованію, какъ онъ и поступилъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ неосѣдлая жизнь духовенства, при полной свободѣ прихожанъ принимать къ себѣ на службу духовныхъ лицъ и отказывать имъ отъ службы, а съ другой стороны тяглыя отношенія духовенства къ епархіальному архіерею, которому оно платило дань и массу пошлинъ подъ самыми разнообразными названіями, создавали наибольшую часть тѣхъ дѣлъ, которыя входили въ компетенцію низшей административно-судебной инстанціи въ русскомъ церковномъ устройствѣ. Два слѣдующіе отдѣла, въ которыхъ лежитъ центръ тяжести цѣлаго изслѣдованія, посвящены разсмотрѣнію самыхъ органовъ мѣстнаго епархіальнаго управленія: во второмъ отдѣлѣ говорится о свѣтскихъ органахъ мѣстнаго епархіальнаго управленія, въ третьемъ — о духовныхъ органахъ, при чемъ тотъ и другой отдѣлы подраздѣляются на нѣсколько главъ. Во второмъ отдѣлѣ три главы: въ одной говорится о намѣстникахъ, въ двухъ остальныхъ о десятильникахъ, съ подраздѣленіемъ исторіи этого института на два періода — до стоглава и послѣ стоглава. Третій отдѣлъ содержитъ въ себѣ четыре

главы: объ архимандритахъ и игуменахъ, о протопопахъ, о поповскихъ старостахъ съ заащиками и десятскими священниками и о духовныхъ правленіяхъ съ инквизиторами. Въ вопросѣ о времени проникновенія свѣтскаго служилаго элемента въ епархіальное управленіе авторъ обнаружилъ довольно непохвальную неустойчивость. Въ предисловіи къ своему сочиненію онъ заявилъ, что до второй половины XVI в., въ силу особенныхъ условій русской исторической жизни, все низшее церковное управленіе находилось въ рукахъ свѣтскихъ лицъ, съ половины же XVI в., хотя свѣтскія лица и продолжаютъ господствовать въ мѣстномъ управленіи епархіей, но рядомъ съ ними возникаютъ и духовные органы, которыми постепенно вытѣсняются свѣтскіе органы, пока наконецъ во второй половинѣ XVII в. свѣтскія лица совсѣмъ не исчезли изъ церковнаго управленія. Напротивъ въ спеціальныхъ главахъ, посвященныхъ намѣстникамъ и десятильникамъ, авторъ говоритъ, что въ домонгольскій періодъ намѣстники выбирались изъ духовныхъ лицъ; равнымъ образомъ, что касается десятильниковъ, онъ, въ противность мнѣнію Голубинскаго и Никитскаго, раздѣляетъ мнѣніе Каптерева, что десятильники сначала были духовныя лица и только позднѣе стали назначаться изъ архіерейскихъ служилыхъ людей, дѣлая, впрочемъ, оговорку относительно Новгорода, согласно съ Никитскимъ, что архіерейское управленіе владыки новгородскаго, вслѣдствіе роли, которую этотъ послѣдній игралъ въ политическихъ и гражданскихъ дѣлахъ Новгорода, уже съ XII в. приняло свѣтскій характеръ, такъ что десятильники очень рано стали назначаться тамъ изъ свѣтскихъ лицъ. Наконецъ, въ заключеніе своего труда авторъ опять довольно неожиданно заявляетъ, что до XIV в. органами низшаго церковнаго управленія были

намѣстники и десятильники, при чемъ тѣ и другіе назначались изъ духовныхъ лицъ“. Эта сбивчивость, конечно, извиняется до нѣкоторой степени отсутствіемъ твердыхъ историческихъ данныхъ для сужденія о домонгольскомъ періодѣ русской исторіи, вслѣдствіе чего даже и люди, болѣе опытные, чѣмъ авторъ разсматриваемаго сочиненія, въ разработкѣ вопросовъ, относящихся до древне-русской юридической жизни, бывають вынуждены прибѣгать къ гипотезамъ, оспариваемымъ другими учеными; но указанное обстоятельство не избавляло автора отъ обязанности быть послѣдовательнымъ себѣ самому. Тѣ же самые факты и свидѣтельства, которые трудолюбиво собраны авторомъ въ его изслѣдованіи, могли бы поставить его на болѣе твердую точку зрѣнія въ сужденіи объ институтахъ намѣстниковъ и десятильниковъ. Въ отношеніи къ первому трудно дѣлать какія либо обобщенія. Самому автору не безъизвѣстно, что намѣстники назначались только въ значительные города епархіи; это бывало именно въ тѣхъ случаяхъ, когда пригороды, какъ Псковъ и Владиміръ, пріобрѣтали значеніе городовъ, или когда митрополитъ оставлялъ прежнюю резиденцію и перемѣщался въ новую, оставляя въ прежнемъ кафедральномъ городѣ своего замѣстителя. Возможно поэтому, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ совсѣмъ не было намѣстниковъ, какъ замѣстителей епископа въ обширномъ территоріальномъ округѣ, который, самъ по себѣ, могъ бы составить епархію, но, по разнымъ причинамъ, не составлялъ ея. Отсюда легко объясняется то обстоятельство, что упоминаемые въ доступныхъ и извѣстныхъ исторической наукѣ памятникахъ намѣстники всѣ наперечетъ извѣстны. Послѣ того какъ Кіевъ пересталъ служить резиденціей кіевского митрополита, здѣсь остался въ качествѣ его замѣстителя, намѣстникъ. Въ то время

когда Владиміръ настолько выдвинулся въ политическомъ отношеніи, что старшій его Суздаль отступилъ предъ нимъ на задній планъ, епископъ владимірскій имѣлъ своего намѣстника въ Суздаль, а когда митрополитъ все-россійскій, послѣ кратковременнаго пребыванія во Владимірѣ, переселился въ Москву, Владиміръ остался резиденціей митрополитскаго намѣстника. Далѣе о новгородскомъ владыкѣ извѣстно, что онъ имѣлъ своихъ намѣстниковъ въ Псковѣ и въ Двинской землѣ, т. е. въ обширныхъ волостяхъ, которыя могли бы составить территоріальный округъ для особаго княжества и для особаго епископства. Обобщеніе этихъ извѣстныхъ наукъ данныхъ о древнерусскихъ епископскихъ намѣстникахъ представляется затруднительнымъ потому, что напр. кievскій намѣстникъ, за все время его историческаго существованія, былъ духовнымъ лицомъ, а напротивъ псковскій намѣстникъ съ XII в., т. е. опять за все время его исторически-извѣстнаго существованія, былъ изъ софіянъ, т. е. изъ бояръ и боярскихъ дѣтей новгородскаго владыки. Истина въ колеблющихся положеніяхъ автора заключается въ томъ, что мѣстный епархіальный органъ, въ собственномъ смыслѣ, десятильникъ, съ XIV-го до XVII-го вѣка дѣйствительно назначался епархіальными архіереями изъ ихъ боярскихъ дѣтей. Автору хорошо извѣстно это обстоятельство, и онъ объясняетъ его совершенно правильно расширеніемъ архіерейскихъ земельных владѣній, которое не могло быть дѣломъ одного или двухъ столѣтій со времени введенія христіанства въ Россіи. Владѣя огромною поземельною собственностью, говоритъ авторъ, епископы нуждались въ управителяхъ своими вотчинами, для которыхъ, конечно, не было надобности быть духовными лицами, а разъ при епископахъ явились свѣтскіе чиновники, при смѣщеніи всѣхъ

сферъ управленія, господствовавшихъ тогда на Руси, совершенно естественно было, что архіереи стали поручать своимъ свѣтскимъ служилымъ людямъ и епархіальныя дѣла, тѣмъ болѣе что одна изъ важнѣйшихъ функцій мѣстныхъ епархіальныхъ органовъ — финансовая: съ точки зрѣнія епископскихъ интересовъ, могла быть болѣе удовлетворительно исполняема свѣтскимъ лицомъ, чѣмъ духовнымъ. Духовенство, какъ тяглое въ отношеніи къ архіерею сословіе, было обложено данью и разнообразными пошлинами въ пользу архіереевъ, каковы: ставленныя, патрахильныя и оранныя, отпускныя, благословенныя или переходныя, новичныя, крестцовыя, явленная куница и проч. и проч. и въ пользу архіерейскихъ служителей, какъ-то: людское, полюдная пшеница и т. д. Эта финансовая функція не могла, какъ говоритъ авторъ, ввѣряться духовнымъ лицамъ, которыя, вслѣдствіе общности ихъ интересовъ съ интересами тѣхъ, съ которыхъ взыскивались подати, болѣе стремились бы къ облегченію положенія своего сословія, чѣмъ заботились бы объ архіерейскихъ интересахъ, между тѣмъ какъ свѣтскія лица, не имѣя никакихъ общихъ интересовъ съ переданнымъ имъ вѣдѣнію духовенствомъ и боясь за свою должность, которая, при системѣ правленія была очень выгодна, точно исполняли приказанія епископовъ. — Выбравшись наконецъ изъ области болѣе или менѣе рискованныхъ предположеній на твердую почву историческихъ фактовъ и свидѣтельствъ, авторъ становится устойчивымъ въ своихъ положеніяхъ и съ солиднымъ знаніемъ дѣла слѣдитъ за исторіей института десятильниковъ вплоть до конца XVІ столѣтія, а равнымъ образомъ за исторіей мѣстной епархіальной инстанціи вообще, т. е. тѣхъ духовныхъ органовъ (архимандритовъ, протопоповъ, поповскихъ старостъ), которые, по буквѣ стоглава, еще

съ половины XVI в., въ дѣйствительности же не ранѣе XVII столѣтія, ограничили десятильниковъ въ ихъ обширномъ кругѣ вѣдомства, оставивъ имъ лишь судъ по дѣламъ гражданскимъ, подвѣдомственнымъ церкви въ древней Руси, и, слѣдовательно, отстранивъ ихъ какъ отъ суда по духовнымъ дѣламъ, такъ и отъ духовной администраціи по надзору за благочиніемъ, по сбору дани и пошлинъ съ тяглаго духовенства и проч. Исторію этой духовной въ собственномъ смыслѣ инстанціи авторъ довелъ до второй половины прошлаго столѣтія, когда такъ называемыя духовныя правленія, которыми вѣдались мѣстные епархіальные округа, соотвѣтствовавшіе древне-русскимъ десятинамъ, подъ этимъ же самымъ названіемъ десятинъ, или подъ названіемъ заказовъ, стали постепенно исчезать вслѣдствіе того, что не были включены въ екатерининскіе штаты 1764 года и такимъ образомъ не получили матеріальныхъ средствъ къ существованію наравнѣ съ другими церковными учрежденіями.

Къ недостаткамъ разсматриваемаго сочиненія, кромѣ вышеуказанныхъ, нужно причислить нѣкоторую небрежность во внѣшней отдѣлкѣ какъ со стороны стилистической, такъ и со стороны грамматической; впрочемъ недостатокъ тщательности въ послѣднемъ отношеніи долженъ быть отнесенъ, по всей вѣроятности, на счетъ переписчика. Несомнѣнныя достоинства этого труда состоятъ въ томъ, что авторъ, располагая значительнымъ для студента историческимъ знаніемъ, разсмотрѣлъ предметъ своего изслѣдованія обстоятельно, и при томъ въ связи съ тою общественною средою, въ которой должна была дѣйствовать низшая административно-судебная инстанція древне-русскаго церковнаго устройства. Авторъ обнаружилъ не только достаточное знакомство съ литературой, какъ-то съ сочиненіями Знаменскаго, Голубинскаго, Ни-

китскаго, Каптерева, Розанова и др., но и, что всего похвальнѣе, усердіе и умѣнье отыскивать и употреблять съ пользою непосредственный историческій матеріалъ, почерпаемый изъ самыхъ первоначальныхъ источниковъ. Въ сочиненіи находится свыше 400 цитатъ, и именно не голословныхъ указаній на такія или другія мѣста въ источникахъ, знакомство съ которыми могло бы быть подвергаемо въ авторѣ большому или меньшему сомнѣнію, а большею частію съ подлинными выдержками изъ цитируемыхъ свидѣтельствъ. Авторъ хорошо знакомъ съ Актами Историческими и съ Дополненіями къ нимъ, съ Актами Археографической Экспедиціи, съ Актами Юридическими и съ Актами, до юридическаго быта относящимися, съ Стоглавомъ, съ Актами западной Россіи, съ Полнымъ Собраніемъ Законовъ россійской имперіи и съ Полнымъ Собраніемъ постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія. Иногда авторъ не безъ успѣха полемизируетъ съ извѣстными учеными, какъ напр. съ профессоромъ казанской духовной академіи Знаменскимъ, по мнѣнію котораго юго-западныхъ епархій дѣлились на намѣстничества, а намѣстничества подраздѣлялись на протопопіи, тогда какъ по мнѣнію автора, и въ самомъ дѣлѣ болѣе правильному, означенныя епархіи дѣлились только на протопопіи. Положительными качествами разсматриваемаго труда на столько перевѣшиваютъ его отрицательныя стороны, что я находилъ бы вполне справедливымъ награжденіе его автора золотою медалью. 18 марта 1890 года.

1890 года мая 30 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. Шилевскаго, присутствовали: ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ; профессоръ Бо-

гословія А. П. Лавровъ; и. д. экстраординарныхъ профессоръ А. Н. Лодыженскій, В. Г. Щегловъ и А. Е. Назимовъ; и. д. доцентовъ М. А. Липинскій и А. Е. Минервинъ; приватъ-доценты В. Ф. Левитскій и П. Θ. Бестужкинъ. Не присутствовали: ординарный профессоръ Л. С. Бьлогрицъ-Котляревскій и приватъ-доцентъ князь Е. Н. Трубецкой по нахожденію въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. По прочтеніи журнала Совѣта предшествовавшаго засѣданія, слушалось, прилагаемое при семъ, особое мнѣніе ординарнаго профессора *Суворова* по вопросу объ избраніи г. *Свирщевскаго* приватъ-доцентомъ для чтенія въ будущемъ учебномъ году въ Лицеѣ Финансоваго права. По выслушаніи предложенъ былъ г. Директоромъ вопросъ: остается-ли Совѣтъ при прежнемъ рѣшеніи своемъ о Свирщевскомъ, или соглашается съ г. Суворовымъ. По голосованію оказалось полное согласіе наличныхъ членовъ Совѣта, кромѣ одного профессора Суворова, съ прежнимъ рѣшеніемъ, т. е. +5 — 1. Баллотировка дала тѣже результаты. **Опредѣлили:** Считать г. Свирщевскаго избраннымъ для чтенія въ будущемъ учебномъ году въ Лицеѣ Финансоваго права по 2 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ въ тысячу (1000) рублей въ годъ, представивъ о всемъ изложенномъ какъ въ настоящемъ журналѣ, такъ и въ журналѣ 28 сего мая на утвержденіе Его Сіятельства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

3. Въ дополненіе къ ст. 7-й журнала Совѣта 28-го сего мая испр. долж. доцента Лицея М. А. *Липинскій* заявилъ: Съ самаго преобразованія Лицея въ учебное заведеніе, пользующееся одинаковыми правами съ университетами, въ числѣ студентовъ Лицея всегда былъ большій или меньшій контингентъ студентовъ, начавшихъ образованіе въ Университетахъ и перешедшихъ въ Лицей послѣ нѣкотораго времени пребыванія въ Университетѣ. Наплывъ университетскихъ студентовъ по временамъ усиливался, или наоборотъ уменьшался въ зависимости отъ различныхъ условій, и нельзя думать, что Лицей принималъ изъ Университетовъ однихъ неудачниковъ въ учебномъ смыслѣ, или лицъ почему либо считающихъ прохожденіе курса въ Лицеѣ и полученіе здѣсь аттестата болѣе легкимъ, требующимъ меньшей затраты труда. Многіе изъ молодыхъ людей бѣгутъ изъ большихъ городовъ къ намъ въ глухую провинцію въ виду дешевизны здѣшней жизни, въ виду отсутствія для студента необходимости отвлекаться отъ его прямыхъ обязанностей, для поддержанія своего существованія, въ меньшей степени здѣсь, чѣмъ въ столицахъ и большихъ городахъ. Молодые люди, пользующіеся достаткомъ, не умѣющие воздержаться отъ соблазновъ шумной столичной жизни, равно какъ и студенты, не умѣющие охранить себя отъ тревогъ, которыя вносятъ въ университетскую жизнь злополучныя, столь часто повторяющіяся въ послѣднее время, такъ называемыя, студенческія исторіи, ищутъ и находятъ въ Лицеѣ болѣе соотвѣтствующую обстановку для продолженія начатаго образованія. Если такимъ образомъ, какъ я думаю, университетскіе слушатели, переходящіе въ Лицей, вносятъ къ намъ здоровый элементъ въ такой мѣрѣ, что это отражается благотворно на весь контингентъ учащихся, то переходъ универ-

ситетскихъ слушателей долженъ быть не затрудненъ, а, напротивъ, по возможности облегченъ, онъ долженъ быть признанъ желательнымъ не только съ точки зрѣнія интересовъ Лицея, но и съ болѣе общей точки зрѣнія пользы и нужды русской учащейся молодежи. Между тѣмъ, до настоящаго времени лицейская практика относительно университетскихъ студентовъ въ Лицеѣ переходящихъ, можетъ оказаться несоотвѣтствующей высказанному взгляду. До введенія въ дѣйствіе новаго университетаго устава 1884 г., студенты переходящіе изъ юридическихъ факультетовъ, на основаніи § 13 правилъ для студентовъ Лицея, утвержденныхъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ 1883 году, зачислялись въ Лицеѣ на тотъ курсъ, на которомъ они числились въ Университетѣ до перехода, такъ что напр. студентъ 4-го курса Московскаго Университета и у насъ зачислялся на 4-й курсъ. Новый уставъ Россійскихъ Университетовъ уничтожилъ дѣленіе преподаванія по курсамъ и ввелъ, такъ называемыя, полугодія (ст. 77 унив. уст.). Въ силу этой реформы чтенія въ Университетахъ не принаровлены къ курсамъ и студентъ, изъ Университета переходящій, не является студентомъ какого-либо опредѣленнаго курса. До настоящаго времени, въ виду этого, студентъ, изъ Университета переходящій, зачислялся у насъ на 1-й курсъ, т. е. приравнивался лицу только что окончившему среднее учебное заведеніе. Время, проведенное этимъ лицомъ въ Университетѣ, принималось въ расчетъ только въ томъ отношеніи, что, если время, проведенное въ Университетѣ и у насъ, въ сложности, составляло два года, то такому лицу разрѣшалось, подобно тому какъ и студенту, пробывшему въ Лицеѣ два года на 1-мъ курсѣ, соединять экзамены за два курса и, послѣ удовлетворительно сданныхъ экзаменовъ, быть за-

численнымъ студентомъ 3-го курса. Дальнѣйшее прохожденіе лицейскаго курса для означеннаго лица должно было быть одинаково какъ и для студентовъ Лицея, т. е. это лицо не могло, на основаніи § 40 правилъ для студентовъ Лицея 1883 г., перейдя на 3-й курсъ, приступить къ экзамену выпускному, ранѣе какъ чрезъ два года, независимо уже отъ того сколько времени это лицо изучало юридическія науки въ Университетѣ и въ Лицеѣ. Студентъ, которому въ Университетѣ зачтено было 6 полугодій, т. е. студентъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ удовлетворительно занимавшійся въ Университетѣ и пожелавшій почему либо перейти къ намъ, при точномъ соблюденіи указаннаго порядка, не могъ ранѣе окончить курсъ какъ черезъ три года. Студентъ, исполнившій всѣ возложенныя на него обязанности и въ Университетѣ и въ Лицеѣ, безъ всякой съ его стороны вины, только въ силу факта перехода изъ Университета въ Лицей, долженъ былъ кончать курсъ не въ нормальный четырехлѣтній періодъ, принятый какъ новымъ Университетскимъ уставомъ, такъ и нашими правилами, а въ пятилѣтній. Ненормальность и несправедливость такого порядка въ такой мѣрѣ сознавалась лицейскимъ начальствомъ, что, вопреки § 40 правилъ, тѣмъ изъ студентовъ 3 курса, которые перешли изъ Университета и подвергались экзамену въ Лицеѣ изъ первыхъ двухъ курсовъ, разрѣшалось черезъ годъ, а не черезъ два, какъ того требуютъ правила, держать экзаменъ изъ предметовъ 3 и 4 курсовъ. Такъ какъ студенты, изъ Университетовъ перешедшіе, не были выдѣлены въ особую группу по отношенію къ экзаменамъ, и, перейдя на 3 курсъ, становились въ рядъ съ прочими студентами, въ Университетахъ не бывшими, то отступленіе отъ правилъ, имѣвшее по отношенію къ бывшимъ университетскимъ

слушателямъ указанной категоріи, вполне разумное основаніе, вызвало желаніе и прочихъ студентовъ 3 курса, не бывшихъ въ Университетахъ, но пробывшихъ почему либо три года, вмѣсто двухъ, на первыхъ двухъ курсахъ Лицея, подвергнуться выпускному экзамену также черезъ годъ послѣ перехода на третій курсъ. Выслушавъ въ прошломъ засѣданіи Совѣта предложеніе ординарнаго профессора Суворова гдѣ съ такою точностію и послѣдовательностію изложены педагогическія соображенія, по которымъ такого рода желанія студентовъ не могутъ подлежать удовлетворенію, освобождаеть меня отъ необходимости доказывать весь вредъ, который получился бы отъ произвольнаго сокращенія студентами сроковъ, положенныхъ на изученіе предметовъ по отдѣльнымъ курсамъ. Совѣтъ призналъ необходимымъ въ точности соблюдать правило, по которому студентъ даннаго курса не можетъ ранѣе какъ черезъ два года приступить къ экзамену изъ предметовъ слѣдующихъ двухъ курсовъ. Я не раздѣляю мнѣнія профессора Суворова, что университетскіе студенты должны быть подведены подъ одну категорію съ студентами Лицея въ этомъ отношеніи и полагаю, что необходимость, давно сознаваемая, въ отступленіи отъ правилъ для студентовъ этой категоріи, имѣетъ свое основаніе. Въ послѣдующемъ я буду имѣть честь представить на усмотрѣніе Совѣта тѣ соображенія, по которымъ порядокъ, принятый относительно зачисленія студентовъ, изъ Университетовъ переходящихъ, долженъ быть признанъ неправильнымъ, потому что этотъ именно порядокъ создаетъ тѣ затрудненія, для избѣжанія которыхъ и понадобилось отступленіе отъ правилъ, всегда въ принципѣ не желательное. Обращаясь къ тѣмъ порядкамъ, которые установлены уставомъ Россійскихъ Университетовъ, мы видимъ, что зачетъ полугодій тѣмъ от-

личается отъ прежнихъ курсовыхъ испытаній, что зачетъ этотъ не является окончательнымъ удостовѣреніемъ въ тѣхъ познаніяхъ, которыя требуются для полученія званія или ученой степени; но зачетъ этотъ, какъ это слѣдуетъ изъ ст. 78 универс. устава, удостовѣряетъ: а) что студентъ выслушалъ число лекцій не менѣе установленной правилами нормы, б) что онъ подвергался установленнымъ повѣрочнымъ испытаніямъ, в) что онъ участвовалъ въ практическихъ занятіяхъ и т. п. Зачетъ полугодій, не давая студентамъ никакихъ правъ на званіе или степень, удостовѣряетъ однако, что студентъ исполнялъ всѣ возложенныя на него правилами обязанности, изучалъ и занимался удовлетворительно. Мнѣ кажется, поэтому, что представляется неправильнымъ, при переходѣ студента въ Лицей совершенно игнорировать зачетъ полугодій и уравнивать студента, которому зачтено нѣсколько полугодій, съ окончившимъ одно среднее образованіе. Студентъ, которому зачтено нѣсколько полугодій, по моему, долженъ считаться одинаково подготовленнымъ къ слушанію предметовъ 2 курса, какъ и студентъ прошедшій 1-й курсъ Лицея и поэтому студентъ, имѣющій свидѣтельство о зачетѣ двухъ полугодій, долженъ быть зачисленъ не на 1-й, а на 2-й курсъ. Особенность его положенія, сравнительно съ нашими студентами, можетъ заключаться только въ томъ, что онъ не подвергался окончательному на званіе или степень экзамену изъ предметовъ 1-го курса. Для перевода такого студента на 3-й курсъ, т. е. для допущенія его къ окончательному испытанію на степень или званіе изъ предметовъ 2 курса, отъ него необходимо потребовать предварительнаго выдержанія экзамена изъ предметовъ 1 курса, потому что иначе и испытанію изъ предметовъ 2-го нельзя придать того значенія, которое это испытаніе имѣетъ по нашимъ

правиламъ. Но относительно всѣхъ своихъ занятій во время года, относительно посѣщенія лекцій, участія въ практическихъ занятіяхъ, семинаріяхъ и т. д. студентъ этотъ долженъ быть уравненъ съ студентами 2 курса. Студентъ этой категоріи является, слѣдовательно, студентомъ 2-го курса, имѣющимъ право, по выдержаніи экзаменовъ изъ предметовъ 1-го курса, приступить въ тотъ же годъ къ экзаменамъ и изъ предметовъ 2-го курса. Такъ какъ по правиламъ, студентъ долженъ оставаться на курсѣ не менѣе года и не болѣе двухъ лѣтъ, то студентъ этой категоріи въ годъ или въ два года долженъ выдержать экзаменъ изъ предметовъ первыхъ двухъ курсовъ, въ противномъ случаѣ онъ, на общемъ основаніи, долженъ быть уволенъ изъ Лицея. Совершенно тѣмъ же порядкомъ разрѣшается вопросъ и относительно студентовъ, изъ Университетовъ переходящихъ, которымъ зачтены четыре, шесть и восемь полугодій. Они также должны быть зачислены на тотъ курсъ, который соотвѣтствуетъ зачтеннымъ полугодіямъ, и также для перехода ихъ на слѣдующій высшій курсъ должны въ двухгодичный срокъ, въ порядкѣ послѣдовательности группъ, выдержать экзаменъ изъ предметовъ предшествовавшихъ курсовъ. При такомъ порядкѣ, студентъ, которому зачтены шесть полугодій въ Университетѣ, можетъ, безъ опасности потерять годъ, перейти къ намъ, между тѣмъ какъ при зачисленіи студентовъ, изъ Университетовъ переходящихъ на 1-й курсъ и при распространеніи на нихъ правилъ для лицейскихъ студентовъ, онъ долженъ потерять не менѣе двухъ лѣтъ, а при нынѣ практиковавшемся отступленіи отъ правилъ — не менѣе года. Измѣненіе принятаго порядка тѣмъ болѣе необходимо, что съ нынѣшняго года въ Университетахъ, какъ мнѣ извѣстно, держали окончательныя испытанія, или будутъ держать таковыя, осенью,

въ силу чего Лицей обязанъ будетъ, на основаніи § 13 правилъ, не только принимать этихъ студентовъ на соответствующій курсъ, но и засчитывать отмѣтки, полученные ими на переходныхъ курсовыхъ экзаменахъ. Въ виду всего вышеизложеннаго, я предлагаю на будущее время зачислять студентовъ, изъ Университетовъ переходящихъ, на тотъ изъ лицейскихъ курсовъ, который непосредственно слѣдуетъ за зачтенными студенту полугодіями, считая два зачтенныхъ полугодія за курсъ и предоставлять студентамъ этой категоріи право подвергаться экзамену на слѣдующій высшій курсъ не иначе, какъ по выдержаніи ими окончательнаго испытанія изъ предметовъ предшествовавшихъ курсовъ въ порядкѣ и послѣдовательности группъ, въ одно время со студентами соответствующихъ курсовъ, при соблюденіи правила, что студентъ, пробывшій на курсѣ два года и не приступившій къ экзаменамъ для перехода на высшій курсъ, увольняется изъ Лицея. Такого рода порядокъ, какъ мнѣ кажется, является результатомъ точнаго толкованія значенія зачета полугодій и правилъ для студентовъ Лицея 1883 г., утвержденныхъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. — По выслушаніи предложенія г. Липинскаго, ординарный профессоръ Суворовъ заявилъ, что 1) проектъ г. Липинскаго вводитъ уравненіе двухъ несоизмѣримыхъ величинъ — университетскихъ семестровъ, на которыхъ учащіеся не получаютъ окончательныхъ отмѣтокъ, и лицейскихъ курсовъ, гдѣ послѣдующими курсами необходимо предполагаются отмѣтки предшествующихъ курсовъ, такъ что нельзя напр. быть на 3 курсѣ, не имѣя отмѣтокъ по двумъ предшествовавшимъ курсамъ. Такъ какъ практикующійся въ настоящее время курсовой порядокъ въ Лицеѣ тождественъ съ прежнимъ университетскимъ, то, слѣдовательно, предложеніе М. А.

Липинскаго клонится къ уравнинію университетскихъ курсовъ устава 1863 г. и университетскихъ семестровъ 1883 г., что не можетъ входить въ компетенцію Совѣта Лицея; 2) что для университетскихъ студентовъ, прослушавшихъ шесть семестровъ, поступившихъ затѣмъ, согласно предположенію г-на Липинскаго, на четвертый курсъ и обязанныхъ въ два года непременно сдать экзамены за всѣ четыре курса, вмѣсто облегченія получится затрудненіе въ окончаніи лицейскаго курса; такъ какъ, судя по опыту, многіе изъ бывшихъ университетскихъ студентовъ оказываются не въ состояніи сдавать экзамены за два курса разомъ и довольствуются переходомъ съ курса на курсъ, подобно всѣмъ другимъ студентамъ Лицея, и, слѣдовательно, принудительная сдача экзаменовъ за всѣ четыре курса непременно въ два года была бы равносильна отнятію у многихъ студентовъ возможности окончить юридическое образованіе въ Лицеѣ съ тою постепенностію, какую они находили бы посильною для себя; 3) зачисленіе университетскихъ студентовъ, прошедшихъ шесть и болѣе семестровъ, на четвертый курсъ, съ предоставленіемъ имъ права оставаться на четвертомъ курсѣ два года и раздѣлять экзамены на два срока, повлекло бы за собою ту практическую трудность, что Совѣтъ не зналъ бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ, къ какому въ дѣйствительности курсу слѣдуетъ относить студентовъ, зачисленныхъ на четвертый курсъ, напр. при раздачѣ стипендій. Совѣтъ всегда держался правила отдавать предпочтеніе при конкуренціи *ceteris paribus*, студентамъ послѣдняго курса, и если бы студентъ, принятый на 4-й курсъ и чрезъ годъ сдавшій экзамены за первые два курса, обратился съ прошеніемъ о стипендіи въ Совѣтъ, то послѣдній не зналъ бы, слѣдуетъ ли признавать даннаго студента за студента 4 курса, или

слѣдуетъ приравнивать его къ студентамъ 3 курса. Съ своей стороны профессоръ Суворовъ предложилъ, въ дополненіе къ прежнему своему предложенію, различать между студентами Университетовъ, поступающими въ Лицей, такихъ которымъ зачтено не свыше четырехъ семестровъ и такихъ, которые прослушали свыше четырехъ семестровъ. Первые, поступивъ на 1-й курсъ, не должны пользоваться какою либо другою льготою, кромѣ права соединять двѣ группы, т. е. съ 1-го курса перейти на 3-й курсъ, между тѣмъ какъ въ послѣдніе два года въ Лицеѣ практиковалась та неправильность, что студентъ Университета, прослушавшій четыре семестра и, слѣдовательно, не слушавшій тѣхъ наукъ, которыя соответствуютъ третьей и четвертой лицейскимъ группамъ, поступившій затѣмъ на 1-й курсъ въ Лицей, подвергался экзамену за первые два курса, а затѣмъ, по истеченіи слѣдующаго года, допускался къ испытанію не только за третій, но и за четвертый курсъ; слѣдовательно въ одинъ годъ прослушавъ два курса, или прослушавъ четвертый курсъ и не слыхавъ третьяго ни въ Университетѣ ни въ Лицеѣ. Что же касается студентовъ, прослушавшихъ въ Университетѣ свыше четырехъ полугодій, то тѣмъ изъ нихъ, которые пожелаютъ и будутъ чувствовать себя въ силахъ ускорить окончаніе лицейскаго курса, можетъ быть предоставляемо, по ходатайству Совѣта, право послѣ выдержанія экзамена по двумъ первымъ группамъ въ маѣ мѣсяцѣ, приступить къ экзамену и за третій курсъ въ августѣ того же календарнаго года. Г. Директоръ Лицея замѣтилъ на это, что предложеніемъ профессора Суворова вводится новый срокъ экзаменаціонный въ августѣ, который правиламъ нашимъ неизвѣстенъ. Г. Суворовъ отвѣтилъ, что его предложеніе не ведетъ къ такой радикальной ломкѣ существующихъ правилъ, какъ

приравненіе курсовъ и семестровъ, и что въ дѣйстви-
тельности у насъ каждый годъ въ началѣ сентября бы-
ваютъ экзамены тѣмъ студентамъ, которымъ Совѣтъ ис-
ходатайствовалъ право экзаменоваться осенью по разнымъ
причинамъ. М. А. Липинскій замѣтилъ, что принимать
бывшихъ студентовъ Университетовъ на 1-й курсъ и за-
тѣмъ открывать имъ неопредѣленную возможность сда-
вать экзамены за другіе курсы значитъ допускать и на
будущее время ту самую отрѣшенность студента отъ
опредѣленнаго курса, вредъ которой не подлежитъ сом-
нѣнію. Профессоръ Суворовъ возразилъ, что неопредѣ-
ленность будетъ продолжаться лишь весьма недолго: сту-
денты изъ Университетовъ поступаютъ въ Лицей боль-
шею частію во второмъ полугодіи учебнаго года и затѣмъ
въ маѣ мѣсяцѣ приступаютъ къ экзамену, такъ что въ
маѣ же и выясняется, кто изъ студентовъ будетъ въ
слѣдующемъ году состоятъ на 2-мъ, кто на 3-мъ курсѣ,
и въ ближайшемъ августѣ опредѣлится со всею же яс-
ностію и то, кто изъ принятыхъ въ Лицей универси-
тетскихъ студентовъ въ состояніи будетъ поступить на
четвертый курсъ. Послѣ этого были баллотированы Со-
вѣтомъ оба предложенія какъ профессора Суворова, такъ
и М. А. Липинскаго и за послѣднее получилось голосовъ
+5—1, за первое +1—5. Опредѣлили: Руководствоваться
на будущее время системой, высказанной исправл.
долж. доцента Липинскимъ.

4. Окончившіе курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйстви-
тельнаго студента и съ правомъ на полученіе степени
кандидата по представленіи диссертаций *Фалькъ* Эдуардъ
и *Колесовъ* Константинъ представили нынѣ сочиненія,
первый: „Восточное право въ сравненіи съ античнымъ“,
а второй: „Волостной судъ“. Опредѣлили: Передать эти
сочиненія для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзы-

вовъ о нихъ: Колесова приватъ-доценту П. О. Бесѣдину, а Фалька — испр. должн. экстраординарнаго профессора В. Г. Щеглову.

5. Окончившіе въ 1889 г. курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на получение степени кандидата по представленіи диссертаций *Марчевскій* Михайлъ и *Журиковъ-Красовскій* Дмитрій таковыя своевременно представили, первый: „Очеркъ характеристики законодательствъ Екатерины II“, а второй: „О вотчинахъ во второй половинѣ XV стол. (по Уложенію царя Алексѣя Михайловича и по новоуказнымъ статьямъ)“. Сочиненія эти для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ были переданы г. Директору Лицея *С. М. Шпилевскому*. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи доставленныхъ г. Шпилевскимъ отзывовъ, **Опредѣлили:** Удостоить Марчевскаго и Журикова-Красовскаго степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ и выдать имъ надлежащіе аттестаты; отзывы же о сочиненіяхъ напечатать во Временникъ Лицея.

6. Прошенія студентовъ Лицея 1-го курса *Щукина* Василья, *Оппермана* Георгія; 2-го курса *Камерницкаго* Владиміра, *Левашева* Алексѣя, *Адама* Карла и *Чекмарева* Николая; 3-го курса *Канеля* Савелія, *Талала* Абрама, *Аганова* Василія, *Лопакова* Николая, *Домерникова* Павла, *Разумова* Михаила, *Фрадкина* Соломона и *Минича* Антона о допущеніи ихъ къ испытаніямъ послѣ каникулъ: Минича вслѣдствіе смерти во время экзаменовъ его отца, Лопакова вслѣдствіе переутомленія, а остальныхъ вслѣдствіе болѣзни. **Опредѣлили:** О студентахъ: Чекмаревъ, Адамъ, Щукинъ, Опперманъ, Канель, Левашевъ, Домерниковъ и Камерницкомъ ходатайствовать, чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, предъ господиномъ Министромъ Народнаго Просвѣ-

шенія о допущеніи ихъ къ экзаменамъ послѣ каникулъ, остальнымъ же изъ означенныхъ студентовъ въ прошеніяхъ ихъ отказать.

7. Прошенія студентовъ Лицея 1 курса *Алексѣева Александра* и 2-го курса *Волкова Алексѣя* объ оставленіи ихъ на тѣхъ же курсахъ на третій годъ, перваго вслѣдствіе болѣзни, а втораго по домашнимъ обстоятельствамъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи означенныхъ студентовъ на тѣхъ же курсахъ на третій годъ.

8. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 1-го курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 2-й курсъ студентовъ: *Агапова Василья*, *Адама Карла*, *Ажисантова Михаила*, *Алферова Владиміра*, *Анненкова Ѳедора*, *Бабіевскаго Евгенія*, *Байздренко Владиміра*, *Боголюбова Алексѣя*, *Боголюбскаго Александра*, *Буткиса Адольфа*, *Введенскаго Николая*, *Войшицкаго Михаила*, *Горвица Александра*, *Вобликова Владиміра*, *Егорова Дмитрія*, *Жидока Эдуарда*, *Костылева Николая*, *Майкова Николая*, *Мулина Ивана*, *Мишина Сергѣя*, *Можевитинова Леонида*, *Преображенскаго Алексѣя*, *Путяту Владиміра*, *Сабинина Леонида*, *Сидорова Анатолія*, *Севастьянова Даніила*, *Сестренцевича Михаила*, *Стеблина-Каменскаго Константина*, *Страдина Ганса*, *Томашевскаго Александра*, *Успенскаго Николая*, *Цвилинскаго Петра*, *Чекмарева Николая*, *Шипина Владиміра*, *Яровицкаго Александра* и *Юмина Алексѣя*.

(Приложеніе къ ст. 2-й).

Особое мнѣніе Ординарнаго профессора Н. Суворова.

Съ мнѣніемъ большинства Совѣта (4-хъ голосовъ изъ шести), высказавшагося въ засѣданіи 28-го мая въ пользу внесеннаго въ Совѣтъ г. Директоромъ предложенія о приглашеніи г. Свирщевскаго, въ качествѣ приватъ-доцента, для чтенія науки о Финансахъ студентамъ Демидовскаго Лицея въ будущемъ учебномъ году, я не считаю возможнымъ согласиться на основаніи слѣдующихъ соображеній:

1) По уставу Демидовскаго Юридическаго Лицея (§ 29), Политическая экономія и наука о Финансахъ отнесены къ одной кафедрѣ. По этой кафедрѣ въ настоящее время имѣется преподаватель, приватъ-доцентъ В. Ф. Левитскій, который въ концѣ прошлаго учебнаго года заявилъ Совѣту, что онъ находитъ вполне возможнымъ прочесть ту и другую науку при пяти лекціяхъ въ недѣлю. Въ виду этого заявленія, Совѣтъ ходатайствовалъ въ свое время о нераспространеніи на г-на Левитскаго, какъ преподавателя не штатнаго, того правила, что никакой преподаватель не можетъ получать какого либо особаго вознагражденія за лишнія лекціи по своей кафедрѣ (§ 5 Инструкц. преподав. Демидов. Юридич. Лицея), и ходатайство Совѣта о назначеніи г. Левитскому особаго вознагражденія за двѣ лишнія лекціи сверхъ тѣхъ, которыя читались имъ въ качествѣ приватъ-доцента, было удовлетворено высшимъ начальствомъ. Такой же порядокъ вещей, т. е. чтеніе пяти лекцій по соединенной кафедрѣ Политической экономіи и науки о Финансахъ съ особымъ вознагражденіемъ за двѣ лекціи, можетъ продолжаться и на будущее время, впредь до по-

лученія г. Левитскимъ степени магистра и до возможной промоціи его въ исправляющіе должность экстраординарнаго профессора, что случится вѣроятно въ скоромъ времени. Какъ экстраординарный профессоръ, онъ долженъ будетъ читать не менѣе четырехъ лекцій въ недѣлю, и если такимъ образомъ въ теченіе одной части наступающаго учебнаго года по названной кафедрѣ будетъ читаться четыре лекціи вмѣсто пяти, то существеннаго ущерба въ преподаваніи отсюда не произойдетъ. Когда, назадъ тому нѣсколько лѣтъ, профессоръ Исаевъ, прежде полученія имъ степени доктора и ординатуры, прочитывалъ Политическую экономію и науку о Финансахъ при четырехъ лекціяхъ годовыхъ, то этотъ порядокъ вещей никому не казался не нормальнымъ. Поэтому можно сказать, что преподаваніе науки о финансахъ представляется и въ настоящее время настолько обеспеченнымъ, что и безъ привлеченія въ Лицей г-на Свирщевского студентамъ будутъ изложены если не детали, то главные основанія науки, требующіяся для полноты юридическаго образованія.

2) Безспорно, что порученіе чтенія лекцій по наукамъ Финансовъ особому преподавателю дало бы возможность студентамъ прослушать подробные курсы какъ по Финансамъ, такъ и по Политической экономіи, а не главные только основанія науки, и что вообще привлеченіе новыхъ ученыхъ и преподавательскихъ силъ въ Лицей есть не только дѣло, само по себѣ, почтенное и полезное, но и обязанность, лежащая на Совѣтѣ, такъ какъ ему ввѣрено завѣдываніе учебною частію Лицея и принятіе мѣръ къ надлежащему преподаванію всѣхъ предметовъ, означенныхъ въ уставѣ Лицея (§§ 30 и 35). Но я, какъ членъ Совѣта, не могу скрыть отъ себя и того обстоятельства, что Совѣтъ уже давно принялъ мѣ-

ры къ тому, чтобы гарантировать отъ возможныхъ случайностей преподаваніе въ Лицеѣ Политической экономіи и Финансовъ: онъ ходатайствовалъ предъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи при Лицеѣ, въ качествѣ магистранта, кандидата нашего Лицея Митрофана Петрова. Въ настоящее время г. Петровъ, послѣ успѣшнаго выдержанія магистерскаго экзамена въ Московскомъ Университетѣ, находится въ заграничной командировкѣ. Черезъ годъ онъ вернется въ Лицей, и, весьма вѣроятно, не съ диссертацией только *pro venia legendi*, а съ магистерскою диссертацией: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ г. Петровъ былъ извѣстенъ Совѣту за человека весьма способнаго, каковымъ онъ оказался и на магистерскомъ экзаменѣ въ Московскомъ Университетѣ. Для того, чтобы приглашать въ настоящее время, при достаточной обеспеченности, какъ выше разъяснено, преподаванія науки о финансахъ въ нынѣшнемъ году, въ виду скорого возвращенія изъ за границы нашего лицейскаго магистранта, какого либо посторонняго, при томъ же лично никому изъ членовъ Совѣта неизвѣстнаго, преподавателя, нужно бы было допустить одно изъ трехъ: или Совѣтъ имѣетъ въ виду пригласить г. Свирщевскаго только на одинъ годъ, въ качествѣ преподавателя науки о финансахъ, впредь до возвращенія изъ за границы г. Петрова, или Совѣтъ не считаетъ г. Петрова лицейскимъ магистрантомъ и не имѣетъ его въ виду, какъ возможнаго преподавателя науки о финансахъ, или наконецъ Совѣтъ полагаетъ возможнымъ совмѣстное существованіе трехъ преподавателей по одной и той же кафедрѣ, т. е. состоящаго теперь при этой кафедрѣ В. Ф. Левитскаго, предположеннаго Совѣтомъ къ приглашенію въ преподаватели г. Свирщевскаго и имѣющаго возвратиться изъ за границы г. Петрова. Первая комбинація,

не вызываемая насущною нуждою Лицея, грозитъ оторвать молодаго человѣка отъ того дѣла, которое онъ теперь дѣлаетъ, живя въ Москвѣ, не обѣщая ему никакой твердой почвы въ Лицеѣ. Вторая комбинація невозможна потому, что Совѣтъ Лицея не можетъ отречься отъ лицейскаго магистранта. Если уже Университеты обыкновенно готовятъ молодыхъ людей къ профессорскому званію не вообще и не отвлеchenно отъ пространства и времени, а имѣя въ виду всего болѣе свои собственные нужды, то Совѣтъ Лицея еще менѣе могъ бы поставлать свое призваніе въ томъ, чтобы готовить молодыхъ профессоровъ для русскихъ Университетовъ. Другими словами, если Совѣтъ Лицея ходатайствуетъ передъ высшимъ начальствомъ объ оставленіи кого либо изъ молодыхъ людей, окончившихъ въ Лицеѣ курсъ со степенью кандидата, въ качествѣ магистранта, для приготовления къ профессорскому званію, то онъ имѣетъ въ виду свои собственные нужды и свою собственную потребность въ преподавателяхъ, а не потребности котораго либо изъ русскихъ Университетовъ. Если университетскій магистрантъ могъ бы безъ особаго труда быть допущеннымъ къ преподаванію въ Лицеѣ, то напротивъ было бы рискованно утверждать, что лицейскій магистрантъ, въ случаѣ неудачи на счетъ допущенія къ преподаванію въ Лицеѣ, безъ особаго же труда былъ бы допущенъ къ преподаванію въ любомъ изъ русскихъ Университетовъ. И если такимъ образомъ Совѣтъ, давшій первоначальный толчекъ молодому человѣку въ выборѣ имъ ученой профессіи изъ другихъ возможныхъ жизненныхъ путей, представляющихъ молодому человѣку по окончаніи курса юридическихъ наукъ, будетъ потомъ оставлять своихъ магистрантовъ на произволъ судьбы, отрекаясь отъ всякой связи съ ними, то подобное обсто-

ительство едва ли может поощрить наших кандидатов къ выбору ученой профессіи. Впрочемъ, распространяться о томъ, что между Совѣтомъ, оставившимъ, съ утвержденія высшаго начальства, того или другаго кандидата въ качествѣ магистранта, для приготовленія къ профессорскому званію, и между оставленнымъ магистрантомъ существуетъ тѣсная связь, едва ли есть надобность, въ виду состоявшагося въ недавнее время авторитетнаго разъясненія этого вопроса въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, которое, по поводу отчета о заграничныхъ занятіяхъ того самаго г. Петрова, о которомъ идетъ теперь рѣчь, разъяснило Совѣту, что онъ въ настоящее время долженъ руководить этимъ молодымъ человѣкомъ въ его занятіяхъ и несетъ даже отвѣственность передъ министерствомъ за правильный ходъ его занятій. Третья комбинація, при которой допускалось бы совмѣстное существованіе трехъ преподавателей по кафедрѣ политической экономіи и наукъ о финансахъ, была бы чрезвычайною аномаліей съ точки зрѣнія правильного распорядка преподаванія наукъ въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ. Между тѣмъ какъ по нѣкоторымъ важнѣйшимъ юридическимъ кафедрамъ нѣтъ ни одного не только штатнаго преподавателя, но и приуроченнаго къ кафедрѣ приватъ-доцента, три преподавателя по кафедрѣ политической экономіи и наукъ о финансахъ могли бы сообщить до нѣкоторой степени иной характеръ самому Лицею, выдвинувъ на первый планъ политическія дисциплины, въ ущербъ чисто юридическимъ. Въ практическомъ отношеніи совмѣстное существованіе трехъ преподавателей при одной кафедрѣ представляется также неудобопроводимымъ, какъ это показалъ недавній примѣръ изъ нашей лицейской практики. При сходныхъ съ нынѣшними обстоятельствахъ, т. е. когда имѣлся въ

виду лицейскій магистрантъ П. Ѳ. Бесѣдкинъ; какъ возможный преподаватель уголовного судопроизводства, приглашенъ былъ къ чтенію этой науки кандидатъ Московскаго Университета г. Зачинскій; но какъ скоро г. Бесѣдкинъ исполнилъ съ своей стороны все, что требуется для пріобрѣтенія приватъ-доцентуры и былъ допущенъ къ чтенію лекцій, другой приватъ-доцентъ оказался излишнимъ и долженъ былъ оставить Лицей. Только благодаря случайности онъ могъ затѣмъ найти себѣ занятіе въ Дерптскомъ Университетѣ, въ противномъ же случаѣ онъ поставленъ бы былъ въ затруднительное положеніе челоѣка, оставившаго одну почву и не утвердившагося на другой.

3) Безспорно, что какъ г. Директоръ, такъ и Совѣтъ должны принимать цѣлесообразныя мѣры къ обезпеченію преподаванія каждой науки, читающей въ Лицеѣ; но ни Директоръ, ни Совѣтъ не могутъ упускать изъ вида различіе между тѣмъ, что составляетъ насущную необходимость, и тѣмъ, что представляется въ большей или меньшей степени роскошью для Лицея. Таковою именно роскошью я считаю при данныхъ обстоятельствахъ приглашеніе г-на Свирщевскаго читать лекціи по наукѣ о финансахъ, въ качествѣ приватъ-доцента. И напротивъ, какъ членъ Совѣта, обязанный имѣть попеченіе о надлежащемъ преподаваніи наукъ въ Лицеѣ и знающій насущную нужду Лицея въ преподавателѣ гражданскаго права, а съ другой стороны знающій ограниченность спеціальныхъ средствъ Лицея, который не можетъ приглашать неограниченное количество приватъ-доцентовъ, я позволилъ бы себѣ обратить вниманіе Совѣта еще на то обстоятельство, что другой нашъ магистрантъ, кандидатъ Лицея, недавно сдавшій магистерскій экзаменъ въ Московскомъ Университетѣ, цивилистъ, слѣдователь-

но преподаватель, въ которомъ наиболѣе нуждается Лицей въ настоящее время, г. Невзоровъ представилъ г-ну Директору сочиненіе для внесенія его въ Совѣтъ съ цѣлью разсмотрѣнія, въ качествѣ диссертациі *pro venia legendi*; и что слѣдовательно вполне умѣстно бы было въ настоящемъ случаѣ воздержаться отъ затраты ограниченныхъ средствъ Лицея на нужды не необходимыя и приберечь возможные остатки отъ этихъ средствъ на нужды неотложныя.

(Приложеніе къ ст. 5-й).

О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Марчевскаго
«Очеркъ и характеристика законодательства Екатерины II».

Г. Марчевскій въ своемъ изслѣдованіи почти ограничивается разборомъ узаконеній императрицы Екатерины II по отношенію къ тремъ сословіямъ: крестьянскому, городскому и дворянскому, по учрежденію губерній и по организаціи комиссіи составленія новаго уложенія; при этомъ представляется подробное изложеніе содержанія грамотъ на права и выгоды городамъ Россійской имперіи, грамотъ дворянству, учрежденія губерній, манифеста объ учрежденіи комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и наказа, даннаго императрицею комиссіи, затѣмъ слѣдуетъ краткій очеркъ дѣятельности этой комиссіи. Къ этому г. Марчевскій прибавляетъ только обзоръ важнѣйшихъ законоположеній Екатерины II въ первые дни ея царствованія и нѣкоторыя преобразованія въ Сенатѣ. За обзоромъ содержанія указанныхъ узаконеній г. Марчевскій представляетъ, какъ онъ самъ выражается, характеристику этого законода-

тельства, т. е. указываетъ отношеніе узаконеній Екатерины II къ предшествовавшему законодательству, при этомъ авторъ пользуется и объясненіемъ русскихъ ученыхъ, разбиравшихъ законодательство Екатерины II-й, напр., Градовскаго, Латкина и Сергѣевича. Своимъ изслѣдованіемъ г. Марчевскій доказалъ подробное изученіе указанныхъ важнѣйшихъ памятниковъ законодательства Екатерины II и въ извѣстной степени знакомство съ ученою русскою литературою, относящеюся къ избранному имъ предмету. Въ виду сказаннаго я считаю диссертацию г. Марчевскаго *удовлетворительною* для полученія степени кандидата.

Заслуж. ордин. проф. С. Шилевскій.

О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Жарикова-Красовскаго «О вотчинахъ во второй половинѣ XVII стол. (по Уложенію царя Алексѣя Михайловича и новоуказнымъ статьямъ)».

Свое изслѣдованіе г. Жариковъ-Красовскій раздѣляетъ на двѣ части о вотчинахъ частныхъ лицъ и о вотчинахъ духовенства. Въ первой части авторъ указываетъ лица, имѣвшія право обладать вотчинами; разные способы пріобрѣтенія вотчинъ: пожалованіемъ, покупкою у казны, пріобрѣтеніемъ даромъ, покупкою и мѣною отъ частныхъ лицъ и обществъ, обращеніемъ помѣстій въ вотчины, давностію и приращеніемъ; способы прекращенія вотчиннаго права; право владѣнія и пользованія вотчинами; право распоряженія вотчинами родовыми, пожалованными, купленными у казны и у частныхъ лицъ и возникшими изъ помѣстій; право наследованія по зако-

ну и по завѣщаніямъ въ вотчинахъ частныхъ лицъ. Эта первая часть изслѣдованія г. Жарикова-Красовскаго по исчисленнымъ отдѣламъ представляетъ толковые и добросовѣстно составленные по Полному Собранію Законовъ очерки статей Уложенія царя Алексѣя Михайловича и новоуказныхъ статей. Вторая часть о вотчинахъ духовенства и монастырей не имѣетъ никакого научнаго значенія, представляя на нѣсколькихъ страничкахъ только нѣкоторыя узаконенія объ ограниченіи духовенства и монастырей въ правахъ вотчиннаго владѣнія и объ управленіи патріаршихъ и монастырскихъ вотчинъ. Свои очерки авторъ основываетъ на подлинныхъ словахъ узаконеній, для чего представляется 167 выписокъ статей уложенія и новоуказныхъ статей. Какъ доказываетъ разбираемая диссертація, авторъ ея добросовѣстно ознакомился съ законодательными источниками и изложилъ добытый изъ нихъ матеріалъ ясно и систематично. Диссертацію эту я признаю *удовлетворительною* для полученія степени кандидата.

Заслуж. ордин. проф. *С. Шилевскій*.

1890 года мая 31 дня, въ засѣданіи Совѣта, подъ предсѣдательствомъ Директора заслуженнаго ординарнаго профессора *С. М. Шилевскаго*, присутствовали: ординарный профессоръ *Н. С. Суворовъ*; профессоръ Богословія *А. П. Лавровъ*; и. д. экстраординарныхъ профессоровъ *А. Н. Лодыженскій*, *В. Г. Щегловъ* и *А. Е. Назимовъ*; испр. д. доцента *А. Е. Минервинъ*; приватъ-доценты *В. Ф. Левитскій* и *П. Θ. Бестужкинъ*. Не присутствовали: ординарный профессоръ *Л. С. Блוגрицъ-Котляревскій*, испр. долж. доцента *М. А. Липинскій* и приватъ-доцентъ князь *Е. Н. Трубецкой* по нахожденію въ отпуску.

С Л У Ш А Л И:

1. Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2. Прошенія студентовъ Лицея 2 курса *Горвица Александра, Мулина Ивана, Преображенскаго Алексѣя, Преображенскаго Сергѣя, Паликова Гавріила*, 3-го курса *Васильева Петра, Горецкаго Ивана, Томашевскаго Александра* и 4-го курса *Рогалевича Іосифа*, которыми просятъ о допущеніи ихъ къ испытаніямъ послѣ каникулъ—всѣ вслѣдствіе болѣзни, за исключеніемъ Томашевскаго, который не указалъ вовсе причины, помѣшавшей ему своевременно подвергнуться испытаніямъ. **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ г-мъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія о допущеніи студентовъ *Горвица, Мулина, Сергѣя Преображенскаго, Паликова, Васильева, Горецкаго* и *Рогалевича* къ испытаніямъ послѣ каникулъ, такъ какъ болѣзнь этихъ студентовъ извѣстна и нѣкоторымъ изъ членовъ Совѣта, Томашевскому же и Преображенскому Алексѣю въ прошеніяхъ отказать.

3. Прилагаемый при семъ отчетъ ревизіонной бібліотечной комиссіи по ревизіи бібліотеки въ 1889 году. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 2 курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 3-й курсъ студентовъ: *Абдулова Арсенія, Аракельянца Гавріила, Боголюбскаго Ѳедора, Браиловскаго Николая, Вереденко Ѳедора, Виркау Карла, Воробьева Сергѣя, Гарскаго Сергѣя, Дон-*

ченко Петра, Дубягу Михаила, Еропкина Рафаила, Ершова Сергѣя, Зислака Германа, Золотарева Александра, Иванова Николая, Иванова Петра, Израильсона Макса, Канеля Савелія, Каппа Якова, Караваева Николая, Кознова Петра, Колесова Николая, Кочаровскаго Феликса, Кренгауза Лейбу, Лопакова Николая, Меденатова Николая, Минича Антона, Михалевича Хрисанфа, Монвижъ-Монтвида Аполлона, Овсцовскаго Константина, Островскаго Павла, Пескова Владиміра, Прялухина Михаила, Романова Ивана, Сергѣева Ивана, Соболева Николая, Сущева Николая, Талалая Абрама, Троцкаго Владиміра, Файвишевича Наума, Фосса Евгенія, Чистякова Константина, Шестеркина Павла, Щурова Сергѣя, Эмдина Якова, Можевитинова Леонида, Путятю Всеволода, Сабинина Леонида, Томашевскаго Александра и Анненкова Теодора.

5. По разсмотрѣніи списковъ студентовъ Лицея 3 курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ мая сего года испытаніяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить перевода на 4-й курсъ студентовъ: Айзенштейна Зелика, Алякринскаго Сергѣя, Аксакова Василья, Антика Павла, Асса Абрама, Ачкасова Виктора, Бейленсона Гилеля, Березникова Алексѣя, Бочкарева Вячеслава, Бреслава Гиршу, Бурменскаго Іосифа, Вахрамѣева Михаила, Введенскаго Якова, Войтенкова Владиміра, Воронцова-Вельяминова Николая, Воскресенскаго Василья, Городцова Петра, Гурлянда Илью, Дворковича Аарона, Золотарева Александра, Иванова Ивана, Каптора Бейнаша, Кантора Маркуса, Кинеловскера Лейзера, Когана Владиміра, Колесова Константина, Кофмана Іегошію, Когаровскаго Станислава, Кошлакова Василья, Легейду Николая, Листратова Николая, Максимовскаго Александра, Милашевскаго Алексѣя, Милицина Петра,

Можаровскаго Меера, Московенкова Николая, Никорovichа Ѳедора, Нюренберга Аркадія, Осинскаго Льва, Пескина Михаила, Петропавловскаго Леонида, Подпалова Ивана, Пруссакова Хаима, Пузика Вячеслава, Рогалевича Іосифа, Розенкранца Соломона, Розовскаго Исая, Рубинштейна Гилеля, Рѣпникова Александра, Смоленскаго Владиміра, Тульчинскаго Лейбу, Фейдмана Михеля, Фирсова Андрея, Шейнфайна Аарона, Штейнберга Хаима, Шуманскаго Василья, Юровскаго Іосифа, Дубягу Михаила, Еропкина Рафаила, Кознова Петра, Монвижъ-Монтвида Аполлона и Щурова Сергѣя.

6. По разсмотрѣніи общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре года пребыванія ихъ въ Лицеѣ, причемъ были выслушаны отзывы профессора *Суворова* о кандидатскомъ сочиненіи *Крылова* Николая: „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до половины XVI в.“ и приватъ-доцента *Бестужина* о двухъ сочиненіяхъ: *Колесова* Константина „Волостной судъ“ и Невскаго Александра „Постановка вопросовъ на судъ присяжныхъ“, Опредѣлили: 1) Удостоить степени кандидата юридическихъ наукъ: Крылова Николая, Колесова Константина и Невскаго Александра и отзывы объ ихъ кандидатскихъ сочиненіяхъ напечатать во *Временникѣ* Лицея; 2) удостоить званія дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаций: Иванова Алексѣя, Маркова Константина, Перошкова Василья, Стригалева Геннадія, Троицкаго Николая, Ушакова Леонида, Половцева Льва и Введенскаго Якова; 3) удостоить званія дѣйствительнаго студента: Кожевникова Петра, Кратирова Александра, Мебеса Августа, Павлова Михаила, Ржевскаго Николая, Соболева Дмитрія, Вишнякова Александра, Осинскаго Михаила, Поваренныхъ Ива-

на, Прусова Николая, Мейера Теодора, Аксакова Василья, Алякринскаго Сергѣя, Ачкасова Виктора, Бурменскаго Іосифа, Воскресенскаго Василья, Легейду Николая, Милицына Петра, Фирсова Андрея, Шуманскаго Василья и Воронцова-Вельяминова Николая; 4) всѣмъ поименованнымъ лицамъ выдать надлежащіе аттестаты.

7. Окончившіе въ 1889 г. курсъ въ Лицеѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаций Николай *Абдуловъ*, Николай *Щереметевъ* и Венедиктъ *Серебренниковъ* таковыя своевременно представили, первый — „О татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхыхъ дѣлахъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича 1649 г. сравнительно съ новоуказными статьями 1669 г.“, второй — „Сравненіе 21 и 22 главъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича (1649 г.) съ новоуказными статьями о татевныхъ, разбойныхъ и убійственныхыхъ дѣлахъ (1669 г.)“ и третій — „Вѣче и князь въ древней Руси“. Сочиненія эти для прочтенія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ были переданы г. Директору Лицея С. М. *Шпилевскому*. По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи доставленныхъ г. Шпилевскимъ отзывовъ о помянутыхъ сочиненіяхъ, **Опредѣлили:** Удостоить Абдулова, Щереметева и Серебренникова степени кандидата юридическихъ наукъ, о чемъ имъ и выдать надлежащіе аттестаты, отзывы же о ихъ сочиненіяхъ напечатать во Временникѣ Лицея.

8. Прилагаемый при семъ отзывъ г. Директора Лицея С. М. *Шпилевскаго* о сочиненіи студента Петра *Иванова* — „Псковскія лѣтописи, какъ источникъ познанія областнаго юридическаго быта“, представленномъ для соисканія преміи. По выслушаніи отзыва, **Опредѣлили:** Удостоить студента Иванова большой преміи, назначивъ размѣръ оной въ *пятьдесятъ* рублей, для исполненія же

сего постановленія копію съ настоящей статьи журнала передать въ Правленіе Лицея.

9. Въ теченіи вакаціоннаго времени **Опредѣлили:** Библіотеку открывать по субботамъ съ 10 до 2 часовъ.

(Приложеніе къ ст. 2-й).

Отчетъ по ревизіи бібліотеки въ 1889—90 г.

Согласно постановленію Совѣта, 22 апрѣля 1889 г. состоялось засѣданіе бібліотечной ревизіонной комиссіи подъ предсѣдательствомъ Директора Лицея С. М. *Шпилевскаго* въ составѣ членовъ: *Ординарныхъ* профессоровъ Н. С. *Суворова* и Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскаго*, испр. дол. доцента (нынѣ испр. дол. экстраорд. профес.) А. Е. *Назимова* и приватъ-доцента П. Θ. *Бесѣдкина*. На засѣданіи этомъ, соображаясь съ отчетомъ предшествовавшей ревизіонной комиссіи, **Опредѣлили:** Подвергнуть ревизіи: 1) брошюры на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, исключая нѣмецкаго, — 2) всѣ новыя изданія, поступившія въ бібліотеку въ теченіе 18⁸⁸/89 г., — 3) содержимое девяти шкафовъ за №№ 36—44 и двухъ тумбочекъ за №№ 41а и 44а, — причемъ ревизію русскихъ брошюръ предложили взять на себя С. М. *Шпилевскому*, иностранныхъ — Н. С. *Суворову*, четырехъ шкафовъ за №№ 40—43 — Л. С. *Бѣлогрицъ-Котляревскому*, одного шкафа за № 44, двухъ тумбочекъ за №№ 41а и 44а, а также новыхъ поступленій — А. Е. *Назимову* и ревизію четырехъ шкафовъ за №№ 36—39 — П. Θ. *Бесѣдкину* съ порученіемъ послѣднему и обязанностей секретаря комиссіи.

Въ настоящее время, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ мнѣ г.г. членами ревизіонной комиссіи, имѣю честь представить Совѣту нижеслѣдующій отчетъ.

С. М. Шпилевскій провѣрилъ 425 названій брошюръ на русскомъ языкѣ при помощи такъ называемаго летучаго или подвижнаго каталога, составленнаго библіотекаремъ Лицея Д. А. Невскимъ. Брошюры оказались въ исправномъ видѣ и всѣ налицо, за исключеніемъ двухъ, относительно которыхъ были предъявлены библіотекаремъ росписки профессоровъ, взявшихъ ихъ для пользованія.

Н. С. Суворовъ ревизовалъ брошюры на языкахъ: латинскомъ, англійскомъ, итальянскомъ, испанскомъ, шведскомъ и польскомъ, причемъ также нашелъ всѣ эти брошюры въ исправномъ видѣ, не разорванными и незама-
ранными. Въ немногихъ случаяхъ оказались ошибки въ обозначеніи числа страницъ брошюръ на листахъ летучаго каталога, а также встрѣчались излишнія подробности въ оглавленіи ихъ, — каковыя погрѣшности немедленно исправлены были библіотекаремъ по указанію ревизующаго.

Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій производилъ ревизию четырехъ шкафовъ по печатному каталогу и нашелъ всѣ книги въ наличности, исключая соч. Dahn'a Deutsches Rechtbuch Nördling, 1875 года № 9755, которое, какъ оказалось по справкѣ, не возвращено бывшимъ преподавателемъ Лицея А. А. Борзенко.

А. Е. Назимовъ, провѣривъ по печатному каталогу содержимое шкафа за № 44 и тумбочекъ 41а и 44а, а также изданія, полученныя въ теченіи 1888 г., по каталогу новыхъ пріобрѣтеній, нашелъ все въ исправномъ видѣ.

Съ своей стороны я производилъ ревизию шкафовъ за №№ 34—36 по печатному каталогу; книги оказались всѣ налицо или записанными за профессорами. При ревизіи мною замѣчены были только неточности и ошибки, вкравшіяся въ печатный каталогъ. Такъ напр., относи-

тельно соч. Kanitz'a (№ 7041) не указано числа томовъ, тогда какъ ихъ найдено три; относительно соч. Bianchi указано пять, а ихъ всего шесть, притомъ соч. Bianchi по каталогу значится Bianchi и т. д.

Въ общемъ всѣ члены комиссіи единогласно констатируютъ вполне удовлетворительное состояніе тѣхъ отдѣловъ библіотеки, которые имъ пришлось подвергнуть ревизіи, а также полный порядокъ въ веденіи каталоговъ.

(Приложеніе къ ст. 6-й).

Сочиненіе студента Н. Крылова, подъ заглавіемъ: „Низшая административно-судебная инстанція въ русскомъ церковномъ устройствѣ до половины XVI вѣка“ представляетъ собою изслѣдованіе по вопросу о томъ, какъ организована была мѣстная низшая инстанція церковнаго правительства, посредствующая между епархіальнымъ архіереемъ и приходами. Авторъ прослѣдилъ организацію этой инстанціи до Стоглаваго собора и раздѣлилъ ея исторію на два періода, для которыхъ гранью поставилъ конецъ XIV в. на томъ основаніи, что въ концѣ XIV в. появились въ русскихъ епархіяхъ десятильники изъ лицъ свѣтскихъ, и что до конца XIV в. исторія церковнаго управленія очень бѣдна источниками, тогда какъ съ XV в. изслѣдователь располагаетъ уже сравнительно обильнымъ и достовѣрнымъ историческимъ матеріаломъ. По этой послѣдней причинѣ авторъ держится весьма различныхъ пріемовъ при изображеніи обоихъ періодовъ: при изслѣдованіи перваго періода, авторъ почти совсѣмъ не имѣетъ дѣла съ непосредственнымъ историческимъ матеріаломъ, опираясь въ своихъ сужденіяхъ на изысканія другихъ изслѣдователей, тогда какъ при изслѣдованіи втораго періода принимаются во вниманіе и источники первой руки, главнымъ образомъ акты исто-

рическіе и акты экспедиціи. Въ виду того, что составитель обнаружилъ основательное знакомство съ довольно обширнымъ кругомъ изслѣдованій, куда входятъ, не считая исторій митрополита Макарія и Голубинскаго, сочиненія Неволіна, Костомарова, Никитскаго, Дмитріева, Лохвицкаго, Мысовскаго, Горчакова, Дювернуа, а также въ виду удовлетворительнаго изложенія, я считаю возможнымъ удостоить г. Крылова степени кандидата. 31 мая 1890 года.

Ордин. проф. *Н. Суворовъ.*

О Т Ъ В Ъ

о кандидатскомъ сочиненіи К.
Колесова «Волостной судъ».

Г. Колесовъ избралъ предметомъ кандидатскаго изслѣдованія одинъ изъ интереснѣйшихъ институтовъ русской правовой жизни—крестьянскій судъ, въ современномъ его видѣ узаконенный впервые положеніемъ 19 февраля 1861 года, но въ тѣхъ или иныхъ формахъ, легально или нѣтъ, существовавшій у насъ извѣчно, съ первыхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа. Съ исторіи крестьянскаго суда г. Колесовъ и начинаетъ свое изслѣдованіе, указывая на постепенное измѣненіе въ формахъ и объемѣ крестьянскаго самосуда въ зависимости отъ общихъ историческихъ перемѣнъ въ судьбахъ русскаго крестьянства. Доведя историческій очеркъ до царствованія Александра II-го, авторъ переходитъ къ изученію формы крестьянскаго суда, введенной положеніемъ 19-го февраля 1861 г., т. е, суда волостнаго: излагаетъ его организацію, подробно останавливается на выясненіи предѣловъ вѣдомства его и на вопросѣ о порядкѣ судопроизводства. Затѣмъ онъ не менѣе подробно

изслѣдуетъ нелегализированные формы крестьянскаго самосуда (судъ стариковъ, судъ старшинъ съ выборными, судъ сельскаго схода и т. п.), существующія у насъ совместно съ волостными судами и впервые официально констатированныя въ трудахъ комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, а въ заключеніе излагаетъ реформу волостныхъ судовъ, послѣдовавшую въ недавнее время, именно на основаніи закона 12 іюля 1889 г.

Обращаясь къ оцѣнкѣ работы г. Колесова, мнѣ приходится въ числѣ наиболѣе существенныхъ недостатковъ ея отмѣтить во 1-хъ отсутствіе строгой системы и неравномѣрность частей и во 2-хъ повсюду замѣчаемые пробѣлы по части теоретическаго освѣщенія отдѣльныхъ вопросовъ и полное почти отсутствіе критическаго элемента. Последнее особенно неблагоприятно отразилось на второй половинѣ сочиненія г. Колесова, гдѣ ему, уже по характеру самаго матеріала, слѣдовало бы, сгруппировавъ всѣ указанные въ трудахъ изслѣдователей недостатки теперешнихъ волостныхъ судовъ, попытаться рѣшить вопросъ: насколько законъ 29 іюля 1889 года отвѣтилъ на тѣ запросы, которые были поставлены русскою жизнью за послѣдніе 30 лѣтъ.

Впрочемъ, указанные недостатки изслѣдованія г-на Колесова объясняются, главнымъ образомъ, чрезвычайнымъ обиліемъ сыраго, мало разработаннаго еще матеріала, съ которымъ ему пришлось имѣть дѣло; при томъ же недостатки эти въ такой мѣрѣ искупаются солидностью труда, затраченнаго авторомъ и удачной разработкой отдѣльныхъ вопросовъ (напр. вопроса о доказательствахъ на волостномъ судѣ), что я не колеблюсь признать сочиненіе г. Колесова удовлетворительнымъ для полученія авторомъ его степени кандидата юридическихъ наукъ.

Приватъ-доцентъ П. Бестужинъ.

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи А. Невскаго «Постановка вопросов на судъ присяжныхъ», представленномъ имъ для соисканія степени кандидата юридическихъ наукъ.

Сочиненіе г. Невскаго распадается на двѣ части, которымъ предпослано небольшое введеніе. Во введеніи авторъ рѣшаетъ принципиальный вопросъ о пользѣ привлеченія народнаго элемента (въ формѣ суда присяжныхъ) къ участию въ отправленіи уголовной юстиціи и высказывается за французскую систему постановки присяжнымъ на судъ особыхъ вопросовъ; затѣмъ, въ первой части онъ говоритъ о внѣшней сторонѣ института постановки вопросовъ на судъ присяжныхъ, т. е. о лицахъ, участвующихъ въ выработкѣ вопросовъ и о времени и мѣстѣ постановки ихъ и, наконецъ, во второй части излагаетъ ученіе о внутренней сторонѣ постановки вопросовъ, т. е. о содержаніи, о видахъ ихъ и объ ихъ редакціи.

Работа г. Невскаго страдаетъ однимъ существеннымъ недостаткомъ: общностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и поверхностностью изложенія. Авторъ изучаетъ избранный имъ вопросъ какъ бы съ извѣстнаго разстоянія; онъ схватываетъ лишь наиболѣе выпуклыя черты, чаще всего ставитъ общія положенія, уклоняясь отъ болѣе или менѣе подробнаго анализа ихъ. Вслѣдствіе такого пріема, излагая, напр., ученіе о внутренней сторонѣ института постановки вопросовъ, онъ забываетъ сказать о спеціализаціи вопросовъ и о границахъ ея, очень мало говоритъ объ основаніи вопросовъ, о соотношеніи ихъ съ выводами обвинительнаго акта и результатами судебного

слѣдствія и т. д. Кромѣ всего этого, автора нельзя не упрекнуть и за то, что онъ удѣляетъ въ своемъ трудѣ мало мѣста и вниманія элементу догматическому — постановленіямъ русскаго процессуальнаго законодательства.

Однако, принимая во вниманіе съ одной стороны трудность самаго предмета изслѣдованія, а съ другой — обнаруженное авторомъ умѣнье овладѣть матеріаломъ и его основательное знакомство съ литературой вопроса по сочиненіямъ г.г. Мейера, Буцковскаго, Селитренникова, Палаузова и др., я полагаю-бы вполне справедливымъ признать работу г. Невскаго удовлетворяющей своему назначенію и удостоить его степени кандидата правъ.

Привать-доцентъ *П. Бестужкинъ.*

(Приложеніе къ ст. 7-й).

О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Абдулова «О татебныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ по уложенію царя Алексѣя Михайловича сравнительно съ новоуказными статьями 1664 года».

Свое изслѣдованіе г. Абдуловъ начинаетъ объясненіемъ причинъ необходимости изданія новоуказныхъ статей 1669 г., затѣмъ разбираетъ содержаніе этихъ статей сравнительно съ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича, по тремъ отдѣламъ: судоустройство, губное судопроизводство и наказанія за татебныя, разбойныя и убійственныя дѣла. Сравнительное изложеніе автора отличается значительными подробностями, систематичностью, ясностью и точностью. Въ заключеніе авторъ

представляетъ важнѣйшія основныя отличія между собою двухъ разбираемыхъ законодательныхъ памятниковъ. Изслѣдованіе это доказываетъ весьма прилежное изученіе авторомъ своихъ источниковъ и критическую способность сопоставлять, сравнивать и различать. Изслѣдованіе это я признаю *удовлетворительнымъ* для полученія степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. *С. Шпилевскій.*

О Т Ъ Ы В Ъ

о диссертациі г. Шереметева
«Сравненіе 21 и 22-й главъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича съ новоуказными статьями о татѣбныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 года».

Авторъ этой диссертациі, указавши на соотвѣтствіе содержанія 21 и 22-й главъ уложенія съ новоуказными статьями 1669 г., прямо начинается съ сравненія постановленій этихъ законодательныхъ памятниковъ, касающихся татѣбы, разбоя и убійства; этимъ сравненіемъ и исчерпывается почти все содержаніе изслѣдованія, къ этому авторъ прибавляетъ только немного объ уголовномъ процессѣ. Разборъ постановленій о преступленіяхъ и наказаніяхъ отличается значительною полнотою. Кромѣ подробнаго изученія памятниковъ, диссертациа эта доказываетъ, что авторъ ея обладаетъ точными теоретическими понятіями изъ общей и особенной части уголовного права; благодаря этому, авторъ, напр., различаетъ виды соучастія въ преступленіи, рецидивъ отъ стеченія преступленій, представляетъ квалификацію преступленій

и т. п. Изслѣдованіе свое авторъ заключаетъ общими выводами, представляющими основныя различія между собою двухъ разбираемыхъ памятниковъ. Диссертацию эту я признаю *удовлетворительною* для полученія степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. С. Шпилевскій.

О Т З Ы В Ъ

о диссертациі г. Серебrenикова
«Вѣче и князь въ древней Руси».

Нельзя не признать неудачнымъ избранія г. Серебrenиковымъ темы для кандидатской работы. Понятно, что г. Серебrenиковъ не могъ самостоятельно изучить всю массу необходимыхъ для его темы источниковъ, куда принадлежитъ подавляющій своимъ содержаніемъ лѣтописный матеріалъ; г-ну Серебrenикову было не подъ силу изучить и все написанное въ нашей литературѣ по этому предмету; трудно было ожидать отъ г. Серебrenикова и хорошей компиляціи. Представляется не понятнымъ, что имѣлъ въ виду г. Серебrenиковъ, избирая для себя такую тему, какія задачи онъ себѣ задавалъ, что думалъ сдѣлать? Въ дѣйствительности же онъ сдѣлалъ очень мало. По обѣму своему его диссертациа не составляетъ и двухъ печатныхъ листовъ. Ограничиваясь такимъ размѣромъ своей работы, г. Серебrenиковъ начинаетъ ее заявленіемъ, что прежде перехода къ разсмотрѣнію въ историческомъ развитіи по областямъ соотношеній вѣча и князя, онъ постарается выяснить нѣкоторыя общія черты, характеризующія удѣльно-вѣчевой періодъ, именно родовыя княжескія отношенія и господствующія теоріи относительно добыванія великокняже-

скихъ столовъ. Затѣмъ г. Серебrenиковъ въ общихъ чертахъ знакомитъ съ теоріею родовыхъ княжескихъ отношеній по извѣстному спеціальному изслѣдованію объ этомъ Соловьева, далѣе представляетъ и ученіе г. Сергѣевича о добываніи столовъ помимо всякихъ родовыхъ счетовъ. Послѣ этого слѣдуетъ глава о кievскомъ вѣче, здѣсь авторъ представляетъ историческіе факты, доказывающіе политическое значеніе кievскаго Земства, участіе его въ призваніи князей и въ обсужденіи важнѣйшихъ политическихъ вопросовъ. Слѣдующая глава относится къ новгородскому вѣчу, здѣсь очень кратко указываются отношенія новгородскихъ князей къ вѣчу, разные предметы дѣятельности новгородскаго вѣча и его организація. О вѣчахъ по другимъ областямъ г. Серебrenиковъ не говоритъ. Разбираемая диссертація представляетъ только повторенія высказаннаго въ нашей литературѣ по поднимаемымъ авторомъ вопросамъ, но изложеніе автора отличается связностью, послѣдовательностью и нѣкоторыми литературными достоинствами. Авторъ хорошо знакомъ съ учеными трудами Соловьева, Сергѣевича, Градовскаго, Самоквасова, Костомарова и Бестужева-Рюмина, это доказываетъ, что г. Серебrenиковъ для своей работы положилъ извѣстный трудъ, много прочиталъ. Основываясь на всемъ этомъ, мнѣ представляется возможнымъ признать диссертацію г. Серебrenикова *удовлетворительною* для полученія степени кандидата.

Заслуж. орд. проф. С. Шилевскій.

(Приложеніе къ ст. 8-й).

О Т З Ы В Ъ

о сочиненіи студента Петра Иванова, представленномъ для полученія преміи, на тему: «Псковскія лѣтописи какъ источникъ познанія областного юридич. быта».

Съ особеннымъ удовольствіемъ я прочелъ эту работу и радуюсь, что могу указать Совѣту Лицея на выдающійся трудъ одного изъ нашихъ студентовъ. Г. Ивановъ поставилъ себѣ задачею: 1) выбрать всѣ мѣста лѣтописнаго текста, свидѣтельствующія объ юридическомъ состояніи псковской общины; 2) провѣрить лѣтописныя указанія черезъ сравненіе съ другими источниками; 3) объяснить непонятныя или малопонятныя статьи и 4) показать причины, почему лѣтописецъ одни изъ фактовъ юридической жизни описываетъ довольно подробно и совершенно игнорируетъ другіе. Свои задачи г. Ивановъ исполнилъ очень удачно. Онъ начинаетъ свою работу указаніемъ на значеніе лѣтописи какъ источника историческаго, затѣмъ переходитъ къ псковскимъ лѣтописямъ, указываетъ всѣ извѣстныя въ настоящее время списки ихъ и печатныя изданія. Приступая къ обзорѣнію псковскихъ лѣтописей по отношенію къ праву, авторъ представляетъ общую характеристику псковскихъ лѣтописей въ этомъ отношеніи. Обзорѣніе юридическаго содержанія лѣтописей представляется въ извѣстной системѣ. Во-первыхъ авторъ говоритъ о территоріи Псковскаго княжества, объ административныхъ и бытовыхъ территоріальныхъ единицахъ, особенно распространяясь о губахъ, концахъ и пригородахъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ населенію, говоритъ о боярахъ, купцахъ, житейскихъ

людяхъ, о черныхъ людяхъ, о духовенствѣ. Въ третьемъ отдѣлѣ авторъ представляетъ подробное изслѣдованіе о вѣчѣ и объ органахъ его: посадникахъ, сотскихъ, дьякахъ и проч.; въ заключеніе авторъ говоритъ о князьяхъ, объ избраніи ихъ, о прекращеніи княжеской власти и о функціяхъ этой власти.

Кромѣ самаго тщательнаго изученія текста псковскихъ лѣтописей, настоящая работа указываетъ и на внимательное изученіе г. Ивановымъ важнѣйшихъ трудовъ по псковской исторіи—Бѣляева, Костомарова и Никитскаго. Кромѣ замѣчательнаго трудолюбія студентъ Ивановъ работою своею доказалъ и свою критическую способность объяснять лѣтописныя извѣстія. Въ виду всего сказаннаго я признаю вполне справедливымъ присудить студенту Петру Иванову полную премію въ 50 рублей.

Заслуж. орд. проф. *С. Шилевскій.*

ЛѢТОПИСЬ

ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ

ЗА 1889—90 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Демидовскій Юридическій Лицей — учрежденіе молодое, сегодня оно вступаетъ только въ 21-й годъ своего существованія; но высшія учебныя заведенія, съ названіемъ „Демидовскія“, изъ которыхъ постепенно образовался Демидовскій Юридическій Лицей, существуютъ съ 1805 года.

Въ 1803 году П. Г. Демидовъ возшелъ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ просилъ Императора Александра I „дабы Высочайшимъ указомъ повелѣно было назначенную въ Ярославль гимназію возвысить въ такое училище, которое бы имѣло одинаковую степень съ университетомъ, и всѣ преимущества онаго, заведя въ немъ классъ наукъ университетскихъ“. Для этой цѣли Демидовъ жертвовалъ 3578 душъ и 100,000 деньгами. Государю Императору угодно было принять предложеніе и пожертвованія Демидова и 28 января 1805 г. были высочайше утверждены уставъ и штатъ „Демидовскаго высшихъ наукъ училища“. Это училище въ 1834 г. было преобразовано, на основаніи новаго устава, въ Демидовскій Лицей, а послѣ новыхъ преобразованій, съ 30 августа 1870 г. оно существуетъ подъ названіемъ „Демидовскаго Юридическаго Лицея“, уравнинаго въ правахъ и преимуществахъ по отношенію къ профессорамъ и къ студентамъ съ университетами. Такимъ образомъ завѣтъ Демидова объ основаніи въ Ярославль училища, имѣющаго одинаковую степень съ

университетами, остается ненарушимымъ. Достоинъ вниманія, что на нѣкоторыхъ старинныхъ книгахъ лицейской библіотеки стоятъ надписи: „Демидовскаго университета“.

П. Г. Демидовъ, за свои, далеко выходящія изъ ряда обыкновенныхъ, пожертвованія, былъ удостоенъ и особенныхъ наградъ: будучи въ то время статскимъ совѣтникомъ, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степени, „установленнаго въ награду изысканныхъ гражданскихъ дѣяній“, какъ сказано въ рескриптѣ Императора Александра I Демидову; затѣмъ Государь повелѣлъ: „выбить золотую медаль съ изображеніемъ на одной сторонѣ лица Демидова, а на другой поставить приличную надпись, означающую его дѣйствія. И таковую медаль, какъ залогъ общей признательности, вручить ему, Демидову, въ Москвѣ, въ общемъ правительствующаго сената собраніи“. Медаль эта въ настоящее время составляетъ достояніе лица и хранится въ Ярославскомъ губернскомъ казначействѣ. Дворянство Ярославской губерніи пожелало воздвигнуть П. Г. Демидову памятникъ въ ознаменованіе признательности своей къ пожертвованіямъ его на заведеніе въ Ярославлѣ училища высшихъ наукъ, что и было исполнено, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1829 г. Демидовскій Юридическій Лицей постоянно чтитъ съ особенною благодарностью память о своемъ благодѣтелѣ; ежегодно, 15 января, въ день Павла Оливейскаго, который былъ днемъ тезоименитства Павла Григорьевича Демидова, въ лицейской церкви совершается панихида по бояринѣ Павлѣ.

Настоящая лѣтопись лица за минувшій учебный годъ не есть офиціальный отчетъ, который представляется въ министерство къ опредѣленному сроку, за гражданскій, а не за учебный годъ, и составляется по узаконенной формѣ.

Основное назначеніе высшаго учебнаго заведенія — преподаваніе, слѣдовательно, идеальный отчетъ такого учрежденія долженъ дать самое ближайшее ознакомленіе съ характеромъ преподаванія за отчетное время. Въ преподаваніи жизнь высшаго учебнаго за-

веденія, путем преподаванія дѣйствуютъ органы такого учрежденія—преподаватели. Въ какой степени обнаруживались сила, энергія, способности этихъ органовъ?—Вотъ важнѣйшіе вопросы для характеристики преподаванія. Можетъ быть, какой нибудь преподаватель въ отчетное время обработалъ цѣлыя отдѣлы своей науки, внесъ въ нее новые взгляды, освѣтилъ ее новымъ свѣтомъ, сдѣлалъ ученыя открытія; можетъ быть, для иного преподавателя приготовленіе двухъ, трехъ лекцій потребовало усидчиваго труда цѣлыхъ десятковъ дней; а другой, можетъ быть, читалъ только давно составленныя лекціи, не прилагая ни малѣйшаго труда къ дальнѣйшему изученію своего предмета; на сколько одинъ идетъ въ своемъ преподаваніи въ уровень съ развитіемъ своей науки, а другой постепенно отстаетъ? Далѣе, на сколько было благотворно чтеніе даннаго предмета, какъ воздѣйствовалъ лекторъ на своихъ слушателей, какъ было воспринято чтеніе, осталось ли оно для слушателей мертвымъ матеріаломъ, только необходимымъ для усвоенія въ извѣстной степени къ экзамену, или прочитанное стало дѣйствительнымъ духовнымъ достояніемъ слушателей и подвинуло ихъ духовный ростъ? Все это, къ сожалѣнію, не поддается отчетности, для этого недостаточно удостовѣренія въ исполненіи утвержденныхъ программъ чтенія, показанія числа прочитанныхъ и пропущенныхъ по разнымъ причинамъ лекцій, этого не объяснятъ и отвѣты студентовъ на экзаменахъ. Пожелаемъ, чтобы каждый преподаватель озаботился отчетомъ о своей дѣятельности передъ собственною своею совѣстію.

Для преподаванія въ нашемъ лицѣѣ полагается 12 каедръ, изъ которыхъ къ каждой принадлежитъ одна или двѣ науки; для замѣщенія этихъ каедръ полагается 6 ординарныхъ профессоровъ, профессоръ богословія, 5 экстраординарныхъ профессоровъ и 3 доцента, числа приватъ-доцентовъ и опредѣленнаго содержанія имъ уставъ не опредѣляетъ. Въ настоящее время въ дѣйствительности лицей имѣетъ 3 ординарныхъ профессоровъ (изъ нихъ одинъ заслуженный, онъ же директоръ), профессора богословія, 3 испр.

дол. экстраорд. профессора, 2 испр. дол. доцента и 4 приватъ-доцентовъ. Изъ 12 кафедръ 5 не имѣютъ штатныхъ преподавателей и преподаваніе по этимъ кафедрамъ возлагается на приватъ-доцентовъ или временно на штатныхъ преподавателей, занимающихъ другія кафедры, такъ какъ ни одинъ преподаватель не можетъ занимать болѣе одной кафедры. Къ наступающему учебному году, для преподаванія финансоваго права, назначенъ новый приватъ-доцентъ, бывшій приватъ-доцентомъ въ Московскомъ университетѣ, г. Свирщевскій, авторъ изслѣдованія „Подходный налогъ“, напечатаннаго въ Москвѣ въ 1886 г. Съ 1 января настоящаго года состоитъ при лицѣ, съ содержаніемъ отъ министерства, стипендіатомъ по кафедрѣ торговаго права и гражданскаго судопроизводства, кончившій лицейскій курсъ въ прошломъ году кандидатъ Удинцовъ. Профессоръ богословія и настоятель лицейской церкви, протоіерей Лавровъ въ отчетномъ году кончилъ срокъ своей учебной службы, но оставленъ на службѣ при лицѣ еще на два года. Ученою командировкою пользовался профессоръ Щегловъ, который отправлялся въ Петербургъ для занятій въ архивѣ Государственнаго Совѣта. Директоръ лицея состоялъ въ истекшемъ учебномъ году предсѣдателемъ испытательной юридической комиссіи при университетѣ св. Владиміра и для производства экзаменовъ два раза отправлялся въ Кіевъ; онъ же былъ представителемъ лицея на юбилейномъ празднованіи Императорскимъ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ 25-ти лѣтія своего существованія и на VIII Археологическомъ Съѣздѣ въ Москвѣ; въ юбилейный день представитель лицея привѣтствовалъ Археологическое Общество рѣчью, а на Археологическомъ Съѣздѣ былъ удостоенъ избранія въ предсѣдатели отдѣленія съѣзда по юридическимъ древностямъ, домашнему и общественному быту.

Нѣкоторые изъ преподавателей лицея печатали свои научныя изслѣдованія, преимущественно въ издаваемомъ лицеемъ сборникѣ „Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея“, котораго въ истекшемъ году вышло 4 книги: отъ 49 до 52-й. Изда-

ніе Временника началось съ 1872 года; 52 тома этого изданія представляют собраніе многихъ весьма важныхъ ученыхъ трудовъ настоящихъ и бывшихъ преподавателей лицей.

Къ концу учебнаго года студентовъ въ лицей было 203, къ началу новаго года подано 38 прошеній о зачисленіи въ студенты, но, какъ показываютъ послѣдніе годы, постепенное поступленіе вновь въ студенты лицей продолжается почти цѣлый учебный годъ, такъ какъ студентамъ юристамъ изъ университетовъ дозволяется переходить въ лицей до 15 февраля. Въ маѣ мѣсяцѣ окончили курсъ 32 студента, изъ нихъ 11 имѣютъ кандидатскія экзаменаціонныя отмѣтки, остальные 21 получаютъ дипломы дѣйствительнаго студента; сверхъ того 18 могутъ кончить курсъ послѣ экзаменовъ въ первыхъ числахъ сентября. Всего въ теченіе существованія Демидовскаго Юридическаго Лицея въ немъ окончило курсъ 582 студента, не считая послѣдняго 18^{89/90} учебнаго года; степени кандидата удостоены 161, остальные 421 получили званіе дѣйствительнаго студента. Значительное большинство окончившихъ лицейскій курсъ состоитъ нынѣ на службѣ по министерству юстиціи. Изъ 582-хъ о служебномъ и общественномъ положеніи 126-ти лицейю неизвѣстно, 36 умерло, изъ остальныхъ 420-ти по министерству юстиціи состоитъ 319, сверхъ того присяжныхъ повѣренныхъ 20, помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ 14, по министерству финансовъ состоитъ только 29, по министерству народнаго просвѣщенія 14, по министерству внутреннихъ дѣлъ 8 и т. д.

Студенты Лицея обязаны посѣщать лекціи и участвовать въ установленныхъ по нѣкоторымъ наукамъ практическихъ занятіяхъ, подъ руководствомъ преподавателей; каждый студентъ ежегодно подаѣтъ къ опредѣленному сроку письменную работу на избранную тему изъ числа задаваемыхъ каждымъ преподавателемъ; сверхъ того, въ цѣляхъ поощренія студентовъ къ научнымъ занятіямъ, ежегодно задаются темы для сочиненій, за которыя выдаются денежные преміи и медали. Въ отчетномъ году студентъ Ивановъ

Петръ награжденъ полною премією въ 50 руб. за сочиненіе по исторіи русскаго права, а студенты Максимовскій Александръ, Фирсовъ Андрей и Штейнбергъ Хаимъ получили половинныя преміи (25 руб.), первый за сочиненіе по римскому праву, второй по политической экономіи и третій по уголовному праву. За сочиненіе на тему по церковному праву „Низшія административно-судебныя инстанціи въ русскомъ церковномъ устройствѣ со введенія христіанства до XVIII вѣка“. Совѣтъ Лицея присудилъ награждать студента Розовскаго Исаію золотою медалью.

Имѣя въ виду значительное большинство нашихъ студентовъ, нельзя не признать ихъ успѣховъ въ научныхъ занятіяхъ и добропорядочнаго ихъ поведенія. Высшее учебное заведеніе, подобное нашему, не можетъ преслѣдовать только образовательныя цѣли, какъ думаютъ нѣкоторые. Даже игнорируя воспитательныя цѣли, каждое высшее учебное заведеніе имѣетъ воспитательное значеніе для приходящихъ только слушать лекціи. Самое чтеніе лекцій, ихъ направленіе, отношенія преподавателей къ исполненію своихъ обязанностей, способъ обращенія преподавателей съ слушателями, все это имѣетъ воспитательное вліяніе. Инструкція же директору Демидовскаго Юридическаго Лицея, представляя директору извѣстную дисциплинарную власть надъ студентами, вмѣняетъ ему въ обязанность и „предохранять студентовъ отъ возможныхъ увлеченій и ошибокъ, дѣйствуя убѣжденіями и совѣтами, стараться поддержать чувство долга и чести“. Долгъ и честь! Здѣсь разумѣется, кромѣ общечеловѣческихъ нравственныхъ обязанностей и требованій чести, долгъ и честь собственно студента. Долгъ его, который онъ на себя добровольно принимаетъ, отдать себя всецѣло на извѣстное число лѣтъ спеціальному образованію; только усвоеніе преподаваемаго и другіе способы изученія избранной спеціальности должны быть для студента первыми интересами, на пользу которыхъ должна быть постоянная готовность жертвовать всѣми другими интересами. Вступающій въ высшее учебное заведеніе долженъ дать обѣтъ вѣрнаго служенія избранной имъ высокой цѣли.

Достойно полного сожалѣнія, если дѣйствительная необходимость, напр. изысканія средствъ существованія отвлекаютъ студента отъ исполненія первыхъ его обязанностей; но еще болѣе прискорбно, когда студентъ принимаетъ на себя практическое служеніе жизненнымъ задачамъ, особенно несвойственнымъ студентамъ, когда онъ, напр., выходитъ съ протестомъ противъ существующаго порядка соціальной и политической жизни, становится въ ряды бойцевъ противъ этихъ порядковъ. Здѣсь измѣна призванію студента или доказательство съ умысломъ ложно взятаго на себя высокаго званія студента, когда въ дѣйствительности, подъ именемъ студента скрывался бунтарь, политическій агитаторъ, злоумышленникъ. Особенно прискорбно, какъ бываетъ часто въ дѣйствительности, когда студентъ, вслѣдствіе увлеченій и легковѣрности, свойственныхъ молодости, становится жертвою злонамѣренныхъ людей, которые пользуются студентами для цѣлей, даже въ дѣйствительности и неизвѣстныхъ студентамъ. Все это противно чести студента! А ему честь высокая, если онъ не студентъ только по названію; ему честь, какъ признанному достойнымъ вступить въ высшее учебное заведеніе, ему честь, какъ посвятившему себя изученію наукъ.

Демидовскій Юридическій Лицей, сравнительно съ юридическими факультетами университетовъ, представляетъ большія удобства для научныхъ занятій студентовъ и самихъ преподавателей. Лицей обладаетъ богатою библіотекою, которая вслѣдствіе меньшаго количества студентовъ лицея, сравнительно съ юридическими факультетами университетовъ, доступнѣе для каждаго желающаго пользоваться ею. Наша библіотека представляетъ 40,000 томовъ въ 16,000 названій, значительное большинство составляютъ иностранныя книги, именно 28,000 томовъ. Съ 1870 года, т. е. со времени основанія Демидовскаго Юридическаго Лицея, на библіотеку израсходовано 101,000 руб.; нѣкоторыя изданія большей цѣнности, напр. „*Sacra Concilia*“, „*Monumenta Germaniae historica*“ и „*Corpus inscriptionum latinarum*“, — каж-

дое стоитъ до 1000 руб.; всю стоимость библіотеки съ книгами, пожертвованными и полученными въ обмѣнъ на издаваемый лицеемъ „Временникъ“, можно опредѣлить въ 150,000 р.

Своимъ внутреннимъ составомъ и изящною внѣшнею обстановкою наша библіотека особенно обязана бывшему директору лицея, нынѣ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа, М. Н. Капустину, управлявшему лицеемъ 13 лѣтъ.

На помощь матеріальнымъ нуждамъ студентовъ служить состоящее при лицѣ „Попечительство о недостаточныхъ студентахъ“. Путемъ этого попечительства лицей соединяется съ мѣстнымъ обществомъ: членами попечительства состоятъ многіе представители мѣстнаго общества, нѣкоторые изъ послѣднихъ входятъ въ составъ и правленія попечительства; Ярославская городская дума, губернское и уѣздное земства ежегодно жертвуютъ въ пользу попечительства опредѣленные суммы. Попечительство помогаетъ студентамъ взносами платы за слушаніе лекцій, если неимущій студентъ по своимъ экзаменаціоннымъ отмыткамъ не можетъ быть освобожденъ отъ этой платы правленіемъ лицея; попечительство выдаетъ студентамъ денежные пособія и заимообразныя ссуды на опредѣленные сроки. Доходы попечительства составляютъ членскіе взносы, сборы съ устрояемыхъ въ пользу попечительства спектаклей, литературно-музыкальныхъ и танцевальныхъ вечеровъ, проценты съ неприкосновеннаго капитала попечительства въ 10500 р. Наибольшій доходъ составляютъ сборы съ вечеровъ и спектаклей, въ которыхъ постоянно участвуютъ члены мѣстнаго общества обо-его пола, представляя этимъ новый видъ общенія мѣстнаго общества съ лицеемъ. Въ минувшемъ году были устроены: въ ноябрѣ музыкально-танцевальный вечеръ и въ апрѣлѣ спектакль, данный въ городскомъ театрѣ. Въ качествѣ предсѣдателя правленія попечительства я не могу не принести сердечной благодарности всѣмъ участвовавшимъ въ спектаклѣ и въ исполненіи программы музыкальнаго вечера!

Въ заключеніе настоящаго отчета я скажу о значеніи дня,

опредѣленнаго для нашего годичнаго лицейскаго праздника. День лицейской годовщины совпадаетъ съ храмовымъ лицейскимъ праздникомъ. Лицейская церковь освящена во имя благовѣрнаго князя Александра Невского. При этомъ вспомнимъ, что этотъ князь посѣтилъ Ярославль и былъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ лицей, занимающій мѣсто дворца древнѣйшихъ ярославскихъ князей. По свидѣтельству лѣтописей, въ 1249 году ярославскій князь Василій Всеволодовичъ, будучи во Владимірѣ, гдѣ княжилъ Александръ, скончался; тѣло Василя изъ Владиміра было отвезено въ отчину его, въ Ярославль, изъ Владиміра для сопровожденія тѣла ярославскаго князя отправлялся князь Александръ съ другими князьями.

Покойный министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой выбралъ въ 1870 г. днемъ открытія лица 30 августа, день тезоименитства покойнаго Государя Императора, въ ознаменованіе благодарности къ Государю, соизволившему дать средства на преобразование лица. Днемъ тезоименитства Императора осталось 30 августа и при нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ. Лицейскій праздникъ совпадаетъ съ высокаторжественнымъ днемъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ Александра III. Божественнымъ Промысломъ намъ даровано то благо, котораго лишены другія европейскія государства, — самодержавная власть Государя, Который, по справедливому признанію Русскаго народа, подтверждаемому исторіею, является источникомъ всякаго блага, правды и милости. Самодержавный Государь даруется намъ свыше, самимъ рожденіемъ, получая власть отъ Бога. Согласно съ этими понятіями о существѣ и происхожденіи Русской верховной власти должны воспитываться слушатели высшаго юридическаго училища; мы должны готовить вѣрныхъ слугъ нашему Самодержавному Государю, способныхъ работать на пользу осуществленія тѣхъ высокихъ идеаловъ, которые указываетъ намъ нашъ Верховный Вождь по пути къ правдѣ и къ благоденствію Русскаго народа.

Директоръ *С. Шилевскій.*

11
101 (Приложеніе къ лѣтописи Лицея за 1889—90 учебный годъ).

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

Демидовскаго Юридическаго Лицея,

окончившихъ въ ономъ полный курсъ,

Первый выпускъ—1874 г. ¹⁾.

*1. Архангельскій Николай Дмитриевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Мировой судья, по назначенію отъ правительства, въ Динабургъ.

*2. Бенедиктовъ Алексѣй Ивановичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь Заславскаго уѣзда, Волынской губ.

3. Боевской Михаилъ Александровичъ, Яросл. губ. Товарищъ прокурора при окруж. судѣ въ Екатеринославѣ.

4. Бѣляевъ Александръ Матвѣевичъ, Костромской губерніи. Товарищъ прокурора окр. суда въ Вяткѣ.

5. Васильевъ Николай Васильевичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Введенскій Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Умеръ въ 1888 г., состоя старш. пом. Оберъ-Секр. въ Сенатѣ.

7. Веригинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Виноградовъ Александръ Николаевичъ, Тверской губерніи. Перомонахъ (Алексѣй), миссіонеръ въ Китаѣ.

---

1) Тѣ изъ окончившихъ курсъ въ Лицеѣ, противъ которыхъ поставлена звѣздочка, окончили курсъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

II

9. Головачевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговской губ. Умеръ въ 1875 г., состоя канд. на суд. долж. при окр. судѣ въ Кишеневѣ.

*10. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Яросл. г. Преподаватель учительской семинар. въ Карачевѣ, Орловской губ.

*11. Добротинъ Арсеній Андреевичъ, Ярославск. губ. Секретарь городской думы въ Рыбинскѣ.

12. Драбовскій Петръ Тимофеевичъ, Новгородской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Дьяковъ Викторъ Михайловичъ, Вологодской губерн. Судебный слѣд. 2-го уч. Тотемскаго уѣзда, Волог. губ.

*14. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Яросл. губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

15. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Яросл. губ. Членъ окружнаго суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*16. Казанскій Александръ Ивановичъ, Яросл. губ. Судебн. слѣдователь 1-го уч. Княгининскаго у., Нижег. губ.

17. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратовской губ. Мировой судья въ Оренбургѣ.

*18. Князевскій Степанъ Андреевичъ, Саратовской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Колокольцевъ Лавръ Флегонтовичъ, Яросл. губ. Суд. слѣд. 2-го уч. Кадниковскаго уѣзда, Волог. губ.

20. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьковской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*21. Лебедевъ Александръ Максимовичъ, Тульской губерн. Товарищъ прокурора окруж. суда въ Кутаисѣ.

*22. Лебедевъ Василій Ѳеодоровичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Варшавѣ.

*23. Лыткинъ Николай Константиновичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Сарапулѣ.

24. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костр. губ. Мировой судья по назнач. отъ правит. въ Царевск. у., Астрах. губ.

III

25. Мерцаловъ Николай Ѳеодоровичъ, Тульск. губ. Умеръ въ 1882 году, находясь суд. слѣд. въ Усть-Медвѣдицкѣ.

*26. Минервинъ Александръ Евграфовичъ, Яросл. г. Испр. долж. доцента въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ.

27. Моревъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Дѣлопроизводитель VIII класса въ Департ. Народн. Просвѣщенія.

*28. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Яросл. губ. Мир. судья по назнач. отъ правит. въ Горѣцк. у., Могил. губ.

29. Орловъ Александръ Тимофеевичъ, Тамбовск. губ. Умеръ въ 1880 г., находясь судебн. слѣд. въ Оренбургѣ.

*30. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужск. губ. Предсѣд. сѣзда Мир. судей въ Кобринѣ Гродн. губ.

*31. Островскій Николай Петровичъ, Яросл. губ. Судебн. слѣдователь въ Пошехонѣ.

*32. Покровскій Иванъ Ѳеодоровичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Харьковѣ.

*33. Польскій Михаилъ Ивановичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Вологодскаго уѣзда.

*34. Протопоповъ Петръ Владиміровичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

35. Розовъ Николай Николаевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1875 г., состоя помощ. ревизора контр. палаты въ Ташкентѣ.

*36. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Ярослав. губ. Судебный слѣдователь въ г. Мологѣ.

*37. Розовъ Сергѣй Алексѣевичъ, Яросл. губ. Умеръ въ 1888 г., состоя Тов. губ. прокурора въ Мензелинскѣ.

38. Свидерскій Іосифъ Михайловичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Романовъ-Борисоглѣбскаго уѣзда.

39. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

40. Смарагдовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель сѣзда мир. суд. въ Ушицахъ Подольск. губ.

*41. Соколовъ Сергѣй Александровичъ, Московск. губ. Судебный слѣдователь Бронницкаго уѣзда, Московск. губ.

*42. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярослав. губерн. Дѣлопроизв. VI кл. въ Департаментъ Народн. Просвѣщенія.

43. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губерн. Бухгалтеръ губ. андизнаго управл. во Владимірѣ.

44. Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окруж. суда въ Костромѣ.

*45. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губерн. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Баталинъ Сергѣй Михайловичъ, Калужской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Беллертъ Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1876 г., не поступивъ на службу.

3. Богородскій Иванъ Флегонтовичъ, Ярослав. губ. Суд. слѣдователь 2-го уч. Орловскаго у., Вятской губ.

4. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Валединскій Григорій Ивановичъ, Владим. губ. Умеръ въ 1880 году, состоя кандидат. на судебн. должн. Нижегородскаго окружнаго суда.

*6. Волковичъ Димитрій Львовичъ, Черниговской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владим. губ. Изъ судебныхъ слѣд. Бердичевск. у., причисленъ въ Мин. Юстиціи.

*9. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты и присяжный стряпчій Коммерческаго суда въ Москвѣ.

*10. Дмитревскій Ѳедоръ Семеновичъ, Тульской губерніи. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*11. Елпидинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. по важнѣйшимъ дѣламъ въ Петроковѣ.

*12. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Васильсурскѣ.

*13. Капустинъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Умеръ въ 1882 г., состоя судеб. слѣд. Слוצкаго уѣзда.

*14. Климовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Товар. Прокурора при Окружномъ судѣ въ Перми.

*15. Любимовъ Митрофанъ Андреевичъ, Калужской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*16. Люминарскій Николай Михайловичъ, Костр. губерніи. Умеръ 1885 г. состоя секр. канц. оберъ-прокурора св. синода.

*17. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губерніи. Старшій Нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*18. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черниг. губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Вяткѣ.

19. Минервинъ Ардрей Семеновичъ, Владим. губ. Состоя судеб. слѣд. 2-го уч. Челябинск. у., умеръ въ 1885 г.

*20. Минервинъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерніи. Присяжный повѣренный въ Ельцѣ Орловской губ.

21. Надѣинскій Павелъ Ѳедоровичъ, Ярославской губ. Судеб. слѣд. 2-го уч. Малмыжскаго у., Вятской губ.

*22. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судеб. слѣдователь въ Калугѣ.

23. Павловъ Константинъ Николаевичъ, Рязанской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губерніи. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

25. Преображенскій Александръ Михайловичъ, Костромской губерніи. Умеръ въ 1887 году, состоя помощникомъ оберъ-секретаря 4 департамента Сената.

26. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губ. Состоя Исправникомъ въ г. Меленкахъ, умеръ въ 1888 году.

27. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь Ветлужскаго уѣзда, Костромской губ.

28. Смирновъ Иванъ Михайловичъ, Псковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*29. Соколовъ Степанъ Васильевичъ, Смоленск. губ. Состоя судебн. слѣдователемъ Стѣнинскаго уѣзда, умеръ въ 1883 году.

*30. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сандомирѣ.

31. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Сарапулѣ.

32. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Яросл. губ. Причисленъ къ Министерству Юстиціи.

33. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яр. губ. Суд. слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегородской губ.

34. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губ.

*35. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Яросл. губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Москвѣ.

36. Ульяшенко Сергѣй Ивановичъ, Владимірекой губ. Судебный слѣд. 3-го участка Шуйскаго уѣзда.

37. Уткинъ Петръ Петровичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Шавли.

*38. Фортунатовъ Павелъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чанцевъ Сергѣй Александровичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣд. 2-го уч. Витебскаго уѣзда.

40. Шиповъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

41. Эдемъ Николай Дмитріевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*42. Якиманскій, Александръ Михайловичъ, Владим. губ. Мировой судья въ Верхнеуральскѣ Оренб. губ.

*43. Яхонтовъ Николай Алексѣевичъ, Костромской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

Третій выпускъ—1876 года.

1. Александровскій Иванъ Михайловичъ, Тульской губерн. Состоя судебн. слѣдователемъ въ Вильно, умеръ въ 1884 г.

*2. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*3. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губ. Уездн. членъ окружнаго суда въ Кологривѣ, Костр. губ.

*4. Вознесенскій Александръ Ивановичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебн. слѣдователь 20 участка Смоленской губерніи.

*6. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжн. повѣренный въ Иркутскѣ.

*7. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи. Присяжн. повѣренный въ Москвѣ.

8. Кириловъ Михаилъ Васильевичъ, Московской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Лапчинскій Ѳедоръ Алексѣевичъ, Черниговской губерн. Членъ соединенной палаты въ Архангельскѣ.

*10. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губ. Суд. слѣдователь 3-го уч. Ставропольск. у., на Кавказѣ.

11. Лилеевъ Михаилъ Николаевичъ, Яросл. губ. Судебн. слѣдователь Чембарскаго уѣзда Пензенской губ.

12. Маляровъ Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губ. Судебн. слѣдователь Верхотурскаго уѣзда.

13. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Казани.

14. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣд. Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губ.

*15. Нечаевъ Лука Ивановичъ, Тульской губ. Умеръ въ 1883 г., состоя судебн. слѣд. Богородицкаго уѣзда.

16. Остроумовъ Николай Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Мещевскаго уѣзда.

17. Оферьевъ Ѳеодоръ Арсеньевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Юрьевскаго уѣзда.

18. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора при окружн. судѣ въ Евкатеринодарѣ.

19. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губ. Судебный слѣд. 3-го уч. Чигиринскаго уѣзда.

20. Прозоровскій Михаилъ Григорьевичъ, Калужск. г. Умеръ въ 1878 г., состоя пом. дѣлопроизв. Калуж. губ. правленія.

*21. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*22. Поповъ Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской губерніи. Мировой судья, по выбору, въ г. Тотмѣ.

23. Разумовскій Апполонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Харьковѣ.

24. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

25. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Яросл. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Нерехтѣ.

26. Субботинъ Василій Философовичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

27. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губ. Судебный приставъ въ Весъегонскѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Алякринскій Митрофанъ Александровичъ, Владим. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Бенедиктовъ Геннадій Петровичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ.

*3. Валединскій Илья Геронимовичъ, Владимірской губерн. Старшій чиновникъ особыхъ порученій губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ.

4. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

5. Галаховъ Алексѣй Михайловичъ, Тверской губ. Состоя при Министерствѣ Юстиціи, умеръ въ 1878 г.

6. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губ. Старшій помощникъ окружнаго акцизнаго надзирателя въ Умани.

7. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ Предсѣдателя губернскаго суда въ Енисейскѣ.

8. Гродзицкій Василій Ивановичъ, Минской губ. Состоя судебнымъ слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ, умеръ въ 1880 г.

9. Духовской Евгеній Васильевичъ, Нижегород. губ. Состоя присяжнымъ повѣреннымъ въ Москвѣ, умеръ въ 1889 году.

10. Журавченко Михаилъ Ивановичъ, Черниг. губ. Состоя канд. на суд. долж. Яросл. окр. суда, умеръ въ 1881 году.

11. Казанскій Павелъ Андреевичъ, Тульской губ. Судебн. слѣдователь Козеницкаго уѣзда, Радомской губерніи.

*12. Казанцевъ Леонидъ Николаевичъ, Яросл. губ. Экстра-орд. проф. по римскому праву въ университетѣ Св. Владиміра.

*13. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губ. Учитель реального училища въ Курскѣ.

14. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

16. Михайловскій Арсеній Николаевичъ, Тверской губерн. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*17. Моригеровскій Сергѣй Ивановичъ, Тульской губерніи. Прокуроръ окружнаго суда въ Екатеринодарѣ.

18. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реального училища въ Екатеринославѣ.

19. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимір. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговск. губ. Судебный слѣдователь Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губ.

21. Никольскій Петръ Павловичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Екатеринодарѣ.

22. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губерніи. Мировой судья въ Могилевѣ.

23. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губ. Директоръ Михайловскаго дворянскаго земельного банка въ Кутаисѣ.

24. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губерніи. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

25. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губ.

*26. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопроизвод. VIII кл. въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія.

*27. Пѣтунинъ Алексѣй Яковлевичъ, Яросл. губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

28. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

30. Сахаровъ Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

31. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Брянскаго уѣзда.

*32. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губерніи. Мировой судья, по выбору, въ гор. Шацкѣ.

*33. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Соловьевъ Иванъ Николаевичъ, Владим. губ. Умеръ въ 1885 г., состоя секретаремъ Таврич. дух. консисторіи.

35. Страховъ Александръ Семеновичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Успенскій Алексѣй Николаевичъ, Москов. губ. Умеръ въ 1881 г., находясь помощн. присяжн. повѣрен. въ Ярославлѣ.

37. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Помощникъ старшаго Нотаріуса окружн. суда въ С.-Петербургѣ.

38. Утѣхинъ Филаретъ Владиміровичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь Луковскаго уѣзда, Свѣдѣнской губ.

39. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

40. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Ковно.

Пятый выпускъ—1878 года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владимірска. губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Меленковскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣрен. округа Московской судебной палаты.

3. Афанасьевъ Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

4. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губерніи. Старшій ревизоръ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

5. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Устьмедвѣдицкѣ.

6. Виноградовъ Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірска. губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Вознесенскій Николай Алексѣевичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь 4-го уч. Оренбургской губ.

8. Воскресенскій Николай Дмитриевичъ, Тульской губерніи. Судебный слѣдователь Цовенѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

9. Гладковъ Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской губ. Состоя присяжн. повѣр. во Владиміръ, умеръ въ 1888 г.

*10. Доброхотовъ Александръ Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Умеръ въ 1883 году, состоя судебнымъ слѣдователемъ въ Устюгѣ.

*11. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ, Яросл. губ. Непременный засѣдатель крестьянскаго присутствія въ г. Даниловѣ.

12. Ивановскій, Александръ Ивановичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Динабургѣ.

13. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Краснопѣвцевъ Алексѣй Ивановичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Лавровъ Алексѣй Андреевичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Бронницахъ.

17. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

18. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ.

19. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Васильсурскаго уѣзда.

20. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

21. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губерніи. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

23. Орельскій Иванъ Андреевичъ, Нижегородской губерніи. Судебный слѣдователь Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ.

24. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губерніи. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркасскѣ.

XIII

*25. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Ярослав. губ. Чинovn. особыхъ поруч. при управленіи госуд. имущ. въ Новгородѣ.

26. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

27. Поспѣловъ Николай Алексѣевичъ, Московской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губ.

29. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губерн. Въ управленіи волжско-камскаго Банка въ Петербургѣ.

30. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромской губ. Судебный слѣд. 1-го уч. Орловскаго уѣзда, Вятской губ.

31. Сергѣевъ Петръ Степановичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь Новохоперскаго уѣзда, Воронежской губ.

32. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь Поневѣжскаго уѣзда, Ковенской губ.

33. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губерн. Секретарь духовной консисторіи въ Житомирѣ.

34. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Преподаватель реальн. уч. въ Троицкосавскѣ, Забайкальск. обл.

35. Страховъ Иванъ Игнатьевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

36. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерніи. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Вязникахъ.

37. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Варшавской губ.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алексѣевскій Александръ Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Усманскаго уѣзда, Воронежской губ.

2. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь Челябинскаго уѣзда.

*3. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губерні. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

4. Бѣлоровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губерні. Засѣдатель окружнаго суда въ Каинскѣ, Томской губ.

5. Виноградовъ Иванъ Сергѣевичъ, Костромской губерніи. Столоначальникъ въ Министерствѣ Императорскаго двора.

6. Знаменскій Николай Павловичъ, Владимірской губерні. Судебный слѣдователь Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губ.

7. Козловскій Иванъ Гавриловичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи.

8. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губерні. Судебный слѣдователь 1-го уч. Ковровскаго уѣзда.

9. Миронъ Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской губерніи. Состоя помощникомъ попечителя Калмыцкаго народа въ Астрахани, умеръ въ 1880 году.

10. Никольскій Николай Яковлевичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь 3-го уч. Винницкаго у., Подольской губ.

*11. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губерні. Учитель реального училища въ Урюпинской станицѣ (земли войска донскаго).

*12. Орлинскій Евсеій Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

13. Платоновъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Астраханскаго уѣзда.

14. Романовскій Алексѣй Константиновичъ, Московск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губерні. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

*16. Соколовъ Николай Ѳедоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

17. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Гродно.

*18. Титовъ Сергѣй Георгіевичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Вологдѣ.

19. Ураковъ Павелъ Петровичъ, Костром. губ. Помощникъ секретаря при окружномъ судѣ въ Костромѣ.

*20. Успенскій Алексѣй Ѳеодоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Витебской губерніи.

*21. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородск. губ. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*22. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ. Секретарь окружного суда въ Смоленскѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

*1. Безсоновъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

2. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 2-го уч. Гороховецкаго уѣзда.

3. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Кизлярѣ, Терской области.

4. Горлицынъ Владиміръ Авксентьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*5. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижегородск. губ. Судебный слѣдователь въ Ардатовѣ.

*6. Гусевъ Николай Николаевичъ, Московской губерніи. Въ распоряженіи Виленскаго губернскаго прокурора.

7. Дубенскій Николай Николаевичъ, Петербургской губ. Судебный слѣдователь 4-го уч. Бобруйскаго уѣзда, Минской губ.

8. Ждановъ Андрей Андреевичъ, Полтавской губ. Мировой судья по выбору въ Царыцынѣ.

9. Колосовскій Иванъ Владиміровичъ, Черниговской губ. Членъ соединенной палаты въ Уфѣ.

*10. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружного суда въ Елисаветполѣ.

11. Любимовъ Павелъ Ѳомичъ, Рязанской губ. Судебный слѣдователь 5-го уч. Роменскаго уѣзда, Ковенской губ.

12. Муравьевъ Сергѣй Ивановичъ, Московск. губ. Судебный слѣдователь въ Болховѣ, Орловской губ.

13. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

*14. Пятницкій Михаилъ Петровичъ, Ярославской губерн. Изъ судебн. слѣдоват. Кологрива, причисленъ къ Мин. Юстиціи.

15. Пѣнскій Алексѣй Николаевичъ, Тверской губ. Секретарь акцизнаго управленія въ Ковно.

*16. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

17. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерн. Архивариусъ окружнаго суда въ Ярославлѣ.

19. Фортунатовъ Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губерн. Судебный слѣдователь 2-го уч. Россіенскаго у., Ковенск. губ.

20. Чернобровцевъ Василій Дмитріевичъ, Владимір. губ. Судебный слѣд. 1-го уч. Семеновскаго уѣзда, Нижегород. губ.

*21. Шубинъ Николай Александровичъ, Петербургск. губ. Членъ окружнаго суда въ Баку.

*22. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Язвицкій Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣд. Макарьевскаго уѣзда, Нижегородской губерн.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московск. губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Гофманъ Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Духовщинѣ.

*5. Ильинъ Порфирій Николаевичъ, Петербургской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

6. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Архангельскѣ.

7. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь 1-го уч. Звенигородскаго уѣзда.

*8. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь Устюжскаго уѣзда Новгородской губерніи.

9. Крыловъ Павелъ Александровичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь 4-го уч. Ставропольскаго уѣзда на Кавказѣ.

11. Дялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерн. Присяжный повѣренный въ Твери.

13. Милославовъ Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Поповъ Дмитрій Васильевичъ, Вологодской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 8 участка Екатеринбургскаго уѣзда.

16. Предтеченскій Николай Андреевичъ, Ярославск. губ. Уѣздный исправникъ въ г. Рыбинскѣ.

17. Приселковъ Владиміръ Захаровичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*18. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

XVIII

19. Раевскій Ѳеодоръ Константиновичъ, Костромской губ. Состоя кандидат. на судебн. должности при Костромскомъ окр. судѣ, умеръ въ 1883 году.

20. Рождественскій Ѳеодоръ Дмитріевичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ.

21. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губерні. Судебный слѣдователь Мстиславскаго уѣзда Могилевской губерніи.

22. Смирновъ Михаилъ Михайловичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Судогодскаго уѣзда.

*23. Смоленскій Михаилъ Ѳеодоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Хотинскаго уѣзда.

24. Соколовъ Александръ Глѣбовичъ, Ярославской губерні. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губерні. Судебн. слѣдов. 3-го уч. Балашевскаго уѣзда Саратовской губ.

26. Троицкій Василій Михайловичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Уфимской губерніи.

27. Троицкій Василій Ѳеодоровичъ, Рязанской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*28. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губерні. Помощн. мирового судьи Озургетскаго уѣзда, Кутаисской губ.

Девятый выпускъ—1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Могилевѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 15 уч. округа Варшавскаго окружнаго суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь 1-го участка Борисовскаго уѣзда, Минской губерніи.

4. Дагаевъ Аркадій Ѳеодоровичъ, Воронежской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тамбовѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерні.

Судебный слѣдователь въ Кириловѣ Новгородской губерніи.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Кондратьевъ Михаилъ Петровичъ, Московской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

8. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Надеждинъ Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Податной инспекторъ въ Покровѣ.

10. Ораевскій Ѳеодоръ Александровичъ, Ярославской губ. Секретарь мирового съѣзда въ Костромѣ.

11. Платоновъ Василій Александровичъ, Тамбовской губ. Мировой судья въ Пинегѣ.

*12. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Солигаличѣ.

13. Полянскій Ѳеодоръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Воронежѣ.

14. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь Шацкого уѣзда, Тамбовской губерніи.

15. Соколовъ Иванъ Иасоновичъ, Ярославской губ. Мировой судья по выбору въ г. Даниловѣ.

*16. Тверицкій Павелъ Ѳеодоровичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь въ Ростовѣ-Ярославскомъ.

17. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губерніи. Помощникъ акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губерніи. Податной инспекторъ въ Муромѣ.

2. Андруцкій Гавріиль Дмитріевичъ, Могилевской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Вилейскаго у., Виленской губ.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губерні.
Судебный слѣдователь въ Мышенѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославской губерні.
Свѣдѣній не доставилъ.

5. Бѣлогостицкій Петръ Ивановичъ, Ярославской губерні.
Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

*6. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губерні.
Помощникъ секретаря судебной палаты въ Саратовѣ.

7. Бѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской губерні.
Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ.
Податной инспекторъ въ Ярославлѣ.

*9. Введенскій Николай Дмитріевичъ, Ярославской губерні.
Свѣдѣній не доставилъ.

*10. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губерні.
Кандидатъ на судебныя должности при прокурорѣ окружнаго суда въ Рязани.

11. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губерні.
Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

*12. Воскресенскій Дмитрій Андреевичъ, Тверской губерні.
Судебный слѣдователь въ Торонцѣ Псковской губерні.

*13. Голубцовъ Алфѣй Александровичъ, Вологодской губ.
Податной инспекторъ въ Шуѣ.

*14. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губерні.
Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ.

15. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губ.
Судебный слѣдователь въ Слонимѣ.

16. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губ.
Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда.

17. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губерні.
Судебный слѣдователь Стопницкаго уѣзда, Кѣлецкой губерні.

18. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

19. Ивинскій Ѳеодоръ Петровичъ, Тамбовской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тамбовѣ.

20. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губ. Помощникъ мирового судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

21. Каллиниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

22. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

23. Лебедевъ Василій Ѳеодоровичъ, Уфимской губ. Мировой судья въ Моршанскѣ.

*24. Невскій Александръ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Ригѣ.

*25. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губ. Библіотекаръ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

26. Образцовъ Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской губерніи. Состоя судебнымъ слѣдователемъ въ Архангельскѣ, умеръ въ 1890 году.

27. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губерн. Помощникъ надзир. 5 окр. акцизнаго управл. въ Чернигов. губ.

28. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Москвѣ.

29. Поповъ Александръ Ивановичъ, Харьковской губерн. Умеръ въ 1888 г., состоя Секретаремъ окруж. суда въ Гродно.

30. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губерн. Судебный слѣдователь въ г. Сейны, Сувалкской губерніи.

*31. Розановъ Константинъ Александровичъ, Вологодской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

32. Сацедотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Вологдѣ.

33. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губерніи. Мировой судья въ Тельшевѣ.

*34. Соловьевъ Николай Васильевичъ, Олонецкой губерніи. Секретарь духовной консистор. въ Ставрополѣ, Таврической губ.

35. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губерн. Помощникъ Мирового судьи на Кавказѣ.

*36. Тихонравовъ Александръ Ѳеодоровичъ, Симбирской губ. Присяжный повѣренный въ Ригѣ.

*37. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь 1-го уч. Соеницкаго уѣзда.

38. Троцкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь Брацлавскаго уѣзда, Подольской губ.

39. Успенскій Алексѣй Петровичъ, Тульской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Тулѣ.

40. Чернобровцевъ Константинъ Ивановичъ, Владим. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Костромѣ.

41. Шмаковъ Семенъ Васильевичъ, Архангельской губерн. Умеръ въ 1888 г., состоя Секретаремъ окруж. суда въ Вологдѣ.

42. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губерніи. Мировой судья въ Умани.

43. Юрьевъ Алексѣй Николаевичъ, Курской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Язвницкій Александръ Павловичъ, Владимірской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*45. Ѳеодоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Суд. слѣдов. Отрадненскаго уч. Екатеринодарскаго окруж. суда.

46. Ѳоминъ Василій Яковлевичъ, Помощ. дѣлопроизводит. канцеляріи Государственнаго Контроля VII класса.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Помощникъ Мирового судьи въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Аргентовскій Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Каинскѣ.

*4. Бесѣдинъ Павелъ Ѳеодоровичъ, Московской губ. Приватъ-доцентъ въ Лицеѣ по уголовному праву.

5. Благоннадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Семеновскаго уѣзда.

6. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Горкахъ.

7. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владимірской губерніи. Помощникъ секретаря окружн. суда во Владимірѣ.

8. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кѣльцахъ.

9. Высоцкій Иванъ Константиновичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярослав. губ. Судебный слѣдователь въ Устьысольскѣ.

11. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губерніи.

12. Городецкій Александръ Степановичъ, Пензенской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Челябинскаго уѣзда.

13. Грацинскій Павелъ Павловичъ, Воронежской губерніи. Городской судья въ Стародубѣ.

14. Громковскій Иванъ Кандратовичъ, Тамбовской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Кунгурскаго уѣзда.

15. Дмитріевъ Михайлъ Александровичъ, Архангельской губерніи. Податной инспекторъ въ Вологдѣ.

16. Заваринъ Владиміръ Павловичъ, Вологодской губерніи. Судебный слѣдователь въ Бугульмѣ.

*17. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Либавѣ.

*18. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губерніи. Окружный акцизный надзиратель въ Бѣжецкѣ.

*19. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Осташковѣ.

20. Купріановъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го уч. Мензелинскаго уѣзда.

*21. Лебедевъ Иванъ Александровичъ¹⁾, Олонецкой губер. Мировой судья въ Онегѣ.

22. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

23. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губерніи. Секретарь окружного суда въ Воронежѣ.

*24. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь въ Tobольской губерніи.

*25. Миславскій Николай Ѳеодоровичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь 4-го уч. во Владимірѣ-Волынскомъ.

26. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губер. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Моисеевъ Ѳеодоръ Ивановичъ, Харьковской губерніи. Дѣлопроизводитель 3 округа Акцизнаго Управленія въ Самарѣ.

*28. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Свѣдѣній не имѣется.

*29. Нехорошевъ Тимофей Васильевичъ, Томской губерніи. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

30. Никифоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ гг. Мологѣ и Мышкинѣ.

31. Никольскій Дмитрій Герасимовичъ, Орловской губер. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

32. Павловскій Сергѣй Александровичъ, Орловской губер. Совѣтникъ губернскаго суда въ Енисейскѣ.

33. Петровскій Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

34. Плетеневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Членъ соединенной палаты въ Астрахани.

35. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургской губерніи.

*36. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губ. Товарищъ прокурора окружного суда въ Сувалкахъ.

¹⁾ Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

37. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губерни. Судебный слѣдователь Ошмянскаго уѣзда.

38. Поповъ Ѳедоръ Львовичъ, Вятской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губерніи. Частный повѣренный въ Шадринскѣ, Пермской губерніи.

40. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Ферганской области.

41. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губерни. Секретарь губернскаго акцизнаго управленія въ Самарѣ.

42. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

43. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губерніи. Столоначальникъ въ департ. министерства юстиціи.

45. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

46. Самойловичъ Владиміръ Александровичъ, Полтав. губ. Кандидатъ на суд. долж. при прокур. суд. палаты въ Одессѣ.

*47. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

48. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Дорогобужѣ.

49. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губерни. Товарищъ губ. прокурора въ Томскѣ.

*50. Семидаловъ Владиміръ Ивановичъ, Енисейской губерни. Окружный судья въ Красноярскѣ.

*51. Серповскій Николай Григорьевичъ ¹⁾, Тамбовской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Люблинѣ.

52. Скворцовъ Павелъ Космичъ, Московской губерни. Свѣдѣній не доставилъ.

---

1) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

53. Спасскій Василій Павловичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Аткарскаго уѣзда, Саратовской губерніи.

54. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Иркутской губерніи.

55. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

56. Страховъ Михаилъ Васильевичъ, Калужской губерніи. Судебный слѣдователь Боровскаго уѣзда.

57. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губерніи.

*58. Сулковскій Василій Константиновичъ, Минской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

59. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Могилевѣ.

*60. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губ. Мировой судья, по выбору, въ Ярославлѣ.

61. Троицкій Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

62. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Лидскаго уѣзда.

63. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Калишѣ.

64. Флеровъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Архангельскѣ.

65. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебныя должн. при окруж. судѣ въ Москвѣ.

66. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губерніи. Судебный слѣдователь въ Баку.

67. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Рыбинскѣ.

68. Хохловъ Алексѣй Александровичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

69. Цвѣтковъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерніи.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

70. Часовниковъ Федоръ Михайловичъ, Воронежской губ.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*71. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ.

Суд. слѣд. 1-го уч. Новогригорьевскаго у., Ставроп. окр. суда.

72. Шелепинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губерніи.

Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Могилевѣ.

73. Оедосѣевъ Александръ Петровичъ, Владимірской губ.

Судебн. слѣдователь Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губерніи.

Судебный слѣдователь 2-го уч. Роменскаго у., Полтавской губерніи.

*2. Архангельскій Иванъ Космичъ, Ярославской губерніи.

Секретарь окружнаго суда въ Кѣльцахъ.

3. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерніи.

Кандидатъ на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Казани.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губерніи.

Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Орлѣ.

5. Богородицкій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимірской губ.

Помощникъ столоначальника казенной палаты во Владимірѣ.

*6. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губерніи.

Суд. слѣдователь 3-го уч. Новогрудскаго уѣзда, Минской губ.

7. Быстрицкій Всеволодъ Владиміровичъ, Владимірской

губерніи. Въ акцизномъ управленіи въ Муромѣ.

8. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губерніи.

Товарищъ прокурора въ Самаркандѣ.

*9. Введенскій Федоръ Викторовичъ, Орловской губ. Судебн.

слѣдователь 2-го уч. Гайсинскаго уѣзда, Подольской губ.

10. Виноградовъ Николай Николаевичъ, Орловской губерніи.

Свѣдѣній не доставилъ.

11. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Радомѣ.

12. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимірской губерніи. Помощникъ секрет. окр. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

13. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Троицкѣ Оренбургской губерніи.

*14. Гродзицкій Митрофанъ Іосифовичъ, Минской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кіевѣ.

15. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Драгомирецкій Дмитрій Теофановичъ, Подольск. губ. Старшій контролеръ винокур. заводовъ 4 окр. въ Подольскѣ.

17. Ераси Владиміръ Ивановичъ, Владимірской губерніи. Умеръ въ 1887 г., состоя пом. присяжн. новѣрен. во Владимірѣ.

18. Зыковъ Арсеній Павловичъ, Тверской губерніи. Судебный слѣдователь въ Митавѣ.

19. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

20. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисск. губ. Помощникъ мирового судьи по Тифлисскому уѣзду.

21. Короткевичъ Николай Дмитриевичъ, Черниговской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Нѣжинѣ.

22. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ, Орловской губерніи. Старшій контролеръ 2 окр. акцизн. управленія въ Орлѣ.

23. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь Зубцовскаго уѣзда, Тверской губерніи.

24. Ломакинъ Константинъ Павловичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Либавѣ.

25. Лубнинъ Алексѣй Дмитриевичъ, Вятской губ. Городской судья въ Колоткривѣ.

26. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

27. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

28. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тулѣ.

29. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Ейскѣ Кубанской области.

30. Никольскій Ѳеодоръ Петровичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь Белебѣвскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

31. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Помощн. мирового судьи въ Ферганской области.

32. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Вологдѣ.

33. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь Бирскаго уѣзда, Уфимской губерніи.

*34. Проценко Николай Николаевичъ, Петербургской губ. Въ министерствѣ финансовъ.

35. Преображенскій Василій Ивановичъ, Московской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Вологдѣ.

36. Рѣлицкій Николай Васильевичъ, Черниговской губерніи. Городской судья въ Бронницахъ.

*37. Смирновъ Дмитрій Васильевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Соколовъ Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь 1-го участка Бирскаго у., Уфимской губ.

39. Соколовъ Александръ Васильевичъ, Казанской губерніи. Товарищъ губернскаго прокурора въ Тобольскѣ.

40. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Иваново-Вознесенскѣ.

41. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губерніи. Добавочный мировой судья въ Архангельскѣ.

*42. Сперанскій Петръ Ивановичъ, Калужской губерніи. Состоя кандидатомъ на судебныя должности при Калужскомъ окружномъ судѣ, умеръ въ 1886 году.

43. Третьяковъ Иванъ Антоновичъ, Смоленской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

44. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

45. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губ. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

46. Тюльпановъ Федоръ Степановичъ, Владимірской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го участка Судогодскаго уѣзда.

47. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губерніи. Судебный слѣдователь въ Белебѣ.

48. Хабурзанія Антонъ Степановичъ, Тифл. губ. Канд. на судебныя долж. при Сачхерскомъ миров. съѣздѣ Кутаисской губ.

49. Цѣлипо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губерніи. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

50. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Канд. на судебныя долж. при Луцкомъ прокурорѣ.

*51. Четыркинъ Павелъ Васильевичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Лидскаго уѣзда.

52. Шугаевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговской губерніи. Умеръ въ 1888 году, состоя кандидатомъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ.

53. Федотовъ Арсеній Петровичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. Новохоперскаго уѣзда.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давидовичъ, Харьковской губерніи. Мировой судья въ Бакинской губерніи.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

3. Богоявленскій Филадельфъ Васильевичъ, Казанской губерніи. Умеръ въ 1887 году, состоя кандидатомъ на судебныя должности при Ярославскомъ окружномъ судѣ.

4. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при прокурорѣ окружнаго суда въ Ярославль.

5. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Помощникъ контролера въ акцизн. управленіи въ Петербургѣ.

6. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Демидовичъ Александръ Ѳедоровичъ, Екатеринославской губерніи. Помощникъ мирового судьи въ Батумѣ.

9. Иваншинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губерніи. Помощникъ присяжн. повѣреннаго въ Ярославль.

10. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. Литинскаго уѣзда.

11. Каменцевъ Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Кириевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь 1-го уч. въ Грязовцѣ.

13. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

14. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Кандидатъ при прокурорѣ окружнаго суда въ Калугѣ.

15. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

16. Мирниковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губерніи. Судебный слѣдователь 2-го уч. въ Златоустовѣ Уфимской губ.

17. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Нотаріусъ въ Оренбургѣ.

18. Модестозъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской губерніи. Судебный слѣдователь въ Хвалынскѣ.

19. Мясниковъ Александръ Александровичъ, Тверской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Кашинѣ.

*20. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губерніи. Мировой судья въ Порховѣ.

21. Невскій Александръ Арсеньевичъ, Тверской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*22. Отрошкевичъ Николай Саввичъ, Витебской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*23. Петровъ Митрофанъ Петровичъ, Харьковской губерніи. Командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія за границу для приготовленія къ кафедрѣ Финансоваго права.

24. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

25. Пятницкій Александръ Константиновичъ, Тульской губерніи. Засѣдатель уѣзднаго суда въ Архангельскѣ.

26. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тельшахъ Ковенской губерніи.

*27. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губерніи. Столоначальникъ казенной палаты въ Ярославлѣ.

*28. Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губ. Пом. акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

29. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губ. Помощн. секретаря судебной палаты въ Вильно.

*30. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губ. Секретарь при прокурорѣ окруж. суда въ Казани.

31. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губерніи. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*32. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губерніи. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

34. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губерніи. Судебный слѣдователь въ Березовѣ.

*35. Чоловскій Михаилъ Ѳедоровичъ, Могилевской губерніи. Въ земскомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ.

*36. Чулановскій Гавріиль Ильичъ, Екатеринославск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

37. Чумаевскій Алексѣй Сергѣевичъ, Саратовской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

38. Шипинъ Александръ Павловичъ, Ярославской губерніи. Судебный слѣдователь Устюжнскаго уѣзда.

*39. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

40. Оеденко Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губерніи. Судебный слѣдователь въ Таганрогѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Оедоровичъ, Уфимской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Асотскій Павелъ Михайловичъ, Курской губ. Кандид. на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Могилевѣ.

3. Боголюбскій Иларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*4. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронеж. губ. Контролеръ по табачной части въ Симферополѣ.

5. Виноградовъ Моисей Петровичъ, Витебской губ. Судебный слѣдователь Кобринскаго уѣзда, Гродненской губерніи.

6. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниговской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ Черниг. окр. суда.

7. Георгіевскій Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*8. Гурвичъ Айзикъ Ароновичъ, Ковенской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*9. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

10. Замахеевъ Сергѣй Андреевичъ, Воронежской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородск. губ. Свѣдѣній не доставилъ.

12. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Дѣлопроизводитель губернскаго правленія въ Ковно.

13. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губерн. Секретарь окружнаго суда въ Ковно.

14. Клементьевъ Григорій Игнатьевичъ, Харьковской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Харьковѣ.

15. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губерн. Кандид. на судеб. должн. при окружномъ судѣ въ Могилевѣ.

16. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерніи. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ.

17. Левитскій Григорій Романовичъ, Саратовской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

18. Любимовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ во Владимірѣ.

*19. Люцедарскій Леонтій Евдоксіевичъ, Каменецъ-Подольской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*20. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губ. Товарищъ губернскаго прокурора въ Томскѣ.

21. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь 2-го участка Мензелинскаго уѣзда.

22. Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губерніи. Секретарь окружнаго суда въ Вологдѣ.

23. Никольскій Александръ Герасимовичъ, Орловской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

24. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимірской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Окновскій Шлема Лейзеровичъ, Сувалеской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*26. Покровскій Иванъ Александровичъ, Нижегородск. губ. Секретарь окружнаго суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

*27. Поповъ Константинъ Ѳедоровичъ, Ярославской губерн. Секретарь при прокурорѣ окружнаго суда въ Ярославлѣ.

28. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

29. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Подпоручикъ 137-го Нѣжинскаго полка.

30. Слюсаревъ Викентій Ивановичъ, Харьковской губерн. Состоя. кандид. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Лубнахъ, умеръ въ 1890 году.

*31. Смирновъ Александръ Андреевичъ, Смоленской губерніи, Кандидатъ на судебныя должности при прокурорѣ окружнаго суда въ Смоленскѣ.

32. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Вологдѣ.

33. Солнцевъ Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губ. Кандид. на судеб. должн. при прокур. окруж. суда въ Тулѣ.

34. Соловьевъ Константинъ Адріановичъ, Московской губ. Умеръ въ 1887 г., не поступивъ на службу.

35. Софоновъ Сергѣй Ивановичъ, Томской губерніи. Судебный слѣдователь въ Тобольской губерніи.

*36. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губерн. Помощникъ секретаря при окружномъ судѣ въ Ярославлѣ.

37. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

38. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

39. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаисской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кутаисѣ.

Пятнадцатый выпускъ—1888 года.

1. Архангельскій Василій Павловичъ, Ярославской губерн. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Добрянскій Андрей Николаевичъ, Черниговской губерня. Кандид. на судеб. должн. при окруж. судѣ въ Гродно.

*3. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губерніи. Непремѣнный членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Мышкинѣ.

4. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Коровинъ Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Екатеринбургѣ.

*6. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

7. Невскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губерня. Умеръ въ 1888 г., не поступивъ на службу.

8. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

9. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при окруж. судѣ въ Москвѣ.

10. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

11. Пьянковъ Павелъ Алексѣевичъ, Пермской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окруж. судѣ въ Перми.

12. Рудинскій Леонидъ Семеновичъ, Ярославской губерніи. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Ярославлѣ.

*13. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонск. губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Ковно.

14. Тутолминъ Петръ Дмитріевичъ, Курской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

15. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Минской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми.

Шестнадцатый выпускъ—1889 года.

*1. Абдуловъ Николай Николаевичъ, Орловской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

2. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

3. Балашевъ Владиміръ Андреевичъ, Тульской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Ригѣ.

4. Бычковъ Василій Игнатьевичъ, Владимірской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

5. Гутманъ Лейба Михелевичъ, Волынской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*6. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губ. Кандид. на судебн. должн. при прокурорѣ судебн. палаты въ Москвѣ.

7. Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, Самарской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

8. Доренговскій Николай Касперовичъ, Витебской губерніи. Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Сувалкахъ.

*9. Жариковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Могилевѣ.

10. Затурскій Александръ Францевичъ, Полтавской губ. Свѣдѣній не доставилъ.

*11. Кириновъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Тамбовѣ.

12. Кормилицынъ Дмитрій Александровичъ, Московской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

13. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ковно.

14. Курловъ Борисъ Григорьевичъ, Орловской губерніи. Кандидатъ на судебныя должности при прокурорѣ окружнаго суда во Владиміръ.

*15. Ледницкій Александръ Клеменсовичъ, Мінской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*16. Лейнвангендлеръ Товія Израилевичъ, Варшавск. губ.
Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*17. Марчевскій Михайлъ Семеновичъ, Иркутской губерн.
Въ департаментѣ Министерства Юстиціи.

*18. Матвѣевъ Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области.
Свѣдѣній не доставилъ.

*19. Михайловъ Александръ Ѳомичъ, Могилевской губер-
ніи. Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Таганрогѣ.

*20. Олейниковъ Антонъ Максимовичъ, Минской губерніи.
Свѣдѣній не доставилъ.

*21. Олторжевскій Иванъ Степановичъ, Черниговской губ.
Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Нѣжинѣ.

*22. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губерніи.
Помощникъ столоначальника казенной палаты въ Твери.

*23. Розовъ Николай Флегонтовичъ, Костромской губерніи.
Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Ярославлѣ.

*24. Ружицкій Тадеушъ Францевичъ, Петраковской губер-
ніи. Свѣдѣній не доставилъ.

*25. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губ. Засѣ-
датель окружнаго суда въ Бѣлѣ.

*26. Серебrenиковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольск. губ.
Кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Самарѣ.

*27. Совѣткинъ Аонасіѣ Митрофановичъ, Пермской губ.
Свѣдѣній не доставилъ.

*28. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губ.
Стипендіатъ Лицея для приготовленія къ профессорскому званію
по Торговому праву.

*29. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губерніи.
Свѣдѣній не доставилъ.

*30. Шаланинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірск. губ.
Кандид. на судебн. должн. при прокур. окружн. суда въ Ельцѣ.

*31. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губер.
Помощникъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ.

32. Шубинъ Александръ Яковлевичъ, Ярославской губерніи. Свѣдѣній не доставилъ.

33. Оедоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губерніи. Въ акцизномъ управленіи въ Тулѣ.

Всего въ теченіи 16 лѣтъ окончило въ Лицеѣ курсъ 581, изъ коихъ кандидатами юридическихъ наукъ 161, а остальные 421 дѣйствительными студентами. Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

По Министерству Юстиціи: судебными слѣдователями 156, кандидатами на судебныя должности (при окружныхъ судахъ 28, при прокурорахъ окружныхъ судовъ 9, при судебныхъ палатахъ 2, при прокурорѣ судебной палаты 1 и при мировомъ съѣздѣ 1) 41, товарищами прокуроровъ 29, мировыми судьями 23, помощниками секретарей въ судахъ 15, секретарями окружныхъ судовъ 11, уѣздными членами окружныхъ судовъ 5, помощниками мирового судьи 5, членами окружныхъ судовъ 3, городскими судьями 3, членами соединенныхъ палатъ 3, засѣдателями окружныхъ судовъ 3, помощниками секретарей судебныхъ палатъ 3, причисленными къ Министерству Юстиціи 3, предсѣдателями мировыхъ съѣздовъ 2, секретарями при прокурорахъ окружныхъ судовъ 2, прокуроромъ суда 1, старшимъ нотаріусомъ 1, окружнымъ судьей 1, помощникомъ старшаго нотаріуса 1, товарищемъ предсѣдателя губернскаго суда 1, совѣтникомъ того же суда 1, засѣдателемъ уѣзднаго суда 1, столоначальникомъ въ Министерствѣ Юстиціи 1, помощникомъ секретаря судебной палаты 1, архиваріусомъ въ судѣ 1, секретаремъ мирового съѣзда 1, судебнымъ приставомъ 1, нотаріусомъ 1, канцелярскимъ чиновникомъ въ Министерствѣ Юстиціи 1, итого 321. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 20, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 15 и частнымъ повѣреннымъ 1.

По Министерству Финансовъ: податными инспекторами 6, контролерами въ акцизныхъ управленіяхъ 6, помощниками акциз-

наго надзирателя 4, дѣлопроизводителями акцизныхъ управленій 3, помощниками контролера акцизныхъ управленій 2, помощника-ми столоначальника казенныхъ палатъ 2, столоначальникомъ въ Министерствѣ Финансовъ 1, окружнымъ акцизнымъ надзирателемъ 1, бухгалтеромъ въ акцизномъ управленіи 1, столоначальникомъ казенной палаты 1, директоромъ земельного банка 1, въ управленіи Волжско-Камскаго банка 1, итого 29.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: учителями реальныхъ училищъ 4, занимаютъ профессорскія кафедры 3, дѣлопроизводителями въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія 3, стипендіатами для приготовленія къ профессорскому званію 2 (изъ коихъ 1 находится за границей), преподавателемъ учительской семинаріи 1, бібліотекаремъ (въ Лицеѣ) 1, итого 14.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: непремѣнными засѣдателями уѣздныхъ крестьянскихъ присутствій 2, въ земскомъ отдѣлѣ Министерства 1, исправникомъ 1, правителемъ канцеляріи губернатора 1, чиновникомъ особыхъ порученій губернатора 1, дѣлопроизводителемъ губернскаго правленія 1, секретаремъ городской думы 1, итого 8.

По Государственному Контролю: канцелярскими чиновниками контрольныхъ палатъ 2, дѣлопроизводителемъ въ Государственномъ контролѣ 1, старшимъ ревизоромъ въ контрольной палатѣ 1, счетнымъ чиновникомъ контрольной палаты 1, итого 5.

По вѣдомству Православнаго исповѣданія: секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахомъ (миссіонеръ) 1, итого 4.

По Военному Министерству: подпоручикомъ арміи 1, кандидатомъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ 1, итого 2.

По Министерству Императорскаго Двора: столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Государственныхъ Имуществъ: чиновникомъ особыхъ порученій въ Управленіи государ. имуществъ 1.

Наконецъ занимается торговыми дѣлами 1, свѣдѣній не доставили 123 и умерло 36.

СПИСОКЪ

ОКОНЧИВШИХЪ КУРСЪ ВЪ 1890 ГОДУ.

Со степенью Кандидата юридическихъ наукъ:

1. Колесовъ Константинъ Александровичъ, родомъ Московской губерніи.
2. Крыловъ Николай Дмитріевичъ, Ярославской губ.
3. Невскій Александръ Александровичъ, Ярославской губ.

Съ правомъ на полученіе степени Кандидата по представ-
леніи диссертациі:

4. Введенскій Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губ.
5. Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губ.
6. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губ.
7. Козновъ Петръ Сергѣевичъ, Московской губ.
8. Листратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губ.
9. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской области.
10. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губ.
11. Цоловцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губ.
12. Стригалева Геннадій Владиміровичъ, Костромской губ.
13. Томашевскій Александръ Евфимовичъ, Черниговской губ.
14. Троицкій Николай Ѳедоровичъ, Псковской губ.
15. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославской губ.

Нижеслѣдующіе удостоены званія Дѣйствительнаго студента:

16. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ, Московской губ.
17. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губ.
18. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Ярославской губ.
19. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской области.
20. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губ.
21. Вишняковъ Александръ Андреевичъ, Московской губ.

22. Воронцовъ-Вельяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губерніи.

23. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губ.

24. Кожевниковъ Петръ Михайловичъ, Тамбовской губ.

25. Кратировъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ.

26. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губ.

27. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губ.

28. Мейеръ Оедоръ Оедоровичъ, Московской губ.

29. Милицынъ Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской губ.

30. Монвижъ-Монтвидъ Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской губерніи.

31. Осинскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губ.

32. Осинскій Михаилъ Граціановичъ, Херсонской губ.

33. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губ.

34. Поваренныхъ Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской губ.

35. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губ.

36. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ.

37. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губ.

38. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губ.

39. Хлѣбниковъ Александръ Васильевичъ, Могилевской губ.

40. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской обл.

Въ 1890—91 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *С. М. Шпилевскій*—Исторію Русскаго права на 1-мъ курсѣ 6 часовъ въ недѣлю; Семейное и наследственное право на 4-мъ курсѣ 2 часа.

Ординарный профессоръ, докторъ Каноническаго права, Статскій Совѣтникъ *Н. С. Суворовъ*—на 3-мъ курсѣ Церковное Законодѣніе 6 часовъ и Римское право 4 часа.

Ординарный профессоръ, Статскій Совѣтникъ, докторъ Уголовнаго права *Л. С. Бьлогрицъ-Котляревскій*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ 6 часовъ.

Профессоръ Богословія, магистръ Богословія, протоіерей *А. П. Лавровъ*—Богословіе на 1-мъ курсѣ 3 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Международнаго права, Надворный Совѣтникъ *А. Н. Лодыженскій*—Международное право на 4-мъ курсѣ 4 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Государственнаго права, Надворный Совѣтникъ *В. Г. Щегловъ*—на 1-мъ курсѣ Энциклопедію права 4 часа и Всеобщую исторію права 2 часа.

И. д. Экстраординарнаго профессора, магистръ Государственнаго права, *А. Е. Назимовъ*—Государственное и Административное право 4 часа на 2 курсѣ.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Коллежскій Ассессоръ *М. А. Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Рус-

скаго права 3 часа; Гражданское право на 3-мъ курсѣ 2 ч., на 4-мъ курсѣ 3 ч.; на 4-мъ же курсѣ Торговое право 3 часа и Гражданское судопроизводство 2 часа.

И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Титулярный Совѣтникъ *А. Е. Минервинъ*—на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права и Институціи Римскаго права по 3 часа и на 2-мъ курсѣ Римское право 3 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *В. Ф. Левитскій*—Политическую экономію на 2-мъ курсѣ 4 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, князь *Е. Н. Трубецкой*—Исторію политическихъ ученій на 1-мъ курсѣ 2 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *П. Θ. Бесѣдинъ*—на 3-мъ курсѣ Уголовное право 1 часъ и на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство 3 часа.

Приватъ доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *А. Р. Свищевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право 2 часа.

Въ день Лицейскаго акта—30 августа 1890 года получены были телеграммы отъ слѣдующихъ бывшихъ студентовъ Лицея:

Изъ Балашева—Шлю сердечный привѣтъ родному Лицею и его дѣятелямъ. Судебный Слѣдователь *Тельгинъ*.

Изъ Белебея—Шлемъ душевный привѣтъ нашему Лицею; да торжествуетъ наука, освѣщая наши пути. Судебные Слѣдователи *Никольскій* и *Феликсовъ*.

Изъ Вологды—Да здравствуетъ Лицей, его начальство и студенты. *Алексѣй Ивановъ*.

Изъ Вятки—Поздравляю профессоровъ и студентовъ съ дорогимъ праздникомъ; шлю привѣтъ товарищамъ и всѣмъ присутствующимъ на актѣ Лицея. Товарищъ Прокурора *Александръ Бѣляевъ*.

Изъ Елизаветграда—Отъ благодарнаго питомца примите скромный привѣтъ съ годовщиной дорогой alma mater. *Викторъ Ачкасовъ.*

Изъ Ковно—Нашъ привѣтъ Директору Лицея, профессорамъ и студентамъ; да здравствуетъ Лицей. *Калашниковъ, Кръпкогорскій, Тартаковскій.*

Изъ Кологрива—Въ день лицейскаго торжества шлю душевной привѣтъ дорогому Лицею, его директору, профессорамъ и студентамъ. Городской Судья *Лубнинъ.*

Изъ Москвы—Alma Mater nostra сага поздравляемъ съ праздникомъ, пьемъ. *Александровскій.*

Изъ Новоржева—Директора, профессоровъ и студентовъ поздравляю съ праздникомъ, искренне желая дорогому родному Лицею процвѣтать. Слѣдователь Новоржевскаго уѣзда *Николай Ивановичъ Сперанскій.*

Изъ Онеги—Съ дальняго сѣвера шлю свой привѣтъ дорогой alma mater, да будетъ она разсадникомъ истины, добра и справедливости. Поздравляю профессоровъ и студентовъ. Студентъ II-го выпуска Мировой Судья *Иванъ Лебедевъ.*

Изъ Петрокова—Привѣтствую Лицей въ день его годовщины. Студентъ втораго выпуска *Элтидинскій.*

Изъ Тулы—Поздравляю Директора, профессоровъ и инспектора студентовъ съ годовщиною дорогаго Лицея, которому желаю дальнѣйшаго процвѣтанія. *Андрей Фирсовъ.*

Изъ Шадринска—Спѣшу принести свой привѣтъ дорогому Лицею въ день его годовщины; поздравляю профессоровъ и студентовъ. Присяжный Повѣренный *Приступа.*

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

...и ...
...и ...

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ.

ОТДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Безопасность.

Глава XXII-я.

Предварительныя понятія.

§ 71. Виды опасности. § 72. Основаніе для классификаціи различныхъ видовъ опасности. § 73. Основные начала, съ которыми должны быть согласованы мѣры безопасности.

§ 71. Опасность можетъ имѣть общее значеніе въ томъ отношеніи, что она одинаково угрожаетъ какъ государству и обществу, такъ и единичнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего мѣры, направленныя противъ нея, имѣютъ цѣлью общую безопасность. Но опасность можетъ и не имѣть такого общаго значенія, угрожая только единичнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего мѣры борьбы съ нею имѣютъ цѣлью безопасность частную. Однако такое различіе не заключаетъ въ себѣ столь рѣзко обособляющаго признака, на основаніе котораго можно было-бы провести ясную, вполнѣ опредѣленную границу между общею опасностью и частною, вслѣдствіе чего и мѣры борьбы съ каждою изъ нихъ не могутъ быть сгруппированы на основаніи этого различія такъ, чтобы полученная группировка соотвѣтствовала основнымъ требованіямъ правильной классификаціи (см. т. I § 22)¹⁾. То же слѣдуетъ сказать и относительно различія между общею опасностью и мѣстною: ему также чуждо рѣзко обособляющій признакъ, вслѣдствіе

чего и здѣсь трудно провести непреходимую границу, которою опредѣлялся-бы существенно отличный характеръ мѣръ безопасности, принимаемыхъ въ томъ и въ другомъ случаѣ²⁾. Наконецъ, аналогичное значеніе имѣетъ также и различіе опасности въ зависимости отъ тѣхъ благъ, — жизнь, здоровье, свобода, честь, совѣсть, нравственность и имущество, которыми она угрожаетъ, ибо во многихъ случаяхъ одна и та же опасность угрожаетъ не одному, а нѣсколькимъ изъ этихъ благъ³⁾, независимо отъ того, что мѣры безопасности опредѣляются въ большей мѣрѣ свойствами опасности и причинами ея, чѣмъ характеромъ и значеніемъ тѣхъ благъ, которыми она угрожаетъ.

§ 72. Виды опасности, въ связи съ особыми категоріями мѣръ предупрежденія и пресѣченія, вызываемыхъ ими, правильнѣе всего различать по источнику, изъ котораго она истекаетъ; источникомъ-же этимъ могутъ быть люди, предметы и природа съ ея стихійными силами. Избравъ такое основаніе для различія, не слѣдуетъ упускать изъ виду, съ одной стороны, что опасность можетъ быть посредственной и непосредственной, вліяя этимъ на характеръ мѣръ, принимаемыхъ противъ нея, — съ другой, — что люди и предметы, являясь въ однихъ случаяхъ источникомъ опасности, въ другихъ — сами подвергаются опасности, отъ которой должны быть ограждены соотвѣтствующими мѣрами⁴⁾.

Согласно съ вышеуказаннымъ основаніемъ для классификаціи, всѣ мѣры безопасности могутъ быть подведены подъ слѣдующія четыре группы: I) мѣры безопасности относительно людей, II) мѣры безопасности относительно животныхъ и предметовъ, III) мѣры безопасности относительно силъ природы, IV) мѣры относительно опасности по источнику своему смѣшаннаго характера. Первая группа, обнимая собою мѣры безопасности относительно единичныхъ людей и различныхъ сообществъ, равно какъ относительно различныхъ

занятій и профессій, въ той степени, въ какой послѣднія таятъ въ себѣ элементы опасности, — заключаетъ въ себѣ мѣры безопасности относительно: 1) народныхъ собраній, народныхъ скопищъ и тайныхъ собраній и союзовъ, 2) путешественниковъ и иностранцевъ, 3) бродягъ, бѣглыхъ, празднующихся, людей безпорядочнаго поведенія и нищихъ, 4) профессиональныхъ преступниковъ, 5) малолѣтнихъ преступниковъ, 6) сектантовъ, 7) безумныхъ, 8) пьяницъ, 9) проститутокъ, 10) ростовщиковъ, 11) рабочихъ, промышленниковъ, литераторовъ, художниковъ и чиновниковъ. Мѣры безопасности относительно животныхъ и предметовъ касаются: 1) условій производства ядовитыхъ веществъ и торговли ими, 2) условій производства легковоспламеняющихся и взрывчатыхъ веществъ, торговли ими и потребленія ихъ, 3) торговли оружіемъ и ношенія его, 4) строеній и вообще разнаго рода сооруженій, 5) путей сообщенія, 6) охраненія казеннаго имущества, общественнаго и частнаго и 7) животныхъ. Мѣры безопасности, образующія третью группу, касаются: 1) пожаровъ, 2) градобитія, 3) наводненій, 4) землетрясеній и 5) неурожая. Къ причинамъ опасности смѣшаннаго характера, ибо онѣ могутъ быть порождены какъ людьми, такъ и природой⁵⁾, относятся: 1) чрезмѣрное или недостаточное населеніе, 2) бѣдность, 3) болѣзни, эпидеміи и эпизоотіи, 4) общій или частный недостатокъ жизненныхъ припасовъ на рынкѣ, порождающій дороговизну. Совокупность мѣръ борьбы съ этого рода источниками опасности образуетъ четвертую группу⁶⁾.

§ 73. Принимая мѣры безопасности, администрація и полиція чаще всего дѣйствуютъ принудительно, а потому въ этой сферѣ управленія основныя начала права принудительной власти находятъ себѣ наибольшее примѣненіе, при чемъ отступленія отъ этихъ началъ или нарушеніе ихъ лишь усугубляютъ опасность, а не устраняютъ ее.

Мѣры безопасности, въ тѣсномъ смыслѣ, заключаютъ въ себѣ по большей части запрещеніе чего-либо или принужденіе къ чему-либо; иногда-же оба эти элемента совмѣщаются въ одной и той-же мѣрѣ. Но такъ какъ исполненіе опредѣленныхъ условій обыкновенно менѣе стѣснительно, чѣмъ абсолютное запрещеніе чего-либо, то первое предпочтительнѣе втораго; мѣры-же, совмѣщающія въ себѣ оба элемента, должны быть, какъ наиболѣе стѣснительныя, примѣняемы лишь въ крайнихъ случаяхъ⁷⁾; только въ виду несомнѣнной, опредѣленной опасности, не распространяясь на мѣстности, которыя въ нихъ не нуждаются, не дѣйствуя долѣе необходимаго срока, который опредѣляется наличностью опасности, и не стѣсняя большаго круга лицъ, чѣмъ это оправдывается цѣлесообразностью⁸⁾.

Мѣры безопасности должны быть направляемы главнѣйшимъ образомъ противъ основныхъ причинъ, порождающихъ опасность, подобно тому, какъ дѣятельность администраціи и полиціи, предупреждающая преступленія, всегда предпочтительнѣе и цѣлесообразнѣе уголовной юстиціи⁹⁾.

Хотя, какъ указано выше, различію между общею и частною безопасностью чуждъ такой рѣзкообособляющій признакъ, который могъ бы служить основаніемъ для правильной классификаціи мѣръ, направленныхъ противъ той и другой опасности, тѣмъ не менѣе остается неколебимымъ то основное положеніе, что мѣрами защиты частной безопасности ни въ какомъ случаѣ не должны быть нарушаемы условія общей безопасности, въ число которыхъ входитъ, между прочимъ, полное устраненіе всякихъ бесполезныхъ и произвольныхъ стѣсненій гражданъ и уваженіе къ ихъ личности и къ ихъ политико-гражданскимъ правамъ¹⁰⁾.

Принимая мѣры, главнѣйшимъ образомъ, противъ основныхъ причинъ, порождающихъ опасность, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ числѣ этихъ причинъ нерѣдко

первенствующее мѣсто принадлежитъ неудовлетворительной организаціи администраціи и полиціи, неправильному опредѣленію существа и значенія предоставленной имъ власти, ошибочному соотношенію между органами правительства, самоуправления и соединенія въ ихъ совмѣстной дѣятельности п аномальнымъ условіямъ отправленія правосудія, а потому на устраненіе этихъ именно причинъ и должно быть обращено преимущественное вниманіе ¹¹⁾).

Мѣры безопасности ни въ какомъ случаѣ не должны имѣть характера и значенія наказанія, дабы не нарушено было то коренное правило, въ силу котораго только судъ присуждаетъ къ наказанію и никакое наказаніе не можетъ имѣть мѣста безъ соотвѣтствующей ему, закономъ предусмотренной, вины ¹²⁾).

Предпринимая какія-либо мѣры борьбы съ опредѣленною опасностью, слѣдуетъ предварительно тщательно взвѣсить, не можетъ-ли данная мѣра, будучи, повидимому, цѣлесообразной въ отношеніи къ той опасности, противъ которой она направлена, послужить сама по себѣ причиной для какой-либо новой опасности ¹³⁾).

Наконецъ, вся внутренняя политика, имѣющая цѣлью огражденіе общей и частной безопасности, должна быть направлена къ возможно большому сокращенію полицейской дѣятельности въ тѣсномъ смыслѣ посредствомъ постоянного улучшенія мѣрами положительными условій благоустройства и благосостоянія ¹⁴⁾), такъ какъ преимущественно именно неудовлетворительностью послѣднихъ условій создаются многіе виды опасности. Дѣятельность перваго рода, связанная по большей части съ разнаго рода ограниченіями, стѣсненіями, запрещеніемъ и принужденіемъ, рассматривается какъ сфера несвободы и гнета; въ дѣятельности-же второго рода обнаруживаются зидительная сила государственной власти, неисчерпаемая удобства государственнаго общежитія, полная со-

лидарность между обществом и правительством, глубокое уваженіе къ гражданамъ и разумная забота объ ихъ интересахъ¹⁵⁾).

1) Измѣна, тайныя политическія общества и т. п. имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросу о государственной безопасности, но онѣ угрожаютъ также и безопасности единичныхъ лицъ. Классъ воровъ и мошенниковъ угрожаетъ имуществу единичныхъ лицъ, но развитіе этого класса угрожаетъ безопасности и всего государства.

2) Мѣстная эпидемія или эпизоотія имѣетъ значеніе мѣстной опасности, но своимъ распространеніемъ она можетъ угрожать и всему государству, вслѣдствіе чего нерѣдко противъ нее принимаются мѣры не только мѣстныя, но и государственныя и даже международныя.

3) Злоупотребленіями печатнымъ словомъ можетъ быть причиненъ вредъ имуществу, чести, нравственности, совѣсти и даже здоровью человѣка.

4) Безумные и пьяницы, угрожая общественной и частной безопасности, нуждаются въ то-же время въ защитѣ ихъ самихъ отъ той опасности, которая имъ угрожаетъ. Животныя, являясь нерѣдко источникомъ той или другой опасности для человѣка, требуютъ и сами защиты отъ угрожающей имъ опасности. То-же слѣдуетъ сказать относительно нѣкоторыхъ занятій и профессій, различныхъ родовъ казеннаго, общественнаго и частнаго имущества, цѣлыхъ категорій лицъ (напр., малолѣтнихъ, женщинъ, рабочихъ; подданныхъ, проживающихъ за границей и т. п.)—въ виду особыхъ свойствъ и положенія ихъ.

5) Недостатокъ или уменьшеніе народонаселенія могутъ быть столько-же результатомъ разврата, легкомысленной или злонамѣренной эмиграціи и т. п., сколько и причинъ, независящихъ отъ воли человѣка (частыхъ неурожаевъ, эпидемій и т. п.). Такъ-же, напр., дороговизна можетъ быть результатомъ неурожая, падежа скота и т. п., но она можетъ быть создаваема и злостной спекуляціей, стачкой торговцевъ-скупщиковъ, ошибками финансоваго управленія и т. п.

6) Схематическое изображеніе этой системы см. въ концѣ книги, въ приложеніи.

7) Абсолютное запрещеніе нѣкоторымъ лицамъ выѣзжать за предѣлы данной мѣстности, конечно, болѣе стѣснительно, чѣмъ условное дозволеніе; но такое запрещеніе тѣмъ болѣе стѣснительно, если оно связано еще съ обязательнымъ исполненіемъ какого-нибудь требованія (см. т. I стр. 256).

8) Какъ на рѣзкій, чудовищный примѣръ нарушенія этого основнаго правила, можно указать на избіеніе младенцевъ при Иродѣ. Нельзя одобрить также мѣру, которую предлагаетъ *Моль* и которая заключается въ томъ, что, въ случаѣ размноженія разнаго рода опасныхъ лицъ, правительство можетъ установить общую, единовременную ревизію всего населенія, объявивъ для этого всѣ паспорта недействительными такъ, что всѣ должны будутъ запастись новыми паспортами или иными документами, удостоверяющими ихъ личность.

9) Такъ, напр., осѣдлость не есть бремя, а, наоборотъ, имѣетъ значеніе одного изъ благъ, которыми дорожитъ каждый гражданинъ, такъ что отказъ отъ этого блага и замѣна его бродяжничествомъ вызывается извѣстными отрицательными причинами, отъ бродяги по большей части не зависящими, вслѣдствіе чего противъ этихъ именно причинъ главнѣйшимъ образомъ должны быть направлены мѣры администраціи и полиціи въ борьбѣ съ бродяжничествомъ, и чѣмъ меньше сдѣлано администраціей въ этомъ направленіи, тѣмъ меньше имѣетъ она основанія примѣнять къ бродягамъ мѣры принужденія съ характеромъ наказанія. При опредѣленіи-же причины зла, надо быть весьма осторожнымъ, дабы не принять причину посредствующую за первоначальную, основную: напр., пьянство, несомнѣнно, служитъ причиной многихъ золъ, но пьянство, въ свою очередь, имѣетъ свои причины, противъ которыхъ главнѣйшимъ образомъ и должна быть направлена борьба.

10) У *Артура Юнга*, въ его описаніи Франціи прошлаго столѣтія, можно найти не мало примѣровъ тому, какъ, ради защиты нѣкоторыхъ по существу ничтожныхъ правъ землевладѣльцевъ-дворянъ, установленъ былъ для всего земледѣльческаго населенія цѣлый рядъ чрезвычайно стѣснительныхъ мѣръ, гибельныхъ для матеріальнаго благосостоянія народа. По настоящее время въ Англіи, въ особенности-же въ Ирландіи, можно встрѣтиться съ отчасти аналогичными фактами. У насъ, при существованіи откупной системы винной торговли, ради защиты интересовъ откупщиковъ установлены были нѣкоторыя мѣры крайне стѣснительныя для всего населенія.

11) Напр., самосудъ является прямымъ порожденіемъ бездѣятельности полиціи и слабой или для народа малодоступной судебной защиты.

12) См. т. I прим. 25-е къ гл. XVI.

13) Такъ, напр., учрежденіе рабочихъ домовъ и организація тюремныхъ работъ, имѣя, повидимому, значеніе вполне цѣлесообразныхъ мѣръ безопасности относительно нѣкоторыхъ преступниковъ, бродягъ, нищихъ и т. п., могутъ быть причиной многихъ хозяйственныхъ золъ, такъ какъ ошибочною организаціей этихъ работъ возможно нанести существенный вредъ другимъ лицамъ,

которыя занимаются тѣми-же работами. Также, напр., стѣснительною паспортною системою могутъ быть отняты средства для пропитанія у лицъ, занимающихся отхожими промыслами. Стѣснительными правилами о продажѣ оружія, производствѣ и продажѣ взрывчатыхъ веществъ, торговли книгами, содержаніи библіотекъ, изданіи журналовъ и газетъ и т. п. многія лица могутъ быть лишены средствъ къ жизни, вслѣдствіи чего увеличится классъ недостаточныхъ и недовольныхъ лицъ, всегда опасный для государства и для установленнаго порядка.

14) Обѣ категоріи мѣръ можно сравнить съ болѣе или менѣе сильнодѣйствующими медицинскими средствами, съ одной стороны, и предписаніями гигиены—съ другой: на сколько первыя могутъ быстро помочь въ разнаго рода болѣзняхъ, однако по большей части не безъ вреда впослѣдствіи для всего организма, на столько вторыя предупреждаются самыя болѣзни, при чемъ первыя причиняютъ большія или меньшія страданія больному, тогда какъ вторыя такихъ страданій обыкновенно не причиняютъ. Тѣмъ не менѣе, при наличности извѣстнаго рода болѣзней, первыя нерѣдко бываютъ неизбежны для быстраго устраненія опасности, тогда какъ вторыя оказываютъ свое дѣйствіе лишь медленно и постепенно. Первыя, при нормальныхъ условіяхъ, принимаются какъ мѣры временныя, обусловливаемая наличностью извѣстной опасности, вторыя же имѣютъ значеніе мѣръ постоянныхъ или, во всякомъ случаѣ, примѣняемыхъ постоянно болѣе или менѣе продолжительное время.

15) См. т. I § 57.

Г л а в а XXIII-я.

Мѣры безопасности относительно людей.

§ 74. Мѣры безопасности относительно народныхъ собраній, скопищъ и союзовъ.

Основанія для принятія мѣръ безопасности относительно народныхъ собраній, скопищъ и союзовъ и условія, которымъ онѣ должны удовлетворять. Мѣры безопасности относительно неорганизованныхъ народныхъ собраній. Мѣры безопасности относительно народныхъ скопищъ. Мѣры безопасности относительно вредныхъ союзовъ и тайныхъ собраній и союзовъ.

Независимо отъ организованныхъ публичныхъ собраній, имѣющихъ значеніе органовъ управленія (см. т. I стр. 146), бываютъ еще неорганизованныя народныя собранія или, вѣр-

нѣе, сходбища, по поводу какихъ-либо зрѣлищъ, увеселеній, процессій и т. п., не заключающія въ себѣ какихъ-либо элементовъ преступленія или проступка, но тѣмъ не менѣе, въ силу многочисленности ихъ и необходимости охраненія въ нихъ порядка, вынуждающія на принятіе извѣстныхъ мѣръ безопасности отъ нихъ и для нихъ. Кромѣ такихъ неорганизованныхъ народныхъ собраній, нерѣдко собираются еще случайно или преднамѣренно народныя скопища, заключающія въ себѣ элементы опасности не только въ силу именно того, что они суть скопища, но также иногда и по завѣдомо преступнымъ цѣлямъ, для которыхъ они служатъ средствомъ. Наконецъ, существуютъ еще тайныя или не тайныя не публичныя собранія или союзы завѣдомо опасныя по формѣ, или цѣли, или употребляемымъ ими средствамъ. Различіемъ въ формѣ, цѣляхъ, средствахъ и значеніи всѣхъ вышеперечисленныхъ собраній и союзовъ создается необходимость въ принятіи относительно ихъ болѣе или менѣе различныхъ мѣръ безопасности. Принимая эти мѣры, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что 1) стѣсненіе публичныхъ собраній и сходбищъ, несоотвѣтствующее условіямъ общественной жизни и потребности въ публичныхъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ неизбежно ведетъ, съ одной стороны, къ частымъ нарушеніямъ стѣснительныхъ предписаній, подрывая этимъ авторитетъ власти и закона, съ другой — къ раздраженію и противодѣйствію. 2) Народныя собранія и сходбища не слѣдуетъ отождествлять ни съ соединствами (см. т. I § 44), ни съ народными скопищами, такъ какъ отождествленіе это можетъ привести или къ совершенному искаженію характера и значенія народныхъ собраній или къ нецѣлесообразному и аномальному, вредному для условій общественной жизни стѣсненію ихъ. 3) Мѣрамъ, имѣющимъ цѣлью поддержать порядокъ въ народныхъ сходбищахъ, должно быть отдано предпочтеніе предъ всѣми остальными мѣрами во всѣхъ тѣхъ

случаяхъ, когда нѣтъ несомнѣнныхъ основаній предполагать, что данное сходбище можетъ послужить для достиженія завѣдомо преступной или опасной цѣли, или образовавшееся уже сходбище заявило какимъ-либо образомъ присущіе ему опасные элементы; въ первомъ случаѣ, конечно, необходимо предупредить возможность сходбища, во второмъ-же — разсѣять его. 4) Несомнѣнно, всѣ вообще тайныя общества не могутъ быть терпимы въ благоустроенномъ государствѣ (см. т. I стр. 157, 158), но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что появленіе и развитіе тайныхъ обществъ является во многихъ случаяхъ прямымъ результатомъ стѣснительныхъ правилъ относительно соединствъ и публичныхъ собраній вообще и относительно политическихъ соединствъ и публичныхъ собраній — въ особенности, вслѣдствіе чего многое, что могло-бы быть явнымъ, дѣлается тайнымъ и потому не поддающимся надзору и контролю. 5) Въ слѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній, во всякомъ случаѣ цѣлесообразнѣе, вмѣсто полнаго запрещенія всѣхъ вообще политическихъ соединствъ и публичныхъ собраній, прибѣгать къ спеціальнымъ мѣрамъ безопасности относительно ихъ въ формѣ ограниченія числа членовъ, усиленія контроля и надзора, расширенія права администраціи на полицейское закрытіе такихъ обществъ и собраній.

А. Мѣры безопасности относительно неорганизованныхъ народныхъ собраній и сходбищъ.

Мѣры безопасности относительно публичныхъ собраній въ открытыхъ или закрытыхъ помѣщеніяхъ. Общія постановленія русскаго законодательства по этому предмету. Особыя постановленія относительно зрѣлищъ и увеселеній, церковныхъ процессій и богослуженія, публичныхъ чтеній и лекцій, биржевыхъ собраній.

Мѣры безопасности относительно неорганизованныхъ народныхъ собраній по поводу публичныхъ зрѣлищъ, увеселеній, процессій, богослуженія и т. п. нѣсколько различны,

въ зависимости отъ того, происходятъ-ли эти собранія въ закрытыхъ помѣщеніяхъ или-же на открытомъ воздухѣ. Въ первомъ случаѣ полиція, независимо отъ общихъ мѣръ безопасности относительно такого рода собраній, принимаетъ еще и особыя мѣры, касающіяся свойствъ помѣщенія, въ которомъ происходитъ собраніе, санитарныхъ условій, безопасности отъ огня, устройства выхода на случай внезапнаго натиска публики и организаціи особаго полицейскаго надзора. Во второмъ случаѣ главнѣйшія мѣры заключаются въ усиленіи на мѣстѣ собранія личнаго состава наружной полиціи, наблюденіи за правильнымъ движеніемъ экипажей, запрещеніи продажи крѣпкихъ напитковъ вблизи собранія, охраненіи благочинія и въ наблюденіи вообще за тишиной, спокойствіемъ и порядкомъ. Въ русскомъ законодательствѣ, въ уставѣ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, безусловно запрещаются всякаго рода сходбища и собранія для совѣщанія или дѣйствія общей тишины и спокойствію противныхъ, равно какъ запрещается подача какихъ-либо прошеній или доносовъ скопомъ и заговоромъ; при чемъ на полиціи лежитъ обязанность предупреждать и пресѣкать, т. е. разгонять подобнаго рода сходбища, требуя, въ случаѣ надобности, содѣйствія военной полиціи и войска. Всѣ недозволенные публичные процессіи, службы и пр. сектантовъ, иновѣрцевъ и др. прекращаются полиціей и виновные подвергаются взысканію. Запрещается также подъ угрозой уплаты штрафа открывать безъ законнаго на то разрѣшенія какія-либо увеселительныя публичныя собранія. Относительно незапрещенныхъ или разрѣшенныхъ собраній, шествій, празднествъ и т. п., полиція обязана имѣть прилежный надзоръ, чтобы никакихъ безпорядковъ не происходило, и всѣми мѣрами обезпечивать личную безопасность. Независимо отъ этихъ общихъ постановленій, особыя мѣры безопасности въ отношеніи къ общенароднымъ играмъ, забавамъ и театраль-

нымъ представленіямъ сводятся къ слѣдующему: 1) чтобы мѣсто, избираемое для такихъ увеселеній, было приличнымъ и никому отъ того не приключилось опасности и вреда; 2) чтобы мѣста были устроены прочно¹⁾ и, буде игры и забавы и театральныя представленія происходятъ внутри строенія, то чтобы во всѣхъ помѣщеніяхъ было надлежащее освѣщеніе, двери-же отворялись-бы наружу, а не внутрь; 3) относительно внутренняго и внѣшняго устройства театровъ, городскія общественныя собранія имѣютъ право издавать особыя мѣстныя обязательныя постановленія для предупрежденія могущихъ послѣдовать несчастій²⁾. 4) Въ театрахъ должны быть даровыя мѣста для мѣстныхъ начальниковъ гражданской и военной полиціи, а въ столицахъ еще и для плацъ-адъютантовъ, наблюдающихъ за благоучіемъ военнаго сословія; 5) полиція наблюдаетъ, чтобы въ общенародныя игры и забавы и въ театральныя представленія не включались поносительныя слова или поступки, нарушающіе благопристойность или наносящіе кому-либо вредъ; равно какъ она наблюдаетъ, чтобы не было ссоры, брани, драки³⁾, шума, перерыва или воспрепятствованія представленію; 6) за вѣрность исполненія разрѣшенныхъ къ представленію произведеній съ цензурнымъ оригиналомъ отвѣтствуютъ, съ угрозой наказанія⁴⁾, содержатели и распорядители спектаклей; на обязанности-же полиціи лежитъ слѣдить за тѣмъ, чтобы подъ видомъ пьесъ, дозволенныхъ безусловно къ представленію, не было даваемо пьесъ, дозволенныхъ съ исключеніями, и чтобы въ афишахъ или программахъ названія пьесъ, отдѣльныхъ актовъ и картинъ не были произвольно дополняемы или измѣняемы помимо разрѣшенія драматической цензуры; 7) содержателямъ театровъ или распорядителямъ вмѣняется въ обязанность независимо отъ цензурныхъ разрѣшеній входить въ соглашеніе съ авторомъ даваемыхъ пьесъ или обществомъ русскихъ драматическихъ писателей; 8) при част-

ныхъ празднествахъ запрещается употреблять артиллерійскія орудія, пускать безъ дозволенія полиціи фейерверки въ городахъ близъ домовъ или другихъ деревянныхъ строеній, наряжаться въ монашеское или духовное платье и въ такомъ или другомъ театральномъ платьѣ ходить по улицамъ; 9) домашнія забавы и увеселенія тогда только подлежатъ надзору полиціи и воспрещаются ею, когда въ нихъ входитъ что-либо закономъ противное; 10) въ опредѣленные закономъ дни или промежутки времени безусловно запрещаются нѣкоторыя публичныя увеселенія или зрѣлища. Всякаго рода зрѣлища или увеселенія, публичныя чтенія и т. п., устраиваемыя съ благотворительною цѣлью, подлежатъ контролю губернатора въ томъ отношеніи, чтобы собранныя деньги употреблены были для предназначенной благотворительной цѣли. Полиція наблюдаетъ за сохраненіемъ благочинія во время церковныхъ торжествъ, крестныхъ ходовъ, водосвятія и т. п., равно какъ на обязанности священнослужителей лежитъ, между прочимъ, наблюденіе за тѣмъ, чтобы тишина и порядокъ не были нарушаемы приходящими въ храмъ Божій. Полиція наблюдаетъ за порядкомъ не только въ церкви⁵⁾, но и близъ нея, чтобы не было никакого безчинства, при чемъ запрещаются въ то время, когда происходитъ богослуженіе, всякаго рода публичныя увеселенія и всякая торговля въ лавкахъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя торгуютъ съѣстными припасами и кормомъ для скота; запрещается устраивать шалаши для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ внутри церковныхъ оградъ и на кладбищахъ. Подача въ церкви, во время богослуженія, прошеній Государю и инымъ властямъ не дозволяется⁶⁾. О происшествіяхъ въ церкви духовенство неукоснительно доноситъ Синоду и оберъ-прокурору, а полиція, чрезъ губернатора, министру внутреннихъ дѣлъ; оберъ-прокуроръ-же и министръ внутреннихъ дѣлъ подносятъ вѣдомость объ этихъ происшествіяхъ Государю. Публичныя лек-

ція или чтенія допускаются не иначе какъ съ разрѣшенія губернатора или полиціи и попечителя учебнаго округа, которому должна быть предварительно представлена программа лекціи. Въ биржевыхъ собраніяхъ наблюденіе за порядкомъ и благопристойностью поручено, независимо отъ общей полиціи, еще и биржевымъ комитетамъ.

Б. Мѣры безопасности относительно народныхъ скопищъ.

Мѣры превентивныя: устраненіе возможности скопища; предупрежденіе возможности нарушенія порядка со стороны собравшагося уже народнаго скопища; устраненіе причинъ, которыя могутъ вызвать или вызвали уже нарушение порядка со стороны образовавшейся толпы. Мѣры репрессивныя: помка зачинщиковъ; оцепленіе и отводъ толпы; дѣйствіе вооруженной или военной силой.

Народнымъ скопищемъ, въ отличіе отъ народныхъ собравій, или сходбищъ, называется беспорядочная толпа народа, собравшаяся случайно, по поводу какого-нибудь, въ большей части неожиданнаго или непредвидѣннаго обстоятельства, привлекавшаго къ себѣ вниманіе толпы, или-же заранее подготовленная, по заговору или подговору, съ цѣлью совершенія какого-либо недозволеннаго дѣйствія или вообще для достиженія какой-либо злоумышленной цѣли. Относительно такихъ скопищъ, представляющихъ сами по себѣ, даже независимо отъ преслѣдуемыхъ ими цѣлей, несомнѣнную опасность для общественнаго порядка, полиція и администрація вынуждены принимать мѣры безопасности, предупреждая возможность образованія такихъ скопищъ и разсѣвая образовавшуюся уже толпу, при чемъ принимаются также и мѣры къ воспрепятствованію достиженія той преступной цѣли, для которой устраиваются или устроено было народное скопище. Цѣль эта заключается, по большей части, въ оказаніи скопомъ и заговоромъ сопротивленія властямъ, или въ причиненіи вреда нѣкоторымъ лицамъ и т. п. Такого рода дѣй-

ствія толпы нерѣдко приобрѣтають характеръ и значеніе возстанія и возмущенія.

Предупредительныя мѣры безопасности относительно народныхъ скопищъ имѣють цѣлью: I) предупредить возможность скопища, II) предупредить возможность нарушенія порядка со стороны собравшагося уже народнаго скопища и III) устранить причины, которыя могутъ вызвать или вызвали уже нарушеніе порядка со стороны образовавшейся толпы. Перваго рода мѣры заключаются обыкновенно: 1) въ вывѣшиваніи соотвѣтствующихъ объявленій съ предупрежденіемъ, что противъ всякой толпы, даже самой незначительной, будетъ употреблена военная сила; 2) усиленіи военныхъ пикетовъ, патрулей, карауловъ и вообще личнаго состава наружной полиціи; 3) загражденіи нѣкоторыхъ улицъ и площадей; 4) закрытіи питейныхъ заведеній, трактировъ и увеселительныхъ мѣстъ; 5) приказаніи обывателямъ и домовладѣльцамъ закрывать ставни и ворота и освѣщать окна; 6) устраненіи причинъ, которыя могутъ вызвать образованіе народнаго скопища, напримѣръ посредствомъ прекращенія зрѣлищъ, привлекающихъ безпорядочную толпу; устраненія предметовъ привлекающихъ вниманіе толпы и волнующихъ ее, ареста лицъ, противъ которыхъ направлено раздраженіе толпы, и 7) устраненіи средствъ и способовъ, при помощи которыхъ можетъ быть образовано народное скопище, напр. путемъ срыванія и уничтоженія расклеенныхъ прокламацій, предварительнаго опѣшенія мѣста, предназначеннаго для сборища, и своевременной поимки организаторовъ народнаго скопища. Въ русскомъ законодательствѣ карается, между прочимъ, всякая попытка къ собранію народнаго скопища посредствомъ какого-либо дѣйствія, какъ, напр., ударами въ набатъ въ непредусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ, вслѣдствіе чего предписывается имѣть у колоколенъ крѣпкія двери съ запертыми замками, ключи отъ которыхъ должны храниться у священника;

набатныя же тревоги вообще дозволяются только во время пожара, наводненія, нападенія непріятельскаго, разбоя и т. п., въ предосторожность и охраненіе мѣстныхъ жителей, но и въ этихъ случаяхъ только съ разрѣшенія главнаго въ томъ мѣстѣ начальства. Воспрещается въ случаѣ происшедшей ссоры или драки призывать товарищей или созывать народъ для принятія участія въ дракѣ и тѣмъ подавать поводъ къ нарушенію общей тишины. Полиція обязана срывать наклеенныя недозволенныя объявленія, прокламаціи и т. п., розыскивая виновныхъ. Законъ воспрещаетъ дѣлать ложныя разглашенія, распространять предосудительныя для правительства разсужденія, умствованія и толки, а равно и слухи о военныхъ или политическихъ происшествіяхъ, клонящихся къ нарушенію народной тишины и покоя. Высшіе мѣстные органы полиціи и администраціи обязаны, въ случаѣ замѣченнаго возбужденія населенія, опубликовывать и иными способами распространять успокоительныя объявленія, разъясненія, предупрежденія о ложныхъ слухахъ и т. п. Въ случаѣ покушеній, клонящихся къ нарушенію спокойствія, полиція обязана увѣдомить о томъ Губернское Правленіе и губернатора, не допуская приведенія такого покушенія въ исполненіе. При самомъ началѣ сходбища она должна заставить всѣхъ разойтись по домамъ, а непокорныхъ взять подъ стражу.

Мѣры, предупреждающія нарушеніе порядка со стороны образовавшейся уже толпы, въ сущности, тѣ-же, что и относительно незапрещенныхъ народныхъ сходбищъ, происходящихъ на открытомъ воздухѣ, т. е. онѣ заключаются въ усиленіи личнаго состава наружной полиціи; въ предупрежденіи, что скопище будетъ терпимо лишь до тѣхъ поръ, пока не нарушенъ будетъ порядокъ; въ воспрепятствованіи притоку новыхъ лицъ; въ принятіи тѣмъ временемъ надлежащихъ мѣръ предосторожности на тотъ случай, если начнутся беспорядки. Эти мѣры опредѣляются болѣе или менѣе сходно во всѣхъ

безмезднаго перехода имуществъ, промысловыхъ сборовъ и т. п. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, существуютъ губернскіе распорядительные комитеты, на обязанности которыхъ лежитъ составленіе смѣты земскихъ повинностей. По сбору косвенныхъ налоговъ въ формѣ акцизовъ существуютъ особыя акцизные управленія, подвѣдомыя Министерству Финансовъ по Департаменту Неокладныхъ сборовъ. Главнѣйшими органами этого управленія являются управляющіе, ревизоры, окружные надзиратели, ихъ помощники и надсмотрщики, причемъ надсмотрщики имѣютъ свое мѣстопробываніе въ самомъ мѣстѣ производства обложеннаго акцизомъ предмета. Въ ближайшей связи съ этимъ управленіемъ находятся губернскія и уѣздныя по питейнымъ дѣламъ присутствія, на которыя возложено наблюденіе за правильной питейной торговлей. По Министерству Государственныхъ Имуществъ губернскими органами являются Управленія государственными имуществами, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ для управленія сборами по горнозаводскому дѣлу дѣйствуютъ горныя управленія, для техническаго-же завѣдыванія добычей соли—соляныя правленія, равно какъ для управленія рыбнымъ и тюленьимъ промыслами существуютъ особыя мѣстныя учрежденія. По Военному Министерству, кромѣ Окружныхъ интендантскихъ управленій, нѣкоторое отношеніе къ финансовому управленію имѣютъ губернскія и уѣздныя по воинской повинности присутствія и присутствія по конской повинности. По Министерству Двора въ губерніяхъ дѣйствуютъ Удѣльныя Конторы съ подвѣдомыми имъ въ уѣздахъ начальниками.

§ 43. Органы самоуправления.

Финансовое самоуправленіе. Характеристика финансоваго самоуправления во Франціи, Англіи и Пруссіи. Органы самоуправления во Франціи, Англіи, Пруссіи и Россіи.

Значеніе органовъ самоуправления находится въ прямой

зависимости отъ степени самостоятельности, предоставленной этимъ органамъ, отъ количества и объема ввѣренныхъ имъ предметовъ и, наконецъ, отъ отношенія, въ которое они поставлены ко всему государственному управленію. Эти органы лишь части цѣлаго организма, это—мѣстно-дѣйствующая государственная власть чрезъ посредство мѣстныхъ общественныхъ органовъ. Органы финансового самоуправленія имѣютъ своимъ предметомъ мѣстное хозяйство. Необходимость этого особаго управленія, впрочемъ непременно органически связаннаго со всемъ финансовымъ управленіемъ, обусловливается тѣмъ, что не всѣ общественныя потребности суть въ то-же время и государственныя, вслѣдствіе чего и удовлетвореніе такихъ потребностей, вращающихся въ болѣе тѣсныхъ границахъ, должно быть отнесено на счетъ мѣстныхъ сборовъ, завѣдуемыхъ мѣстными общественными органами. Эти органы лучше могутъ взвѣсить и оцѣнить такія мѣстныя потребности и изыскать средства наиболѣе хозяйственнаго удовлетворенія ихъ, тогда какъ примѣненіе начала централизаціи и къ сферѣ мѣстнаго хозяйства всегда стоитъ весьма дорого, а результатъ получается худшій. „Государство, говоритъ Умпфенбахъ, нисколько не утратитъ своей цѣлостности отъ того, что части его, сохраняя правильную подчиненность, разовьютъ богатую и многообразную жизнь; наоборотъ, возможно болѣе широкая корпоративная самостоятельность мѣстныхъ интересовъ государства служить послѣднему одною изъ надежнѣйшихъ гарантій его цѣлости. Гармонія общихъ интересовъ можетъ водвориться лишь при условіи, чтобы каждому законному отдѣльному интересу данъ былъ подлежащій просторъ“. Органы самоуправления завѣдуютъ какъ мѣстными задачами (пользами и нуждами), ввѣренными имъ государствомъ, такъ и тѣми, которыя естественно сами собой вытекаютъ изъ всей совокупности условій мѣстной жизни, а отсюда, между прочимъ, различіе между обязательными (съ го-

сударственной точки зрѣнія) и необязательными мѣстными расходами. Согласно съ этимъ, органы самоуправления пользуются правомъ, въ границахъ отмежованныхъ имъ закономъ, устанавливать и взимать мѣстные налоги, извлекать доходы изъ принадлежащихъ имъ имуществъ и расходовать ихъ на мѣстныя пользы и нужды. Право это осуществляется посредствомъ распорядительныхъ, исполнительныхъ, полицейскихъ, контрольных и судебных органовъ, при чемъ между этими органами распредѣлены функціи установленія налоговъ, составленія смѣтъ, производства раскладокъ, взиманія, храненія и расходованія доходовъ, отчетности, ревизіи и контроля.

Въ Англіи, благодаря широкому участию органовъ самоуправления въ мѣстномъ управленіи и благодаря независимому и прочному положенію ихъ, централизація и бюрократическій строй не могли найти въ этой странѣ такой благопріятной почвы для своего развитія, какъ это случилось на континентѣ. Во Франціи — наоборотъ: генеральныя (департаментскія), муниципальныя и коммунальныя собранія, равно какъ единоличныя органы самоуправления находятся до такой степени въ зависимости отъ правительства и мѣстныхъ органовъ его, что они лишены почти всякой самостоятельности и дѣятельность ихъ ограничена весьма узкой сферой, а потому централизація и бюрократическое начало пустили въ этой странѣ глубокіе корни. Пруссія искала средняго пути для опредѣленія мѣста органовъ самоуправления во всемъ организмѣ государственнаго управленія, и послѣ реформы 1875 года прусское самоуправленіе получило отчасти смѣшанный англо-французскій характеръ. Это различіе положеній органовъ самоуправления отразилось и въ сферѣ финансоваго управленія. Въ то время какъ въ Англіи органы самоуправления принимаютъ участіе въ завѣдываніи прямыми государственными налогами, во Франціи — наоборотъ: правительственные органы принимаютъ значительное участіе въ управленіи

провинціальнымъ, муниципальнымъ и коммунальнымъ хозяйствомъ, совершенно устраняя органы самоуправления отъ какого-либо участія въ управленіи государственными сборами прямыми или косвенными. Во Франціи правительство опредѣляетъ форму мѣстныхъ сборовъ; въ государственную роспись входятъ всѣ доходы и расходы, какъ государственные, такъ и мѣстные, причемъ мѣстные налоги опредѣляются въ формѣ добавочныхъ сборовъ (centimes additionnels) къ государственнымъ налогамъ такъ, чтобы добавочный сборъ этотъ не превышалъ закономъ опредѣленнаго максимума. Расходы дѣлятся на обязательные, необязательные и факультативные. Первые не могутъ быть ни повышены, ни понижены органами самоуправления; для вторыхъ-же опредѣленъ максимумъ и смѣта ихъ утверждается префектомъ. Центральная власть опредѣляетъ основанія раскладки, порядокъ взиманія, предметы обложенія и размѣръ повинностей, а префектъ исправляетъ, дополняетъ и утверждаетъ смѣты мѣстнаго хозяйства. Пруссія, допуская органы самоуправления къ завѣдыванію государственными прямыми налогами, держится однако французской системы добавочныхъ сборовъ и дѣленія расходовъ на обязательные, необязательные и факультативные. Предоставляя общинамъ большую свободу въ завѣдываніи своимъ хозяйствомъ, въ раскладкѣ налоговъ и т. п., чѣмъ во Франціи, прусское законодательство однако нѣсколько уклонилось отъ англійскаго типа, по которому центръ тяжести мѣстнаго самоуправления сосредоточивается въ общинахъ.

Во Франціи органами финансоваго самоуправления являются департаменты и общины, имѣющіе свои доходы и расходы, свой бюджетъ и свою отчетность, причемъ весь налоговой бюджетъ основанъ на системѣ добавочнаго оклада къ государственнымъ прямымъ налогамъ. Органами департаментскаго самоуправления являются департаментскіе совѣты и департаментскіе коммисіи. Совѣты состоятъ изъ членовъ, избираемыхъ по одному

отъ каждого кантона и они имѣютъ 2 сессіи въ году. На обязанности Совѣта лежать, между прочимъ 1) раскладка по округамъ тѣхъ податныхъ суммъ, которыя въ законномъ порядкѣ установлены для всего департамента, 2) наблюдение за хозяйствомъ въ общинахъ и опредѣленіе того максимума чрезвычайныхъ накладныхъ сборовъ, который можетъ быть допущенъ для вотированія въ общинахъ на общинныя-же потребности. Департаменты для какихъ-либо важныхъ дѣлъ общаго интереса могутъ соединяться вмѣстѣ. Коммиссіи состоятъ изъ 4—7 членовъ, избираемыхъ департаментскими совѣтами и засѣдаютъ не менѣе одного раза въ мѣсяць. На обязанности коммиссіи лежатъ: 1) разсмотрѣніе бюджетныхъ предположеній префекта, о которыхъ она и докладываетъ совѣту, 2) контроль счетовъ (ассигновокъ, ордеровъ), представляемыхъ префектамъ. Расходы дѣлятся на обязательные и необязательные (facultatives), доходы же, кромѣ собственнаго имущества, состоятъ изъ добавочныхъ сантимовъ (обязательныхъ и необязательныхъ) къ каждому франку государственныхъ прямыхъ налоговъ и изъ пособій казначейства. Высшая цифра этихъ сантимовъ указывается на каждый годъ (предѣлъ же—55 сант., но не со всей суммы прямыхъ налоговъ, а лишь съ недвижности). Бюджетъ департаментскій входитъ обязательно въ общегосударственный бюджетъ и представляется онъ въ формѣ проекта префектамъ въ совѣтъ, который имѣетъ въ отношеніи къ нему значеніе органа лишь совѣщательнаго. По исполненію бюджета, сборомъ и храненіемъ департаментскихъ доходовъ завѣдуетъ мѣстный казначей, равно какъ онъ-же производитъ платежи по ассигновкамъ префекта. Отчетность лежитъ на префектѣ и представляется имъ чрезъ коммиссію въ совѣтъ. Общинное финансовое самоуправленіе сосредоточивается въ рукахъ мэра съ его помощниками и муниципальнаго совѣта. Члены этого совѣта избираются прямою всеобщею подачей голосовъ. Этотъ совѣтъ

разсматриваетъ, между прочимъ, общинный бюджетъ. Расходы дѣлятся на обязательные и необязательные, а доходы — на обыкновенные и чрезвычайные. И здѣсь также добавочные сантимы (обыкновенные, спеціальные и чрезвычайные), въ формѣ процентной надбавки къ государственнымъ прямымъ налогамъ, играютъ главную роль. Составленіе проекта бюджета возложено на мэра, который представляетъ его совѣту, а отсюда — префекту; исполненіе бюджета лежитъ на немъ-же. Сборъ и расходование по ассигновкамъ мэра находится въ рукахъ сборщиковъ казенныхъ налоговъ и муниципальных казначеевъ. По окончаніи бюджетнаго періода мэръ изготавляетъ отчетъ и представляетъ его совѣту, откуда онъ препровождается къ префекту.

Въ Англіи крупнѣйшею единицей мѣстнаго самоуправления является графство, въ которомъ главнымъ органомъ финансоваго управленія служитъ Графскій Совѣтъ (зак. 13 Авг. 1888 г.), состоящій, подобно городскому совѣту, изъ представителя, старшинъ и совѣтниковъ, при чемъ въ контрольномъ отношеніи совѣты эти подчинены центральному бюро мѣстнаго управленія (Local Government Board), отъ котораго зависитъ также утвержденіе нѣкоторыхъ постановленій по мѣстному финансовому управленію, напр. — по заключенію займовъ. Совѣтники избираются мѣстнымъ населеніемъ на 3 года, а они избираютъ изъ своей среды председателя (чермена) и старшинъ (алдерменовъ) на 6 лѣтъ. Чтобы быть избирателемъ, требуется: а) совершеннолѣтіе, б) содержаніе промышленнаго или иного заведенія, в) годичная осѣдлость, г) уплата налоговъ съ собственности. Каждый округъ избираетъ закрытою баллотировкою только одного совѣтника, служба котораго считается обязательною. Предметы вѣдомства этого выборнаго Совѣта, между прочимъ, слѣдующіе: 1) назначеніе, установленіе и взиманіе графскихъ, полицейскихъ, сотенныхъ и другихъ сборовъ, равно какъ расхо-

дованіе ихъ и назначеніе уплатъ изъ нихъ, 2) хозяйственное завѣдываніе мѣстными присутственными мѣстами и другими общественными учрежденіями, 3) завѣдываніе домами для умалишенныхъ, 4) устройство и содержаніе исправительныхъ заведеній, 5) содержаніе дорогъ, мостовъ и пр., 6) завѣдываніе полиціей въ хозяйственномъ отношеніи. При этомъ слѣдуетъ замѣнить, что территоріальныя границы дѣятельности этихъ совѣтовъ не всегда совпадаютъ съ дѣленіемъ на графства, такъ какъ въ одномъ и томъ-же графствѣ можетъ быть и болѣе одного Совѣта. Всѣ эти финансовыя дѣла завѣдывались прежде четвертными сѣздами мировыхъ судей, при которыхъ состояли для этого особые комитеты. Слѣдующіе органы финансоваго самоуправленія это — управы (boards) союзовъ (unions) и, наконецъ, приходы, которые, имѣя свои финансы, должны въ то-же время участвовать и въ финансахъ графства. Приходское собраніе устанавливаетъ приходскіе сборы, поручая расходованіе ихъ выборнымъ лицамъ, которымъ ввѣрено непосредственное завѣдываніе какою-либо изъ отраслей приходскаго управленія. Въ рукахъ всѣхъ этихъ органовъ находится завѣдываніе не только всѣми собственно-мѣстными налогами, всегда прямыми⁸), но и всѣми прямыми государственными налогами, въ отношеніи къ раскладкѣ и взиманію ихъ.

Въ Пруссіи система мѣстнаго финансоваго самоуправленія основана, между прочимъ, какъ и во Франціи, на непосредственной связи общиннаго обложенія съ государственнымъ, посредствомъ т. н. накладныхъ сборовъ. Высшимъ органомъ этого самоуправления является провинціальный сеймъ, который вѣдаетъ слѣдующіе собственно-финансовыя предметы: 1) изданіе постановленій о порядкѣ отбыванія тѣхъ государственныхъ повинностей, относительно которыхъ нѣтъ подробныхъ правилъ въ законѣ, 2) опредѣленіе порядка расходованія доходовъ провинціи, 3) совершеніе займовъ, принятіе поручи-

тельствъ и опредѣленіе порядка выполненія послѣднихъ, 4) распредѣленіе провинціальныхъ сборовъ, 5) отчужденіе земель и правъ по недвижимой собственности, 6) устройство кассовой и счетной части и 7) утвержденіе бюджета и отчетовъ объ исполненіи его. Многія изъ постановленій по этому предмету приобрѣтаютъ обязательную силу лишь по утвержденіи ихъ правительствомъ, какъ, напр., обложеніе свыше 25-ти⁰/₀ суммы государственныхъ прямыхъ налоговъ, установленіе новаго налога на срокъ свыше 5 лѣтъ для удовлетворенія расхода необязательнаго и т. п. Провинціальная управа и земскій директоръ являются исполнительными органами въ отношеніи къ сейму. Уѣздное собраніе 1) опредѣляетъ порядокъ распредѣленія тѣхъ государственныхъ повинностей, которыя отбываются поуѣдно безъ подробныхъ опредѣленій по этому предмету въ законѣ, 2) устанавливаетъ обязательные и необязательные расходы съ указаніемъ на средства покрытія ихъ, 3) завѣдуетъ всѣми доходами и имуществами уѣзда, 4) опредѣляетъ порядокъ раскладки и сбора уѣздныхъ налоговъ, 5) утверждаетъ бюджетъ уѣзда и отчетъ объ исполненіи его. Многія изъ этихъ постановленій требуютъ утвержденія правительства, какъ напр., въ случаяхъ аналогичныхъ съ вышеуказанными относительно постановленій провинціальныхъ сеймовъ, а также при отчужденіи недвижимаго имущества, совершеніи займовъ, повышеній или пониженій окладовъ въ разныхъ частяхъ уѣзда и т. п. Доходы уѣзда слагаются изъ собственныхъ средствъ, налоговъ и пособій отъ казны, назначаемыхъ по провинціямъ и раскладываемыхъ по уѣздамъ. Исполнительными органами служатъ ландратъ и уѣздная управа. Волостная управа, съ волостнымъ старшиной во главѣ, вѣдаетъ, между прочимъ, контроль и вотированіе всѣхъ расходовъ по волостному управленію, причемъ средства на эти расходы даются отчасти уѣздомъ и затѣмъ волостными сборами. Общинный староста съ шеффенами и общинное собраніе завѣдуютъ общиннымъ

хозяйствомъ, собирая тѣ сборы, которые предусмотрѣны мѣстными уставами и законами, и устанавливають новые сборы, но не иначе какъ единогласно, если только сборы эти не необходимы для обезпеченія обязательныхъ расходовъ общины, причемъ какъ установленіе новыхъ сборовъ, такъ и повышение старыхъ во всякомъ случаѣ требуютъ утвержденія правительства. Въ основаніи всей системы мѣстныхъ налоговъ положена связь между обязанностью платежа этихъ налоговъ и правомъ на участіе въ мѣстномъ самоуправленіи, причемъ въ провинціяхъ раскладка этихъ налоговъ дѣлается по общинамъ, въ уѣздахъ же — по лицамъ, а въ общинахъ по тому-же масштабу какъ и въ уѣздахъ. Масштабомъ обложенія служатъ классный, подоходный, поземельный, подомовый и промысловый государственные налоги, всѣ вмѣстѣ и каждый изъ нихъ въ отдѣльности. Въ общинахъ значительное количество потребностей удовлетворяется на счетъ натуральныхъ повинностей и дѣлаемыхъ взаменъ ихъ взносовъ. Всѣ доходы, за исключеніемъ сбора на призрѣніе бѣдныхъ, имѣющаго свое спеціальное назначеніе, поступаютъ въ общую сумму средствъ на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Косвенные налоги допускаются самостоятельно и въ формѣ добавочныхъ окладовъ къ государственнымъ косвеннымъ налогамъ, но въ обоихъ случаяхъ не иначе какъ съ согласія правительства и съ изъятіемъ изъ этого обложенія перечисленныхъ въ законѣ предметовъ (вина, водки, соли, сахара, табаку и пр.). Самостоятельные прямые мѣстные налоги, установленіе которыхъ возможно лишь съ утвержденія правительства, должны быть раскладываемы на основаніи тѣхъ одѣльныхъ правилъ и той градаціи податныхъ окладовъ, которые установлены для класснаго и подоходнаго государственныхъ налоговъ, причемъ оцѣнку доходовъ и имущества, могущихъ быть облагаемыми лишь въ полномъ объемѣ ихъ, въ общей суммѣ, производится самими общинами. Всѣ жа-

лобы по поводу всякаго рода неправильностей по обложенію, сбору и т. п. рассматриваются въ общихъ административныхъ судахъ.

Въ Россіи органы самоуправления дѣлятся на земскіе и общественные, съ отнесеніемъ къ послѣднимъ органовъ городского и крестьянскаго самоуправления. Органами земскаго самоуправления служатъ губерскія и уѣздныя земскія собранія, какъ органы распорядительные, губерскія и уѣздныя земскія управы, какъ органы исполнительные. Уѣздныя собранія состоятъ изъ гласныхъ, избираемыхъ тремя избираемыми съѣздами. Эти собранія избираютъ изъ своей среды членовъ уѣздной управы и гласныхъ въ губерское собраніе, которое, въ свою очередь, избираетъ гласныхъ губернской управы. Въ основаніи права избирать и быть избраннымъ лежатъ гражданская и политическая правоспособность и имущественный цензъ⁹). Органы эти вѣдаютъ мѣстное земское хозяйство, при раздѣленіи всѣхъ земскихъ расходовъ на обязательные и необязательные. Потребности обязательныя перечислены въ законѣ, свойство-же и размѣръ потребностей необязательныхъ опредѣляются на основаніи прежде послѣдовавшихъ постановленій земскихъ собраній, или по предположенію управъ, утверждаемыхъ собраніемъ. Для удовлетворенія тѣхъ и другихъ потребностей земскія собранія имѣютъ право, за нѣкоторыми ограниченіями, устанавливать новые сборы, но отнюдь не натуральныя повинности; въ новѣйшее-же время земскимъ учрежденіямъ предоставлено право раскладки государственнаго земельного сбора. Вышнее наблюденіе за правильнымъ составленіемъ земскихъ смѣтъ, утверждаемыхъ земскими собраніями и приводимыхъ въ исполненіе управами, принадлежитъ губернатору, пререканія-же между послѣдними и земскими учрежденіями разрѣшаются въ высшей инстанціи 1-мъ Департаментомъ Сенаата. Органами городского самоуправления считаются город-

скія общественныя собранія, — Думы, состоящія изъ гласныхъ, которые избираются избирательными городскими собраніями. Избираемыми и избирателями могутъ быть только лица, удовлетворяющія опредѣленному податному цензу. Изъ состава гласныхъ Думы избираются городской голова и члены городской управы. Жалобы, пререканія и т. п. разсматриваются въ губернскихъ по городovýmъ дѣламъ присутствіяхъ. Городское управленіе вѣдаетъ все городское хозяйство, съ раздѣленіемъ потребностей на обязательныя и необязательныя, причемъ первыя опредѣлены закономъ. Для удовлетворенія этихъ потребностей Думамъ предоставляется устанавливать въ пользу города сборы, форма которыхъ опредѣлена закономъ. Раскладка, взиманіе и пр. предоставлены органамъ этого управленія. Возникающія пререканія разрѣшаются въ первой инстанціи губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Существенное отличіе между земскимъ и городovýmъ самоуправленіями по установленію сборовъ заключается въ томъ, что первое пользуется въ этомъ отношеніи гораздо бѣльшимъ просторомъ, за исключеніемъ сборовъ, падающихъ на промышленныя заведенія. Органами крестьянскаго (сословнаго) самоуправленія¹⁰⁾ считаются: 1) сельскій сходъ изъ домохозяевъ и староста, избираемый этимъ сходомъ, причемъ при старостѣ могутъ состоять еще сборщикъ податей и писарь, 2) волостной сходъ съ избираемымъ этимъ сходамъ волостнымъ старшиною и Волостнымъ Правленіемъ, дѣлопроизводствомъ котораго завѣдуетъ волостной писарь. Въ волости вѣдается, между прочимъ, волостное хозяйство по сбору государственныхъ податей и повинностей и по удовлетворенію волостныхъ потребностей; а въ селѣ вѣдается сельское хозяйство по сбору государственныхъ податей и повинностей и по удовлетворенію сельскихъ потребностей. Жалобы, пререканія и пр. разсматриваются уѣзднымъ и губернскими по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями.

§ 44. Органы соединства.

Основныя формы соединства. Соединства какъ органы финансоваго управленія.
Органы соединства въ Россіи.

Разнообразныя формы соединства могутъ быть подведены подъ слѣдующіе три типа: корпораціи (аналогично — учрежденія), общества, въ составъ которыхъ входятъ и акціонерныя компаніи, и товарищества съ входящими въ составъ ихъ артелями. Между этими тремя основными формами существуютъ еще формы переходныя, какъ, напр., корпораціи, имѣющія нѣкоторыя черты обществъ, или общества, приближающіяся къ товариществамъ, или неполныя товарищества и т. п.

Органамъ финансоваго управленія считаются отнюдь не всѣ соединства, а только тѣ изъ нихъ, цѣли которыхъ имѣютъ государственное значеніе и средства которыхъ расходуются на достиженіе такихъ именно цѣлей. Согласно съ этимъ къ органамъ финансоваго управленія должны быть отнесены разныя сословныя корпораціи, управляющія своими сословными дѣлами и своимъ сословно-корпоративнымъ хозяйствомъ; общества, управляющія своимъ хозяйствомъ для достиженія своихъ, хотя и спеціальныхъ, но имѣющихъ государственное значеніе цѣлей (напр. Общество Краснаго Креста); акціонерныя компаніи во всѣхъ ихъ разновидностяхъ, если въ цѣляхъ, ими преслѣдуемыхъ, болѣе или менѣе заинтересовано все государство (напр. желѣзно-дорожныя акц. компаніи); разнаго рода товарищества, цѣли которыхъ также болѣе или менѣе близко соприкасаются съ интересами государства (напр. Общества Взаимнаго Кредита). Всѣ эти соединства функционируютъ на началахъ самоуправленія и имѣютъ свои органы распорядительные (Общія Собранія), исполнительные (Правленіе, директоры, управляющіе, кассиры, бухгалтеры и т. п.), контрольные (Наблюдательный Совѣтъ, Повѣрочный Совѣтъ, контролеры) и т. п., свое счетоводство и кассоводство, свой

бюджетъ; причемъ, если имѣть въ виду чрезвычайное разнообразіе задачъ, ими преслѣдуемыхъ, и огромныя матеріальныя средства, расходуемыя ими на эти задачи, то нельзя не придти къ заключенію о весьма серьезномъ значеніи, которое имѣетъ дѣятельность этихъ органовъ въ отношеніи къ государственному хозяйству, въ обширномъ смыслѣ, чѣмъ и обуславливается въ новѣйшее время то положеніе, которое правительство стремится занять въ отношеніи къ этимъ органамъ, дабы, съ одной стороны, подчинить ихъ болѣе цѣлесообразному внѣшнему контролю, съ другой — согласовать ихъ дѣятельность съ интересами общества и государство. Стремленіе это обнаружилось до сихъ поръ особенно рельефно въ отношеніи къ разнаго рода корпораціямъ, кредитнымъ соединеніямъ и желѣзно-дорожнымъ акціонернымъ компаніямъ.

Въ Россіи органами дворянскаго самоуправленія считаются уѣздныя дворянскія собранія съ избираемыми ими уѣздными предводителями дворянства и губернскія дворянскія собранія съ избираемыми ими губернскими предводителями дворянства. Эти органы, имѣя попеченіе исключительно только о дворянскихъ сословныхъ интересахъ, завѣдуютъ доходами и расходами на этотъ предметъ, причемъ въ составъ первыхъ входятъ какъ доходы съ корпоративнаго имущества, такъ и различныя сборы. Ремесленные, мѣщанскія и др. управы завѣдуютъ также сословными или корпоративными интересами, имѣющими болѣе или мѣньшее государственное значеніе, и на этотъ предметъ они расходуютъ тѣ средства, которыя привлекаются ими въ формѣ доходовъ съ собственнаго сословнаго или корпоративнаго имущества и въ формѣ установленныхъ сборовъ. Нѣкоторыя акціонерныя компаніи пользуются правительственными и земскими субсидіями и гарантіей процентовъ на акціонерный и облигаціонный капиталы, а потому результаты хозяйственной дѣятельности такихъ компаній оказываютъ прямое вліяніе на государственный и земскіе

бюджеты. Точно также нѣкоторыя благотворительныя и др. учрежденія, существуя на счетъ частныхъ пожертвованій и принадлежащаго имъ имущества, получаютъ, кромѣ того, большія или меньшія субсидіи изъ казны. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести еще нѣкоторыя учрежденія, какъ наприм., пенсіонныя, эмеритурныя кассы и т. п., существованіе которыхъ болѣе или менѣе обеспечивается правительственной поддержкой. Финансовое значеніе всѣхъ этихъ органовъ, однако, изслѣдовано до сихъ поръ весьма слабо, хотя по однимъ уже далеко еще не полнымъ даннымъ, собраннымъ, напр., касательно акціонернаго желѣзно-дорожнаго дѣла, пенсіонныхъ и эмеритальныхъ кассъ, общественнаго кредита и т. п., можно судить о значительности тѣхъ выгодъ и убытковъ для государственныхъ финансовъ, которые обуславливаются большимъ или меньшимъ знакомствомъ съ характеромъ, значеніемъ и хозяйственной обстановкой дѣятельности этихъ органовъ.

1) Въ Австріи и Италіи существуетъ особая финансовая прокуратура, на обязанности которой лежитъ защита казеннаго интереса въ судахъ и, кромѣ того, дача заключеній по дѣламъ о договорахъ финансоваго вѣдомства.

2) Историческіе моменты въ развитіи Государственнаго Контроля слѣдующіе: контрольныя функціи допетровскаго Счетнаго Приказа переходятъ въ 1711 г. къ Сенату, въ 1712—къ канцеляріи Сената, въ 1714—къ Ближней Канцеляріи, въ 1718—въ Ревизіонъ-Коллегію, которая, будучи переименована въ Ревизіонъ-Контору, присоединена была въ 1722 г. къ Сенату, а въ 1725 г. опять обособилась подъ прежнимъ названіемъ. Въ 1733 г. учреждена была, кромѣ того, Генеральная Счетная Коммиссія, затѣмъ —счетныя конторы и экспедиціи, упраздненныя въ 1742 г., Ревизіонъ-Контора въ Москвѣ и т. д., а въ 1781 г. Ревизіонъ-Коллегіи, раздѣленная въ началѣ царствованія *Екатерины II* на Департаменты и отданная въ завѣдываніе ежегодно назначаемого сенатора, была упразднена и функціи ея отошли къ учрежденной въ 1780 г. Государственной Экспедиціи для свидѣтельства счетовъ, а при Казенныхъ Палатахъ учреждены были въ 1775 г. счетныя экспедиціи. Манифестомъ 1810 г. учрежденъ былъ Госу-

сударственный Контроль (Главное управление ревизіи государственных счетов), раздѣленный на два департамента (гражданскихъ и военныхъ счетовъ), къ которымъ въ 1827 г. присоединенъ былъ еще третій департаментъ (морскихъ счетовъ). Въ 1836 году учрежденъ Совѣтъ Государственного Контроля. Въ этой формѣ, при существованіи съ 1819 г., кромѣ счетныхъ экспедицій въ Казенныхъ Палатахъ, еще и особыхъ счетныхъ отдѣленій почти во всѣхъ департаментахъ министерствъ, просуществовалъ контроль до реформы его въ 1862—1865 гг. по проекту Статсъ-Секретаря *В. А. Татаринова*.

3) Независимо отъ Государственного Контроля на 1-й Департаментъ Сената возложенъ надзоръ за сборомъ податей и за производствомъ штатныхъ расходовъ.

4) Въ 1802 г. Министерству Финансовъ, при учрежденіи его, поручено было управленіе государственными доходами, расходами, имуществомъ, горнымъ дѣломъ и монетнымъ, лѣсами и кредитною частью. Въ 1810 г. къ этимъ предметамъ присоединено было еще завѣдываніе внѣшнею торговлей. Въ 1811 г. Министерство Финансовъ состояло изъ Департаментовъ Государственныхъ Имуществъ, Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, Внѣшней Торговли, Разныхъ Податей и Сборовъ, Общей Канцеляріи, Особенной Канцеляріи по кредитной части и Ученаго Комитета при Общей Канцеляріи. Въ 1812 г. присоединены къ Министерству Департаментъ Мануфактуръ и Внѣшней торговли, а 1820 г.—Департаментъ Государственного Казначейства. Въ 1863 г. завѣдываніе соляною частию перешло въ Департаментъ Разныхъ Податей и Сборовъ, который, съ передачей ему изъ Департамента Государственного Казначейства управленія земскими повинностями, распался на Департаменты Окладныхъ и Неокладныхъ сборовъ. Департаментъ Внѣшней Торговли переименованъ въ 1864 г. въ Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ, а въ 1865 г. завѣдываніе акцизами на сахаръ и табакъ перешло отъ Департамента Мануфактуръ и Торговли къ Департаменту Неокладныхъ Сборовъ. Въ 1838 г. управленіе государственными имуществами отошло отъ Министерства Финансовъ къ особому Министерству Государственныхъ Имуществъ и этому-же Министерству передано въ 1874 г. завѣдываніе Горною частью, монетная-же часть отошла тогда къ завѣдыванію Особой Канцеляріи, откуда въ 1874 г. она передана Департаменту Государственного Казначейства.

5) Къ завѣдыванію кредитною частью относятся такія учрежденія какъ Государственная Коммиссія погашенія долговъ, Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ, Государственный Банкъ, Крестьянскій земельный Банкъ, Дворянскій земельный Банкъ, Главное Выкупное Учрежденіе.

6) Для завѣдыванія отдѣльными предметами придворнаго управленія въ составъ Министерства Двора входятъ управленія

егермейстерское, конюшенное, варшавскими дворцами и театрами и дворцами вообще, строительная контора, дворцовое правление и дирекція Императорскихъ театровъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Какъ указано уже выше, Министерство Двора, составляя особое вѣдомство, имѣетъ особое установленіе для ревизіи счетовъ и особая касса.

7) Въ Военномъ Министерствѣ хозяйственною частію завѣдуетъ Интендантство, раздѣленное на Округи и имѣющее свои магазины, склады и т. п. Департаменты Министерства Путей Сообщенія имѣютъ, между прочимъ, своимъ предметомъ всѣ распоряженія и дѣла этого Министерства въ хозяйственномъ отношеніи. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, независимо отъ попеченія полиціи о поступленіи податей, Хозяйственный Департаментъ этого Министерства вѣдаетъ въ числѣ другихъ дѣлъ народное продовольствіе, а Земскому Отдѣлу ввѣрены предметы по устройству земскаго хозяйства во всей Имперіи. Главное Управленіе почтъ и телеграфовъ завѣдуетъ почтовою частью и телеграфною, а Департаментъ Общихъ Дѣлъ ведетъ, между прочимъ, счетоводство и отчетность по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ. Святѣйшій Синодъ, подобно хозяйственному комитету, дѣйствующему при Сенатѣ, имѣетъ свой особый Комитетъ для хозяйственнаго управленія.

8) Встрѣчаются также и косвенные налоги, но какъ исключительно городскіе сборы и имѣющіе, сравнительно съ прямыми налогами, ничтожное значеніе, причемъ нѣкоторые изъ этихъ сборовъ имѣютъ характеръ пошлинъ.

9) Имущественный цензъ слѣдуетъ отличать отъ податнаго ценза, такъ какъ оба эти ценза могутъ существовать совершенно отдѣльно: можно имѣть податной цензъ, не имѣя имущественнаго, и обратно. Податнымъ цензомъ называется опредѣленный минимумъ оклада подати, уплачиваемой опредѣленнымъ лицомъ или совокупностью лицъ, рассматриваемыхъ въ такомъ случаѣ какъ одинъ податной субъектъ. Въ основаніи понятія о податномъ цензѣ лежитъ то соображеніе, что лицо, уплачивающее опредѣленную сумму податей, должно пользоваться и правомъ участія въ расходованіи этихъ податей, причемъ право это ставится иногда въ опредѣленное пропорціональное отношеніе къ суммѣ отбываемыхъ податныхъ тяжестей. Имущественнымъ цензомъ называется опредѣленный минимумъ имущества или дохода, независимо отъ того, будутъ-ли эти имущества и доходы обложены податями или нѣтъ.

10) Если-бы крестьянское сословное самоуправленіе было построено на корпоративныхъ началахъ, подобно дворянскому, то оно должно было-бы быть отнесено къ органамъ соединства, но общія полицейскія функціи, которыя возложены на выборныхъ изъ крестьянъ должностныхъ лицъ, придаютъ этимъ органамъ значеніе мѣстныхъ органовъ самоуправления.

ОТДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Законодательство и исполненіе.

Глава XV-я.

Финансовые законы.

§ 45. Предметъ финансовыхъ законовъ.

Финансовые законы касаются организаціи финансоваго управленія, доходовъ, расходовъ и бюджета. Законы объ организаціи финансоваго управленія могутъ входить въ разсмотрѣніе какъ науки государственнаго права, такъ и науки финансоваго права, или же разсматриваться одновременно въ обѣихъ наукахъ, причемъ послѣднее предпочтительнѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ законы эти подвергаются болѣе всестороннему анализу и сфера государственнаго хозяйства, какъ предметъ науки финансоваго права, разсматривается въ ея цѣломъ со всѣми ея составными частями. Законы-же, опредѣляющіе взаимныя отношенія органовъ финансоваго управленія и плательщиковъ налоговъ, равно какъ и тѣ, которыми опредѣляются предметы и условія расходованія финансовыхъ доходовъ, должны быть разсматриваемы именно въ наукѣ финансоваго права, такъ какъ только въ этой наукѣ законы эти могутъ быть подвергнуты всестороннему анализу въ связи со всемъ содержаніемъ этой государственно-хозяйственной науки. Тѣмъ болѣе то-же слѣдуетъ сказать и о бюджетѣ, какъ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

§ 46. Основные финансовые законы.

Основные финансовые законы имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, отраженіе правъ плательщиковъ, исходящихъ изъ по-

нѣтъ о политико-гражданской свободѣ и о коренныхъ условіяхъ благосостоянія единичныхъ гражданъ и цѣлаго народа, съ другой—огражденіе правъ фиска, исходя изъ понятій о государствѣ, о цѣли его и объ особомъ характерѣ государственнаго хозяйства въ отличіи отъ частнаго и общественнаго хозяйствъ. Согласно съ этимъ, въ основныхъ финансовыхъ законахъ проводятся слѣдующія положенія: 1) всѣ государственные сборы и повинности устанавливаются не иначе, какъ закономъ; 2) всѣ привилегіи и изъятія опредѣляются только закономъ-же; 3) законами опредѣляются порядокъ взиманія налоговъ, мѣры понужденія и мѣры взысканія; 4) сумма предполагаемыхъ доходовъ и расходовъ, въ теченіи закономъ установленнаго срока, опредѣляется въ государственной росписи (бюджетѣ), утверждаемой въ законодательномъ порядкѣ; 5) закономъ опредѣляется участіе плательщиковъ въ раскладкѣ податей и повинностей; 6) неправильное обложеніе можетъ быть обжалуемо въ законномъ установленномъ порядкѣ; 7) гражданамъ, права и законные интересы которыхъ будутъ нарушены органами финансоваго управленія, предоставляется право судебной и судебно-административной защиты этихъ правъ и интересовъ; 8) установленіе полной гласности по финансовому управленію; 9) утвержденіе исполненія росписи въ законодательномъ порядкѣ; 10) опредѣленіе закономъ судебной, судебно-административной и дисциплинарной отвѣтственности органовъ финансоваго управленія за нарушенія ими казеннаго интереса и вообще ихъ служебныхъ обязанностей; 11) опредѣленіе условій и порядка отвѣтственности плательщиковъ въ случаѣ уклоненія ихъ отъ несенія правильно наложенныхъ на нихъ податныхъ тяжестей; 12) опредѣленіе границы и формы правъ казны въ случаяхъ чрезвычайныхъ; 13) установленіе правильнаго соотношенія въ финансовомъ управленіи между органами правительства, самоуправленія и соединства, и 14) организація финансоваго

контроля въ связи съ правильной организаціей кассоводства и счетоводства.

§ 47. Установленіе налоговъ и повинностей.

Установленіе налоговъ и повинностей закономъ. Право органовъ самоуправления на установленіе налоговъ. Право органовъ соединства производить сборы. Основныя начала, которымъ должны удовлетворять законы, устанавлиющіе налоги.

Во всѣхъ законодательствахъ болѣе или менѣе въ равной мѣрѣ проводится то основное начало, что не могутъ быть взимаемы никакіе налоги или сборы иначе какъ на основаніи закона и въ закономъ установленномъ порядкѣ. Въ русскомъ законодательствѣ начало это категорически выражено въ основныхъ законахъ, причемъ пояснено, что даже объявляемый Высочайшій указъ не имѣетъ силы въ дѣлахъ объ установленіи и отмѣнѣ налоговъ, такъ какъ для этого требуется безусловное собственноручное Высочайшее утвержденіе (ст. 66 осн. зак., 94 учр. гос. сов.). Въ уставѣ о земскихъ повинностяхъ (ст. 11) сказано, что кто дозволить себѣ, безъ надлежащаго законнаго разрѣшенія, установить или допустить новую повинность, тотъ подвергается взысканію по уложенію о наказаніяхъ (ст. 544, 545). Никакіе дополнительные отъ земства сборы, послѣ Высочайшаго утвержденія смѣтъ, раскладокъ и общей ихъ росписи, во все продолженіе трехлѣтія, не допускаются ни въ какомъ случаѣ, хотя-бы они предназначались и на предметы, по закону относящіеся къ одной изъ статей повинностей земскихъ (ст. 145 и ст. 83). Законъ, предоставляя право органамъ самоуправления устанавливать налоги для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, самъ-же ограничиваетъ это право, точно опредѣляя 1) предѣлы самообложенія, 2) субъекты и объекты мѣстныхъ налоговъ и 3) виды мѣстныхъ налоговъ или вообще систему ихъ. Въ основаніи этихъ ограниченій лежитъ то начало, что мѣстные налоги имѣютъ не одно только мѣстное значеніе, но

и общее, политическое, касающееся также интересов всего государства. Начало это, проведенное болѣе или менѣе послѣдовательно въ англійскомъ, французскомъ и прусскомъ законодательствахъ, осуществлено недостаточно отчетливо въ нашемъ законодательствѣ касательно земскаго самоуправления и крестьянскаго. Земскимъ учрежденіямъ предоставляется установленіе новыхъ сборовъ на удовлетвореніе земскихъ потребностей, причемъ это право установленія сборовъ допускается для покрытія расходовъ не только обязательныхъ, но и необязательныхъ, свойство и размѣръ коихъ опредѣляются земскими-же учрежденіями. Только относительно обложенія земскимъ сборомъ гильдейскихъ свидѣтельствъ и патентовъ, равно какъ торговыхъ и промысловыхъ билетовъ установлено ограниченіе, что первая категорія земскихъ сборовъ не можетъ превышать 25%, а вторая — 10% съ пошлины платимой въ казну. Въ Положеніи о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, волостнымъ сходамъ предоставлено устанавливать на расходы по мірскимъ потребностямъ сборы, относящіеся до цѣлой волости; сельскимъ-же сходамъ предоставлено устанавливать сборы, относящіеся до цѣлаго села. Въ Положеніи о городскомъ управленіи основныя начала установленія мѣстныхъ сборовъ опредѣлены болѣе полно и точно съ указаніемъ и на формы сборовъ, а именно: 1) съ недвижимыхъ недвижимыхъ имуществъ, 2) съ документовъ на право производства торговли и промысловъ и 3) съ трактирныхъ заведеній, постоялыхъ дворовъ и съѣстныхъ лавокъ. Думѣ предоставляется также вводить въ пользу города сборы 4) съ извознаго и перевознаго промысловъ, 5) съ лошадей и экипажей, содержимыхъ частными лицами и 6) съ собакъ. Но относительно каждого изъ этихъ сборовъ всѣ предположенія Думы о высшемъ размѣрѣ обложенія, объ изъятіяхъ изъ сбора и о способѣ взиманія онаго должны быть представляемы на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, причемъ

на губернаторовъ вообще возложена обязанность наблюденія за тѣмъ, чтобы не устанавлились сборы, закономъ не дозволенные, дозволенные-же не назначались свыше размѣровъ, разрѣшенныхъ закономъ.

Что касается органовъ соединства, то въ иностранныхъ и нашемъ законодательствахъ за ними признается право установленія какихъ-либо обязательныхъ сборовъ со своихъ членовъ или съ постороннихъ лицъ лишь въ предѣлахъ, допущенныхъ ихъ уставами, концессіями и т. п., причемъ сборы съ постороннихъ лицъ могутъ имѣть значеніе лишь платы за оказываемыя услуги.

Законы, устанавливающіе налоги, должны, какъ говоритъ Поккъ, 1) отличаться строгою послѣдовательностію, внутреннею связью, полнотою, совершенною опредѣленностью, вразумительностью и ясностью, такъ чтобы плательщикъ податей зналъ съ точностью свои обязанности, чтобы произволу не было мѣста, чтобы языкъ былъ языкомъ народа, въ особенности-же такимъ, какимъ плательщикъ привыкъ говорить въ своемъ промыслѣ, какъ на прим., горнозаводчикъ, пивоваръ, винокуръ, сахароваръ, кузнецъ и т. п. 2) Законъ долженъ опредѣлить съ точностью плательщика, предметъ, т. е. податной объектъ, податное дѣйствіе, по наступленіи котораго подать подлежитъ платежу, формы объявленія, исчисленія, предписанія и квитанцій, податной контроль, погашеніе, взысканіе, исключеніе и управленіе 3). 3) Необходимо также обратить вниманіе на то, чтобы плательщикъ подати зналъ податные законы, потому что они по большей части не опираются на внушеніе совѣсти, на обычаи и нравы; поэтому нельзя довольствоваться обыкновенными средствами обнародованія, но слѣдуетъ прибѣгать еще и къ средствамъ добавочнымъ 4). 4) Законъ, устанавливающій налогъ, долженъ быть справедливъ, т. е. онъ не долженъ нарушать заключенныхъ договоровъ или предоставленныхъ правъ; не

долженъ посягать на религіозныя, политическія, національныя и моральныя воззрѣнія плательщика и на достоинство его⁵⁾. 5) При установленіи новаго налога законъ не долженъ забывать старыхъ, въ видахъ правильной оцѣнки хозяйственнаго значенія новаго бремени, налагаемаго на плательщиковъ⁶⁾. Законъ, устанавлиющій налогъ, долженъ сообразоваться съ началами наукъ народнаго и государственнаго хозяйствъ, т. е. онъ долженъ исходить изъ основныхъ положеній этихъ наукъ, заключающихся въ слѣдующемъ: 1) услуги государства перестаютъ быть благодѣтельными въ народно-хозяйственномъ отношеніи, когда они не могутъ быть покрыты частию свободнаго народнаго дохода, когда подать, устанавливаемая для оказанія той или другой услуги, поглощаетъ этотъ доходъ вполнѣ, а слѣдовательно останавливаетъ хозяйственное развитіе, или даже влечетъ за собой растрату народнаго имущества, со включеніемъ капитала, предназначеннаго для поддержанія труда и предпріимчивости, такъ какъ если сумма налоговъ поглощаетъ такую часть имущества, что, не смотря на всѣ усилія, плательщикъ не можетъ справиться съ платежемъ ихъ и съ удовлетвореніемъ своихъ насущныхъ потребностей, то плательщикъ перестаетъ не только платить, но и вообще поддерживать свое хозяйство⁷⁾. 2) Налогъ долженъ быть взимаемъ съ наименьшимъ обременіемъ народа и съ наибольшею выгодною для государства, т. е. — съ наименьшими расходами взиманія, потерями отъ утайки, стѣсненіями и обременіемъ плательщиковъ⁸⁾. 3) Налогъ не долженъ препятствовать хозяйственному успѣху и затруднять приступъ къ занятіямъ, пользованіе сырыми матеріялами и орудіями производства, способы производства, дѣятельность рынковъ, ассоціацію и свободу выбора⁹⁾. 4). Наконецъ, при установленіи новыхъ налоговъ или возвышеніе существующихъ, законъ долженъ основываться вездѣ на предварительной оцѣнкѣ данныхъ, которыя давали-бы возможность опредѣлить съ вѣроят-

ною достовѣрностью, что не лучше-ли было-бы почерпнуть необходимыя средства изъ какого-либо иного источника (напр. посредствомъ займа), или даже вовсе отказаться отъ расхода, сопряженнаго съ чрезмѣрнымъ обременіемъ населенія ¹⁰⁾).

§ 48. Опредѣленіе расходовъ.

Основное правило опредѣленія расходовъ. Опредѣленіе закономъ расходовъ органовъ самоуправления и соединства. Начала, служащія основаніемъ для законовъ, которыми опредѣляются расходы. Дѣленіе государственныхъ расходовъ. Расходъ на содержаніе верховной власти. Содержаніе личнаго состава служащихъ. Расходъ на матерьяльную часть. Расходы по кредиту. Расходы по вѣдомствамъ. Дѣленіе расходовъ органовъ самоуправления и соединства.

Относительно расходовъ установлено во всѣхъ законодательствахъ то-же основное правило, что ни чиновники правительства, ни общины не могутъ производить изъ государственныхъ и общественныхъ суммъ какихъ-либо расходовъ, не опредѣленныхъ закономъ или-же въ законѣ установленномъ порядкѣ. Въ виду постановленія объ изъятіи изъ вѣдомства Государственнаго Контроля всѣхъ вообще суммъ, израсходованныхъ на извѣстное Государю Императору употребленіе, можно было-бы придти къ заключенію, что законодательство наше допускаетъ отступленія отъ этого основнаго правила. Однако такое заключеніе ошибочно, такъ какъ, во-первыхъ, въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ опредѣленіи расходовъ, а лишь о контролѣ надъ расходами, на которые по какимъ-либо основательнымъ соображеніямъ его распространить нельзя ¹¹⁾), и, во-вторыхъ, по аналогіи съ узаконеніями относительно установленія налоговъ то-же основное начало распространяется и на опредѣленіе расходовъ. Но не только расходныя статьи, а и самыя размѣры расходовъ должны быть опредѣлены актомъ, утверждаемымъ въ законодательномъ или въ законѣ указанномъ порядкѣ. Поэтому въ законодательствахъ всѣхъ культурныхъ государствъ проведено болѣе

или менѣе послѣдовательно то основное начало, что чиновники правительства и общины могут производить расходы лишь въ предѣлахъ, опредѣленныхъ впередъ утвержденными росписями (бюджетами). Въ русскомъ законодательствѣ категорически выражено, что никакой расходъ, въ Высочайше утвержденной государственной росписи и финансовыхъ смѣтахъ не показанный или не разрѣшенный экстраординарнымъ кредитомъ въ законодательномъ порядкѣ, не допускается кромѣ случаевъ, въ законѣ же подробно перечисленныхъ (№№ 38309, 40043, 42480, 48558, 49390, 50023, 52442, 58587).

Расходы по мѣстному самоуправленію, опредѣляемые въ законѣ указанномъ порядкѣ, группируются, согласно съ отношеніемъ законодательства по этому предмету, въ слѣдующія три группы: 1) расходы, предписываемые мѣстнымъ учрежденіямъ закономъ, 2) мѣстные расходы, признанные закономъ обязательными и 3) расходы необязательные на мѣстные потребности, свойство и объемъ которыхъ зависятъ отъ особыхъ условій той или другой мѣстности, а потому онѣ не поддаются точному предварительному опредѣленію. Слѣдовательно, одни расходы законъ обязательно возлагаетъ на мѣстное самоуправленіе, другіе же законъ предоставляетъ благоусмотрѣнію органовъ самоуправления, но не безгранично, а такъ, что для первыхъ, т. е. для обязательныхъ расходовъ, законъ обеспечиваетъ и выполненіе ихъ, для вторыхъ же, т. е. необязательныхъ расходовъ, онъ ставитъ извѣстный предѣлъ, дабы съ одной стороны, не пострадало удовлетвореніе перваго рода потребностей, съ другой — не истощалась податная способность плательщиковъ въ ущербъ правильному отбыванію ими повинностей государственныхъ. Такъ относятся къ мѣстнымъ расходамъ органовъ самоуправления англійское, французское, прусское и русское законодательство, различаясь лишь въ границахъ свободы относительно расходовъ необязательныхъ.

Что касается органовъ соединства, то расходы ихъ опредѣляются общими законами, ихъ-же уставами и договорами и согласными съ уставомъ постановленіями общихъ собраній членовъ этихъ соединствъ. Хотя въ законѣ не установлено различія между обязательными и необязательными расходами, но и здѣсь оно имѣетъ мѣсто на столько, что нѣкоторые расходы прямо предписываются правительствомъ и производятся при содѣйствіи и подѣ контролемъ послѣдняго.

Законы, опредѣляющіе расходы, опираются на слѣдующія начала: 1) при опредѣленіи всей суммы расходовъ имѣется въ виду не только сумма ожидаемаго дохода, но и отношеніе этого дохода ко всей суммѣ народнаго дохода; 2) сумма отдѣльныхъ расходныхъ статей сообразуется съ производительнымъ значеніемъ ихъ, съ суммой оказываемыхъ на ихъ счетъ услугъ и съ цѣлями государства; 3) при опредѣленіи сравнительной высоты отдѣльныхъ расходныхъ статей имѣется въ виду количественное и качественное различіе въ значеніи цѣлей, для которыхъ устанавливаются эти расходы; 4) какъ предметы расходовъ, такъ и суммы ихъ находятся въ зависимости отъ характера и значенія источниковъ дохода, которымъ они покрываются. Касательно перваго изъ этихъ основныхъ положеній нельзя не замѣтить, что вообще возростаніе государственныхъ расходовъ шло по большей части не пропорціонально возростанію производительности страны, т. е. увеличенію народнаго дохода¹²⁾. Такого рода явленіе отчасти порождено господствомъ ошибочнаго воззрѣнія, будто-бы высота расходовъ, если есть средства на покрытіе ихъ, не можетъ имѣть вреднаго хозяйственнаго значенія, такъ какъ затраченныя суммы остаются въ государствѣ. Сторонники этого воззрѣнія говорятъ, что всѣ подати собираются съ излишка сбереженій и труда, который въ противномъ случаѣ былъ-бы растроченъ, а потому всѣ подати, независимо отъ ихъ количественнаго и качественного значенія хо-

роши, скопля въ одну кассу всѣ эти излишки, откуда они выливаются обильнымъ и плодотворнымъ золотымъ дождемъ. Но, во-первыхъ, далеко не безразлично, куда и на что затрачиваются казной народныя средства; во-вторыхъ, не безразлично также, куда и на что были-бы затрачены эти средства, если-бы они оставались въ рукахъ народа; въ третьихъ, далеко не всегда народныя средства, затраченныя казной, возвращаются къ народу, независимо отъ того, что, возвращаясь не надлежащимъ образомъ, они могутъ причинять народу существенный хозяйственный вредъ, путемъ усиленія неравномѣрности въ распредѣленіи богатствъ, какъ результатъ извлеченія средствъ изъ однихъ болѣе скудныхъ кармановъ и перемѣщенія ихъ въ другіе, болѣе полные; наконецъ, въ четвертыхъ, лишеніе населенія нѣкоторыхъ развлеченій и удовольствій, какъ результатъ отнятія посредствомъ налоговъ тѣхъ средствъ, которыя пошли-бы на этотъ предметъ, также имѣетъ отнюдь не безусловно-положительное значеніе¹³⁾. Выполненіе второго основнаго положенія находится въ прямой связи съ тѣмъ началомъ, что чѣмъ полезнѣе и настоятельнѣе услуга, согласная съ цѣлью и значеніемъ государства, тѣмъ болѣе государство, не ожидая спроса и понужденія, должно взять на себя оказаніе ея и тѣмъ она должна быть общедоступнѣе¹⁴⁾. Поэтому чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе такія услуги государства, которыми могутъ пользоваться всѣ граждане безвозмездно, тѣмъ полнѣе выполненіе государствомъ своей задачи въ сферѣ государственнаго хозяйства. Изъ этого слѣдуетъ, что чрезмѣрная экономія при опредѣленіи суммъ на отдѣльныя расходныя статьи по содержанію учреждений, имѣющихъ общепольное значеніе, не должна умѣть мѣста¹⁵⁾. Тѣмъ менѣе умѣстенъ расчетъ на то, что содержаніе такихъ учреждений будетъ окупаться взносами тѣхъ лицъ, которыя будутъ пользоваться ихъ услугами. Вообще, до какой степени въ сферѣ государственнаго хозяйства не

размѣромъ расходовъ опредѣляется размѣръ оказываемыхъ услугъ, а, наоборотъ, значеніемъ услугъ опредѣляется размѣръ расхода, это явствуетъ изъ того, что въ составленіи государственной росписи исчисленіе расходовъ предшествуетъ исчисленію доходовъ, а не обратно¹⁶⁾. Третье основное положеніе осуществляется наиболѣе полно тогда, когда сравнительная оцѣнка значенія расходныхъ статей производится съ точки зрѣнія государственнаго, общественнаго и личнаго интересовъ, при установленіи правильнаго соотношенія между ними. Согласно съ этимъ, болѣе существенныя нужды, имѣющія государственное значеніе, должны быть удовлетворяемы раньше менѣе существенныхъ, и притомъ такъ, чтобы удовлетвореніе это было возможно болѣе полнымъ. Кромѣ того, каждый расходъ долженъ имѣть цѣлью общее благо, а не интересы единичныхъ лицъ, а потому, наприм., расходы, которые доставляютъ выгоды только отдѣльнымъ группамъ гражданъ на счетъ всѣхъ остальныхъ, могутъ быть оправданы въ каждомъ данномъ случаѣ только основательными соображеніями высшей политики, имѣющими въ виду въ конечномъ результатѣ все то же общее благо. Наконецъ, при сравнительной оцѣнкѣ расходныхъ статей, конечно, не можетъ быть не принято въ соображеніе также и различіе въ степени производительности расходовъ. Въ этомъ отношеніи между всѣми государственными расходами можно установить слѣдующее различіе: а) расходы, производимые для достиженія разнаго рода культурныхъ цѣлей и б) расходы, совершаемые съ прямою цѣлью содѣйствовать производству¹⁷⁾. Въ отношеніи къ перваго рода расходамъ, напр. на распространеніе знаній, безопасность, содержаніе церкви и т. п., обыкновенно невозможно привести въ равновѣсіе затраты и приобретаемыя на счетъ ихъ выгоды, но отсюда не слѣдуетъ, что такіе расходы бесполезны и нехозяйственны, тѣмъ болѣе, что государство отнюдь не должно преслѣдовать однѣ лишь хозяйствен-

ныя цѣли, въ тѣсномъ смыслѣ; для подобныхъ расходовъ можетъ быть поставлена граница только размѣрами народнаго дохода и степенью культурнаго развитія каждаго даннаго государства¹⁸⁾. При производствѣ втораго рода расходовъ, напр. при содержаніи казенныхъ фабрикъ и заводовъ, эксплоатациі земельныхъ и лѣсныхъ государственныхъ имуществъ, осушеніи, орошеніи, устройствѣ путей сообщенія и т. п., государство создаетъ новые капиталы или же новыя цѣнности, взаимнѣ затраченныхъ, вслѣдствіе чего не трудно произвести сравнительную оцѣнку расхода и сдѣланнаго на него счетъ приобрѣтенія. Четвертое основное положеніе вмѣняетъ въ обязанность тщательный анализъ народно-хозяйственнаго значенія того источника дохода, на счетъ котораго покрывается тотъ или другой расходъ. Такъ, напр., очевидно, что производство измѣняющихся обыкновенныхъ расходовъ на счетъ какихъ-либо чрезвычайныхъ источниковъ дохода никоимъ образомъ не можетъ служить признакомъ мудрой финансовой политики, тогда какъ чрезвычайные расходы въ большей части случаевъ требуютъ и чрезвычайныхъ средствъ, добываемыхъ нерѣдко путемъ кредита, временнаго повышенія налоговъ, отчужденія государственныхъ имуществъ и т. п. Вагнеръ утверждаетъ, что расходы государства тѣмъ менѣе обременительны, чѣмъ большая часть ихъ покрывается доходами отъ промысловой дѣятельности государства-же, а не налогами, такъ что чѣмъ выше промысловый доходъ государства, тѣмъ больше можетъ быть и сумма расходовъ. Но, очевидно, расширеніемъ промысловой дѣятельности государства ограничивается такая-же дѣятельность гражданъ, а ограниченіе это можетъ быть въ хозяйственномъ отношеніи еще тяжелѣе налогового бремени; не говоря уже о томъ, что въ основѣ современнаго государственнаго хозяйства, не произвольно созданнаго, а слагавшагося исторически, лежитъ доходъ съ налоговъ, но не промысловые доходы государства.

Согласно съ этимъ, въ основаніе сравнительной оцѣнки источниковъ дохода слѣдуетъ взять, главнымъ образомъ, налоги, въ зависимости отъ податныхъ объектовъ, на которые они падаютъ, такъ какъ этимъ самымъ опредѣляется, между прочимъ, и значеніе ихъ.

Въ зависимости отъ производства государственныхъ расходовъ на удовлетвореніе общегосударственныхъ потребностей или только мѣстныхъ, расходы эти дѣлятся на центральные и мѣстные ¹⁹⁾, послѣдніе-же въ свою очередь могутъ быть государственными и общественными, т. е. производимыми органами самоуправленія. Затѣмъ государственные расходы дѣлятся еще на обыкновенные и чрезвычайные, въ зависимости отъ а) времени наступленія потребности въ нихъ или б) отъ значенія ихъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенными расходами называются правильно изъ года въ годъ повторяющіеся расходы, чрезвычайными-же тѣ, которые порождены какою-нибудь внезапною, временною потребностью, причемъ такіе чрезвычайные расходы не слѣдуетъ отождествлять съ тѣми измѣняющимися обыкновенными расходами, которыми, въ отличіе отъ постоянныхъ обыкновенныхъ расходовъ, удовлетворяются измѣчивыя въ размѣрахъ своихъ текущія потребности государства, какъ напр., расходы на публичныя сооруженія. Во второмъ случаѣ обыкновенными расходами называются тѣ, которые удовлетворяютъ нормальнымъ потребностямъ государства въ теченіи даннаго періода времени, соответствующаго бюджетному періоду, чрезвычайные-же расходы производятся въ расчетѣ на извлеченіе изъ нихъ выгоды въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени или въ болѣе отдаленномъ будущемъ. Дѣленіе государственныхъ расходовъ на обыкновенные и чрезвычайные имѣетъ по конституціонному праву нѣкоторыхъ государствъ, напр. Англіи, то значеніе, что первые опредѣляются Палатами на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, а послѣдніе еже-

годно, при чемъ обыкновенными расходами удовлетворяется только часть текущихъ потребностей государства, наиболѣе настоятельныхъ для правильной дѣятельности государственнаго управленія во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ, остальная-же часть подвергается ежегодному голосованію ²⁰⁾. По предметамъ государственные расходы дѣлятся на 1) содержаніе Верховной власти, 2) содержаніе личнаго состава управленія въ широкомъ смыслѣ, 3) расходы на матерьяльную часть и 4) расходы по кредиту ²¹⁾.

Актъ, которымъ опредѣляется расходъ на содержаніе Верховной власти, называется цивиллистомъ ²²⁾. Цивильный листъ составляется ежегодно, или на все время жизни Монарха (Англія); или-же навсегда (Баварія); въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, однако, не исключается возможность измѣненія его. Доли другихъ членовъ царствующаго дома вносятся также въ цивильный листъ или-же обособляются, а въ конституціонныхъ государствахъ въ цивильный листъ включаются и расходы на народное представительство, равно какъ и на нѣкоторыя высшія государственныя учрежденія. Въ Россіи государственною росписью опредѣляется сумма на содержаніе Министерства Императорскаго Двора, содержаніе-же собственно Государя не опредѣлено особо, причемъ суммы на содержаніе Государя и всей Царской Фамиліи поступаютъ частью изъ Государственнаго Казначейства, частью изъ Удѣловъ ²³⁾. Согласно съ Учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи отъ 9 Іюня 1886 г., изъ этихъ источниковъ назначается содержаніе всѣмъ безъ изъятія Членамъ Императорскаго Дома, въ мужскомъ поколѣніи происшедшимъ, а именно: 1) лицамъ мужскаго пола до совершеннолѣтія, для воспитанія, денежное жалованье, а потомъ совершеннолѣтія на всю ихъ жизнь, для содержанія, денежныя доходы или заповѣдныя имущества; 2) женскому полу до замужества денежное содержаніе, а при замужествѣ единовременно приданое, вознагражденіе,

чѣмъ и пресѣкается уже всякое дальнѣйшее съ ихъ стороны требованіе; 3) вдовствующимъ Императрицамъ, Великимъ Княгинямъ и Княгинямъ Крови Императорской — денежная по жизни ихъ пенсія. Мѣра содержанія опредѣляется соответственно близости степеней родства такъ, что старшимъ старшаго поколѣнія назначается содержаніе равное получаемому Наслѣдникомъ, а ихъ братья и сыновья — столько, сколько сыновья Императора, остальные же — въ зависимости отъ степени родства ихъ отцовъ или ихъ самихъ съ Императоромъ. Если наследіе Престола дойдетъ до лица, не принадлежащаго къ числу сыновей или внуковъ Императорскихъ, братья и сестры его получаютъ содержаніе, установленное для сыновей и дочерей Императора. Императрица получаетъ, кромѣ содержанія Ея Двора, 200 тыс. руб. ежегодно и пожизненно; но содержаніе это сокращается на половину, если Она оставить Россію. На содержаніе дѣтей Государевыхъ до совершеннолѣтія опредѣляется для каждаго въ годъ по тридцать три тысячи рублей. Наслѣдникъ получаетъ, кромѣ содержанія Двора, по 100 тыс. руб. въ годъ, Супруга же его — 50 тыс. руб., а при вдовствѣ она получаетъ пенсію 100 тыс. руб., сокращаемую на половину въ случаѣ оставленія Россіи, и содержаніе двора. Дѣти Наслѣдника получаютъ до совершеннолѣтія или до брака по 20 тыс. руб. Приданое награжденіе Великимъ Княжнамъ и Княжнамъ Крови Императорской выдается: 1) дочерямъ и внукамъ Императора — по 1 милл. руб., 2) правнукамъ и праправнукамъ — по 100 тыс. руб., 3) всѣмъ дальнѣйшимъ — по 30 тыс. руб. Все это содержаніе, равно какъ и приданое выдаются изъ суммъ Государственнаго Казначейства. Изъ удѣльныхъ суммъ каждому сыну Императора, кромѣ Наслѣдника, по достиженіи совершеннолѣтія назначается на содержаніе по 150 тыс. руб. въ годъ и единовременно, на устройство помѣщенія, 1 милл. руб.; по вступленіи же въ бракъ опре-

дѣляется имъ по 200 тыс. руб. ежегодно, супругамъ ихъ по 40 тыс. руб. и на содержаніе двора по 35 тыс. Дочери и внуки Императора получаютъ отъ совершеннолѣтія до замужества по 50 тыс. руб. въ годъ, а правнуки — по 15 тыс.; внуки-же обоего пола по 15 тыс. и правнуки по 10 тыс. до совершеннолѣтія или до брака. Со времени совершеннолѣтія внуки мужского пола получаютъ по 150 тыс. и одновременно 60 тыс., а супруги ихъ — по 20 тыс. При вступленіи въ бракъ сыновей и внуковъ Императора, супругамъ ихъ предоставляется въ даръ, одновременно, изъ удѣльных суммъ, по два капитала: одинъ въ 100 тыс. — отъ Императора, другой — въ 50 тыс. — отъ Вел. Князя Супруга. Со времени совершеннолѣтія правнуки мужского пола получаютъ заповѣдное недвижимое имущество, приносящее 100 тыс. руб. дохода, или соотвѣтствующій денежный капиталъ; кромѣ того, имъ полагается денежное содержаніе по 30 тыс., а супругамъ ихъ — по 10 тыс. Вдовы ихъ сохраняютъ полностью свое содержаніе лишь до тѣхъ поръ, пока пребываютъ въ Россіи, въ случаѣ-же выѣзда — содержаніе сокращается до $\frac{1}{3}$ части, и прекращается совершенно при вступленіи во второй бракъ. Въ расходы по Министерству Двора включается еще и содержаніе нѣкоторыхъ учрежденій, содѣйствующихъ развитію художествъ и наукъ, а именно: Императорскихъ театровъ, Академіи художествъ, Публичной библіотеки и Императорскаго Эрмитажа, Императорской Археологической Коммиссіи. По росписи на 1887 г. на содержаніе Министерства Двора ассигновано было около $10\frac{1}{2}$ милл. руб., что составляетъ $1\frac{1}{4}\%$ всего расходнаго бюджета ²⁴⁾.

Содержаніе личнаго состава органовъ управленія, въ обширномъ смыслѣ, составляется изъ жалованья и, кромѣ того, пенсій ²⁵⁾. Къ жалованью присоединяются еще деньги, выдаваемые на наемъ квартиры и на столовое довольствіе, которыя въ иныхъ случаяхъ замѣняются натурой, равно какъ

нѣкоторые должностныя лица, напр., солдаты, получаютъ, кромѣ жалованья, полное продовольствіе и обмундировку. Жалованье чиновниковъ есть особый видъ заработной платы, размѣръ которой опредѣляется безъ участія свободной конкуренціи финансовыми, политическими и полицейскими. (въ широкомъ смыслѣ) соображеніями. Жалованье должно быть достаточнымъ для матеріальнаго обезпеченія служащаго и семьи его, согласно съ соотвѣствующимъ должности общественнымъ положеніемъ. По мнѣнію Якоба, общая норма для опредѣленія размѣра жалованья, кромѣ соотвѣствія съ услугами, оказываемыми служащимъ, и съ его знаніями, должна быть такова, чтобы 1) быть достаточною для жизни съ семействомъ соотвѣственно съ общественнымъ положеніемъ, 2) быть достаточною для воспитанія дѣтей и 3) быть достаточною для того, чтобы скопить такую сумму, которая покрывала-бы расходы, произведенныя на подготовленіе къ службѣ, обезпечивала-бы на остальной срокъ жизни и обезпечивала-бы на опредѣленный срокъ жену и дѣтей, въ случаѣ смерти служащаго. Къ этимъ положеніямъ слѣдуетъ присоединить еще требованія, чтобы 4) при прохожденіи должностей въ одномъ и томъ-же вѣдомствѣ съ низшихъ степеней на высшій жалованье увеличивалось, и 5) для одной и той-же должности установлены были разныя оклады жалованья, дабы, въ видахъ поощренія по службѣ, возможны были не только переводы съ низшей должности на высшую, но и всегда осуществимые и желательные, но и переводы съ низшаго на высшій окладъ жалованья по той-же должности, какъ, напр., это практикуется въ Англіи, 6) увеличеніе оклада жалованья поставлено было-бы въ извѣстное соотношеніе съ продолжительностью службы, и 7) кромѣ жалованья выдавались-бы, въ видахъ поощренія, денежныя и другія награды. Въ русскомъ законодательствѣ вообще принято дѣлать содержаніе должностныхъ лицъ, опредѣляемое этикетомъ штатами, на три

части: 1) собственно жалованье, 2) столовые и 3) квартирные деньги²⁶). Число должностных лиц, состоящих на жалованьи, не считая войска, простирается въ Россіи свыше 90 т. чел., и на жалованье ихъ затрачивается болѣе 100 мил. руб., т. е. болѣе 12⁰/о всего расходнаго бюджета; если же присоединять сюда жалованье солдатъ, все ихъ содержаніе, натуральное квартирное довольствіе чиновниковъ и т. п., то расходъ на содержаніе должностныхъ лицъ значительно превыситъ эту сумму. Изъ вышесказаннаго явствуется, что производство расходовъ на содержаніе личнаго состава управленія не только въ формѣ жалованья, но и въ формѣ пенсій отнюдь не можетъ или не должно считаться актомъ благотворенія, такъ какъ пенсія есть ничто иное какъ часть содержанія, уплачиваемая условно, и, въ сущности, все дѣло пенсіонированія государствомъ должностныхъ лицъ и ихъ вдовъ и сиротъ имѣетъ характеръ государственнаго долга, т. е. недоплаты жалованья съ обязательствомъ выплачивать опредѣленную сумму по наступленіи извѣстныхъ условій; это своего рода обязательное страхованіе. Организациа пенсіонной части двоякая, причемъ каждая изъ нихъ можетъ существовать отдѣльно, или же совмѣстно. Первая организациа заключается въ томъ, что государство беретъ на себя образованіе пенсіоннаго фонда, изъ котораго выдаются пенсіи не всѣмъ лицамъ, а только наиболѣе нуждающимся, какъ, напр., такія пенсіи выдаются у насъ Комитетомъ о раненыхъ. Вторая организациа заключается въ томъ, что образуется общій пенсіонный фондъ посредствомъ вычетовъ изъ жалованья, а изъ этого фонда пенсіи выдаются всѣмъ безъ исключенія служащимъ, удовлетворяющимъ опредѣленнымъ условіямъ срока службы и т. п. Вторая организациа предпочтительнѣе, такъ какъ ею устраняется возможность лицепріятій, искательства и т. п. Кроме того, независимо отъ общаго пенсіоннаго фонда, изъ котораго выдаются пенсіи, отдѣльныя вѣдомства мо-

гутъ имѣть свои спеціальныя пенсіонныя фонды, образуемые вычетами изъ жалованья и иными способами; это, такъ называемыя, эмеритальныя кассы, болѣе или менѣе прочное положеніе которыхъ зависитъ отъ болѣе или менѣе точности таблицъ смертности, рожденій, средняго возраста, продолжительности службы и т. п., положенныхъ въ основаніи операций этихъ кассъ. Въ основаніи всего пенсіоннаго дѣла лежатъ слѣдующія начала: 1) право на полученіе пенсіи наступаетъ по прошествіи опредѣленнаго числа лѣтъ службы, причемъ принимаются въ расчетъ родъ службы и условія нея и причины оставленія нея. 2) Окладъ пенсіи возвышается въ зависимости отъ продолжительности службы. 3) Только доказанная безпорочная служба можетъ давать право на пенсію, но лишеніе пенсіи можетъ послѣдовать только по судебному приговору и въ предусмотрѣнныхъ закономъ случаяхъ. 4) По прошествіи опредѣленнаго болѣе или менѣе продолжительнаго срока службы, съ которымъ связано и удаленіе отъ должности за дряхлостью (предѣльный возрастъ), окладъ пенсіи приравнивается къ полному окладу жалованья. 5) Пенсія выдается не только служащему, но и его вдовѣ до замужества и сиротамъ мужескаго пола до совершеннолѣтія, и женскаго до замужества. 6) Пенсіонныя преміи или вычеты изъ жалованья рассчитываются такъ, чтобы пенсіонныя кассы, подобно страховымъ предпріятіямъ, могли существовать самостоятельно. 7) Пенсіонныя учрежденія, въ видахъ болѣе солидности ихъ, обнимаютъ возможно болѣе кругъ лицъ. 8) Участіе въ образованіи пенсіоннаго фонда можетъ быть сдѣлано обязательнымъ, какъ одно изъ условій службы. 9) Преміи или вычеты различны для холостыхъ, женатыхъ и семейныхъ, дабы равенство въ этомъ случаѣ не имѣло характера налога за безбрачіе и бездѣтность. 10) Пенсіонное дѣло считается не только государственнымъ, но и общественнымъ дѣломъ, т. е. пенсіи выдаются не только за государ-

ственную, но и за общественную службу, причем правительство может сдѣлать обязательнымъ для земскихъ и общественныхъ учрежденій заботу объ организаціи этого дѣла въ формѣ земскихъ, желѣзнодорожныхъ, фабричныхъ и др. пенсіонныхъ, вдовьихъ и сиротскихъ кассъ. Выдачею пенсій не ограничивается забота государства о матеріальномъ благосостояніи лицъ, состоящихъ на государственной службѣ или въ семьяхъ ихъ; для этого служатъ еще инвалидные и вдовьи дома, сиротскіе пріюты, пріемы въ учебныя заведенія воспитанниковъ на казенный счетъ; надѣленіе землей, какъ, напр., это практикуется въ нѣкоторыхъ случаяхъ у насъ; предоставленіе какихъ-либо занятій, какъ, напр., это практикуется во Франціи, и въ нѣкоторымъ отставнымъ военно-служащимъ нижнимъ чинамъ предоставляется право продажи табаку изъ мелочныхъ лавокъ; выдача единовременныхъ пособій, напр., въ формѣ выдачи жалованья за опредѣленный срокъ впередъ, хотя-бы данное лицо не состояло отужена на службѣ. Точно такъ же и къ жалованью иногда присоединяются разныя добавочныя деньги, какъ, напр., прогонныя и подъемныя деньги, канцелярскія, командировочныя и т. п. Конечно, эти добавочныя деньги, имѣя цѣлью покрытіе опредѣленныхъ расходовъ, не должны быть такихъ размѣровъ, чтобы служить источникомъ барыша для получающаго ихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ онѣ могутъ подать поводъ къ злоупотребленіямъ въ ущербъ государственной казнѣ. Поэтому, условія выдачи такихъ денегъ и размѣры ихъ должны быть точно опредѣлены законодательствомъ, выдачи должны подлежать строгому контролю, а дѣйствительное употребленіе этихъ денегъ для предназначенной цѣли должно быть очевидно изъ отчетности. Севершенную противоположность добавочнымъ деньгамъ составляютъ вычеты изъ жалованья, производимые не иначе, какъ въ закономъ опредѣленныхъ случаяхъ, на примѣръ: за болѣе или менѣе продолжительный срокъ неявки на службу

по болѣзни или по другимъ причинамъ, за невыполненіе условій, на основаніи которыхъ выданы были добавочныя деньги и т. п. Въ русскомъ законодательствѣ, въ уставѣ о пенсіяхъ, нормальный срокъ службы для выслуги пенсіи считается 35-ти лѣтній. Пенсіи дѣлятся на 9 разрядовъ, съ подраздѣленіемъ перваго разряда на 3, а 2-го на 2 степени. Окладъ ихъ опредѣляется по послѣдней должности, если чиновникъ занималъ ее не менѣе 5 лѣтъ. За 35-ти лѣтнюю службу выдается полный окладъ пенсіи, а за 25—35 лѣтнюю — половинный; лицамъ, оставившимъ службу вслѣдствіе неизлѣчимой болѣзни, выдается $\frac{1}{3}$ оклада за 10—20 лѣтъ службы и $\frac{2}{3}$ на 20—30 л., если же неизлѣчимая болѣзнь такого свойства, что требуетъ постояннаго посторонняго ухода, то прослужившіе отъ 5—10 л. получаютъ $\frac{1}{3}$, 10—20 л. — $\frac{2}{3}$, а прослужившіе 20 лѣтъ — полный окладъ. Единовременныя пособія выдаются только лицамъ, прослужившимъ болѣе 5 лѣтъ и менѣе 25 л., т. е. недослужившимся до половиннаго оклада пенсіи. Вдова получаетъ пенсіи въ половинномъ размѣрѣ, противъ мужниной пенсіи, а сироты по $\frac{1}{3}$ части изъ остальной половины, такъ что вдова съ 3 дѣтьми получаетъ полный окладъ пенсіи мужа. Для отдѣльныхъ мѣстностей и учрежденій существуютъ особыя постановленія, а именно: для Сибири, Кавказскаго края, губ. Архангельской, Астраханской и Вологодской, для учебнаго, таможеннаго, почтоваго, горнаго, медицинскаго и духовнаго вѣдомства, для министерства Двора, главнаго управленія учреждениями Императрицы Маріи. Кромѣ того пенсіи выдаются еще по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ. Есть еще особенныя пенсіи по орденамъ, причемъ каждая степень ордена имѣетъ опредѣленный комплектъ пенсіонеровъ; равно какъ нѣкоторыя вѣдомства имѣютъ свои эмеритальныя кассы, инвалидныя капиталы и т. п. Пенсіонное дѣло въ сферѣ земскихъ учреждений, городского и крестьянскаго самоуправленія, сословій

и вообще органовъ соединства находится въ Россіи пока въ зачаточномъ состояніи: на него обращено вниманіе, но сдѣлано пока чрезвычайно мало, такъ что въ Россіи пенсіонное дѣло находится почти всецѣло въ рукахъ правительства, участіе же общественныхъ органовъ въ этомъ дѣлѣ сравнительно ничтожно. Общая сумма ежегоднаго расхода на пенсіи и единовременныя пособія, производимаго на счетъ государственнаго казначейства, независимо отъ пенсій, выдаваемыхъ изъ спеціальныхъ средствъ, простирается до 27 мил., т. е. поглощаетъ свыше 3⁰/₀ всего расходнаго бюджета.

Расходами на матерьяльную часть называются тѣ расходы, которые идутъ на содержаніе и сооруженіе зданій, путей сообщенія, приобрѣтеніе припасовъ, матерьяловъ, снарядовъ, лошадей и т. д. Очевидно, что степень положительнаго или отрицательнаго значенія этой статьи государственныхъ расходовъ находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго хозяйственнаго и культурнаго значенія приобрѣтаемыхъ предметовъ. Высота этой статьи расхода подвергается обыкновенно наиболѣе рѣзкимъ колебаніямъ въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ (наприм. войны) или отъ политическихъ и иныхъ соображеній (напр. публичныя постройки, производившіяся при Наполеонѣ III съ цѣлью дать заработокъ рабочему классу, постройка стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, введеніе новаго вооруженія и т. п.). Включая въ эту статью и расходы на натуральное довольствіе войска (пища, одежда, обувь, жилище, отопленіе, освѣщеніе, фуражъ и пр.), получается сумма, поглощающая наибольшую часть бюджета; а изъ этого можно видѣть какое огромное значеніе имѣютъ для финансовъ, независимо отъ наиболѣе цѣлесообразныхъ способовъ приобрѣтенія всѣхъ необходимыхъ матерьяловъ²⁷⁾, еще и уровень цѣнъ на всѣ предметы, приобрѣтаемые казною, причемъ, разумѣется, то или иное положеніе денежной системы въ государствѣ остается не безъ

вліянія на эти цѣны, вслѣдствіе чего нѣкоторыя затраты, производимыя казною на улучшеніе этой системы имѣютъ производительное значеніе, если онѣ достигаютъ цѣли; достиженіе-же цѣли дѣлается очевиднымъ тогда, когда сумма расхода на приобрѣтеніе тѣхъ-же самыхъ предметовъ уменьшается на большую сумму сравнительно съ затратами, сдѣланными для улучшенія денежной системы²⁸⁾. По русскому бюджету на этотъ предметъ затрачивается ежегодно свыше 300 мил. т. е. до 35⁰/₀, не считая расхода на тотъ-же предметъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ, какъ напр., усиленія войска, перевооруженія, постройки новыхъ укрѣпленій, усиленнаго сооруженія желѣзныхъ дорогъ и т. п. Вообще эта статья расхода занимаетъ по размѣрамъ своимъ первое мѣсто въ расходномъ бюджетѣ.

Расходы по государственному кредиту приобрѣли особенное важное значеніе въ теченіи послѣднихъ ста лѣтъ, въ теченіи которыхъ государственное хозяйство начало превращаться изъ денежнаго въ кредитное. Въ составъ этого расхода входятъ потери по реализаціи государственныхъ займовъ, уплата процентовъ и погашенія и содержаніе специальныхъ органовъ управленія по завѣдыванію государственно-кредитною частью. По размѣрамъ своимъ, расходъ этотъ занимаетъ первое мѣсто, но не во всѣхъ государствахъ, а большее или меньшее положительное значеніе его находится въ прямой зависимости отъ большаго или меньшаго производительнаго назначенія, которое получили средства, добытыя посредствомъ кредита, сравнительно съ суммой расхода, поглощаемаго кредитомъ. Въ Россіи, по росписи на 1888 г., расходъ по займамъ исчисленъ въ суммѣ около 288 мил. руб., что составляетъ почти 31¹/₂⁰/₀ всей суммы расхода. Цѣли, для которыхъ совершены займы, включая сюда и выпуски кредитныхъ билетовъ, слѣдующія: 1) усиленіе средствъ государственнаго казначейства, 2) отверженіе текущаго долга, 3) для желѣз-

нодорожнаго дѣла и для выкупной операціи и 4) разныя цѣли. Только 26⁰/о общей суммы займовъ получили несомнѣнно производительное назначеніе, остальные же 74⁰/о употреблены были на войны, поднятіе цѣнности кредитнаго рубля, покрытіе дефицитовъ и т. п. Такимъ образомъ оказывается, что по размѣрамъ государственныхъ расходовъ первое мѣсто принадлежитъ расходамъ на кредитъ, затѣмъ слѣдуютъ расходы на матерьяльную часть, на содержаніе органовъ управленія и главы государства, такъ что, если вывести среднія цифры изъ расходовъ на эти предметы въ Англіи, Франціи, Австро-Венгріи и Россіи, то процентное отношеніе между ними можетъ быть выражено приблизительно слѣдующими цифрами: на кредитъ 39⁰/о, матерьяльная часть 35⁰/о, жалованье, пенсіи, пособія и пр. 24⁰/о, содержаніе Верховной власти 2⁰/о.

Разсмотрѣніе расходовъ по вѣдомствамъ представляетъ то существенное неудобство, что расходы эти по одному и тому же вѣдомству, нерѣдко очень разнородны, напр. по министерству внутреннихъ дѣлъ, кромѣ того, многіе изъ нихъ имѣютъ болѣе или менѣе прямое отношеніе не къ одному только данному вѣдомству, а къ производящему, а также и къ другимъ вѣдомствамъ, напр. нѣкоторые расходы министерства финансовъ; наконецъ расходы на предметы совершенно однородные нерѣдко производятся не однимъ, а разными вѣдомствами, напр. расходы по народному просвѣщенію, по полиціи. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ въ бюджетахъ расходы группируются именно по вѣдомствамъ и производятся они также по вѣдомствамъ, то нельзя обойти разсмотрѣніе ихъ и въ этомъ отношеніи, причемъ прежде всего бросаются въ глаза необыкновенно большія суммы, поглощаемыя военнымъ вѣдомствомъ. Суммы эти, выражая только денежныя затраты на данный предметъ, далеко не исчерпываютъ собою всей суммы средствъ, которыя несетъ народъ на содержаніе воен-

ной силы, такъ какъ отвлеченіе отъ производительнаго труда значительной части наиболѣе крѣпкаго, здороваго и сильнаго населенія, разумѣется, отражается и на производительности страны. Конечно, желательно было-бы наибольшее сбереженіе по этой статьѣ расходовъ, наименѣе производительной, но, во-первыхъ, сбереженію этому ставятся границы естественными и иными условіями страны, какъ, напр., обширностью государства, положеніемъ и характеромъ его границъ и т. п., во вторыхъ, политическое положеніе или политическія условія нерѣдко вынуждаютъ усиливать боевую способность государства и, въ-третьихъ, опасность, ради которой содержится государствомъ военная сила, грозитъ главнѣйшимъ образомъ извнѣ, а потому высота расходовъ на этотъ предметъ не можетъ обуславливаться только размѣрами народнаго дохода и числомъ жителей, но и численностью войска въ другихъ странахъ. Но во всякомъ случаѣ сбереженія могутъ быть достигнуты: а) содержаніемъ на дѣйствительной службѣ такого числа войска, которое не превышало-бы настоящей въ немъ потребности ²⁹), б) устраненіемъ всякой роскоши въ обмундированіи, в) ограниченіемъ числа высшихъ военныхъ чиновъ, съ упраздненіемъ излишнихъ центральныхъ и мѣстныхъ военныхъ управленій, г) наиболѣе цѣлесообразной организаціей всей продовольственной части такъ, чтобы предметы довольствія получались непосредственно отъ самихъ производителей, причемъ дано было-бы широкое развитіе и реквизиціонному способу, д) устраненіемъ чрезмѣрной спеціализаціи какъ военной службы вообще, такъ и въ военной службѣ, е) цѣлесообразнымъ расположеніемъ военной силы въ странѣ, ж) возможнымъ упрощеніемъ собственно военной администраціи и з) установленіемъ, при существованіи общей воинской повинности, особаго налога на лицъ, почему-либо отъ этой повинности освобождающихся, съ тѣмъ чтобы доходъ отъ этого налога употреблялся полностью;

на покрытіе расходовъ по содержанію войска. На содержаніе сухопутной и морской военной силы всѣми государствами затрачивается въ среднемъ выводѣ около 26⁰/₀ всей суммы расходовъ, собственно-же Россія расходуетъ на этотъ предметъ около 250 мил. руб. изъ 890 мил., т. е. приблизительно 29⁰/₀. О расходахъ на содержаніе Императорскаго Двора было уже сказано выше. Содержаніе министерства иностранныхъ дѣлъ, съ подвѣдомыми ему посольствами, консульствами, миссіями и агенствами, поглощаетъ вообще сравнительно небольшую часть расходнаго бюджета, именно — около 1¹/₂⁰/₀, а въ Россіи расходуетъ на это министерство 4¹/₂ мил. руб., т. е. тѣ-же 1¹/₂⁰/₀ всей суммы расходовъ. Расходъ на содержаніе высшихъ государственныхъ учреждений въ русской росписи обособляется, тогда какъ въ иностранныхъ бюджетахъ онъ вносится обыкновенно въ сумму расхода на содержаніе верховной власти, включая сюда и содержаніе депутатовъ законодательныхъ собраній, которые получаютъ опредѣленное жалованье (Франція) или суточное вознагражденіе (Пруссія). Въ росписи 1888 г. на этотъ предметъ назначено болѣе 2 мил., т. е. менѣе 1¹/₄⁰/₀. При господствѣ началъ централизаціи и бюрократическаго строя, вслѣдствіе чего участіе мѣстныхъ органовъ самоуправленія сравнительно незначительное, а органы соединства не пользуются достаточною свободой для своего развитія, — расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ, включая сюда и полицію, болѣе значительны, чѣмъ при строѣ внутренняго управленія, опирающагося на начала децентрализаціи и самоуправленія³⁰). Въ Россіи собственно по министерству внутреннихъ дѣлъ, включая сюда и главное тюремное управленіе (до 14 мил.) и главное управленіе почтъ и телеграфовъ (до 25 мил.), расходуетъ около 75 мил. (болѣе 8¹/₂⁰/₀). Но кромѣ этого министерства расходы по внутреннему гражданскому управленію, въ связи съ цѣлями благоустройства и благо-

состоянія, вѣдаются еще и другими министерствами и главными управленіями, и въ числѣ ихъ прежде всего министерствомъ народнаго просвѣщенія. На содержаніе этого министерства ассигновано было въ 1888 г. болѣе 21 мил. (около $2\frac{1}{2}\%$), но этой суммой не исчерпывается расходъ на народное просвѣщеніе, такъ какъ въ росписи и другихъ министерствъ входятъ суммы, расходуемыя на ученую и учебную часть, а именно: военное министерство (учебная и техническая части) 6,81 мил., морское министерство 620 тыс., внутреннихъ дѣлъ 97,5 тыс., министерство государственныхъ имуществъ (учебныя и образцовыя заведенія по лѣсной, сельско-хозяйственной и горной частямъ; поощреніе сельскаго хозяйства и горнаго дѣла и распространеніе рациональныхъ о нихъ свѣдѣній) $2\frac{1}{4}$ мил.; министерство юстиціи (межевое и землѣрныя училища и училище правовѣдѣнія) $\frac{1}{2}$ мил., вѣдомство Святѣйшаго Синода $1\frac{1}{2}$ мил. (кромѣ $2\frac{1}{2}$ мил. спеціальныхъ средствъ, расходуемыхъ на тогъ-же предметъ), министерство финансовъ (въ формѣ пособій уч. заведеніямъ и пр.) $1\frac{1}{2}$ мил., министерство путей сообщенія $\frac{1}{8}$ мил., министерство Двора (Эрмитажъ, театральное училище, театры, Академія художествъ) $\frac{1}{4}$ мил., вѣдомство учрежденій Императрицы Маріи $2\frac{3}{4}$ мил. и по кавказскому краю $\frac{3}{4}$ мил., министерство иностранныхъ дѣлъ (на стипендіи и пособія иѣ-которымъ заграничнымъ учебнымъ заведеніямъ для воспитанія славянъ) 42,7 тыс.; т. е. всего до 39 мил., или около $4\frac{1}{2}\%$. Сумма не велика сравнительно и вообще, такъ какъ если даже органамъ самоуправленія или вообще общественнымъ органамъ отмежевано приличествующее имъ участіе въ школьномъ дѣлѣ, то и тогда расходы казны на этотъ предметъ не могутъ быть незначительны, такъ какъ, при послѣдовательномъ примѣненіи начало дароваго или, по крайней мѣрѣ, дешеваго обученія, школьное дѣло не можетъ существовать безъ значительной субсидіи отъ государственной каз-

ны³¹). Такъ какъ истинное и плодотворное народное просвѣщеніе немыслимо безъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей народа, то въ составъ государственныхъ расходовъ входятъ и содержаніе церквей, духовенства, духовныхъ училищъ и вообще духовныхъ учрежденій, независимо отъ расходовъ, производимыхъ на тотъ-же предметъ изъ доходовъ съ имущества, принадлежащаго монастырямъ, церквамъ и т. п., и изъ специальныхъ доходовъ, которые, по уполномочію или съ согласія государственной власти, духовенство извлекаетъ изъ иныхъ источниковъ. Размѣръ этого расхода зависитъ отъ цѣлой совокупности историческихъ, политическихъ и иныхъ условій, которыми опредѣляются въ каждый данный періодъ времени отношенія между церковью и государствомъ, положеніе духовенства въ странѣ, степень культурнаго развитія народа и т. п. Въ Россіи на этотъ предметъ расходуется до 10¹/₄ мил., т. е. болѣе 1⁰/₀, не считая дохода отъ имущества, принадлежащаго монастырямъ и церквамъ, а также кошельковаго, кружечнаго и свѣчнаго сборовъ, изъ которыхъ первые два имѣютъ значеніе добровольныхъ приношеній, а послѣдній носитъ отчасти характеръ монополіи, установленной въ пользу духовнаго вѣдомства. Но суммой, ассигнованной росписью на вѣдомство святѣйшаго Синода, не ограничиваются расходы на этотъ предметъ, такъ какъ министерство внутреннихъ дѣлъ затрачиваетъ часть своихъ бюджетныхъ назначеній на содержаніе духовенства иностранныхъ вѣроисповѣданій и на церковно-строительные расходы (свыше 2 мил.), министерство иностранныхъ дѣлъ—на миссіи, министерство Двора—на дворцовыя церкви и т. д., всего—свыше 12¹/₂ мил. или около 1¹/₂⁰/₀. Сумму эту также нельзя признать не только значительною, но даже и достаточною, въ особенности если имѣть въ виду сравнительно скудное матеріальное обезпеченіе большей части духовенства; но и въ другихъ государствахъ получается приблизительно такое-же

процентное отношеніе (напр. во Франціи $1\frac{1}{4}\%$) или даже значительно меньшее (напр. въ Пруссіи $0,7\%$), хотя матеріальное положеніе духовенства тамъ лучше, что, между прочимъ, слѣдуетъ приписать меньшему числу приходовъ и значительно большому числу прихожанъ въ каждомъ приходѣ, равно какъ значительнымъ церковнымъ имуществамъ (напр. въ Австріи). Расходы на вѣдомство государственныхъ имуществъ сравнительно велики только въ Россіи и Пруссіи, такъ какъ только эти два европейскіе государства имѣютъ значительныя государственныя имущества (земельныя, лѣсныя, промышленныя и финансовыя). Расписью 1888 г. назначено на расходы по министерству государственныхъ имуществъ $22\frac{1}{2}$ мил., т. е. болѣе $2\frac{1}{2}\%$. Расходы на мин. путей сообщенія болѣе или менѣе значительны, въ зависимости отъ отъ того, какое участіе принимаютъ органы самоуправленія въ содержаніи путей сообщенія и какой политики держится государство относительно желѣзно-дорожнаго дѣла. Устройство мѣстныхъ путей сообщенія и содержаніе на нихъ самыхъ сообщеній есть одинъ изъ предметовъ, который, по существу своему, подлежить вѣдѣнію органовъ самоуправленія; исключеніе составляютъ только главные и стратегическіе тракты, имѣющіе государственное и политическое значеніе, устройство и содержаніе которыхъ должно производиться на счетъ государственной казны, причемъ, въ виду культурно-хозяйственнаго значенія путей сообщенія вообще, мудрая политика не должна относиться къ нимъ, какъ къ доходной статьѣ, а потому, при опредѣленіи расходовъ на сооруженіе и содержаніе путей сообщенія, расчетъ, въ какой мѣрѣ та или другая дорога окупается или даетъ доходъ, отнюдь не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Что-же касается спеціально желѣзно-дорожнаго сообщенія, то размѣръ расхода казны на этотъ предметъ зависитъ отъ того, предоставило-ли правительство все желѣзно-дорожное дѣло частной и общест-

венной предприимчивости, ограничившись однимъ лишь надзоромъ, какъ это было сначала въ Англіи, или правительство приняло и активное участіе въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, въ формѣ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и содѣйствія частнымъ компаніямъ въ этомъ дѣлѣ, пріобрѣтенія ихъ акцій, реализаціи облигацій, выдачи ссудъ на льготныхъ условіяхъ, гарантіи процентовъ, оказанія пособій и т. п., какъ это дѣлается во Франціи, Россіи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ; или же, наконецъ, правительство признало желѣзно-дорожное дѣло государственнымъ дѣломъ и приняло его въ свое завѣдываніе такъ, что, если не вся, то магистральная сѣть желѣзныхъ дорогъ принадлежитъ государству и эксплуатируется имъ, какъ мы видимъ это въ Бельгіи и Пруссіи. Очевидно, что, въ виду огромнаго культурно-хозяйственнаго значенія желѣзныхъ дорогъ, послѣдняя политика должна быть признана наиболѣе правильною, хотя осуществленіе ея не всегда и не вездѣ возможно, главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій. Въ росписи 1888 г. на содержаніе министерства путей сообщенія исчислено около 26 милл. руб., т. е. свыше 2⁰/₀, кромѣ расхода на уплату процентовъ и погашенія по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ, чрезвычайныхъ расходовъ за счетъ желѣзно-дорожнаго фонда и части расхода, исчисленнаго на приготовленіе въ казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ и издѣлій, отпускаемыхъ вѣдомствамъ военному, морскому и путей сообщенія; т. е. всего свыше 92 милл. или около 13⁰/₀. Наконецъ, расходъ на главное управленіе государственнаго коннозаводства относится также къ расходамъ на внутреннее управленіе, такъ какъ вѣдомство это содержится, съ одной стороны, въ видахъ облегченія правительству пріобрѣтенія въ достаточномъ количествѣ хорошихъ лошадей для военныхъ и иныхъ цѣлей, съ другой—въ видахъ развитія и улучшенія отечественнаго коневодства. Росписью назначено на этотъ предметъ болѣе 1 мил.,

т. е. $\frac{1}{8}\%$ Размѣръ государственныхъ расходовъ на содержаніе органовъ правосудія зависитъ также въ значительной степени отъ положенія, занимаемаго въ государствѣ органами самоуправленія, такъ какъ значительная часть этого расхода можетъ быть покрываема мѣстными налогами. Но во всякомъ случаѣ, въ отношеніи къ этому предмету расходовъ, государство не можетъ относиться скупо, назначая судьямъ скудное жалованье, устанавливая недостаточное число судовъ или отпуская скудные средства на содержаніе тюремъ и т. п.; равно какъ государство не должно отказываться отъ введенія въ судоустройство и судопроизводство тѣхъ или другихъ улучшеній исключительно только вслѣдствіе фискальных соображеній. Правильное отправленіе правосудія, судъ скорый и правый составляетъ столь необходимое условіе для благоустройства и безопасности, для общаго блага, что, при недостаткѣ финансовыхъ средствъ, лучше сократить расходъ на содержаніе полиціи, увеличивъ расходъ на народное образованіе, духовное просвѣщеніе и правосудіе, чѣмъ поступать наоборотъ, такъ какъ образованіемъ, духовнымъ развитіемъ и правильнымъ отправленіемъ правосудія лучше достигается предупрежденіе и пресѣченіе преступленій, чѣмъ превентивною дѣятельностью полиціи, которая безсильна бороться съ невѣжествомъ, суевѣріемъ и безнравственностью, какъ главнѣйшими причинами преступленій. По росписи 1888 г. назначено на содержаніе министерства юстиціи, не считая содержанія тюремной части (около $3\frac{1}{2}\%$), 16 $\frac{1}{2}$ мил., т. е. около $2\frac{1}{4}\%$. Иное значеніе имѣютъ расходы по содержанію министерства финансовъ, такъ какъ чѣмъ дешевле обходится завѣдываніе финансами, тѣмъ выгоднѣе это для государственнаго и народнаго хозяйства. Однако, при существующемъ преобладаніи въ сферѣ государственнаго хозяйства косвенныхъ налоговъ, удешевленіе этой отрасли управленія весьма затруднительно, ибо взиманіе такихъ налоговъ обхо-

дится обыкновенно довольно дорого, тѣмъ болѣе, что участіе органовъ самоуправленія въ данномъ случаѣ можетъ быть только очень ограниченное, содѣйствіе-же другихъ вѣдомствъ (почтово-телеграфнаго, государственныхъ имуществъ, внутреннихъ дѣлъ и т. д.) не измѣняетъ существа дѣла, такъ какъ содѣйствіе это все-таки оплачивается государственною же казною³²). Наболѣе цѣлесообразное средство для достиженія экономіи въ этой отрасли управленія заключается въ установленіи правильной податной системы и наилучшихъ условій и формъ взиманія налоговъ, при возможно большемъ упрощеніи управленія. Расходы на министерство финансовъ, вѣдающее впрочемъ не одни только собственно финансовыя дѣла, опредѣлены въ росписи 1888 г. въ 105 мил., т. е. болѣе 12⁰/о. Необходимымъ дополненіемъ этого расхода является содержаніе вѣдомства государственнаго контроля (финансоваго), на которое назначено въ росписи 3¹/₄ мил. (2⁷/₁₀⁰/о). Ко всѣмъ этимъ расходамъ по вѣдомствамъ въ росписи присоединяются еще расходы оборотные, т. е. платежи одного вѣдомства другому, расходы, не предусмотрѣнные смѣтами, и расходы чрезвычайные.

Что касается земскихъ и общественныхъ расходовъ, то, какъ указано выше, сумма ихъ, равно какъ число и значеніе расходныхъ статей находятся въ прямой зависимости отъ положенія, занимаемаго въ государствѣ органами мѣстнаго самоуправленія. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что широкое развитіе мѣстнаго хозяйства на началахъ самоуправленія представляетъ тѣ выгоды, что 1) легче устанавливается правильное отношеніе между бременемъ налоговъ, уплачиваемыхъ гражданами, и пріобрѣтаемыми на ихъ счетъ удобствами, 2) готовность гражданъ нести это бремя увеличивается, такъ какъ они-же сами облагаются налогами, сами расходуютъ ихъ и сами пожинаютъ плоды, 3) возрастаетъ соревнованіе созидать полезныя учрежденія, 4) расходы опре-

дѣляются на основаніи тщательной оцѣнки потребителей и 5) потребности удовлетворяются наиболѣе полно и справедливо. Независимо отъ установленнаго законодательствомъ дѣленія мѣстныхъ расходовъ на обязательныя и необязательныя, въ литературѣ предлагаются весьма разнообразныя классификаціи ихъ. Такъ, напр., Вагнеръ предлагаетъ дѣленіе на а) общіе расходы, б) культурныя и в) хозяйственныя. Штейнъ различаетъ расходы на а) мѣстныя учрежденія и заведенія, б) безопасность и благоустройство, в) содержаніе личнаго состава служащихъ и г) по займамъ. Лебедевъ сводитъ всѣ мѣстные расходы къ тремъ основнымъ общимъ подраздѣленіямъ: а) попеченіе о мѣстномъ благоустройствѣ, б) попеченіе о мѣстномъ благосостояніи и безопасности и в) попеченіе объ умственныхъ и духовныхъ потребностяхъ. Но въ отношеніи къ мѣстнымъ расходамъ вполне примѣнима та-же группировка, которая примѣнена была относительно государственныхъ расходовъ, исключая, конечно, расходъ на содержаніе верховной власти, и, согласно съ этимъ, получаютъ три группы расходовъ: а) на личный составъ, б) на матеріальную часть и в) на кредитъ. Вообще-же въ законодательствѣ и практикѣ мѣстные расходы органовъ самоуправления сводятся къ слѣдующимъ статьямъ: 1) народное образованіе (устройство и содержаніе земскихъ и городскихъ школъ и училищъ, учительскихъ семинарій, библіотекъ и пр.), 2) нѣкоторые расходы на гражданское и даже на военное (въ особенности въ Англіи) управленіе, 3) финансовое управленіе не только мѣстными, но отчасти и государственными налогами (напр., раскладка гос. прямыхъ налоговъ), 4) правосудіе и тюремная часть, 5) дорожное управленіе, 6) санитарная полиція и вообще медицинская часть, 7) наружная полиція, 8) пожарная полиція, 9) народное продовольствіе, 10) общественное призрѣніе, 11) статистика, 12) страхованіе, 13) благоустройство вообще и 14) кредитъ. Въ Рос-

сія, при всей суммѣ земскихъ расходовъ, составляющей около 5⁰/₀ государственнаго расходнаго бюджета, обязательные и необязательные расходы губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденій слагаются изъ слѣдующихъ главнѣйшихъ статей: 1) содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія (болѣе 20⁰/₀), 2) судебныя мировыя учрежденія (около 14⁰/₀), 3) содержаніе губернскихъ и уѣздныхъ управъ и непредвидѣнные расходы (около 20⁰/₀), 4) отправленіе подводной, этапной и дорожной повинностей (до 30⁰/₀), 5) квартирная повинность (1⁰/₀), 6) медицинская часть (8¹/₂⁰/₀), 7) народное образованіе (5¹/₂⁰/₀), 8) уплата по долгамъ и разные предметы (до 3⁰/₀). При вообще значительномъ возростаніи суммы земскихъ расходовъ, отношеніе между суммами расходовъ обязательныхъ и необязательныхъ можетъ быть выражено цифрами 45 : 55. По городскому хозяйству наибольшую часть доходовъ поглощаютъ содержаніе полиціи съ пожарными командами и личнаго состава городского общественнаго управленія, такъ какъ на эти два предмета расходуется до 50⁰/₀, а затѣмъ слѣдуютъ проценты и погашеніе по займамъ; вообще-же всѣ расходы, кромѣ необязательныхъ, могутъ быть подведены подъ слѣдующія статьи: 1) жалованье, пенсія и награды служащимъ и содержаніе помѣщеній, 2) городскія общественныя зданія, мостовыя, освѣщеніе и водоснабженіе, 3) учебныя заведенія, 4) благотворительность, 5) содержаніе тюремъ, 6) санитарная и медицинская часть, 7) полиція и пожарныя команды, 8) воинская и связанная съ нею повинности и 9) проценты и погашеніе по займамъ и обязательствамъ. Расходы необязательные въ большей части городовъ значительно меньше, чѣмъ расходы обязательные и нигдѣ они не превышаютъ послѣднихъ. Возрастаніе расходовъ шло не менѣе быстро, чѣмъ возрастаніе расходовъ земскихъ³³). Въ крестьянскомъ самоуправленіи, при дѣленіи расходовъ также на обязательные и необязательные, по большей

части расходы на т. н. мірскія потребности очень велики, превышая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже всѣ остальные расходы по уплатѣ государственныхъ и земскихъ повинностей, причемъ есть основаніе приписать отчасти это обстоятельство недостаточности контроля надъ производствомъ этихъ расходовъ. Вообще-же закономъ возложены на крестьянскія общества слѣдующіе обязательные расходы: 1) содержаніе общественнаго управленія, 2) расходы по оспопрививанію и принятію мѣръ, предписываемыхъ Уставомъ Врачебнымъ, въ случаѣ появленія заразительныхъ болѣзней и скотскихъ падежей, 3) устройство и поддержаніе сельскихъ запасныхъ магазиновъ, 4) содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ, междъ и межевыхъ знаковъ, проточныхъ водъ и канавъ на земляхъ, принадлежащихъ въ собственность мірскимъ обществамъ или состоящихъ въ ихъ постоянномъ пользованіи, 5) содержанія карауловъ въ деревняхъ, 6) призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ общества и призрѣніе круглыхъ сиротъ и 7) принятіе мѣръ въ случаѣ пожаровъ, наводненія, а также для истребленія саранчи, хищныхъ звѣрей, сусликовъ или овражковъ, и при другихъ тому подобныхъ бѣдствіяхъ.

Сословные расходы въ Россіи, — дворянскіе, мѣщанскіе и проч., равно какъ расходы различныхъ органовъ соединеннаго (учрежденій, корпорацій, обществъ, компаній, товариществъ и артелей), преслѣдующихъ культурныя или культурно-хозяйственныя цѣли (ученыя общества, желѣзно-дорожныя компаніи и т. п.), представляются мало изслѣдованными въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что расходы эти оказываютъ огромное вліяніе на финансы и сумма нѣкоторыхъ изъ нихъ возрастаетъ изъ года въ годъ въ значительныхъ размѣрахъ³⁴⁾.

§ 49. Росписи и смѣты

Бюджетъ. Составныя части бюджета. Значеніе бюджета какъ финансоваго закона. Основныя правила составленія бюджета. Виды бюджетовъ. Дефициты и остатки. Составленіе и утвержденіе бюджета въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Россіи. Бюджеты органовъ самоуправленія. Мѣстные бюджеты въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Россіи. Бюджеты органовъ соединенія.

Только тѣ доходы и расходы государства могутъ быть признаны правомѣрными, которые установлены закономъ или на основаніи закона, причемъ тотъ актъ, которымъ въ законодательномъ порядкѣ опредѣляются государственные доходы и расходы на извѣстный періодъ времени, называется государственною росписью или бюджетомъ³⁵). Въ конституціонныхъ государствахъ утвержденіе бюджета зависитъ отъ Палатъ, въ чемъ, между прочимъ, выражается примѣненіе начала т. н. податнаго самообложенія³⁶); въ монархіяхъ же самодержавныхъ утвержденіе бюджета зависитъ отъ Монарха.

Государственный бюджетъ состоитъ изъ трехъ частей, а именно: изъ опредѣленія доходовъ, опредѣленія расходовъ и балланса, т. е. сопоставленія обѣихъ суммъ съ указаніемъ и на намѣченныя источники покрытія недостатка, если первая сумма меньше второй. Опредѣленіе доходовъ совершается на основаніи существующихъ по этому предмету узаконеній такъ, что бюджетомъ никогда не могутъ быть ни увеличиваемы или уменьшаемы оклады существующихъ налоговъ, ни устанавливаемы новые или отменяемы старые налоги; вообще имъ не могутъ быть вводимы какіе-либо новые источники государственныхъ доходовъ или увеличиваема сумма государственныхъ долговъ;—во всѣхъ этихъ случаяхъ безусловно требуется изданіе соответствующихъ финансовыхъ законовъ, тогда какъ бюджетъ, хотя также относится къ категоріи послѣднихъ, но это финансовый законъ *sui generis*, для этихъ случаевъ непригодный по формѣ, по существу и по значенію своему. Иное дѣло опредѣленіе расходовъ. Рас-

ходы въ бюджетѣ могутъ быть не только увеличиваемы, уменьшаемы и отмѣняемы, но даже и вновь устанавливаемы, согласно съ потребностями государства, въ теченіи того опредѣленнаго періода времени, для котораго составленъ бюджетъ, и въ предѣлахъ той группировки расходовъ по вѣдомствамъ и предметамъ, которая установлена закономъ, такъ что, напр., увеличеніе или уменьшеніе жалованья чиновникамъ, установленіе какого-нибудь новаго учрежденія и т. п. не можетъ быть произведено бюджетомъ, ибо, въ первомъ случаѣ имъ отмѣняется законъ, а во второмъ онъ не опирается на законъ, но имъ могутъ быть увеличены или сокращены расходы по какому-нибудь вѣдомству, или введены новые расходы по какимъ-либо предметамъ управленія. Въ балансѣ указаніе на источники для покрытія недостатка въ доходахъ (увеличеніе налоговъ, установленіе новыхъ сборовъ, отчужденіе государственныхъ имуществъ, займы и пр.), въ свою очередь, имѣетъ значеніе лишь предположеній, на основаніи которыхъ, въ случаѣ утвержденія ихъ, издаются соответствующіе финансовыя законы.

Бюджетъ есть финансовый законъ *suī generis*, ибо, съ одной стороны, онъ не обладаетъ всѣми свойствами собственно финансоваго закона, съ другой-же — онъ не имѣетъ значенія административнаго распоряженія, такъ какъ составляется, разсматривается и утверждается въ законодательномъ порядкѣ. Противники признанія за бюджетомъ значенія закона (напр. Шульце, Лабандъ и др.) указываютъ на то, что въ Англіи, родинѣ бюджета, никогда на него не смотрѣли какъ на законъ, и только революціонная Франція провела это, по ихъ мнѣнію, нелѣпое положеніе, послѣдовательное примѣненіе котораго должно привести къ заключенію, что государства суть временныя учрежденія, существующія изъ года въ годъ, въ зависимости отъ воли представителей народа, которые могутъ утвердить или не утвердить

бюджетъ. Кромѣ того, говорятъ они, какой-же это законъ, который можетъ быть недоисполненъ или переисполненъ. Но, во-первыхъ, въ самой Англіи возникновеніе бюджета, въ современномъ значеніи этого слова, относится лишь къ концу прошлаго столѣтія, когда установленъ былъ т. н. Consolidated Fund (см. выше § 34); искать-же бюджетъ раньше этого времени, хотя-бы въ той-же Англіи, нѣтъ никакого основанія. Во-вторыхъ, ограниченіе дѣйствія бюджета определеннымъ срокомъ не можетъ отнять у него значенія закона, ибо есть и другіе законы на определенный срокъ издаваемые, при чемъ, хотя бюджетъ самъ по себѣ всегда срочный, но въ него должна входить и часть постоянная (подобно англ. Consolidated Fund), которая и составляетъ главную основу бюджета, опредѣляющую юридическое и хозяйственное значеніе этого акта; а при соблюденіи этого необходимаго условія отпадаетъ и то возраженіе, что будто-бы воззрѣніе на бюджетъ какъ на законъ превращаетъ государство во временное учрежденіе. Въ-третьихъ, зависимость существованія государства отъ утвержденія или неутвержденія бюджета представителями народа указываетъ опять лишь на то, что въ составъ бюджета необходимо внести постоянную часть, дабы, какъ говоритъ Л. Штейнь, утвержденіе или неутвержденіе касалось измѣненій, а не всего бюджета въ цѣломъ; причемъ нельзя не замѣнить, что чудовищное предположеніе о возможности отвергнуть бюджетъ въ цѣломъ составѣ и такимъ образомъ лишить государство материальныхъ средствъ на дальнѣйшее существованіе отнюдь не вытекаетъ изъ существа бюджета, рассматриваемаго какъ законъ, а возможно лишь, какъ указали факты, при аномальныхъ условіяхъ примѣненія началъ парламентаризма³⁷⁾, а не въ государствахъ съ правильно функционирующею верховною властью. Наконецъ, въ четвертыхъ, „недоисполненіе“ или „переисполненіе“ бюджетныхъ назначеній, въ свою очередь,

относительно не подрывает значения бюджета как закона, ибо указание на эти факты не касается постоянной части бюджета, остающейся неизменной и исполняемой пунктуально, что же касается остальной части бюджета, то „недоисполнение“ или „переисполнение“ не составляет специфического свойства бюджета, а свойственно и некоторым другим законам; так напр., в штатах, имеющих значение закона, определяется не только общая сумма расхода на содержание личного состава какого-нибудь учреждения, но и число этих лиц и содержание каждого из них, из чего однако не следует, что действительно вся эта сумма расходуется на этот именно предмет и что действительно на службу состоит такое именно число лиц, т. е., иначе сказать, законы эти нередко недоисполняются, не переставая однако быть законами.

Основные правила составления бюджета следующие:

- 1) составлению росписи предшествует составление подробных специальных смет подлежащими ведомствами и управлениями.
- 2) Каждое сметное назначение дохода и расхода сопровождается указанием на все те данные, которыми руководствовались составители смет.
- 3) Ожидаемые поступления и расходы исчисляются в росписи сравнительно с предыдущими бюджетными периодами³⁸), причем исчисляются и расходы взимания.
- 4). В росписи указывается на все расходы и на все средства для покрытия их так, что роспись представляет собою полную картину всех доходов и расходов государства, постоянных и временных, обыкновенных и чрезвычайных.
- 5) При указании на расходы по каждому ведомству или управлению расходы на личный состав отделяются от расходов на материальную часть.
- 6) Срок, на который сделано сметное исчисление, совпадающий обыкновенно с календарным годом и называемый бюджетным или финансовым периодом, опреде-

ляется законом³⁹⁾. 7) Закономъ же опредѣляется срокъ заключенія росписи, обыкновенно не совпадающій съ финансовымъ періодомъ и называемый счетнымъ періодомъ⁴⁰⁾. Представленіе, разсмотрѣніе утвержденіе и опубликованіе смѣтъ и росписи производится въ законѣ установленные сроки⁴¹⁾. Всѣ доходы и расходы въ росписи группируются по главамъ, статьямъ, параграфамъ и пунктамъ такъ, чтобы между ними существовала связь и всѣ они вмѣстѣ представляли одно цѣлое. 10) При имѣніи отдѣльными вѣдомствами и управленіями своихъ спеціальныхъ доходовъ, доходы эти указываются подробно и затѣмъ сумма ихъ вычитается изъ общей суммы расходовъ по данному вѣдомству или управленію. 11) Общегосударственные доходы и расходы отдѣляются въ росписи отъ расходовъ мѣстныхъ органовъ самоуправления, но нѣтъ никакого основанія бюджеты послѣднихъ совершенно обособлять отъ государственной росписи, такъ какъ въ противномъ случаѣ нарушается единство бюджета. 12) Росписи опубликовываются въ формѣ возможно болѣе общедоступной, причемъ опубликованіе ихъ лишь въ извлеченіи оправдывается исключительно практическими, а не принципіальными соображеніями. Кромѣ того, болѣе соотвѣтствуетъ существу и значенію государственной росписи указаніе въ ней сначала на расходы, потомъ — на доходы, а не наоборотъ. Расходы могутъ быть указываемы въ бюджетѣ по предметамъ (т. н. реальная система) или по вѣдомствамъ; такъ наприм., по народному просвѣщенію содержаніе учебныхъ и ученыхъ учрежденій можетъ быть распредѣлено въ росписи по вѣдомствамъ, въ которыхъ имѣются такія учрежденія, или-же этотъ расходъ можетъ быть показанъ въ общей главѣ расходовъ по народному просвѣщенію вообще. Первый порядокъ болѣе обыченъ, потому что въ основаніи росписей лежатъ смѣты отдѣльных вѣдомствъ, но второй порядокъ облегчаетъ опредѣленіе и обзорѣніе расходовъ на

отдѣльныя потребности народа. Но, независимо отъ этихъ общихъ системъ, роспись можетъ быть составлена еще по т. н. территоріальной системѣ, т. е. по областямъ; намекъ на примѣненіе такой системы можно усмотрѣть, напр., въ томъ постановленіи русскаго законодательства, что подвѣдомыя непосредственно министерствамъ и главнымъ управленіямъ учрежденія составляютъ какъ изъ своихъ такъ и изъ полученныхъ отъ подчиненныхъ имъ мѣстъ или лицъ свѣдѣній, общія по всей губерніи или округу росписанія.

Въ бюджетѣ показываются полныя, валовыя суммы дохода, или же чистыя, а отсюда различіе между бруто-бюджетомъ, т. е. валовымъ или сырымъ, и нетто-бюджетомъ, т. е. чистымъ. Въ первомъ изъ нихъ видна вся сумма податной тяжести, лежащей на народѣ, но не видна дѣйствительная доходность отдѣльныхъ статей, во второмъ — наоборотъ, а потому представляется болѣе цѣлесообразною сложная форма, съ указаніемъ на валовой доходъ, издержки взиманія и чистый доходъ. Различіе между пространнымъ и сокращеннымъ бюджетами имѣетъ двоякое значеніе: а) оно имѣетъ отношеніе лишь къ опубликованію бюджета такъ, что составляется пространный бюджетъ, а публикуется сокращенный, и б) оно имѣетъ отношеніе къ составленію и опубликованію бюджета такъ, что въ сокращенный бюджетъ не входятъ, напр., спеціальныя доходы и расходы отдѣльных вѣдомствъ, или доходы и расходы нѣкоторыхъ отдѣльных вѣдомствъ опредѣляются въ общихъ суммахъ и т. п. Но въ обоихъ случаяхъ, очевидно болѣе или менѣе искажается характеръ и значеніе бюджета какъ финансоваго закона, исчерпывающаго свой предметъ и подлежащаго, подобно всѣмъ законамъ, опубликованію безъ всякихъ сокращеній. Бюджетъ бываетъ еще постоянный (консолидированный) и измѣняющійся, причемъ различіе это находится въ прямой связи съ консолидаціей (отверженіемъ) части государственныхъ

доходовъ и расходовъ. Консолидація эта заключается въ томъ, что часть государственныхъ доходовъ и расходовъ считается неизмѣнною до тѣхъ поръ, пока не признано будетъ необходимымъ пересмотръ всего бюджета такъ, что не весь бюджетъ, а только часть его подвергается ежегодному вотированію. Консолидированные бюджеты въ конституціонныхъ государствахъ, напр. въ Англіи и Голландіи, имѣютъ то значеніе, что, съ одной стороны, Палатамъ открывается болѣшій просторъ относиться критически къ отдѣльнымъ (неконсолидированнымъ) статьямъ бюджета, съ другой — правительство при этомъ не рискуетъ остаться совсѣмъ безъ всякаго бюджета. Консолидація эта можетъ касаться также и одной только какой-нибудь статьи бюджета, какъ, напр., въ Германіи военныя расходы. Возраженіе, будто-бы консолидація не должна имѣть мѣста, ибо, въ сущности, нѣтъ ни одного дохода или расхода, который не подвергался-бы измѣненіямъ, — неправильно, потому что, во-первыхъ, это не подтверждается опытомъ (Англія) и, во-вторыхъ, консолидація устанавливается не на вѣчныя времена. Между тѣмъ консолидація, именно въ конституціонныхъ государствахъ, представляетъ тѣ крупныя удобства, что, во-первыхъ, правительство не можетъ по капризу Палаты остаться безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія текущихъ потребностей государства, во-вторыхъ — Палаты не вынуждены изъ за одной какой-нибудь статьи отвергать весь бюджетъ и, въ-третьихъ, Палаты не вынуждены принимать всего бюджета, будучи несогласны со всѣми частями его.

При составленіи и измѣненіи бюджета можетъ оказаться превышеніе доходовъ надъ расходами, или-же, наоборотъ, — недостатокъ доходовъ для покрытія расходовъ. Въ первомъ случаѣ рождается вопросъ о томъ, какъ поступить съ остаткомъ? ⁴²⁾ Основное правило въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что общій остатокъ причисляется къ доходамъ слѣ-

дующаго бюджета, отстатки-же по отдѣльнымъ пунктамъ, параграфамъ, статьямъ и главамъ могутъ быть употребляемы на покрытіе недостатка по другимъ пунктамъ, параграфамъ, статьямъ и главамъ только въ предусмотрѣнныхъ закономъ границахъ и случаяхъ. Въ этомъ заключается требованіе т. н. спеціальности бюджета, обеспечивающей употребленіе государственныхъ доходовъ на тѣ именно предметы, на которые они ассигнованы. Что-же касается недостатка доходовъ для покрытія расходовъ, то онъ можетъ быть общій, т. е. касающійся всей суммы государственныхъ расходовъ, и частный, т. е. касающійся расходовъ одного какого-нибудь вѣдомства. Перваго рода недостатокъ, называемый дефицитомъ, можетъ обнаружиться при составленіи росписи и при заключеніи ея, но въ томъ и другомъ случаѣ онъ долженъ быть пополненъ и въ первомъ случаѣ средства пополненія должны быть указаны въ самой росписи⁴³). Втораго рода недостатокъ пополняется въ закономъ предусмотрѣнныхъ случаяхъ остатками отъ другихъ бюджетныхъ назначеній, или чрезвычайными кредитами, или-же особой суммой на непредвидѣнные и экстраординарные расходы, включаемой въ нѣкоторыя росписи. Первое и третье средства тѣмъ менѣе возможны, чѣмъ послѣдовательнѣе проведены начала спеціализаціи и полноты бюджетовъ. Чрезвычайные-же кредиты, разрѣшаемые не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, представляются единственнымъ правильнымъ средствомъ для пополненія недостатка или дефицита по отдѣльнымъ расходнымъ статьямъ, но въ то-же время назначеніе такихъ кредитовъ отнюдь не должно имѣть хроническаго характера.

Въ Англіи не входятъ въ составъ ежегодно вотируемаго бюджета т. н. консолидированный фондъ и производимые на счетъ этого фонда расходы, т. е. болѣе $\frac{2}{3}$ дохода и $\frac{1}{2}$ расхода, такъ какъ къ доходамъ консолидированнаго фонда отнесены всѣ статьи кромѣ акциза на чай и подоходнаго на-

лога, а къ расходамъ на счетъ консолидированнаго фонда отнесено содержаніе королевы, судей, посланниковъ, пенсій, расходы по государственному долгу и нѣкоторые расходы по внутреннему управленію. Смѣта расходовъ вносится канцлеромъ казначейства въ Палату Общинъ, которая поручаетъ разсмотрѣніе ея парламентскимъ комитетамъ. По разсмотрѣніи и утвержденіи Палатой смѣты расходовъ, канцлеръ произноситъ рѣчь, называемую бюджетомъ, о средствахъ для покрытія этихъ расходовъ. По утвержденіи Палатой, въ томъ-же порядкѣ, этихъ средствъ, издается т. н. Appropriations — Act, уполномочивающій правительство на сборъ утвержденныхъ налоговъ и производство утвержденныхъ расходовъ. Верхняя Палата можетъ только принять или не принять бюджетъ въ цѣломъ его составѣ.

Французскій бюджетъ, весьма полный, дѣлится на главы, статьи, параграфы и т. д., съ присоединеніемъ къ нему специальныхъ бюджетовъ такихъ учрежденій, какъ орденъ Почетнаго Легіона, инвалидной кассы и т. п., и бюджетовъ департаментовъ и общинъ. Бюджетъ доходовъ представляется только въ общемъ обзорѣ, а расходный бюджетъ — во всѣхъ подробностяхъ, при дѣленіи всѣхъ расходовъ на а) общіе государственные расходы, б) расходы изъ специальныхъ средствъ и в) расходы, включаемые въ бюджетъ для порядка, независимо отъ указанія на разные дополнительные кредиты (*supplémentaires, complémentaires et extraordinaires*) и невыполненные расходы (*service des exercices clos et service des exercices périmés*)⁴⁴). Бюджетъ утверждается законодательнымъ собраніемъ и имъ-же можетъ быть измѣняемъ (*budget rectificatif*).

Въ Пруссіи доходы и расходы вносятся въ бюджетъ по министерствамъ; бюджетъ, по разсмотрѣніи его парламентской комиссіей, утверждается Нижнею Палатой, Верхняя же Палата можетъ принять или отвергнуть его только цѣликомъ; разсмотрѣніе бюджета происходитъ одновременно съ

разсмотрѣніемъ отчета за прошлый годъ и, пока не утверждёнъ новый бюджетъ, имѣетъ силу бюджетъ прежній.

Въ Россіи при Александрѣ I преподаны были въ Наказѣ Министру правила составленія государственной росписи, просуществовавшія безъ значительныхъ измѣненій до прошлаго царствованія, когда 22 мая 1862 г. изданы были новыя, нынѣ дѣйствующія правила съ послѣдующими дополненіями и измѣненіями⁴⁵⁾. Въ этихъ правилахъ объясняется, что государственная роспись (терминъ тогда впервые употребленный) есть исчисленіе всѣхъ расходовъ государства и источниковъ къ ихъ удовлетворенію. Она составляется Министромъ Финансовъ, на основаніи смѣтъ отдѣльныхъ министерствъ и главныхъ управленій, и вносится имъ въ Государственный Совѣтъ въ Департаментъ Государственной Экономіи, откуда поступаетъ въ Общее Собраніе и затѣмъ восходитъ на утвержденіе Государя, послѣ чего утвержденная роспись публикуется въ сокращенномъ видѣ. Смѣты министерствъ и главныхъ управленій должны быть представляемы Министру Финансовъ къ 1 сентября⁴⁶⁾ и должны заключать въ себѣ: 1) общій перечень доходовъ и расходовъ по главнымъ статьямъ, 2) подробное указаніе доходовъ и расходовъ, 3) отдѣльныя приложенія съ указаніями на законы, уставы, разные расчеты и т. п. и 4) подробную объяснительную записку (очистки), указывающую на основанія, которыми руководствовались при исчисленіи доходовъ и расходовъ. Не вносятся въ финансовыя смѣты: 1) доходы и расходы сословій или обществъ на ихъ собственные надобности, а также суммы на удовлетвореніе губернскихъ и частныхъ земскихъ повинностей, 2) расходы и доходы отдѣльныхъ благотворительныхъ учрежденій, 3) денежные средства, казнѣ не принадлежащія и для специальныхъ цѣлей опредѣленные. Доходы и расходы должны быть сгруппированы по параграфамъ, статьямъ и пунктамъ, причемъ перестановки кредитовъ, при составленіи смѣтъ, изъ

однихъ статей въ другія и вообще даже незначительныя по смѣтамъ измѣненія допускаются не иначе, какъ по предварительному объ этомъ соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ. Доходы могутъ быть двухъ родовъ: 1) окладные, которые могутъ быть исчислены на основаніи положеній и окладовъ, и 2) неокладные, размѣръ которыхъ можетъ быть опредѣленъ только приблизительно (наприм. таможенный доходъ); въ приложеніи должны быть указаны спеціальныя средства, хотя въ государственную роспись они не включаются⁴⁷⁾. Окладные и неокладные доходы должны быть помѣщаемы въ смѣтахъ отдѣльно, причемъ указывается на издержки взиманія и чистый доходъ, въ сравненіи съ доходомъ предъидущихъ лѣтъ. Въ смѣтѣ расходовъ расходы на общее управленіе и расходы на взиманіе доходовъ показываются отдѣльно⁴⁸⁾; кромѣ того расходы на личный составъ отдѣляются отъ расходовъ на матерьяльную часть, а въ особую статью вносятся „разные расходы“⁴⁹⁾. Составленная на основаніи такихъ смѣтъ роспись и Высочайше утвержденная публикуется вмѣстѣ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ Министра Финансовъ Государю⁵⁰⁾ и состоитъ изъ трехъ частей: а) общей росписи доходовъ и расходовъ, б) свода росписи доходовъ и расходовъ, заключающаго въ себѣ общіе итоги, и в) приложенія къ росписи, представляющаго собою, въ сущности, ничто иное, какъ пространную роспись, раздѣленную на параграфы и статьи. Относительно остатковъ, при исполненіи росписи, постановлено, что перенесенія изъ одного параграфа въ другой допускаются лишь въ законодательномъ порядкѣ; переносъ-же изъ статьи въ статью въ предѣлахъ параграфовъ предоставляется министрамъ, главноуправляющимъ, Военному Совѣту, Военно-Окружнымъ Совѣтамъ, главноначальствующему гражданскою частью въ Кавказскомъ краѣ, высшимъ начальникамъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній; переносы-же изъ литеры въ ли-

теру предоставляется производить, въ извѣстныхъ случаяхъ, и второстепеннымъ распорядителямъ кредитовъ. Финансовый періодъ совпадаетъ въ росписи съ календарнымъ, а счетный продолжается до 30 апрѣля вообще и до 31 мая для военнаго вѣдомства, причемъ эти сроки удлинняются на 2 мѣсяца, если сдѣлано было распоряженіе о выдачѣ денегъ. Кредиты дополнительные и экстраординарные (по предметамъ, не вошедшимъ въ смѣту) разрѣшаются лишь въ законодательномъ порядкѣ, чрезъ Государственный Совѣтъ, послѣ предварительнаго соглашенія правительственнаго мѣста, требующаго кредита, съ министромъ финансовъ, а въ опредѣленныхъ случаяхъ еще и съ государственнымъ контролеромъ.

Росписи и бюджеты органовъ самоуправления имѣютъ для хозяйства этихъ органовъ, въ сущности, то-же значеніе, что государственная роспись для собственно-государственного (казеннаго) хозяйства. Составленіе, разсмотрѣніе и утвержденіе этихъ росписей совершается не иначе какъ въ законномъ указанномъ порядкѣ, причемъ правительству принадлежитъ въ большей или меньшей мѣрѣ наблюденіе затѣмъ, чтобы доходы и расходы, указанные въ росписи, не только согласовались съ прямыми требованіями закона, но, кромѣ того, соответствовали бы по характеру и суммѣ значенію органовъ самоуправления, цѣлямъ и задачамъ на нихъ возложеннымъ. Бюджеты эти или обособляются отъ государственнаго бюджета (Англія) или присоединяются къ послѣднему (Франція), причемъ послѣдній порядокъ нельзя не признать болѣе правильнымъ и цѣлесообразнымъ, такъ какъ онъ служитъ, между прочимъ, выраженіемъ той связи, которая существуетъ между казеннымъ хозяйствомъ и мѣстнымъ хозяйствомъ органовъ самоуправления, и, кромѣ того, имъ дается возможность созмѣстнаго обозрѣнія всей суммы доходовъ и расходовъ въ этихъ обѣихъ хозяйственныхъ сферахъ. Такое весьма распространенное полное обособленіе мѣстныхъ

бюджетовъ нѣкоторые (напр. Фаухеръ, Штейнъ) пытаются оправдать тѣмъ теоретическимъ соображеніемъ, что будто бы бюджеты эти должны строиться на иномъ принципѣ, чѣмъ бюджетъ государственный, а именно на принципѣ услуги и возмездности. Въ подтвержденіе этого Фаухеръ ссылается на бюджеты англійскихъ общинъ, состоящіе изъ отдѣльныхъ, ежегодно — въ зависимости отъ потребностей — измѣняющихся сборовъ, которые имѣютъ свое специальное назначеніе и даже называются не налогами (taxes), а взносами (rates). Штейнъ полагаетъ, что къ этому принципу пошлины, положенному въ основаніи бюджета, долженъ быть присоединенъ еще и принципъ налога. По мнѣнію же Валькера слѣдуетъ различать обыкновенные и чрезвычайные мѣстные бюджеты такъ, чтобы въ первые входила сумма расходовъ, соответствующая суммѣ чистаго дохода плательщиковъ и во всѣхъ общинахъ взимаемая въ одинаковой пропорціи, во вторыхъ же — расходы, превышающіе эту сумму. Однако эти доводы въ пользу особаго принципа мѣстныхъ бюджетовъ явно противорѣчатъ существу и значенію мѣстнаго самоуправленія, какъ сферы дѣйствія все той же единой государственной власти, но лишь въ предѣлахъ мѣстныхъ интересовъ и чрезъ посредство мѣстныхъ общественныхъ органовъ, а не бюрократіи. Кромѣ того характеръ, значеніе и цѣль доходовъ и расходовъ въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія не представляютъ существеннаго отличія отъ доходовъ и расходовъ государственныхъ. Относительно расходовъ было уже сказано выше (§ 48) и едва ли можно отрицать то, что конечная цѣль ихъ совпадаетъ съ одной изъ основныхъ задачъ правительства, заключающейся въ установленіи условій безопасности и благосостоянія. Доходы же органовъ самоуправленія сводятся къ слѣдующимъ: а) доходы отъ собственныхъ имуществъ, б) натуральныя повинности личныя, предметныя и лично-предметныя, в) денежные сборы въ формѣ налоговъ, г) денежные сборы въ формѣ

пошлинъ, т. е. сборовъ за пользованіе услугами мѣстныхъ учреждений, д) займы и е) воспособленія отъ казны; т. е. доходы эти по формѣ и по источнику своему, въ сущности, тѣ же что и доходы государственные.

Въ Англіи существуютъ мѣстные бюджеты въ континентальномъ смыслѣ лишь въ сферѣ городского хозяйства, а также графскаго, со времени учрежденія графскихъ совѣтовъ. Бюджеты эти не находятся ни въ какой связи съ бюджетомъ государственнымъ и составляютъ совершенно отдѣльно отъ него, безъ всякаго вмѣшательства центральной власти. Приходы не имѣютъ такихъ бюджетовъ, замѣняемыхъ отдѣльными счетами по расходнымъ статьямъ съ соотвѣтствующими имъ спеціальными доходами (сборами) на покрытіе каждаго изъ этихъ расходовъ; причемъ это соотвѣтствіе между расходомъ и покрывающимъ его спеціальнымъ сборомъ не выдержано, такъ что по большей части на счетъ какого-нибудь одного спеціальнаго сбора совершается расходъ на нѣсколько разнообразныхъ предметовъ. То же начало прилагается къ бюджетамъ союзовъ (unions) и волостей (hundreds), т. е. каждой потребности соотвѣтствуетъ свой налогъ, свой бюджетъ и своя отчетность, причемъ каждый изъ этихъ бюджетовъ или, вѣрнѣе, счетовъ имѣетъ свою форму и свой бюджетный срокъ.

Во Франціи департаментскіе бюджеты входятъ въ государственную роспись по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ подъ названіемъ расходовъ изъ спеціальныхъ источниковъ (*dépenses sur ressources spéciales*). Составленіе бюджета лежитъ на обязанности префекта: онъ разрабатываетъ проектъ бюджета и представляетъ его чрезъ департаментскую комиссію на разсмотрѣніе генеральнаго (департаментскаго) совѣта. По разсмотрѣніи бюджета этимъ совѣтомъ онъ представляется чрезъ префекта на окончательное утвержденіе правительства и публикуется, причемъ кредиты, назначенные на

расходы необязательные, не подвергаются измѣненіямъ, кредиты-же на обязательные расходы могутъ быть измѣняемы, если представляется, что они недостаточны, и въ такомъ случаѣ въ бюджетѣ-же указывается на источникъ для покрытія расхода. При несогласіи Совѣта съ проектомъ бюджета онъ представляется префектомъ въ совѣтъ префектуры. Бюджетныя статьи, неисполненныя въ теченіи счетнаго періода, переносятся въ бюджетъ слѣдующаго года, какъ дополнительный бюджетъ (*budget supplémentaire*), состоящій изъ 3-хъ параграфовъ: а) неуплоченныя ассигновки, б) расходы произведенныя безъ выдачи ассигновокъ, в) расходы назначенные, но еще не исполненные. Оставшіяся-же суммы включаются въ ресурсы текущаго бюджетнаго періода (въ *budget rectificatif*). Передвиженіе кредитовъ при исполненіи бюджета, равно какъ внесеніе новыхъ предметовъ расхода и опредѣленіе помѣщенія избытковъ совершается Совѣтомъ не иначе какъ по предложеніямъ префекта. Срокъ для исполненія бюджета 31 Марта, а для выдачи ассигновокъ по немъ 30 Апрѣля. Отчеты по исполненію бюджета поступаютъ отъ префекта, чрезъ департаментскую комиссію, въ генеральный совѣтъ и утверждаются правительствомъ. Въ общинахъ проектъ бюджета составляется мэромъ; проектъ этотъ поступаетъ въ муниципальный совѣтъ, а оттуда — къ префекту на утвержденіе ⁵¹⁾. Если въ этихъ бюджетахъ кредиты на обязательные расходы недостаточны, то префектъ можетъ увеличить ихъ по опредѣленію Совѣта Префектуры, съ указаніемъ и на средства покрытія. Какъ и департаментскій бюджетъ, этотъ бюджетъ составляется по общей формѣ, данной министромъ внутреннихъ дѣлъ, и дѣлится на обыкновенный и чрезвычайный, съ присоединеніемъ къ нему еще и дополнительнаго бюджета.

Въ Пруссіи земскіе и городскіе бюджеты не включаются въ государственную роспись, причемъ вмѣшательство правительства въ составленіе ихъ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ

во Франціи, имѣя мѣсто лишь въ случаяхъ исключительныхъ. Бюджеты провинцій и уѣздовъ составляются особо. Провинціальныи бюджетъ составляется провинціальной управой на годъ или на нѣсколько лѣтъ и представляется на утверждение сейма, отъ котораго зависитъ и утверждение отчетовъ объ исполненіи бюджета. Наблюденіе за исполненіемъ бюджета принадлежитъ управѣ и земскому директору, который выдаетъ также доходныя и расходныя предписанія на главную кассу провинціи. Какъ бюджетъ, такъ и извлеченіе изъ отчета опубликовываются въ мѣстной оффиціальной газетѣ. Уѣздный бюджетъ составляется уѣздной управой и представляется вмѣстѣ съ отчетомъ объ управленіи и о положеніи земскихъ дѣлъ въ уѣздѣ на утверждение уѣзднаго собранія, послѣ чего копія съ утвержденного уже бюджета отсылается президенту округа и производится публикація бюджета. Въ бюджетъ включаются лишь тѣ статьи дохода и расхода, которыя могутъ быть вычислены впередъ, а сверхсметные расходы производятся съ утвержденія уѣзднаго собранія. По истеченіи бюджетнаго періода, начинающагося 1-го апрѣля, черезъ четыре мѣсяца представляется земскимъ казначеемъ отчетъ управѣ объ исполненіи бюджета, а управа, провѣривъ отчетъ, представляетъ его на утверждение собранія. Въ общинахъ обязательно составленіе бюджета въ томъ лишь случаѣ, если этого потребуетъ уѣздная управа, отъ которой зависитъ, между прочимъ, и утверждение составляемаго начальникомъ общины отчета о положеніи ея хозяйства въ томъ случаѣ, если община откажется отъ утвержденія его.

Въ Россіи земскія смѣты составляются двоякимъ порядкомъ, въ зависимости отъ органовъ, которымъ ввѣрено это дѣло. Повинности эти дѣлятся вообще на денежныя и натуральныя, постоянныя и временныя. Денежныя земскія повинности подраздѣляются на земскія (областныя, губернскія

и уѣздныя), отбываемыя всѣми обывателями губерніи или уѣзда, и частныя (общества и сословія), отбываемыя не всѣми обывателями. Въ губерніяхъ, гдѣ не введено въ дѣйствіе Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, смѣты земскихъ повинностей составляются на каждые 3 года губернскими распорядительными комитетами, состоящими подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго Казенною Палатою, члена отъ правительства и городского головы губернскаго города, а въ извѣстныхъ случаяхъ, кромѣ того, изъ члена отъ военного вѣдомства, управляющаго почтово-телеграфною частью, прокурора окружнаго суда, предсѣдателя окружнаго суда и мирового судьи. Комитеты эти обязаны за годъ до наступленія новаго трехлѣтія, не позднѣе 1 января, представлять въ подлежащія министерства составленные ими проекты смѣтъ и раскладокъ. Въ основаніи составленія смѣты доходовъ должны быть положены слѣдующія данныя: 1) число свидѣтельствъ на торговлю и промыслы, 2) количество земель, лѣсовъ и другихъ угодій, 3) число населенія въ каждомъ городѣ и уѣздѣ, 4) разныя данныя, характеризующія степень благосостоянія каждой мѣстности, и 5) подробныя свѣдѣнія о натуральныхъ повинностяхъ. Къ смѣтѣ расходовъ присоединяются также поясненія: 1) по какому исчисленію опредѣляется сумма на каждую статью, 2) на какомъ именно узаконеніи основывается назначеніе каждаго расхода, 3) если предполагается какая-либо прибавка противъ истекающаго трехлѣтія, то съ какого и надлежащаго-ли разрѣшенія, или по какому предварительному соображенію предполагается эта прибавка, 4) всѣхъ вообще переменъ въ количествахъ каждой потребности, причинъ возвышенія или пониженія цѣнъ и т. п., словомъ — все, что необходимо для удостовѣренія необходимости или пользы смѣтныхъ предположеній. Остатки отъ земскаго сбора на губернскія и част-

ныя повинности зачитываются равными долями на каждый годъ новаго трехлѣтія; вообще-же источниками доходовъ въ этихъ смѣтахъ являются 1) налогъ на торговые свидѣтельства, 2) поземельный и процентный сборъ, 3) частныя повинности лицъ разныхъ сословій и 4) сборъ на устройство медицинской части въ уѣздахъ. На счетъ этихъ доходовъ покрываются слѣдующіе расходы: 1) дорожная повинность, 2) помѣщеніе мѣстнаго гражданскаго управленія, 3) содержаніе мѣстнаго гражданскаго управленія, 4) хозяйство и медицинская полиція въ городахъ и селеніяхъ, 5) потребности воинскаго управленія, 6) этапная повинность или отводъ ссыльныхъ въ мѣста назначенія, 7) мировыя судебныя установленія, 8) по воинской повинности, 9) по пересылкѣ суммъ земскихъ повинностей, 10) на предметы, уставомъ непредусмотрѣнные, 11) запасныя суммы, 12) содержаніе мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, 13) частныя повинности и 14) медицинская часть въ уѣздахъ. Смѣты эти утверждаются въ законодательномъ порядкѣ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, существуетъ иной порядокъ составленія земскихъ смѣтъ. Губернскія земскія повинности въ этихъ губерніяхъ отданы въ вѣдѣніе земскихъ учреждений, за которыми, между прочимъ, признано право облагать дополнительными сборами земли, фабрики, заводы и нынѣшныя промышленныя заведенія, торговые свидѣтельства и вообще недвижимое имущество. Земская смѣта содержитъ въ себѣ подробное исчисленіе земскихъ потребностей губерніи и уѣзда и источниковъ для удовлетворенія ихъ. Смѣты эти составляются на каждый годъ: уѣздныя — уѣздными земскими управами, губернскія — губернскими земскими управами, утверждаются-же они губернскими и уѣздными земскими собраніями. Уѣздныя земскія управы обязаны озаботиться заблаговременно собраніемъ необходимыхъ свѣдѣній для составленія какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ

земскихъ смѣтъ, независимо отъ того, что при утвержденіи этихъ смѣтъ собраніями принимаются въ соображеніе отчеты объ употребленіи земскихъ суммъ и отправленіе натуральныхъ повинностей за послѣдній годъ и отчетныя вѣдомости за первые 6 мѣсяцевъ текущаго года. Показываемыя въ смѣтахъ потребности дѣлятся на обязательныя, подлежащія внесенію въ смѣту по закону, и на необязательныя. Размѣры потребностей обязательныхъ назначаются въ смѣтахъ на основаніи особыхъ уставовъ, табелей, положеній, постановленій земскихъ собраній, частныхъ и техническихъ смѣтъ. Свойство и размѣръ потребностей необязательныхъ опредѣляются или на основаніи прежде послѣдовавшихъ постановленій земскихъ собраній, или по предположеніямъ управъ, съ приведеніемъ въ смѣтахъ соображеній и данныхъ, указывающихъ на необходимость удовлетворенія этихъ потребностей и правильность назначенія размѣра ихъ. По тѣмъ предметамъ, гдѣ невозможно впередъ опредѣлить размѣра потребности или оцѣнки ея, назначеніе дѣлается по примѣрному исчисленію, съ показаніемъ основаній его. Для опредѣленія суммы денежнаго земскаго сбора, подлежащей внесенію въ смѣту доходовъ, земскіе управы исчисляють, какая часть расходовъ, упадающихъ на общія земскія суммы, можетъ быть покрыта остатками, недоимками, подлежащими взысканію въ смѣтномъ году, перечисленіями изъ другихъ источниковъ и другими тому подобными суммами, къ общимъ земскимъ доходамъ принадлежащими; остающееся затѣмъ количество расходовъ, падающихъ на общія земскія суммы, назначается къ покрытію денежнымъ земскимъ сборомъ. Денежный земскій сборъ показывается въ смѣтѣ доходовъ, съ раздѣленіемъ его на виды, по источникамъ обложенія, на основаніи раскладки, составляемой въ то-же время и прилагаемой къ смѣтѣ. Къ земскимъ смѣтамъ и раскладкамъ прилагается общая объяснительная записка, содержащая обзоръ всѣхъ денежныхъ

доходовъ и расходовъ земства и размѣра потребностей, удовлетворяемыхъ натурой, указаніе измѣненій сравнительно съ предшествовавшей смѣтой и причинъ этихъ измѣненій. Составленные такимъ образомъ смѣты вносятся со всѣми приложениями въ уѣздныя земскія собранія ко дню открытія ихъ, собранія-же эти, по разсмотрѣніи смѣты и, если нужно, измѣненія ея утверждаютъ представленные смѣты. Вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздныя собранія рассматриваютъ предварительныя предположенія уѣздныхъ управъ о размѣрѣ губернскихъ потребностей, подлежащихъ удовлетворенію въ пределахъ уѣзда, и постановляютъ свое заключеніе, для сообщенія губернскому собранію. Утвержденные уѣзднымъ собраніемъ смѣты со всѣми приложениями представляются губернатору, а копіи въ то-же время отсылаются въ губернскую земскую управу. Губернская управа, составивъ по тѣмъ-же совершенно правиламъ губернскую смѣту, вноситъ ее въ губернское земское собраніе, откуда, по утвержденіи, она представляется губернатору. Неопротестованные губернаторомъ смѣты получаютъ законную силу и исполняются управами. Относительно городскихъ смѣтъ въ ст. 141 Положенія о городскомъ управленіи установлено, что въ сроки, опредѣленные Думой, городская управа составляетъ ежегодно смѣту предстоящимъ городскимъ доходамъ и расходамъ, которая рассматривается и утверждается Думой, а затѣмъ въ теченіи двухъ недѣль по утвержденіи доставляется губернатору и объявляется во всеобщее свѣдѣніе. При недостаткѣ исчисленныхъ въ смѣтѣ суммъ на покрытіе расходовъ, могутъ быть представляемы на утвержденіе Думы дополнительные смѣты. Въ крестьянскомъ самоуправленіи мірскіе сельскіе и волостные приговоры замѣняютъ собою смѣты, причемъ рѣшенію Волостныхъ Правленій, единогласному или постановленному по большинству голосовъ наличныхъ членовъ, подлежатъ производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ

расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ, а способъ составленія и порядокъ употребленія мірскихъ капиталовъ въ тѣхъ обществахъ, гдѣ они существуютъ, или гдѣ они вновь учреждаются, опредѣляются письменными приговорами сходовъ.

Расходы и доходы по сословному управленію остальныхъ сословій (дворянскаго, мѣщанскаго), равно какъ и сборы на частныя повинности, исчисляются также въ особыхъ, спеціальныхъ смѣтахъ, составленіе и утвержденіе которыхъ подчиняется особымъ правиламъ. Для остальныхъ органовъ соединства составленіе смѣтъ опредѣляется обыкновенно ихъ спеціальными уставами и составленные смѣты представляются, по большей части, одновременно съ отчетомъ за истекшій годъ, на утвержденіе Общихъ Собраній.

1) Какое большое практическое значеніе имѣетъ, напр., правильное опредѣленіе формъ и способовъ исчисленія той суммы, которая должна быть уплачена плательщикомъ какъ налогъ,—объ этомъ даетъ отчетливое понятіе, между прочимъ, судебная статистика.

2) Въ большей части случаевъ при обсужденіи проектовъ податныхъ законовъ приглашаются для совѣщанія эксперты тѣхъ профессій или промысловъ, которыхъ касаются эти законы, независимо отъ существованія при министерствѣ финансовъ для совѣщаній особыхъ коллегій изъ специалистовъ, теоретиковъ и практиковъ. Такъ, напр., въ Россіи при министрѣ финансовъ состоитъ Ученый комитетъ, на обязанности котораго лежитъ разсмотрѣніе разныхъ финансовыхъ проектовъ, а также наблюденіе за развитіемъ финансоваго хозяйства въ европейскихъ государствахъ. При департаментѣ торговли и мануфактуръ состоитъ Совѣтъ торговли и мануфактуръ съ отдѣленіемъ его въ Москвѣ и комитетами въ нѣкоторыхъ городахъ. Члены Совѣта избираются изъ среды фабрикантовъ, торговцевъ и ученыхъ.

3) Малѣйшая неполнота или неточность въ опредѣленіи условій наложенія, исчисленія, взысканія и т. п. налоговъ причиняютъ неизбежно ущербъ фиску, стѣсненіе гражданамъ и нерѣдко обременяютъ суды дѣлами, относительно которыхъ они колеблются въ своихъ рѣшеніяхъ.

4) Въ видахъ наибольшаго распространенія свѣдѣній о фи-

О Ч Е Р К Ъ
НАУКИ
ФИНАНСОВАГО ПРАВА.

Конспектъ лекцій

ПРОФЕССОРА

И. Т. Тарасова.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНИЕ.

Выпускъ второй: Общая часть.

Выпускъ третій: Особенная часть.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-Литографія Г. Фалькъ, Духовская ул., собствен. домъ.

1889.

ОТЪЕЗДЪ

НАЗНАЧЕН

ФИНАНСОВАТО ПРАВА

ВЪВЕДЕНІЕ

ПЕЧАТАНО ПО ОПРЕДѢЛЕНІЯМЪ СОВѢТА ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦА.

Печатано по опредѣленіямъ Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лица.

Директоръ С. Шпилевскій.

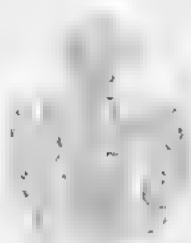
ВЪВЕДЕНІЕ

ОТЪЕЗДЪ

ВЪВЕДЕНІЕ

ОТЪЕЗДЪ

ОТЪЕЗДЪ

ВЪВЕДЕНІЕ

ОТЪЕЗДЪ

ОТЪЕЗДЪ

Предисловіе ко 2-му изданію.

Послѣ выхода этого „Очерка“ 1-мъ изданіемъ отечественная литература по наукѣ финансоваго права обогатилась значительнымъ количествомъ руководствъ и пособій, отличающихся въ бѣльшей или мѣньшей мѣрѣ крупными достоинствами, независимо отъ того, что всѣ они являются результатомъ продолжительной преподавательской дѣятельности по кафедрѣ финансоваго права. Поэтому одно лишь отсутствіе въ продажѣ 1-го изданія „Очерка“ отнюдь не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для появленія 2-го изданія, если-бы вторичное порученіе мнѣ временнаго чтенія лекцій по финансовому праву не поставило меня въ необходимость озаботиться о томъ, чтобы слушатели мои снабжены были печатнымъ пособиемъ для слушанія лекцій и для освѣженія въ памяти того, что было прослушано. Съ этой цѣлью предпринята была полная переработка 1-го изданія, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, а для ускоренія печатанія весь „Очеркъ“ раздѣленъ былъ на 3 выпуска такъ, чтобы каждый изъ нихъ заключалъ въ себѣ одинъ изъ трехъ крупныхъ отдѣловъ науки финансоваго права въ цѣломъ его объемѣ. Тѣмъ не менѣе печатаніе замедлилось въ такой мѣрѣ, что едва только 1-ый выпускъ могъ отчасти удовлетворить вышеуказанному назначенію, вслѣдствіе чего остальные выпуски, которые выйдутъ безъ замедленія, потребовали опять новой переработки, согласно съ утратой ими ихъ назначенія служить исключительно только пособиемъ для моихъ слушателей.

г. Ярославль
1-го Іюня, 1889 г.

И. Т.

УЧЕБНИК ПО МАТЕМАТИКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Математика — наука, которая изучает свойства чисел, фигур и процессов. Она является основой для многих других наук, таких как физика, химия, биология и инженерия. Математика помогает нам понять мир вокруг нас и решать различные задачи.

В этом учебнике мы рассмотрим основные понятия математики, начиная с чисел и заканчивая геометрией. Мы также рассмотрим некоторые приложения математики в реальной жизни.

Учебник состоит из нескольких глав, каждая из которых посвящена определенной теме. В каждой главе мы рассмотрим основные понятия, формулы и примеры. В конце каждой главы есть упражнения, которые помогут вам закрепить полученные знания.

Мы надеемся, что этот учебник будет полезен для всех, кто интересуется математикой. Мы также надеемся, что вы найдете в нем много интересного и полезного.

Учебник

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловіе	III
-----------------------	-----

ВВЕДЕНІЕ

1—2

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ

1—8

Предметы или содержаніе науки финансоваго права и опредѣленіе этой науки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ: <i>Основныя понятія</i>	1—5
---	-----

§ 1. Государственное хозяйство	1
--	---

§ 2. Отличіе гос. хозяйства отъ частнаго и народнаго хозяйства	1
--	---

§ 3. Фискъ и финансы	2
--------------------------------	---

§ 4. Ученіе о финансахъ и наука финансоваго права	3
---	---

§ 5. Задача и предметы науки финансоваго права	3
--	---

ГЛАВА ВТОРАЯ: <i>Опредѣленія</i>	5—8
--	-----

§ 6. Наука о финансахъ	5
----------------------------------	---

§ 7. Опредѣленіе науки финансоваго права	6
--	---

§ 8. Положительное финансовое право, источники его и кодификація	8
--	---

§ 9. Соотношеніе между наукой финансоваго права и положительнымъ финансовымъ правомъ	6
--	---

VI

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ . . . 8—13

Соотношеніе между наукой финансоваго права и другими науками и связь между финансовымъ управленіемъ и остальными государственными учрежденіями.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ: Соотношеніе съ другими науками . . . 8 — 11

§ 10. Соотношеніе съ науками политическими . . . 8

§ 11. Соотношеніе съ науками юридическими . . . 9

§ 12. Соотношеніе съ науками общественными . . . 10

§ 13. Соотношеніе съ науками техническими . . . 10

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ: Связь финансоваго управленія съ другими государственными учрежденіями . . . 11 — 13

§ 14. Связь финансоваго управленія съ правительствомъ и законодательствомъ . . . 11

§ 15. Съ юстиціей . . . 12

§ 16. Съ полиціей, администраціей, дипломатіей . . . 12

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ . . . 13—20

Методъ изслѣдованія и система.

ГЛАВА ПЯТАЯ: Методъ и порядокъ изслѣдованія . . . 13—15

§ 17. Методъ изслѣдованія . . . 13

§ 18. Порядокъ изслѣдованія . . . 13

ГЛАВА ШЕСТАЯ: Система . . . 15 — 20

§ 19. Система науки финансоваго права . . . 15

§ 20. Схема . . . 17

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ . . . 20—211

Исторія финансовыхъ ученій и учреждений. Литература и источники.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ: Предварительныя понятія . . . 20—27

VII

§ 21. Основаніе для дѣленія на періоды исторіи
финансовыхъ ученій и учрежденій 20

§ 22. Характеристика эпохъ 21

Восточныя государства 21. Классическій міръ 21.
Феодализмъ 22. Абсолютизмъ 23. Конституціона-
лизмъ 25. Характеристическія черты государствен-
наго хозяйства въ новѣйшее время 26.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ: *Періодъ натурального госу-
дарственного хозяйства* . . . . . 27 — 54

§ 23. Восточныя государства 27

Характеристическія черты государственнаго хо-
зяйства древняго Египта 27. Характеръ сборовъ
съ народа по Библии 28.

§ 24. Классическій міръ 30

Характеристическія черты государственнаго хо-
зяйства въ государствахъ классическаго міра въ
связи съ господствовавшими политическими, эконо-
мическими и правовыми понятіями 30. Отличіе ан-
тичнаго хозяйства отъ современнаго 31. Экономиче-
ское основаніе античной податной системы 32.
Правосознаніе, лежавшее въ основаніи античной по-
датной системы 33. Характеръ государственныхъ
расходовъ 34. Переходъ отъ античнаго государ-
ственного хозяйства къ современному 35.

§ 25. Древняя римская трибутная подать 36

Главный источникъ государственнаго дохода въ
Римѣ 36. Гражданскій трибутъ 36. Провинціальный
трибутъ 37. Реформы со времени Августа 39. Пе-
релись населенія и описаніе владѣній 40. Распа-
деніе античнаго домохозяйства и вызванные этимъ
новые налоги 41. Уравненіе въ правахъ граждан-
ства 43. Вызванная этимъ реформа трибутной по-
дати 43. Денежныя подати 44. Господство началъ
натуральнаго хозяйства 45. Поставочная служба и
система обязательныхъ службъ 47. Система сбо-
ровъ 47 Jugatio и capitatio 48. Заключение 49.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ: *Періодъ денежнаго государственнаго хозяйства* . . . . . 54 — 156

§ 26. Феодализмъ 54

Сосуществованіе началъ натурального и денежнаго хозяйства въ средніе вѣка 54. Причины препятствовавшія возникновенію государственно-хозяйственныхъ ученій 54. Капитулярій de villes 55. Тома Аквинскій 55. Бодень 55. Возрѣніе на государственное хозяйство въ памятникахъ удѣльно-вѣчеваго строя 56. Общій характеръ средне-вѣковаго государственнаго хозяйства 56.

§ 27. Средневѣковое государственное хозяйство въ Германіи . . . . .

Домены, регалии и натуральныя повинности 58. Денежныя повинности 59.

§ 28. Государственное хозяйство въ Россіи въ эпоху удѣльно-вѣчеваго строя 62

Сборъ даней и раскладка ихъ 62. Личный составъ управленія казною 64. Домены, регалии и повинности 65. Дани 66. Посопная подать 57. Пошлины 67.

§ 29. Абсолютизмъ 69

Абсолютисты 69. Меркантилисты 70. Школа естественнаго права 70. Физиократы 73. Представители господствовавшихъ въ эту эпоху экономическихъ и политическихъ ученій въ Россіи 74. Вліяніе, оказанное этимъ ученіями на науку о финансахъ, равно какъ и на финансы 76.

§ 20. Финансы Франціи въ эпоху абсолютизма 82

Установленіе налоговъ и производство расходовъ; бюджетъ 82. Центральное управленіе 82. Мѣстное управленіе 83. Раскладка налоговъ, кассоводство, счетоводство, отчетность и контроль 84. Домены, регалии, монополіи, натуральныя повинности и пошлины 86. Прямые и косвенные налоги 87. Займы и бумажныя деньги 89. Расходы 90.

IX

§ 31. Финансы Пруссіи съ начала 19-го столѣтія 91

Финансовое управленіе до начала 19-го столѣтія 91. Реформа центрального управленія 92. Мѣстное управленіе 93. Кассоводство, счетоводство и контроль 94. Домены 95. Регаліи и монополіи 96. Натуральныя повинности 98. Пошлины 100. Прямые налоги 101. Косвенные налоги 103. Займы и бумажныя деньги 105. Мѣстные налоги 107. Расходы государственные и мѣстные 108.

§ 32. Финансы Россіи послѣ паденія удѣльно-вѣчеваго строя до настоящаго времени 109

Высшее управленіе 109. Приказы, Коллегіи, Палаты, Министерства 110. Мѣстные органы 112. Отбываніе податей, раскладка ихъ 115. Взиманіе 118. Счетоводство, отчетность и контроль 118. Государственныя имущества 119. Монополіи 121. Регаліи 123. Натуральныя повинности 126. Пошлины 129. Прямые налоги 131. Косвенные налоги 134. Займы и бумажныя деньги 138. Расходы 139.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ: *Періодъ кредитнаго государственнаго хозяйства* . . . . . 156—181

Развитіе и господство новыхъ политическихъ и хозяйственныхъ ученій 156. Политическія ученія о раздѣленіи властей, общественномъ договорѣ, парламентаризмѣ и правовомъ государствѣ 157. Экономическія ученія Ад. Смита, его послѣдователей, исторической и статистической школь 159. Вліяніе, оказанное этими ученіями на развитіе литературы науки финансоваго права 161. Характеристика государственнаго хозяйства въ эпоху конституціонализма 162.

§ 34. Финансы Англіи 164

Центральное управленіе 164. Мѣстное управленіе 165. Кассоводство 167. Счетная и контрольная часть 167. Домены, натуральныя повинности, регаліи и монополіи 197. Пошлины 168. Прямые

X

налоги 169. Косвенные налоги 171. Займы 172.
 Мѣстные налоги 173. Расходы 174.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ: *Общественное право и социализмъ* 181—204

§ 35. Ученія объ управленіи и общественное право 181

Оцѣнка политическихъ и экономическихъ ученій, соотвѣтствующихъ эпохѣ конституціонализма 181.
 Ученіе объ управленіи 182. Ученіе объ общественномъ правѣ 183. Вліяніе, оказанное этимъ ученіемъ на развитіе науки финансоваго права 184.

§ 36. Соціализмъ 186

Возраженіе противъ нѣкоторыхъ положеній ученія Адама Смита 186. Соціалисты 188. Сенъ-Симонъ 188. Сенсимонисты 190. Бюшезъ 190. Луи Бланъ 191. Лассаль 191. Генри Джоржъ 195. Возраженія противъ ученія социалистовъ 195. Шульце Деличенъ 195. Бастіа 196. Прудонъ 196. Фулье 199. Значеніе ученія социалистовъ въ отношеніи къ наукѣ финансоваго права 200.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ: *Пособія и источники* 204—211

§ 37. Пособія 204

Богатство литературы 204. Пособія во французской литературѣ 205. Пособія въ нѣмецкой литературѣ 206. Пособія въ русской литературѣ 207.

§ 38. Источники русскаго финансоваго права 208

Уставы казенныхъ управленій 208. Остальные томы Св. Зак. 209. Особые узаконенія 209. Административныя распоряженія 210.

ВВЕДЕНИЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Предметы или содержаніе науки финансоваго права и опредѣленіе этой науки.

Глава I-я.

ОСНОВНЫЯ ПОНЯТІЯ.

§ 1. Государственное хозяйство. § 2. Отличіе государственнаго хозяйства отъ частнаго и народнаго или общественнаго хозяйствъ. § 3. Фискъ и финансы. § 4. Ученіе о финансахъ и наука финансоваго права. § 5. Задача и предметы науки финансоваго права.

§ 1. Съ понятіемъ о государственномъ хозяйствѣ связывается представленіе о пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ государству, какъ хозяину, и расходованіе этихъ средствъ на потребности и задачи ¹⁾ государства.

§ 2. Отличіе государственнаго хозяйства отъ частнаго и народнаго или общественнаго хозяйствъ ²⁾ создается, во-первыхъ, цѣлью государственнаго хозяйства и, во-вторыхъ, особыми свойствами государства, какъ субъекта государственнаго хозяйства. — Что касается цѣли, то государство ведетъ свое хозяйство для народа, вслѣдствіе чего выгода отнюдь не имѣетъ рѣшающаго значенія въ государственномъ хозяйствѣ и, при оказаніи услугъ, государство, какъ хозяинъ, ставитъ на первый планъ не расчетъ вознагражденія за нихъ, а значеніе этихъ услугъ для народа. Этимъ-же объясняется, отчего, въ то время какъ стремленія въ частномъ хозяйствѣ могутъ быть безпредѣльны и произвольны, — въ государствен-

номъ хозяйствѣ они всегда ограничены цѣлью служенія народу и осуществленія задачъ государства. Здѣсь-же причина, отчего, въ то время какъ въ частномъ хозяйствѣ потребности сообразуются съ доходомъ, т. е. доходъ имѣетъ рѣшающее значеніе для опредѣленія числа и размѣра потребностей, — въ государственномъ хозяйствѣ на первомъ мѣстѣ ставится удовлетвореніе потребностей, а потомъ уже доходъ³⁾. — Что же касается особыхъ свойствъ государства, выражающихся въ суверенитетѣ, долговѣчности и корпоративномъ характерѣ, то они сообщаютъ принудительный характеръ государственному хозяйству и даютъ возможность государству черпать свои средства изъ такихъ источниковъ, въ такой формѣ и при такихъ условіяхъ, которые не могутъ имѣть мѣста въ частномъ хозяйствѣ: государство принуждаетъ гражданъ къ отбыванію податей и повинностей, совершаетъ принудительные и вѣчные займы, требуетъ уплаты пошлинъ, высота которыхъ не сообразуется съ цѣнностью оказываемыхъ услугъ, и т. п.

§ 3. Особые свойства государственнаго хозяйства послужили основаніемъ тому, что хозяйство это обособилось, получивъ техническое названіе финансовъ⁴⁾, а управленіе этимъ хозяйствомъ получило названіе финансоваго управленія. Но выработкѣ понятія о финансахъ предшествовало понятіе о фискѣ, означавшемъ казну, въ ея узкомъ, совершенно специальномъ значеніи⁵⁾. Между этими двумя различными понятіями возможно только такое сближеніе, что фискъ это тѣ же финансы государства, рассматриваемаго исключительно какъ субъектъ имущественныхъ правъ, которыя составляли содержаніе, такъ называемаго, фискальнаго права (*jus fisci*, *Fiscusrecht*). Господство такого возрѣнія на государственное хозяйство выражалось въ, такъ называемомъ, фискальномъ управленіи этимъ хозяйствомъ⁶⁾, причемъ защита казеннаго интереса возлагалась на особыхъ должностныхъ лицъ, называвшихся фискалами (*advocati* или *patroni fisci*, *Fiscal*).

§ 4. Финансовые вопросы, будучи выдѣлены изъ, такъ называемыхъ, камеральныхъ наукъ, т. е. наукъ объ управленіи камерными имуществами, изъ науки о полиціи, изслѣдовавшей первоначально не только полицейскую дѣятельность государства, но и матеріальныя средства для этой дѣятельности, и изъ науки народнаго хозяйства, включившей въ себя и государственное хозяйство⁷⁾, только во 2-й половинѣ 18-го столѣтія сдѣлались предметомъ самостоятельной науки о финансахъ. Въ нынѣшнемъ-же столѣтіи эта наука возвысилась до значенія науки финансоваго права, въ которой нашло свое выраженіе то основное начало, что какъ добываніе средствъ въ пользу государства, такъ и расходованіе добытыхъ средствъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей должны быть правомѣрны и государственны. Кромѣ того, введеніе государственнаго хозяйства неизбѣжно создаетъ юридическій порядокъ соотношенія между государствомъ, съ одной стороны, и гражданами—съ другой; анализъ этого порядка и входитъ въ науку финансоваго права, какъ науку о правомѣрномъ государственномъ хозяйствѣ⁸⁾.

§ 5. Наука финансоваго права, имѣя своими предметами доходы и расходы государства и управленіе ими, преслѣдуетъ, какъ основную задачу, раскрытіе законовъ явленій въ области государственнаго хозяйства въ связи съ анализомъ правовыхъ нормъ регулирующихъ это хозяйство.

1) Экстензивное и интензивное развитіе задачъ государства, въ зависимости отъ развитія начала государственности, конечно, не могло не отразиться на характерѣ, значеніи и объемѣ государственнаго хозяйства, чрезвычайный ростъ котораго въ послѣднія 3 столѣтія указываетъ и на соотвѣтствующее расширеніе сферы государственной дѣятельности. Но при сравнительной оцѣнкѣ относящихся сюда цифръ въ различныя эпохи не слѣдуетъ упускать изъ виду различій въ густотѣ населенія, цѣнѣ денегъ и товаровъ, значенія натуральныхъ повинностей и суммахъ народнаго дохода.

2) Отъ общественнаго хозяйства въ обширномъ смыслѣ, со-
отвѣтствующаго такому-же понятію объ обществѣ и обнимающаго
собою какъ народное такъ и государственное хозяйства, слѣдуетъ
отличать общественное хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ, какъ хозяй-
ство различныхъ общественныхъ группъ. Въ свою очередь, отъ
государственнаго хозяйства въ тѣсномъ смыслѣ, обнимающаго ис-
ключительно лишь сферу хозяйства казеннаго, правительственна-
го, слѣдуетъ отличать государственное хозяйство въ обширномъ
смыслѣ, обнимающее собою какъ собственно-казенное хозяйство,
такъ и хозяйство органовъ самоуправления и соединенія (союз-
ныхъ органовъ). Это государственное хозяйство въ обширномъ
смыслѣ, какъ совокупность *принудительныхъ хозяйствъ* (Ад. Ваг-
неръ), Л. Штейнъ называетъ *публичнымъ хозяйствомъ* (öffentliche
Wirthschaft, въ отличіе отъ Staatswirthschaft).

3) Уже Зоннелъфельсъ училъ, что достаточность суммы до-
ходовъ государства предопредѣляется суммой расходовъ. Предва-
рительно должна быть отыскана послѣдняя для опредѣленія пер-
вой.

4) Слово „финансы“ производятъ то отъ finire, finire (заклю-
чать счетъ), то отъ средневѣковаго finatio или finantia (пеня,
штрафъ, денежно-долговое обязательство), то отъ саксонскаго fine
(налогъ или пеня по англійски), то отъ французскаго прилагательнаго fin, то, наконецъ, отъ finis, означавшаго вообще денеж-
ный штрафъ. О своеобразномъ значеніи этого термина въ средніе
вѣка можно судить, между прочимъ, по слѣдующему примѣру:
постановленіемъ Кельнской Думы воспрещалось маклерамъ способ-
ствовать основаннымъ на обманѣ или, такъ называемымъ, *финан-
совымъ* покупкамъ. Finances, Finanzen отождествляли съ finesse,
Feinheit, Untreu, Schinderei и т. п.

5) Въ Римѣ названіе Caesaris fiscus, въ отличіе отъ aegari-
um, дано было императорской казнѣ.

6) Въ настоящее время, при представленіи о фискѣ, какъ
о казнѣ, фискальными мѣрами называются такія мѣропріятія фи-
нансовой администраціи, которыя имѣютъ цѣлью исключительно
только умноженіе средствъ казны или вообще интересъ послѣдней.

7) См. ниже § 37.

8) Относительно предметовъ науки финансоваго права мнѣнія
различны. Такъ, напр., Леруа-Болье полагаетъ, что въ науку
эту должны войти лишь ученія о государственныхъ доходахъ и
отчасти о финансовомъ управленіи. Лоренцъ Штейнъ включаетъ
въ нее еще и ученіе о расходахъ, но полагаетъ необходимымъ
выдѣлить изъ нея, какъ самостоятельную науку, ученіе о финан-
сахъ органовъ самоуправления. Ад. Вагнеръ утверждаетъ, что
задачу финансоваго хозяйства государства нельзя изучать совер-
шенно отдѣльно отъ всей системы принудительныхъ хозяйствъ въ
государствѣ. По мнѣнію проф. Лебедева область финансовъ само-

управленія должна составлять необходимую часть современной финансовой науки. Проф. Львовъ, относя къ предметамъ науки финансового права государственные доходы и расходы и государственную отчетность, говоритъ, что „прикладную часть составляютъ мѣстные и имперскіе финансы“.

Г л а в а II-я.

О п р е д ѣ л е н і я.

§ 6. Наука о финансахъ. § 7. Определеніе науки финансового права. § 8. Положительное финансовое право, источники его и кодификація. § 9. Соотношеніе между наукой финансового права и положительнымъ финансовымъ правомъ.

§ 6. Наука о финансахъ изслѣдуетъ законы явленій въ области государственнаго хозяйства. Но изъ сбора государствомъ доходовъ и расходованія ихъ на потребности и задачи государства неминуемо возникаютъ пзвѣстные отношенія между властью собирающею и плательщиками. Государство поставлено въ неизбѣжную необходимость брать у гражданъ доли ихъ имущества и налагать на нихъ нѣкоторыя тягости, граждане-же естественно стремятся ничего не дать, или, по крайней мѣрѣ, удѣлить государству возможно меньшую часть своихъ имущественныхъ благъ, вслѣдствіе чего рождается борьба двухъ различнымъ интересовъ, примиряемая правомъ. Правомъ этимъ очерчивается кругъ свободы государственно-хозяйственной сферы, который соприкасается съ кругомъ свободы частно-и общественно-хозяйственной сферы. Слѣдовательно невозможно научно-всестороннее изслѣдованіе финансовъ независимо отъ вызываемыхъ ими правоотношеній. Поэтому ошибочно замѣнять терминъ „наука финансового права“ терминомъ „наука или теорія финансовъ“. Столь-же ошибочно отдѣлять отъ науки финансового права науку или теорію финансовъ, такъ какъ теорія эта неизбѣжно будетъ, по содержанію своему, тою-же наукою финансового права,

но съ неправильнымъ названіемъ, или-же она будетъ несамо-
стоятельною, составною частью Политической Экономіи; т. е.
произойдетъ такое раздвоеніе, что финансовое право войдетъ,
какъ составная часть, въ область науки государственнаго
права, теорія-же финансовъ войдетъ, также какъ составная
часть, въ область Политической Экономіи. Между тѣмъ, та-
кимъ раздвоеніемъ порождается тройкій вредъ: 1) разсмотрѣніе
финансовыхъ вопросовъ раздвояется въ ущербъ цѣльности,
2) вводится двойственность въ разрѣшеніе нѣкоторыхъ финан-
совыхъ вопросовъ и 3) нѣкоторые финансовые вопросы под-
вергаются одностороннему изслѣдованію въ какой-либо изъ
указанныхъ наукъ.

§ 7. Наука финансоваго права есть наука о правовыхъ
нормахъ, опредѣляющихъ сферу государственнаго хозяйства.
Согласно съ такимъ опредѣленіемъ, въ науку эту входятъ
систематическое изложеніе всѣхъ тѣхъ правилъ и нормъ, ко-
торыя касаются государственныхъ доходовъ и расходовъ и уп-
равленія ими согласно съ выработавшимися понятіями о цѣли
государства, о политико-гражданской свободѣ и о коренныхъ
условіяхъ благосостоянія народа¹⁾.

§ 8. Положительное финансовое право есть совокупность
положеній, опредѣляющихъ государственно-хозяйственную
сферу у даннаго народа въ данную эпоху. Источниками это-
го права служатъ: а) законы, б) административныя распо-
ряженія и в) обычаи; послѣднія—въ той мѣрѣ, въ какой
это допущено закономъ²⁾. Отдѣльныхъ кодексовъ всего фи-
нансоваго права до сихъ поръ не существуетъ, такъ какъ,
въ виду многочисленности и многообразія предметовъ, кото-
рыхъ касаются финансовыя постановленія, кодификація этого
права представляетъ чрезвычайныя затрудненія³⁾.

§ 9. Наука финансоваго права, какъ теорія, должна
представлять собою нѣчто постоянное, твердо установившееся,
хотя и нелишенное тѣхъ элементовъ развитія, которыя необ-

ходимы каждой наукѣ. Финансовое-же право даннаго государства есть только отраженіе дѣйствительности, реального примѣненія началъ науки финансоваго права въ данное время. Какъ наука финансоваго права, такъ и положительное финансовое право подчиняются въ своемъ развитіи законамъ постоянства и движенія, вслѣдствіе чего онѣ представляются какъ бы постоянно стремящимися къ идеалу, котораго впрочемъ никогда не достигнуть⁴⁾.

1) Въ наукѣ финансоваго права правовой, политической и экономической элементы нераздѣльны; въ ней анализъ законовъ хозяйственныхъ явленій и анализъ правовыхъ нормъ, опредѣляющихъ государственно-хозяйственную сферу, идутъ рука объ руку. Эта наука учитъ не только тому что есть и почему оно происходитъ, но и тому что въ этой области согласно съ экономическими законами, съ значеніемъ и цѣлью государства и съ понятіями о правдѣ и справедливости.

2) Конечно, судебныя рѣшенія и научныя положенія оказываютъ большее или меньшее вліяніе на развитіе положительнаго финансоваго права, но къ источникамъ этого права они никоимъ образомъ отнесены быть не могутъ.

3) Кодификація положительнаго финансоваго права, если даже она была-бы возможна, едва-ли желательна, въ виду чрезвычайной подвижности государственно-хозяйственной правовой сферы.

4) Современное развитіе науки финансоваго права очень далеко отъ идеала, судя по множеству противорѣчивыхъ отвѣтовъ, которые она даетъ даже на основныя вопросы, какъ, напр., на вопросъ о границахъ и предметахъ этой науки. Часто въ ней строятся цѣлыя финансовыя системы на основаніи однихъ лишь дедуктивныхъ положеній, ничѣмъ не провѣренныхъ; еще чаще случайныя, частныя явленія возводятся на степень научныхъ принциповъ. Нерѣдко также вся эта наука низводится на степень искусства; вообще-же, при современномъ развитіи этой науки, изъ нея до сихъ поръ не выдѣлена прикладная часть, которую можно назвать государственно-хозяйственной политикой, въ отличіе отъ народно-хозяйственной политики, какъ части полицейскаго или административнаго права. Финансовое право и финансовое хозяйство отдѣльныхъ государствъ, въ свою очередь, далеки отъ совершенства, служа, до извѣстной степени, отраженіемъ степени культуры каждой данной страны. Одно уже знакомство съ бюд-

жетами современныхъ государствъ обнаруживаетъ достаточно, на сколько доходы могли-бы быть справедливыѣ, а расходы—производительныѣ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Соотношеніе между наукой финансоваго права и другими науками и связь между финансовымъ управленіемъ и остальными государственными учрежденіями.

Глава III-я.

Соотношеніе съ другими науками.

§ 10. Соотношеніе съ науками политическими. § 11. Соотношеніе съ науками юридическими. § 12. Соотношеніе съ науками общественными. § 13. Соотношеніе съ науками техническими.

§ 10. Понимая подъ политикой, въ обширномъ смыслѣ, всѣ государственныя науки, финансовое право входитъ въ нее какъ часть, имѣющая предметомъ государственное хозяйство¹⁾. Наболѣе рѣзко обнаруживается связь эта въ отношеніи къ наукѣ государственнаго права, на что и указали, между прочимъ, Рау, Лпндвурмъ и др., утверждая, что изученіе финансовъ ведетъ неизбѣжно къ изученію всѣхъ государственныхъ учрежденій. Напримѣръ, вопросы о податномъ самообложеніи, объ обязанности платить налоги, объ участіи земскихъ и общественныхъ органовъ въ управленіи и т. п., подвергаясь анализу въ наукѣ государственнаго права, подвергаются разсмотрѣнію и въ наукѣ финансоваго права. На связь науки финансоваго права съ международнымъ правомъ указываютъ ближайшимъ образомъ вопросы о торговыхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ трактатахъ и конвенціяхъ, о вольныхъ портахъ, о войнѣ, реквизиціи и т. п. Но въ наболѣе близкомъ соотношеніи находится наука финансоваго права съ науками полицейскаго права и административнаго

права. Еще недавно финансы были предметомъ, такъ называемой, науки о полиціи, и только во 2-й половинѣ 18-го столѣтія выработалась самостоятельная наука о финансахъ, не порвавшая однако своей связи съ наукой о полиціи. Множество вопросовъ, какъ, наприм., о желѣзныхъ дорогахъ, кредитѣ, государственныхъ имуществахъ и т. п. имѣютъ столько-же финансовое значеніе, сколько и полицейское (благочинственное). Наука финансового права, изслѣдуя податную систему, государственный кредитъ, монетное дѣло, таможенный тарифъ и т. п., даетъ наукѣ административнаго права руководящія начала для изслѣдованія нѣкоторыхъ изъ условій народнаго благосостоянія, пользуясь, въ свою очередь, положеніями науки административнаго права при изслѣдованіи условій финансового управленія, какъ части внутренняго управленія вообще²⁾.

§ 11. На связь науки финансового права съ гражданскими правомъ и процессомъ обратилъ вниманіе еще Юсти, посвятивъ анализу ея особое вниманіе. Связь эта обнаруживается въ особенности тамъ, гдѣ государство рассматривается какъ субъектъ имущественныхъ правъ или гдѣ оно входитъ въ соприкосновеніе съ частноправовыми имущественными отношеніями. Такъ, напр., вопросъ о правѣ экспропріаціи, имѣющей весьма важное значеніе въ сферѣ государственнаго хозяйства, рассматривается въ наукѣ гражданского права; въ гражданскій процессъ входитъ разсмотрѣніе вопроса о судопроизводствѣ по дѣламъ сопряженнымъ съ казеннымъ интересомъ, и т. п. Отчасти въ такомъ-же соотношеніи находится наука финансового права съ науками уголовного права и процесса. Въ финансовомъ законодательствѣ есть цѣлый рядъ постановленій, за нарушеніе которыхъ угрожается уголовной карой; въ уголовномъ правѣ рассматриваются преступления противъ казны; въ уголовномъ процессѣ говорится, между прочимъ, объ особомъ судопроизводствѣ по преступле-

ніямъ противъ казны. Въ торговомъ правѣ, въ свою очередь, изслѣдуются многіе предметы, имѣющіе прямое отношеніе къ наукѣ финансоваго права, какъ, напр., вопросъ о патентахъ на право торговли, о вексельныхъ сборахъ и пр.

§ 12. Связь науки финансоваго права съ Политической Экономіей до того близкая, что она подала поводъ нѣкоторымъ изслѣдователямъ отрицать самостоятельное значеніе науки о финансахъ, считая ее за прикладную часть Политической Экономіи въ сферѣ государственнаго хозяйства³⁾, или даже за составную часть Политической Экономіи. Для характеристики этой связи достаточно указать хотя-бы на то огромное вліяніе, которое оказали на развитіе финансовыхъ ученій господствовавшія экономическія ученія (меркантилисты, фізіократы и др.). Статистика даетъ финансовой наукѣ цѣнный цифровой матерьялъ и указываетъ ей на особыя формы изслѣдованія, называемыя статистическими. Съ исторіей наука финансоваго права идетъ рука объ руку; изъ исторіи она черпаетъ богатый матерьялъ и необходимыя аналогіи; въ исторіи осмысливается то или другое направленіе въ развитіи этой науки⁴⁾.

§ 13. Многія науки техническія, какъ, напр., лѣсоводство, сельское хозяйство, горнопромышленность и т. п., находятся въ близкой связи съ наукой финансоваго права, не только потому, что государство является хозяиномъ многихъ изъ этихъ промысловъ, но и потому, что государство извлекаетъ доходъ изъ этихъ промысловъ посредствомъ обложенія ихъ налогами. Въ числѣ этихъ наукъ немаловажное значеніе для ученія о финансахъ имѣетъ также и счетоводство, такъ какъ правильное государственное хозяйство, конечно, немыслимо безъ примѣненія къ нему раціональныхъ началъ государственнаго счетоводства.

1) Тѣсная связь науки финансоваго права съ политикой подала поводъ Цахарію замѣтить, что всѣ государственныя науки

мертвая буква безъ науки о финансахъ. Л. Штейнъ, въ свою очередь, замѣчаетъ, что прошло уже то время, когда отдѣльныя отрасли государствовѣдѣнія и обществовѣдѣнія были рѣзко разграничены такъ, что юристу не было дѣла до экономическихъ отношеній, а экономистъ не считалъ нужнымъ справляться съ государственнымъ правомъ.

2) Нельзя не замѣтить также связи науки финансоваго права какъ съ церковнымъ правомъ, такъ и военнымъ; напр., вопросы о церковныхъ имуществѣхъ, церковной десятинѣ, военномъ хозяйствѣ, воинской повинности и т. п. имѣютъ несомнѣнно значеніе и для науки о государственномъ хозяйствѣ.

3) Соденъ употребляетъ терминъ *Staatsvolkswirtschaft* въ смыслѣ прикладной части Политической Экономіи, но въ отношеніи къ народному хозяйству, а не государственному.

4) По мнѣнію А. Вагнера исторія не имѣетъ и не будетъ имѣть большаго значенія для финансовой науки, ибо для задачъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо теперь, нѣтъ достаточныхъ аналогій въ далекомъ прошломъ; относительную важность имѣетъ лишь новая финансовая исторія передовыхъ культурныхъ странъ Англіи и Франціи. Но самъ-же А. Вагнеръ придаетъ огромное значеніе великому народно-хозяйственному принципу развитія, заключающемуся въ постоянномъ расширеніи государственной дѣятельности, а гдѣ-же можно прослѣдить развитіе этого принципа, если не въ исторіи. Между тѣмъ связь развитія государственной дѣятельности съ развитіемъ государственнаго хозяйства, конечно, не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Глава IV-я.

Связь финансоваго управленія съ другими государственными учрежденіями.

§ 14. Связь финансоваго управленія съ правительствомъ и законодательствомъ.

§ 15. Съ юстиціей. § 16. Съ полиціей, администраціей и дипломатіей.

§ 14. Понимая подъ правительствомъ высшую государственную власть, которая связуетъ всѣ силы и отправленія государства и сообщаетъ имъ единство и движеніе, финансовое управленіе, какъ отрасль администраціи, является въ отношеніи къ правительству исполнителемъ его предначертаній въ сферѣ государственнаго хозяйства. Правительство служитъ

выразителемъ внутренней политики; ему принадлежать инициатива, высшее руководство и направление, финансовая-же администрація служитъ непосредственно интересамъ государственнаго хозяйства по предначертаніямъ правительства. Законодательная власть издаетъ законы, касающіеся финансовъ, финансовая-же администрація примѣняетъ, исполняетъ ихъ, пользуясь въ этой сферѣ дѣятельности той долей самостоятельности, которая опредѣляется для нея закономъ-же.

§ 15. Уже Юсти замѣтилъ связь финансоваго управленія съ судебною дѣятельностію государства, указавъ на степень вліянія болѣе или менѣе удовлетворительнаго отправленія правосудія на народное благосостояніе, въ прямой зависимости отъ котораго находятся финансы. До какой степени финансы, въ свою очередь, вліяютъ на отправленіе правосудія, объ этомъ можно судить, ознакомившись, наприм., съ вопросами о судебныхъ пошлинахъ, о содержаніи личнаго состава судебного вѣдомства и т. п.

§ 16. Въ наиболѣе тѣсной связи находится финансовое управленіе съ полиціей и администраціей. Еще Вобанъ сказалъ: „бѣденъ народъ, — бѣдно государство; бѣдно государство, — бѣденъ король“, ясно указавъ этимъ на значеніе народно-хозяйственной политики, какъ отрасли полиціи или администраціи, для государственнаго хозяйства. Еще яснѣе опредѣлилъ эту связь Юсти, сказавъ, что полиція сѣетъ, а финансы жнутъ. Кроме того, полиція, въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учрежденіе, весьма часто дѣйствуетъ какъ исполнительный органъ финансоваго управленія¹⁾. Распиреніе административной дѣятельности усложняетъ финансовое управленіе, а неудовлетворительное финансовое управленіе тормозитъ дѣятельность администраціи, обезсиливаетъ ее²⁾. Связь финансоваго управленія съ дипломатіей также не подлежитъ сомнѣнію. Объявленіе войны и заключеніе мира чаще диктуются министрами финансовъ, чѣмъ полководцами и дипломатами.

Заключеніе международныхъ торговыхъ трактатовъ, почтовыхъ и телеграфныхъ конвенцій и т. п., являясь дѣломъ дипломатіи, имѣетъ большое значеніе для финансоваго управленія.

1) Рядомъ съ администраціей, только за полиціей въ тѣсномъ смыслѣ можетъ быть признано значеніе учрежденія или вѣдомства, между тѣмъ какъ полиція въ обширномъ смыслѣ имѣетъ въ такомъ случаѣ значеніе лишь одной изъ задачъ государства, выражаемыхъ понятіями о безопасности и благосостояніи или о благоустройствѣ вообще.

2) Связь финансоваго управленія со всею администраціей распространяется, конечно, и на отрасли послѣдней. Такъ, напр., военное хозяйство въ мирное и военное время, отбываніе воинской повинности и т. п. указываютъ на связь финансоваго управленія съ военнымъ. Неудовлетворительное состояніе финансоваго управленія не можетъ не оказывать вреднаго вліянія на управленіе военное.—Содержаніе духовенства, церквей и монастырей и вообще церковное хозяйство указываютъ на связь финансоваго управленія съ церковнымъ. Достаточно вспомнить о вліяніи, оказанномъ секуляризацией церковныхъ имуществъ на доходы и расходы государства, чтобы понять значеніе этой связи.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Методъ изслѣдованія и система науки финансоваго права.

Глава V-я.

Методъ и порядокъ изслѣдованія.

§ 17. Методъ изслѣдованія. § 18. Порядокъ изслѣдованія.

§ 17. Вслѣдствіе чрезвычайной сложности явленій, подлежащихъ анализу науки административнаго права, совмѣстное примѣненіе къ этой наукѣ методовъ наведенія и вывода оказывается наиболѣе плодотворнымъ.

§ 18. Въ порядкѣ изслѣдованія, главнѣйшимъ образомъ,

выражаются тѣ приемы наблюденія, какъ основы всякаго изслѣдованія, которые были примѣнены въ каждомъ данномъ случаѣ. Наболѣе совершеннымъ порядкомъ изслѣдованія нельзя не признать порядокъ генетическій или прогрессивный¹⁾, дающій возможность изслѣдовать и излагать всѣ предметы или всю науку въ ея прогрессивномъ развитіи такъ, что виденъ ростъ cadaго предмета отъ зародыша къ болѣе совершенной формѣ, независимо отъ хронологіи и періодовъ реакціи и регресса, представляемыхъ исторіей. Но этотъ порядокъ можетъ быть примѣняемъ вполнѣ только къ тѣмъ наукамъ, въ которыхъ относительно и цѣлаго и составныхъ частей достаточно выяснились уже ступени генетическаго развитія или начала прогресса. Къ наукѣ финансоваго права этотъ порядокъ можетъ быть примѣненъ лишь отчасти, совместно съ порядкомъ историческимъ²⁾.

1) Порядокъ изслѣдованія вообще можетъ быть механическимъ и систематическимъ (органический, синтетическій, историческій и генетическій). Механический порядокъ подраздѣляется на чисто-механический (напр., толковые словари) и скрыто-механический (напр., эклектический). Какъ на образецъ примѣненія эклектическаго порядка къ наукамъ народнаго хозяйства и финансоваго права можно указать на соч. Florez-Estrada—Cours éclectique d'économie politique, пер. Gilbert, Paris, 1833, и Schmalz—Staatswirthschaftslehre in Briefen an einen teutschen Erbprinzen, Berlin, 1816.

2) Методы наведенія и вывода, въ связи съ историко-генетическимъ порядкомъ изслѣдованія, въ примѣненіи къ наукѣ финансоваго права, даютъ возможность опредѣлять въ области этой науки не только то, какое окажетъ дѣйствіе данная причина въ извѣстномъ состояніи государственнаго хозяйства, но и то, какія причины порождаютъ и какія явленія характеризуютъ это состояніе государственнаго хозяйства.

Глава VI-я.

Система.

§ 19. Система науки финансового права. § 20. Схематическое изображение системы.

§ 19. Въ системѣ науки финансового права¹⁾, какъ и въ другихъ наукахъ, основные предметы предшествуютъ общимъ, а общіе — особеннымъ. Согласно съ этимъ, наука финансового права дѣлится на три части: введеніе, общую часть и особенную часть. Введеніе содержитъ въ себѣ слѣдующіе 4 отдѣла: I) предметы науки финансового права и опредѣленіе ея; II) отношеніе науки финансового права къ остальнымъ однороднымъ и сопредѣленнымъ наукамъ, и связь финансового управленія съ другими государственными учрежденіями; III) методъ и система и IV) исторія финансовыхъ учений и учрежденій²⁾, при дѣленіи исторіи на періоды 1) натурального, 2) денежного и 3) кредитного хозяйства, съ соответствующими подраздѣленіями. Въ общей части разсматриваются вопросы: I) объ организаціи финансового управленія; II) о власти органовъ финансового управленія; III) о мѣрахъ обезпечивающихъ порядокъ, правильность и законность въ сферѣ финансового управленія. Въ первый отдѣлъ этой части входитъ разсмотрѣніе 1) границы финансового управленія и 2) органовъ этого управленія, различая между ними органы а) законодательные, контрольные и судебные, б) орг. правительства, в) самоуправленія и г) соединства³⁾, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на корпораціи, общества и товарищества. Въ второмъ отдѣлѣ разсматриваются законодательная и исполнительная власти въ сферѣ финансового управленія, т. е. здѣсь изслѣдуются 1) финансовые законы и 2) исполненіе ихъ. Анализъ финансовыхъ законовъ приводитъ къ разсмотрѣнію вопросовъ: а) объ установленіи налоговъ, б) объ опре-

дѣленіи расходовъ и в) о составленіи и утвержденіи бюджета. Анализъ исполнительной власти приводитъ къ разсмотрѣнію слѣдующихъ предметовъ: а) финансовыя распоряженія, б) раскладка налоговъ, в) обезпеченіе уплаты, г) взиманіе налоговъ, д) взиманіе недоплатъ и е) расходование. Въ третьемъ отдѣлѣ разсматриваются: 1) кассоводство, 2) счетоводство и отчетность, 3) учрежденіе контроля и ревизіи и 4) ответственность. Особенная часть заключаетъ въ себѣ три обширныхъ отдѣла, согласно съ тремя основными формами государственнаго хозяйства, соотвѣствующими историческому и генетическому развитію этого хозяйства. Отдѣлы эти слѣдующіе: I) натуральное хозяйство, II) денежное хозяйство и III) кредитное хозяйство⁴). Въ первомъ отдѣлѣ изслѣдуются тѣ государственные доходы, которыми характеризуется натуральное государственное хозяйство и, согласно съ этимъ, здѣсь изслѣдуются вопросы: 1) о доменахъ, съ подраздѣленіемъ ихъ на а) земельные, б) лѣсные, в) промысловые и г) финансовые; 2) о натуральныхъ повинностяхъ а) личныхъ, б) предметныхъ и в) личнопредметныхъ; 3) о монополіяхъ, 4) регаліяхъ и 5) пошлинахъ, различая между ними а) пошлины регальнаго характера б) собственно пошлины и в) пошлины податнаго характера, при чемъ пошлина съ наслѣдствъ можетъ быть разсматриваема какъ переходная форма отъ пошлинъ къ податямъ (поимущественная подать), пошлины-же вообще — какъ источникъ государственнаго дохода развившійся на рубежѣ натурального и денежнаго хозяйства. Во-второмъ отдѣлѣ изслѣдуются подати, преобладаніемъ которыхъ надъ остальными источниками гос. доходовъ характеризуется денежное государственное хозяйство. Подати бываютъ 1) прямыя и 2) косвенныя. Прямыя подати дѣлятся по объекту, на который они подаются, на а) личные, съ подраздѣленіемъ ихъ на α) подушныя, β) поголовныя и γ) классныя, причемъ послѣднія имѣютъ значеніе переходной формы къ подоходной по-

дати; б) подоходныя, съ подраздѣленіемъ ихъ на а) общеподоходныя, б) земельныя, γ) домовыя, δ) процентныя и ε) промысловыя, признавая за послѣдними значеніе переходной формы къ поимущественнымъ податямъ, такъ какъ окладъ этой подати ставится обыкновенно въ зависимость отъ размѣровъ постоянного и оборотнаго капиталовъ даннаго промысла; и в) поимущественныя подати, которыя подраздѣляются на а) поимущественно-подоходныя, б) собственно-поимущественныя γ) земельныя, δ) домовыя и ε) капитальныя. Косвенныя налоги дѣлятся на а) подати съ потребленія (въ числѣ ихъ квартирный налогъ включаетъ въ себѣ и некоторые элементы подоходной подати, а потому можетъ быть рассматриваемъ какъ переходная форма отъ прямыхъ податей къ косвеннымъ), б) акцизы и в) таможенныя пошлины. Третій отдѣлъ распадается на вопросы о 1) финансовомъ кредитѣ, 2) государственныхъ займахъ и 3) бумажныхъ деньгахъ, съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на а) размѣнныя и б) неразмѣнныя бумажныя деньги.

§ 20. Схематически система эта можетъ быть изображена въ слѣдующей схемѣ:

Наука финансового права.

Введение.

Общая часть.		Особенная часть.	
Опре- дле- ния.	Связь Ме- ст дру- гидь и систе- ма. наука- ми.	Организация финансового управления. I Границы фи- нансового уп- равления. II Органы фи- нансового уп- равления. III Органы клас- сических го- сударствъ. IV Периодъ денежного хо- зяйства. V Эпоха фео- долизма. VI Эпоха аб- солютизма. VII Периодъ кредитного хозяйства.	Законодательная и испол- нительная власть. Исполнение финансовых законовъ. I Установле- ние налоговъ и повинно- стей. II Определе- ние расходовъ 1) содержание 2) содержание 3) содержание 4) содержание 5) содержание 6) содержание 7) содержание 8) содержание 9) содержание 10) содержание 11) содержание 12) содержание 13) содержание 14) содержание 15) содержание 16) содержание 17) содержание 18) содержание 19) содержание 20) содержание 21) содержание 22) содержание 23) содержание 24) содержание 25) содержание 26) содержание 27) содержание 28) содержание 29) содержание 30) содержание 31) содержание 32) содержание 33) содержание 34) содержание 35) содержание 36) содержание 37) содержание 38) содержание 39) содержание 40) содержание 41) содержание 42) содержание 43) содержание 44) содержание 45) содержание 46) содержание 47) содержание 48) содержание 49) содержание 50) содержание 51) содержание 52) содержание 53) содержание 54) содержание 55) содержание 56) содержание 57) содержание 58) содержание 59) содержание 60) содержание 61) содержание 62) содержание 63) содержание 64) содержание 65) содержание 66) содержание 67) содержание 68) содержание 69) содержание 70) содержание 71) содержание 72) содержание 73) содержание 74) содержание 75) содержание 76) содержание 77) содержание 78) содержание 79) содержание 80) содержание 81) содержание 82) содержание 83) содержание 84) содержание 85) содержание 86) содержание 87) содержание 88) содержание 89) содержание 90) содержание 91) содержание 92) содержание 93) содержание 94) содержание 95) содержание 96) содержание 97) содержание 98) содержание 99) содержание 100) содержание

1) Систематизація предшествуєть правильная классификація, заключающаяся въ томъ, что вся совокупность пріобрѣтенныхъ знаній по данному предмету приводится въ порядокъ, распредѣляется, для сопоставленія, по рядамъ, группамъ и т. п. Вообще-же значеніе и соотношеніе методовъ, порядка изслѣдованія, классификаціи и системы можно выяснитъ на слѣдующемъ примѣрѣ: для постройки дома приготовленъ матеріалъ,—это тѣ научныя данныя, которыя добыты посредствомъ примѣненія того или другаго метода; матеріалъ этотъ раскладывается по свойствамъ и значенію его, т. е. кирпичъ къ кирпичамъ, дерево къ дереву, камни къ камнямъ и т. д.,—это классификація; изъ этого матеріала строится домъ по опредѣленному плану,—это система; самая постройка производится въ опредѣленномъ порядкѣ, опредѣленнымъ способомъ,—это порядокъ или способы изложенія.

2) Дополненіемъ къ исторіи финансовыхъ ученій и учрежденій служитъ очеркъ литературы и преподаванія науки финансового права.

3) Соединство (союзъ, органический союзъ, личный союзъ) соотвѣтствуетъ немецкому термину *Verein* (*Vereinigung*—соединеніе).

4) Различіе между натуральнымъ, денежнымъ и кредитнымъ государственнымъ хозяйствомъ основывается на послѣдовательности тѣхъ историческихъ періодовъ въ развитіи этого хозяйства, которыми опредѣляются и ступени генетическаго развитія финансовъ, отъ зародыша до современнаго ихъ состоянія. Первоначально государства удовлетворяли всѣ свои потребности на счетъ собственныхъ своихъ *имуществъ* и *промысловъ*, пользуясь содѣйствіемъ гражданъ только въ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ въ формѣ *натуральныхъ повинностей*. Затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи, государство, не будучи въ состояніи удовлетвориться только собственными своими средствами и не имѣя возможности довольствоваться содѣйствіемъ гражданъ въ формѣ однихъ лишь натуральныхъ повинностей, начинаетъ требовать денежной платы, въ формѣ *пошлинъ*, за оказываемыя имъ услуги, и обращаться къ народу съ просьбами о временныхъ денежныхъ пособіяхъ, въ формѣ *податей* прямыхъ и косвенныхъ, которыя превращаются потомъ въ постоянные сборы и дѣлаются главнѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ. Наконецъ, все болѣе и болѣе возростающія потребности вынудили государства прибѣгнуть къ помощи *кредита*, сначала—какъ къ источнику чрезвычайному, въ настоящее-же время мы видимъ, что кредитъ занялъ въ сферѣ государственнаго хозяйства такое положеніе, которое придаетъ ему значеніе одного изъ постоянныхъ и нормальныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ. Слѣдовательно, какъ мы видимъ, въ указанныя три историческія категоріи удобно укладываются всѣ государственные доходы, удовлетворительная классификація кото-

рыхъ на какомъ-либо иномъ основаніи представляетъ непреодолимыя трудности. При такомъ дѣленіи на періоды, исторія, раскрывая разумъ прогресса въ развитіи финансовъ, опредѣляетъ въ то-же время и относительное значеніе отдѣльныхъ видовъ государственныхъ доходовъ, вслѣдствіе чего отсюда-же можно почерпнуть и правильное основаніе для классификаціи этихъ доходовъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Исторія финансовыхъ ученій и учрежденій. Литература и источники.

Глава VII-я.

Предварительныя понятія.

§ 21. Основаніе для дѣленія на періоды исторіи финансовыхъ ученій и учреждений.

Въ основаніи дѣленія финансовыхъ ученій и учреждений на періоды должно быть взято одно общее и опредѣленное начало, чтобы, съ одной стороны, можно было разсматривать каждый отдѣльный періодъ какъ одно цѣлое съ присущими ему характеристическими чертами, съ другой — въ послѣдовательномъ рядѣ этихъ періодовъ выяснить разумъ прогресса въ историческомъ развитіи государственнаго хозяйства. Согласно съ этимъ, имѣя въ виду послѣдовательную смѣну формъ государственнаго хозяйства, исторія финансовыхъ ученій и учреждений дѣлится на слѣдующіе 3 періода: I натуральное хозяйство, II денежное хозяйство и III кредитное хозяйство¹⁾. Но въ государственномъ хозяйствѣ экономическій элементъ сочетается съ юридическимъ и политическимъ, и если, согласно съ этимъ, прослѣдить въ названныхъ періодахъ, характеризующихся формами государственнаго

хозяйства, соотношеніе личнаго, общественнаго и государственнаго началъ въ сферѣ этого хозяйства, тогда обнаружится, что характеристическія черты перваго періода проявляются болѣе или менѣе различно въ государствахъ восточныхъ и классическихъ, характеристическія черты втораго періода, въ свою очередь, различны въ эпохи феодализма и абсолютизма, наконецъ, характеристическія черты третьяго періода начали обнаруживаться болѣе или менѣе отчетливо лишь въ новѣйшее время, въ эпоху т. н. конституціонализма²⁾).

§ 22. Характеристика эпохъ.

Восточныя государства. Классическій міръ. Феодализмъ. Абсолютизмъ. Конституціонализмъ. Характеристическія черты государственнаго хозяйства въ новѣйшее время.

На Востокѣ единичныя лица, какъ носители или представители божественной власти на землѣ, владычествовали въ своихъ монархіяхъ, почитая всю живую и мертвую природу и все окружающее сферой исключительнаго господства ихъ неограниченной, божественной власти. Согласно съ этимъ, все государственное хозяйство имѣло значеніе хозяйства одного лица, какъ бесспорнаго хозяина всей территоріи и всего народа. Разнообразныя повинности, отбываемыя населеніемъ, были, по существу и по цѣли, только формами извлеченія дохода господиномъ изъ своего имущества, при чемъ существомъ и размѣромъ потребностей предопредѣлялись формы и размѣръ повинностей. Хорошій хозяинъ берегъ и щадилъ это имущество, плохой — не стѣснялся обременять населеніе чрезмерными повинностями.

Въ классическомъ мірѣ личное владычество замѣняется владычествомъ государства, поглащающимъ собою все. Со-

отвѣтствующій этому характеръ имѣла и вся античная податная система. Непосредственные и безвозмездныя услуги и поставки гражданами войска, служащихъ, припасовъ и вообще всего, что необходимо было для поддержанія государства, — все это служило основаніемъ античной податной системы. Доходъ съ доменъ и таможенныя пошлины были сначала единственными добавочными источниками государственныхъ доходовъ, но позднѣе вводится еще и прямое податное обложеніе, и, такъ какъ античное имущество и доходы съ него не развѣтвлялись на различные роды и виды, то первоначально подать могла быть только единственною, т. е. такою, которая падала на все имущество, по суммѣ его или по доходу съ него, но никакъ не въ отдѣльности поземельною или капитальною или промысловою или личною падатями. Естественно, что такая податная система могла быть только натурально-хозяйственною до такой степени, что даже и денежные подати были только мѣрой для натуральныхъ повинностей. Юридически-же античное государство могло брать, что хотѣло, гдѣ хотѣло и сколько хотѣло, а гдѣ фактически оно держалось мѣры, это происходило единственно ради цѣлесообразности, или потому, что потерпѣли бы сами налагающіе подати.

Въ новыхъ европейскихъ государствахъ, въ эпоху феодализма, надъ государственно-хозяйственною сферой преобладало мѣстное, автономное хозяйство, при господствѣ сначала все еще хозяйства натурального, вслѣдствіе чего всѣ повинности были преимущественно натуральными; государства, въ точномъ смыслѣ этого слова, первоначально еще не было, такъ какъ не было еще вполне образовавшейся государственной власти: множество общественныхъ единицъ, проникнутыхъ центробѣжными элементами, препятствовали этому образованію. Короли, ища опоры для борьбы въ накопленіи возможно бѣльшаго количества богатствъ, являются хозяевами

обширныхъ и разнообразныхъ доменъ, которыми владѣютъ какъ частныя лица. Король и дружина собираютъ дань съ покоренныхъ ими и подчиненныхъ народовъ. Церковь собираетъ въ свою пользу десятину и, возбуждая благочестіе мирянъ, поощряетъ ихъ къ обильнымъ приношеніямъ. Податными объектами являются трудъ, земля и капиталъ въ пользу военной и духовной властей, т. е. въ пользу дружины съ военными королемъ или княземъ во главѣ и въ пользу церкви. Казны государственной, въ точномъ смыслѣ этого слова, еще не было, но у каждаго князя, свѣтскаго или духовнаго, была своя казна, въ которой онъ копилъ свои богатства и которою онъ распоряжался какъ своею собственностію.

Цѣнтробѣжные элементы, которыми характеризуется эпоха феодализма, заглохли подъ давленіемъ объединяющихъ началъ и съ этого времени начинается новая историческая эпоха въ жизни европейскихъ государствъ, — эпоха абсолютизма. Эпоха эта ознаменовывается первоначально развитіемъ ученія о королевскомъ абсолютизмѣ въ сферѣ политической и ученія меркантилистовъ — въ сферѣ хозяйственной. Публицисты и философы, развивая теорію абсолютизма, касались, конечно, и вопросовъ о матерьяльномъ основаніи его, о правѣ абсолютнаго монарха облагать подданныхъ налогами, о необходимости богатой казны, вызвавшихъ, между прочимъ, появленіе цѣлаго ряда спеціальныхъ трактатовъ о фискѣ, эраріи и т. п. Меркантилисты, въ свою очередь, радѣя объ интересахъ народнаго хозяйства, касались также и вопросовъ о средствахъ обогащенія государства, о податяхъ, о наилучшемъ управленіи государственной казною, принадлежащимъ государству имуществомъ, при чемъ разрѣшеніемъ этихъ послѣднихъ вопросовъ спеціально занялись позднѣе т. н. *камеральныя науки*, т. е. науки объ управленіи камерными (казенными) имуществами и промыслами, или вообще казною. Со временемъ, главнѣйшимъ образомъ подъ вліяніемъ школы естествен-

наго права, представленіе объ абсолютизмѣ измѣняется въ томъ смыслѣ, что абсолютная власть разсматривается въ связи съ лежащими на ней обязанностями, съ цѣлью государства. Задачи государства быстро расширяются; къ исключительной заботѣ о внутренней и внѣшней безопасности присоединяются еще цѣли и благоустройственныя. Публицисты приходятъ постепенно къ заключенію о правѣ и обязанности государственной власти, въ формѣ т. н. *просвѣщеннаго абсолютизма*, проникать во всѣ сферы дѣятельности гражданъ, всемъ управлять, все регламентировать. Нарождается, такъ называемое, полицейское государство (*Polzeistaat*); возникаетъ *наука о полиціи*. Но одновременно съ этимъ обнаруживается реакція противъ такой крайней регламентаціи, въ особенности относительно хозяйственной сферы, и реакція эта выразилась въ ученіи фیزیократовъ, которые, касаясь народно-хозяйственной сферы, настаивали на необходимости устранить полицейское вмѣшательство въ нее въ той мѣрѣ, въ какой вмѣшательство это препятствуетъ естественному развитію народнаго хозяйства, господству естественнаго порядка въ немъ; касаясь-же государственно-хозяйственной сферы, они возставали противъ множества разнаго рода налоговъ, пошлинъ и повинностей, стѣсняющихъ промышленность, торговлю, разоряющихъ земледѣльца, и требовали установленія единственнаго налога (*dime royale*), падающаго на чистый доходъ (*produit net*). Дальнѣйшій шагъ долженъ былъ заключаться и онъ дѣйствительно заключался въ сліяніи камеральныхъ наукъ съ полиціей, т. е. въ установленіи органической связи между цѣлями государства и матерьяльными средствами для достиженія ихъ. То-же должно было произойти и съ финансами, на связь которыхъ съ полиціей указалъ въ прошломъ столѣтіи германскій публицистъ и экономистъ Юсти. Съ развитіемъ понятія о финансахъ, они выдѣлены были изъ полиціи, и съ этого времени начинается разработка *науки о*

финансахъ, какъ самостоятельной отрасли знанія, какъ предмета въ послѣдствіи развившейся науки *финансоваго права*. Ученія эти и историческія условія, при которыхъ они пустили глубокіе корни въ почву практики, оказали свое вліяніе на государственно-хозяйственную сферу, — на финансы. Абсолютный монархъ налагаетъ по своему усмотрѣнію податныя тяжести въ формѣ постоянныхъ сборовъ, окладныхъ и неокладныхъ, взимаемыхъ для удовлетворенія текущихъ нуждъ государства, въ числѣ которыхъ содержаніе двора и постоянного войска занимаетъ первенствующее мѣсто. Податныя тяжести падаютъ на народъ и на промышленность, т. е. на трудъ и на капиталъ, на работника и промышленника, почти не касаясь землевладѣльцевъ, земельной аристократіи, которая, группируясь около трона абсолютнаго монарха, представляла собой привилегированный классъ. Если землевладѣльцы платили что-либо въ казну, то лишь въ качествѣ какъ-бы посредниковъ между фискомъ и народомъ: платимую сумму они взимали съ людей своихъ, налагая на нихъ разнаго рода тягла, барщины, оброки и т. п. Это было время преобладанія промысловыхъ сборовъ, регалій, монополій, личныхъ податей и многочисленныхъ вотчинныхъ повинностей, — время, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока новая форма абсолютизма, — абсолютизма просвѣщеннаго, въ свою очередь, оказала вліяніе на податную систему и вообще на государственное хозяйство. Расширеніе задачъ государства требовало и умноженія средствъ для достиженія этихъ задачъ, вслѣдствіе чего податныя тяжести значительно возросли; но въ то-же время въ нихъ внесено было больше порядка и уравнительности, одновременно съ отмѣной вотчинныхъ повинностей и организаціей мѣстнаго хозяйства на началахъ самоуправленія.

Новая эпоха, — эпоха конституціонализма, ознаменовывается, между прочимъ, господствомъ ученій о раздѣленіи

властей и объ общественномъ договорѣ и теоріи конституціонализма — въ сферѣ политической, теоріи правового государства — въ области юридической, и ученія Ад. Смита и его школы — въ области хозяйственной. Вліяніе этихъ ученій на государственно-хозяйственную сферу выразилось, главнѣйшимъ образомъ, во-первыхъ, въ примѣненіи начала податнаго самообложенія, во-вторыхъ — въ привилегированномъ положеніи капиталистовъ въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей и, въ третьихъ, въ развитіи кредитнаго хозяйства. Главными податными объектами сдѣлались рента и заработокъ. Промышленники-капиталисты, какъ податные плательщики, стали въ положеніе какъ бы посредниковъ между казною и народомъ, слагая всю платимую ими сумму въ формѣ акцизовъ и косвенныхъ налоговъ на народъ. Множество потребностей даннаго времени начинаютъ удовлетворяться посредствомъ займовъ, т. е. на счетъ будущихъ доходовъ. Что касается ученія о правовомъ государствѣ, наиболѣе видными представителями котораго были Робертъ Моль и Рудольфъ Гнейстъ, то этому ученію, главнѣйшимъ образомъ, обязана наука или теорія финансовъ, что возвысилась до значенія самостоятельной науки *финансового права*, изслѣдующей, между прочимъ, юридическій порядокъ соотношенія между государствомъ, съ одной стороны, и гражданами — съ другой, въ сферѣ государственнаго хозяйства.

Въ настоящее время въ область государственнаго хозяйства начинаютъ уже проникать предвозвѣстники новаго хозяйственнаго и политическаго строя, какъ, напр., прогрессивный подоходный налогъ, налогъ на наслѣдства, теорія *minimum'a* освобождаемаго отъ податнаго обложенія, измѣненіе значенія и характера государственныхъ доменъ, регалій и монополій, развитіе мѣстнаго автономнаго хозяйства, какъ результатъ сосредоточенія бѣльшаго вниманія на вопросахъ внутренняго государственнаго управленія, а не одного толь-

ко государственнаго устройства. Въ новомъ строѣ трудъ стремится занять привилегированное положеніе, подобно тому, какъ въ предъидущія двѣ эпохи такое положеніе занимали сначала рента, а затѣмъ — капиталъ.

1) Держась предлагаемаго дѣленія на періоды, необходимо замѣтить, что дѣленіе это не допускаетъ рѣзкихъ и точно опредѣленныхъ границъ. Нельзя указать, гдѣ начинается одинъ и гдѣ оканчивается другой періодъ, а потому вопросъ о распредѣленіи указанныхъ періодовъ во времени заключается не столько въ опредѣленіи крайнихъ точекъ, сколько въ указаніи на промежутки времени, когда совокупность признаковъ каждаго даннаго періода представляется наиболѣе полною. Промежутки эти не для всѣхъ государствъ одинаковы, равно какъ и продолжительность періодовъ вообще различна.

2) Имѣя въ виду, относительно новыхъ государствъ Европы, исторію финансовъ во Франціи, Англіи, Германіи и Пруссіи, слѣдуетъ замѣтить, что въ каждомъ изъ этихъ государствъ какая-нибудь изъ эпохъ представляется въ наиболѣе рельефныхъ и рѣзкихъ чертахъ; такъ, напр., эпоха феодализма выступаетъ наиболѣе отчетливо въ исторіи финансовъ Германіи, эпоха абсолютизма — во Франціи, эпоха просвѣщеннаго абсолютизма — въ Пруссіи, эпоха конституціонализма — въ Англіи. Согласно съ этимъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи каждая изъ этихъ эпохъ охарактеризована въ историческихъ очеркахъ финансовъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ соотвѣтствующія эпохи могутъ быть изучены наиболѣе полно и отчетливо.

Г л а в а VIII-я.

Періодъ натурального государственнаго хозяйства.

§ 23. Восточныя государства.

Характеристическія черты государственнаго хозяйства древняго Египта. Характеръ сборовъ съ народа по Библии.

Въ Египтѣ, подобно другимъ восточнымъ государствамъ, какъ теократіямъ, фараонъ былъ полнымъ хозяиномъ всей

территоріи, доходъ съ которой шелъ въ пользу его, жрецовъ и воиновъ, и неограниченнымъ владыкой населенія, которымъ онъ правилъ чрезъ посредство цѣлой іерархіи должностныхъ лицъ, стоявшихъ въ отношеніи къ нему въ положеніи покорной челяди. Сборомъ налоговъ завѣдывали вооруженные сборщики, пользовавшіеся обширною принудительною властью. Государственные доходы, т. е. доходы фараона, состояли изъ добычи и даней съ побѣжденныхъ, оброка за землю и разнообразныхъ повинностей предметныхъ и личныхъ, о нерѣдко чудовищномъ бремени которыхъ можно судить по такимъ, напр., сооруженіямъ какъ пирамиды, лабиринтъ и т. п. Какихъ-нибудь правовыхъ границъ, опредѣляющихъ предѣлы обложенія на основаніи податной способности плательщиковъ, не было, и только здоровое сознаніе фараонами собственного интереса и нѣкоторыя религіозныя предписанія¹⁾ могли остановить ихъ отъ крайняго хищничества въ извлеченіи дохода съ земли и народа. О какихъ-либо податяхъ въ современномъ значеніи этого слова не могло быть и рѣчи: получаемый доходъ былъ не податью, а результатомъ эксплоатаціи своей полной и неотъемлемой собственности и добычей побѣдителя. Всѣ доходы расходовались по усмотрѣнію фараона, считаясь личною его собственностью, а не достояніемъ государства, такъ что финансовъ, въ точномъ значеніи этого слова, не было и не могло быть.

Наиболѣе рельефно аналогичныя черты хозяйства восточныхъ государствъ проявились въ Іудеѣ, причемъ Библія открываетъ возможность составить себѣ вполне отчетливое представленіе о тѣхъ приношеніяхъ, которыя сыны Израиля обязаны были дѣлать Іеговѣ, какъ царю своему, и священникамъ и левитамъ, какъ служителямъ Его. Въ книгахъ Левитъ, Числъ и Второзаконія подробно опредѣляются всѣ многочисленные жертвы всесоженія, повинности, благодаренія, мирныя жертвы, по обѣту, отъ усердія, жертвы посвященія,

за грѣхи и т. п., независимо отъ различнаго рода также обязательныхъ приношеній ревнованія, воспомнанія, освященія, по усердію и пр., независимо также отъ всяческаго поощренія дѣлать посвященія и приносить дары; при чемъ въ книгѣ Левитъ выражено то начало, что землю не должно продавать навсегда, „ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня“, а во Второзаконіи сказано: „пользуйся добычею враговъ твоихъ, которыхъ предалъ тебѣ Господь, Богъ твой“. Относительно левитовъ опредѣлено было, что „сынамъ Левіи, вотъ, Я далъ въ удѣлъ десятину изъ всего, что у Израиля, за службу ихъ“, при чемъ изъ этой десятины десятую часть они должны были возносить Господу; левитамъ же должны были быть даны города съ прилегавшими къ нимъ полями; а сами левиты взяты были Господомъ „вмѣсто всѣхъ первенцевъ изъ сыновъ Израилевыхъ“, и народъ долженъ былъ серебромъ платить выкупъ „за излишнихъ противъ числа замѣненныхъ Левитовъ“. „Всякая десятина на землѣ изъ сѣмянъ земли и изъ плодовъ дерева принадлежитъ Господу“, если-же „кто захочетъ выкупить десятину свою, то пусть приложить къ цѣнѣ ея пятую долю“; такимъ-же образомъ „всякую десятину изъ крупнаго и мелкаго скота, изъ всего, что проходитъ подъ жезломъ, десятое должно посвящать Господу“, равно какъ „все первородное мужескаго пола, что родится отъ крупнаго скота твоего и отъ мелкаго скота твоего, посвяти Господу Богу твоему“. Во Второзаконіи говорится объ обязанности всѣхъ лицъ мужескаго пола являться 3 раза въ годъ предъ лице Господа, на мѣсто, которое онъ изберетъ, причемъ „никто не долженъ являться предъ лице Господа съ пустыми руками, но каждый—съ даромъ въ своей рукѣ, смотря по благословенію Господа, Бога твоего, какое Онъ далъ тѣбѣ“. Въ книгѣ Левитъ предписывается, что четвертый годъ всѣ плоды съ посаженныхъ плодовыхъ деревьевъ должны быть посвящаемы для празднествъ Господнихъ; „никакого

новаго хлѣба, ни сушеныхъ зеренъ, ни зеренъ сырыхъ не ѣшьте до того дня, въ который принесете приношеніе Богу вашему“. Библія, опредѣляя размѣръ жертвъ и приношеній, подробно опредѣляетъ также и качество ихъ, неоднократно повторяя, что для этого годится только все наилучшее, безъ пороковъ и недостатковъ, мужескаго пола, первородное; равно какъ опредѣляются также и предметы, изъ которыхъ они должны состоять, а именно: изъ агнцевъ, тельцовъ, овновъ, козловъ, зерна, муки, хлѣба, плодовъ, елея, вина, серебра и золота. При перечисленіи всѣхъ жертвъ, приношеній, посвященій и даровъ, вездѣ подробно опредѣляется, какая часть и что именно идетъ на жертвоприношеніе, или-же поступаетъ въ пользованіе священникамъ, ради священства, какъ „доля изъ жертвъ Моихъ“⁽²⁾).

§ 24. Классическій міръ.

Характеристическія черты государственнаго хозяйства въ государствахъ классическаго міра въ связи съ господствовавшими политическими, экономическими и правовыми понятіями. Отличіе античнаго хозяйства отъ современнаго. Экономическое основаніе античной податной системы. Правосознаніе лежавшее въ основаніи античной податной системы. Характеръ государственныхъ расходовъ.

Переходъ отъ античнаго государственнаго хозяйства къ современному.

Знакомство съ политическими воззрѣніями мыслителей классическаго міра и изученіе строя и жизни классическихъ государствъ приводятъ къ безспорному заключенію, что въ этихъ государствахъ, въ отличіе отъ восточныхъ теократій, отвлеченное понятіе о государствѣ, какъ говоритъ Бёккъ, не только теоретически, по ученію тѣхъ или другихъ мыслителей, но и по природѣ народа, по общему убѣжденію, обнимало собою всѣ человѣческія отношенія и господствовало надъ всѣми человѣческими отношеніями. Это воззрѣніе, ясно очерченное въ политическихъ ученіяхъ Ксенофонта, Сократа,

Платона, Аристотеля, Цицерона и др., запечатлѣлось всецѣло на ихъ-же воззрѣніяхъ относительно государственнаго хозяйства. Государство было omnipotentнымъ и, въ отношеніи къ его волѣ, частная собственность, хотя-бы даже и гражданъ, имѣло ничтожное самостоятельное значеніе. Обязанность приносить въ жертву государству жизнь и имущество была въ дѣйствительности основнымъ правовымъ положеніемъ³⁾. Затѣмъ, по понятіямъ того времени, унаслѣдованнымъ отъ Востока, побѣдитель могъ отнять у побѣжденнаго не только его собственность, но даже и его личную свободу; слѣдовательно, тѣмъ болѣе побѣдитель могъ ставить побѣжденнаго въ любое хозяйственное и правовое положеніе, съ цѣлью эксплоатировать его со всемъ его достояніемъ въ свою пользу. Очевидно, эти правовыя понятія не могли не отразиться на государственномъ хозяйствѣ классическаго міра, подобно тому какъ и народно-хозяйственныя отношенія, въ свою очередь, должны были въ данномъ случаѣ проявить свое вліяніе, которымъ, между прочимъ, и обусловливается столь рѣзкое различіе въ податныхъ системахъ античнаго міра и новыхъ государствъ Европы.

Теперь народное богатство различается не только количественно, т. е. по величинѣ отдѣльныхъ частей, но и качественно, т. е. по роду и свойству этихъ частей. Этому различію соотвѣтствуетъ такое-же различіе въ частяхъ національнаго дохода, чему, въ свою очередь, соотвѣтствуютъ и условія денежнаго хозяйства, въ которомъ, при помощи денегъ, совершается оборотъ цѣнностей и услугъ и деньгами-же вознаграждаются производители этихъ цѣнностей и услугъ. Ничего подобнаго не было въ античномъ мірѣ, гдѣ въ лицѣ господъ ойкосовъ⁴⁾ и патерфамиліасовъ соединялись въ однихъ рукахъ владѣніе трудомъ (рабы), землею и капиталомъ, вслѣдствіе чего въ границахъ одного и того-же хозяйства совмѣщались и сливались всѣ роды производства и всѣ ро-

ды доходовъ. Здѣсь, слѣдовательно, могло быть только количественное, а не качественное различіе имущества, возможенъ былъ одинъ только доходъ, и, согласно съ этимъ, господствовали вполнѣ условія натурального хозяйства, при которыхъ деньги, если и были, имѣли иное значеніе, чѣмъ теперь. Греческо-римская податная система не могла не быть рефлексомъ, отраженіемъ такихъ господствовавшихъ въ античномъ мірѣ народно-хозяйственныхъ отношеній и такихъ господствовавшихъ тогда правовыхъ воззрѣній.

Въ народно-хозяйственномъ отношеніи, какъ указываетъ на это Родбертусъ, въ нашихъ современныхъ податныхъ системахъ довольно ясно отражаются качественное дѣленіе національнаго имущества и національнаго дохода, равно какъ и условія денежнаго хозяйства. Гдѣ не хватаетъ дохода съ земель, пошлинъ и разныхъ косвенныхъ налоговъ, тамъ и подати различаются не только количественно, по величинѣ отдѣльныхъ податей обложенныхъ имуществъ, но и качественно, по роду частей этого имущества и получаемого съ него дохода. Поэтому нигдѣ не существуетъ прямого податнаго обложенія въ формѣ одной только имущественной или подоходной подати, но еще и въ формѣ поземельной подати, промышленной, домовою, классной и др. Только для болѣе полного привлеченія къ податному обложенію дохода, и именно вышнихъ суммъ его, и при томъ въ прогрессивной формѣ и по большей части только субсидіарно, присоединяется къ указаннымъ различнымъ податнымъ развѣтвленіямъ еще и отдѣльная всеобщая имущественная или подоходная подать. Затѣмъ, всѣ эти различныя подати бываютъ всегда денежными; гдѣ-же отъ прежняго времени сохранились еще слѣды натурально-податной системы въ обязанности доставки фуража, въ подвальной повинности и т. п., тамъ стремятся переложить ихъ въ денежную форму. Совсѣмъ иное видимъ мы въ античномъ мірѣ. Благоустроенный оікосъ самъ и непосред-

ственно удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ своихъ господъ⁵⁾ такъ, чтобы они, какъ граждане, могли всецѣло и безкорыстно посвятить себя на служеніе своему государству и удовлетворять потребностямъ послѣдняго, какъ разнаго рода поставкамъ, такъ и всякаго рода службами. Со временемъ, по мѣрѣ возростанія этихъ потребностей, оказывается необходимымъ дальнѣйшее привлеченіе имущества гражданъ къ прямому податному обложенію. Но какъ мало античное національное имущество и національный доходъ развѣтвлялись въ различные роды и виды, столь-же мало способна была къ этому наложенная на нихъ подать, вслѣдствіе чего она была и могла быть только единою податью, — налогомъ на имущество въ его цѣлостности, по суммѣ его дохода или цѣнности, но никогда не поземельною или капитальною или промысловою и т. п. податью. Естественно также, что на такомъ основаніи организованная податная система могла принять только натурально-хозяйственный обликъ со всѣми присущими ему элементами.

Въ правовомъ отношеніи, юридически, въ настоящее время до такой степени признается граница государственной податной власти, что сравнительно еще недавно оспаривалось даже вообще право государства брать съ частнаго имущества, при податномъ обложеніи, болѣе чѣмъ соглашается на то самъ плательщикъ. Кромѣ того, податное обложеніе является всегда только индивидуальнымъ, т. е. требуется податной окладъ только отъ самого обязаннаго и никогда не опредѣляется общая податная сумма для многихъ индивидуумовъ заразъ такъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, можно было принудить одного изъ нихъ заплатить за всѣхъ. Наконецъ, современная податная система никогда не относится къ завоеваннымъ странамъ только какъ къ новымъ источникамъ дохода, при помощи которыхъ можно облегчать или даже совершенно сложить податную тяжесть собственныхъ гражданъ. Совсѣмъ

иначе было все это въ античномъ мірѣ. Античное государство могло брать что хотѣло, гдѣ хотѣло и сколько хотѣло. О возраженіяхъ, исходящихъ изъ понятія о частной собственности, не могло быть и рѣчи, и если Ксенофонтъ, какъ въ „экономикѣ“, такъ и въ сочиненіи „о доходахъ“ жалуется на слишкомъ значительную податную тяжесть, то никакъ не съ точки зрѣнія несправедливости и превышенія права со стороны государства. По той-же причинѣ государству не было надобности строго держаться одного только индивидуальнаго податнаго обложенія; напротивъ, оно могло, главнѣйшимъ образомъ подъ условіемъ круговой поруки обязанныхъ, взимать подати въ общихъ суммахъ, заставляя состоятельныхъ, не только заимообразно, но и совсѣмъ, уплачивать за несостоятельныхъ. Наконецъ, завоеваніе, въ силу права, было изобильнымъ и богатымъ источникомъ дохода для побѣдоноснаго государства. Завоеванныя государства ставились въ отношеніи къ побѣдившему въ то положеніе, которое въ каждомъ данномъ случаѣ представлялось наиболѣе удобнымъ для цѣлей эксплоатаціи, нерѣдко завѣдомо хищнической. Побѣжденные государства не только продолжали нести свои повинности, но платили еще постоянную военную контрибуцію для облегченія государственныхъ повинностей побѣдителя. Такимъ образомъ всякая побѣжденная страна представляла собою прибыльное государственное имущество, доходы съ котораго предназначались для облегченія и пониженія податнаго обложенія господствующей страны, вслѣдствіе чего, напр., Римъ долгое время былъ даже совершенно свободенъ отъ уплаты податей. *Praedia populi Romani*—это названіе завоеванныхъ римскихъ провинцій служитъ полнымъ выраженіемъ указаннаго порядка.

Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что античное государство всегда требовало нравственныхъ и матерьяльныхъ жертвъ непосредственно себѣ, для своихъ нуждъ, а не для

нуждъ народа, которому если и перепала иногда какая-либо часть изъ государственной казны, то не иначе какъ изъ соображеній все того-же государственнаго блага. Словомъ — государство было цѣлью, а не средствомъ, и современное положеніе, что государство само для себя не существуетъ, было для того времени ересью и безсмыслицей, при чемъ о податномъ равенствѣ не только никто не думалъ, но принципиально примѣнялось полное неравенство такъ, чтобы одна часть населенія, — меньшинство, жила на счетъ другой. Римскіе граждане, говоритъ Бланки, хотѣли потреблять безъ производства; они привлекали къ себѣ богатства, чтобы разрушать ихъ, подтачивая этимъ хозяйственную основу своего же собственнаго существованія.

Не взирая на столь рѣзкія характеристическія черты античнаго государственнаго хозяйства, существенно отличающія его отъ современнаго государственнаго хозяйства, тѣмъ не менѣе переходъ отъ античной податной системы къ податнымъ системамъ новыхъ европейскихъ государствъ совершился безъ всякихъ скачковъ, совершенно послѣдовательно и въ неразрывной связи съ происходившими измѣненіями въ условіяхъ хозяйственнаго и юридическаго быта. Новыя европейскія государства съ ихъ податною системою примыкаютъ непосредственно къ античному государству съ его податною системою позднѣйшаго времени, при чемъ постепенный переходъ отъ одного порядка къ другому совершался въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія, приблизительно со времени Августа до саксонскихъ королей.

§ 25. Древняя римская трибутная подать.

Главный источникъ государственнаго дохода въ Римѣ. Гражданскій трибутъ. Провинціальный трибутъ. Реформы со времени Августа. Перепись населенія и описаніе владѣній. Распаденіе античнаго домохозяйства и вызванныя этимъ новые налоги. Уравненіе въ правахъ гражданства. Вызванная этимъ реформа трибутной подати. Денежныя подати. Господство началъ натурального хозяйства въ доходномъ и расходномъ бюджетахъ и во всемъ финансовомъ управленіи. Поставочная система и система обязательныхъ службъ и издѣльныхъ повинностей. Система сборовъ. *Jugatio* и *capitatio*. Заключение.

Въ древнемъ Римѣ, какъ и въ другихъ государствахъ классическаго міра, главнымъ источникомъ государственнаго дохода служили покоренные земли и народы, какъ достояніе государства, какъ его домены. Подать съ гражданъ, въ современномъ значеніи этого слова, имѣла значеніе чрезвычайнаго источника дохода, къ которому прибѣгали тогда и въ той мѣрѣ, когда и на сколько обыкновенныхъ ресурсовъ, т. е. дохода съ *praedia populi Romani*, не хватало. Отсюда, между прочимъ, то рѣзкое различіе, которое замѣчается въ республиканскомъ Римѣ между гражданскимъ и провинціальнымъ трибутами.

Первый платили только граждане съ капитальной стоимости всего оцѣненнаго имущества, въ размѣрѣ непостояннаго оклада съ опредѣленной единицы обложенія. Всѣ составныя части имущества оцѣнивались самими гражданами и съ него взималась подать всякій разъ, когда это вызывалось государственными потребностями, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ это обуславливалось удовлетвореніемъ этихъ потребностей, и въ той формѣ (преимущественно натуральной), которая согласовалась съ характеромъ этихъ потребностей. Дважды онъ взимался безъ всякаго порядка, а именно: по завоеваніи Рима Галлами, когда въ теченіи 15-ти лѣтъ не производилось оцѣнки имущества, и во время второй Пунической войны, когда каждый вносилъ то, чѣмъ владѣлъ. Равно какъ были случаи возврата уплоченнаго уже трибута изъ контрибуціи,

наложенной на побѣжденный народъ, или военной добычи, и полной отмены гражданскаго трибута, вслѣдствіе достаточности дохода съ провинцій. Этотъ трибуть былъ, въ сущности, наиболѣе рѣзкимъ выразителемъ правовой обязанности римскаго гражданина приходить, въ случаѣ нужды, на помощь государству со всемъ своимъ имуществомъ. Отсюда протекалъ и чисто субсидіарный характеръ этого трибута, его измѣнчивыи окладъ и нерѣдко суровая форма его. Поэтому уплата гражданскаго трибута была высшею обязанностью и въ то-же время высшею честью, и такого рода податнымъ обложеніемъ никакое лице, никакая часть его имущества не умалялись въ ихъ достоинствѣ, въ ихъ общественномъ значеніи. Поэтому-же ни земля, составлявшая самую значительную часть имущества обложеннаго трибутомъ, ни личность гражданина уплачивавшаго этотъ трибуть не дѣлались въ слѣдствіе этого сами по себѣ трибутарными или стипендіарными, и въ источникахъ никогда и нигдѣ гражданская земля и самъ гражданинъ не снабжаются такими эпитетами, указывающими, какъ выражается Тертуліанъ, на *nota captivitatis*, вслѣдствіе чего земля дѣлалась *vilior*, а личность *ignobilior*; понятіямъ о трибутарности и стипендіарности противопоставлялись понятія о свободной римской гражданской землѣ и о „*civis romanus sum*“, хотя-бы послѣдній и платилъ трибуть, но во всякомъ случаѣ не иначе какъ трибуть гражданскій. Что-же касается хозяйственной стороны и финансовой этого трибута, то онъ имѣлъ совершенно иное значеніе чѣмъ современная поимущественная подать, не только потому, что онъ падалъ на всѣ различныя составныя части имущества въ его цѣломъ, но и потому, что, въ виду особаго характера римскаго хозяйства, онъ падалъ на всѣ эти составныя части имущества одного и того-же податнообязаннаго лица⁶⁾.

Совершенно иной характеръ имѣлъ провинціальныи три-

буть, бывшій, какъ выразился Цицеронъ, *роена belli* для побѣжденныхъ и *praemium victoriae* для побѣдителей. Провинціальныи трибутъ взимался только съ побѣжденныхъ или инымъ какимъ-либо образомъ присоединенныхъ странъ, независимо отъ другихъ налоговъ или, вѣрнѣе сказать, контрибуцій, которыя отъ времени до времени налагались на эти провинціи или страны въ цѣломъ ихъ составѣ и взиманіе которыхъ предоставлялось имъ самимъ. Трибутъ этотъ, хотя и постоянный, но также не въ постоянномъ окладѣ, взимался съ земли и лицъ римскими сборщиками, или-же откупщиками и, въ видѣ исключенія, уполномоченными отъ самихъ обязанныхъ. Значить этотъ трибутъ былъ поземельнымъ и поголовнымъ, какъ на это указываютъ и самыя названія *tributum soli* и *tributum capitis*. Происхожденіе-же этого трибута таково: часть или всю побѣжденную страну, считавшуюся во всякомъ случаѣ собственностью государства (*ager publicus populi Romani*), римляне обращали въ государственное имущество (домены) и эксплуатировали ее различнымъ образомъ (отдавали въ аренду, заселяли для обработки и т. п.), при чемъ всѣ такимъ образомъ получаемые доходы назывались общимъ именемъ *vectigal*; часть-же, не причисленная фактически къ государственнымъ имуществамъ, т. е. на которой оставлены были прежніе владѣльцы, облагалась трибутомъ, при чемъ трибутъ этотъ былъ поземельнымъ и поголовнымъ⁷⁾. Поземельный трибутъ состоялъ или въ измѣнчивой части дохода или-же въ постоянномъ, независимомъ отъ дохода, налогѣ (*vectigal certum* называемомъ *stipendium*)⁸⁾. Поголовный-же трибутъ падалъ безразлично и одинаково на всѣхъ жителей побѣжденной страны, при чемъ окладъ этого налога для каждой страны былъ не одинаковый⁹⁾. Оба трибута взимались сначала безъ ценза установленнаго для гражданъ и введеннаго въ провинціи лишь Августомъ.

Отсюда видно, что, въ сущности, ни гражданскій три-

быть ни провинціальныи вообще не были еще податями въ современномъ значеніи этого слова, ибо первый изъ нихъ не былъ постояннымъ, а второй, въ одной части своей—*tributum soli*, былъ своего рода постоянной контрибуціей, одной изъ вектигалій, т. е.—по античному воззрѣнію—одной изъ формъ извлеченія дохода съ доменъ въ томъ обширномъ смыслѣ, какой имѣлъ *ager publicus*; въ другой-же части своей, *tributum capitis*, онъ былъ какъ-бы продолженной выкупной платой, падавшей на лице, корпорально, такъ-же, какъ земельный трибутъ падалъ на землю реально.

Со времени Августа начинаются измѣненія въ обоихъ трибутахъ, равно какъ и вообще въ характерѣ государственнаго хозяйства. Содержаніе постоянного войска, пышность двора, частыя войны и пр. вынуждаютъ изыскивать все новые и новые источники доходовъ. Къ таможеннымъ (портовымъ) пошлинамъ (*portoria*), существовавшимъ издавна, и акцизамъ, введеннымъ Цезаремъ, присоединяются въ Италіи при Августѣ почти одновременно три новыхъ налога, доходъ съ которыхъ долженъ былъ поступать въ *aerarium militare*. Это—5-ти процентная (*vicesima*) подать съ наслѣдствъ, *vicesima quinta* или *quingagesima* съ каждаго проданнаго раба и, наконецъ, *centesima* въ качествѣ рыночнаго акциза. Но эти три налога, уплачиваемые лишь гражданами, конечно, большого дохода дать не могли, а потому обращено было вниманіе на усиленіе средствъ казны путемъ продажи части публичныхъ земель (*ager quaestorius*), измѣненіемъ положенія цивитатъ *foederatae liberae* и *liberae et immunes*, обложеніемъ вектигалемъ тѣхъ публичныхъ земель, которыя, перейдя въ частное владѣніе, не были еще обложены, и, наконецъ, уравниеніемъ трибутовъ съ повышеніемъ и оклада ихъ. Кромѣ того, обращено было серьезное вниманіе на введеніе большаго порядка въ финансовое управленіе, въ особенности—въ составленіе росписи доходовъ и расходовъ, при чемъ первое, вслѣд-

ствіе чрезвычайной пестроты провинціальной трибутной системы и вообще весьма различнаго податнаго обложенія провинцій, представляло не мало трудностей. Не оставлено было безъ вниманія также и взиманіе налоговъ, при чемъ откупная система уступила при Цезарѣ свое мѣсто непосредственному взиманію.

Въ видахъ болѣе точнаго опредѣленія дохода съ поголовнаго и поземельнаго провинціальныхъ трибутовъ Августъ ввелъ періодическія переписи населенія, велѣлъ измѣрить и описать все государство и точно размежевать владѣнія, причемъ бѣольшая часть этихъ работъ произведена агримензорами, оставившими и письменные слѣды своей дѣятельности. Общія межевыя работы, начатыя при Цезарѣ, были окончены въ управленіе Агриппы, послѣ чего можно было приступить къ спеціальному описанію чрезвычайно различно обложенныхъ владѣній. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Августъ велѣлъ приступить къ составленію инвентарныхъ списковъ въ провинціяхъ: онъ велѣлъ исчислить провинціальное населеніе, дабы точно опредѣлить сумму поголовнаго трибута, равно какъ размежевать и описать владѣнія, чтобы узнать сумму поземельнаго трибута. Все это, конечно, не могло не повести къ значительному упорядоченію государственнаго хозяйства, которое, кромѣ того, вообще существенно измѣнило свой характеръ со времени превращенія древнихъ родовыхъ трибъ въ мѣстныя, когда пали прежнія ограниченія свободному обороту домохозяйственныхъ владѣній и началъ развиваться индивидуальная свобода личности. Политическая свобода съ этого времени все болѣе и болѣе уступаетъ свое мѣсто свободѣ промышленной и, какъ свидѣтельствуютъ источники, все чаще и чаще начинаетъ обнаруживаться одностороннее стремленіе гражданъ къ созданію богатствъ и къ наслажденію ими¹⁰⁾, при явной склонности всѣми мѣрами поддержать монархическую тенденцію, какъ наиболѣе обезпечивающую порядокъ

и спокойствіе. Рядомъ съ этимъ, развитіе колоната, обусловленное имъ обособленіе промышленно-городской жизни, институтъ вольноотпущенничества и скопленіе громадныхъ богатствъ въ однѣхъ рукахъ¹¹⁾, конечно, въ свою очередь не могли не оказать энергическаго вліянія на податную систему.

Единство въ производствѣ римскаго домохозяйства, подобно греческому ойкосу, стало распадаться и начало прокладывать себѣ дорогу то качественное раздѣленіе національнаго имущества и національнаго дохода, которое составляетъ характеристическую черту современнаго народнаго хозяйства и которое дало совершенно иное основаніе для податной системы и для всей финансовой политики. Уже въ концѣ республиканскаго періода дѣлается замѣтнымъ движеніе въ обществѣ къ устраненію господствовавшаго до тѣхъ поръ единства въ производствѣ. Банкирское дѣло, оптовая торговля и мелочной торгъ стремятся уже въ это время освободиться отъ неразрывной связи ихъ съ такимъ домохозяйствомъ и сдѣлаться самостоятельными промыслами. Въ свою очередь обрабатывающая промышленность или фабричное производство начало мѣстно отдѣляться отъ сырьевого производства, оставаясь однако во владѣніи одного и того-же посессора, который вмѣстѣ съ тѣмъ, при существованіи колоната, велъ свое сельское хозяйство. Государство сначала пыталось вести борьбу противъ этого движенія, но въ послѣдствіи, сознавъ свое безсиліе, оно начало извлекать изъ него выгоду и приноравливать къ нему податную систему, съ цѣлью возможно большаго увеличенія государственнаго дохода. Уже о Калигулѣ говорится въ памятникахъ, что онъ не оставилъ ни одного рода вещей для людей, не обложивъ ихъ какою-либо податью. Обложены были ремесленники и отдаваемые въ наемъ рабы. Всѣ лица мужскаго и женскаго пола, занимающіяся проституціей, какъ промысломъ, обложены были податью. Далѣе слѣдовали по-

денщики, посыльные, носильщики, баньщики, игроки въ кости, учителя гладиаторовъ. Обложены были частный промыселъ содержанія отхожихъ мѣстъ (*vestigal urinae, vestigal съ foriculariis et ansariis promercalibus*), трактирный промыселъ, а также купеческій (*augum negotiatorum*). Всѣ эти и другія подобныя подати, приведенныя послѣ Діоклетіана въ полную систему подѣ общимъ названіемъ *lustralis collatio*, ибо окладъ ихъ опредѣлялся по люстрамъ, казались римлянамъ чѣмъ-то неслыханнымъ; но онѣ находили свое основаніе въ новыхъ условіяхъ жизни: эти подати были принаровлены къ новымъ отраслямъ заработка. И дѣйствительно, государство вынуждено было идти этимъ путемъ въ обложеніи податями, ибо если при прежнемъ античномъ римскомъ домохозяйствѣ, съ характеромъ ойкаса, однимъ гражданскимъ трибутомъ привлекались къ обложенію всѣ составныя части имущества и всѣ отрасли промышленности, то теперь во всякомъ случаѣ это не могло имѣть мѣста въ отношеніи ко всѣмъ тѣмъ отраслямъ промышленности, которыя выдѣлились изъ этого единства. Въ отрасляхъ этихъ не было уже прежней опоры въ землевладѣніи, которая была неизбежна въ прежнемъ домохозяйствѣ, а потому они остались-бы свободными отъ податнаго обложенія при существованіи одной лишь трибутной подати. Очевидно, къ гражданскому трибуту должны были теперь присоединиться новыя подати, — именно такія, которыя падали-бы на отдѣлившіеся промыслы и ремесла, на отдѣлившіеся доходы. Если первыми изъ такихъ податей были налогъ на проституцію и налогъ на торговлю человѣческими экскрементами, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго¹²⁾, и Родбертусъ совершенно правъ, приурочивая такое явленіе къ общему положенію, что въ исторіи послѣдніе всегда дѣлаются первыми: изъ рабства путемъ вольноотпущенничества можно было возвыситься до положенія императора; — налогъ на грязный промыселъ отхожими мѣстами¹³⁾ является первою

податью, падающею прямо на торговый капиталъ; — подати съ проститутокъ, уличныхъ пощенниковъ и т. п. суть первыя въ исторіи изъ тѣхъ, которыя падаютъ на личный заработокъ.

Собственно въ трибутной подати радикальныя измѣненія совершаются въ царствованіе Каракаллы съ распространеніемъ на всѣхъ провинціаловъ правъ римскаго гражданства, поведшимъ за собою уравниеніе въ правахъ провинціаловъ съ римскими гражданами. Произошло полное преобразование доселѣ существовавшей податной системы, ибо съ этого времени не только гражданскій и провинціальный трибуты должны были сравняться во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ, но, кромѣ того, провинціальные новограждане, будучи освобождены отъ поголовнаго трибута, привлечены были къ уплатѣ тѣхъ новыхъ податей, которыя присоединились къ прежнему единому гражданскому трибуту; при чемъ, въ виду уравниенія въ правахъ, прежняя система хищничества побѣдившаго народа въ отношеніи къ побѣжденному должна была принципиально прекратить свое существованіе ¹⁴).

Дигесты въ извѣстномъ титулѣ *de censibus* рисуютъ намъ отчетливо картину новыхъ податныхъ порядковъ. Каждый трибутарно-обязанный долженъ былъ подробнѣйшимъ образомъ указать на всю свою недвижимость съ оцѣнкой ея, на рабовъ и всѣ угодья (рыбныя ловли, соляныя копи и т. п.) ¹⁵), что и служило основаніемъ для обложенія податью, при чемъ поголовной подати (*tributum capitis*), за исключеніемъ уплачиваемой за рабовъ, какъ за имущество, больше уже не существуетъ. Но такъ какъ провинціальная земля все еще рассматривалась какъ государственная собственность, то и послѣ этой реформы трибутная подать въ провинціяхъ, въ той ея части, которая падала на землю, все еще отличалась отъ гражданского трибута, имѣя значеніе подати вполне реальной, т. е. такой, за которую отвѣчаетъ не лице, а само имѣ-

ніе¹⁶). Затѣмъ, уравненіе въ правахъ гражданства хотя и уничтожило поголовную подать съ лицъ новогражданъ, но не съ рабовъ, вслѣдствіе чего провинціальныи новогражданскій трибутъ долженъ былъ сохранить характеръ двойной подати, т. е. поземельной подати (*tributum*) и налога на рабовъ и на скотъ (*stipendium*). Кромѣ того, *tributum* въ провинціи по прежнему взимался въ формѣ доли дохода, тогда какъ въ Италіи онъ взимался въ формѣ опредѣленнаго процента съ извѣстной податной единицы (100 *solidi*). Наконецъ, въ Италіи и цивитатахъ *Italici juris* трибутъ по прежнему взимался не регулярно, а по особому на каждый разъ назначенію, съ опредѣленіемъ и оклада; между тѣмъ какъ въ провинціяхъ онъ взимался регулярно, хотя также не въ постоянномъ окладѣ.

Конечно, послѣ всеобщаго распространенія правъ гражданства дальнѣйшая реформа въ этой области могла заключаться и дѣйствительно заключалась только въ отмѣнѣ и этихъ оставшихся еще различій, что и было завершено Діоклетіаномъ. Рядомъ-же съ этимъ шло и дальнѣйшее развѣтвленіе податей, обусловленное распаденіемъ античнаго домохозяйства, въ связи съ все болѣе и болѣе устанавливавшимся качественнымъ различіемъ имущества и доходовъ, какъ объектов обложенія. Такъ, при Александрѣ Северѣ *artifices*, въ качествѣ ремесленныхъ рабовъ, т. е. какъ-бы живого инвентаря въ области обрабатывающей промышленности, облагались высшимъ окладомъ поголовнаго трибута, сравнительно съ сельскими рабами, ибо при новыхъ условіяхъ домашняго хозяйства первые представляли гораздо большую цѣнность, чѣмъ вторые¹⁷). Кромѣ того, новое государство цезарей, съ его бюрократическимъ строемъ и военной организаціей, нуждалось теперь не только въ большей суммѣ податей, но и въ большей суммѣ именно денежныхъ податей, вслѣдствіе чего и согласно съ измѣнившимися условіями народнаго хозяйства

новыя подати могли взиматься только въ денежной формѣ, съ сохраненіемъ однако прежней натурально-податной системы въ отношеніи къ тому важнѣйшему классу податныхъ плательщиковъ, а именно — поссессоровъ, для которыхъ денежные подати все еще отнюдь не соотвѣтствовали условіямъ ихъ хозяйства и не могли замѣнить собою поставокъ натурой. Но къ натурально-поставочной податной системѣ естественно примыкаетъ еще и служебная система, система обязательныхъ службъ (*munera*), издѣльныхъ повинностей, дабы поставляемые предметы приспособлены были къ полному удовлетворенію государственныхъ потребностей.

Господство такой натурально-поставочной системы можно прослѣдить какъ въ доходномъ бюджетѣ, такъ и въ расходномъ бюджетѣ, равно какъ и въ организаціи всего финансоваго управленія вообще, въ особенности-же той части его, которая соотвѣтствуетъ современному понятію объ организаціи государственнаго кассоводства. Что касается доходнаго бюджета, то обычное дѣленіе доходовъ на обыкновенные (*сanonicae, пндикціи*) и чрезвычайные (*temporariae, супериндикціи*) перекрещивалось въ императорскомъ періодѣ еще и раздѣленіемъ на *functiones annonariae* и *augariae*. До чего еще сильно развита была эта натурально-поставочная система, объ этомъ можно судить, между прочимъ, по чрезвычайному разнообразію поставлявшихся предметовъ (*species*), въ числѣ которыхъ мы встрѣчаемъ хлѣбъ, вино, пшеницу, жито, желѣзо и иные металлы, оружіе, строительный матерьялъ, мясо, обмундировку, фуражъ, масло, жиръ, соль, сало, лошадей, стекло, бумагу, полотно, пажу и, въ числѣ всѣхъ этихъ поставокъ, еще и рекрутъ. Даже и въ денежныхъ податяхъ выражается самымъ рѣзкимъ образомъ господство натурального обложенія, такъ какъ нельзя было замѣнять однихъ денегъ другими, а обязательно было платить золотомъ, серебромъ и мѣдью въ томъ именно количествѣ, которое наз-

началось для каждого рода этих денег¹⁸). Поэтому также и плательщики податей защищались законодательством от того, чтобы, вмѣсто вложенных на них натуральных поставокъ, не взыскивали съ нихъ денегъ, при чемъ каждую провинцію старались облагать тѣми именно поставками, которыя наиболѣе соотвѣтствовали ея производительности¹⁹). Въ расходномъ бюджетѣ сохранились тѣ-же характеристическія черты натурально-хозяйственной системы. Такъ, напр., жалованье должностныхъ лицъ состояло изъ четырехъ частей, — *salarium*, *vestis*, *ministerium* и *argentum*, при чемъ большая часть заключалась въ *salarium*’ѣ, т. е. въ продовольствіи, въ предметахъ потребленія²⁰). Даже и въ денежныхъ государственныхъ расходахъ отражаются опять тѣ-же черты. Подобно тому какъ подати (доходы) взымались въ опредѣленныхъ доляхъ золотомъ, серебромъ и мѣдью и только при послѣднемъ императорѣ дозволено было одинъ родъ металла (денегъ) замѣнять другимъ, такъ и относительно расходовъ было точно опредѣлено, сколько золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ долженъ былъ получать чиновникъ въ счетъ жалованья, денежная часть котораго была вообще пропорціонально очень незначительна. Расходы натурой несомнѣнно преобладали и соотвѣтствующіе чиновники-магазинеры доставляли всѣ *species* тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя пользовались правомъ на полученіе ихъ. Наконецъ, что касается т. н. теперь кассоводства, то и здѣсь бросается въ глаза натурально-хозяйственный характеръ всей системы. Римская *arca* была совсѣмъ не похожа на современныя кассы или казначейства и, согласно съ этимъ, все государственное счетоводство и вся бухгалтерія были совсѣмъ иными, чѣмъ теперь. Государственное кассоводство было по преимуществу магазиноводствомъ. Существовало огромное число разныхъ *horrea et cellae*, которыя были выстроены по всему государству въ каждой *civitas* и во всѣхъ безчисленныхъ военныхъ

поселеніяхъ и этапахъ обширнаго государства. Такъ какъ общественное кассоводство было главнымъ образомъ магазиноводствомъ, то эрарій составляли главнымъ образомъ публичные магазины, требовавшіе весьма сложнаго счетоводства и управленія, чѣмъ, между прочимъ, обуславливалось также и весьма высокое служебное положеніе лицъ завѣдывавшихъ этими магазинами. Praefectus annonae, — въ полномъ смыслѣ первый магазинеръ Рима, считался однимъ изъ высшихъ должностныхъ лицъ. Такое финансовое управленіе, конечно, должно было быть неповоротливымъ, но оно могло однако облегчаться системой переводовъ, осуществлявшейся, между прочимъ, посредствомъ тѣхъ римскихъ коллегій, которыя несли обязанность заботиться объ удовлетвореніи какой-либо изъ отраслей государственныхъ потребностей²¹).

Какъ сказано выше, къ этой поставочной системѣ естественно примыкала система обязательныхъ службъ, издѣльных повинностей. Когда государство взимаетъ всѣ свои подати деньгами, а потому и всѣ свои потребности удовлетворяетъ, въ свою очередь, на счетъ денегъ, тогда и всѣ хозяйственныя заботы, направленные къ доставкѣ въ надлежащія мѣста всѣхъ необходимыхъ предметовъ потребленія, выпадаютъ на долю частной дѣятельности. Напротивъ, при взиманіяхъ натурой, государство само должно заботиться о томъ, чтобы все требуемое находилось тамъ, гдѣ въ немъ ощущается надобность; а такъ какъ, согласно съ античными воззрѣніями, удовлетвореніе государственныхъ потребностей было обязанностью гражданъ, то на нихъ должны были быть возложены, въ качествѣ обязательной службы (munerum), всѣ тѣ работы, съ которыми связано достиженіе вышеуказанной цѣли²²).

Всѣ сборы натурой должны были оцѣниваться на деньги и уплачиваться въ нормированномъ на деньги податномъ окладѣ, ибо этимъ достигалась равномерность податнаго об-

ложенія во всемъ государствѣ и всѣ поставки могли быть приводимы къ одному знаменателю денежной цѣны, при чемъ въ извѣстныхъ случаяхъ допускался также и зачетъ (*augur comparaticium*). Вмѣстѣ съ тѣмъ все еще сохранились непостоянство податныхъ окладовъ, размѣръ которыхъ произвольно понижался и повышался императорамъ, и взиманіе не непосредственно (частями) съ самихъ обязанныхъ, а всею суммой съ извѣстныхъ лицъ, которыя, въ силу этого, пріобрѣтали право взыскать внесенную сумму со своихъ сообязанныхъ.

Ко всѣмъ этимъ несомнѣнно существеннымъ измѣненіямъ присоединилось еще хроническое возростаніе податной тяжести, въ зависимости отъ чрезвычайнаго роста государственныхъ потребностей, при чемъ возростанію этому цезарская omnipotentia²³), конечно, никоимъ образомъ не могла служить препоной, а, наоборотъ, содѣйствовала ему. Служебная система, въ свою очередь, должна была дѣлаться все болѣе и болѣе обременительною, подавая также поводъ чиновникамъ къ вымогательствамъ посредствомъ назначенія поставокъ въ болѣе отдаленные магазины, въ непроѣздныя области и т. п. Но какъ ни тяжелы были сами по себѣ всѣ эти подати и повинности, онѣ должны были сдѣлаться еще болѣе невыносимыми при раскладкѣ ихъ и взиманіи богатѣйшими и знатнѣйшими гражданами, что вело къ чрезвычайнымъ притѣсненіямъ и крайней неуравнительности обложенія. Между тѣмъ при Діоклетіанѣ, послѣ распредѣленія налоговъ по *juga* и *capita*, это зло не только не было устранено, а пустило еще болѣе глубокіе корни²⁴). Заключительнымъ моментомъ во всемъ этомъ ходѣ развитія, приведшемъ къ порядку, который отчетливо, въ законодательной формѣ, выраженъ въ Юстиніановомъ *jus fisci*, было раздѣленіе Діоклетіаномъ единого трибута на югацию и капитацію, при чемъ поставки распредѣлялись главнѣйшимъ образомъ въ югацию, а службы—въ капитацію. *Capita* были таксированными еди-

ницами оцѣнки головъ въ 1000 солидовъ, а *juga* — таксированными единицами оцѣнки земли въ 1000 салпдовъ. Въ отношеніи къ *jugatio* оцѣнивалась и облагалась налогомъ земля, въ отношеніи къ *capitatio* — главные составныя части античнаго капитала, т. е. головы рабовъ (въ томъ числѣ значить и рабы-колоны, адскриптиціи и пиквилины)⁵²⁾ и скоть. Для болѣе удобнаго обложенія, вмѣсто прежней единицы въ 100 солидовъ, исключительно только для гражданъ, повсемѣстно принята за *jugum*, — для поземельной подати, и за *caput*, — для поголовной подати, одна общая единица въ 1000 солидовъ. Соразмѣрно съ этимъ исчислялась податная способность отдѣльных провинцій, земель и владѣній, и раскладывалась вся та податная сумма, которую индигировали императоры въ зависимости отъ потребностей государства. Конечно, такая *capitatio* могла быть съ успѣхомъ прилагается лишь къ прикрѣпленнымъ рабамъ, т. е. къ рабамъ-земледѣльцамъ²⁶⁾, а потому-то со времени Діоклетіана рабы-ремесленники (*artifices*) поголовною податью уже не облагаются, а за нихъ уплачивались различныя подати въ зависимости отъ характера и значенія того или другаго ремесла.

Такимъ образомъ отъ простѣйшей формы единого налога, падавшего на единое, цѣлое, неразрывное имущество или домохозяйство, Римъ перешелъ къ унаслѣдованному отъ него новыми европейскими народами разнообразію и множественности налоговъ, падавшихъ на соотвѣтственно разнообразные имущества, доходы и заработки, при чемъ на смѣну условіямъ натурального государственнаго хозяйства выступаетъ хозяйство денежное, но пока лишь въ зародышной формѣ, однако со всѣми задатками для дальнѣйшаго роста.

1) Какъ на примѣръ такихъ постановленій религіи касательно государственно-хозяйственной сферы, въ одномъ изъ восточныхъ государствъ, можно указать на то мѣсто изъ книги Ману, гдѣ говорится, что при сборѣ царемъ дохода со своего народа слѣду-

еть брать малыми долями, подобно тому, какъ молодой теленокъ и пчела принимаютъ по малу. „Пусть царь не рѣжетъ своего собственнаго корня и корней другихъ излишнею жадностью, ибо, изрѣзывая свой собственный корень, онъ приводитъ себя самого и другихъ къ высшей степени жалкому существованію“.

2) Такъ, напр., относительно жертвы за грѣхи сказано, что она принадлежитъ священнику, который очищаетъ посредствомъ ея; отъ жертвъ всесожженія священнику принадлежитъ кожа; всякое приношеніе хлѣбное, которое печено въ печи, и всякое приготовленное въ горшкѣ или на сковородѣ—принадлежитъ священнику; всякое приношеніе хлѣбное, смѣшанное съ елеемъ и сухое, принадлежитъ всѣмъ сынамъ Аароновымъ. Въ книгѣ Левитъ упоминается о долѣ Моисея отъ овна посвященія и въ той-же книгѣ сказано: „все лучшее изъ елея и все лучшее изъ винограда и хлѣба, начатки ихъ, которые они (т. е. народъ) даютъ Господу, Я отдалъ тебѣ (т. е. Моисею). Всѣ первыя произведенія земли ихъ, которыя они принесутъ Господу, да будутъ твоими. Все закланное въ землѣ Израелевой да будетъ твоимъ. Все разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносятъ Господу, изъ людей и изъ скота, да будетъ твоимъ. Только перенецъ изъ людей долженъ быть выкупленъ и первородное изъ скота нечистаго должно быть выкуплено“, по оцѣнкѣ производимой священниками.

3) Ксенофонтъ, развивая систему доходовъ Аѣинской республики, утверждаетъ, что граждане и государство столь тѣсно связаны между собой, что преуспѣяніе перваго идетъ въ пользу втораго и обратно, вслѣдствіе чего, по его мнѣнію, государство должно помогать гражданамъ, и въ то-же время онъ доказывалъ, что государство, въ случаѣ пужды, можетъ располагать всѣмъ достояніемъ гражданъ какъ своею собственностью. Платонъ въ своемъ идеальномъ государствѣ рекомендуетъ полную отмѣну частной собственности и признаніе одной лишь собственности государственной. По мнѣнію Аристотеля граждане обязаны сами лично и всемъ своимъ имуществомъ служить государству для удовлетворенія его потребностей.

4) Подъ „ойкосомъ“ Аристотель разумѣетъ домохозяйство, какъ основу государства, которая сама уже заключаетъ въ себѣ политическіе элементы такъ, что господинъ такого хозяйства долженъ быть названъ домовладыкой, подобно римскому *pater familias*’у. Въ основу ученія Аристотеля о такомъ домохозяйствѣ входили отношенія между мужемъ и женой, между родителями и дѣтьми, между господами и прислугой, владѣніе и приобрѣтеніе. Въ понятіи объ ойкосѣ, совмѣщались понятія о землевладѣніи, капиталовладѣніи и рабскомъ трудѣ.

5) Плохой хозяинъ тотъ, говоритъ Катонъ, въ хозяйствѣ котораго не производится все то, что ему нужно, которому для удовлетворенія своихъ потребностей приходится покупать что-либо на сторонѣ.

6) Афинская *eisphora* аналогична съ римскимъ гражданскимъ трибутомъ. Подать эта, падавшая на все ойкосное имущество въ его цѣлостности, взымалась съ податнаго капитала, размѣръ котораго, какъ части имущества, былъ различный для разныхъ классовъ (при Навзиникѣ 20%, 16%, 12% и 8%). Величина податнаго оклада устанавливалась въ размѣрѣ опредѣленнаго процента съ податнаго капитала, причемъ процентъ этотъ былъ одинаковый для всѣхъ классовъ (при Навзиникѣ $\frac{1}{20}$ часть или 5%). Оцѣнка производилась на тѣхъ-же основаніяхъ какъ и въ Римѣ, при чемъ въ случаѣ неправильныхъ показаній, практиковался насильственный обмѣнъ имуществъ ошибочно записанныхъ въ несоотвѣтствующій классъ.

7) Родбертусъ изображаетъ въ слѣдующей схемѣ государственно-хозяйственное отношеніе Рима къ провинціальной землѣ:

Agri vectigales

Провинціальная земля обложенная реальнымъ налогомъ.	Отданная въ аренду земля.
---	---------------------------

Ag. tributarius, т. е. земля обложенная реальнымъ налогомъ въ формѣ части съ дохода.

Ag. stipendiarius, т. е. земля обложенная постояннымъ налогомъ, независимо отъ дохода; это — *vectigal certum*.

8) Цицеронъ говоритъ: *vectigal certum quod stipendium dicitur*.

9) Переменная мѣста жительства не избавляла отъ этого налога и не измѣняла оклада. Извѣстенъ разсказъ Светона объ императорѣ Домиціанѣ, велѣвшемъ изслѣдовать одного жителя Рима, дабы удостовѣриться не еврей-ли онъ, а потому не обязанъ-ли уплатить поголовной трибутъ въ окладѣ для евреевъ установленномъ.

10) Нищій Цезарь оставилъ послѣ себя громадное состояніе. Крассъ обогатился на позорной спекуляціи домами. Катонъ старшій торговалъ. Юлій Брутъ былъ ростовщикомъ. До какихъ крайностей доходило стремленіе въ наживѣ, можно судить по тому, что Каллигула превратилъ свой императорскій дворецъ въ непопулярный домъ, въ которомъ онъ принуждалъ женщинъ высшаго круга продавать свою любовь за деньги.

11) *Sex domini semissem Africae possidebant*, говоритъ Плиній.

12) Совершенно то-же было и въ Аѳинахъ, когда начало распадаться единство ойкоса и изъ него стали выдѣляться самостоятельные промыслы, ремесла и заработки, которые государство не преминуло обложить налогами, при чемъ и здѣсь установленъ былъ позорный налогъ, называвшійся *porvichon telos* и подобный тому, который былъ установленъ Каллигулой.

13) Этотъ промыселъ заключался не только (въ содержаніи

публичныхъ отхожихъ мѣсть для непосредственнаго пользованія ими, но и въ торговлѣ экскрементами имѣвшими огромное значеніе, въ виду чрезвычайнаго развитія въ окрестностяхъ Рима огородничества, садоводства и цвѣтоводства.

14) Туберій писав: *bōnī pāstoris est tōdere pecus, non deglubere.* Хорошею пастором єсть стрижити худобу, а не зрубати.

15) Въ самоощѣнку входили указанія на слѣдующіе пункты:

Pater familias.					
Nomen.	Ordo.	Aetas.	Manus.	Natio.	Census.
Summa A					
Summa B					
Caput summæ					

Status.	Nomen.	Ordo.	Aetas.	Natio.	Officio.	Census.
Materfamil.						
Filii famil.						
Filiae famil.						
Servi						
Servae						
Summa A						

Qualitas.	Nomen.	Numerus juvenum etc.	Numerus arborum etc.	Civitas.	Pagus.	Vicini.	Inquilini.	Coloni.	Census.
Argiculti									
Argarvi									
Vineae									
Oliveta									
Prata									
Pascua									
Silvae.									
Lacus									
Portus									
Salinae									
Summa B									

16) Въ дигестахъ мы читаемъ: *in vectigalibus ipsa praedia non personas conveniri, et ideo possessores etiam praeteriti temporis vectigal solvere debent.*

17) Крайнее развитіе роскоши въ домашней обстановкѣ, конечно, должно было значительно поднять цѣну на ихъ временно рабовъ, которые изготовляли предметы роскоши.

18) Золото, серебро и мѣды были въ это время пока еще какъ-бы болѣе сподручнымъ rescus'омъ, а не деньгами (rescupia), въ настоящемъ смыслѣ слова. 11

19) Валеріанъ говорить: nec est nulla ab hac provincia melior, quam ut in locis suis erogentur, quae nascuntur, ne aut vehiculis aut sumtibus rem publicam gravent. *акко иигогов*

20) У Лампрідія находится указаніе, что намѣстники провин-

цій получали по 20 фунт серебра, 10 фіалъ, 2 мула, 2 лошади, 2 пары параднаго платья, 1 слугу, 1 банщика, 100 золотыхъ, 1 повара и, если не было жены, 1 конкубину.

21) Коллегіи облегчали отчасти бремя поставочныхъ службъ, но въ отношеніи ко всему хозяйству огромнаго государства эти коллегіи или корпораціи имѣли значеніе не общаго правила, а исключенія, вслѣдствіе чего въ результатѣ получалось сравнительно ничтожное облегченіе непомерно тяжелаго бремени.

22) При возобновленіи храма Юпитера въ Капитоліи Веспасіанъ самъ, во главѣ знатнѣйшихъ римлянъ, выносилъ мусоръ.

23) Юстиніанъ называлъ себя живымъ закономъ, посланнымъ Богомъ людямъ какъ господниъ законовъ. Мачиха Каракаллы, Юлія, объясняла своему пасынку: *an nescis, te imperatorem esse, et leges dare, non accipere.*

24) См. Сальвиана—*De gubernatione Dei.*

25) Въ это время существовали уже и свободный колонаты. Свободные колонаты также прикрѣплены были къ землѣ, владѣлецъ которой (*dominus terrae*) былъ ихъ патрономъ (*patronus*), тогда какъ колонаты-рабы были *dominus adscripticii*. Первые имѣли собственность, а вторые лишь *peculium*; первые, какъ свободные, поголовной податью не облагались, за вторыхъ-же слѣдовало платить ее. Этотъ классъ свободныхъ колонатовъ созданъ былъ, главнѣйшимъ образомъ, вольноотпущенничествомъ, которымъ однако не порывалась связь съ землей. Но затѣмъ запрещено было такое отпущеніе на волю, ибо оно шло въ ущербъ капитаціи.

26) Въ интересахъ капитаціи, дабы пресѣчь частые побѣги колонатовъ, послѣдніе прикрѣплены были къ провинціямъ (не къ имѣніямъ), дабы не измѣнялось число головъ въ провинціи. Затѣмъ, запрещается разлученіемъ (переводомъ изъ одного мѣста въ другое) порывать связь съ родственниками и свойственниками. Наконецъ—это въ 357 г.—запрещается продажа калонатовъ изъ имѣнья, а, во избѣжаніе обхода этаго закона, позднѣе опредѣлено было, что при участковыхъ продажахъ должно быть продаваемо вмѣстѣ съ участкомъ соотвѣтствующее число колонатовъ и сельскихъ рабовъ.

Г л а в а IX-я.

Періодъ денежнаго государственнаго хозяйства.

§ 26. Феодолизмъ.

Сосуществованіе началъ натурального и денежнаго хозяйствъ въ средніе вѣка. Причины препятствовавшія возникновенію государственно-хозяйственныхъ учений. Капитулярій de villis. Тома Аквинскій. Боденъ. Воззрѣніе на государственное хозяйство въ памятникахъ удѣльно-вѣчеваго періода. Общій характеръ средневѣковаго государственнаго хозяйства.

Въ эпоху феодолизма элементы денежнаго государственнаго хозяйства проявляютъ себя сравнительно еще въ слабой формѣ, сосуществуя съ вымирающими или только имѣющими умереть условіями натурального государственнаго хозяйства. Тѣмъ не менѣе элементы эти оказываются на столько жизненными и прочными, что завоевываютъ себя все бѣдшій и бѣдшій кругъ дѣйствія и проникаютъ все глубже и глубже въ сферы частнаго, общественнаго и государственнаго хозяйствъ, чему, много содѣйствовала, между прочимъ, быстро развивавшаяся внѣшняя торговля, вырабатывавшая свои, отличныя отъ римскаго права и каноническаго, нормы права, которыя соотвѣтствовали условіямъ именно денежнаго, а не натурального хозяйства.

Что касается государственно-и общественнохозяйственныхъ учений, средніе вѣка представляли вообще почву весьма неблагопріятную для ихъ развитія. Постоянныя политическія потрясенія отвлекали умы въ другую сторону; теологи-писатели учили пренебрегать матерьяльными благами ради благъ небесныхъ; трудъ былъ въ подневольномъ положеніи; государственно-хозяйственная сфера мало отличалась отъ частной, благодаря въ значительной степени господству индивидуальных, частныхъ интересовъ надъ политическими. Самое понятіе о государствѣ выводилось изъ понятія о частномъ до-

говорѣ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыми мыслителями, преимущественно теологами, высказываются отдѣльныя хозяйственныя положенія, напр. Томой Аквинскимъ; особенно-же отчетливо и ясно выражаются господствовавшія тогда финансовыя воззрѣнія въ капитуляріи Карла Великаго—*de villis*.

Капитулярій *de villis*, состоящій изъ 70-ти параграфовъ, всецѣло посвященъ финансамъ,—управленію доменами. Въ капитуляріи говорится о разведеніи домашнихъ птицъ, о виноградѣхъ, о заготовленіи припасовъ, о барщинѣ, о приходо-расходныхъ счетахъ и т. п. Обо всемъ этомъ говорится такъ, какъ будто рѣчь идетъ о частномъ имуществѣ, принадлежащемъ частному владѣльцу, а не о доменахъ въ современномъ значеніи этого слова.

По мнѣнію Тома Аквинскаго главнѣйшимъ источникомъ государственныхъ доходовъ должны служить домены, вслѣдствіе чего слѣдуетъ приложить особенное стараніе къ наилучшей организаціи управленія ими. Государство должно содѣйствовать развитію земледѣлія, внутренняго производства и накоплять запасную казну для производства изъ нея расходовъ въ случаяхъ чрезвычайныхъ, не прибѣгая къ займамъ. О податяхъ въ современномъ значеніи этого слова нѣтъ и рѣчи, такъ какъ вообще къ государственно-хозяйственной сферѣ онъ прилагаетъ частнопрововыя воззрѣнія, вслѣдствіе чего государство можетъ только взимать плату за оказываемыя услуги и предоставляемыя права, т. е. устанавливать пошлины, а не налагать на свободное населеніе безъ согласія послѣдняго какое-либо постоянное податное бремя для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Подать по его мнѣнію во всякомъ случаѣ не обыкновенный, а чрезвычайный источникъ гос. дохода. Иное дѣло церковъ, въ пользу которой должна быть установлена десятина.

Какъ-бы на рубежѣ между описываемой эпохой и послѣдующей стоитъ Боденъ съ его государственно-хозяйственными

воззрѣніями, хотя по времени появленія трактатъ Бодена *de re publica* переступаетъ за рубежъ эпохи феодализма. Совѣтуя учредить казну на честныхъ основаніяхъ и порицая бесполезные расходы, Боденъ останавливается въ особенности на управленіи государственнымъ имуществомъ и промыслами и насчитываетъ слѣдующіе 7 источниковъ государственныхъ доходовъ: 1) домены, 2) военную добычу, 3) приношенія друзей (*amicorum largitiones*) 4) взносы союзниковъ (*vestigalia et tributa sociorum*), 5) монополіи, 6) таможенные пошлины и 7) tribute съ подданныхъ; т. е. у Бодена подать, какъ источникъ государственнаго дохода, поставлена на послѣднемъ мѣстѣ, причемъ умноженіе податей онъ считаетъ вообще нежелательнымъ, совѣтуя лучше прибѣгать къ безпроцентнымъ займамъ¹⁾).

Воззрѣнія на государственно-хозяйственную сферу въ отечественныхъ памятникахъ удѣльно-вѣчеваго строя также носятъ на себѣ печать господства частно-правовыхъ отношеній. Такъ, напр., въ завѣщаніи Ярослава территорія русскаго государства дѣлится между сыновьями Великаго Князя какъ-бы частное достояніе его, какъ приобрѣтеніе дѣдовъ и отцевъ. Тѣ же частноправовыя воззрѣнія можно усмотрѣть въ поученіи Мономаха, въ посланіи того-же Князя Олегу Святославичу и др. Но особенно отчетливо выступаютъ отношенія Князя къ государственному хозяйству въ договорныхъ и духовныхъ грамотахъ Князей. Напримѣръ, въ духовной грамотѣ Ивана Калиты Москва отдается сыновьямъ, всѣмъ имъ вмѣстѣ; Княгиня получаетъ осмнечее (видъ таможенной пошлины); тамга (также видъ таможенной пошлины) дѣлится между сыновьями; мыть (то-же) „который въ которомъ уѣздѣ, то тому“.

Главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ въ средневѣковыхъ государствахъ служили несомнѣнно домены, преимущественно лѣсныя и земельныя, которыми короли распоряжались по своему усмотрѣнію, даря, отчуждая, и т. п.

рифъ въ Петровскомъ духѣ, а въ 1762 г. изданъ былъ впервые тарифъ и по Азіатской торговлѣ. Въ сущности, тѣмъ же характеромъ покровительства, но въ меньшей мѣрѣ, запечатлены были и Екатеринскіе тарифы 1766 и 1782 гг., при чемъ съ этого времени на тарифное дѣло начинаютъ вліять и чисто политическія соображенія. Независимо отъ тарифныхъ постановленій такого характера въ концѣ царствованія Екатерины II и во все время царствованія Павла I, по Тильзитскому миру Россія примкнула къ т. н. континентальной системѣ, направленной противъ англійской торговли. Послѣ Вѣнскаго конгресса замѣчается общее стремленіе къ свободѣ торговли (фритредерству): появляются новые тарифы 1816 и 1819 гг., въ которыхъ многіе товары совсѣмъ освобождены были отъ пошлинъ, а для нѣкоторыхъ пошлины значительно понижены. Но тарифы эти оказали вредное вліяніе на внутреннюю промышленность, а потому изданъ былъ новый, чрезвычайно строгій тарифъ 1822 г., просуществовавшій, послѣ общаго пересмотра его въ 1842 г., до 1850 г., когда его смѣнилъ болѣе либеральный тарифъ. Крымская компанія вынудила произвести нѣкоторыя существенныя измѣненія въ этомъ тарифѣ, въ виду блокированія главныхъ торговыхъ портовъ Россіи, а 1857 г. изданъ былъ новый, отчасти либеральный тарифъ, хорошо разработанный съ формальной стороны и просуществовавшій почти безъ измѣненій въ теченіи 11 лѣтъ. Нынѣ дѣйствующій тарифъ можно назвать фискально-полицейскимъ; фискальное значеніе его выражается въ цѣли добывать доходъ для казны, полицейское— въ цѣли содѣйствовать развитію внутренней промышленности. Въ 1877 г. сдѣлано было постановленіе о взиманіи всѣхъ таможенныхъ пошлинъ по расчету на металлическій, а не кредитный рубль, т. е., принимая въ соображеніе цѣну кредитнаго рубля, постановленіе это равносильно было одновременному повышенію всѣхъ таможенныхъ пошлинъ на 40 — 50%.

Займы съ начала описываемаго періода въ теченіи продолжительнаго времени не имѣли еще вполне характера операцій государственнаго кредита. Особенно часто прибѣгало правительство къ займамъ въ смутный періодъ, кредитуясь у частныхъ лицъ, наприм. у Строгоновыхъ, у духовенства и и т. п. Въ XVIII в. входятъ въ употребленіе бумажныя деньги; въ 1769 г. впервые учреждены были 2 ассигнаціонныхъ банка, слившихся потомъ въ одинъ, и эти банки выпускали ассигнаціи, имѣвшія значеніе бумажныхъ денегъ. Не смотря на то, что указомъ 1744 г. обѣщено было не увеличивать суммы ассигнацій свыше 20 милл. руб., однако къ 1786 г. ихъ было уже на 100 мил., а повторенное въ этомъ году торжественное обѣщаніе не воспрепятствовало дальнѣйшимъ выпускамъ, такъ что къ концу царствованія Екатерины II всѣхъ ассигнацій было на сумму 157 мил. и цѣна ихъ упала до 70¹/₂ к. Въ 1810 было уже 577 мил. ассигнацій при курсѣ въ 33¹/₂ к., когда послѣдовало новое обѣщаніе не дѣлать новыхъ выпусковъ; но въ 1817 г. ихъ было 836 мил. при курсѣ въ 24 к. Въ 1839 г., во время министерства графа Канкринъ, произведена была т. н. девальвація ассигнацій, которая опредѣлено было брать на 3 р. 50 к. за 1 рубль серебромъ (4 зол. 21 д.), объявленный неизмѣнною денежной единицей. Въ 1840 г. учреждена была при Коммерческомъ Банкѣ Депозитная касса, которая выпускала депозитные билеты, размѣнивавшіеся *à pari* на звонкую монету. Въ 1843 г., послѣ удачной операціи съ этими депозитными билетами, объявленъ былъ замѣнъ какъ ихъ такъ и оставшихся еще ассигнацій на кредитные билеты, по которымъ обѣщанъ былъ размѣнъ на монету по предъявленіи въ экспедиціи государственныхъ кредитныхъ билетовъ, замѣнившей собою Ассигнаціонный банкъ, и въ казначействахъ. Благодаря всей этой операціи, сильно поколебленная денежная система стала на прочныя основанія. Но въ 1848 г.

сдѣланъ былъ негласный выпускъ кредитныхъ билетовъ на 17 мил., а за нимъ послѣдовали и другіе. Въ 1854 г. приостановленъ былъ обмѣнъ и правительство объявило, что будетъ выпускать кредитные билеты безъ соотвѣтствующаго обезпеченія, съ тѣмъ однако, что, по истеченіи 3-хъ лѣтъ отъ заключенія мира, билеты эти изъяты будутъ изъ обращенія. Но обѣщаніе это не могло быть выполнено, и ко времени учрежденія въ 1860 г. Государственного банка сумма кредитныхъ билетовъ простиралась до 673 мил., а послѣдующими выпусками она увеличена до 1100 мил., при чемъ съ 1881 г. начинается операція уменьшенія этой суммы посредствомъ ежегодныхъ уплатъ Государственного Казначейства Государственному Банку. Кромѣ того, съ нынѣшняго столѣтія начинаютъ заключаться процентные внутренніе и внѣшніе займы, въ число которыхъ вошло въ прошлое царствованіе 2 внутреннихъ займа съ выигрышами. Вся сумма этихъ долговъ превышаетъ 3¹/₂ милліарда рублей, которые представляются бременемъ, наложеннымъ на будущее время; о степени-же возростанія вообще всѣхъ государственныхъ доходовъ въ теченіи описываемаго періода, можно судить по тому, что государственный доходъ увеличился въ теченіи послѣднихъ 200 лѣтъ въ 400 разъ, при чемъ сумма прямыхъ налоговъ, вмѣстѣ съ регаліями и монополіями, до 19-го вѣка все время превосходила сумму налоговъ косвенныхъ, но съ нынѣшняго столѣтія соотношеніе между прямыми и косвенными налогами начинаетъ измѣняться въ пользу вторыхъ, въ настоящее-же время доходъ отъ косвенныхъ налоговъ въ 3 раза превышаетъ доходъ отъ прямыхъ налоговъ. Кромѣ того, къ общей суммѣ собственно государственнаго дохода слѣдуетъ присоединить также и доходы все болѣе и болѣе развивающаго хозяйства органовъ самоуправленія земскихъ, городскихъ и сословныхъ.

Съ начала описываемаго періода расходъ на содержа-

ніе двора и войска поглощаль всѣ доходы. Огромный штатъ придворныхъ питался отъ двора, равно какъ часто угощался и народъ, для котораго устраивались огромные пирѣ; наконецъ, сюда-же слѣдуетъ причислить и значительныя пожалованія, которыя получали приближенные и родственники Царя. Содержаніе войска, поглощавшее уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ $\frac{1}{3}$ доходовъ, начало обходиться еще дороже, такъ что при Петрѣ I уже большая часть доходовъ употреблялась на эту статью расхода. Международныя сношенія не требовали сначала большихъ затратъ, такъ какъ вообще сношенія эти были мало развиты и, кромѣ того, казна была обыкновенно очень скупа въ назначеніи содержанія посланникамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе нерѣдко оказывались въ затруднительномъ положеніи въ чужихъ краяхъ. Но съ 18-го вѣка международныя сношенія быстро развиваются и богатая обстановка посланниковъ требуется для поддержанія достоинства государства; вслѣдствіе чего расходы на этотъ предметъ значительно увеличиваются. Духовенство стоило казнѣ сравнительно мало, такъ какъ ему принадлежали огромныя движимыя и недвижимыя имущества; но съ секуляризациею церковныхъ имуществъ при Екатеринѣ II и этотъ расходъ значительно увеличился. Развившійся штатъ чиновниковъ, вознаграждаемыхъ не кормленіями и помѣстьями, а жалованьемъ, потребовалъ также большую часть государственныхъ доходовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ нарастали все новыя статьи расхода по внутреннему управленію, вынуждавшія устанавливать новыя сборы, спеціально для этого расхода предназначенные; такъ, напр., пищальныя деньги являются съ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, стрѣleckія деньги — съ введеніемъ постоянного войска, ямщичьи деньги — съ введеніемъ почты и т. п. Къ этому слѣдуетъ замѣтить, что государственные расходы начали отнимать все болышую и болышую часть изъ суммы мѣстныхъ сборовъ, такъ какъ значительная часть этихъ сборовъ

поступала непосредственно въ государственную казну, вслѣдствіе чего увеличеніе государственныхъ (центральныхъ) доходовъ происходило въ прямо пропорціональномъ отношеніи къ уменьшенію доходовъ мѣстныхъ, и то-же самое происходило въ соотношеніи между центральными и мѣстными расходами. Губернія жила для государства, какъ-бы не имѣя своихъ внутреннихъ земскихъ потребностей, вслѣдствіе чего и не дѣлалось раздѣленія губернскихъ доходовъ и расходовъ на внутренніе и внѣшніе, а всѣ они считались внѣшними. Внѣшніе-же расходы эти можно раздѣлить на расходы по содержанию высшихъ правительственныхъ мѣстъ и расходы по содержанию областного управленія; первые расходы были общими для всѣхъ областей и губерній и распредѣлялись сначала по Приказамъ, затѣмъ— по Коллегіямъ и, наконецъ, по Министерствамъ; а вторые расходы были частными для каждой области или губерніи и на нихъ шли остатки по удовлетвореніи первыхъ расходовъ. Въ этихъ губернскихъ расходахъ земскія потребности не играли никакой самостоятельной роли; простое перечисленіе статей этихъ расходовъ, дѣлавшееся въ губернскихъ вѣдомостяхъ, указываетъ ясно на то, до какой степени господствовали надо всемъ казенныя потребности; на удовлетвореніе-же общественныхъ потребностей удѣлялось ровно столько, сколько правительство, объявившее себя опекуномъ общества, находило это нужнымъ. Подобно тому, какъ въ 1710 г. сдѣлано было Петромъ I раздѣленіе всѣхъ государственныхъ расходовъ, на основаніи особой таблицы, на табельные и сверхтабельные, при чемъ послѣдніе, по существу или по усмотрѣнію правительства, могли быть окладными или неокладными, такъ въ 1711 г. сдѣлано было раздѣленіе губернскихъ расходовъ на нужные и ненужные, при чемъ послѣдніе, вмѣстѣ съ напрасными, велѣно было отставить, а въ основаніе опредѣленія степени нужности или ненужности взята была единственно только оцѣн-

ка бóльшей или мéньшей степени казеннаго значенія въ каждой статьѣ губернскихъ расходовъ. Такое отношеніе казны къ мѣстнымъ расходамъ и къ общественнымъ потребностямъ существенно измѣняется въ нынѣшнемъ столѣтіи и въ прошлое царствованіе мѣстное земское и городское хозяйства построены были на началахъ самоуправленія, при установленіи дѣленія расходовъ на обязательные и необязательные, не ради ограниченія размѣровъ послѣднихъ, а ради обезпеченія удовлетворенія первыхъ.

1) Кромѣ Бодена, встрѣчаются разсужденія о финансахъ еще и у нѣкоторыхъ другихъ писателей этой эпохи, преимущественно у итальянцевъ, какъ, напр., у Романо, Петрарка, Патричи, Серкамби, Платина, Карафа, Саванарола, Монгано, Маккиавели, Гвичардини, Бинцари, Манчини, Цекки, Ботеро и др. О характерѣ этихъ разсужденій, отмѣченныхъ печатью средневѣковыхъ воззрѣній, можно судить по слѣдующимъ положеніямъ: а) основа финансовъ—домены, б) подати—чрезвычайный источникъ дохода, в) необходимо накапливать запасную казну, г) откупная система сбора самая хозяйственная, д) государственные расходы слагаются изъ содержанія войска, содержанія двора и расходовъ неопредѣленныхъ и чрезвычайныхъ (Карафа), е) услуги и права, даруемыя государствомъ, должны быть оплачиваемы пошлинами, ж) въ основаніи обложенія податями лежитъ договоръ (Палаццо), з) финансы слагаются не изъ однихъ только денегъ, но и изъ (сѣбствъ) припасовъ, скота, всякаго рода вещей, военныхъ снарядовъ и т. п., и) займовъ слѣдуетъ избѣгать и во всякомъ случаѣ они должны быть безпроцентными (Ботеро), і) слѣдуетъ стремиться къ развитію регалій (Ди Лука), и т. п. Однако, рядомъ съ такими воззрѣніями встрѣчаются и иного характера, служащіе какъ-бы предвозвѣстниками послѣдующихъ измѣненій во взглядахъ на финансы и финансовую политику, нашихъ уже себѣ почву въ сферѣ муниципальнаго хозяйства. Такъ, напр., Маккиавели высказывается за кадастровый поимущественный налогъ, который, при равномерномъ распредѣленіи, касается болѣе всего богатѣйшихъ гражданъ, вслѣдствіе чего обуздывается тиранія сильныхъ. Гвичардини, высказавшись сначала за прогрессивное обложеніе (*decima scalata*) изъ соображеній социальныхъ, выступилъ затѣмъ сторонникомъ пропорціональнаго налога. По мнѣнію Ботеро, налоги должны лежать на имуществѣ, а не на лицахъ, при чемъ онъ хвалитъ косвенные налоги. Изъ писателей другихъ національностей финансовымъ вопросамъ посвятили свое вниманіе и

выразили аналогичныя воззрѣнія, между прочимъ, Григорій Тулузскій, Паскъе, Фруманто, Боксгорнъ, Осса, Обрехтъ, Латеръ, Борницъ, Бецольдъ, Контценъ и Клоккъ. Паскъе, подобно английскому писателю Томасу Мѣну, говоритъ главнѣйшимъ образомъ объ отрицательныхъ явленіяхъ современныхъ ему финансовъ (XVI в.), а Фруманто занять практическими совѣтами. Обрехтъ, въ совершенную противоположность Латеру, выступаетъ энергическимъ сторонникомъ регалій. Борницъ относитъ подати къ такому источнику государственнаго дохода, къ которому нужно имѣть прибѣжище лишь въ случаѣ недостаточности другихъ основныхъ источниковъ (доменъ, регалій, монополій), при чемъ въ основаніи обложенія должно быть положено начало „ut pemo plus operis susteneat, quam emolumentum et lucrum ex rebus capiat“ и не слѣдуетъ облагать безъ различія всѣ классы населенія, ибо нѣкоторые изъ нихъ должны быть свободны отъ обложенія (напр. духовенство, дворянство). Одобряя нѣкоторые налоги, какъ, напр., на предметы роскоши, другіе онъ считаетъ завѣдомо вредными или предосудительными, какъ, напр., налоги на съѣстные припасы, на проституцію и т. п. У Бецольда много вниманія посвящено анализу юридическаго элемента въ госуд. хозяйствѣ, равно какъ и управленію финансами. Неодобривъ чрезмѣрнаго развитія регалій, онъ полагаетъ, что въ основаніи обложенія слѣдуетъ держаться такого правила, дабы обложены были не лица, а вещи, при чемъ для установленія налоговъ необходимо согласіе сословныхъ чиновъ, а производство расходовъ должно быть подчинено правильному контролю. Контценъ, подобно Клокку, возстаетъ противъ различія между податными и неподатными классами и считаетъ налоги за временный, чрезвычайный источникъ дохода; лучшею же формою ихъ онъ считаетъ натуральныя повинности личные и предметныя. По мнѣнію Клокка только бѣдность можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для освобожденія отъ податей; налогами должны быть обложены прибыли (*fructus*), доходы и дѣйствія, а не лица; въ налогахъ, установленныхъ безъ согласія сословныхъ чиновъ, слѣдуетъ видѣть актъ тираніи. Во всѣхъ этихъ трактатахъ въ вопросахъ о податномъ обложеніи доходовъ или имущества, на началахъ пропорціональности или прогрессіи, и при анализѣ другихъ формъ налоговъ, равно какъ въ вопросахъ о финансовомъ управленіи обнаруживается въ большей или меньшей мѣрѣ вліяніе оказанное изученіемъ средневѣковаго муниципальнаго хозяйства (см. напр. разсужденія Маккиавели и Гвичардини о прогрессивномъ налогѣ введенномъ въ нѣкоторыхъ городахъ), опередившаго въ своемъ развитіи хозяйство государственное.

2) Способы образованія доменъ были чрезвычайно разнообразны, какъ-то: занятіе и воздѣлываніе свободныхъ земель, покореніе, конфискаціи, секуляризація, покупка, наследованіе и т. п.

Въ зависимости отъ различія въ способахъ образованія доменъ установилось въ Терманіи различіе между т. н. Reichsdomänen и Landesdomänen. Кромѣ того заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что въ историческихъ памятникахъ этого времени постоянно встрѣчается отождествленіе терминовъ *fiscus* и *villa*.

3) Въ составъ этой очень тягостной и съ годами возростающей повинности входили, между прочимъ, *mansio*, *statio*, *occultitas*, *hospitalitas*, *albergium*, *gustum*, *Nacht-Seld*, *Atzung*, *parata*, *conjectus*, *conredium*.

4) Нерѣдко короли, ссылаясь на военныя потребности, отнимали у духовенства земли и сами отдавали ихъ въ аренду, выплачивая собственникамъ лишь незначительную часть арендной платы. Кромѣ того короли практиковали посылку церквамъ и монастырямъ на прокормленіе своихъ слугъ, сдѣлавшихся негодными для службы, и такое право королей называлось *das Recht der ersten Bitte*.

5) Слово *accise* (*accisia*, *assisia*) произошло отъ *ad incisio*, т. е. добавочная плата къ *cise* (отсюда франц. *ciseaux*), а такъ какъ *cise* соответствуютъ *tolta* и *Kerbe*, то *accise*—*malatolta*, *Ueberkerbe*.

6) Прежде чѣмъ *friede* замѣнило собою древнюю *faida* или *foidum* (*Wärgeld*, *Warantie*, *Warantizatio*), обѣ не только существовали рядомъ, но виновному приходилось даже иногда уплачивать одновременно по 3 пени: потерпѣвшему роду, господину и королю; при оскорбленіи, напр., священника въ церкви слѣдовало заплатить потерпѣвшему *Wärgeld*, духовенству—*Friede*, королю—*Bann*.

7) Въ капитуляріяхъ сказано: *census regalis, undecumque legitime exiebat, volumus, ut inde solvatur, sive de propria persona hominis, sive de rebus*.

8) Препжніе даниики Орды превратились въ постоянныхъ данниковъ Московскаго Великаго Князя. Въ лѣтописяхъ есть указаніе (см. напр. договоры Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ) на то, что князья имѣли въ виду сохранить сборъ ордынской дани и послѣ сверженія ига.

9) Это исчисленіе, производившееся приблизительно чрезъ каждыя 15 лѣтъ, глубоко возмущало народъ, какъ нѣчто позорящее.

10) Слова лѣтописи относительно Ольги „и сани ея стоятъ въ Псковѣ и до сего дня“ даютъ основаніе предполагать, что, подобно тому, какъ это практиковалось въ Западной Европѣ, князья проживали съ дворомъ въ своихъ доменахъ, мѣняя свое мѣстопрѣбываніе.

11) Снабженіе подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ или самихъ князей и ихъ дружинниковъ, хотя и составляло общую повинность всего населенія, однако всею своею тяжестью она падала на тѣ пункты населенія, которыя лежали на болѣе проѣз-

жихъ дорогахъ. Эту тяжелую повинность сдѣлали особенно памятною татары, отчего и стапы получили татарское названіе „ямъ“.

12) Объ употребительности термина „десятина“ можно судить, напр., по тому, что преподобный Θεодосій называетъ сорокодневный постъ десятиной Богу съ дней въ году.

13) Урокъ встрѣчается чаще въ смыслѣ опредѣленнаго взноса, или опредѣленной части имущества. Оброкомъ обозначается опредѣленная плата за пользованіе княжескими землями и промыслами, а окупъ употребляется въ значеніи единовременнаго взноса, выкупа, контрибуціи. Продажей называлась конфискація. Проторы и разметы имѣли значеніе повинностей вообще, а наряды—издѣльныхъ повинностей. Дарами назывались обязательныя приношенія, а десятиной—подоходная подать.

14) Между древнерусской сохой, какъ единицей податнаго обложенія, и англійскимъ hide'омъ замѣчается нѣкоторая аналогія, равно какъ между писцовыми книгами и англійской Domboc или Domesday-Boock, явившейся результатомъ переписи произведенной въ 1081—1086 гг. Вильгельмомъ I.

15) Кормъ слагался изъ разнаго рода сборовъ, преимущественно судебныхъ пошлинъ, взимавшихся натурой и деньгами. Алчность кормленщиковъ нерѣдко обращала населеніе въ бѣгство.

16) Относительно податей абсолютисты доказывали безусловное право абсолютныхъ монарховъ устанавливать ихъ по своему усмотрѣнію. Цѣлый рядъ трактатовъ посвящался обоснованію этого положенія. Гоббсъ, напр., также доказывая это право монарха, ставилъ границей ему только неудовольствіе подданныхъ, которые въ тупоуміи своемъ могутъ возстать, приписавъ свою бѣдуюсть обременительности налоговъ, а не своей лѣни и расточительности.

17) Ученіе объ единственномъ подоходномъ налогѣ было, между прочимъ, явнымъ протестомъ противъ рекомендованнаго многими абсолютистами и меркантилистами начала косвеннаго обложенія. Такъ, напр., Гоббсъ, говоря объ обложеніи собственности или промысловъ или предметовъ потребленія склоняется вполне въ пользу послѣдняго, тогда какъ первое считаетъ несправедливымъ и не соответствующимъ мудрой политикѣ. Вильямъ Петти утверждалъ, что въ основаніе обложенія слѣдуетъ брать расходъ, а не доходъ, при чемъ налогъ на съѣстные припасы представляется наиболѣе удобнымъ.

18) Еще раньше Кэнэ, англійскимъ экономистомъ Давенантомъ, заявившимъ себя прежде сторонникомъ косвенныхъ налоговъ, выражено было то начало, что въ конечномъ результатѣ всякій налогъ падаетъ на поземельный доходъ. Совершенно отчетливо высказалъ ту-же мысль и Джонъ Локкъ, вслѣдствіе чего, ратуя за упрощеніе системы налоговъ, онъ рекомендуетъ установленіе единственнаго налога поземельнаго.

19) Сходство Посошкова-финансиста съ французскими экономистами 17-го столѣтія, Вобаномъ и Дюбуагильберомъ, считающимися предшественниками физиократовъ, до того полно, что встрѣчаются цѣлыя страницы почти тождественныя, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что Посошковъ не могъ быть знакомъ съ сочиненіями этихъ экономистовъ.

20) Литература камеральныхъ наукъ весьма богата не столько качественно, сколько количественно, при чемъ ученая дѣятельность нѣкоторыхъ изъ представителей этихъ наукъ проникаетъ и въ нынѣшнее столѣтіе (напр. Baumstark—Cameralistische Encyclopedie, 1835; Rau—Grundriss der Cameralwissenschaft, 1822). Въ огромномъ большинствѣ трудовъ, посвященныхъ этимъ наукамъ, рѣзко отражается преобладающее вліяніе Секкендорфа,—знаменитаго автора *Der Teutsche Fürstenstaat*, 1655. Касательно финансовой сферы Секкендорфъ подробно трактуетъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ и объ управленіи финансами. Между доходами онъ различаетъ доходы частноправоваго характера (напр. домены) и собственно-государственные. Относясь къ доменамъ, согласно съ дѣйствительностью, какъ къ главному источнику госуд. дохода, Секкендорфъ, однако, высказываетъ мысль, что лучше было-бы, если-бы государство могло удовлетворять свои потребности исключительно на счетъ налоговъ, дабы освободиться отъ заботъ чисто хозяйственнаго свойства; тогда государь могъ-бы лучше и спокойно заняться „высокими и храбрыми подвигами“. Считая налоги, согласно съ условіями своего времени, за чрезвычайный источникъ госуд. дохода, Секкендорфъ хлопочетъ о томъ, чтобы они расходовались честно и для благихъ цѣлей, а взиманіе ихъ производилось правильно и справедливо. Право взимать налоги онъ считаетъ регальнымъ правомъ (*Steuerregal*) и при томъ такимъ, которымъ надо пользоваться съ особенною осторожностью. Различая прямые и косвенные налоги, онъ отдаетъ предпочтеніе послѣднимъ, такъ какъ уплата ихъ наименѣе чувствительна плательщику; поголовную-же подать онъ считаетъ завѣдомо несправедливою, такъ какъ при взиманіи ея не обезпечивается плательщику необходимаго содержанія. Относительно гос. расходовъ онъ предлагаетъ слѣдующій перечень главнѣйшихъ изъ нихъ: а) содержаніе двора, б) содержаніе служащихъ, в) расходы на внѣшнее и внутреннее управленіе, г) содержаніе всякаго рода казенныхъ, церковныхъ и иныхъ строеній, д) награды, пожалованія, благотворительность и е) личные расходы государя. Вопросамъ объ управленіи финансами Секкендорфъ посвящаетъ особенное вниманіе и въ этомъ отдѣлѣ выработалъ много совершенно новыхъ для его времени положеній, считающихся еще и до сихъ поръ образцовыми, напр. касательно государственнаго счетоводства. Между камералистами, впервые у Дитмара встрѣчается дѣленіе камеральныхъ наукъ на политическую экономію, науку о

полиції и собственно камеральную науку, при чемъ въ составъ первой входилъ вопросъ объ управленіи налогами, во вторую—управленіе регаліями, въ третью—управленіе доменами.

21) Сочиненіе Юсти озаглавлено Staatswirthschaft (слѣдующее сочиненіе—System des Finanzwesens); впервые-же терминъ „наука о финансахъ“, „Finanzwissenschaft, въ смыслѣ вполне самостоятельной науки о госуд. хозяйствѣ, употребленъ былъ Пфейферомъ въ концѣ прошлаго столѣтія (Grundriss der Finanzwissenschaft, 1781). Независимо отъ вышеупомянутыхъ камералистовъ, не мало содѣйствовавшихъ наукѣ о госуд. хозяйствѣ къ достиженію того роста, котораго она достигла въ трактатѣ Юсти, тому же результату содѣйствовали также и многіе другіе предшественники Юсти, въ числѣ которыхъ наиболѣе выдѣляются Копрингъ, Гёрникъ, Шредеръ, Мелонъ, Дюма, Юмъ. Копрингъ не считаетъ уже домены главнымъ или единственнымъ источникомъ доходовъ государства. Онъ неодобряетъ податныхъ льготъ и порицаетъ поголовный налогъ, а между косвенными налогами считаетъ лучшими тѣ изъ нихъ, которые падаютъ не на предметы первой необходимости. Государственные займы не только не устрашаютъ его, но онъ считаетъ ихъ даже полезными. Во всемъ госуд. хозяйствѣ онъ желаетъ видѣть порядокъ, примѣненіе началъ правильнаго контроля, непрерывную заботу о благосостояніи народномъ, ибо этимъ обеспечивается умноженіе государственныхъ доходовъ, подобно тому какъ сила государства зависитъ отъ возрастанія народонаселенія. Аналогичныя мысли о связи между управленіемъ госуд. хозяйствомъ и заботой о народномъ благосостояніи высказываютъ Гёрникъ и Шредеръ, при чемъ послѣдній особенно нападаетъ на тѣхъ камералистовъ, которые упускаютъ изъ виду эту связь, уподобляясь свиньямъ, которыя подкапываютъ корни плодовыхъ растений. Сходны съ этимъ и воззрѣнія Гассера, указывавшаго, между прочимъ, на неравномѣрное обремененіе налогами поселянъ, сравнительно съ гражданами; кромѣ того, онъ, подобно Фридриху II, рѣшительно высказывается противъ вотиrowанія налоговъ сословными чинами. Мелонъ указалъ на отлчіе госуд. хозяйства отъ частнаго въ томъ отношеніи, что въ первомъ доходы предопредѣляются расходами, т. е. удовлетвореніемъ потребностей государства. Будучи противникомъ податныхъ льготъ, онъ, подобно Юму, рекомендуетъ сообразовать налоги съ потребленіемъ и высказывается противъ поголовной подати. Займы его не устрашаютъ. Дюто, будучи сторонникомъ просвѣщеннаго абсолютизма, указываетъ на вредъ причиняемый народу крайностями меркантильной политики.

22) Лучшіе изъ этихъ трактатовъ принадлежатъ Мирабо, Гарнье, Бандини, Броджіа, Верри, Дженовези, Филанджіери, Бильфельду, Литу, Юнгу и др. Мирабо особенно подробно развивалъ ученіе фізіократовъ объ единомъ поземельномъ налогѣ. Гарнье, выступивъ

сначала сторонникомъ фізіократовъ, впоследствии высказался безусловно противъ единого поземельнаго налога. По мнѣнію Бандина лучшій налогъ тотъ, который пропорціонально падаетъ на чистый поземельный и промысловый доходъ. Броджіа, желая возможно большаго упрощенія податной системы, особенно останавливается на кадастровыхъ налогахъ. Верри разработалъ цѣлую самостоятельную систему налоговъ, основанную на обложеніи поземельнаго дохода и товаровъ при ввозѣ и вывозѣ ихъ. Джеповези не только разработалъ цѣлую систему налоговъ, отчасти сходную съ системой Броджіа, но далъ еще и краткій очеркъ историческаго развитія финансовъ. Филанджіери останавливается въ особенности на значеніи участія мѣстныхъ общественныхъ органовъ въ раскладкѣ и взиманіи налоговъ, при чемъ вообще, согласно съ фізіократами, онъ рекомендуетъ единый поземельный налогъ. Бильфельдъ останавливается на различіи между частнымъ и государ. хозяйствомъ, подвергаетъ критикѣ существующія системы налоговъ, предлагаетъ три принципа налоговъ, сходные съ тѣми, которые позднѣе поставлены были Ад. Смитомъ, классифицируетъ госуд. доходы и указываетъ на основныя начала финансовой политики. Литъ, въ сущности, эклектикъ и особенно тщательно изслѣдованъ у него вопросъ объ акцизахъ и о значеніи ихъ рядомъ съ прямыми налогами. Юнгъ трактуетъ ужъ, подобно Пфейферу, о цѣлой наукѣ о финансахъ (*Lehrbuch der Finanzwissenschaft*, 1789), дѣля ее на двѣ части,—теорію и практику, или систему и исполненіе; въ первой части говорится о госуд. потребностяхъ и объ управленіи финансовыми источниками, а во второй—о способахъ удовлетворенія госуд. потребностей; задачу этой науки онъ полагаетъ въ изысканіи такихъ способовъ добывать средства необходимыя для благосостоянія государства, при помощи которыхъ причиняется наименьшее стѣсненіе частному благосостоянію.

23) Изслѣдованія Шлѣцера, Шторха и Канкринна написаны не на русскомъ языкѣ, но имѣются переводы ихъ (подробныя указанія на иностранную литературу о русскихъ финансахъ см. у В. А. Лебедева, 2-е изд. стр. 205—212). У Шлѣцера (русскій переводъ Смирнова изд. 1806, 1821) касательно русскихъ финансовъ проводится та мысль, что вообще въ финансовыхъ вопросахъ, примѣняясь къ мѣсту и времени, нельзя установить безусловно общихъ основаній, чѣмъ, между прочимъ, объясняются и нѣкоторыя особенности русскихъ финансовъ. Шторхъ ограничивается лишь вопросами о госуд. кредитѣ и о деньгахъ. Канкринъ въ своихъ разсужденіяхъ о финансахъ выступаетъ болѣе въ качествѣ практика-политика, чѣмъ теоретика, и склоняется преимущественно въ сторону меркантилизма. Въ 1880 г. издано было его „Краткое обозрѣніе Россійскихъ финансовъ“. Опытъ теоріи налоговъ Тургенева является первымъ самостоятельнымъ русскимъ изслѣдованіемъ, отличающимся крупными научными достоинствами. В. П. Ве-

образовъ сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на вопросѣ о государственныхъ доходахъ, подвергнувъ ихъ самостоятельному строго-научному анализу и предложивъ свою классификацію ихъ. Попытка къ классификаціи гос. доходовъ Россіи сдѣлана была и Заблоцкимъ-Десятовскимъ. Горловъ далъ уже и цѣлый учебникъ, который по времени своего появленія былъ первой русской учебной книгой по наукѣ о финансахъ. Шилль сдѣлалъ попытку, и при томъ весьма неудачную, разработать современную теорію финансовъ. У Каменскаго, какъ и у Шицова, встрѣчаются краткіе очерки или отдѣльныя практическія указанія касательно нѣкоторыхъ финансовыхъ вопросовъ (о налогахъ, гос. кредитѣ, фин. управленіи). Капустинъ не только не признаетъ самостоятельнаго значенія за наукой о финансахъ, считая ее за отдѣлъ Политической Экономіи, но отвергаетъ даже и терминъ финансовое право, ибо, говоритъ онъ, „называть правомъ ученіе о финансахъ также мало основаній, какъ выдѣлять ученіе о всѣхъ средствахъ для достиженія задачъ государства въ особія юридическія науки“.

24) Счетная Палата (*Cour des comptes*)—учрежденіе вѣдавшее повѣрку государственныхъ доходовъ и расходовъ и все болѣе и болѣе утрачивавшее свое значеніе, пока, наконецъ, оно не было совсѣмъ упразднено—не разъ протестовала противъ *acquits (ordonnances) de comptant*, сравнивая ихъ со Сциллой и Харибдой, въ водоворотѣ которыхъ мгновенно и безслѣдно гибнутъ корабли; но протесты эти, конечно, были безсильны устранить укоренившееся зло.

25) Артуръ Юнгъ, Тэнъ и мн. другіе приписываютъ значительно лучшее матеріальное положеніе *pays d'état*, сравнительно съ *pays d'élection*, ко времени французской революціи, главнѣйшимъ образомъ тому обстоятельству, что, благодаря началу самоуправленія, всѣ налоги были у нихъ уравнительны и падали на имущество, а не на лице.

26) Вся сумма, которая должна была быть доставлена всѣми генералитетами вѣстѣ, опредѣлялась въ Королевскомъ Совѣтѣ въ т. н. *brevets généraux*.

27) До какой степени неудовлетворительное положеніе кассоводства, счетоводства, отчетности и контроля содѣйствовало истощенію казны, можно судить по словамъ Фруманто, который констатируетъ тотъ фактъ, что въ XVI стол. въ теченіи 31 года вся сумма сбора простиралась до 400 мил. экю, расходъ же за это время не превышалъ 260 мил. экю, и тѣмъ не менѣе казна была истощена.

28) До какихъ крайностей доходило правительство въ стремленіи извлекать возможно большій доходъ отъ продажи должностей, можно судить по тому, что на нѣкоторые должности назначались даже по 2 чиновника такъ, что одинъ служилъ въ четные, а дру-

гой въ нечетные дни. Тѣмъ не менѣе всегда находились покупатели, что и подало поводъ къ ироническому замѣчанію, будто-бы какъ только король создаетъ новую должность, такъ Богъ тотчасъ же создаетъ дурака для покупки ея; Монтескье-же утверждалъ, что тщеславіе французовъ истощивше самыхъ богатыхъ рудниковъ. При Сюлли сборъ этого дохода отданъ былъ въ откупъ г. Поле (Paulet), вслѣдствіе чего за срочными взносами покупной суммы установилось названіе полетговъ. Должности были съ жалованіемъ и безъ жалованья, пожизненные, срочныя и наследственные.

29) Для завѣдыванія пособіями (aides) существовало первоначально особое учрежденіе, — Палата Пособій (Cour des aides), имѣвшее значеніе также и высшей судебной инстанціи по финансовымъ дѣламъ, независимо отъ Парламента.

30) Къ числу aides относилось также октруа, какъ пошлина на товаръ ввозимый въ городъ.

31) До какой степени вообще торговля и промышленность были обременены всякаго рода стѣснительными формальностями и тяжкими поборами, можно судить по тому, что Тюрго пришлось отменить до 3200 такихъ разнаго рода стѣсненій и поборовъ.

32) Пожизненные ренты выпущены были впервые Неккеромъ; изобрѣтателемъ-же тонтинъ, совмѣщающихъ въ себѣ элементы ренты и лотторей, былъ итальянецъ Тонти.

33) Кольберъ утверждалъ, что абсолютный монархъ можетъ однимъ только авторитетомъ своей власти, не прибѣгая къ расходамъ, создать наилучшія условія для благосостоянія государства, а потому онъ энергически, хотя и безуспѣшно, стремился постоянно къ сокращенію бюджета и къ уменьшенію податной тяжести. Но короли и ихъ приближенные смотрѣли на расходы вообще иначе, утверждая, что король оказываетъ народу милость, когда онъ дѣлаетъ большіе расходы, такъ какъ бѣдные умерли-бы съ голоду, если-бы богатые были бережливы. Даже въ самихъ податяхъ видѣли благодѣяніе, такъ какъ онѣ приучаютъ народъ къ трудолюбію. Воззрѣніе это находило себѣ поддержку и въ печати того времени. Такъ, напр., Melon (1734) утверждалъ, что деньги, которыя тратитъ правительство, всегда возвращаются и безъ всякаго ущерба къ народу-же.

34) Изъ междоусобной войны Германія вышла истощенною и раззоренною, и только въ городахъ съ ихъ цехами и гильдіями и крѣпкими стѣнами сохранились еще нѣкоторые признаки благосостоянія. Въ этой междоусобицѣ исчезла единая Имперія, уступивъ свое мѣсто множеству мелкихъ государствъ, съ абсолютными монархами во главѣ cadaго изъ нихъ. Земскіе чины или сословія (Landstände) въ этихъ государствахъ утратили свои права; имперская законодательная дѣятельность направлена была съ XVI стол. къ ограниченію свободы и самостоятельности этихъ

чиновъ и сословій въ интересахъ абсолютной власти. Въ такое время и при такихъ условіяхъ организовалось Бранденбургско-Прусское государство при курфюрствѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ, томъ самомъ, который могъ уже послѣ своей коронаціи сказать сословнымъ чинамъ, притязавшимъ на уваженіе къ ихъ будто-бы поправамъ и привилегіямъ, что „dies seien alte und längst vergessene Dinge. Австрія сохранила свое единство и свою организацію, отличную отъ нѣмецкой, остальные-же нѣмецкія государства представляли, какъ въ общей организаціи, такъ и въ финансовомъ управленіи, столько сходства, что знакомство съ однимъ изъ нихъ равносильно знакомству со всѣми ими; а такъ какъ французская монархія служила образцомъ для этихъ государствъ, въ особенности въ отношеніи къ финансамъ, то исторія финансовъ во Франціи въ эпоху абсолютизма знакомитъ съ характеромъ всей финансовой сферы въ Германіи за тотъ-же періодъ времени, между тѣмъ какъ исторія финансовъ Пруссіи за время господства началъ, такъ называемаго, просвѣщеннаго абсолютизма представляетъ много типическихъ чертъ, чрезвычайно поучительныхъ для полной характеристики всей эпохи абсолютизма вообще.

35) Въ 1820 г. впервые предписано было обнародованіе чрезъ каждые три года государственной росписи или бюджета для всеобщаго свѣдѣнія. Предписаніе это исполнено было въ первый разъ въ 1829 г., при чемъ разрѣшено было министру финансовъ печатать и необходимыя объясненія къ бюджету, а съ 1847 г. началось ежегодное печатаніе бюджета и эти новые бюджеты существенно рознились отъ предшествующихъ своею полнотою и бѣльшимъ согласіемъ съ дѣйствительностью.

36) Уже курфюрствъ Фридрихъ Вильгельмъ уничтожилъ различіе между доменами, какъ государственнымъ имуществомъ, и, такъ называемымъ, шкатульнымъ или частнымъ имуществомъ короля, такъ что доходъ и управленіе всѣхъ доменъ, шкатульных имѣній и регалій соединились вмѣстѣ и изъ всего дохода выдѣлялась сумма шкатульная, къ которой, кромѣ того, присоединены были еще нѣкоторые другіе доходы (напр. Holz- u. Waldgefälle).

37) Въ это-же время обращено было серьезное вниманіе на упорядоченіе частнаго лѣсохозяинства, въ интересахъ лѣсоохраненія.

38) До какой степени прежде существовавшія горныя пошлины были многочисленны, можно судить по тому, что оброчною горною податью, установленною въ 1851 г., замѣнено было 24 такихъ пошлинъ.

39) Проведенными Штейномъ законами предоставлялось всѣмъ, безъ различія сословій, право на приобрѣтеніе недвижимой собственности и на занятіе всѣми промыслами; отмѣнялись постановленія о скупѣ и перекупѣ сельскихъ произведеній, привозимыхъ

въ города, и многія стѣспительныя привилегіи государственныя, общественныя и частныя, какъ-то: казенная монополія на заготовленіе и продажу мельничныхъ жернововъ (Mühlsteinregal), исключительныя права нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ по содержанію мельницъ (Mühlzwang), исключительное право нѣкоторыхъ корпорацій и цеховъ заниматься печеніемъ хлѣба, рубою скота и овощною торговлею. Всѣ т. н. Zwangsgerechtigkeiten, изъятія, вотчинныя попечительства и т. п. также должны были быть отмѣнены.

40) Въ примѣненіи обонхъ формъ предоставленъ былъ широкій просторъ правительственнымъ агентамъ и помогавшимъ имъ комиссіямъ изъ мѣстныхъ обывателей, которыя должны были въ этомъ случаѣ сообразоваться съ мѣстными условіями.

41) Въ началѣ 19 стол. въ Пруссіи насчитывалось до 20-ти системъ и до 100 различныхъ названій поземельныхъ податей. Кадастры начаты были въ 1807 г. для Рейнскихъ провинцій и Вестфалии и окончены были въ 1835 г.; въ остальной-же Пруссіи, вслѣдствіе энергическаго отпора со стороны привилегированныхъ классовъ, кадастры могли быть начаты лишь въ 1861 г.

42) Компанія морской торговли, вмѣстѣ съ берлинскими банками, посредничествовала по всѣмъ кредитнымъ сдѣлкамъ, заключаемымъ правительствомъ, а иногда и сама оказывала кредитъ казнѣ, вслѣдствіе чего дѣла ея пошатнулись до такой степени, что въ 1806 г. она прекратила платежи, и облигаціи ея, принимавшіяся прежде по нарицательной цѣнѣ, упали до 25%. Въ 1810 году долги этой компаніи признаны были за государственныя, а такъ какъ въ 1819 г. не оставалось болѣе ни акцій, ни акціонеровъ, то компанія превратилась въ казенное кредитное и торговое учрежденіе, подъ названіемъ генеральной дирекціи общества морской торговли (General-Direction der Seehandlungs-Societät).

43) Весьма поучительно сравнить цифры бюджета за 1806 г., т. е. до реформъ, съ цифрами бюджета 1865 г., когда Пруссія, не вступивъ еще въ фазу объединенія Германіи, окончательно освоилась уже съ конституціоннымъ строемъ, оказавшемъ свое вліяніе, конечно, и на государственно-хозяйственную сферу. По бюджету 1806 г. первенствующее мѣсто принадлежитъ доходу съ регалій, монополій, доменъ и пошлинъ, а въ бюджетѣ 1865 г. первенствующее мѣсто принадлежитъ уже доходу съ косвенныхъ налоговъ, тогда какъ значеніе дохода съ доменъ, регалій и монополій умалывается до крайности, при чемъ вообще вся сумма дохода за это время увеличилась въ 4½ раза. Въ теченіи этого-же промежутка времени госуд. долгъ возросъ съ 48 мил. тал. до 273,862,874 мил. тал.

44) Приказы Довчій и Сокольничій входили въ составъ собственно дворцоваго управленія.

45) На возникновеніи въ теченіи 18 стол. столь недолговѣч-

ныхъ учрежденій какъ Канцелярія Конфискаціи, Коллегія Экономин, Каммеръ Коллегія Лифляндская и т. п. представляется излишнимъ останавливаться.

46) Неоднократно угрожается, что если воевода своимъ нерадѣніемъ и позаровкою сборовъ скорѣе не вышлетъ, то деньги будутъ доправлены на немъ (иногда вдвое), мимо старосты, посадскихъ людей и крестьянъ. Воеводамъ угрожали опалой, пеней, наказаніемъ, посылкой особыхъ сборщиковъ и т. п. Въ наказахъ воеводскихъ предписывалось и о сборѣ Великаго Государя казны радѣніе чинить по сему наказу и смотря по тамошнему дѣлу и по своему разсмотрѣнію, „какъ-бы Великаго Государя казнѣ было прибыльнѣе“. Тѣ-же начала внесены были въ губернаторскіе указы.

47) До 1851 г., когда особымъ уставомъ опредѣлены были новыя правила о земскихъ повинностяхъ, повинности эти управлялись на основаніи разныхъ уставовъ, разновременно изданныхъ и сведенныхъ въ т. I V св. з. въ общее положеніе. По этому положенію, смѣты, раскладки и отчеты хотя и представлялись губернскими властями собраніямъ депутатовъ отъ дворянъ и городовъ, причемъ могли быть обжалованы министру внутреннихъ дѣлъ, но въ дѣйствительности въ этой области царилъ полная неурядица и самовластіе губернаторовъ, при чемъ вся тяжесть земскихъ повинностей лежала на крестьянахъ, при сравнительно ничтожномъ участіи купечества, уплачивавшаго $1/4\%$ съ объявленнаго капитала. Уставъ 1851 г., введшій, между прочимъ, новый поземельный сборъ, при дѣленіи земель на 4 категоріи, пытался ввести нѣкоторый порядокъ и уравнительность въ земскія повинности, однако безуспѣшно, ибо многія постановленія этого устава остались мертвою буквой для практики. Поэтому Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ застало тотъ-же крайній беспорядокъ и ту-же чрезвычайную неуравнительность.

48) Слово „ревизія“ заимствовано было у Швеціи, гдѣ, при отсутствіи общей переписи населенія, производились періодическія повѣрки текущихъ списковъ, называвшіяся ревизіей.

49) Мѣдные деньги, выпущенныя при Алексѣѣ Михайловичѣ, были полтинники, алтынники, грошевики и копейки. При первомъ выпускѣ ихъ повелѣно было собирать ими налоги, пошлины, плату за кабацкое питье и т. д. по той-же цѣнѣ, „почему давали изъ государственной казны“, по съ тѣмъ, чтобы за прошлые годы „государевы долговыя деньги имать въ государеву казну мелкими серебряными деньгами“. О размѣрахъ выгоды, которую правительство желало извлечь изъ мѣдной монеты, можно судить по тому, что, при цѣнѣ мѣди въ 5 рубъ пудъ, изъ одного фунта дѣлалось 838 к., т. е., какъ говоритъ Мейербергъ, Царь могъ купить за 150 к. такое количество мѣди, изъ котораго можно было надѣлать копѣечниковъ на 100 р. Приказывая всѣмъ принимать въ уплату

такую монету, сама казна однако оказывала явное предпочтеніе серебряной монетѣ, которой дѣлалось изъ одного фунта $921\frac{2}{3}$ к. при цѣнѣ пуда въ 300 руб. Сначала, въ теченіи $2\frac{1}{2}$ лѣтъ, не обнаруживалось лажа и мѣдныя деньги принимались наравнѣ съ серебряными, но затѣмъ дѣло дошло до того, что 1 серебряный рубль стоилъ 15 и даже 17 рублей мѣдныхъ. Предметы первой необходимости, какъ свидѣлствуютъ Коллинсъ и Мейербергъ, вздорожали въ 6—14 разъ. Въ то-же время обнаружились во всемъ государствѣ голодъ и моръ.

50) Петрѣ I предполагалъ вступить въ сношенія съ Миссиссипской компаніей въ Парижѣ, находившейся подъ управленіемъ Джона Ло, и заключить съ нею договоръ о разработкѣ рудниковъ въ Сибири; но банкротство компаніи разрушило это предположеніе. См. П. С. З. № 37.

51) Весьма разнообразная повинность „дѣла и издѣлія дѣлать“ раскладывалась, при существованіи посолной системы, по сохамъ. При Петрѣ I найдено было болѣе удобнымъ замѣнить эту повинность работами по найму.

52) Подъ 1545 г., при упоминаніи объ отбываніи воинской повинности по промысловымъ сохамъ, говорится о пороховой повинности, т. е. объ обязанности доставлять по 1 пуду зелья съ каждаго 20 дворовъ.

53) Главная масса войскъ состояла изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, которыхъ верстали въ службу, надѣляя нѣкоторымъ окладомъ и денежнымъ жалованьемъ. За ними слѣдовали стрѣльцы; они были освобождены отъ тягла и могли свободно и безпошлинно заниматься торговлею и промыслами, получали жалованье и хлѣбныя запасы и, кромѣ того, пользовались разными царскими милостями. Казаки составляли конное войско и получали за службу дворовыя мѣста и пахатныя земли, свободныя отъ всякихъ налоговъ. Рейтары и драгуны составляли также конное войско; они получали жалованье и помѣстья. Въ составъ рейтарскихъ, драгунскихъ и солдатскихъ полковъ (учр. 1649 г.) входили и иноземцы, служившіе по найму.

54) Четвертью опредѣлялась мѣра земли въ $\frac{1}{2}$ десятины, такъ какъ на 1 десятину шло 2 четверти посѣва. Отсюда и четвертная пошлина, отмененная въ 1801 г.

55) Введеніе подушной подати встрѣчено было до крайности враждебно, а въ послѣдствіи, при взиманіи накопившихся по этой подати недоимокъ, правительство прибѣгло нерѣдко къ чрезвычайно суровымъ мѣрамъ.

56) Окладъ подушной подати, нѣсколько уменьшенный вскорѣ послѣ введенія этой подати, оставался затѣмъ неизмѣннымъ до 1794 г., когда онъ былъ повышенъ въ однихъ губерніяхъ до 55 к., а въ другихъ—до 1 рубля, на томъ основаніи, что „цѣны предметовъ возвышаются отъ умноженія денежнаго обращенія и кре-

стьянскіе доходы отъ этого приращаются, а издержки государства увеличиваются, вслѣдствіе увеличенія численности арміи, соотвѣтственно „обширности и достоинству Имперіи, для обезпеченія покоя и благоденствія подданныхъ“. Въ 1796 г. окладъ опять возвышенъ „для поправленія растроенныхъ государственныхъ доходовъ“. Въ 1810 г. окладъ возвышенъ до 2 р., причемъ правительство признало настоятельно необходимымъ принять „самыя дѣятельныя мѣры“ для уравниенія подушной подати, а, до принятія этихъ мѣръ, въ 1812 г. сдѣлана была новая „временная надбавка для ускоренія уплаты государственныхъ долговъ“, которая сдѣлалась однако постоянною. Въ 1816 и 1818 гг. установленъ и возвышенъ былъ особый добавочный сборъ (28 к. и 30 к.) на сухопутныя и водяныя сообщенія. Въ 1797 г. Павелъ, находя необходимымъ привлечь дворянство къ несенію податныхъ тяжестей, установилъ, чтобы между дворянами раскладывалась сумма въ 1,640,000 р. „съ собственныхъ ихъ стяжаній“, но при Александрѣ I сумма эта переложена была на крестьянъ. Въ 1839 г. подушный сборъ переведенъ съ разсчета на ассигнаціи на серебро, что составило 95 коп. сер. вмѣсто 3 р. 20 к. асс., до которыхъ возвысился окладъ подушной подати въ 1839 г. Затѣмъ продолжались новыя повышенія окладовъ.

57) Государственные крестьяне опредѣлены были въ законодательствѣ, какъ „сельскіе обыватели, положенные въ перепись и неплатящіе во дворецъ или вотчинникамъ“. Въ 1761 г. 4-хъ гривенный окладъ оброчной подати возвышенъ былъ до 1 рубля; въ 1768 г.—до 2 руб.; въ 1797 г., при новомъ возвышеніи оклада, губерніи раздѣлены были на 4 класса съ окладомъ отъ 3½ руб. до 5 руб., а въ 1810 г.—отъ 5½ руб. до 8 руб. Въ 1812 г. сдѣлана была „временная“ прибавка въ 2 руб., превратившаяся въ постоянную. Въ 1839 г., при переводѣ оброчной подати съ ассигнацій на сер. рубли, окладъ этой подати равнялся 212—286 к. сер., а въ 1841 г. къ оброчной подати прибавленъ еще общественный сборъ на мірскіе расходы и т. д. Въ 1838 г. сдѣлана была попытка къ замѣнѣ подушной оброчной подати оцѣночною; въ этихъ видахъ произведены были экстрація въ западномъ краѣ, регулированіе—въ прибалтійскихъ губерніяхъ, кадастръ—въ русскихъ губерніяхъ. Въ 1865 г., 24 ноябріа, послѣдовалъ указъ о поземельномъ устройствѣ гос. крестьянъ въ 36 губерніяхъ. По указу этому, между прочимъ, за землю и за угодья крестьяне обязаны вносить оброчную подать, опредѣляемую по оцѣнкѣ земель; сельскія общества и хозяева могутъ освобождаться отъ платежа оброчной подати или части ея, внося въ казначейство государственныхъ процентныя бумаги на сумму не менѣе 100 р., и земли, освобожденныя сполна отъ оброчной подати, составляютъ собственность владѣльца; оброчная подать можетъ быть обращена въ выкупные платежи.

58) Вслѣдствіе дороговизны соли, торговцы недосаливали рыбу, но такъ какъ соленая рыба составляла одинъ изъ важныхъ предметовъ народнаго потребленія, то, съ одной стороны, народъ пересталъ покупать дурную рыбу, а съ другой — торговцы понесли большіе убытки отъ порчи товара, а хорошая соленая рыба чрезвычайно вздорожала.

59) Въ 1834 г. уничтожена была пограничная таможенная линія между Россіей и Польшей.

Глава X-я.

Періодъ кредитнаго государственнаго хозяйства.

§ 33. Конституціонализмъ

Развитіе и господство новыхъ политическихъ и хозяйственныхъ ученій. Политическія ученія о раздѣленіи властей, общественномъ договорѣ, парламентаризмѣ и правовомъ государствѣ. Экономическія ученія Ад. Смита, его послѣдователей, исторической и статистической школъ. Вліяніе оказанное этими ученіями на развитіе литературы науки финансоваго права. Характеристика государственнаго хозяйства въ эпоху конституціонализма.

Переходъ абсолютизма отъ примитивной формы его къ просвѣщенному абсолютизму, чрезвычайно расширившему и усложнившему дѣятельность и задачи государства, въ особенности въ отношеніи къ внутреннему управленію, — сопровождался, какъ указано было выше, господствомъ новыхъ политическихъ и экономическихъ ученій. Но, подъ вліяніемъ исторически слагавшихся обстоятельствъ, въ которыхъ условія государственнаго хозяйства, въ связи съ развитіемъ общественныхъ элементовъ, играли чуть-ли не первенствующую роль, господство это было непродолжительно. Въ ученіи плп въ понятіи о просвѣщенномъ абсолютизмѣ начали усматривать внутреннее противорѣчіе, а въ ученіе фізіократовъ на-

шли необходимымъ внести нѣкоторыя существенныя поправки; вслѣдствіе чего на смѣну этихъ ученій явились новыя, господствомъ которыхъ и характеризуется слѣдующая эпоха, — эпоха конституціонализма. Начала конституціонализма, которые легли въ основаніи новаго государственнаго строя, нашли свое развитіе и опору, съ одной стороны, въ политическихъ ученіяхъ о раздѣленіи властей, общественномъ договорѣ, парламентаризмѣ и правовомъ государствѣ, съ другой — въ главныхъ положеніяхъ либерально-экономической школы Ад. Смита и его послѣдователей.

Всѣ эти ученія коснулись въ большей или меньшей мѣрѣ государственно-хозяйственной сферы. Какъ Монтескье, такъ и Руссо и Констанъ относили установленіе налоговъ и опредѣленіе статей расхода къ функціямъ законодательной власти, долженствующей принадлежать народу и осуществляемой имъ посредствомъ выборныхъ представителей. Слѣдовательно всѣ они проводили въ своихъ ученіяхъ начало податнаго самообложенія. Монтескье, говоря о государственномъ хозяйствѣ, опредѣлялъ доходы государства какъ части имущества гражданъ, которые они даютъ для обезпеченія пользования остальною частію, т. е. онъ относился къ налогамъ какъ-бы къ страховой преміи. По его мнѣнію, налоги (tributs) должны быть пропорціональны свободѣ гражданъ, причемъ поголовная подать болѣе свойственна рабству, а налоги на предметы, т. е. косвенные налоги, — свободѣ. Предпочтя накопленіе запасной казны производству займовъ, онъ тѣмъ не менѣе признаетъ послѣдніе рѣшительно необходимыми. По ученію Бенжамена Констана конституціонный строй выражается, между прочимъ, въ голосованіи налоговъ Палатами и въ контролѣ этихъ Палатъ надъ государственными расходами; въ личный-же составъ этихъ Палатъ должны войти только граждане-собственники, т. е. матерьяльно обезпеченные люди, такъ какъ только собственность даетъ

необходимые для представительства досугъ, независимость и ясность взглядовъ¹⁾). Главнѣйшимъ образомъ представителямъ ученія о правовомъ государствѣ государственно-хозяйственная сфера обязана тѣмъ, что было обращено особенное вниманіе на правовой элементъ въ этой сферѣ, на юридическое основаніе обязанности платить налоги, на связанныя съ этой обязанностью права, на правомѣрное управленіе финансами; а это, въ свою очередь, содѣйствовало тому, что ученіе о финансахъ возвысилось до значенія самостоятельной науки финансоваго права. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ господствовавшихъ политическихъ ученій, въ большинствѣ трактатовъ о финансахъ въ описываемый періодъ времени проводились: 1) начало податнаго самообложенія, въ силу котораго вотиrowаніе бюджета должно быть предоставлено народнымъ представителямъ, т. е. самимъ плательщикамъ налоговъ, такъ какъ государственные расходы производятся для народа, а потому только народъ можетъ быть достаточно компетентенъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, въ какой мѣрѣ тотъ или другой расходъ соотвѣтствуетъ народнымъ потребностямъ и какими средствами можетъ быть покрытъ этотъ расходъ. 2) Начала гласности и народнаго контроля, исходя изъ того основанія, что такъ какъ государственное хозяйство существуетъ не само для себя, а для народа, то народу-же должно принадлежать право наблюденія за тѣмъ, чтобы финансовыя средства собирались и расходывались правильно. 3) Начало податнаго ценза, въ силу котораго активное участіе въ управленіи обуславливалось несеніемъ опредѣленныхъ податныхъ тяжестей и, кромѣ того, безвозмездной (почетной) службѣ приданъ былъ, посредствомъ обязательности этой службы, характеръ какъ бы натуральной личной повинности. 4) Начало правомѣрности государственнаго хозяйства, въ силу котораго отношенія между фискомъ и народомъ должны были опираться на опредѣленные правовыя нормы. 5) Начала самоуправле-

нія въ сферѣ государственнаго хозяйства и развитія органовъ соединства, т. е. союзовъ, цѣли которыхъ совпадаютъ съ задачами государства, вслѣдствіе чего хозяйственная дѣятельность этихъ органовъ, равно какъ и мѣстныхъ автономныхъ органовъ должна сливаться органически съ государственно-хозяйственной сферой.

Ошибочность ученія фیزیократовъ усмотрѣна была, главнымъ образомъ, именно въ той части его, которая касалась государственнаго хозяйства и послужила основаніемъ для теоріи единаго поземельнаго налога. Налогъ этотъ представляется противнымъ началу уравнительности, такъ какъ онъ опирался на ложное представленіе о томъ, будто-бы только землевладѣлецъ получаетъ чистый доходъ въ формѣ приращенія вещества, переработка-же этого вещества, примѣнительно къ потребностямъ человѣка, непроизводительна²⁾. Ад. Смитъ, создатель новой т. н. либерально-экономической школы, будучи, подобно фیزیократамъ, сторонникомъ невмѣшательства въ хозяйственную сферу, въ которой конкуренція является совершенно достаточнымъ регулирующимъ началомъ, тѣмъ не менѣе во многомъ расходился съ фیزیократами. По его ученію, такъ какъ въ производствѣ участвуютъ три фактора, — трудъ, природа и капиталъ, — вслѣдствіи чего каждому изъ нихъ принадлежитъ своя доля дохода, прямой налогъ долженъ имѣть форму пропорціональнаго подоходнаго налога, падающаго на всѣ три категоріи доходовъ. Но при обложеніи дохода съ капиталовъ надо имѣть въ виду космополитичность и легкую подвижность ихъ, а потому не слѣдуетъ облагать этого дохода высокимъ налогомъ, дабы капиталы не были переведены въ другія страны, гдѣ обложеніе менѣе высокое, или гдѣ его совсѣмъ не существуетъ. Въ основаніе всей податной системы онъ кладетъ слѣдующія четыре главныя положенія: 1) подати должны быть соразмѣрны съ доходами и ими должны быть равномерно обло-

жены различные виды послѣднихъ; 2) подати должны быть опредѣленны, т. е. время, способы и количество платежа должны быть всѣмъ и каждому извѣстны; 3) время и способъ взиманія податей должны быть какъ можно болѣе удобны для плательщиковъ и 4) каждая подать должна быть взимаема съ возможно меньшими издержками и потерями, и собранная сумма не должна оставаться празднолежащими. Въ числѣ многочисленныхъ послѣдователей Ад. Смита, Риккардо и Джонъ Стюартъ Милль стали какъ бы на рубежѣ между этой господствующей школой и вновь зарождающейся. Большинство послѣдователей Ад. Смита рассматриваетъ, подобно ему, государственное хозяйство какъ составную часть общественнаго хозяйства, останавливаясь преимущественно или исключительно только на анализѣ вліянія многоразличныхъ податей на хозяйственное развитіе страны, на нравственность, политическій строй и т. п., мало или совсѣмъ не касаясь правоваго элемента. Дальнѣйшій шагъ къ развитію экономическихъ ученій сдѣланъ былъ историческою школой, главнѣйшими представителями которой явились въ хозяйственной наукѣ Бруно-Гильдебрантъ, Книсъ, Рошеръ, Шмоллеръ и др. Эта школа искала въ исторіи разъясненія разума различныхъ хозяйственныхъ явленій. Утверждая, что хозяйственная жизнь должна подчиняться извѣстнымъ законамъ движенія, она указывала на историческое изслѣдованіе, какъ на средство къ открытію законовъ этого движенія или, по крайней мѣрѣ, къ вѣроятному предположенію о нихъ. Къ историческому направленію примкнуло еще статистическое. Статистическія данныя, говоритъ Рау, чрезвычайно полезны для подтвержденія, пополненія и повѣрки хозяйственныхъ ученій; сопоставленіе статистическихъ данныхъ даетъ возможность открывать причины хозяйственныхъ явленій и, согласно съ этими причинами, принимать тѣ или другія мѣры въ сферѣ хозяйственной политики.

Въ отношеніи къ развитію науки финансоваго права каждое изъ указанныхъ ученій оказало свое вліяніе, которое отразилось болѣе или менѣе рельефно въ литературѣ по этому предмету. Почти одновременно съ появленіемъ изслѣдованія Ад. Смита о природѣ и причинахъ народнаго богатства (1776), гдѣ въ ученіи о госуд. хозяйствѣ разрушается ученіе фізіократовъ объ единомъ поземельномъ налогѣ, въ нѣмецкой литературѣ появляется очеркъ науки о финансахъ Пфейфера (1781), въ основаніи котораго положена, между прочимъ, рѣзкая критика все того-же ученія³). Послѣ этого появляется цѣлый рядъ трактатовъ о финансахъ, въ которыхъ, согласно съ Ад. Смитомъ, ученіе о государственномъ хозяйствѣ рассматривается въ связи, какъ особый отдѣлъ, съ ученіемъ о народномъ хозяйствѣ, при чемъ въ этихъ трактатахъ преимущественное вниманіе сосредоточивается на тщательномъ анализѣ хозяйственнаго значенія различныхъ источниковъ государственныхъ доходовъ, въ числѣ которыхъ первенствующее мѣсто отводится налогамъ⁴). Но рядомъ съ такими трактатами пачали появляться и другіе, въ которыхъ опять ученіе о государственномъ хозяйствѣ, по примѣру Юсти и Зоннелфельса, обособляется въ особую науку, и при томъ науку государственную⁵), и въ это-же время, т. е. въ началѣ 19-го в., входитъ уже въ употребленіе и терминъ финансовое право, какъ совокупность правъ и обязанностей, которыми должна руководствоваться финансовая власть для цѣлесообразнаго взиманія и употребленія государственныхъ доходовъ⁶). Одновременно съ этимъ начинаютъ проникать въ литературу также и статистическія изслѣдованія государственнаго хозяйства⁷), равно какъ и изслѣдованія историческія⁸). Наконецъ, независимо отъ болѣе глубокаго анализа праваго элемента въ государственно-хозяйственной сферѣ⁹), все рѣзче и рѣзче начинаетъ выдвигаться и соціальный элементъ этой сферы, какъ это особенно ясно выразилось въ положе-

ніи Ад. Вагнера, что финансовая наука должна отвѣчать современному органическому возрѣнію на государство, однороднымъ задачамъ государственнаго управленія и самоуправленія и, рядомъ съ фискальной точкой зрѣнія въ податномъ дѣлѣ, — возрѣнію соціально-политическому. Крімъ того приступлено было къ тщательному и всестороннему научному анализу участія органовъ самоуправления и соединенія въ сферѣ госуд. хозяйства¹⁰).

Періодъ конституціонализма ознаменовался, между прочимъ, преобладающимъ значеніемъ класса буржуазіи въ финансовой сферѣ, находившемся въ тѣснѣйшей связи съ господствовавшими политическими и экономическими ученіями, которыя оказали свое вліяніе на всю податную систему. Какъ договорная теорія, хотя и развивала начало народнаго главенства (*souverenité du peuple*), на самомъ-же дѣлѣ видѣла народъ лишь въ 3-мъ сословіи, буржуазіи, такъ и теорія конституціонализма связала представительство съ цензомъ. Какъ теорія правоваго государства основывала свои положенія на современномъ ей понятіи о правѣ, защищающемъ имущаго отъ неимущаго, а не наоборотъ, такъ по ученію Ад. Смита и его послѣдователей, капиталисты ставились въ заведомо привилегированное положеніе, сравнительно съ землевладѣльцами и рабочими. Извѣстныя политическія права, пользованіе которыми поставлено было въ зависимость отъ имущественнаго ценза, фактически сдѣлались достояніемъ не всего народа, а одного лишь правящаго класса населенія, который, захвативъ власть въ свои руки, пріобрѣтя преобладающее значеніе въ законодательной дѣятельности, поставилъ себя въ заведомо привилегированное положеніе въ отношеніи къ отбыванію податей и повинностей¹¹); и это, главнѣйшимъ образомъ, при помощи косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости и общаго потребленія и развитія государственныхъ займовъ, открывавшихъ капиталистамъ удоб.

ное помѣщеніе для ихъ капиталовъ и дававшихъ возможность перелagать бремя государственныхъ расходовъ даннаго времени на будущія поколенія. Свобода труда и промышленности, конечно, сослужила свою службу, энергически содѣйствовала возникновенію новыхъ податныхъ объектовъ и усилила во многократъ податную способность народа, что и отразилось на суммѣ государственныхъ доходовъ и соотвѣтствующихъ имъ расходовъ. Но въ расходахъ этихъ содержаніе военной силы и расходы по государственному кредиту начали поглощать львиную долю, безъ соотвѣтствующаго, пропорціональнаго увеличенія расходовъ по внутреннему управленію, по благоустройству, непосредственное служеніе которому, въ связи съ быстрымъ развитіемъ системы мѣстныхъ сборовъ и налоговъ, все болѣе и болѣе отходитъ въ сферу дѣятельности мѣстныхъ органовъ самоуправленія и соединства. Кромѣ того, во 1-хъ, свобода труда и промышленности не находится въ неперемѣнной связи съ той свободой политической, которая осуществляется въ т. н. конституціонномъ строѣ, и, во 2-хъ, эта свобода труда и промышленности сослужила свою службу такъ, что плоды или результаты ея распредѣлились весьма неравномѣрно между различными классами населенія, содѣйствуя въ то-же время быстрому росту того-же т. н. четвертаго сословія, положенія и притязанія котораго причиняють столь много тревоги современнымъ правительствамъ. Эти отрицательныя черты конституціоннаго государственнаго хозяйства зародились и проявились раньше другихъ государствъ континента въ Англіи, вслѣдствіе чего къ этому именно государству слѣдуетъ обратитъ изслѣдованіе элементовъ такого хозяйства, не упуская, однако, изъ виду вліянія, которое неминусемо должно было оказать въ данномъ случаѣ развитіе исторически сложившагося въ этомъ-же государствѣ начала прямаго и пропорціональнаго податнаго самообложенія, нашедшаго себѣ полное примѣненіе въ сферѣ мѣстнаго

автономнаго хозяйства. Что-же касается Россіи, то конституціонная теорія вообще не оказала на ея государственное хозяйство такого вліянія какъ на Западъ, а потому положительныя и отрицательныя черты конституціоннаго государственнаго хозяйства обнаружались въ русскихъ финансахъ сравнительно весьма блѣдно и финансы эти запечатлѣны болѣе чертами финансовъ эпохи т. н. просвѣщеннаго абсолютизма.

§ 34. Финансы Англіи.

Центральное управленіе. Мѣстное управленіе. Кассоводство. Счетная и контрольная часть. Домены, натуральныя повинности, регалии и монополіи. Пошлины. Прямые налоги. Косвенные налоги. Займы. Мѣстные налоги. Расходы.

Начало царствованія Вильгельма III ознаменовалось окончательнымъ упроченіемъ значенія Парламента съ его двумя Палатами. Суммы, вотированныя Парламентомъ, должны были быть употребляемы на имъ-же опредѣленныя расходныя статьи, при чемъ лордамъ казначейства (Lords of Treasury) запрещено было, подъ страхомъ строгой отвѣтственности, давать ордера на выдачу изъ казначейства суммъ не для той цѣли, для которой онѣ были назначены, чиновникамъ-же казначейства запрещено было повиноваться такимъ незаконнымъ ордерамъ. Кромѣ того, за парламентомъ категорически признано было право, опредѣляя суммы по статьямъ расхода, опредѣлять и содержаніе короля, при чемъ въ составъ этого содержанія включалась и сумма необходимая для содержанія войска и флота. Подчиненіе неправильному сбору въ пользу государственной казны, т. е. совершаемому не на основаніи постановленія Парламента, приравнено было къ государственной измѣнѣ. Затѣмъ, въ 1832 г. произведена была весьма важная реформа, касавшаяся распредѣленія права представительства между различными мѣстностями государства на новыхъ основаніяхъ такъ, что усилилось участіе 3-го сосло-

тія въ законодательной дѣятельности вообще, а слѣдовательно и въ финансовомъ законодательствѣ. Спеціально по финансовому управленію, при Питтѣ, въ 1787 г., произведено весьма существенное измѣненіе, заключавшееся въ томъ, что для устраненія неудобствъ, которыя порождались существованіемъ для каждаго налога его спеціальнаго назначенія и особаго мѣста поступленія, согласно съ актомъ Парламента, установившимъ данный налогъ, Питтъ предложилъ актъ консолидаціи, въ силу котораго опредѣленные государственные доходы должны были поступать въ, такъ называемый, консолидированный фондъ, какъ источникъ для покрытія опредѣленныхъ государственныхъ расходовъ. Вслѣдствіе этого вся система финансового управленія значительно упростилась, облегчены были отчетность и контроль и обеспечены были правительству финансовыя средства для удовлетворенія текущихъ, постоянныхъ потребностей государства. Во главѣ финансового управленія въ Англіи стоятъ первый лордъ казначейства (First Lord of the Treasury) и канцлеръ эксчеквера (Chancellor of the Exchequer)¹²⁾, при которомъ находятся четыре комиссара казначейства (Lords Commissioners of the Treasury), образующіе финансовый комитетъ, или совѣтъ канцлера эксчеквера. Отдѣльные отрасли финансового управленія сосредоточиваются въ отдѣльныхъ комитетахъ, какъ, напр., въ таможенномъ комитетѣ (Commissioners of the Customs), податномъ комитетѣ (Commissioners of the England Revenue) и т. п.

По управленію косвенными налогами все государство раздѣлено на округа (collections), состоящіе изъ нѣсколькихъ приходовъ, въ зависимости отъ развитія въ данныхъ мѣстностяхъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя обложены акцизнымъ сборомъ. Каждый округъ находится въ заведываніи особаго коллектора (collectors) и дѣлится на дистрикты, а дистрикты подраздѣляются на объѣздные и пѣшіе

участки (Rides and Divisions). Начальникомъ дистрикта состоитъ надзиратель (supervisors), наблюдающій за дѣятельностью участковыхъ чиновниковъ (Division-officers and Ride-officers). Такимъ образомъ все управленіе косвенными налогами, исключительно государственными, организовано на централизованныхъ началахъ и находится въ вѣдѣніи чиновниковъ. Для управленія-же прямыми государственными налогами назначаются парламентскими актами комиссары въ графства, изъ числа лицъ, удовлетворяющихъ тѣмъ-же требованіямъ, которые необходимы для назначенія мировыхъ судей. Комиссары назначаютъ изъ мѣстныхъ жителей, по представленіямъ приходовъ, раскладчиковъ (assessors) на 1 годъ, а раскладчики назначаютъ сборщиковъ (collectors), которые обязаны представить залогъ. Комиссары получаютъ деньги лишь на канцелярскіе расходы, раскладчики-же и сборщики вознаграждаются въ процентномъ отношеніи къ раскладываемой и собираемой ими подати. Раскладкѣ налоговъ предшествуетъ оцѣнка, которая производится оцѣночными комиссіями такъ, что плательщикамъ выдаются оцѣночныя бланки, на которыхъ они сами обязаны сдѣлать требуемыя указанія. Оцѣночныя списки препровождаются помощнику комиссара, который производитъ повѣрку ихъ совместно съ надзирателемъ; ихъ рѣшенія утверждаются комиссаромъ и могутъ быть обжалованы въ 10-ти дневный срокъ. На основаніи оцѣнки дѣлается раскладка, утверждаемая двумя мировыми судьями, и за 40 дней до окончательнаго утвержденія ея и до наступленія срока платежа она вывѣшивается на дверяхъ приходскихъ церквей. Послѣ этого по поводу раскладки возможна только формальная аппеляція въ сѣздъ мировыхъ судей. Уплата податей производится сборщикамъ, или непосредственно, по полугодіямъ и четвертямъ, а при уплатѣ впередъ за 2 срока дѣлается скидка 4⁰/о. Сборщикамъ выдаются особыя кванціонныя книжки, ревизуемыя надсмотрщиками и инспекторами,

и собранныя суммы поступаютъ къ особымъ приѣмщикамъ (receiving officers). При неуплатѣ подати въ срокъ, назначаются льготные дни, по прошествіи которыхъ приступается къ покрытію недоимки продажей имущества и недоимщикъ можетъ быть заключенъ въ тюрьму. Все мѣстное управленіе прямыми государственными податями слито съ мѣстнымъ-же самоуправленіемъ мѣстными налогами, исключительно прямыми.

Съ 1694 г. банкъ Англіи пользуется привилегіей сосредоточивать въ своихъ кассахъ суммы поступающихъ въ казну налоговъ и производить платежи по государственнымъ расходамъ, на основаніи ассигновокъ (mandats), выдаваемыхъ комиссарами казначейства за подписью генераль-контролера. Въ графствахъ, въ которыхъ Банкъ имѣетъ свои отдѣленія, конторщики его получаютъ отъ сборщиковъ собранныя суммы.

Высшими органами по счетной и контрольной части являются Счетная Палата (Audit Office) и генераль-контролеръ казначейства. Генераль-контролеръ казначейства контролируетъ всѣ расходы и представляетъ еженедѣльные отчеты. Въ графствахъ и общинахъ, кромѣ надзирателей и инспекторовъ, выдающихъ отчетную и контрольную части, существуютъ еще два комиссара, на обязанности которыхъ лежитъ объѣзжать ежегодно государство, принимать жалобы, провѣрять оцѣнки и т. п. Для обжалованія дѣйствій должностныхъ лицъ по финансовому управленію существуетъ нѣсколько судовъ; въ зависимости отъ того, чьи и какія дѣйствія подлежатъ обжалованію. На низшихъ чиновниковъ жалобы подаются въ четвертные засѣданія мировыхъ судей; на комиссаровъ — въ высшій совѣтъ комиссаровъ, состоящей при лордѣ эксчека; въ нѣкоторыхъ случаяхъ жалобы поступаютъ въ судъ королевской скамьи и Парламентъ.

Такъ какъ со времени Вильгельма Завоевателя вся тер-

риторія государства объявлена была собственностью короля, то тѣ земли, которыя не находились въ частномъ владѣніи, управлялись королемъ какъ собственные его домены. Въ управленіи этомъ замѣчены были важныя недостатки, вслѣдствіе чего въ 1786 г. назначена была парламентская коммиссія, которая раскрыла много злоупотребленій. Результатомъ работъ этой коммиссіи было объявленіе въ 1793 г. земельныхъ доменъ государственными¹³⁾ и полная реформа управленія ими, вслѣдствіи чего доходъ отъ доменъ началъ быстро возрастать, составляя тѣмъ не менѣе ничтожную часть всей суммы госуд. дохода. Постановленіе 1793 г. не было распространено на лѣса, которые продолжали считаться не государственными, а королевскими доменами, предназначенными для охоты. Натуральныя повинности были постепенно выкуплены или переведены на денежныя такъ, что въ настоящее время въ Англіи даже личная воинская повинность отбывается только въ исключительныхъ случаяхъ, потому что армія комплектуется посредствомъ вербовки, т. е. найма добровольцевъ. Регалии и монополіи также утратили свое прежнее значеніе и число ихъ чрезвычайно уменьшилось; тѣ регалии и монополіи, которыя сохранились до сихъ поръ, имѣютъ исключительно историческое или полицейское значеніе, но не фискальное.

Изъ пошлинъ важнѣйшею, въ финансовомъ отношеніи, сдѣлалась пошлина гербовая, при чемъ одна изъ особенностей англійской системы гербовыхъ пошлинъ заключается въ томъ, что онѣ взимаются не только по цѣнѣ сдѣлки (пропорціональная пошлина), но и по числу словъ (тарифная пошлина) такъ, что установлено нормальное число словъ (1080), за которыя слѣдуетъ уплатить по тарифу, а за слѣдующее такое-же количество словъ уплачивается дополнительный сборъ¹⁴⁾. Судебныя пошлины, будучи и въ настоящее время довольно высокими, утратили свой исключительно фи-

скальный характеръ. Вообще-же число пошлинъ значительно уменьшилось.

Древнѣйшій изъ прямыхъ налоговъ въ формѣ поземельной подати (land tax) сохранился до сихъ поръ¹⁵⁾. Налогъ этотъ взимается въ размѣрѣ опредѣленнаго числа шиллинговъ съ каждаго фунта стерлинговъ поземельнаго дохода. При Питтѣ, въ 1798 г., когда подать эта объявлена была постоянною, допущенъ былъ и выкупъ ея, вслѣдствіе чего образовались, такъ называемыя, free farm rents, т. е. поземельныя ренты, свободныя отъ поземельнаго налога. Затѣмъ, чрезвычайно важное значеніе приобрѣлъ общій подоходный налогъ (income-tax или property-tax), введенный въ концѣ XVIII ст. Вильямомъ Питтомъ. Налогъ этотъ, по проекту Питта, долженъ былъ взиматься такъ, чтобы съ дохода отъ 60 до 65 ф. ст. взималось не болѣе $\frac{1}{120}$ части, съ 95 — 70 — $\frac{1}{95}$ часть и т. д. до $\frac{1}{10}$. Слѣдовательно, при установленіи минимума дохода свободного отъ податнаго обложенія, налогъ этотъ былъ прогрессивный, въ зависимости отъ величины дохода, а для прогрессіи установленъ былъ предѣлъ, т. е. максимумъ обложенія. Но, кромѣ того, размѣръ обложенія поставленъ былъ въ зависимость отъ рода имущества, изъ котораго извлекался доходъ, и подать эта падала не на всѣ доходы. Первоначально эта подать имѣла значеніе надбавки къ налогу на предметы роскоши, падавшей на лицъ, получавшихъ болѣе 60 ф. ст. ежегоднаго дохода (additional duties or assessed taxes), но затѣмъ она распространена была на всѣ доходы, приобретя значеніе общей подоходной подати, независимо отъ поземельнаго подоходнаго налога (land tax), такъ что поземельная рента оказалась обложенною дважды. Въ 1802 году, вслѣдствіе крайняго протеста противъ этого налога со стороны Парламента, онъ былъ отмѣненъ, но въ слѣдующемъ году его ввели вновь на новыхъ основаніяхъ. Всѣ доходы были раздѣлены на пять категорій подѣ букв-

ми А, В, С, D и Е. Въ категорію А включены были доходы собственниковъ недвижимаго имущества, В—фермеровъ, С—разныхъ учреждений и предпріятій, а съ 1806 г. еще и доходы отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ, D—промысловые, торговые и профессиональные доходы, Е—жалованье и т. п. Принято было за правило обращаться за податью не къ лицу, пользующемуся доходомъ, а къ самому источнику дохода, такъ что, напр., фермеръ платилъ не только за себя, но и за собственника. При этомъ новомъ порядкѣ, не смотря на пониженіе процента обложенія, доходъ отъ этой подати значительно возросъ. Въ 1806 г. размѣръ максимума обложенія былъ снова увеличенъ до 10% съ доходовъ, превышавшихъ 150 ф. с.; совершенно освобождены были отъ податей лишь доходы ниже 50 ф. с. и нѣкоторые доходы въ размѣрѣ отъ 50—150 ф. с. обложены были мѣньшимъ окладомъ. Послѣ этого доходность этой подати снова возросла. Въ 1816 г., съ прекращеніемъ войнъ Наполеона, подоходная подать была опять отмѣнена и восстановление ея послѣдовало лишь въ 1842 г., при Робертѣ Пилѣ, не смотря на энергическія возраженія со стороны нѣкоторыхъ членовъ Парламента. По новому закону, этому налогу подлежали всѣ безъ исключенія доходы не менѣе 150 ф. ст. Налогъ падалъ по прежнему прямо на податной объектъ и при томъ такъ, что не принималось въ соображеніе, извлекаетъ-ли хозяинъ имущества доходъ или нѣтъ; въ нѣкоторыхъ-же случаяхъ облагался не чистый, а валовой доходъ. Подоходная подать установлена была сначала на 3 года, но затѣмъ, по предложенію Пиля, взиманіе ея было продолжено. Въ 1852 г. назначена была парламентская коммиссія для всесторонняго изслѣдованія этого налога, которая, открывъ много злоупотребленій, заключавшихся въ неправильномъ освобожденіи отъ уплаты его, рекомендовала провести строгое различіе между фундированными и нефундированными до-

ходами. Въ 1861 г. новая коммиссія указала на необходимость пощадить сбереженія, а такъ какъ сбереженія наиболѣе цѣлесообразны тогда, когда получаемые доходы наименѣе прочны и вѣрны, то такіе именно доходы должны быть обложены слабѣе; кромѣ того, коммиссія указывала на необходимость строгаго соблюденія того правила, что должны быть обложены ренты, а не капиталы. Не смотря на сравнительно умѣренный окладъ этой подати, доходность его довольно высокая¹⁶⁾).

Косвенные налоги пустили уже глубокіе корни въ предъидущемъ періодѣ, но въ теченіи описываемаго періода число ихъ возросло съ чрезвычайной быстротой, падая, въ формѣ акцизовъ и штемпельнаго сбора, не только на предметы, но и на дѣйствія. Вся финансовая политика Вальполя, министра королей Георга I и Георга II, выражалась въ постоянномъ и упорномъ стремленіи уменьшить податную тяжесть, лежавшую на недвижимой собственности, и обложить налогами предметы необходимаго и общаго потребленія. Въ это-же время сдѣланъ былъ опытъ введенія почти запретительнаго налога на спиртные напитки и на торговлю ими, въ видахъ пресѣченія пьянства; но результатъ получился диаметрально противоположный преслѣдуемой цѣли. Акцизы, рядомъ съ таможенными пошлинами, имѣвшими не только охранительный, но и запретительный характеръ, дали въ результатѣ то, что въ сущности не было предмета необложеннаго болѣе или менѣе высокимъ налогомъ. Такое крайнее развитіе акцизовъ повлекло за собою обычное въ подобныхъ случаяхъ развитіе контрабанды и кормчества, въ борьбу съ которыми вступилъ Вильямъ Питтъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще тѣ послѣдствія, съ которыми связано было существованіе, введенной при Вильгельмѣ III, такъ называемой, хлѣбной пошлины, долженствовавшей, въ видахъ развитія земледѣлія, покровительствовать вывозу хлѣба и за-

труднять ввозъ. Стѣсненіе для населенія отъ этого налога, падавшаго, разумѣется, на потребителей хлѣба, т. е. преимущественно на низшіе классы населенія, было столь велико, что въ 1-й половинѣ нынѣшняго столѣтія образовалось особое общество (лига) для борьбы противъ законовъ, установившихъ хлѣбную пошлину (хлѣбные законы). Поддерживаемое представителями 3-го сословія, интересы котораго также страдали отъ хлѣбныхъ законовъ, такъ какъ высокая цѣна на хлѣбъ возвышала заработную плату, общество это, въ союзѣ съ чартистами, имѣвшими цѣлью легальными средствами защищать интересы рабочаго класса, добилося въ 1846 г., во время министерства Роберта Пеля, отмѣны хлѣбныхъ законовъ, послѣ чего послѣдовала въ разные сроки и отмѣна нѣкоторыхъ акцизовъ; таможенный-же тарифъ мало по малу утратилъ свой протекціонистическій характеръ, сдѣлавшись либеральнымъ. Послѣ, такъ называемаго, періода великихъ реформъ въ Англіи осталось всего три акциза (на спиртъ, солодъ и цикорій), а таможенный тарифъ включаетъ въ себя весьма немного статей, при чемъ только 5 изъ нихъ имѣютъ существенное значеніе; тѣмъ не менѣе остающееся незначительное число косвенныхъ налоговъ даетъ казначейству въ общей суммѣ болѣшій доходъ, чѣмъ всѣ прежніе многочисленные акцизы и таможенные пошлины¹⁷⁾.

При Вильгельмѣ III займы, какъ одна изъ формъ чрезвычайныхъ доходовъ, начинаютъ практиковаться весьма часто и въ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ, въ числѣ которыхъ займы подъ залогъ налоговъ, обыкновенно — косвенныхъ, считались наиболѣе удобными. Съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія производство займовъ приняло колоссальныя размѣры, главнѣйшимъ образомъ подъ давленіемъ политическихъ причинъ. Въ 1694 г. учрежденъ былъ впервые въ Англіи банкъ съ монопольнымъ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ. Учрежденіе это возникло при слѣдующихъ

обстоятельствахъ: въ 1694 г. совершенъ былъ казною заемъ у частныхъ лицъ на сумму въ 1,200,000 ф. ст. по 8⁰/₀, причемъ кредиторамъ предоставлено было право составить корпорацію банка Англіи съ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ, обмѣниваемыхъ по предъявленіи на монету. Заемъ былъ срочный и съ уплатою долга должна была прекратиться дарованная привилегія. Затѣмъ привилегія банка постоянно возобновлялась, такъ какъ казна не только не погашала произведеннаго займа, но пользовалась и новыми услугами банка въ весьма разнообразныхъ формахъ¹⁸). Таково начало Англійскаго Банка, основателемъ котораго былъ шотландецъ Вильямъ Патерсонъ¹⁹).

Мѣстные налоги остались тѣ-же, которые существовали въ предъидущемъ періодѣ. Эти налоги тѣсно связаны съ общей системой прямыхъ государственныхъ налоговъ, такъ какъ кругъ дѣйствія мѣстныхъ учрежденій, — общинъ и погостовъ, — распространялся не только на мѣстные сборы (local taxes), но и на завѣдываніе оцѣнкой имущества и опредѣленіе доходности ихъ для раскладки государственныхъ прямыхъ податей. Къ мѣстнымъ налогамъ въ Англіи относятся: 1) налогъ для бѣдныхъ, падающій на земли, дома, церковную десятину (tithes), лѣсную поросль (высокорослый лѣсъ и заповѣдныя рощи свободны отъ обложенія) и на лица, если имущество ихъ даетъ доходъ не свыше 10 ф. с., причемъ въ этихъ случаяхъ окладъ подати на 25—30⁰/₀ ниже общаго оклада²⁰). 2) Дорожный сборъ по графствамъ, который по новѣйшимъ узаконеніямъ не долженъ поглощать болѣе 12¹/₂ ч. дохода. 3) Церковный налогъ, представляющій ту особенность, что смѣта его устанавливается приходскимъ собраніемъ и пригомъ налогъ этотъ необязательный. 4) Графскій налогъ, смѣтой и раскладкой котораго завѣдуютъ четвертные засѣданія мировыхъ судей или-же графскіе совѣты. 5) Городской налогъ, падающій на городскія имущества. 6) Окруж-

ный налогъ (District — Rate), образовавшійся изъ нѣсколькихъ, прежде существовавшихъ, мелкихъ сборовъ, причемъ налогъ этотъ распадается на спеціальный, генеральный и частный. Этими 6-ю налогами далеко не исчерпывается все чрезвычайное разнообразіе мѣстныхъ налоговъ, взимаемыхъ по приходамъ, графствамъ, городамъ, въ отдѣльности и совмѣстно, для удовлетворенія столь-же разнообразныхъ потребностей мѣстнаго управленія, при обложеніи исключительно только реального имущества (земли, лѣса, строенія, tithes, т. е. десятины или ренты) ²¹).

Къ началу 19 вѣка государственныя средства Англіи сложились такъ, что $\frac{3}{4}$ изъ нихъ составляли налоги на потребленіе, въ формѣ акцизовъ и таможенныхъ пошлинъ, а такъ какъ налоги эти падали на предметы необходимаго и общаго потребленія, то наибольшая тяжесть ихъ падала на народъ. Въ настоящее время соотношеніе между государственными прямыми и косвенными налогами и мѣстными сборами выражается цифрами 25:60:15, т. е. сумма прямыхъ государственныхъ податей, вмѣстѣ съ мѣстными налогами, всегда прямыми, на $\frac{1}{3}$ меньше всей суммы косвенныхъ налоговъ, исключительно государственныхъ, сумма-же государственнаго долга въ 10 разъ превышаетъ весь годичный государственный бюджетъ.

Расходы, при вступленіи Вильгельма III на престолъ, не могли быть незначительны, въ виду наслѣдія, оставшагося отъ времени господства Тюдоровъ, Стюартовъ и Долгаго Парламента. Приходилось распустить армію, уплативъ ей жалованье; надо было вознаградить Голландію за издержки экспедиціи Вильгельма III; покореніе католической Ирландіи, возстановленіе монетной системы, сильно потерпѣвшей въ смутное время, войны съ Франціей, — все это поглотило большія суммы. Независимо отъ этого, постоянно возрастающія государственныя потребности, равно какъ уплата процентовъ и погашенія по государственнымъ займамъ требовали соот-

вѣтствующаго увеличенія расходовъ, причемъ мало по малу пзмѣнялось значеніе разныхъ расходныхъ статей государственнаго бюджета. Первенствующее мѣсто занимаетъ расходъ на содержаніе войска и флота, но возростаніе этого расхода идетъ менѣе быстро, чѣмъ возростаніе расходовъ на дѣли болѣе производительныя, какъ, напр., расходъ на народное образованіе и др., Однако общественное мнѣніе въ Англіи, не довольствуясь этими результатами, настаиваетъ на еще большемъ сокращеніи непроизводительныхъ затратъ въ пользу производительныхъ, и съ этою цѣлью образовалось особое общество, — Ливерпульская ассоціація финансовыхъ реформъ (Liverpool Financial Reform Association), оказывающее немаловажное вліяніе на государственное хозяйство въ Англіи. Мѣстные расходы, вслѣдствіе прочнаго и цѣлесообразнаго развитія началъ самоуправления, имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. Налогъ для бѣдныхъ, раздѣляясь на приходскій, окружный и государственный и распредѣляясь между погостами (parish), округами (unions) и казною, идетъ на предметы благотворительности, т. е. на содержаніе пріютовъ, больницъ, богадѣленъ и т. п. Дорожный налогъ затрачивается на содержаніе мостовъ и грунтовыхъ дорогъ, тогда какъ заставныя дороги отдаются на содержаніе частнымъ компаніямъ, которымъ предоставлено право взимать опредѣленный дорожный сборъ за проѣздъ. Церковный налогъ идетъ исключительно только на удовлетвореніе собственно церковныхъ нуждъ. Графскій налогъ затрачивается на содержаніе графскихъ мостовъ, тюремъ, домовъ для умалишенныхъ, полиціи, ремонтъ судебныхъ мѣстъ и судейскихъ квартиръ и т. п. Городской налогъ покрываетъ расходъ по содержанію городской администраціи и городскихъ общественныхъ зданій. Окружный налогъ расходуется на врачебную, полицейскую, строительную и др. части, причемъ одни изъ этихъ расходовъ имѣютъ значеніе для отдѣль-

ныхъ мѣстностей, селеній и т. п., другіе — для цѣлаго округа, третьи — для частныхъ имѣній и лицъ. Школьный налогъ идетъ на содержаніе школъ. Однако названіемъ налога далеко не исчерпывается назначеніе его; такъ, напр., налогъ для бѣдныхъ, имѣя цѣлью призрѣніе бѣдныхъ, расходуется кромѣ того на множество еще и другихъ предметовъ (содержаніе констеблей, оспопрививаніе, составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей, устройство оградъ и т. п.) Сумма всѣхъ этихъ расходовъ превышаетъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ расходовъ государственныхъ и почти равняется имъ за вычетомъ расходовъ на содержаніе войска, флота и двора. Ко всѣмъ этимъ расходамъ слѣдуетъ присоединить еще тѣ суммы, которыя затрачиваются многоразличными органами соединства (обществами, товариществами, корпораціями и т. п.) для достиженія такихъ цѣлей, которыя служатъ общему благу и которыя въ противномъ случаѣ должны были-бы сдѣлаться предметомъ заботъ органовъ правительства и самоуправления, при соотвѣтствующемъ увеличеніи государственнаго и мѣстныхъ расходныхъ бюджетовъ. Сумма этихъ расходовъ, судя по одному уже желѣзно-дорожному общественному хозяйству въ Англіи, въ общей сложности отнюдь не ниже суммы расходовъ государственныхъ.

1) Главная цѣль несобственниковъ (*non-propriétaires*), говоритъ Констанъ, будетъ всегда заключаться въ приобрѣтеніи собственности, а потому, если имъ дать власть, то они употребятъ ее прежде всего на захватъ чужой собственности. У состоятельныхъ-же людей воспитаніе лучше, умъ свободнѣе, образованіе солиднѣе и т. д.

2) Въ концѣ 18-го в. сдѣланъ былъ маркграфомъ Баденскимъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ, опытъ введенія единого поземельнаго налога, но опытъ этотъ оказался вполне неудачнымъ. Историкъ Нибуръ справедливо приписываетъ обѣдненіе и слабость Рима во время Лицинія, между прочимъ, ошибочности финансовой системы, основанной на обложеніи одной только земли и одного только класса населенія. Въ новѣйшее время опять выступилъ сторон-

никомъ единого поземельнаго налога американскій экономистъ Генри Джоржъ.

3) Кромѣ Пфейфера, отрицательное отношеніе къ ученію физоократовъ выразилось еще въ цѣломъ рядѣ трактатовъ Мозера, Дома, Стрелина, Вилля, Струензе и др.

4) Къ числу авторовъ, трактаты, учебники и курсы которыхъ по наукѣ о финансахъ имѣютъ въ основаніи свемъ ученіе Ад. Смита, при чемъ ученіе о финансахъ связывается съ Политической Экономіей, относятся Мальтусъ, Макъ-Куллохъ, Сеніоръ, Сей, Росси, Лотцъ, Краузе и др. Сисмонди, Милль и Дюрингъ также излагаютъ финансы въ связи съ Политической Экономіей, но они во многомъ расходятся со школой Ад. Смита, при чемъ Дюрингъ кладетъ въ основаніе этой связи то соображеніе, что нѣтъ будто-бы постоянной границы между частнымъ и общественнымъ удовлетвореніемъ потребностей, финансовое-же хозяйство есть только часть хозяйства общественнаго. Пёлитцъ (1823) соединяетъ финансы не только съ Политической Экономіей, но и съ наукой о полиціи.

5) Ганиль (1825) отводитъ наукѣ о финансахъ первенствующее мѣсто въ ряду государственныхъ наукъ, указывая на могущественное вліяніе ея на судьбы народовъ и государствъ. Аналогичныя воззрѣнія на эту науку выражаютъ Гандилло, графъ Соденъ (Staats-Finanz-Wirthschaft), Якобъ, Бэръ (1822) подвергшій особенно тщательному анализу финансовыя законодательство и управленіе, Рау, Гоккъ, Цахаріэ и др.

6) Ешенмейеръ (1809) употребляетъ терминъ государственно-хозяйственное право (Staats-Oeconomierecht). Шмидтъ (1880) говоритъ о всеобщемъ финансовомъ правѣ (allgemeine Finanzrecht), независимо отъ науки о финансахъ.

7) Уже въ 1810 г. появляется первое статистическое изслѣдованіе финансовъ Гарля (General-Finanz-Statistik), послѣ чего выходитъ въ свѣтъ цѣлый рядъ финансовыхъ трактатовъ, въ которыхъ отводится должное мѣсто статистическимъ даннымъ, какъ, напр., въ особенности у Мальхуса, Пфейфера, Чёрнига, Редена, Рикке, Фора, Енгеля, Козака и др. Въ русской литературѣ имѣются весьма цѣпныя казенныя изданія по статистикѣ финансовъ, равно какъ изданія земствъ и городовъ.

8) Первое по времени историческое изслѣдованіе принадлежитъ Рошеру (1843). Затѣмъ слѣдуетъ Пфейферъ (1866), котораго не надо смѣшивать съ Пфейферомъ, издавшимъ, какъ указано было выше, очеркъ науки финансового права еще въ прошломъ столѣтіи (1781). У Бергіуса, также имѣющаго однофамильца въ прошломъ столѣтіи, популяризовавшаго ученіе Юсти, рядомъ съ догматическимъ изслѣдованіемъ, гдѣ онъ является послѣдователемъ Милля, встрѣчаются и историческіе очерки. Въ новѣйшее время появилось изслѣдованіе Фокке о податной си-

стемъ съ точки зрѣнія исторіи и нравственности. На историческія изслѣдованія финансовъ въ русской литературѣ было уже указано выше (гл. IX, § 29).

9) Уже у Роттека (1829—1835) выражено ясно стремленіе выдвинуть впередъ правовую сторону госуд. хозяйства, не какъ права историческаго, а какъ „вѣчнаго права разума“ (Vernunftrecht). По мнѣнію Умфенбаха, наука о финансахъ должна быть замѣнена наукой общаго финансоваго права, задача которой заключается въ выработкѣ началъ финансоваго хозяйства въ правомѣрномъ государствѣ. Шеффле говоритъ, что высшее начало науки о финансахъ заключается въ указаніи на справедливое примѣненіе публичной власти къ покрытію государственныхъ расходовъ. У Гнейста (напр. въ вопросѣ о бюджетѣ) и, въ особенности, у Штейна правовой элементъ госуд. хозяйства подвергнутъ глубокому анализу, при чемъ Л. Штейнъ отводитъ въ своемъ ученіи объ управленіи (3-е изд. 1888 г.) должное мѣсто вопросамъ о финансовомъ законодательствѣ (Finanzverfassung) и финансовому управленію (Finanzverwaltung).

10) На мѣстные налоги, въ связи съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, обращено въ новѣйшее время особенное вниманіе, что и выразилось, между прочимъ, въ появленіи цѣлаго ряда монографій по этому предмету (Валькера, Билинскаго, Гнейста, Цюрна, Вагнера и др.) и въ числѣ ихъ обширная монографія проф. В. А. Лебедева, снабженная весьма полнымъ библіографическимъ указателемъ. Хозяйство-же органовъ соединства до сихъ поръ изслѣдовано сравнительно очень бѣдно, не взирая на довольно обширную литературу по этому предмету, но преимущественно юридическаго содержанія (Л. Штейнъ, Рено, Шеффле, Ауербахъ, Гирке, Дитцель и др.).

11) Вильсонъ замѣчаетъ по поводу государственнаго строя въ Англіи въ отношеніи къ податной сферѣ, что въ ней одни классы издають законы для другихъ. Послѣ народнаго движенія, съ котораго начинается періодъ конституціонализма въ Англіи и послѣ котораго конституціонное значеніе Парламента, состоящаго изъ двухъ Палатъ, упрочилось окончательно, народъ сталъ еще дальше прежняго какъ отъ пользованія политическими правами, такъ и отъ уравнительнаго участія въ несеніи податныхъ тяжестей; выиграла только буржуазія.

12) Первый лордъ казначейства считается предсѣдателемъ Совѣта Министровъ и Палаты Казначейства; онъ принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи лишь въ особенно важныхъ случаяхъ. Канцлеръ эксчеquera составляетъ бюджетъ, представляетъ его на утвержденіе Парламента, защищаетъ во время преній и является высшимъ исполнителемъ. Канцлеръ Казначейства, какъ членъ Палаты Общинъ, фактически управляетъ финансами, собственно-же Министромъ Финансовъ считается первый

лордъ казначейства, который въ то-же время и премьеръ-министръ.

13) Домены Корнваллеса и Ланкастера считаются до сихъ поръ королевскими и доходы съ нихъ идутъ въ пользу короля — Кромѣ комиссій 1786 г., назначены были еще комиссіи въ 1798, 1828, 1849 и 1851 гг., при чемъ послѣ работъ послѣдней комиссіи, домены окончательно изъяты были изъ вѣдѣнія короля, назначавшаго личный составъ управленія, хотя домены объявлены были государственными.

14) Крѣпостной пошлины, существующей въ Россіи, и, аналогичной ей во Франціи, актовой пошлины въ Англіи не существуетъ, за исключеніемъ Миддельсекскаго графства и Лондона, гдѣ нѣкоторыя коммерческія сдѣлки, сверхъ гербовой пошлины, подлежатъ еще и небольшому актовому сбору.

15) Установленный при Кромвелѣ прямой налогъ, нававшій на движимую и недвижимую собственность, долженъ былъ, вслѣдствіе трудности обложенія и взиманія, ограничиться одною только недвижимостью, а съ установленіемъ домового налога Кромвелевскій мѣсячный сборъ (monthly assessment) превратился въ исключительно поземельный налогъ. Противъ этого налога всегда возставала Палата лордовъ и до 1798 г. не допускала объявить его постояннымъ.

16) Поземельнымъ и общимъ подоходнымъ налогамъ не исчерпываются прямыя подати, которыя практиковались въ началѣ описываемой эпохи въ Англіи. Такъ, напр., временно установлена была личная классная подать, при раздѣленіи всего населенія на 4 класса и установленіи оклада отъ 1 шил. до 1 ф. и 5 ш.

17) Историкъ англійскихъ финансовъ, Пабло Пейреръ, указывая на чрезвычайное преобладаніе въ Англіи косвенныхъ налоговъ надъ прямыми, вслѣдствіе чего низшіе классы населенія являются главными плательщиками налоговъ, при сравнительно легкомъ обложеніи достаточныхъ классовъ, пророчить Англіи участь Голландіи, которая держалась такой-же финансовой политики, и указываетъ на Испанію, въ которой подъ вліяніемъ косвенныхъ налоговъ, какъ свидѣлствуетъ испанскій экономистъ XVI ст. Даміанъ де Оливаресъ, постепенно уменьшалось потребленіе и падало производство. Послѣдующее уменьшеніе числа акцизовъ, при всемъ разнообразіи пользы, принесенномъ имъ, едва-ли, какъ говоритъ проф. Янжуль, уменьшило податную тяжесть, лежавшую на народѣ. Если господствующая въ Англіи податная система не истощила средствъ народа, то это слѣдуетъ всецѣло приписать англійскому земскому хозяйству, держащемуся исключительно только началъ прямаго обложенія;—безъ этого условія ни принципъ самообложенія, ни болѣе или менѣе удовлетворительная организація финансоваго управленія не въ состояніи были-бы поддержать финансовъ, не истощая народа, какъ безсильны они сдѣ-

латъ это, напимѣръ, въ конституціонной Австріи, государственное хозяйство которой и материальное благосостояніе народа находятся въ неудовлетворительномъ положеніи.

18) Два года послѣ учрежденія Банка правительство приступило къ перечеканкѣ монеты. Для этого оно вносило въ Банкъ старую монету, брало за нее билеты и затѣмъ, по мѣрѣ приготовленія новой монеты, замѣняло ею старую. Замедленіе въ полученіи новой монеты и нѣкоторыя другія обстоятельства поставили Банкъ въ затруднительное положеніе относительно размѣна и билеты потеряли отъ этого въ цѣнѣ до 20%. Банкъ считалъ нужнымъ упрочить свое положеніе увеличеніемъ капитала подпиской, которая доставила 1,001,171 фл. с. Изъ этой суммы $\frac{1}{4}$ была внесена билетами государственнаго казначейства и облигаціями, $\frac{1}{5}$ — банковыми билетами, а затѣмъ долгъ казны увеличился на всю подписную сумму. Съ этихъ поръ правительство не разъ прибѣгло къ безсрочнымъ займамъ въ Банкѣ, которые дѣлались по подпискѣ. Этимъ, впрочемъ, не ограничивались услуги, которыя Банкъ оказывалъ казначейству: онъ давалъ и временныя ссуды и даже денежные подарки, конечно, не безъ расчета на какую нибудь выгоду отъ этого.

19) Англійское государственно-кредитное хозяйство составляетъ несомнѣнно тяжкое бремя, наложенное на будущія поколѣнія, и только чрезвычайное развитіе торговли и промышленности въ Англіи и широкое развитіе общественнаго кредита, при сравнительно довольно правильной организаціи его, отчасти облегчаютъ это бремя.

20) Возникновеніе налога для бѣдныхъ таково: духовенство издавна установило десятину и, кромѣ того, подать съ первыхъ плодовъ (first fruits) и продажу должностей. Парламентъ смотрѣлъ на богатства духовенства съ завистью, но короли были на сторонѣ духовенства и тѣмъ спасали его. Но когда Генрихъ III конфисковалъ имущество духовенства и духовныхъ учреждений, ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что церкви и монастыри, содержавшіе прежде бѣдныхъ, лишены были средствъ продолжать свою дѣятельность на поприщѣ благотворительности, вслѣдствіе чего явилась необходимость въ установленіи, такъ называемаго, налога для бѣдныхъ, независимо отъ учрежденія для этой же цѣли спеціальнаго фонда (Queen Anne's bounty). Управление этимъ налогомъ урегулировано было при королевѣ Елизаветѣ и продержалось почти безъ измѣненій до 1834 г. Въ настоящее время для дѣль по призрѣнію приходы могутъ соединяться въ союзы (unions) и налогомъ для бѣдныхъ завѣдуютъ совѣщанія при этихъ союзахъ управы (boards), члены которыхъ суть надзиратели за бѣдными; управы назначаютъ сборщиковъ налога. Налогъ этотъ падалъ сначала и на движимое имущество, но такъ какъ имущество это не подходило подъ общее опредѣленіе податныхъ объектов мѣст-

наго обложенія (visible and profitable property, situated in the parish), то закономъ королевы Викторіи движимое имущество было освобождено отъ мѣстныхъ налоговъ.

21) Закономъ 1874 г. привлечены были къ мѣстному податному обложенію еще и права охоты и ловли звѣрей и птицъ и рыбной ловли, при пользованіи ими отдѣльно отъ земли; въ противномъ-же случаѣ права эти входятъ въ общую оцѣнку земельной недвижимой собственности.

Глава XI-я.

Общественное право и социализмъ.

§ 35. Ученія объ управленіи и общественное право.

Оцѣнка политическихъ и экономическихъ ученій, соотвѣствующихъ эпохѣ конституціонализма. Ученіе объ управленіи. Вліяніе оказанное этимъ ученіемъ на развитіе науки финансоваго права.

Теорія Монтескье, со всѣми ея крайностями, явилась результатомъ неправильнаго пониманія англійскаго государственнаго строя и организациі англійской администраціи. Договорная теорія Руссо неправильно обобщила частныя явленія и не оправдала ею-же поставленнаго начала народнаго суверенитета, при чемъ Руссо, подобно Монтескье, рекомендуетъ раздѣленіе властей, какъ-бы упуская изъ виду, что государственная власть, должна быть сосредоточиваема, а не раздробляема. Конституціонная теорія отмежевала первое мѣсто состоятельному классу собственниковъ и капиталистовъ, исходя не изъ принципіальныхъ, а практическихъ соображеній. Теорія правоваго государства, предложенная Молемъ, узко опредѣлила государство какъ юридическій порядокъ соотношенія между государствомъ, съ одной стороны, и гражданами—съ другой. Та-же теорія въ переработкѣ Гнейста, хотя и представляется болѣе совершенною, будучи связана съ понятіемъ о т. н. правомѣрномъ управленіи, но въ ней

недостаточно выяснены существо и значеніе участія общества въ управленіи. Адамъ Смитъ, указавъ на то, что цѣна каждаго предмета есть трудъ, который долженъ быть употребленъ на созданіе или пріобрѣтеніе его, и что трудъ былъ первою монетою, уплачиваемою за всѣ вещи, не остался вѣренъ этому положенію, выдѣляя изъ цѣны и долю капитала и ренту. Кромѣ того, свобода конкуренціи и начало личного интереса, отстаиваемыя Смитомъ, какъ основы народнаго хозяйства, не имѣютъ приписываемаго имъ положительнаго и естественнаго значенія, какъ доказываютъ это историческое развитіе хозяйственныхъ отношеній и то вліяніе, которое оказывали на нихъ законы и учрежденія. Наконецъ, онъ ставитъ капиталистовъ въ податномъ отношеніи въ завѣдомо привилегированное положеніе, и это на основаніи исключительно практическихъ соображеній, а не принципіальныхъ, чтобы удержать ихъ капиталы въ странѣ. Историческая и статистическая школы, указавъ на новые приемы изслѣдованія, оказали услугу будущему развитію экономической науки, но не поставили новыхъ принциповъ, взамѣнъ поколебленныхъ старыхъ.

Испытанная на практикѣ несостоятельность нѣкоторыхъ основныхъ положеній этихъ политическихъ и экономическихъ ученій направила пытливые умы къ новымъ изслѣдованіямъ политической и хозяйственной сферъ, результатомъ которыхъ были новыя ученія. Преимущественное изслѣдованіе государственнаго устройства, при недостаточномъ вниманіи или даже полномъ пренебреженіи вопросамъ государственнаго управленія, должно было, наконецъ, привлечь вниманіе къ послѣднимъ, и въ этомъ случаѣ наука о полиціи сдѣлалась предметомъ наиболѣе многочисленныхъ и тщательныхъ изслѣдованій. До тѣхъ поръ, пока дѣятельностью правительства, направленною къ установленію условій безопасности и благоустройства, исчерпывалось понятіе о полиціи, содержаніе

науки полиціи и науки полицейскаго права соотвѣтствовало этому понятію. Но когда къ участию въ этой дѣтельности призвано было и общество, тогда наука полиціи, переживъ уже вторую фазу своего развитія подъ названіемъ полицейскаго права, неминуемо должна была уступить свое мѣсто наукѣ объ управленіи или о правѣ управленія или наукѣ административнаго права. Но эта третья ступень развитія науки полиціи явилась результатомъ не того только, что въ полицейской дѣтельности начали принимать участіе рядомъ съ правительственными органами и органы общественные, но и того, что совмѣстная дѣтельность органовъ правительства и общества, во-первыхъ, еще болѣе распространила дѣтельность полиціи въ обширномъ смыслѣ, во вторыхъ, существенно измѣнила не только характеръ, но и цѣль дѣтельности полиціи, и, въ третьихъ, породила необходимость опредѣлить правовыми нормами соотношеніе между обществомъ и государствомъ. Но новая наука объ управленіи или о правѣ управленія была безсильна выполнить всѣ эти задачи, такъ какъ въ основаніи ея положено было понятіе о государствѣ, а не объ обществѣ, участіе котораго въ управленіи являлось поэтому дѣтельностью какъ-бы по уполномочію, зависимою, произвольно опредѣляемою извнѣ. Единственное, что было по силамъ этой наукѣ и что она и выполнила это — выдѣленіе понятія о полиціи въ тѣсномъ смыслѣ, какъ учрежденія, изъ понятія о полиціи въ обширномъ смыслѣ, какъ задачи, при болѣе или менѣе точномъ опредѣленіи соотношенія между государственными устройствомъ и управленіемъ, законодательствомъ, юстиціей и администраціей.

Въ настоящее время на смѣну науки объ управленіи пытается выступить ученіе объ общественномъ правѣ или объ общественномъ (соціальномъ) управленіи или о правѣ общественнаго управленія, и такимъ образомъ наука о полиціи вступаетъ въ четвертую фазу своего развитія. Въ основаніи этаго

новаго ученія положено понятіе о обществѣ и, согласно съ этимъ, предметомъ ученія о правѣ общественнаго управленія сдѣлалась общественная самодѣятельность при содѣйствіи правительства, направленная къ достиженію разумныхъ цѣлей жизни или общаго блага. Въ этомъ ученіи общество рассматривается уже не какъ объектъ, а какъ субъектъ управленія¹⁾. Эта новая фаза развитія науки о полиціи, тѣсно связанной съ наукой о финансахъ, разумѣется, не могла остаться безъ вліянія на развитіе послѣдней, и вліяніе это выразилось, между прочимъ, въ томъ, что въ наукѣ финансоваго права общественному (соціальному) элементу, оставлявшемуся безъ вниманія, начали удѣлять все больше и больше мѣста, при соотвѣтствующемъ развитіи изслѣдованій хозяйства органовъ самоуправления и соединства, какъ органовъ общественнаго управленія.

Въ сравнительно короткій промежутокъ времени появился цѣлый рядъ какъ полныхъ трактатовъ о финансахъ въ связи ученіемъ о мѣстномъ общественномъ хозяйствѣ, такъ и отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ именно этому хозяйству. Въ обширномъ и капитальномъ трудѣ Рёслера совершенно самостоятельно разработано все ученіе о правѣ общественнаго или соціальнаго управленія. Въ трудахъ Гнейста о selfgovernment'ѣ въ Англіи и Штейна объ управленіи — обширно разработано ученіе о внутреннемъ управленіи въ связи съ ученіемъ и самоуправленія и соединствѣ (Vereinswesen). Въ экономическихъ изслѣдованіяхъ Шеффле и Вагнера дается подробная и основательная разработка ученія объ общественномъ, соціальномъ строѣ. Такимъ образомъ программа науки финансоваго права неминуемо должна была разшириться, она не могла уже оставаться въ узкихъ рамкахъ представленія о финансовомъ хозяйствѣ государства въ тѣсномъ смыслѣ, она не могла не захватить въ свою область еще и ученія о финансовомъ хозяйствѣ всѣхъ прину-

дѣтельныхъ союзовъ, высшею формою которыхъ является собственно государственное хозяйство, въ тѣсномъ смыслѣ. Эта новая фаза въ развитіи науки о финансахъ, какъ объясняетъ Вагнеръ, есть необходимое послѣдствіе перемѣнъ въ воззрѣніяхъ современной государственной науки и новыхъ явленій общественной жизни. Государство, то само по себѣ, то въ соединеніи съ общественными органами, обязано выполнить множество задачъ; общество, въ свою очередь, то само по себѣ, то при содѣйствіи государства, преслѣдуетъ множество задачъ; въ конечномъ-же результатѣ тѣ и другія задачи оказываются совершенно аналогичными, сходными, направленными къ одной общей цѣли, — къ общему благу, къ культурному развитію общественныхъ и личныхъ силъ. Осуществленіе этой общей цѣли требуетъ матеріальныхъ средствъ, въ приобрѣтеніи и расходованіи которыхъ должна осуществляться та-же солидарность, та-же органическая связь, вслѣдствіе чего получается въ результатѣ какъ-бы одно общее хозяйство изъ совокупности отдѣльныхъ принудительныхъ хозяйствъ, одно органическое цѣлое, которое можетъ быть названо государственнымъ хозяйствомъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, въ отличіе отъ финансовъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ части цѣлаго²⁾. Согласно съ этимъ, подъ финансовымъ управленіемъ, въ обширномъ смыслѣ, понимается совмѣстная хозяйственная дѣятельность органовъ правительства, самоуправления и соединенства для достиженія одной общей цѣли. Финансовымъ-же управленіемъ, въ тѣсномъ смыслѣ, называется хозяйственная дѣятельность исключительно только органовъ правительства для достиженія цѣлей государства. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ границы управленія въ общемъ опредѣляются степенью культуры даннаго государства въ данную эпоху и, согласно съ этимъ, граница управленія для каждой изъ трехъ категорій органовъ опредѣляется выработавшимся для даннаго момента понятіемъ о соотношеніи между началами госу-

дарственного, федеративнаго и личнаго интересовъ, и понятіями, объ индивидѣ, обществѣ и государствѣ и ихъ цѣляхъ³⁾). Нѣкорые, какъ, наприм., Сей, относя всю сферу собственно гос. хозяйства (финансовъ) въ отдѣлъ потребленія народнаго дохода, полагають, что чѣмъ уже эта сфера дѣятельности правительства, тѣмъ лучше. Наоборотъ, большинство социалистовъ, не выдѣляя правительства изъ понятія о государствѣ, говорятъ, что чѣмъ шире государственно-хозяйственная сфера, тѣмъ лучше. Очевидно, что единство воззрѣній на этотъ предметъ не можетъ установиться до тѣхъ поръ, пока, при содѣйствіи науки общественнаго права, послѣ уясненія соотношенія между обществомъ и государствомъ, не будетъ совершенно вытѣснено самостоятельное и обособленное понятіе о финансовомъ управленіи въ тѣсномъ смыслѣ, имѣющемъ значеніе только части цѣлаго; опредѣленіе же размѣра этой части, какъ указано выше, зависитъ отъ наличныхъ историческихъ условій.

§ 36. Соціализмъ.

Возраженія противъ нѣкоторыхъ положеній ученія Ад. Смита. Соціалисты. Сенъ-Симонъ. Сисмондисты. Бюшезъ. Луи Бланъ. Лассаль. Возраженія противъ ученія социалистовъ. Шульце Деличе. Бастіа. Прудонъ. Фулье. Вліяніе оказанное социализмомъ на теорію и практику государственнаго хозяйства.

Однимъ изъ первыхъ критиковъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній въ ученіи Ад. Смита выступилъ французскій экономистъ Сисмонди. Онъ нападалъ въ особенности на то, что экономисты школы Ад. Смита отдѣляютъ богатство отъ чело-вѣка, упуская совершенно изъ виду возможность чрезмѣрнаго производства и вообще, такъ называемыхъ, экономическихъ кризисовъ. Кромѣ того онъ оспаривалъ, будто-бы частный интересъ и соперничество служатъ общему благу. Вообще, нападая на начала свободы промышленности и соперничества, отстаиваемыя школой Смита, Сисмонди желаетъ установленія

порядка въ промышленности, въ отношеніяхъ между рабочими и предпринимателями, въ аграрныхъ отношеніяхъ и т. п., при чемъ относительно собственно финансовъ онъ находитъ четыре основныхъ положенія Смита недостаточными, неполными и рѣшительно не соглашается съ отрицательнымъ воззрѣніемъ Рикардо на госуд. займы. Листъ, будучи также противникомъ свободы промышленности, возстаетъ противъ космополитичности экономического ученія Смита, упускающаго изъ виду, что экономія должна быть національною и она должна учить тому, какимъ образомъ при данныхъ условіяхъ данное государство можетъ достигнуть наибольшаго благосостоянія. Экономисты школы Смита ошибочно утверждаютъ, говоритъ Листъ, что богатство состоитъ въ однихъ только предметахъ, такъ что, по ихъ матерьялистической доктринѣ, выходитъ, будто бы трудъ откармливателей свиней производителенъ, тогда какъ трудъ воспитателя людей непроизводителенъ. Далѣе, они неправильно понимаютъ раздѣленіе труда какъ разложеніе занятій, а не какъ соединеніе производительныхъ силъ, о которыхъ вообще они имѣютъ смутное понятіе, такъ какъ не замѣчаютъ, что силы эти сами по себѣ представляютъ цѣнности, а потому входятъ въ составъ народнаго богатства. Наконецъ, Листъ возстаетъ противъ, отстаиваемой этой школой, свободы торговли, доказывая, что отъ такой свободы выигрываютъ только государства исключительно земледѣльческія или съ вполнѣ развитою мануфактурной промышленностью, между тѣмъ какъ государства, въ которыхъ мануфактуры находятся лишь въ началѣ своего развитія, непременно нуждаются въ покровительствѣ. Кэри, называемый вмѣстѣ съ Бастіа основателемъ, такъ называемой, школы согласія интересовъ, возстаетъ въ особенности противъ Мальтуса и Риккардо, которыхъ онъ называетъ авторами фаталистическихъ экономическихъ ученій. По ученію Кэри, накопленіе капиталовъ, содѣйствуя большей производительности труда,

уменьшаетъ количество его, вслѣдствіе чего интересы капиталистовъ и рабочихъ находятся въ полномъ согласіи. Точно также и интересы землевладѣльца согласны съ интересами земледѣльца, такъ какъ рента есть процентъ съ накопленнаго капитала. Позднѣе, однако, Кэри отступилъ отъ этихъ воззрѣній и примкнулъ отчасти къ соціалистическому направленію, требуя вмѣшательства въ промышленную сферу и установленія охранительнаго тарифа, причемъ онъ выступилъ поборникомъ децентрализаціи въ хозяйственной сферѣ⁴⁾. Риккардо, оставаясь вѣрнымъ началамъ школы Ад. Смита во всей ихъ послѣдовательности, приходитъ однако къ такимъ выводамъ, за которыми нельзя не признать значенія рѣзкаго осужденія теоріи естественнаго порядка въ хозяйственной сферѣ. Чтоже касается Милля, то будучи энергическимъ противникомъ Смитовскаго начала господства личнаго интереса, себялюбія, въ общественно-хозяйственной сферѣ, онъ сдѣлалъ попытку согласовать положенія господствовавшей школы съ тѣми началами альтруизма, которыя стремились примѣнить къ хозяйственной сферѣ соціалисты, а потому не безъ основанія нѣкоторыми образно опредѣляется ученіе Милля какъ мостъ, перекинутый между господствовавшими экономическими воззрѣніями, въ основаніи которыхъ лежало начало эгоизма, и новыми экономическими воззрѣніями, проникнутыми началами альтруизма, что, между прочимъ, отразилось и на нѣкоторыхъ финансовыхъ воззрѣніяхъ его, какъ энергическаго защитника налога на наслѣдства, прогрессивной подати и минимума доходовъ, свободного отъ податнаго обложенія.

Основателемъ школы соціалистовъ считается Сень-Симонъ⁵⁾. По мнѣнію Сень-Симона, взявшаго подъ свою защиту предпринимателей, разумѣя въ томъ числѣ и рабочихъ, земледѣльческая промышленность во Франціи въ его время находилась въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ, чѣмъ обро-

батывающая промышленность и торговля. Въ послѣднихъ двухъ отрасляхъ капиталистъ, котораго онъ называетъ ссужателемъ капиталовъ, отказывается отъ всѣхъ правъ на уступленный капиталъ и предприниматель произвольно даетъ ему желаемое назначеніе; въ земледѣліи же предприниматель, т. е. арендаторъ, связанъ собственникомъ по рукамъ и по ногамъ, а потому, дабы обезпечить господство труда, представителемъ котораго во всѣхъ отрасляхъ производства является предприниматель, необходимо изданіе закона, ставящаго арендаторовъ въ равное положеніе съ фабрикантами и купцами. Но такъ какъ законы издаются Палатой, а въ Палату избираются лица платящіе налоги определенной высоты, то нужно заставить арендаторовъ уплачивать всѣ налоги, уплачиваемые теперь землевладѣльцами. Арендаторы, проникнувъ такимъ образомъ въ Палату, сдѣлають тунеядцевъ безгласными (т. е. землевладѣльцевъ не занимающихся хозяйствомъ, а отдающихъ землю въ аренду) и издадутъ полезные для себя законы. По мнѣнію Сень-Симона, самая важная отрасль дѣятельности государственной власти заключается въ составленіи бюджета, а такъ какъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе искусны промышленники, дѣлающіе производительными свои капиталы, то имъ должно быть предоставлено право составлять проекты смѣтъ, обсуждать и утверждать ихъ. Сень-Симонъ предлагаетъ, чтобы министръ финансовъ избирался изъ среды промышленниковъ, проводшихъ извѣстное число лѣтъ въ управленіи промышленными дѣлами. При каждомъ министрѣ должны быть Палаты для обсужденія расходовъ по министерству; — онѣ должны состоять изъ лицъ промышленнаго званія. Люди народа, говоритъ С.-Симонъ, нуждаются, какъ и всѣ другіе, въ полномъ удовлетвореніи своихъ потребностей, тѣлесныхъ и духовныхъ. Дать наиболѣе средствъ къ удовлетворенію этихъ потребностей, — значитъ доставить имъ возможно-большее количество работы, а

это может быть сдѣлано только въ томъ случаѣ, если право составлять бюджетъ будетъ принадлежать главамъ промышленныхъ заведеній. Преслѣдуя собственные выгоды, они составятъ скромный бюджетъ, отнимающій у страны наименѣе производительныхъ силъ.

Послѣдователи Сень-Симона, — сенсимонисты, имѣя предъ глазами факты изъ хозяйственной жизни, неизвѣстные Сень-Симону, или упущенные имъ изъ виду, болѣе приблизились къ основной задачѣ своего учителя, заключающейся въ улучшеніи положенія рабочаго класса. Сенсимонисты поставили современному обществу три задачи, удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, должно улучшить условія хозяйственной жизни: 1) орудія труда должны быть изъяты изъ частной собственности, 2) пользование ими должно быть дѣломъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлаго учрежденія. Для достиженія этихъ задачъ они проектировали, между прочимъ, учрежденіе одного огромнаго государственнаго банка. Это новое кредитное учрежденіе должно состоять изъ цѣлой совокупности банковъ, во главѣ которыхъ будетъ стоять одинъ центральный банкъ. Въ центральный банкъ и его филиалы стекаются всѣ средства государства, которыя онъ и распределяетъ по всей странѣ, согласно съ потребностями цѣлаго и частей.

Бюпезъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ послѣдователей Сень-Симона, отдѣлившійся отъ школы сенсимонистовъ вслѣдствіе несогласія въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, отстаивалъ въ особенности, въ интересахъ рабочаго класса, необходимость введенія порядка въ кредитныя отношенія, дабы рабочіе могли пользоваться кредитомъ на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Для этой цѣли онъ предлагалъ учрежденіе кассы общественнаго кредита. Въ нее стекаются всѣ налоги государства. Обладая крупнымъ фондомъ, она можетъ выпускать на значительную сумму билеты на предъявителя. Въ департамен-

тахъ касса устраиваетъ свои конторы. Чрезъ ея руки проходитъ весь кредитъ, необходимый для производства. Такъ какъ частные банки не обладаютъ столь большимъ имуществомъ, то они не могутъ открывать кредита на одинаково-выгодныхъ условіяхъ, а слѣдовательно, они лишены будутъ возможности соперничать съ общественной кассой. Правленіе кассы состоитъ изъ сборщиковъ податей и представителей промышленныхъ занятій. Благодаря обширной статистикѣ и сношеніямъ съ иностранными землями, касса можетъ открывать кредитъ соразмѣрный съ нуждами хозяйственной жизни и тѣмъ предупреждать кризисы.

Луи Бланъ, также ратуя за интересы рабочаго класса, желаетъ, чтобы государство стало во главѣ производства. Государство пріобрѣтаетъ, съ помощью займовъ, капиталы и устраиваетъ на нихъ общественныя мастерскія. По учрежденіи мастерскихъ, государство устраиваетъ лѣстницу должностей; оно руководитъ мастерскими въ теченіи перваго года и затѣмъ предоставляетъ ихъ самимъ себѣ. Въ доказательство того, что государство можетъ взять на себя столь сложную обязанность, онъ указываетъ на почту, управленіе которою, при всей сложности и обширности предпріятія, можетъ служить образцомъ порядка и стройности, при чемъ навѣрное никто не захотѣлъ бы передачи почтъ въ вѣдѣніе частныхъ лицъ⁷⁾.

Болѣе обстоятельныѣ всѣхъ остальныхъ соціалистовъ касается собственно-финансовыхъ вопросовъ Лассаль, — въ особенности въ своей защитительной рѣчи по обвиненію его въ возбужденіи рабочаго класса противъ достаточныхъ людей, при чемъ онъ явился талантивымъ сторонникомъ прогрессивнаго подоходнаго налога и энергическимъ порицателемъ господствующей системы косвенныхъ налоговъ. Лассаль доказывалъ, что человекъ въ 20, 50, 100 разъ болѣе богатый не можетъ отъ этого въ 20, 50, 100 разъ болѣе по-

треблять соли, хлѣба, мяса и т. п., обложенныхъ акцизомъ, вслѣдствіе чего, очевидно, при системѣ косвенныхъ налоговъ нѣтъ никакой уравнительности и косвенные налоги являются нѣтъмъ инымъ, какъ привилегіей богатыхъ въ явный ущербъ бѣднѣйшимъ классамъ. Кромѣ того, онъ доказывалъ, что многіе т. н. прямые налоги по существу своему должны быть причислены къ косвеннымъ, наприм. поземельный налогъ и промысловый, такъ какъ налоги эти перекладываются плательщиками на потребителей. Равно какъ онъ указывалъ на вредъ косвенныхъ налоговъ для народнаго здравія, заставляя потреблять недоброкачественные продукты, замѣнять суррогатами многіе предметы первой необходимости или общаго потребленія и т. п. Далѣе, онъ указывалъ на опасность косвенныхъ налоговъ для политической свободы, въ виду непрямаго участія плательщиковъ въ платежѣ ихъ; — на безнравственное значеніе ихъ, такъ какъ они содѣйствуютъ расточительности въ сферѣ государственнаго хозяйства и вызываютъ корчемство и контрабанду. Затѣмъ, онъ polemизируетъ съ Ад. Смитомъ и Риккардо, которые, будучи противниками косвенныхъ налоговъ, говорятъ однако, будто бы налоги на нѣкоторые предметы первой необходимости, какъ, напр., на хлѣбъ, могутъ быть перелагаемы работниками на капиталистовъ, ибо заработная плата не можетъ быть ниже *minimum* общей суммы, за которую приобрѣтаются предметы первой необходимости, потребляемые рабочими. Онъ опровергаетъ это положеніе ссылкой на авторитеты, внутренними доказательствами и статистикой. А именно: онъ ссылается на Рау, который говоритъ, что налогъ на картофель, хлѣбъ, дрова, полотно и т. п. можно приравнять къ поголовной подати, такъ какъ онъ въ болѣе или менѣе равной степени падаетъ на всѣхъ членовъ семейства, а потому не можетъ быть переложень работникомъ на капиталиста, тѣмъ болѣе, что цѣна продуктовъ вообще гораздо

подвижнѣ заработной платы. То-же говоритъ Рошеръ, доказывая, что повышение цѣны продуктовъ первой необходимости неизбежно, при обложеніи этихъ продуктовъ налогомъ, влечетъ за собой ухудшеніе матерьяльной обстановки рабочаго до тѣхъ поръ, пока заработная плата приблизится къ *minimum*'у, необходимому для поддержанія существованія рабочаго. Кромѣ того, Лассаль доказываетъ, что заработная плата, опредѣляясь спросомъ и предложеніемъ, никоимъ образомъ не можетъ одновременно съ этимъ сообразоваться съ внезапнымъ повышеніемъ цѣны продуктовъ первой необходимости, тѣмъ болѣе, что, какъ доказываютъ сами-же Ад. Смитъ и Риккардо, косвенные налоги всегда уменьшаютъ, а не увеличиваютъ рабочій фондъ, т. е. тотъ капиталъ, который идетъ на заработную плату, на покупку (наемъ) труда. Далѣе, гдѣ заработная плата дошла до *minimum*'а, тамъ повышение цѣны предметовъ первой необходимости, создавая улучшеніе матерьяльных условій жизни, вызываетъ въ средѣ рабочаго класса болѣзни, атрофіи, случаи голодной смерти и т. п., и только послѣ достаточнаго децимированія рядовъ рабочаго класса, заработная плата приближается опять къ *minimum*'у цѣны предметовъ первой необходимости, вслѣдствіе уменьшенія предложенія рабочихъ рукъ. Онъ доказываетъ, что рабочій можетъ переложить налогъ на хлѣбъ только на другіе предметы первой необходимости, менѣе существенные, какъ наприм., кофе, табакъ и т. п., т. е. ограничить потребленіе ихъ; на капиталиста-же онъ этого налога никоимъ образомъ переложить не можетъ. Наконецъ, ссылаясь на Тука, извѣстнаго изслѣдователя исторіи цѣнъ, онъ доказываетъ то-же положеніе еще и тѣмъ, что, наприм., размѣръ заработной платы измѣняется, вслѣдствіе вздорожанія или обезцѣненія денегъ, гораздо медленнѣе всѣхъ другихъ предметовъ мѣны. Наприм., въ періодъ времени съ 1775—1801 г. заработная плата англійскаго портнаго подмастерья повыси-

лась съ 22 на 27 шиллинговъ въ недѣлю, между тѣмъ какъ количество хлѣба, которое можно купить за эту увеличенную сумму, упало на 50% сравнительно съ прежнимъ. Заработная плата каменщиковъ, штукатуровъ, кровельщиковъ и т. п. въ 1801 г. повысилась лишь на нѣсколько пенсовъ сравнительно съ платою, которая была 20 лѣтъ передъ тѣмъ, цѣна-же пшеницы и ячменя увеличилась въ это время втрое. Кромѣ того, если заработная плата повышается по прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе вздорожанія предметовъ первой необходимости, то повышение это далеко не всегда пропорціонально вздорожанію этихъ предметовъ. Далѣе, на замѣчаніе, дѣлаемое нѣкоторыми, что косвенные налоги падаютъ не на одни только предметы первой необходимости, но и на предметы роскоши, Лассаль возражаетъ, что, во-первыхъ, эти налоги или не имѣютъ значенія налоговъ на предметы роскоши, такъ какъ падаютъ на предметы общаго потребленія, т. е. потребляемые и бѣдными классами, напр., кофе, чай, табакъ, свѣчи и проч., или-же они мало доходны, потому что если предметы роскоши обложены слабо, то, при незначительномъ количествѣ ихъ и слабомъ потребленіи, доходъ отъ налога на нихъ можетъ быть только ничтожнымъ; если-же они обложены сильно, то обыкновенно они перестаютъ быть предметомъ потребленія. Въ доказательство этого Лассаль ссылается на Гофмана, который указываетъ, что въ Пруссіи въ 1810 г. введенъ былъ налогъ за содержаніе мужской и женской прислуги, экипажей, лошадей и собакъ, и налогъ этотъ, не смотря на высокій окладъ и даже прогрессивность его, далъ ничтожный доходъ. Въ Пруссіи-же въ 1808 г. введенъ былъ налогъ на золотыя, серебряныя и вообще ювелирныя вещи, которыя, если онѣ непроданы были казнѣ, должны были быть штемпелеваны; налогъ этотъ, не смотря на значительную высоту его оклада, далъ также ничтожный доходъ, а когда окладъ былъ еще повышенъ, то до-

ходъ не увеличился, а понизился, ибо владѣльцы обложенныхъ вещей предпочли скрыть ихъ или продать казнѣ. Лас-саль указываетъ еще и на то, что недостаточные классы потребляютъ больше достаточныхъ предметы первой необходимости, напр., соль, хлѣбъ и пр., не имѣя возможности замѣнить ихъ другими предметами⁸). По мнѣнію Генри Джорджа единственное средство, чтобы поднять и обезпечить благосостояніе рабочаго класса, заключается въ замѣнѣ индивидуальной частной собственности на землю собственностью общественной или государственной. Для достиженія этой цѣли необходимо, не прибѣгая ни къ выкупу ни къ конфискаціи, обложить землю налогомъ такъ, чтобы налогомъ этимъ поглощалась вся поземельная рента. Доходъ отъ такого налога будетъ неминуемо совершенно достаточенъ для покрытія всѣхъ расходовъ по государственному управленію, вслѣдствіе чего можно будетъ отмѣнить всѣ налоги, переложивъ ихъ на землю.

Ученіе социалистовъ, угрожая многимъ установившимся интересамъ, не могло не встрѣтить энергическихъ возраженій, которыя опирались на весьма различныя основанія, при чемъ одни нападали на это ученіе въ его цѣломъ, другіе-же только на части или, какъ напр. Прудонъ, на господствовавшее въ этомъ ученіи направленіе. Шульце-Деличе полагалъ совершенно ненужнымъ вмешательство государства для созданія новыхъ хозяйственныхъ учрежденій, считая несправедливымъ оказаніе государствомъ помощи однимъ классамъ на счетъ другихъ. Государство должно ограничиться охраненіемъ личности и имущества гражданъ. Такъ какъ право частной собственности на капиталъ есть явленіе вполне естественное и необходимое, то, говоритъ онъ, задача государства должна заключаться не въ содѣйствіи къ превращенію частной собственности въ общественную, а, наоборотъ, въ расширеніи круга лицъ, владѣющихъ капиталомъ. Пересозданіе

современнаго общественно-хозяйственнаго строя можетъ и должно быть произведено лишь на началѣ самопомощи, въ основаніи котораго лежитъ себялюбіе, т. е. забота каждаго о самомъ себѣ, о своемъ личномъ интересѣ.

Бастіа, подобно Кэри, полагалъ, что интересы всѣхъ факторовъ, участвующихъ въ производствѣ, находятся въ полномъ согласіи, а потому слѣдуетъ избѣгать какого-либо пересозданія общественно-хозяйственнаго строя. Интересы всѣхъ и каждаго требуютъ всеобщаго мира, предохраняющаго капиталъ отъ истребленія, такъ какъ, при возростаніи капитала, увеличивается абсолютная доля, получаемая капиталистомъ, и уменьшается относительная, доля-же работника увеличивается и абсолютно и относительно; а отъ послѣдовательнаго и полнаго примѣненія начала промышленной свободы зависятъ экономическій прогрессъ и соразмѣрное, справедливое распредѣленіе доходовъ.

Прудонъ считалъ средствомъ для устраненія общественно-хозяйственныхъ золъ измѣненіе не формы производства, какъ полагали соціалисты, а формы обмѣна. Подобно Родбертусу, онъ доказывалъ, что деньги (монета) были и есть причина экономического рабства, а потому деньги должны быть замѣнены кредитомъ, который надо сдѣлать всеобщимъ. Для этой цѣли необходимо устроить народный банкъ, распространяющій свою дѣятельность на всю страну. Членами этого банка, учрежденнаго государствомъ, состоятъ всѣ рабочіе, а во главѣ управленія банкомъ стоятъ представители всѣхъ отраслей промышленности. Каждому рабочему открывается безвозмездный кредитъ, соразмѣрный съ производительной силой его, съ количествомъ тѣхъ произведеній и услугъ, которыя онъ можетъ доставить. Билеты, при помощи которыхъ банкъ оказываетъ кредитъ, имѣютъ значеніе солиднѣйшихъ векселей, такъ какъ они выдаются не иначе, какъ замѣнъ равноцѣнности; должникомъ по нимъ является не одно

лице, а всѣ граждане — члены банка; никогда не можетъ быть излишка въ этихъ векселяхъ, обезцѣнивающаго ихъ, такъ какъ векселя выпускаются подъ цѣнности и потому сами суть дѣйствительныя цѣнности. Процентъ за пользованіе кредитомъ въ банкѣ взимается только такой, который достаточенъ для покрытія издержекъ управленія; но, кромѣ того, взамѣнъ теперь существующей системы налоговъ, облагающей все, кромѣ продукта, въ сущности долженствующаго быть единственнымъ предметомъ обложенія, при организаціи проектированнаго банка единственный налогъ будетъ заключаться въ 0/0, взимаемыхъ банкомъ за учетъ векселей. Процентъ этотъ будетъ, по мѣрѣ надобности, понижаться и повышаться, при чемъ общая сумма государственныхъ расходовъ неизбежно уменьшится, вслѣдствіе упрощенія управленія, и въ то время, когда теперь всѣ задачи международной торговли состоятъ въ томъ, чтобы удержать въ равновѣсіи торговый балансъ, тогда таможи будутъ совершенно ненужны, такъ какъ продукты будутъ обмѣниваться на продукты же, ибо банковые билеты являются представителями ихъ. Наконецъ, учрежденіе такого банка поведетъ къ погашенію всѣхъ государственныхъ долговъ, такъ какъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ банкъ выплатитъ банковыми билетами кредиторамъ государства всѣ ссуженныя ими деньги, при чемъ это вызоветъ и чрезвычайное увеличеніе спроса на трудъ. Относительно доменъ, за которыми вообще социалисты признаютъ весьма большое социальное значеніе, Прудонъ говоритъ, что они представляютъ собою юридическую и хозяйственную нецѣльность, хотя въ то же время онъ считаетъ необходимымъ развитіе промышленныхъ доменъ, имѣющихъ благоустройственное значеніе, какъ, напр., казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, каналовъ, доковъ и т. п., т. е. тѣхъ доменъ, которыя во французской финансовой терминологіи называются публичными доменами (domaine public).

По его мнѣнію, доходы государства должны слагаться изъ слѣдующихъ доходныхъ статей: поземельный налогъ, доходъ государственнаго банка, желѣзныя дороги, рудники, доки, воды и лѣса (eaux et forêts), почты и телеграфы, пороховые и селитренныя заводы и факультативные налоги (impôts facultatifs)⁹⁾. Прудонъ, утверждая, что всѣ налоги всегда берутъ часть валоваго дохода страны, а не часть капитала, вслѣдствіе чего въ конечномъ результатѣ всякій налогъ есть всегда налогъ на потребление, подводитъ всѣ существующіе налоги подъ слѣдующія категоріи: 1) натуральныя повинности, 2) налогъ на недвижимость, 3) налогъ на движимое имущество и на лицъ, 4) общественные налоги, т. е. соответствующіе общественному положенію плательщика и потребленію предметовъ роскоши, 5) квартирный налогъ, 6) патенты и лиценціи, 7) налоги на наслѣдства, даренія и отчужденія, 8) гербовый и нотаріальные сборы и 9) налогъ на потребление. Что же касается теоріи, то, по мнѣнію Прудона, она выработала слѣдующіе виды налоговъ: 1) прогрессивный, 2) капитальный, 3) подоходный и 4) поземельный налоги; но такъ какъ всѣ налоги входятъ непременно въ сумму расходовъ производства, то всѣ они имѣютъ значеніе налога на потребление, а слѣдовательно всѣ налоги прежде всего имѣютъ значеніе налога поголовнаго. Указывая на то, что слабый налогъ имѣетъ тенденцію къ единству, а крупный — къ множественности, Прудонъ выступаетъ защитникомъ множественности налоговъ, такъ какъ гражданинъ не только самъ по себѣ служить государству, но и имуществомъ своимъ, которое состоитъ изъ безконечно разнообразныхъ вещей. Налогъ платится каждымъ по его индивидуальности и способности, вслѣдствіе чего, говоритъ Прудонъ, подать обладаетъ способностью превращаться изъ поголовной въ личную, натуральную, подоходную и т. п., а отсюда явствуется невозможность единства налоговъ. Но, кромѣ того,

единообразное взиманіе налоговъ не иначе какъ въ денежной формѣ едва-ли правильно, такъ какъ въслѣдствіе этого, при движеніи и оборотѣ цѣнностей, затрудняется обнаруженіе настоящаго собственника. Множественность налоговъ есть, по мнѣнію Прудона, результатъ торжества свободы, тогда какъ единство устанавливается для борьбы съ стремленіемъ къ уклоненію отъ уплаты налоговъ, посредствомъ утайки имущества. Согласно съ такимъ воззрѣніемъ на налоги, Прудонъ выступаетъ энергическимъ противникомъ защищаемыхъ социалистами прогрессивной подоходной подати и налоговъ на предметы роскоши; о послѣднихъ онъ говоритъ, что они вышли изъ поддонковъ завистливой и несостоятельной посредственности; тѣ изъ адептовъ ихъ, которымъ случай далъ состояніе, первые бросаются въ оргіи и подаютъ скандальный примѣръ сумасбродствъ, вызванныхъ бѣдствіемъ и богатствомъ. Фискъ, говоритъ онъ, принялъ эту идею социалистовъ, во-первыхъ, въ видѣ одного изъ тѣхъ призрачныхъ утѣшеній, которыми политики любятъ угощать подлую толпу, во-вторыхъ, потому, что фискъ, всегда нуждающійся въ деньгахъ, радъ пользоваться каждымъ случаемъ, гдѣ ему указываютъ на возможность добыть деньги.

По мнѣнію Фулье, капитальная ошибка социалистовъ заключается въ абсолютности ихъ ученія, тогда какъ наука и политика обязаны своимъ развитіемъ истинамъ относительнымъ, согласнымъ съ наличными условіями. Абсолютныя истины или положенія суть фикціи ума, идѣлающіяся относительными, какъ только прилагаются къ дѣйствительности. Въ этомъ-же, продолжаетъ онъ, погрѣшаютъ и экономисты, причемъ особенно рельефно выступаетъ эта односторонность въ рѣшеніи ими вопроса объ индивидуальномъ, личной собственности. Они признаютъ только абсолютную индивидуальную собственность, тогда какъ социалисты признаютъ только абсолютную социальную собственность, причемъ тѣ и другіе

упускаютъ изъ виду, что всякая собственность состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, принадлежащихъ нѣсколькимъ хозяевамъ, — человѣку, природѣ и обществу. Намъ принадлежитъ форма, нами же созданная; доля природы заключается въ материю, естественномъ фондѣ, послужившемъ намъ орудіемъ и средствомъ; доля общества заключается въ томъ социальномъ фондѣ, который косвенно участвовалъ въ нашемъ трудѣ и который состоитъ въ результатахъ умственнаго и нравственнаго воспитанія, въ общественныхъ капиталахъ и учрежденіяхъ, во всемъ социальномъ строѣ и т. п. Фондъ этотъ, накапливаясь вѣками, можетъ увеличиваться до безконечности, совершенно независимо отъ требуемой социалистами отмены института частной собственности. Кромѣ того, социалисты, говоритъ онъ, ошибочно рассматриваютъ современное экономическое зло какъ продуктъ воли человѣка, а не природы его, отъ измѣненія которой путемъ воспитанія и образованія зависитъ и устраненіе этого зла; вслѣдствіе чего они ошибочно признаютъ за общественной властью безусловную способность не только устранить это зло, но еще и создать общее благополучіе. Наконецъ, социалисты, заключаетъ онъ, желая социализировать производство, потребленіе и распредѣленіе, какъ бы нехотятъ видѣть, что, щадя личность, индивидуальное начало, дабы люди не превратились въ безличныя номера, можетъ быть социализировано исключительно только распредѣленіе, имѣющее безспорно общественное значеніе, вслѣдствіе чего оно не можетъ быть производимо безъ всякаго участія государства, какъ блюстителя интересовъ общественныхъ, социальныхъ и т. п.

Ученіе социалистовъ, которое въ конечномъ результатѣ сводится къ указанію на вредъ, проистекающій отъ распространенія права собственности на орудія производства, и къ указанію на способы изъятія ихъ изъ частной собственности съ цѣлью эмансипаціи труда отъ гнета капитала, внесло въ

науку финансового права резкую критику косвенных налогов, теорию налога на наследства, теорию минимума дохода, освобождаемого от податного обложения, теорию прогрессивного налога, в котором социалисты видѣли одно из средств къ уравненію богатствъ, теорию государственного кредита, рассматриваемаго какъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ къ улучшенію условій общественнаго хозяйства, согласно съ программой социалистовъ, и, наконецъ, ученіе о государственныхъ имуществахъ и промыслахъ, приблизившее отчасти социалистическую догму къ коммунизму, возстающему противъ всякаго обособленія личныхъ интересовъ въ хозяйственной сферѣ. Но какогонибудь социалистическаго трактата, обнимающаго финансы въ ихъ цѣломъ, до сихъ поръ въ литературѣ по наукѣ финансового права не появлялось, такъ что цѣлая система науки финансового права, построенная на началахъ социализма, до сихъ поръ никакъ еще не разработана. Большинство-же отдѣльныхъ вышеперечисленныхъ положеній социалистовъ касательно финансовъ встрѣчается въ литературѣ науки финансового права еще раньше и не у сторонниковъ социализма; такъ, напр., Бентамъ былъ горячимъ сторонникомъ минимума свободнаго отъ податнаго обложения, равно какъ и Милль, который, кромѣ того, энергически отстаивалъ прогрессивный налогъ на наследства; уже въ прошломъ столѣтіи выработалась цѣлая литература противъ косвенныхъ налоговъ вообще, или-же тѣхъ только, которые падаютъ на предметы первой необходимости; ревностныхъ защитниковъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій вообще, или ради социальныхъ задачъ, которыя можно возложить на нихъ, также встрѣчается не малое число, минуя ряды социалистовъ, но со стороны последнихъ ново въ данномъ случаѣ то универсальное значеніе, которое они придаютъ кредиту вообще и которое служитъ какъ-бы отраженіемъ новыхъ, не установившихся еще условій

общественнаго хозяйства. Вообще въ наукѣ финансоваго права ученію соціалистовъ ставится въ укоръ, что оно касается сферы государственнаго хозяйства не какъ цѣли, а какъ средства для уравниенія существующаго неравномѣрнаго распредѣленія богатствъ путемъ полного переложенія всѣхъ податныхъ тяжестей съ работника исключительно только на достаточные классы. Слѣдовательно, соціалисты являются, въ сущности, не защитниками уравнительности въ податной сферѣ, но гонителями ея, какъ неправильнаго начала, основаннаго будто-бы на софизмѣ; по той-же причинѣ въ ученіи соціалистовъ и не выработано до сихъ поръ ни одной общей и полной государственно-хозяйственной системы. Точно также въ средѣ руководителей финансовою политикой до сихъ поръ не было послѣдователей полной соціалистической догмы, хотя и были сторонники отдѣльных положеній, такъ называемаго, государственнаго соціализма, по инициативѣ или при содѣйствіи которыхъ въ финансовую практику успѣли уже пустить корни прогрессивный подоходный налогъ, нынѣ введенный почти во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, хотя и въ очень слабой его формѣ, налогъ на наслѣдства, выкупъ государствомъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, организація личнаго (трудоваго) кредита и т. п. Въ этихъ случаяхъ руководствовались обыкновенно болѣе фискальными, чѣмъ какими-либо иными соображеніями, какъ-бы въ подтвержденіе того положенія Родбертуса, что всегда податной интересъ первый мирится съ, такъ называемымъ, колебаніемъ социальныхъ основъ.

1) Рёслеръ,—одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей ученія объ общественномъ правѣ, понимаетъ подъ правомъ управленія правовой порядокъ, регулирующей взаимную дѣятельность органовъ культурной жизни людей въ государствѣ, и дѣлитъ это право на формальное и матерьяльно. Соціальное-же право управленія, говоритъ онъ, опредѣляетъ правовой порядокъ отношеній,

возникающихъ изъ дѣятельности цѣлаго общества и отдѣльныхъ членовъ его, которая имѣетъ цѣлью культурное развитіе. Въ русской литературѣ, значительно раньше Рёслера, проф. Лешковъ высказался въ своей книгѣ „Руссій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка, Москва, 1858“ за замѣну науки полицейскаго права, въ обширномъ смыслѣ, наукой общественнаго права, какъ наукой о правахъ частныхъ лицъ и обществъ на ту дѣятельность и на тѣ средства, которыми совершается въ государствѣ развитіе и обезпеченіе цивилизаціи, или благосостоянія народа.

2) Такого государственнаго хозяйства въ обширнѣйшемъ смыслѣ въ научной разработкѣ еще не имѣется, но необходимость его все болѣе и болѣе проникаетъ въ общественное сознаніе, какъ это видно, напр., изъ предлагаемаго Л. Штейномъ различія понятій о государ. хозяйствѣ (Staatswirthschaft) и о публичномъ хозяйствѣ (öff. Wirthschaft), изъ выясненнаго Ад. Вагнеромъ понятія о совокупности принудительныхъ хозяйствъ, изъ сдѣланной Дюрингомъ попытки опредѣленія общественнаго хозяйства (Socialöconomie) въ обширномъ смыслѣ, и т. п.

3) Въ исторіи можно найти эпохи не только преимущественнаго, но даже исключительнаго сосредоточенія всего финансоваго управленія въ рукахъ какой-нибудь изъ трехъ категорій органовъ, и эпохи эти совпадаютъ съ періодами преимущественнаго или исключительнаго господства началъ государственнаго, или федеративнаго или личнаго интересовъ, такъ что не всѣ эти интересы находили себѣ защиту и осуществленіе, согласныя съ внутреннимъ значеніемъ ихъ, а только какая-нибудь одна изъ этихъ трехъ категорій интересовъ.

4) Нѣкоторые представители исторической школы также отчасти примкнули къ новому направленію, образовавъ какъ-бы особую группу социалистовъ, которыхъ въ Германіи прозвали катедеръ-социалистами.

4) Вообще социализмъ въ своемъ развитіи принялъ первоначально три направленія, пока не получилъ той теоретической разработки, которую дали ему, главнѣйшимъ образомъ, Лассаль, Карлъ Марксъ и Родбертусъ. Первое направленіе это—сенсимонизмъ, оказавшійся достаточно прочнымъ для дальнѣйшаго развитія; второе—фурьеризмъ, не пережившій своего основателя; третье—буенизмъ (Робертъ Оуенъ), который постигла та-же участь.

6) Сенъ-Симонъ, живя на рубежѣ между прежнимъ феодально-цеховымъ промышленнымъ строемъ и новымъ капиталистическимъ, не замѣтилъ да и не могъ еще замѣтить той рѣзкой грани, которая начала обозначаться между промышленникомъ-предпринимателемъ и наемнымъ рабочимъ. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прежняго порядка, когда хозяинъ предпріятія былъ неминуемо также и мастеромъ-рабочимъ, Сенъ-Симонъ совершенно

естественно отождествляетъ въ понятіи о промышленникѣ и предпринимателя и рабочаго.

7) Луи Блану удалось, въ 1848 г., осуществить до известной степени на практикѣ свой планъ хозяйственной организаціи, но отчасти вслѣдствіе ошибокъ въ самомъ планѣ, главнѣйшимъ же образомъ вслѣдствіе массы практическихъ препятствій и неумѣлости исполнителей, опытъ окончился неудачей.

8) Съ финансовыми воззрѣніями Родбертуса знакомятъ отчасти его ученія о рентѣ и деньгахъ и тотъ отдѣлъ его „Исслѣдованій въ области національной экономіи классической древности“, который посвященъ римской трибутной подати. Карлъ Марксъ собственно государственнаго хозяйства въ своемъ изслѣдованіи о капиталѣ не касается.

9) Въ 1861 г. Прудонъ издана была монографія *Théorie de l'impôt*, которую онъ писалъ на премію, предложенную швейцарскою академіей. Въ этой монографіи, равно какъ въ выгнанныхъ ею полемическихъ статьяхъ Прудона противъ Шербюлье, Прудонъ изложилъ свои финансовыя воззрѣнія, во многомъ отличныя отъ его-же воззрѣній на тотъ-же предметъ, изложенныхъ въ другихъ его сочиненіяхъ.

Глава XII-я.

Пособія и источники.

§ 37. Пособія.

Богатство литературы. Пособія во французской литературѣ. Пособія въ нѣмецкой литературѣ. Пособія въ русской литературѣ.

Литература по наукѣ финансоваго права вообще очень богата и качественно и количественно, при чемъ, какъ видно изъ вышеизложеннаго историческаго очерка развитія этой литературы, она отличается разнообразіемъ направленій, при вообще весьма различномъ опредѣленіи границъ этой науки и отношенія ея къ Политической Экономіи ¹⁾).

Во французской, особенно-же въ англійской литературѣ преобладаетъ изложеніе ученія о финансахъ какъ части Политической Экономіи, вслѣдствіе чего въ ученіи этомъ рѣзко

выдвигается экономическій элементъ въ ущербъ политическому и правому, при чемъ границы государственнаго хозяйства опредѣляются весьма узко. Подобное изложеніе ученія о финансахъ встрѣчается также въ нѣмецкой и русской литературѣ. Во французской литературѣ къ числу позднѣйшихъ пособій такого рода относится новое изданіе (1876 г.) *Traité d'économie politique, par Jean Baptiste Say*²). Но въ теченіи второй половины нынѣшняго столѣтія все чаще и чаще начинаютъ появляться въ этой литературѣ отдѣльныя отъ Политической Экономіи изслѣдованія науки о финансахъ. Такой характеръ имѣютъ позднѣйшее (1883 г.) изданіе *Traité des finances J. Garnier, Principes de la science des finances R. Gandillot* (1874) и, въ особенности, три изданія (1877, 1879, 1883) *Traité de la science des finances Leroy Beaulieu*. Въ числѣ этихъ трехъ авторовъ, безспорно первенствующее мѣсто принадлежитъ послѣднему. Въ своемъ трактатѣ о наукѣ финансовъ Леруа-Болье отвелъ много мѣста историческимъ и статистическимъ даннымъ и, держась практическаго направленія, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на изслѣдованіи госуд. доходовъ и условій пользованія ими, минуя вопросы о соотношеніи между государственнымъ, финансовымъ и общественнымъ хозяйствами, о государственныхъ расходахъ въ связи съ задачами государства и т. п. Вообще въ этомъ трактатѣ преобладаютъ не научные принципы, а практическіе выводы ученаго, что и необходимо имѣть въ виду при пользованіи этимъ цѣннымъ пособіемъ для изученія науки финансоваго права. Капитальный трудъ другаго французскаго финансиста, Ескиру де Парье, хотя и не обнимаетъ собою всей финансовой науки, касаясь лишь налоговъ (*Traité des impôts, 1866*), тѣмъ не менѣе безспорно также долженъ быть отнесенъ къ разряду необходимыхъ пособій, въ виду множества вошедшихъ въ этотъ трудъ историческихъ данныхъ, обстоятельнаго знакомства автора не съ одною лишь фран-

цузскою литературой и строго научнаго характера выводовъ ³⁾. Въ нѣмецкой литературѣ изложеніе ученія о финансахъ какъ части Политической Экономіи встрѣчается сравнительно рѣдко, въ особенности въ новѣйшее время, при чемъ вообще въ литературѣ этой безусловно преобладаетъ теоретическое, а не практическое направленіе. Такое изложеніе въ ближайшее къ намъ время мы находимъ въ Grundzüge der National-Oekonomie v. Max Wirth, (1882) Cursus der National-und Socialökonomie einschliesslich der Hauptpunkte der Finanzpolitik v. Dühring (1874) Handbuch der Politischen Oekonomie v. G. Schönberg (1885), гдѣ впрочемъ ученіе о финансахъ изложено по довольно широкой программѣ, со включеніемъ ученія объ общинныхъ налогахъ, и Handbuch der Politischen Oekonomie v. Walker (1887). Къ болѣе отдаленному времени относится Lehrbuch der Politischen Oekonomie v. К. Н. Рау, 5-ое изданіе котораго (1865) имѣется въ русскомъ переводѣ проф. Лебедева и Корсака, 6-ое же изданіе явилось въ переработкѣ Ад. Вагнера и Нассе совершенно новымъ трудомъ, которому въ 3-мъ изд. его (1883) дано и соответствующее заглавіе Finanzwissenschaft v. Adolph Wagner. Этотъ послѣдній трудъ не можетъ быть не отнесенъ къ числу лучшихъ пособій въ нѣмецкой литературѣ. Курсовъ-же и руководствъ, въ которыхъ наука о финансахъ излагается отдѣльно, какъ совершенно самостоятельная наука, въ нѣмецкой литературѣ чрезвычайно много и форма ихъ весьма разнообразна ⁴⁾, но въ числѣ ихъ лучшими считаются учебники (Lehrbuch der Finanzwissenschaft) Умфенбаха (1887) и Л. Штейна (1885) ⁵⁾. Умфенбахъ особенно отмѣчаетъ правовую элементъ въ наукѣ о финансахъ, которую онъ пытается возвысить до системы общаго финансоваго права, при чемъ, въ совершенную противоположность Леруа-Больё, онъ неуклонно держится теоретическаго, а не практическаго направленія, онъ выдвигаетъ на первый планъ научные принципы, а не

практическія удобства. Учебникъ Л. Штейна, вышедшій уже 5-мъ изданіемъ, представляетъ собою по полнотѣ и строго-научной разработкѣ важнѣйшее пособие для изученія финансоваго права въ наиболѣе широкой программѣ его, со включеніемъ финансовъ союзныхъ государствъ (*Bundesfinanzwesen*), хозяйство органовъ самоуправления и международного финансового права ⁶⁾).

Въ русской литературѣ ученіе о финансахъ излагается какъ часть Политической Экономіи въ трудахъ Бутовскаго, Каменскаго, Капустина и Ходскаго. Опытъ о народномъ богатствѣ *Бутовскаго* (1847), равно какъ и Новый опытъ о богатствѣ народномъ *Каменскаго* (1856) отнюдь къ числу пособій отнесены быть не могутъ по неполнотѣ ихъ и устарѣлости. Читенія о политической экономіи и финансахъ *Капустина* (1879) представляютъ собою попытку совмѣстнаго изложенія политикоэкономическихъ и финансовыхъ вопросовъ, съ отнесеніемъ всего правоваго элемента въ область государственнаго права. Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами *Ходскаго* (изд. 1884 и 1887 гг.), заключаетъ въ себѣ, въ особомъ отдѣлѣ, весьма сжатый очеркъ ученія о государственныхъ потребностяхъ, госуд. доходахъ и финансовомъ управленіи. Финансовое право излагается отдѣльно отъ Политической Экономіи у Горлова, Шипова, Шилля, Патлаевскаго, Яроцкаго, Янжула, Львова и Лебедева. Теорія финансовъ *Горлова* (изд. 1841 и 1845 гг.) для настоящаго времени устарѣла какъ пособие, *Шипова*-же Опытъ общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ финансовой науки съ примѣненіемъ ихъ къ Россіи (1868) представляетъ собою начатый, но не оконченный трудъ исключительно практическаго направленія. Современная теорія финансовъ *Шилля*, не обнимая собою всей науки и страдая многими существенными недостатками, не можетъ быть рекомендовано какъ пособие. Курсъ финансового права *Патлаевскаго* (1885) хотя и не полный, но нѣкоторые изъ

вошедшихъ въ него отдѣловъ обработаны самостоятельно, какъ, напр., о поземельномъ налогѣ, о госуд. кредитѣ. Финансовое право *Яроукаго* (1886), равно какъ и *Янжула* (1887), не взирая на безспорныя достоинства cadaго изъ нихъ, къ прискорбію пособіями служить не могутъ, такъ какъ они изданы въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ исключительно только для слушателей обоихъ авторовъ; кромѣ того, „Финансовое право“ проф. Янжула не заключаетъ въ себѣ многихъ отдѣловъ этой науки. Курсъ финансоваго права проф. *Львова* (1888) представляетъ собою въ дѣйствительности полный курсъ данной науки, со включеніемъ также мѣстныхъ и даже имперскихъ финансовъ, изложенныхъ однако въ чрезвычайно сжатомъ и неполномъ очеркѣ. Финансовое право *Лебедева* (изд. 1882 и 1889 гг.) также обнимаетъ собою весь предметъ, но въ значительно большемъ объемѣ, чѣмъ у проф. Львова, при чемъ курсъ этотъ снабженъ весьма богатыми указаніями на литературу⁷⁾, соответствующими чрезвычайному богатству матерьяла, который вошелъ въ курсъ. Труды академика *Безобразова* объ актовыхъ налогахъ и о классификаціи гос. доходовъ, хотя и касаются лишь отдѣльных частей науки, тѣмъ не менѣе являются необходимыми пособіями, въ виду вошедшихъ въ нихъ общихъ теоретическихъ положеній⁸⁾.

§ 38. Источники русскаго финансоваго права.

Уставы казенныхъ управленій. Остальные тт. Св. Зак. Особые узаконенія.
Административныя распоряженія.

Узаконенія, касающіяся финансовъ, заключаются, главнымъ образомъ, въ тт. IV—VII Св. Зак., подъ названіемъ уставовъ казеннаго управленія, а именно: уставы о повинностяхъ земскихъ и воинской (IV т.), уставы о пода-
тяхъ, пошлинахъ и акцизахъ (V т.), уставы таможенные

(VI т.), уставы монетный, горный и соляной (VII т.), уставы лѣсной, о казенныхъ оброчныхъ статьяхъ, объ управленіи казенныхъ населенныхъ имѣній въ Западныхъ и Прибалтійскихъ губерніяхъ (VIII т. 1-я ч.) и уставы счетные (VIII т. 2-я ч.).

Кромѣ уставовъ казеннаго управленія, законы, имѣющіе большее или меньшее отношеніе къ финансамъ, заключаются въ I т. — объ учрежденіи министерствъ вообще и, въ частности, министерства финансовъ и государственнаго контроля, во II т. — о мѣстномъ управленіи, въ III т. — о службѣ и пенсіяхъ, въ IX — о правахъ и обязанностяхъ сословій въ финансовомъ отношеніи, въ X т. — о государственной собственности, о правахъ казны, о казенныхъ подрядахъ и поставкахъ, въ XI т. — о промышленности и торговлѣ и о государственномъ кредитѣ; въ XII т. — уставы почтовый, телеграфный, путей сообщенія, городского и сельскаго хозяйства, казенныхъ селеній, колоній иностранцевъ; въ XIV т. — уставъ о паспортахъ съ указаніемъ на паспортные сборы. Независимо отъ этого, въ уставахъ уголовного и гражданскаго судопроизводства заключаются узаконенія о судопроизводствѣ по дѣламъ казеннаго управленія или находящимся въ связи съ казеннымъ интересомъ; а въ уложеніе о наказаніяхъ и въ уставъ о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями вошли также законы о наказаніяхъ и взысканіяхъ за нарушеніе финансовыхъ законовъ. Наконецъ, и въ Сводѣ Военныхъ Постановленій есть нѣкоря узаконенія, которыя могутъ быть включены въ положительное финансовое право, какъ, напр., уставъ о производствѣ пороха, какъ о казенномъ промыслѣ.

Всѣ эти узаконенія распространяются не на всю территорию государства, такъ какъ для Финляндіи и отчасти для Царства Польскаго существуютъ особые финансовые законы.

Для знакомства съ текущимъ законодательствомъ, въ особенности-же съ административными распоряженіями, касающимися гос. хозяйства, источниками служатъ казенныя изданія Собранія узаконеній и распоряженій правительства, Сенатскія Вѣдомости⁹⁾ и Вѣстникъ финансовъ, промышленности и торговли¹⁰⁾. Кромѣ того, весьма цѣнными источниками въ этомъ отношеніи являются сборники рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ Сената и Перваго Департамента, Сборникъ постановленій Совѣта Государственнаго Контроля и Отчеты Государственнаго Контроля.

1) Для русской литературы о финансахъ существуютъ библиографическія указатели *Каратаева*—Библиографія финансовъ, промышленности и торговли, 1880, *Субботина*—Обзоръ литературы о прямомъ обложеніи и пошлинахъ, 1879, *Черневскаго*—Библиографическій сборникъ по литературѣ о торговлѣ, промышленности и финансахъ, 1883. Въ нѣм. литературѣ—библиографическій указатель *Kletke*, а также въ *Finanz-Archiv*'ѣ. Очень богатъ указаніями на литературу *Лебедева* Финансовое право (2-е изд.), *Schönberg'a*, Handbuch der politischen Oeconomie (2-е изд.), *Wagner'a*—Finanzwissenschaft (3-е изд.). Перечисливъ эти указатели, представляется излишнимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи ссылаться на литературу по каждому отдѣльному предмету финансового права.

2) Весьма полезно, въ видахъ сопоставленія, восполнить изученіе курса Сѣя ознакомленіемъ съ курсами *Ott'a*—*Traité d'Economie Sociale*, 1851, или-же *Villaumé*,—*Nouveau traité d'economie politique*, 1857. Оба автора держатся во многомъ, въ особенности—въ вопросѣ о налогахъ, совершенно иныхъ возрѣній чѣмъ Сѣй, какъ прямой послѣдователь Ад. Смита. Курсъ Сѣя можетъ быть также замѣненъ курсомъ *Rossi*—*Cours d'economie politique*, 1854.

3) Въ англійской литературѣ, кромѣ *Исслѣдованія о богатствѣ Ад. Смита* и Политической Экономіи *Милля*, имѣющихся въ русскомъ переводѣ, полезными пособіями могутъ служить еще финансовыя трактаты *Серженъта*, *Макколоха* и *Фосетта*. Отдѣльное отъ Политической Экономіи изложеніе ученія о финансахъ встрѣчается у *Patterson'a*—*The Science of Finance*, 1868, но въ данномъ случаѣ содержаніе далеко не соответствуетъ заглавію, ибо рѣчь идетъ только о банкахъ и биржахъ.

4) Учебники, руководства, курсы, репетиторіумы (наприм. Schmidt'a, 1880), азбуки (Parth'a, 1874), катехизисы (Bischof, 1885), очерки, основныя положенія и т. п.

5) Въ русской литературѣ начатъ г. Субботиннымъ переводъ Руководства Л. Штейна, съ 4-го изданія. Вышелъ пока въ 1885 г. одинъ небольшой выпускъ.

6) Schäffle—Grundsätze der Steuerpolitik, 1880, можетъ служить весьма полезнымъ пособіемъ, но отнюдь не единственнымъ.

7) Щедрныя указанія на литературу, по спеціальную, можно найти также въ монографіи проф. Лебедева—Мѣстные налоги, 1886.

8) Весьма цѣннымъ пособіемъ является также казенное изданіе Трудовъ Податной Коммисіи, состоящее изъ 23-хъ томовъ и заключающее въ себѣ цѣлый рядъ монографій по вопросамъ гос. хозяйства.

9) Къ Сенатскимъ Вѣдомостямъ прилагается ежегодно Роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ.

10) Другое періодическое казенное изданіе, Ежегодникъ министерства финансовъ, также необходимо для справокъ.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Читай.
	в. н.		
3	15 —	введеніе	веденія
13	— 4	административнаго	финансоваго
23	13 —	Цѣнробѣжныя	Центробѣжныя
32	— 3	подвальной	подводной
51	15 —	Agri	Agri
—	— 6	ойкса	ойкоса
57	— 9	Polizeistaata	Polizeistaat'a
70	11 —	установившихся	установившимся
81	— 5	содѣйствовало	содѣйствовала
107	— 1	хозяйствн	хозяйства
114	— 11	центральную	центральною
126	5 —	лашь	лишь
—	— 3	это	эта
138	4 —	займами	займомъ
140	1 —	всѣ	почти всѣ
157	— 5	срой	строй
177	7 —	свемъ	своемъ
181	13 —	Вліяніе	Ученіе объ общественномъ правѣ. Вліяніе.
186	— 13	Синсимонисты	Сенсимонисты

117174

[illegible]

разующихъ собою 1) частное хозяйство, 2) общественное хозяйство и 3) государственное хозяйство.

Частное хозяйство представляетъ собою всякое промышленное предприятие въ отдѣльности. Строй отдѣльныхъ частныхъ предприятий и отношенія, возникающія внутри этихъ предприятий составляютъ предметъ *частно-хозяйственной экономіи*. Отношенія цѣлой массы отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ или предприятий, входящихъ въ составъ даннаго государства, съ другой стороны, являются отношеніями цѣлыхъ хозяйственныхъ классовъ и общественныхъ группъ, каковыми представляются землевладѣльцы, земледѣльцы, рабочіе, капиталисты, фермеры, крестьяне-собственники, потребители и производители, покупатели и продавцы и т. п. Нитью, связывающею въ одно цѣлое эти общественныя группы, служитъ *общественно-хозяйственное раздѣленіе труда*, раздѣленіе всей области производства на промышленность земледѣльческую, добывающую, обрабатывающую, торговую и т. д. Общественно-хозяйственное раздѣленіе труда связываетъ самыя разнообразныя предприятия и различныя общественныя классы, преслѣдующіе свои хозяйственные интересы, въ одно цѣлое, построенное по извѣстному плану, не смотря на то, что это цѣлое не скрѣплено внѣшнимъ авторитетомъ, а основано лишь на хозяйственномъ интересѣ. Это есть сфера, такъ называемаго, общественного хозяйства. Предѣлы общественного хозяйства, какъ мы сказали, совпадаютъ съ общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ труда, но послѣднее есть лишь одна частная сфера болѣе обширной области соціальнаго раздѣленія труда, въ которой производители матеріальныхъ благъ трудятся для производителей благъ нематеріальныхъ (къ послѣдней категоріи относится трудъ людей, посвящающихъ себя служенію религіозному культу, трудъ всѣхъ людей, такъ называемыхъ, либеральныхъ профессій—педагоговъ, врачей, адвокатовъ и т. п.). Теоретическая экономія обнимаетъ только ту сферу

раздѣленія труда, назначеніе которой состоитъ въ производствѣ матеріальныхъ благъ. Одною своею частию область общественно-хозяйственной экономіи переходитъ за предѣлы чисто хозяйственнаго раздѣленія труда. Именно она касается также нехозяйственныхъ классовъ, насколько послѣдніе имѣютъ отношеніе къ матеріальнымъ благамъ и участвуютъ въ распредѣленіи послѣднихъ. Но отношенія, вытекающія изъ пользованія хозяйственныхъ классовъ благами духовными, въ видѣ эквивалента, за уступку хозяйственныхъ благъ, не входятъ въ область общественно-хозяйственной экономіи. Разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ, свойственныхъ не отдѣльнымъ единичнымъ хозяйствамъ, а всей совокупности единичныхъ хозяйствъ и составляетъ предметъ *собственно-политической экономіи или теоріи общественнаго хозяйства*, въ нашемъ смыслѣ. Она изучаетъ какими способами соединяются эти разнообразныя хозяйства въ одно великое цѣлое — хозяйство народное, какимъ взаимнымъ вліяніямъ они подвергаются, въ какой зависимости находятся другъ отъ друга въ этомъ соединеніи. Отдѣльныя теоремы политической экономіи, какъ науки объ общественномъ хозяйствѣ, ученіе о цѣнности, кредитѣ, о рыночныхъ цѣнахъ, прибыли и рентѣ — имѣютъ своею задачею опредѣлить отношенія внутри общественнаго хозяйства между различными категоріями входящихъ въ составъ его лицъ и между цѣлыми хозяйственными классами. Но хозяйственныя отношенія этой категоріи не ограничиваются предѣлами отдѣльнаго государства, а соединяютъ между собою отдѣльныя хозяйства различныхъ народовъ, разширяя общественное хозяйство до размѣровъ *міроваго хозяйства*. Отношенія разныхъ группъ производителей между собою, а также отношенія между потребителями и производителями, какъ внутри одного и того-же государства, такъ и въ томъ случаѣ, когда эти категоріи лицъ принадлежатъ разнымъ государствамъ, но связаны между собою хозяйствен-

нымъ оборотомъ, основываются на однихъ и тѣхъ-же началахъ, опредѣляются одними и тѣми же критеріями и правилами. Отсюда космополитическій характеръ основныхъ экономическихъ учрежденій и институтовъ, какими являются капиталъ, биржи, банки, деньги, кредитныя бумаги. Отсюда-же вытекаетъ космополитическій характеръ политической экономіи, какъ науки объ обществѣ. На этомъ основаніи ученія современной теоретической экономіи о цѣнности, капиталѣ, рентѣ и т. п. одинаково пригодны для объясненія явленій хозяйственнаго оборота всякой страны современнаго культурнаго міра.

Другая параллельно существующая сфера хозяйственныхъ отношеній представляетъ собою *государственное хозяйство*. Дѣло въ томъ, что государство, какъ и общество, представляетъ изъ себя не только политическій союзъ, но, при этомъ, и хозяйственный. Существуетъ цѣлый рядъ функцій въ народномъ хозяйствѣ, которыя выполняются государствомъ, независимо отъ того, слѣдуетъ-ли оно политикѣ вмѣшательства или невмѣшательства. Вопросъ о вмѣшательствѣ государства въ хозяйственную жизнь народа касается лишь предѣловъ хозяйственной роли государства. Государственное хозяйство обнимаетъ собою формы хозяйственной жизни, слагающейся изъ отношеній отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ къ тому коллективному цѣлому, которое представляетъ собою народъ и органомъ управленія котораго является государство. Эти отношенія частныхъ хозяйствъ къ государству состоятъ въ полученіи государствомъ хозяйственныхъ благъ, по извѣстному масштабу, опредѣляемому господствующею системою налоговъ, отъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ и расходованіе ихъ на нужды общества. Государственно-хозяйственныя отношенія опредѣляются внѣшнимъ авторитетомъ власти. Государственное хозяйство отъ начала до конца создается по опредѣленному плану, предписываемому авторитетомъ власти, тогда какъ общественно-хозяйственная организація слагается въ силу свободнаго пре-

слѣдованія хозяйственныхъ интересовъ, какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми общественными классами. Въ этихъ основныхъ силахъ, на которыхъ основываются эти двѣ различныя сферы народнаго хозяйства заключается коренное различіе обѣихъ доктринъ—теоріи общественнаго хозяйства и теоріи государственнаго хозяйства, въ отношеніи методовъ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе явленія государственнаго хозяйства составляютъ интегральную часть народнаго хозяйства (такъ какъ ни одинъ народъ не существуетъ внѣ государственнаго союза), равно какъ и явленія общественнаго хозяйства¹⁾. Остановимся, на примѣръ, на распредѣленіи благъ въ народномъ хозяйствѣ, для того чтобы увидѣть насколько явленія общественнаго хозяйства тѣсно связаны съ

---

1) Разграниченіе началъ личнаго, общественнаго и государственнаго въ народномъ хозяйствѣ см. Lorenz v. Stein. Gegenwart und Zukunft der Rechts- und Staatswissenschaften. 1876 г. стр. 279. Ero-же. Begriff der Gesellschaft und die sociale Geschichte der francösischen Revolution 1850 г. т. I-й, стр. 1—XLIV. Ero-же. Die Volkswirthschaftslehre. 2. Ausg. Wienn. 1884 г. стр. 59—64. Ero-же. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreich. 1848 г. стр. 23 и др. Ср. также характеристику хозяйственныхъ формъ общест-венности въ соч. Karl Dietzel. Die Volkswirthschaft und ihre Verhältniss zur Gesellschaft und Staat. Frankf. 2 m. 1864 г. въ особенности главу „Die aus der volkswirthschaftlichen Entwicklung hervorgehende Gruppenscheidung“. Объ ограниченіи теоретической экономіи сферою общественно-хозяйственнаго раз-дѣленія труда. Rodbertus-Jogetzow. Das Kapital. стр. 87. Карлъ Менгеръ косвенно касается вопроса о томъ, слѣдуетъ-ли политическую экономію отнести къ разряду наукъ государственныхъ, или общественныхъ. Онъ указываетъ на то, что группа экономистовъ, рассматривающихъ полити-ческую экономію, во всемъ ея составѣ, какъ одну изъ наукъ объ обществѣ (въ противоположность наукамъ о государствѣ), опускаетъ изъ виду, что цѣ-лая отрасль политической экономіи, именно—хозяйственная политика и наука о финансахъ относятся къ наукамъ о государствѣ (Staatswissenschaften). Ра-зумѣется, говоритъ Менгеръ, что наука, обнимающая эти послѣднія дисци-плины не можетъ быть наукою чисто общественною, въ равной мѣрѣ и названіе политической экономіи наукою о государственномъ хозяйствѣ должно вызывать основательныя возраженія. По этому Менгеръ приходитъ къ заключенію, что названіе политической экономіи „наукою о народномъ хозяйствѣ“ есть самое цѣлесообразное и вполне выражающее содержаніе науки, которая подъ этимъ названіемъ является наукою обнимающею, какъ явленія общественнаго такъ и государственнаго хозяйства. (Üb. d. Method. стр. 250, 281). Тѣмъ не менѣе,

явленіями государственнаго хозяйства. Распредѣленіе на рабочую плату, прибыль и ренту, которыя преслѣдуются въ политической экономіи или, по нашей терминологіи, въ общественно-хозяйственной экономіи, не есть еще окончательное. Государство посредствомъ системы косвенныхъ и прямыхъ налоговъ дѣлаетъ еще вычеты изъ всѣхъ трехъ элементовъ національнаго дохода, по масштабу, болѣе благопріятному тому, или другому общественному классу, или отдѣльнымъ группамъ этихъ классовъ, между которыми распредѣляется

не желая отступать отъ принятой терминологіи, Менгеръ въ другихъ частяхъ своего сочиненія предпочитаетъ употреблять выраженіе „наука о народномъ хозяйствѣ“, для обозначенія того, что онъ разумѣетъ подъ наукою объ общественномъ хозяйствѣ. Такъ онъ говоритъ, что мыслимъ народъ, у котораго не существуетъ народнаго хозяйства, это бываетъ въ томъ случаѣ, когда отдѣльныя частныя хозяйства существуютъ изолированно и не находятся между собою въ хозяйственномъ оборотѣ. „Понятіе о народномъ хозяйствѣ возникаетъ съ того момента, когда эти отдѣльныя хозяйства вступаютъ между собою въ правильный оборотъ. Въ этомъ соединеніи въ одно цѣлое—каждое отдѣльное частное хозяйство является не самостоятельною единицею, но крайне зависящею отъ всѣхъ остальныхъ частныхъ хозяйствъ, образующихъ это цѣлое. Народное хозяйство есть явленіе отличающееся отъ отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ не только количественно, но и качественно, подобно тому, какъ организмъ отличается отъ своихъ отдѣльныхъ членовъ. Такое народное хозяйство весьма отлично отъ хозяйства представляемаго, въ видѣ идеала, социалистами т. е. хозяйства сверху въ низъ организованнаго съ цѣлію удовлетворенія потребностей народа, какъ одного цѣлаго. Въ отличіе отъ него, современное народное хозяйство состоитъ изъ соединенія массы частныхъ хозяйствъ и хозяйственныхъ товариществъ (*Gemeinwirthschaft*). преслѣдующихъ свои частныя интересы“. (*Über die Methode* стр. 232—237). Въ позднѣйшей своей статьѣ (*Zur Theorie der Kapital*, *Conrads-Jahrbuch* 1888. стр. 30—37), Менгеръ, очевидно, подъ вліяніемъ сочиненія Сакса „*Grundlegung der Theoretischen Staatswirtschaft*“, говоритъ опредѣленнѣе о двухъ категоріяхъ народно-хозяйственныхъ явленій. „То что обыкновенно принимается подъ народнымъ хозяйствомъ, по его словамъ, есть въ сущности, соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ частныхъ хозяйствъ въ предѣлахъ одного государства—въ силу двухъ различныхъ началъ—коммерческаго оборота, съ одной стороны, и принудительной государственно-хозяйственной организаціи, съ другой“. При этомъ, Менгеръ замѣчаетъ, что государственное хозяйство можетъ быть предметомъ отдѣльной теоретической науки, наряду съ наукою о народномъ хозяйствѣ, или общественномъ хозяйствѣ, по принятой нами терминологіи.

національний дохід и расходуетъ, полученные этимъ путемъ, доходы, на удовлетвореніе, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ нуждъ. Но основанія, по которымъ распределяется національный продуктъ на ренту, рабочую плату и прибыль существенно отлпчаются отъ тѣхъ началъ, которыми руководствуется государство при распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ. Государственное распредѣленіе благъ является актомъ разсчитанной воли законодателя, руководствующагося государственными или общественными интересами. Тогда какъ распредѣленіе общественно-хозяйственное является результатомъ преслѣдованія отдѣльными лицами своихъ частныхъ хозяйственныхъ интересовъ и плодомъ конкуренціи. Это различіе въ исходныхъ началахъ распредѣленія благъ въ сферѣ государственнаго и общественнаго хозяйствъ служитъ достаточнымъ основаніемъ для построенія двухъ различныхъ системъ — теоріи общественнаго хозяйства и теоріи государственнаго хозяйства, или науки о финансахъ, — разсчитанныхъ на объясненіе двухъ категорій явленій народнаго хозяйства, хотя и тѣсно связанныхъ между собою, но въ тоже, время весьма различныхъ²⁾.

Если въ современной экономической литературѣ понятія о частномъ, общественномъ и государственномъ хозяйствѣ недостаточно выяснены, то это объясняется тѣмъ, что самыя понятія объ обществѣ и государствѣ и разграниченіе двухъ сферъ общественныхъ и государственныхъ явленій — слѣдвались предметомъ обсужденія въ политическихъ наукахъ лишь въ самое послѣднее время, именно со времени Лоренца Штейна и Роберта Моля. Съ другой стороны, отсутствіе установившейся терминологіи въ экономической литературѣ ведетъ къ тому, что нерѣдко экономисты даютъ различныя названія

---

2) См. Новѣйшій опытъ построенія теоріи государственнаго хозяйства: Emil Sax: Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft. Wien. 1887. 80 584 стр.

однимъ и тѣмъ-же понятіямъ и, сходясь по существу своихъ воззрѣній, называютъ одни и тѣже понятія разными именами. Къ послѣдней группѣ писателей относится напр. Адольфъ Вагнеръ, который, думая одинаково съ вышеизложеннымъ взглядомъ на сферу хозяйственныхъ отношеній, составляющихъ предметъ политической экономіи, тѣмъ не менѣе обозначаетъ ее названіемъ частно-хозяйственной системы ³⁾. Германъ (Staatswirthschaftliche Untersuchungen стр. 34) называетъ „агрегатъ единичныхъ хозяйствъ, соединенныхъ въ одно цѣлое“ — народнымъ хозяйствомъ, составляющимъ предметъ политической экономіи. Также и Рау (Grundsätze der Volkswirthschaftslehre 1868 1, § 5), подъ народнымъ хозяйствомъ разумѣетъ совокупность хозяйственной дѣятельности всѣхъ индивидовъ, принадлежащихъ одному государству. При этомъ Рау замѣчаетъ, что народное хозяйство есть лишь одна сторона общественной жизни и находится въ тѣсной связи со всѣми другими ея сторонами. На ряду съ народнымъ хозяйствомъ, Рау отводитъ особое мѣсто наукѣ о государственномъ хозяйствѣ, куда относитъ теорію финансовъ. Родбертусъ называетъ теоретическую экономію наукою о государственномъ хозяйствѣ и свое сочиненіе, посвященное изслѣдованію главнѣйшихъ проблемъ теоретической экономіи озаглавилъ: „Zur Erkänntniss unserer Staatswirthschaftlichen Zustände“ 1842 г. Родбертусъ постоянно употребляетъ выраженіе „государственное состояніе“ для того, чтобы этимъ подчеркнуть отличіе той категоріи хозяйственныхъ явленій, которая изслѣдуется политической экономіею, отъ явленій частно-хозяйственныхъ. Вообще-же понятія о національномъ хозяйствѣ, государственномъ хозяйствѣ и общественномъ хозяйствѣ, по терминологіи Родбертуса, являются синонимич-

---

3) См. его Allgemeine oder theoretische Volkswirthschaftslehre. 1876. стр. 53—62; 160—176.

ческими, и политическую экономію англійской классической школы онъ называетъ, то Nationalökonomie, то Staatswirthschaft, то Gesellschaftswirtschaft⁴⁾. Но какими бы различными терминами не обозначалъ Родбертусъ теоретическую экономію, вездѣ подъ нею онъ разумѣетъ одну и ту же науку объ общественно-хозяйственныхъ явленіяхъ и отношеніяхъ между хозяйственными классами, но не науку о государственномъ хозяйствѣ; государство выступаетъ со своими хозяйственными функціями тамъ, гдѣ Родбертусъ переходитъ отъ изученія фактически сложившихся хозяйственныхъ отношеній къ построенію плановъ соціальной реформы.

Разграниченіе двухъ большихъ категорій народно-хозяйственныхъ явленій — общественно-хозяйственныхъ и государственно-хозяйственныхъ, какъ предмета двухъ различныхъ наукъ политической экономіи и науки о финансахъ, съ методологической стороны, впервые намѣчено было Лоренцомъ фонъ-Штейномъ, которому принадлежитъ заслуга выдѣленія ученія объ обществѣ въ особую науку. Основные мысли Штейна по этому предмету, заключающія въ себѣ характеристику хозяйственныхъ формъ общественности и кореннымъ образомъ различныхъ между собою принциповъ организаціи общественнаго и государственнаго хозяйства, частью вошли въ составъ воззрѣнія на разграниченіе отдѣльныхъ сферъ народнаго хозяйства, изложеннаго въ началѣ этой главы, а потому мы перейдемъ прямо къ изложенію воззрѣній другихъ писателей, въ той или другой мѣрѣ содѣйствовавшихъ выясненію этого вопроса.

Слѣдующее за Штейномъ мѣсто по времени и значенію въ наукѣ занимаетъ Робертъ фонъ-Молль. Разграничивая науку объ обществѣ отъ науки о государствѣ, Молль при этомъ указы-

---

4) См. Das Kapital, стр. 73—78.

ваетъ на то, что хозяйственныя отношенія образуютъ видную сторону, какъ въ кругу общественныхъ, такъ и въ кругу государственныхъ явленій. Молль выражаетъ сожалѣнiе, что до сихъ поръ не сдѣлано удовлетворительнаго объясненія той связи, въ какой находится политическая экономія, съ одной стороны, съ науками объ обществѣ, и, съ другой стороны, съ государственными науками, съ которыми у нея одинъ общій предметъ, но изучаемый ею только въ одномъ отношеніи — хозяйственномъ, тогда какъ другія науки изслѣдуютъ тотъ же предметъ — государство и общество — въ отношеніи религіозномъ, моральномъ, административномъ и т. п. Классифицируя, затѣмъ, главнѣйшія группы явленій, изъ которыхъ складывается жизнь общества, Молль относитъ къ нимъ, на ряду съ церковно-религіозными отношеніями, явленія, въ основѣ которыхъ лежитъ общность рѣчи и явленія, вытекающія изъ отношенія къ труду и владѣнію: отношенія между капиталистами, предпринимателями и рабочими, землевладѣльцами и фермерами и т. п., основанныя на началѣ хозяйственнаго интереса и соперничества. При этомъ надо замѣтить, что всѣ эти отношенія Молль представляетъ себѣ въ томъ видѣ, какъ ихъ трактуетъ англійская классическая школа въ своихъ ученіяхъ о производствѣ и распредѣленіи благъ. Наука о народномъ хозяйствѣ, говоритъ далѣе Молль, разумѣя подъ этимъ теоретическую политическую экономію, должна быть въ полномъ объемѣ изъята изъ состава государственныхъ наукъ и отнесена къ наукамъ объ обществѣ, какъ этого требуетъ элементарная логика. Эта наука имѣетъ своею задачею изслѣдованіе отношеній людей къ матеріальнымъ благамъ, независимо отъ того или иного воздѣйствія государства. Хозяйственную же политику (*Volkswirtschaftspflege*) и науку о финансахъ онъ относитъ къ категоріи наукъ о государствѣ⁵⁾.

---

5) См. R. v. Mohll. *Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften* 1855. стр. 74, 96, 105—118. Ero-же. *Enciklopedie der Staatswissenschaften* 1859. стр.

Карлъ Книсъ, въ значительной степени проникнутый воззрѣніями Р. Молля на общественныя науки, считаетъ политическую экономію соціальною экономіей; по его мнѣнію, первая часть этой науки (теоретическая экономія?) имѣетъ своимъ предметомъ хозяйственную жизнь *общества*, независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыя оно претерпѣваетъ вслѣдствіе политическихъ вліяній (государства?). Подобно Моллю, онъ различаетъ науки политическія или государственныя отъ наукъ соціаль-

23—24; 45—53. Интересную версію по вопросу объ отдѣленіи общественныхъ наукъ отъ государственныхъ, въ духѣ воззрѣній Молля, находимъ мы также во многократно цитированномъ нами сборникѣ сочиненій Рюмелина. Общественныя состоянія и факты, пишетъ Рюмелинъ, составляютъ матеріалъ, на которомъ проявляетъ свою дѣятельность государство. Государство и общество также рѣзко отличаются одно отъ другаго, какъ гигиена и терапія, или же, какъ науки о здоровомъ и больномъ человѣкѣ. Государство есть продуктъ рассчитанныхъ актовъ человѣческой воли,—до самыхъ мелчайшихъ подробностей государство есть нѣчто дѣланое. Общество же и его отдѣльныя группы образовались не вслѣдствіе напередъ рассчитаннаго какого-либо плана, но явились въ результатъ массовой дѣятельности индивидуальныхъ силъ и стремленій и безпрестаннаго взаимодействія отдѣльныхъ лицъ на цѣляхъ ихъ группы и наоборотъ. Науки объ обществѣ имѣютъ своею задачею представить, какъ-бы съ высоты птичьяго полета, общій взглядъ на явленія частной жизни и сложную игру индивидуальныхъ силъ, а также показать результаты массовой дѣятельности этихъ силъ и причинную зависимость, которой они подчинены. Въ ряду факторовъ, подъ дѣйствіемъ которыхъ слагается общественная жизнь, государственное вмѣшательство также играетъ замѣтную роль; но въ свою очередь господствующія въ обществѣ мнѣнія, интересы и настроенія оказываютъ рѣшительное вліяніе на направленіе правительственной дѣятельности. Государство и общество такъ тѣсно сплетены во взаимныхъ отношеніяхъ, что точное разграниченіе явленій государственныхъ и общественныхъ не можетъ быть достигнуто, но, тѣмъ не менѣе, государство и общество всегда будутъ противопоставляться другъ другу, какъ сознательное и безсознательное, какъ начало нормирующее и то, что подвергается нормированію, какъ дѣятельность (That) и состояніе, какъ цѣлое и соподчиненныя ему группы. По этому *ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оправдано соединеніе наукъ государственныхъ и общественныхъ въ видѣ одного цѣлаго*. Не касаясь спеціально вопроса о разграниченіи общественной экономіи отъ государственнаго хозяйства, Рюмелинъ, въ статьѣ, посвященной выясненію задачи и метода статистики, проводитъ опредѣленную грань между статистикой государственной жизни и общественной; первую относитъ онъ къ разряду наукъ о государствѣ, вторую къ наукамъ объ обществѣ. Rede und Aufsätze стр. 276—277.

ныхъ или общественныхъ, а въ послѣдней категоріи наукъ онъ отводитъ особое мѣсто политической экономіи. Съ наукой объ обществѣ, по словамъ Книса, повторилось тоже, что съ исторіей развитія государственныхъ наукъ. Первоначально существовала только одна наука о государствѣ. Потомъ образовался цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ о государствѣ: административное, международное, финансовое право, политика и философія государственнаго права. Но послѣ такой спеціализаціи снова возникла потребность въ одной общей наукѣ о государствѣ (не исключаяющей однако потребности въ развитыхъ уже отдѣльныхъ наукахъ о государствѣ), объясняющей явленія государственной жизни въ ея цѣломъ. Наука объ обществѣ прошла тотъ-же процессъ развитія: образованіе отдѣльныхъ наукъ объ обществѣ и здѣсь вызываетъ потребность въ такой наукѣ, которая разсматривала-бы общественную жизнь во всемъ ея составѣ. Но и при существованіи двухъ общихъ наукъ о государствѣ и обществѣ, какъ отдѣльныя науки о государствѣ, такъ и отдѣльныя науки объ обществѣ, а въ томъ числѣ и социальная экономія, имѣютъ свой *raison d'être*. Если-бы социальная экономія, какъ спеціальная наука объ общественныхъ формахъ хозяйственности не существовала, то ее надо было-бы немедленно создать (*wäre sie nicht da, so müsste sie sofort erfunden werden*). Если-же нѣкоторые ученые готовы видѣть прогрессъ политической экономіи въ томъ, чтобы она была преобразована во всеобщую науку объ обществѣ,—такъ что при этомъ не оставалось-бы больше мѣста для отдѣльной науки объ общественномъ хозяйствѣ, то такое желаніе Книсъ считаетъ чистымъ недоразумѣніемъ, основаннымъ на смѣшеніи между собою совершенно различныхъ вещей⁶⁾.

---

6) Приведенныя соображенія Книсса о политической экономіи, какъ одной изъ наукъ объ обществѣ, изложены на первыхъ страницахъ его сочиненія „Die Politische Oekonomie vom historischen Standtpunkt“ 1882 стр. 1—9. Крупный

Въ знаменитомъ сочиненіи Рудольфа фонъ-Іеринга „Zweck im Recht“ нѣсколько блестящихъ страницъ посвящено характеристикѣ общественныхъ явленій и общественно-хозяйственныхъ, въ особенности. Отъ общества, основаннаго на договорѣ, направленномъ на его учрежденіе и регулированіе, Іерингъ отличаетъ общество фактическое, безъ договора. Вся наша жизнь, весь гражданскій оборотъ въ этомъ фактическомъ смыслѣ есть ничто иное, какъ товарищество, совмѣстная дѣятельность, направленная къ общимъ цѣлямъ, причемъ, каждый, дѣйствуя для другихъ, дѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для себя и наоборотъ. На такомъ взаимномъ споспѣшествованіи осуществленію общихъ цѣлей основано, по мнѣнію Іеринга, понятіе объ обществѣ. Согласно съ симъ, общество можно опредѣлить такъ: оно есть фактическая организація для и посредствомъ другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимая форма жизни для себя. Торговля и промыселъ, земледѣліе, фабрикація, домашній бытъ и право, въ существенныхъ чертахъ, организуются сами собою. Область общества не совпадаетъ съ областью государства; предѣлами послѣдней является пограничная черта его территоріи, первая-же распространяется на весь земной шаръ⁷⁾. Государство есть общество, которое принужда-

---

недостатокъ этого капитальнаго сочиненія, авторъ котораго отличается замѣчательною обширностью и всесторонностью экономическаго образованія, заключается въ извѣстнаго рода эклектизмѣ. Въ цѣломъ сочиненіи едва ли можно встрѣтить хоть одну до конца выдержанную точку зрѣнія на задачи, методъ и систему политической экономіи. Въ приведенномъ мѣстѣ Книсъ отстаиваетъ существованіе специальной науки объ общественномъ хозяйствѣ, независимо отъ его связи съ государственнымъ хозяйствомъ, и въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ возражаетъ противъ смѣшенія политической экономіи съ соціологіей. Въ другихъ же мѣстахъ онъ не только высказываетъ совсѣмъ обратное выше имъ оспариваемое воззрѣніе, но принципиально защищаетъ третье воззрѣніе, по которому предметъ политической экономіи долженъ вполне исчерпываться задачами историко-хозяйственнаго изслѣдованія. (См. ниже главу: Критика теоретической экономіи исторической школою).

7) См. Р. фонъ-Іерингъ. Цѣль въ правѣ. Русск. пер. т. 1-й стр 69—73.

еть; для того чтобы имѣть возможность принуждать, общество принимаетъ форму государства. Организующимъ началомъ въ государствѣ служитъ власть, въ обществѣ-же индивидуальный интересъ отдѣльныхъ лицъ. Личный интересъ или эгоизмъ, т. е. сила, стремящаяся произвести нѣчто ничтожное и мелкое, создаетъ дѣла и формы, предъ которыми отдѣльный индивидъ, съ его скудными интересами, тоже, что червь въ сравненіи съ горой. Аналогичное явленіе мы находимъ въ природѣ: мѣловыя скалы инфузорій, животное едва доступное невооруженному глазу, создаетъ цѣлые кряжи горъ. Инфузорія это эгоизмъ, живущій исключительно только для себя и создающій міръ. Личный интересъ является силою, создающею формы общест-венности въ хозяйственной жизни⁸). На слѣдующемъ примѣрѣ, который съ удобствомъ могъ-бы занять мѣсто въ любомъ курсѣ политической экономіи, Террингъ наглядно изображаетъ картину хозяйственнаго общества, въ основаніи котораго лежитъ раздѣленіе труда, обнимающее не только отдѣльный народъ, но почти всѣ народы міра, находящіеся между собою въ хозяйственномъ оборотѣ. „Грошъ, уплачиваемый нами, доставляетъ намъ вещи со всѣхъ концовъ міра и приводитъ для насъ въ движеніе безчисленное множество рукъ. Уплачивая за чашку кофе, за газетный листокъ, мы принимаемъ участие въ издержкахъ, необходимыхъ для производства обоихъ этихъ предметовъ. Приобрѣтая и оплачивая кофе, мы принимаемъ участие въ поземельной рентѣ владѣльца кофейныхъ плантацій, въ издержкахъ производства кофе, въ издержкахъ по перевозкѣ, страхованію, по найму корабельнаго экипажа, маклера, въ пошлинахъ, въ издержкахъ по транспортированію по желѣзнымъ дорогамъ, въ уплатѣ барышей и расходовъ по предпріятію торговца колоніальнымъ товаромъ и со-

---

8) Тоже, стр. 37, 229.

держателя кофейной. Все это по отношенію къ пріобрѣтенію самого кофе, относительно сахара и молока начинается новый счетъ... Сокровищъ Креза не хватило-бы на то, что-бы пріобрѣсти для него чашку кофе и газетный листокъ, если-бы онъ вздумалъ съ этою цѣлью лично для себя вызвать къ жизни всѣ необходимыя для производства этихъ предметовъ операціи; бѣдняку нашего времени за одинъ талеръ служить большее число людей во всѣхъ частяхъ свѣта, чѣмъ Крезу, хотя-бы онъ рѣшился совсѣмъ опустошить свою сокровищницу". Терингъ, какъ мы уже замѣтили выше, проводить различіе между хозяйственными формами общественности, основанными на договорѣ, или-же предписаніи власти, какимъ являются артель, товарищество и государство, какъ высшая форма союзовъ этого рода, и такими, которыя слагаются сами собою, куда относится весь свободный хозяйственный оборотъ. Это противоположеніе по терминологіи Теринга выражается еще и такъ: система организованныхъ и неорганизованныхъ общественныхъ цѣлей. Но и формы общественности послѣдняго рода, основанныя на индивидуальномъ интересѣ, какъ это поясняетъ Терингъ на приведенномъ примѣрѣ, представляютъ, тѣмъ не менѣе, извѣстнаго рода организацію; о которой, также, можно сказать, словами Уэкфильда, что въ основаніи ея лежитъ фактически существующее, но невыраженное соглашеніе⁹⁾.

Высказанное Штейномъ и Моллемъ воззрѣніе, о необходимости приведенія въ болѣе тѣсную связь хозяйственныхъ наукъ съ ученіемъ объ обществѣ и государствѣ, долгое время не находило надлежащаго отклика въ экономической литературѣ, а недостаточное уясненіе общественнаго характера англійской теоріи было одною изъ причинъ неправильнаго воззрѣнія на политическую экономію. Въ позднѣйшее время

9) Тоже, стр. 32—33; 173.

теоретическая экономія, какъ мы думаемъ, получила свою надлежащую оцѣнку, какъ наука объ общественномъ хозяйствѣ, въ сочиненіяхъ талантливаго нѣмецкаго экономиста Генриха Дитцеля. Мы приведемъ здѣсь, въ краткомъ извлеченіи его взглядъ на теоретическую экономію англійской классической школы, какъ на одну изъ наукъ объ обществѣ.

Политическая экономія 19-го вѣка возникла въ видѣ противовѣса государству и его воздѣйствию на хозяйственную жизнь общества. Трактатъ Адама Смита ближайшимъ образомъ являлся протестомъ противъ преградъ, поставляемыхъ феодальнымъ государствомъ свободному хозяйственному движенію общества. Адамъ Смитъ предпринялъ объясненіе хозяйственныхъ явленій общественнаго оборота съ единственною цѣлію доказать, что хозяйственное благосостояніе и богатство общества, лучше всего достигается, когда отдѣльнымъ членамъ общества предоставлена полная свобода хозяйственной дѣятельности, а роль государства ограничивается охраной внутреннего правового порядка и внѣшней безопасности. Въ самомъ заглавіи первой книги сочиненія о богатствѣ народовъ — „о причинахъ усовершенствованія труда и распределенія его произведеній между различными классами народа“, выражена главная проблема теоретическаго изслѣдованія хозяйственной жизни общества, проблема, которую мы считаемъ на столько важною, что она одна можетъ составить содержаніе цѣлой науки. Эта часть теоретическаго ученія рассматриваетъ именно вопросъ: какимъ образомъ въ общественномъ организмѣ будутъ опредѣляться доли различныхъ классовъ общества въ національномъ продуктѣ, если государство не будетъ вмѣшиваться въ ихъ взаимныя хозяйственныя отношенія? Какимъ образомъ распредѣлится между разными классами общества благосостояніе, которое съ матеріальной стороны зависитъ отъ высоты цѣны, которую получаетъ предприниматель за свой продуктъ, отъ высоты рен-

ты, которую классъ землевладѣльцевъ, въ видѣ трибута, получаетъ отъ классовъ, не владѣющихъ собственностью, отъ высоты рабочей платы, которую получаютъ рабочіе, при томъ, если государство не вмѣшивается, а хозяйственный оборотъ не организованъ сверху внизъ и не направленъ посторонней волей ко благу общества. Такимъ образомъ въ теоріи цѣны, дохода и распредѣленія благъ между классами общества, не говоря уже о теоріи производства, рѣшаются проблемы общественнаго хозяйства. Они возникли съ тѣхъ поръ, какъ послѣдовало уничтоженіе личной зависимости и возстановленіе формальнаго равенства всѣхъ передъ закономъ, за исключеніемъ одного рода зависимости индивида одного отъ другаго, вытекающей изъ имущественнаго неравенства, которое современное общество унаслѣдовало отъ прежнихъ временъ ¹⁰⁾. Подъ общественнымъ-же хозяйствомъ во всемъ его объемѣ Дитцель разумѣетъ группу единичныхъ частныхъ хозяйствъ, связанныхъ между собою правильнымъ хозяйственнымъ оборотомъ. Подобно Моллю, Рюмелину и Герингу, Дитцель видитъ причину образованія общественнаго хозяйства не въ государственной волѣ, являющейся исходнымъ моментомъ государственнаго хозяйства, или по терминологіи Дитцеля народнаго хозяйства, но въ естественной зависимости отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ между собою и въ ихъ борьбѣ за хозяйственный интересъ. Свобода хозяйственной дѣятельности и соперничество составляютъ, такъ сказать, красную нить, отличающую сферу общественнаго хозяйства отъ государственнаго. Разъ этотъ, самому себѣ предоставленный, хозяйственный оборотъ подчиняется регулированію со сторо-

---

10) H. Dietzel. Der Ausgangspunct der Socialwirthschaftslehre und ihr Grundbegriff. Zeitschrift für die Gesamt. Staatswissenschaft. 1863. стр. 1—17; 77—80. Ero-же. Über Verhältniss der Volkswirthschaftslehre zur Socialwirthschaftslehre. 1882. стр. 10, 19, 20 и др.

ны государственной власти, причемъ начала соперничества и хозяйственнаго разсчета замѣняются предписаніемъ закона, тогда нѣтъ больше мѣста общественному хозяйству, которое, при этомъ, такъ сказать, растворяется въ хозяйствѣ государственномъ. Если-бы, на примѣръ, доли отдѣльныхъ классовъ общества въ національномъ продуктѣ зависели не отъ частно-хозяйственнаго интереса, но опредѣлялись государствомъ, которое при этомъ руководствовалось-бы началами справедливости, или христіанской морали, тогда теоріи распредѣленія благъ не было бы больше мѣста въ современномъ ученіи объ общественномъ хозяйствѣ. Отсутствие исходящей изъ общественной организаціи въ общественномъ хозяйствѣ не означаетъ однако, чтобы въ послѣднемъ отсутствовалъ извѣстный порядокъ. Своего рода планомѣрный порядокъ въ общественномъ хозяйствѣ вытекаетъ изъ присущаго всѣмъ лицамъ, участвующимъ въ хозяйственномъ оборотѣ, стремленія къ возможно полному осуществленію своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Основанное на частно-хозяйственномъ интересѣ, общественное хозяйство представляетъ по своей организаціи много аналогичнаго съ государствомъ. Въ немъ повелителемъ является „могущественный долларъ“, правящій классъ представляютъ аристократы биржи, поземельные магнаты, железнодорожные короли, фабриканты, купцы и маклера суть его органы; конторы, рынки и биржи сѣтъ его учрежденія¹¹⁾.

Странно, что Дитцель, который, какъ мы только что видѣли, характеризуетъ общественно-хозяйственныя отношенія чисто историческими чертами, какъ такія хозяйственныя связи, которыя основаны на частной собственности на землю, свободѣ хозяйственной дѣятельности, какъ спеціальныя формы хозяйственныхъ отношеній, возникшія вслѣдствіе

11) См. Dietzel. выше цитир. Beiträge zur Methodik... стр. 226—259.

установленія равенства передъ закономъ и уничтоженія личной зависимости¹²⁾, не замѣчаетъ тѣхъ-же историческихъ особенностей въ теоріи формулировавшей эти отношенія. Онъ утверждаетъ, что въ основѣ современной теоріи общественнаго хозяйства вовсе не лежитъ какое-либо опредѣленное историко-реальное состояніе, или опредѣленная стадія хозяйственнаго развитія. „Нѣтъ никакого основанія, говоритъ онъ, предполагать, что Адамъ Смитъ изображалъ именно хозяйственныя отношенія 18-го, а Рикардо таковыя-же 19-го вѣка. Между основными посылками теоріи общественнаго хозяйства и историческимъ складомъ хозяйства 19-го вѣка существуетъ только случайное совпаденіе, между этимъ типомъ хозяйства и вѣчною задачею науки замѣчается чисто логическая связь“¹³⁾. Забывая раньше сдѣланную характеристику современнаго общественнаго хозяйства, Дитцель, въ другомъ мѣстѣ своего изслѣдованія, считаетъ уже общественное хозяйство не реальнымъ явленіемъ, а логическою категоріей и гипотезой, вытекающею изъ методологическихъ особенностей хозяйственной науки. Въ предъидущей главѣ мы старались отмѣтить эту спеціальную связь теорій Адама Смита и Рикардо съ типомъ хозяйства народовъ новаго времени на отдѣльныхъ ученіяхъ этой теоріи и пришли къ утвердительному отвѣту по вопросу объ историческомъ характерѣ послѣднихъ. Намъ кажется, что Дитцель, придерживающійся противоположнаго мнѣнія, впалъ въ ошибку вслѣдствіе того, что онъ поставленъ былъ въ затрудненіе дилемой, какимъ образомъ теоретическая экономія, при тѣхъ методологическихъ приѣмахъ, на которыхъ основывается построеніе этой доктрины, т. е. орудуя абстрактнымъ методомъ, можетъ изобразить намъ ис-

12) *Über Verhältniss...* стр. 34. *Der Ausgangspunkt...* стр. 16.

13) *Beiträge zur Method.* стр. 204; 207—208.

торическій типъ хозяйства. Дитцель правъ въ томъ отношеніи, что на самомъ дѣлѣ, сопоставляя теорію политической экономіи классической школы съ реальной дѣйствительностью, мы видимъ, что въ дѣйствительности общественное хозяйство не существуетъ въ изолированномъ видѣ, какъ это представляетъ теорія, но образуетъ вмѣстѣ съ государственнымъ хозяйствомъ интегральныя части одного цѣлаго — народнаго хозяйства, что хозяйственныя отношенія вообще находятся въ органической связи со всѣмъ складомъ культурной жизни общества, какъ-то нравовъ, религіи, обычаевъ, а также этнографическихъ и другихъ свойствъ человѣческихъ расъ. Но надо имѣть въ виду что общественная жизнь въ такой совокупности составляющихъ ея явленій служить предметомъ цѣлаго ряда наукъ. Въ ряду этихъ наукъ теорія общественнаго хозяйства изображаетъ эту жизнь лишь съ одной хозяйственной стороны и беретъ эту сторону жизни въ ея историческихъ формахъ, но для выполненія этой задачи изслѣдованія она должна прибѣгать къ искусственному отвлеченію общественно-хозяйственныхъ явленій отъ явленій моральныхъ, политическихъ, правовыхъ и т. п., что и обуславливаетъ абстрактный характеръ самой теоріи общественнаго хозяйства. Съ другой стороны, требуется опредѣлить видовыя историческія формы хозяйственныхъ явленій и отношеній. Эта дилема (абстрактный и въ тоже время историческій характеръ доктрины), какъ мы увидимъ ниже, находитъ свое разрѣшеніе въ томъ, что въ основу дедуктивной экономіи полагаются послыки историческаго характера, представляющія, въ существенныхъ чертахъ, основанія современнаго хозяйственнаго строя, — каковыми послыками служатъ: институтъ частной собственности, присущее каждому индивиду чувство самосохраненія и отсюда стремленіе къ возможно совершенному осуществленію хозяйственныхъ интересовъ, свобода хозяйственной дѣятельности и соперничество.

Разсмотрѣніе того, какъ рѣшаются эти методологическія проблемы въ теоретической экономіи, составитъ, между прочимъ, предметъ слѣдующей главы.

IV.

Задача и методъ теоретической политической экономіи.

Мы видѣли (глава III), что явленія народнаго хозяйства распадаются на двѣ большія категоріи, изъ которыхъ одна относится къ сферѣ хозяйственной дѣятельности государства, а другая образуетъ сферу общественно-хозяйственныхъ отношеній. Мы видѣли также, что явленія государственно-хозяйственные являются результатомъ рассчитанной (законодательной) дѣятельности государственной власти и ея органовъ, тогда какъ явленія общественнаго хозяйства слагаются изъ дѣятельности отдѣльныхъ индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый дѣйствуетъ по своему личному плану и имѣетъ въ виду свои частные интересы; тѣмъ не менѣе дѣятельность цѣлыхъ массъ такихъ индивидовъ представляетъ извѣстнаго рода планомѣрность и порядокъ, такъ что мы вполне въ правѣ говорить о законахъ общественнаго хозяйства, правда, весьма отличающихся отъ тѣхъ, которые являются результатомъ предписанія органовъ государственной власти, но столь могущественныхъ, что къ нимъ должна примѣняться сама законодательная власть, подъ опасеніемъ, что, въ противномъ случаѣ, преслѣдуемая ею цѣли не будутъ достигнуты. Понятно, что объясненіе явленій этого порядка, какъ по своимъ исходнымъ началамъ, такъ и по методологическимъ приѣмамъ существенно различается отъ способовъ объясненія явленій государственнаго хозяйства¹⁾. Эти послѣднія явленія, созданныя по рас-

1) Мы, конечно, разумѣемъ здѣсь государственное хозяйство въ томъ широкомъ смыслѣ, въ какомъ оно рассматривается современными представителями

читанному плану, требуютъ такъ называемаго *прагматическаго* толкованія, которое заключается въ выводѣ отдѣльныхъ явленій изъ намѣреній и средствъ общественной власти, вызвавшей къ жизни эти явленія. Мы даемъ явленіямъ этого порядка прагматическое объясненіе, когда изслѣдуемъ цѣли, руководившія представителями государственной и общественной власти, средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи и способы употребленія этихъ средствъ, а также препятствія, лежавшія на пути намѣчанныхъ задачъ. Когда мы говоримъ объ этомъ или другомъ отечественномъ налогѣ, фабричномъ законѣ, порядкахъ управленія государственными имуществами и т. п. то наша задача указать къмъ, когда, зачѣмъ и при какихъ обстоятельствахъ установлены эти учрежденія и порядки²⁾.

Не такъ просто и совсѣмъ другого рода должно быть объясненіе явленій общественно-хозяйственныхъ. Чтобы открыть управляющіе ими органическіе законы мы должны обратиться къ анализу психологическихъ мотивовъ хозяйственной дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, а также физическихъ, юридическихъ и другихъ усилій, при которыхъ имъ приходится дѣйствовать. Объясненіе этой категоріи явленій представила намъ теоретическая экономія англійской школы въ ученіяхъ о производствѣ, распредѣленіи и обращеніи благъ. Выясненіе способовъ съ помощью которыхъ были построены теоретическія ученія англійской школы въ, тоже время, раскрываетъ намъ тѣ особыя методологическіе приемы, которые необходимо примѣнить для объясненія явленій общественнаго хозяйства.

финансовой науки т. е. мы включаемъ въ сферу государственнаго хозяйства также хозяйство сельскихъ и городскихъ обществъ, земства и т. п. См. Ad. Wagner: Finanzwissenschaft 1883. 1 Theil, стр. 91. Лебедевъ. Курсъ лекцій по финансовому праву. 1882, стр. 9.

2) Menger. Untersuchung. Ub. Method стр. 161—166. См. Блестящія главы по методологій политической экономіи въ литографированныхъ курсахъ проф. А. И. Чупрова, которыя представляютъ самое замѣчательное изъ того, что написано по этому предмету на русскомъ языкѣ.

Что касается исторического характера теоретической политической экономии (см. гл. II), то хотя съ болѣе общей точки зрѣнія эту науку и можно считать историческою, такъ какъ она изучаетъ исторически сложившіяся хозяйственныя явленія, но по своей задачѣ и способамъ изслѣдованія она рѣзко отличается отъ историческаго изображенія этихъ явленій. Въ историческомъ изображеніи хозяйственныя явленія представляются намъ въ ихъ конкретныхъ формахъ и въ процессѣ постепеннаго развитія однихъ явленій изъ другихъ. Задача съ которою долженъ справляться историкъ хозяйственнаго быта состоитъ въ раскрытіи эволюціоннаго процесса въ самыхъ, видимости, отрывочныхъ и неподвижныхъ явленіяхъ. Онъ долженъ показать въ чемъ заключаются связи, соединяющія, въ процессѣ образованія формъ хозяйственнаго быта, данныя явленія съ предшествующими и послѣдующими; въ глазахъ историка не существуетъ рѣзкаго перехода между слѣдующими одинъ за другимъ вѣками, вездѣ и во всемъ представляется движеніе, постепенность и преобразование, даже дѣленіе исторіи на періоды, со строгой исторической точки зрѣнія, должно казаться не научнымъ и механическимъ, такъ такъ историческія изслѣдованія не въ состояніи указать такіе конкретныя факты, о которыхъ можно было бы сказать что именно ими заканчивается одинъ извѣстный фазисъ историческаго развитія и начинается другой³⁾).

Совсѣмъ другого рода спеціальную задачу преслѣдуетъ теоретическое изслѣдованіе. Оно имѣетъ въ виду изученіе всего разнообразія явленій исторической дѣйствительности со стороны ихъ типическихъ формъ и типическихъ отношеній меж-

3) Историческій геній проявляется въ искусствѣ усматривать во всѣхъ явленіяхъ міровой жизни движеніе и развитіе. Теорія происхожденія видовъ Дарвина представляетъ поразительный примѣръ историческаго генія, сумѣвшаго подмѣтить, въ самыхъ, новидимости, застывшихъ и законченныхъ формахъ органической жизни, процессъ преобразования и приблизительно нарисовать процессъ біологическаго развитія формъ органической жизни. Біологія есть таже исторія, но только явленій органической жизни.

ду явленіями. Выполненіе этой задачи въ области народнаго хозяйства состоитъ въ сведеніи конкретных хозяйственных явленій къ такимъ типическимъ формамъ, которыя повторяются въ предѣлахъ даннаго историческаго періода, независимо отъ условій мѣста и времени, у всѣхъ народовъ, находящихся на соотвѣтствующей стадіи историческаго развитія. Такъ напр. теоретическая экономія трактуетъ о цѣнѣ, вовсе не имѣя въ виду какого либо индивидуальнаго предмета купли-продажи, конкретного продавца и покупателя въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, но опредѣляетъ такія общія условія образованія цѣнъ, которыя представляются типичными для разнообразнѣйшихъ явленій цѣны въ разныхъ странахъ и у различныхъ народовъ культурнаго міра, и встрѣчаются вездѣ, гдѣ только существуетъ развитое денежное хозяйство. Точно также теоретическая экономія при изслѣдованіи поземельнаго кредита вовсе не имѣетъ въ виду какойнибудь даннаго участка земли, той или другой степени плодородія, конкретную ссуду или конкретного должника и кредитора, но изображаетъ въ типическихъ чертахъ кредитныя отношенія, вытекающія изъ спеціальныхъ особенностей земледѣльческаго хозяйства, обуславливающихъ возвратъ затраченнаго капитала черезъ длинныя промежутки времени. Но хотя всѣ формы долгосрочнаго поземельнаго кредита, способы займа, обезпеченія возврата и погашенія ссуды, изображаемые въ экономической теоріи, не списаны съ какого либо индивидуальнаго случая займа, но они имѣютъ значеніе для объясненія всѣхъ явленій долгосрочнаго поземельнаго кредита вездѣ, гдѣ они только встрѣчаются. Типы явленій и типическія отношенія между явленіями — это и есть спеціальная форма закономерности хозяйственныхъ явленій, которую раскрываетъ намъ теоретическая экономія⁴⁾.

⁴⁾ К. Менгер, Untersuchungen über d. Method. стр. 4—34. Philippowitch, Über Aufgabe und Methode der Volkswirtschaft, стр. 11. Опредѣленіе всякой науки

Какими же методами можетъ быть достигнуто познаніе типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій или, что тоже самое—познаніе законовъ общественнаго хозяйства?

Какъ извѣстно способы изслѣдованія законовъ явленій во всѣхъ возможныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія сводятся къ двумъ основнымъ методамъ человѣческаго мышленія—индукціи и дедукціи. Но явленія различныхъ областей міро-

---

должно заключать въ себѣ три момента: 1) точное обозначеніе опредѣляемой науки (напр. наука о народномъ хозяйствѣ, или одна изъ ея составныхъ частей—теоретическая экономія, хозяйственная политика и т. п. 2) обозначеніе предмета ея изслѣдованія (какъ то міръ растительный или животный, государство, народное хозяйство, или опредѣленная область народнаго хозяйства). 3) указаніе на точку зрѣнія, съ которой должны въ ней быть изслѣдуемы явленія (теоретическая, практическая, или историческая). Выяснивъ въ предыдущей главѣ характерныя черты спеціальной области хозяйственныхъ явленій, изслѣдуемыхъ въ теоретической экономіи, и присоединивъ теперь къ этому объясненію указаніе на задачу теоретической экономіи, мы тѣмъ самымъ, исчерпали всѣ моменты необходимыя для опредѣленія этой науки. К. Менгеръ, выяснившій съ надлежащею полнотою вышеуказанныя требованія, которыя должны быть предъявляемы къ опредѣленію каждой науки, а въ томъ числѣ и къ теоретической экономіи, допускаетъ, по нашему мнѣнію, одну неправильность, на которую мы считаемъ нелишнимъ здѣсь указать. Показавъ, что задача теоретической экономіи состоитъ въ изслѣдованіи типовъ явленій и типическихъ отношеній между явленіями, Менгеръ приэтомъ замѣчаетъ, что изслѣдованіе типическихъ отношеній между хозяйственными явленіями есть собственно изслѣдованіе законовъ хозяйственныхъ явленій, но что выясненіе типовъ хозяйственныхъ явленій не есть объясненіе законмѣрности этихъ явленій (Untersuch. üb. d. Meth. стр. 34, 40,—42). Такъ купля—продажа, цѣна, спросъ и предложеніе, процентъ и т. п. суть, по Менгеру, типическія формы явленій, между тѣмъ, какъ правильное паденіе цѣны товаровъ, вслѣдствіе увеличенія орудій обращенія, или паденіе процента, вслѣдствіе увеличенія капиталовъ въ странѣ, представляютъ собою типическія отношенія между явленіями. Намъ кажется, что Менгеръ въ данномъ случаѣ, введенъ въ недоразумѣніе, такъ сказать, діалектической формою выраженія—„типы и типическія отношенія“. Въ сущности въ разсужденіи о типахъ хозяйственныхъ явленій и типическихъ отношеніяхъ между явленіями, рѣчь идетъ о хозяйственныхъ отношеніяхъ между людьми по поводу ихъ отношеній къ вещамъ,—а вещи, въ данномъ случаѣ, въ ихъ экономической квалификаціи (цѣна, процентъ) служатъ лишь выраженіемъ отношеній между людьми. Цѣна, напримѣръ, какъ и всякое явленіе, сопровождающее ея паденіе, есть выраженіе отношенія между продавцемъ и покупателемъ, а въ другомъ случаѣ—между производителемъ и потребителемъ; рента, какъ равно ея по-

всѣй жизни отличаются весьма различными свойствами; зависящими отъ степени ихъ простоты, или сложности и т. п., и изслѣдованіе ихъ требуетъ, смотря по роду изучаемыхъ явленій, неодинаковыхъ методовъ. Отсюда происходитъ тотъ фактъ, что методы индукціи и дедукціи не въ одинаковой мѣрѣ применимы въ различныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія, а тамъ, гдѣ они примѣняются, даютъ результаты не одинаковаго научнаго достоинства. Въ теоретической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, вопросы методологій сводятся къ тому, въ какой мѣрѣ применимы къ изслѣдованію спеціальной сферы общественно хозяйственныхъ явленій, которыя въ ней рассматриваются, каждый изъ двухъ названныхъ методовъ — индукція и дедукція. Обращаясь къ разсмотрѣнію этого вопроса, мы должны начать наши разсужденія съ изложенія извѣстныхъ понятій объ этихъ методахъ. Индукція есть заключеніе отъ частныхъ случаевъ къ общему правилу или закону этихъ случаевъ. Наоборотъ дедукція есть заключеніе отъ общаго положенія или правила къ частному случаю. Непременнымъ условіемъ примѣненія дедукціи къ изученію явленій долженъ быть готовый запасъ извѣстнаго количества общихъ положеній или законовъ, поэтому дедукція имѣетъ примѣненіе преимущественно къ изученію такихъ производныхъ и сложныхъ явленій, которыя могутъ быть сведены къ законамъ явленій простѣйшихъ. Примѣненіе же индукціи предполагаетъ предварительное признаніе одного общаго положенія, хотя прямо не высказываемаго, но подразумеваемаго во всѣхъ случаяхъ, а именно, что явленія міровой жизни под-

---

шеніе и паденіе, есть выраженіе отношеній между землевладѣльцами, арендаторами и рабочими и т. п. Другими словами „какъ типы хозяйственныхъ явленій“ такъ и „типическія отношенія между явленіями“, во всѣхъ случаяхъ, служатъ выраженіемъ закономерности хозяйственныхъ отношеній между людьми. Поэтому гораздо правильнѣе сказать, что установленіе типовъ хозяйственныхъ явленій и типическихъ отношеній между явленіями составляетъ одну и ту же задачу — открытія законовъ хозяйственныхъ явленій.

чинены извѣстному законѣрному порядку. Логическая сторона процесса въ дедукціи представляется болѣе сложной, чѣмъ въ индукціи. Именно дедуктивный методъ состоитъ изъ трехъ различныхъ частей: изъ нѣсколькихъ общихъ положеній или законовъ, полученныхъ путемъ цѣлаго ряда предварительныхъ индукцій, которыя служатъ основаніемъ всему послѣдующему умственному процессу, — изъ логического вывода, основаннаго на этихъ индукціяхъ и, наконецъ, изъ сличенія полученныхъ результатовъ съ конкретными явленіями, или данными опыта. Последнюю третью стадію дедукціи называютъ, также, провѣркою дедуктивнаго вывода. Другое существенное различіе между этими двумя методами заключается еще въ томъ, что индукція всегда есть заключеніе отъ дѣйствія къ причинѣ, тогда какъ дедуктивный методъ, исходя изъ причинъ уже ранѣе извѣстныхъ, дѣлаетъ заключеніе о дѣйствіи, которое производитъ ихъ совокупность. Въ первомъ случаѣ намъ даны дѣйствія и требуется открыть ихъ причину, во второмъ наоборотъ даны причины и требуется опредѣлить результаты ихъ совокупнаго дѣйствія. Оба метода, такимъ образомъ, различными путями направляются къ достиженію одной и той же цѣли — опредѣленія связи, соединяющей явленія между собою цѣпью причинъ и дѣйствій.

При изслѣдованіи причинной связи явленій, выборъ той или другой методы, зависитъ не отъ нашей доброй воли, но предопредѣляется природою изучаемыхъ явленій. Такъ одинъ и тотъ же результатъ — изслѣдованіе законовъ явленій въ однихъ областяхъ міровой жизни можетъ быть достигнутъ только путемъ индукціи въ другихъ только путемъ дедукціи. Причны не одинаковой годности обоихъ методовъ въ различныхъ областяхъ міровыхъ явленій, со времени Д. С. Милля, принято сводить къ тремъ категоріямъ. Эти причины заключаются въ большей или меньшей сложности явленій, изслѣдуе-

мой области, ихъ типичности, или индивидуальности и возможности, или невозможности пользоваться экспериментомъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ замѣчается коренное различіе между явленіями физической природы и явленіями человѣческой общественности. Что касается явленій физической природы, а въ особенности явленій неорганическихъ, то здѣсь соединены всѣ условія благопріятствующія приложенію индуктивнаго періода. Явленія физической природы отличаются меньшею сложностію, вслѣдствіе чего количество причинъ, производящихъ данное явленіе легче можетъ быть вычислено. При томъ каждое явленіе, физической природы есть въ то же время и типическое, а это обстоятельство чрезвычайно облегчаетъ задачу изслѣдованія, такъ какъ при этомъ условіи, разъ произведенное точное наблюденіе надъ даннымъ явленіемъ достаточно для того чтобы опредѣлить связь его съ другимъ, въ которой оно всегда будетъ встрѣчаться, при сходныхъ условіяхъ; всякое послѣдующее повтореніе наблюденія неизмѣнитъ нашего вывода, а только послужитъ къ усиленію увѣренности въ правильности вывода, разъ сдѣланого. Разъ химику удалось, посредствомъ правильнаго произведеннаго опыта, опредѣлить реакцію новооткрытаго элемента на кислородъ, то онъ больше уже несомнѣвается въ томъ, что такой экспериментъ въ точности можетъ быть повторенъ гдѣ нибудь въ Америкѣ, также какъ и въ Европѣ, черезъ тысячу лѣтъ, также какъ и теперь. Наконецъ, натуралистъ располагаетъ могущественнымъ средствомъ для того чтобы справляться съ значительною сложностію явленій, которое заключается въ экспериментѣ. Пользуясь экспериментомъ, натуралистъ, по выраженію Милля, имѣетъ возможность какъ бы взять испытуемое явленіе на домъ, поставить его въ точно опредѣленные условія и наблюдать, затѣмъ, въ изолированномъ состояніи дѣйствіе на него каждого изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя, какъ онъ предполагаетъ, служатъ при-

чинами этого явленія. Такимъ образомъ онъ имѣетъ возможность опредѣлить, какія изъ всей массы фактовъ сопровождающихъ данное явленіе связаны съ нимъ отношеніемъ причины къ дѣйствию и какія фигурируютъ въ качествѣ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Когда напр. ботанику требуется изслѣдовать отчего зависитъ ростъ растений то онъ, поочередно подвергая испытываемыя растенія изолированному дѣйствию солнечнаго свѣта, того или другаго химическаго состава почвы, влаги и т. п., приходитъ такимъ образомъ къ объясненію роли каждаго изъ этихъ факторовъ, а равно и ихъ совокупности на произрастаніе растеній. Такимъ же образомъ онъ можетъ убѣдиться, что цѣлый рядъ другихъ условій, сопровождающихъ ростъ растеній, не оказываетъ на нихъ никакого вліянія. Ни одного изъ этихъ условій, при которыхъ индукція приводитъ къ точнымъ результатамъ въ естествознаніи, вслѣдствіе чего она и получила тамъ широкое примѣненіе, не существуетъ въ области общественно-хозяйственныхъ явленій. А именно обстоятельства отъ которыхъ зависятъ состоянія общественнаго хозяйства, во первыхъ, такъ многочисленны, что неподдаются вычисленію; во вторыхъ, эти многочисленныя причины дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что представляется невозможнымъ выдѣлить дѣйствіе однихъ изъ нихъ отъ дѣйствія другихъ и, въ третьихъ, каждый изъ этихъ общественныхъ факторовъ подлежитъ измѣненію въ періодъ наблюденія. Единственное же средство, на которомъ, при этихъ условіяхъ, могло бы основываться точное индуктивное изслѣдованіе — экспериментъ, по отношенію къ явленіямъ общественнаго хозяйства, непримѣнимымъ. По внѣшности нѣкоторое сходство съ экспериментомъ въ области народнаго хозяйства представляютъ акты хозяйственнаго законодательства, такъ какъ всякимъ законодательнымъ актамъ вводится въ данное сочетаніе хозяйственныхъ явленій новый факторъ, но этимъ только и ограничивается сходство его съ экспери-

ментомъ. Исслѣдователь, задававшійся цѣлью показать каковы были послѣдствія даннаго законодательнаго акта, долженъ принимать всѣ непосредственно слѣдовавшія за введеніемъ даннаго закона измѣненія въ состояніи народнаго хозяйства, той или другой его области, за слѣдствія вызванныя этимъ актомъ, тогда какъ наблюдаемыя перемѣны могли произойти отъ цѣлаго ряда другихъ причинъ сопровождавшихъ введеніе въ жизнь новаго закона. Сложность и взаимодействіе хозяйственныхъ явленій мѣшаетъ исслѣдователю выдѣлить то, что, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно было слѣдствіемъ законодательнаго акта, отъ того, что являлось слѣдствіемъ другихъ, сопровождающихъ его обстоятельствъ. Въ свое время весьма справедливо было указано Д. С. Миллемъ на ошибочные выводы, построенные на подобнаго рода quasi-экспериментахъ, въ сужденіяхъ протекціонистовъ, и въ особенности Кери. Этотъ американскій экономистъ, основываясь на томъ фактѣ, что примѣненіе протекціонистической системы въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки сопровождалось поднятіемъ національнаго богатства, принялъ это послѣднее явленіе за слѣдствіе протекціонистической политики и на этомъ выводѣ построилъ свое догматическое ученіе о безусловной плодотворности протекціонизма для народнаго благосостоянія. А между тѣмъ слѣдовавшее за введеніемъ запретительныхъ пошлинъ поднятіе національнаго производства могло быть непосредственнымъ слѣдствіемъ цѣлаго ряда другого рода причинъ, въ ряду которыхъ непоследнюю роль играло также поднятіе культурнаго развитія американскаго народа, возстановленіе внутри страны свободы хозяйственныхъ занятій и промысловъ, до того времени стесненной разнаго рода ограниченіями и предписаніями, слѣдовавшими изъ Англіи—тогдашней метрополіи американскихъ Штатовъ и т. п.

Помимо того, что законодательные акты въ области хозяйственной жизни представляютъ мало сходства съ экспе-

риментомъ въ естествознаніи, надо также имѣть въ виду, что подобнаго рода quasi-эксперименты, т. е. отношенія въ области народнаго хозяйства, создаваемые предписаніями закона, имѣютъ только самое отдаленное отношеніе къ спеціальной сферѣ общественно-хозяйственныхъ явленій, составляющихъ предметъ теоретической политической экономіи, которая вѣдаетъ хозяйственныя отношенія, основанныя на свободной конкуренціи и преслѣдованіи отдѣльными индивидами своихъ частныхъ интересовъ.

Такъ какъ пользованіе болѣе совершенною формою индукціи, основанною на экспериментѣ, оказывается невозможнымъ въ области народно-хозяйственныхъ явленій, то приложеніе индукціи можетъ здѣсь основываться только на наблюденіи явленій въ ихъ дѣйствіи. Но въ этомъ послѣднемъ видѣ индуктивный методъ для открытія *коренныхъ* законовъ хозяйственныхъ явленій оказывается непригоднымъ. Все чего можетъ достигнуть изслѣдователь, при этихъ условіяхъ, посредствомъ зростаго наблюденія хозяйственнаго быта, это констатировать, что данное явленіе сопутствуетъ, или предшествуетъ другому и отсюда заключать, что между ними существуетъ причинная связь. Но такое заключеніе не даетъ еще никакого ручательства въ томъ, что во всѣхъ случаяхъ одно изъ этихъ явленій будетъ непременно встрѣчаться только въ сопровожденіи съ другимъ, въ той связи, которая разъ уже была констатирована наблюденіемъ. Связь эта могла быть чисто случайною и между разъ встрѣченными явленіями могло не существовать отношенія, какъ между причиною и слѣдствіемъ; другими словами, въ области общественно-хозяйственныхъ явленій наблюденіе безъ опыта можетъ открыть послѣдовательность и сосуществованіе явленій, но не можетъ доказать связи причины со слѣдствіемъ⁵⁾. Выводы, полученные индук-

5) См. Милль. Логика т. 1-й, стр. 441; т. 2-й стр. 486—477. Янсонъ.

тивнымъ путемъ изъ простаго наблюденія могутъ быть названы законами въ извѣстномъ относительно смѣслѣ, обыкновенно ихъ называютъ *эмпирическими законами*. Эмпирическіе законы сами нуждаются въ объясненіи. Объяснить эмпирическій законъ, значитъ, указать законы, изъ которыхъ они вытекаютъ, или тѣ болѣе коренныя причины, отъ которыхъ они зависятъ. А зная эти причины, мы знали-бы и его предѣлы, знали-бы при какихъ условіяхъ эмпирическій законъ пересталъ-бы исполняться.

Сказанное относительно простаго наблюденія имѣетъ приложеніе къ спеціальному виду методическаго или организованнаго наблюденія, какимъ является статистическій методъ. Статистическое наблюденіе рассчитано на устраненіе недостатковъ, связанныхъ съ индивидуальнымъ наблюденіемъ. Если связь между двумя явленіями, подмѣченная на отдѣльномъ случаѣ, мало достовѣрна, то она пріобрѣтаетъ характеръ достовѣрности, когда наблюдается на возможно большемъ количествѣ случаевъ. Это, въ особенности, надо сказать относительно тѣхъ явленій, къ которымъ примѣнимъ методъ счетный, при чемъ возможно его приложеніе къ изслѣдованію массъ явленій. Но и въ этой самой совершенной своей формѣ индуктивное изслѣдованіе, основанное на наблюденіи въ области соціальныхъ явленій не приноситъ результатовъ равноцѣнныхъ съ тѣми, какія достигаются въ мірѣ физическихъ явленій путемъ эксперимента. Какъ бы ни многочисленны были явленія, на которыя распространяется статистическое изслѣдованіе, констатирующее случаи сосуществованія и послѣдовательности явленій, но оно никогда не исчерпываетъ

Теорія Статистики, 1887 г. стр. 447, 458. Мы здѣсь не касаемся разнообразностей индуктивнаго метода, такъ называемыхъ четырехъ методовъ опытнаго изслѣдованія, такъ какъ о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности пришлось бы сказать тоже, что о всѣхъ вмѣстѣ.

всѣхъ случаевъ, а всегда имѣетъ дѣло съ одною частью случаевъ. Словомъ и статистическіе законы, самые совершенные изъ законовъ устанавливаемыхъ путемъ наблюденія, суть также не болѣе какъ законы эмпирическіе⁶⁾, т. е. законы, требующіе въ лучшемъ случаѣ, когда они вѣрны, объясненія другими, болѣе общими законами. Такъ, напр., статистическій законъ, выведенный изъ наблюденія на массѣ случаевъ, что мальчиковъ всегда рождается на нѣсколько процентовъ (3—7) болѣе дѣвочекъ. Это только фактъ, объясненіе котораго надо искать въ законахъ открываемыхъ антропологіей, біологіей, фізіологіей и въ другихъ наукахъ. При всѣхъ недостаткахъ эмпирическихъ законовъ, тѣмъ не менѣе было бы ошибочно отрицать значеніе ихъ въ системѣ теоретическихъ изслѣдованій о народномъ хозяйствѣ. Этого нельзя дѣлать по одному тому, что существуетъ цѣлый рядъ эмпирическихъ законовъ, которые вполне совпадаютъ съ законами точными. Такъ, напримѣръ, подмѣченная наблюденіемъ зависимость цѣны отъ спроса и предложенія товаровъ, получила, затѣмъ, полное подтвержденіе въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ Ад. Смита, Сэ и Германа. Политическая экономія, слѣдующая обыкновенному процессу развитія всякаго знанія, на

---

6) См. А. Wagner. Гл. Statistik въ Deutsches Staatswörterbuch Bluntschli und Brater. стр. 467. Ero-же. Der Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen. 1864. стр. 68. Rümelin. Rede und Aufs. стр. 219, 253. см. Янсонъ. Теорія статистики. стр. 447—466, а въ особенности глава: „Смыслъ выраженій законъ и причина въ статистикѣ“ (стр. 459). Проф. Янсонъ различаетъ два рода эмпирическихъ законовъ въ статистикѣ: одни законы тѣ, о коихъ неизвѣстно даже суть ли они законы причинной связи или нѣтъ, это, такъ называемыя, правильности, открываемыя нами при первомъ, такъ сказать, знакомствѣ съ явленіями соціальной жизни; и другіе законы тѣ, о коихъ доказано, что они выражаютъ причинную связь сосуществующихъ и слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, но которые должны быть разложены на безконечный иногда рядъ простѣйшихъ законовъ, хотя по большей части разложеніе ихъ недоступно нашимъ средствамъ анализа“, стр. 457—459. см. Де-Роберти. Соціологія. 1880 г. стр. 119.

раннихъ ступеняхъ своего развитія состояла исключительно изъ эмпирическихъ выводовъ, а простое наблюденіе было ея преобладающимъ методомъ изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, почти все содержаніе теорій меркантилистовъ состояло изъ цѣлаго ряда эмпирическихъ законовъ, изъ которыхъ одни, при послѣдующемъ развитіи политической экономіи, были подтверждены болѣе точными изслѣдованіями, а другіе опровергнуты. Такими чисто эмпирическими законами въ системѣ меркантилистовъ, которые оказались потомъ ложными, являются — ученіе о деньгахъ, какъ единственной и универсальной формѣ народнаго богатства, а также ученіе о торговомъ балансѣ, утверждавшее, что богатство народа можетъ быть достигнуто только посредствомъ привлеченія возможно большаго количества денегъ въ страну. То что было вѣрнаго въ ученіи меркантилистовъ о покровительственной системѣ нашло за тѣмъ свое подтвержденіе въ болѣе строгомъ изслѣдованіи Фридриха Листа о протекціонизмѣ, которое является новою и болѣе научною редакціею меркантилистической теоріи.

Эмпирическіе выводы, впрочемъ, всегда будутъ необходимы, какъ первая стадія научнаго изслѣдованія въ политической экономіи. Такъ какъ наука эта имѣетъ своею задачею изученіе исторически сложившихся хозяйственныхъ явленій, а историческое развитіе постоянно создаетъ все новыя явленія и новыя формы хозяйственнаго быта, требующія теоретическаго объясненія, то констатировать эти измѣненія въ хозяйственномъ быту можно только путемъ непосредственнаго наблюденія хозяйственной жизни.

Хотя и теперь еще нѣкоторые отдѣльные экономисты исторической школы выражаютъ желаніе довольствоваться изученіемъ хозяйственныхъ явленій въ той формѣ законмѣрности, въ которой представляютъ ихъ эмпирическіе законы, но въ экономической литературѣ, начиная съ фیزیократовъ и А. Смита, постоянно дѣятельно проявлялось другое стремленіе —

открыть болѣе точные и коренные законы общественнаго хозяйства. Отличительная черта коренныхъ законовъ, которыхъ вообще немного, заключается въ томъ, что такіе законы сводятъ все разнообразіе явленій въ той или другой области міровой жизни къ небольшому числу силъ или причинъ. По опредѣленію Рюмелина коренной или точный законъ является выраженіемъ элементарнаго, постояннаго, во всѣхъ явленіяхъ открываемаго, дѣйствія силъ. Типичными примѣрами такого рода законовъ могутъ служить законы физики, въ которыхъ всѣ разнообразныя физическія явленія сведены къ опредѣленному числу силъ природы: каковы — свѣтъ, теплота, тяготѣніе и т. д. Открыть такой законъ въ сферѣ хозяйственныхъ явленій значило открыть лежащія въ основаніи ихъ силы или факторы и представить то или другое хозяйственное явленіе, или цѣлыя категоріи ихъ, какъ проявленіе известнаго способа дѣйствія этихъ силъ. Въ сферѣ хозяйственной дѣятельности такого рода силы заключаются ни въ чемъ другомъ, какъ только въ общихъ основахъ психической жизни людей ⁷⁾. Хозяйственные явленія слагаются изъ дѣятельности

---

7) „Соціальныя явленія—это только особый видъ явленій психическихъ. Существуетъ два разряда психическихъ законовъ—собственно психическіе и соціальныя. Психологія изслѣдуетъ душевныя силы, проявляющіяся въ жизни отдѣльныхъ индивидуумовъ, соціальныя же науки рассматриваютъ тѣ-же силы, но въ ихъ массовыхъ дѣйствіяхъ, при чемъ они изслѣдуютъ эффекты, измѣненія и модификаціи, обусловливаемыя массовыми проявленіями этихъ силъ въ общественной жизни. Въ этомъ смыслѣ всякій соціальный законъ долженъ представить намъ въ элементарной формѣ дѣйствіе цѣлыхъ массъ психическихъ силъ“ (Rümelin. Rede... стр. 9—10). Въ другомъ мѣстѣ Рюмелинъ указываетъ на соотношеніе между психическими свойствами отдѣльнаго индивидуума и цѣлаго общества. „Всѣ науки объ обществѣ имѣютъ своимъ предметомъ или естественныя группы индивидуумовъ, или-же отдѣльныя сферы общественной жизни. Точно разграничить, съ одной стороны, эти отдѣльныя сферы между собою, а съ другой стороны, тѣ части соціальныхъ наукъ, которыя ихъ изслѣдуютъ, до сихъ поръ мѣшаетъ несовершенное состояніе психологін. Если-бы психологія стала на болѣе твердыхъ основаніяхъ, то тогда изъ нея самой могли-бы быть теоретически выведены естественныя сферы общественной жизни, такъ какъ каждой основной потребности чело-

массъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый поступаетъ въ силу известныхъ мотивовъ. Для того чтобы придти къ познанію коренныхъ законовъ общественнаго хозяйства, необходимо было опредѣлить сначала мотивы, управляющіе хозяйственною дѣятельностью и затѣмъ преслѣдить проявленіе хозяйственной дѣятельности людей, приданномъ степенію юридическихъ, общественныхъ, политическихъ и другихъ условій, характеризующихъ изслѣдуемый историческій типъ хозяйства. Эту проблему теоретическаго изслѣдованія разрѣшили Ад. Смитъ и первые теоретики-экономисты, которые приняли хозяйственный эгоизмъ или хозяйственный интересъ за основной мотивъ хозяйственной дѣятельности людей и положили его въ основу своихъ теоретическихъ построеній⁸⁾. Такимъ образомъ найдена была возможность въ области общественнаго хозяйства открыть нѣчто болѣе, чѣмъ эмпирическую связь явленій—коренные законы этихъ явленій.

вѣческой природы должно соответствовать осуществленіе ея въ формахъ социальнаго устройства. Такимъ образомъ хозяйственную, общественную, интеллектуальную, религіозную и, наконецъ, нормирующую всѣ другія человѣческія отношенія жизнь политическую можно представить какъ такія спеціальныя сферы научнаго изслѣдованія, которыя вытекаютъ изъ основныхъ свойствъ человѣческой природы" (Тоже, стр. 235—236). „Психологія является такимъ-же основаніемъ для всѣхъ общественныхъ наукъ, какъ механика для естествознанія“ Wundt. *Logik*. 1883 г. В. 2. стр. 572. „Соціальная экономія, по Миллю, предполагаетъ знаніе психической природы индивидуальнаго человѣка; такъ какъ всѣ законы, составляющіе компетенцію психологіи имѣютъ мѣсто также и въ общественной жизни, то истины соціальной науки показываютъ намъ какъ эти простѣйшіе законы психологіи проявляются при болѣе сложныхъ обстоятельствахъ“. Mill. *Essays*, стр. 136.

8) „Въ ряду соціальныхъ наукъ политическая экономія опередила всѣхъ своихъ сестеръ. Своими быстрыми и большими успѣхами она обязана не только практическимъ интересамъ, съ которыми связаны ея изслѣдованія, но гораздо болѣе правильности принятого ею метода. Основатели ея воспользовались выгодами истекающими изъ возможности изолировать ея предметъ, сводя хозяйственныя явленія къ простѣйшимъ психическимъ фактамъ и выводя изъ нихъ всѣ дальнѣйшія консеквенціи. Политическая экономія исходила изъ явно выраженнаго, или же подразумеваемаго положенія, что люди отъ природы имѣ-

Открытіе такого рода законовъ требуетъ приложенія дедуктивнаго метода, и при томъ въ той его формѣ, которая извѣстна подъ именемъ конкретной или индуктивной дедукціи. Преимущества этого метода, сравнительно съ индукціей, заключаются во 1-хъ въ томъ, что онъ даетъ возможность свести хозяйственныя явленія къ опредѣленнаго рода спламъ или причинамъ и во 2-хъ онъ является въ примѣненіи къ общественно-хозяйственнымъ явленіямъ самой естественной замѣной эксперимента, въ томъ смыслѣ, что посредствомъ дедукціи экономистъ имѣетъ возможность изслѣдовать въ изолированномъ видѣ отдѣльные элементы, изъ которыхъ слагаются эти явленія. Для того чтобы выяснитъ эти преимущества конкретно-дедуктивнаго метода по отношенію къ поставленной задачѣ — познанія коренныхъ законовъ общественнаго хозяйства, мы должны только показать въ чемъ состоятъ извѣстныя три стадіи конкретной дедукціи въ примѣненіи къ изслѣдованію общественно-хозяйственныхъ явленій.

Первая стадія дедукціи, какъ мы знаемъ, изъ общаго опредѣленія этого метода, состоитъ въ изслѣдованіи законовъ тѣхъ элементарныхъ явленій, на которыя возможно бываетъ разложить какія-нибудь данныя явленія сложнаго характера. Сказанное должно имѣть примѣненіе, въ частности, и къ экономической дедукціи. Спрашивается, теперь, каковы-же тѣ элементарныя явленія, на которыя можно разложить сложные явленія общественнаго хозяйства?

ють стремленіе къ полученію возможно большаго количества предметовъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей съ затратой возможно меньшаго количества труда... Политическая экономія, мнѣ кажется, имѣетъ полнѣйшее основаніе называть свои основныя положенія относительно движенія цѣнъ, рабочей платы, конкуренціи, денежнаго обращенія — законами, такъ какъ они точно отвѣчаютъ требованіямъ, которыя могутъ быть предъявлены отъ всякаго закона, представляя собою основныя и простѣйшія формы массоваго дѣйствія психическихъ силъ. Законы эти могутъ быть выведены изъ немногихъ посылокъ". Rümelin. Rede... стр. 12—13. См. Alfred Marschall, The present position of economics. London 1885, стр. 20—22.

При ближайшемъ разсмотрѣніи хозяйственной жизни оказывается, что хозяйственныя явленія слагаются изъ дѣятельности людей, соединенныхъ въ общество, а эта дѣятельность зависитъ отъ психическихъ и физическихъ свойствъ человеческой натуры, отъ условій внѣшней природы, при которыхъ человѣку приходится дѣйствовать, отъ характера общественныхъ связей и политическихъ учрежденій, составляющихъ спеціальную особенность даннаго историческаго періода и т. п. Словомъ, разлагая хозяйственныя явленія на ихъ простѣйшіе элементы, мы достигаемъ, наконецъ, такихъ явленій, которыя уже доступны изслѣдованію ихъ болѣе простыми методами наблюденія и индукціи. Но экономисту, по большей части, нѣтъ надобности самому заниматься изслѣдованіемъ этихъ явленій, потому что они составляютъ предметъ изученія цѣлаго ряда спеціальныхъ наукъ. Такъ, напримѣръ, въ естествознаніи изслѣдуются законы внѣшней природы, при которыхъ приходится человѣку проявлять свою дѣятельность, въ технологіи—законы воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу, психологія изучаетъ явленія духовной жизни человѣка, правовѣденіе знакомитъ насъ съ юридическимъ бытомъ и съ политическими учрежденіями. Всѣ эти науки содержатъ въ себѣ массу готовыхъ положеній и индукцій, которыми пользуется теоретическая экономія для своихъ спеціальныхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, теоретическая экономія, не беря на себя совершенно чуждой ей задачи изслѣдованія современныхъ юридическихъ и политическихъ отношеній, законовъ человеческого духа и свойствъ человеческого организма, заимствуетъ въ готовомъ видѣ законы этихъ явленій изъ другихъ наукъ, изъ права, психологіи, естествознанія и т. п.⁹⁾. Одно изъ преимуществъ теоретической эконо-

---

9) См. Cairnes. Log. Method. стр. 75. I. S. Mill. Essays Ditinition and Method of Polltical Economy стр. 130—135. Д. С. Милль. Логика, т. I-й, стр. 517—521. Т. II-й, стр. 471—487.

номіи, какъ науки о явленіяхъ весьма сложнаго характера, которымъ она пользуется, вмѣстѣ съ неудобствами этого условія въ различныхъ отношеніяхъ, заключается въ томъ, что она прямо можетъ начать свои изслѣдованія съ вывода законовъ хозяйственныхъ явленій изъ законовъ явленій болѣе простыхъ. Но это вовсе незначитъ, что можно было бы прійти къ какимъ-либо реальнымъ результатамъ въ изученіи хозяйственныхъ явленій, минуя индуктивную стадію изслѣдованія, это только показываетъ, что индуктивная часть изслѣдованія раньше выполнена въ другихъ отрасляхъ знанія — въ естествознаніи, психологіи, въ юриспруденціи, результатами которыхъ пользуется теоретическая экономія. Въ этомъ смыслѣ теоретическая экономія, какъ и всякая другая абстрактная наука, въ послѣднемъ счетѣ основывается на наблюденіи и индуктивномъ изслѣдованіи явленій, хотя наблюденіе явленій и построеніе этихъ предварительныхъ индукцій не составляетъ ея прямой задачи.

Бываютъ, однако, случаи, когда сами экономисты-теоретики обращаются къ самостоятельному изслѣдованію той или другой категоріи явленій, которыя несутъ экономическія, для того чтобы добыть необходимыя послышки для экономической дедукціи. Такъ, Тюненъ, въ свое время, сдѣлалъ весьма остроумныя изысканія относительно прогрессіи возрастанія продуктовъ земледѣлія при послѣдовательныхъ затратахъ труда и капитала на одномъ и томъ-же участкѣ земли. Въ данномъ случаѣ онъ старался уяснить чисто агрономическій законъ, въ виду того, что результаты этого изслѣдованія должны были имѣть рѣшающее значеніе для разрѣшенія чисто уже экономического вопроса о поземельной рентѣ. Тюненъ и Родбертусъ, исходя изъ различныхъ воззрѣній на агрономическій законъ возростанія продуктовъ земледѣлія, сообразно съ этимъ, пришли къ кореннымъ образомъ различнымъ выводамъ въ своихъ ученіяхъ о поземельной рентѣ. Иногда также экономисты обращаются къ

изслѣдованію психической жизни и въ особенности тѣхъ психическихъ мотивовъ, которые проявляются въ разныхъ формахъ общественно-хозяйственныхъ отношеній, т. е. въ данномъ случаѣ они занимаются тѣми вопросами, которые входятъ въ компетенцію психологій. Всѣ подобнаго рода случаи, когда экономисты, для того чтобы добыть необходимыя данныя для экономической дедукціи, дѣлаютъ предметомъ своихъ изслѣдованій ту или другую область неэкономическихъ явленій, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ соотвѣтствующихъ наукахъ, изъ которыхъ политическая экономія должна заимствовать готовыя результаты не всѣ еще явленія изслѣдованы или же они изслѣдованы не съ надлежащею полнотою и не съ той стороны, которая въ особенности имѣетъ значеніе для экономистовъ. Но всякій разъ когда экономистъ долженъ бываетъ распространить свои изысканія на явленія, входящія въ компетенцію другихъ неэкономическихъ наукъ, то при этомъ онъ прибѣгаетъ и къ пользованію методами употребительными въ этихъ наукахъ. Такъ Тюненъ долженъ былъ сдѣлать множество агрономическихъ экспериментовъ и наблюдений, для того чтобы прійти къ опредѣленному заключенію относительно утверждаемаго имъ агрономическаго закона. Подобнымъ образомъ и экономисты занимавшіеся изслѣдованіями мотивовъ хозяйственной дѣятельности пользовались при этомъ наблюденіемъ и внутреннимъ опытомъ—методами, какъ извѣстно, принятыми въ психологій.

Послѣ того когда отдѣльныя причины отъ которыхъ зависятъ хозяйственныя явленія найдены, все равно было ли необходимо для этого сдѣлать самостоятельныя изысканія или же достаточно было воспользоваться готовыми выводами другихъ наукъ,—то затѣмъ требуется вывести изъ законовъ отдѣльныхъ причинъ законъ ихъ совокупнаго дѣйствія или экономическій законъ, что составляетъ предметъ второй стадіи экономической дедукціи. Другими словами, задача собственно

экономической дедукціи состоитъ въ томъ, чтобы показать какимъ образомъ данная совокупность простѣйшихъ факторовъ, открываемыхъ другими болѣе конкретными науками, чѣмъ теоретическая экономія, производить тѣ сложные результаты, которые мы называемъ общественно-хозяйственными явленіями. Въ такой формѣ задача познанія законовъ хозяйственныхъ явленій становится значительно упрощенной, вслѣдствіе того что причины отъ которыхъ зависятъ эти явленія могутъ быть сведены, сравнительно, къ небольшому числу факторовъ и условій дѣйствія послѣднихъ; но изслѣдователю требуется еще опредѣлить, по отношенію къ тому или другому данному явленію, мѣру и способъ дѣйствія cadaго изъ этихъ факторовъ, а эта часть задачи представляетъ своего рода трудности. Когда подобнаго рода задача ставится натуралисту т. е. дано ему опредѣлить законъ какого-либо явленія на основаніи законовъ дѣйствія производящихъ его причинъ, то натуралистъ справляется съ такою задачею посредствомъ эксперимента, причемъ, для того чтобы достигнуть искомаго результата, онъ ставитъ испытуемое явленіе въ неизмѣнныя условія и затѣмъ подвергаетъ его по очередно дѣйствию cadaго изъ тѣхъ факторовъ въ отдѣльности, вліяніе которыхъ онъ желаетъ изучить. Если, на примѣръ, дано натуралисту изучить законы тяготѣнія тѣлъ, то онъ сначала вычисляетъ эти законы для безвоздушнаго пространства, а затѣмъ вводитъ поправки зависящія отъ сопротивленія воздуха, а равно отъ физическихъ свойствъ и формы тѣлъ. Экономистъ же неимѣетъ возможности въ своей области пользоваться экспериментомъ, тѣмъ не менѣе онъ примѣняетъ приемы имѣющіе много аналогичнаго съ тѣми приемами, которые практикуются при экспериментѣ. Конечно экономистъ не можетъ въ дѣйствительности изолировать дѣйствіе отдѣльныхъ факторовъ и искусственно ставить изучаемое имъ явленіе въ неизмѣнныя условія, какъ это дѣлаетъ натуралистъ, но онъ все таки можетъ опредѣлить, ка-

ковы были бы послѣдствія дѣятельности тѣхъ или другихъ факторовъ хозяйственныхъ явленій, если бы всѣ эти предполагаемыя имъ условія были соблюдены въ дѣйствительности. Экономистъ въ этихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ гипотетическому эксперименту *in abstracto*; разница между этимъ послѣднимъ и дѣйствительнымъ экспериментомъ въ естествознаніи выражается въ томъ, что подъ руками естествоиспытателя выдѣленіе однихъ испытуемыхъ факторовъ отъ другихъ происходитъ въ натурѣ, въ самомъ физическомъ процессѣ, тогда какъ, для экономиста, изолированіе отдѣльныхъ причинъ хозяйственныхъ явленій есть лишь особый методологическій приѣмъ, вытекающій изъ особыхъ свойствъ познавательныхъ способностей человѣка. Пусть, на примѣръ, экономисту требуется опредѣлить законъ поземельной ренты. Для вывода этого закона онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи слѣдующій рядъ причинъ обуславливающихъ возникновеніе поземельной ренты: 1) существованіе земель различнаго плодородія, 2) неодинаковая близость или отдаленность земельныхъ участковъ отъ рынка сбыта, 3) то физическое свойство почвы, вслѣдствіе котораго послѣдовательныя затраты труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ возвращаются въ формѣ продуктовъ въ убывающей прогрессіи, 4) дѣленіе общества на извѣстные хозяйственные классы, 5) присущее этимъ классамъ стремленіе къ осуществленію лишь своихъ хозяйственныхъ интересовъ. Кромѣ того, для того чтобы изъ этихъ данныхъ вывести законъ поземельной ренты необходимы еще нѣкоторыя положенія добытыя раньше въ другихъ частяхъ экономической теоріи — въ данномъ случаѣ имѣютъ важность положенія, что цѣнность вещей опредѣляется количествомъ затраченнаго на ихъ производство труда, что на одномъ рынкѣ не можетъ быть двухъ разныхъ цѣнъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ эти данныя, экономистъ не въ состояніи, на основаніи ихъ, вывести искомое явленіе сразу, однимъ актомъ мысли, но онъ

можетъ достигнуть этого только постепенно, путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ логическихъ выводовъ, имѣющихъ своею цѣлью выяснить роль каждой изъ причинъ участвующихъ въ процессѣ образованія поземельной ренты, при чемъ онъ старается по очередно опредѣлить роль однихъ причинъ, оставляя на время въ сторонѣ другія. Такъ сначала онъ попытается опредѣлить, каковы будутъ послѣдствія хозяйственныхъ стремленій трехъ классовъ лицъ заинтересованныхъ къ распредѣленіи поземельнаго дохода, если подѣлкой будутъ находиться, земли различнаго плодородія, не обращая пока вниманія на то обстоятельство, что земли эти обыкновенно находятся въ различныхъ разстояніяхъ отъ рынка и что послѣдовательныя затраты труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ даютъ продуктъ въ убывающей прогрессіи. Принимая во вниманіе, при этомъ, положеніе, заключающееся въ теоріи цѣнности, экономистъ приходитъ къ тому выводу, что поземельная рента есть излишекъ цѣнности продукта, получаемого съ участковъ высшаго плодородія сравнительно съ участками самого низшаго плодородія, находящимися подѣлкой. Для того чтобы опредѣлить дѣйствіе всѣхъ другихъ факторовъ, образующихъ поземельную ренту, необходимо рѣшить слѣдующій рядъ теоремъ: 1) каковы были бы послѣдствія преслѣдованія хозяйственными классами своихъ интересовъ, если бы земли были одинаковаго плодородія, но находились въ разныхъ разстояніяхъ отъ рынка, 2) если бы, при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, къ этимъ землямъ прилагались капиталы разной величины, т. е. одни земли находились подѣ интенсивной, а другія подѣ экстензивной культурой, 3) если бы, при этомъ, продуктъ распредѣлялся не между тремя классами общества, а двумя, или даже составлялъ цѣликомъ достояніе одного класса земледѣльцевъ-собственниковъ и, наконецъ, 4) какія измѣненія были бы внесены въ рассматриваемую теорему, если бы заинтересованный въ полученіи поземель-

наго дохода классъ землевладѣльцевъ почему нибудь отказался отъ чисто хозяйственнаго расчета, уступая силѣ обычая, прямому предписанію закона, или даже чувству состраданія къ бѣдственному положенію фермеровъ (первый случай, въ особенности, имѣетъ мѣсто при чиншевомъ владѣніи, а второй, отчасти, въ ирландскомъ землевладѣніи) — во всѣхъ этихъ случаяхъ поземельная рента можетъ оставаться неизмѣнною, не смотря на повышение цѣнъ на землю и продукты земледѣлія. Рѣшивъ весь этотъ рядъ теоремъ, мы будемъ имѣть въ полномъ видѣ законъ поземельной ренты. Именно къ раньше выведенному опредѣленію, обнимающему одну часть явленій ренты (рента есть излишекъ цѣнности продукта, получаемого съ участковъ высшаго плодородія, сравнительно съ участками свмого низшаго плодородія находящимися подъ обработкой), мы должны еще присоединить, что въ другихъ случаяхъ рента можетъ представлять изъ себя излишекъ цѣнности продукта, получаемого отъ затраты цѣлаго ряда капиталовъ на одномъ и томъ же участкѣ, сравнительно съ цѣнностью продукта, получаемого отъ затраты послѣдняго капитала, или же, наконецъ — излишекъ цѣнности продукта, получаемого съ участковъ ближе расположенныхъ къ рынку сбыта, сравнительно съ участками наиболѣе отдаленными. Но и въ этомъ видѣ опредѣленіе было бы неполно, если бы не были присоединены къ этому оговорки, что поземельная рента, въ однихъ случаяхъ, можетъ составлять достояніе одного земледѣльческаго класса, когда въ одномъ лицѣ соединяется званіе землевладѣльца и земледѣльца (при владѣніи крестьянско-собственниковъ) а въ другихъ случаяхъ, когда въ распредѣленіи земледѣльческихъ продуктовъ участвуетъ три класса лицъ, рента принадлежитъ землевладѣльцамъ, а недѣлится между ними и фермерами¹⁰⁾.

10) Наиболѣе наглядное объясненіе тѣхъ аналитическихъ приѣмовъ, котор-

Экономическая дедукція по своей логической конструкціи представляет изъ себя силлогизмъ, котораго посылки могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи. — однѣ изъ нихъ выражаютъ собою факты неизмѣнные, взятые изъ отношеній людей къ природѣ (каковы вообще всѣ законы фзіологическіе и законы внѣшней природы); другія же утверждаютъ факты вѣрные только для даннаго мѣста и времени — таковы всѣ факты взятые изъ современнаго хозяйственнаго быта, какъ-то: право частной собственности на землю и капиталъ, личная свобода всѣхъ классовъ общества, раздѣленіе общества въ хозяйственномъ отношеніи на три класса, организація промышленности по системѣ крупныхъ предпріятій и т. п. Посылки этой послѣдней категоріи мѣняются съ каждой новой фазой общественно-хозяйственнаго развитія и историческій характеръ этихъ посылокъ обуславливаетъ историческій характеръ самой экономической теоріи (см. гл. II). Но какъ бы не модифицировались, по требованію задачи изслѣдованія, отмѣченные нами посылки современной экономической теоріи, тѣмъ неменѣе двѣ изъ нихъ могутъ считаться основными и никогда не теряющими окончательно этого значенія, а именно — исходныя положенія теоріи общественнаго хозяйства — что хозяйственный интересъ есть господствующій мотивъ хозяйственной дѣятельности и что государственное вмѣшательство не парализуетъ свободнаго проявленія этого мотива въ хозяйственномъ оборотѣ¹¹⁾. Если бы эти посылки, которыя формулируются, или же подразумеваются въ политической экономіи при всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, перестали бы

нами пользовались А. Смитъ, Рикардо и вообще вся классическая школа при дедуктивномъ объясненіи хозяйственныхъ явленій заключается въ сочиненіи Тюнена: „Der Isolirter Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie“.

11) Подробное объясненіе методологическаго значенія этихъ двухъ посылокъ политической экономіи см. въ гл. 8.

отвѣчать дѣйствительности, если бы въ хозяйственномъ оборотѣ частная инициатива и хозяйственный расчетъ уступили бы мѣсто предписанію государства, руководствующаго другими мотивами, то въ современномъ народномъ хозяйствѣ не было бы уже мѣста той специальной сферѣ хозяйственныхъ отношеній, которую мы назвали общественнымъ хозяйствомъ и теоретическая экономія, рассчитанная на объясненіе только этой сферы явленій, представляла бы для насъ только историческій интересъ. Еслибы, напр. цѣны товаровъ не зависѣли больше отъ соперничества продавцовъ и покупателей, а предписывались бы государственнымъ закономъ, то современная теорія рыночныхъ цѣнъ не имѣла бы никакого научнаго значенія и экономическія явленія цѣны требовали бы прагматическаго, а не теоретическаго объясненія.

Разница между экспериментальнымъ и абстрактнымъ изслѣдованіемъ, не смотря на отмѣченное нами сходство обихъ методовъ въ отношеніи нѣкоторыхъ общихъ имъ приѣмовъ изслѣдованія, тѣмъ не менѣе настолько велика, что не можетъ быть рѣчи объ одинаковой точности результатовъ достигаемыхъ при помощи того и другого метода. Въ то время какъ въ экспериментальномъ изслѣдованіи мы присутствуемъ при самомъ процессѣ образованія явленій въ такомъ образомъ наглядно убѣждаемся въ вѣрности того или другаго полученнаго закона, при абстрактномъ изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій вѣрность полученныхъ выводовъ не такъ очевидна. Мы видѣли, что экономическій законъ, выражающій опредѣленную тенденцію, выведенную изъ данныхъ свойствъ человѣческой натуры, проявляющихся при данныхъ условіяхъ внѣшней природы, можетъ быть установленъ, если только будетъ доказано существованіе этихъ свойствъ и условій, а также доказано, что утверждаемая тенденція вытекаетъ, какъ необходимое послѣдствіе изъ этихъ данныхъ. Отсюда понятно, что въ случаѣ сомнѣнія въ достовѣрности дан-

наго ученія, принимаемаго за экономическій законъ, онъ можетъ быть опровергнуто только тогда, когда будетъ показано, что данные принципы и условія логическимъ слѣдствіемъ которыхъ является этотъ законъ, въ дѣйствительности не существуютъ, или же что самая тенденція, существованіе которой этотъ законъ утверждаетъ, не вытекаетъ, какъ необходимая конвенція изъ принятыхъ посылокъ. Но такъ какъ все изслѣдованіе при томъ ведется абстрактнымъ путемъ, то мы никогда не можемъ быть увѣрены, что всѣ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ изслѣдуемое явленіе, приняты во вниманіе и что въ самомъ процессѣ вывода не сдѣлано опущенія, или ошибки. Въ виду всего этого экономисты пытались отыскать болѣе точныя гарантіи вѣрности выводимыхъ ими законовъ и въ результатѣ этихъ поисковъ появилось ученіе о необходимости особой третьей стадіи экономической дедукціи, задачу которой должна составлять провѣрка экономическихъ законовъ.

Говоря о первыхъ двухъ стадіяхъ экономической дедукціи, мы излагали методологическое ученіе, относительно котораго не существуетъ разногласія среди методологовъ экономистовъ принимающихъ воззрѣнія Милля. Что касается ученія о провѣркѣ дедуктивныхъ выводовъ, то по этому вопросу существуютъ значительныя разногласія среди экономистовъ, принимающихъ дедуктивную теорію, а воззрѣнія Милля по этому предмету заключаютъ въ себѣ немалыя противорѣчія. Милль, указавъ на критеріи достовѣрности экономическихъ законовъ, заключающіеся въ вѣрности и полнотѣ положенныхъ въ основаніи ихъ посылокъ и логической правильности сдѣланнаго изъ нихъ вывода, въ тоже время высказываетъ другое воззрѣніе, по которому — довѣріе къ дедуктивнымъ выводамъ должно считаться основательнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда эти выводы, по тщательномъ сравненіи, окажутся согласными съ результатами прямого наблюденія т. е. либо съ са-

ними конкретными явлениями либо съ ихъ эмперическими законами, если таковые можно добыть¹²⁾. Не очевидно ли что Милль, послѣ всей убѣдительной аргументаціи, которую онъ посвятилъ на разъясненіе различія между основными и эмперическими законами, впадаетъ въ явное противорѣчіе, выражая требованіе, чтобы законы основные были провѣряемы наблюденіями и эмперическими законами, и чтобы эти послѣдніе служили критеріями правильности первыхъ. Ибо если основные законы, полученные дедуктивнымъ путемъ, всегда могутъ быть, такъ сказать, скомпрометированы эмперическими законами, то не проще ли было бы экономистамъ обращаться непосредственно къ изученію этихъ эмперическихъ законовъ изъ прямого наблюденія надъ хозяйственною жизнью, минуя при этомъ всякіе дедуктивныя выводы, какъ это и рекомендуютъ нѣкоторые экономисты исторической школы? Въ чемъ же въ такомъ случаѣ цѣль и смыслъ экономическихъ законовъ, полученныхъ дедуктивнымъ путемъ, если вся сила экономического знанія заключается въ эмперическихъ законахъ? Къ чему же послѣ этого служатъ всѣ рассужденія Милля о невозможности достигнуть познанія законовъ путемъ наблюденія и о необходимости дедуктивнаго метода?

Ученіе Милля о провѣркѣ основныхъ законовъ эмперическими и вытекающее отсюда требованіе особой третьей стадіи дедукціи, кромѣ того, находится также въ противорѣчій и съ его ученіемъ объ обратномъ дедуктивномъ методѣ или исторической дедукціи. Методъ обратной дедукціи, по ученію Милля, какъ извѣстно, представляется въ составѣ двухъ ча-

12) Д. С. Милль. Логика т. 1-й стр. 524—528; т. 2-й стр. 473; Ученіе Милля о провѣркѣ раздѣляютъ, между прочими, слѣдующіе экономисты. Книссъ Pol. Oek. vom geschlichen Standp. стр. 499; Барнеръ Deutsche Staatswörterbuch Bluntschli und Brätter стр. 468; Его же рецензія на Schönbergs Handbuch der polit. Oekonomie, Zeitschrift für gesammte Staatswissensch. 1883. т. 1 Heft. стр. 268—269. Wundt. Logik т. 2-й стр. 592.

стей. Первая часть обратной дедукціи составляется изъ эмпирическихъ законовъ т. е. извѣстныхъ обобщеній сдѣланныхъ чисто индуктивнымъ путемъ на основаніи наблюденій конкретныхъ явленій исторической жизни. Вторая часть обратной дедукціи заключается въ сопоставленіи эмпирическихъ законовъ съ болѣе общими законами природы, управляющими явлениями, находящимися въ самой тѣсной связи съ эмпирическими фактами, для которыхъ они служатъ временнымъ общимъ выраженіемъ или синтезомъ. Такое сопоставленіе или сличеніе имѣетъ цѣлью открыть причинную связь между этими двумя разрядами явленій — или, другими словами, показать, какимъ образомъ болѣе общія явленія, законъ которыхъ извѣстенъ и получилъ уже права гражданства въ наукѣ, производятъ болѣе частныя и спеціальныя явленія, связанные между собою однимъ лишь эмпирическимъ обобщеніемъ. Всякій разъ, когда вслѣдствіе такого сличенія эмпирической законъ является необходимымъ логическимъ послѣдствіемъ другого, или другихъ болѣе общихъ законовъ природы т. е. слѣдовательно, всякій разъ какъ онъ можетъ быть выведенъ изъ нихъ чисто дедуктивнымъ путемъ, онъ теряетъ свой эмпирический характеръ и получаетъ одинаковую съ ними степень доказанности. И такъ сопоставляя ученія Милля о прямой и обратной дедукціи, мы видимъ, что въ послѣдней провѣркѣ эмпирическихъ обобщеній служатъ основныя законы, тогда какъ въ первой основныя законы должны провѣряться эмпирическими. Но развѣ провѣрка экономическихъ законовъ можетъ имѣть одинаковую цѣну, какъ въ томъ случаѣ, когда провѣркою служатъ законы точные, такъ и въ другомъ случаѣ, когда средствомъ такой повѣрки являются эмпирическіе законы. Отождествленіе научнаго достоинства обоихъ способовъ провѣрки, опять же, находится въ полномъ противорѣчій съ тою характеристикою эмпирическихъ и точныхъ законовъ, которую представилъ намъ Милль. Далѣе, естественно напраши-

вается вопросъ, почему же обратная дедукція является въ составѣ двухъ частей, когда прямая дедукція, по Миллю, должна слагаться изъ трехъ частей? Ни въ своихъ философскихъ трактатахъ, ни въ своихъ экономическихъ сочиненіяхъ Милль не представилъ разрѣшенія тѣхъ противорѣчій, которыя связаны съ его ученіемъ о провѣркѣ основныхъ экономическихъ законовъ. То же самое можно сказать и о Карлѣ Менгерѣ. Единственнымъ правильнымъ исходомъ изъ этихъ противорѣчій должно служить воззрѣніе, что основныхъ законовъ явленій нельзя провѣрять конкретными явленіями, или ихъ эмпирическими законами. На эту точку зрѣнія въ послѣднее время остался Карлъ Менгеръ. Въ данномъ случаѣ, мы считаемъ правильнымъ воззрѣніе Менгера, который вполне основательно видитъ въ требованіи провѣрки основныхъ законовъ эмпирическими смѣшеніе двухъ различныхъ родовъ изслѣдованія — эмпирико-реалистическаго и дедуктивнаго (экзактнаго), имѣющихъ въ виду совершенно различныя задачи. Очевидно, говорить о томъ, что придавать къ оцѣнкѣ выводовъ экзактнаго изслѣдованія (такъ называетъ Менгеръ выводы полученные дедуктивнымъ путемъ изъ данныхъ индукцій) масштабъ эмпирико-реалистическаго изслѣдованія, значить не имѣть надлежащаго пріятія о роде и сущности экзактнаго направленія въ наукѣ. Такая провѣрка была бы столь же не цѣлесообразна, какъ провѣрка положеній геометріи измѣреніями реальныхъ предметовъ, при существованіи явнаго несовпаденія между величинами, разсматриваемыми въ геометріи и измѣреніями конкретныхъ предметовъ, такъ какъ послѣдніе неизбѣжно заключаютъ въ себѣ элементы неточности. Эмпиризмъ по сравненію съ точнымъ изслѣдованіемъ не есть ничто высшее, но ничто отъ него совершенно отличное¹³⁾. Если бы, все-таки, въ томъ

13) Menger, Untersuch., стр. 30, 59. Воззрѣніе, защищаемое Менгеромъ, которое въ сущности является послѣдовательнымъ выводомъ изъ ученія Милля объ экономической дедукціи, раньше его высказывалось и другими экономис-

или другомъ случаѣ, была примѣнена провѣрка экономиче-
скихъ законовъ, о которой говорятъ Милль, что въ дѣйстви-

стами. Проф. Гаттенбергеръ въ своемъ сочиненіи о Вѣнскомъ кризисѣ, указавъ на теорію, объясняющую причину кризисовъ несоразмѣрностью между производствомъ и потребленіемъ, раздѣляемою такими экономистами, какъ Рошеръ, Шефле, Максъ Виртъ, замѣчаетъ, „что изслѣдованіе частныхъ причинъ того или другаго отдѣльнаго кризиса не можетъ служить провѣркою общей теоріи кризисовъ. Задача изслѣдованія заключающагося въ объясненіи причинъ происхожденія Вѣнскаго кризиса, сводится къ указанію ряда явленій, которыя могли произ- вести несоразмѣрность между созданіемъ и распредѣленіемъ кредитныхъ цѣн- ностей. Но такая работа не можетъ служить провѣркою существующей тео- ріи кризисовъ въ смыслѣ возрѣнія Милля, потому что эта теорія есть теорія возможныхъ причинъ“. (Вѣнскій кризисъ 1871 г. Спб. стр. 18, 19—20). Такъ же у Шторха мы находимъ слѣдующія строки. „Въ экономическихъ из- слѣдованіяхъ, пужно отличать факты общіе или постоянные отъ фактовъ част- ныхъ или измѣняемыхъ. Въ политической экономіи тотъ фактъ, по которому человѣкъ, руководимый желаніемъ улучшить свою судьбу, расположенъ дѣлать сбереженія т. е. уменьшать свои настоящія потребности для обезпеченія потре- бностей будущихъ, признается фактомъ всеобщимъ; если мы замѣчаемъ иногда лю- дѣй дѣйствующихъ въ противоположномъ направленіи—то это фактъ частный, который нисколько не исключаетъ факта общаго, потому что во всѣхъ стра- нахъ людей бережливыхъ и предусмотрительныхъ болѣе, чѣмъ расточитель- ныхъ и неосмотрительныхъ. Частные факты не менѣе неоспоримы, какъ и об- щіе, даже тогда, когда они какъ бы противорѣчатъ симъ послѣднимъ; но толь- ко одни факты общіе служатъ основаніемъ для общихъ законовъ, тогда какъ частные составляютъ изъ нихъ одни лишь исключенія. Всякій новый частный фактъ, стоящій особнякомъ, если разумѣніе не открываетъ въ немъ связи съ дѣйствіями ему приписываемыми, не въ состояніи поколебать общаго факта, потому что остается сомнѣніе, не произвело ли разницы, замѣчаемой въ резуль- татахъ одного и другаго факта, какое либо неизвѣстное обстоятельство. Я ви- жу легко, что перо качается и дѣлаетъ разныя движенія въ воздухѣ, прежде нежели падаетъ на землю. Неужели заключить изъ этого, что сила тяготѣнія для него не существуетъ. Конечно нѣтъ. Въ политической экономіи фактъ со- размѣренности между процентомъ на капиталъ и рискомъ заимодавца есть фактъ общій: заключу ли я что принципъ ложенъ, потому что иногда ссужаютъ день- гами за малый 0/0? Заимодавецъ могъ незнать своего риска, признательность могла внушить ему сдѣлать пожертвованіе и общій законъ, нарушенный въ част- номъ случаѣ, долженъ воспринять свою силу, какъ только причины его нарушенія перестанутъ дѣйствовать“. (Курсъ пол. эк. 1881 г. стр. 10—15). „Ученіе, имѣющее своимъ предметомъ объясненіе закономерности хозяйственныхъ явленій, го- воритъ Кэрнсъ, неможетъ быть ни построено ни отвергнуто на основаніи опи- санія этихъ явленій, несмотря на всю убѣдительность статистическихъ или дру- гого рода документальныхъ данныхъ, въ которыхъ такое описаніе изображало бы намъ ходъ промышленныхъ дѣлъ“. Cairnes. Log. Method. стр. 99. Тоже самое воз-

тельности она представляла бы ничто иное какъ превращеніе абстрактныхъ истинъ въ конкретныя, основныхъ экономическихъ законовъ въ эмпирическіе¹⁴⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы всѣ ошибки въ существующихъ экономическихъ теоріяхъ можно было бы исправлять проверкой ихъ наблюденіемъ конкретныхъ явленій, то тогда рѣ-

---

зрѣніе, почти буквально, высказываетъ Филипповичъ: см. Aufgabe und Methode стр. 54. примѣч. Достойно вниманія, что Давидъ Рикардо пользовавшійся съ неподражаемымъ мастерствомъ дедуктивнымъ методомъ въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ и обыкновенно весьма скупой на всякія методологическія объясненія, высказываетъ такое же воззрѣніе на проверку экономическихъ законовъ. „Въ политической экономіи, пишетъ онъ въ полемическомъ письмѣ къ Мальтусу, слишкомъ много сочетаній, слишкомъ много дѣйствующихъ причинъ, такъ что весьма опасно ссылаться на опытъ для доказательства какого либо ученія“... Въ другомъ мѣстѣ, оправдывая основную посылку своихъ экономическихъ построеній, заключающуюся въ презумпціи, что въ хозяйственныхъ дѣлахъ люди руководствуются желаніемъ достигать возможно большихъ результатовъ посредствомъ возможно меньшого количества издержекъ, Рикардо говоритъ: „для меня nebudeтъ отвѣтомъ, если вы мнѣ скажете, ссылаясь на практическую жизнь, что люди незнаютъ лучшаго и наиболѣе дешеваго веденія своихъ дѣлъ, потому что это вопросъ факта, а не науки и можетъ быть сдѣланъ противъ почти всѣхъ положеній политической экономіи“. Lettres of D. Ricardo to Thomas Robert Maltus. Oxford. 1837. Цитир. по реферату г. Герценштейна Юрид. Вѣстн. 1888 г. № 12. стр. 608. „Нападать на теорію политической экономіи, говоритъ Шербулье, ссылаясь на факты встрѣчающіеся въ дѣйствительной жизни, которые кажутся противорѣчащими этой теоріи—это значитъ: frapper l'air avec un baton“. Cherbulier. Sciens. econ. Paris 1862 г. стр. 12, 18. Въ томъ же смыслѣ высказывается швейцарскій экономистъ Leon Walras. см. его Elements d'economie politique. Lausanne. 1875 г. стр. 32.

14) Такое превращеніе основныхъ законовъ въ эмпирическіе Вундтъ называетъ *детерминированіемъ*. Детерминированіе, по его опредѣленію, состоитъ въ томъ, что къ понятіямъ, полученнымъ путемъ предварительной абстракціи, прибавляются разныя спеціальныя признаки и такимъ образомъ получается понятіе, приближающееся къ конкретнымъ фактамъ, такъ напр. геометрическія понятія, добытыя путемъ абстракціи, могутъ быть совершенно преобразованы въ примѣненіи ихъ къ конкретнымъ формамъ предметовъ. Вундтъ различаетъ два рода детерминированія, соотвѣтствующіе двумъ родамъ абстракціи. Въ однихъ наукахъ абстракціи получаютъ путемъ изолированія извѣстнаго рода явленій отъ другихъ, въ другихъ—путемъ генерализированія отдѣльныхъ чертъ цѣлыхъ массъ подобныхъ явленій. Превращеніе перваго рода абстракцій Вундтъ называетъ *коллегированіемъ*, а превращеніе абстракціи втораго рода—*спецификаціей*. Logik B.2. стр. 15.

шеніе труднѣйшихъ теоретическихъ вопросовъ, надъ которыми столько лѣтъ бьются экономисты, было бы чрезвычайно упрощено и многочисленные споры о цѣнности, о законахъ распределенія были бы примирены посредствомъ простой справки съ конкретными явленіями. Такой путь былъ бы простѣйшимъ исходомъ для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній и возраженій, которыя все еще вызываютъ — теорія трудовой цѣнности Маркса, теорія полезности Джевонса и новѣйшая теорія предѣльной цѣнности (*Grenznutzung*) Бемъ-Баверка. Большою несообразностью тогда представлялось бы то обстоятельство, что до сихъ поръ этому простѣйшему пути экономисты предпочитали трудный способъ абстрактнаго анализа для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ, по поводу которыхъ теперь ведутся споры между различными учеными и школами, а превосходство остается за той стороною, которая успѣваетъ показать вѣрность своихъ посылокъ и правильность выводовъ, или же неправильность посылокъ и выводовъ своихъ противниковъ. Мы не только не можемъ считать критеріумомъ вѣрности основанныхъ законовъ ихъ согласіе съ конкретными фактами, но на основаніи того, что мы знаемъ о спеціальныхъ особенностяхъ обоихъ способовъ изслѣдованія, можемъ даже утверждать, что основные законы, вообще, завѣдомо не могутъ и не должны совпадать съ результатами эмпирическаго изслѣдованія. Последнее изображаетъ намъ индивидуальныя явленія, въ которыхъ элементы всѣхъ трехъ хозяйственныхъ состояній — частнаго, общественнаго и государственнаго хозяйства смѣшаны между собою, а явленія хозяйственныя соединены со всею массою явленій другихъ категорій явленій — политическихъ, моральныхъ и т. п., между тѣмъ какъ въ теоретической экономіи разсматривается опредѣленная категорія явленій народнаго хозяйства, выдѣленная изъ всей массы образующихъ его явленій путемъ предварительнаго анализа. Главнѣйшія ученія, теоріи общественнаго хозяйства, основываются на презумціи,

что всѣ люди въ хозяйственной области слѣдуютъ лишь мотиву хозяйственнаго разсчета, и что свобода ихъ хозяйственной дѣятельности не стѣснена государственнымъ вмѣшательствомъ. Такимъ образомъ въ самыхъ послѣдкахъ теоріи общественнаго хозяйства предопредѣлена та сфера хозяйственныхъ явленій, на объясненіе которыхъ она разсчитана. Эмпирическое изслѣдованіе можетъ показать намъ много случаевъ, въ которыхъ желаніе обладать хозяйственными благами не служило побужденіемъ къ систематической хозяйственной дѣятельности, но приводило къ обману, насилию или къ грабежу, а также случаи въ которыхъ частная инициатива и конкуренція предпринимателей ограничена, или же совсѣмъ устранена предписаніемъ государственной власти. И всѣ эти указанія наблюденія надъ конкретными явленіями представляютъ цѣнные факты для описательнаго изображенія хозяйственнаго быта, составляющаго задачу хозяйственной исторіи и статистики, но они не имѣютъ рѣшающаго значенія въ сужденіяхъ о правильности теорій общественнаго хозяйства. Поправка основныхъ законовъ конкретными явленіями, наблюдаемыми въ хозяйственномъ быту во многихъ случаяхъ приводила бы, 1) къ смѣшенію явленій народно-хозяйственныхъ съ явленіями частнаго хозяйства и 2) къ смѣшенію типическихъ формъ хозяйственныхъ явленій съ явленіями индивидуальными. Политическая экономія представляетъ немало примѣровъ такихъ теорій, ошибочность которыхъ вытекала изъ того, что экономисты въ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣвшихъ предметомъ общественно-хозяйственныя явленія, исходили изъ разсужденія объ отдельныхъ конкретныхъ явленіяхъ. Мы приведемъ здѣсь для примѣра только одно экономическое ученіе, невѣрность котораго происходила изъ этого источника — именно теорію, такъ называемаго, заработнаго фонда, въ свое время защищаемую Миллемъ, но отъ которой онъ въ послѣдствіи отказался. Теорія эта утверждала, что заработная плата получается рабочими не изъ

цѣнности произведеннаго ими продукта, а изъ предварительнаго запаса капитала, которымъ обладаетъ всякій капиталистъ до начала того или другаго предпріятія. Изъ этого положенія выводилась, какъ необходимое слѣдствіе, теорема, утверждавшая, что размѣръ рабочей платы получаемой всѣмъ вообще рабочимъ классомъ предопредѣляется величиною запаснаго капитала, или „заработнаго фонда“, которымъ располагаетъ данная страна для уплаты вознагражденія за трудъ рабочихъ. Эта теорія, между прочимъ, служила для Мальтуса практическимъ аргументомъ, на которомъ онъ основывалъ свои возраженія противъ возможности поднятія уровня рабочей платы и связаннаго съ этимъ повышенія благосостоянія рабочихъ классовъ. Но цѣлый рядъ экономистовъ, доказывающихъ другое теоретическое положеніе, что рабочая плата получается изъ продукта, есть часть продукта произведеннаго въ тотъ періодъ времени, за который она уплачивается — именно Торнтонъ, Уокеръ (Walker), Родбертусъ, въ послѣднее время Джоржъ, указывали на то, что если сторонники противоположнаго воззрѣнія пришли къ другому заключенію, по этому предмету, то это произошло въ слѣдствіе того, что они въ своихъ сужденіяхъ постоянно имѣютъ въ виду отдѣльное частное хозяйство. Если разсматривать отдѣльное частное предпріятіе, какъ независимую единицу, то мы дѣйствительно увидимъ, что каждый отдѣльный предприниматель, для того чтобы вести производство, долженъ имѣть запасъ денежныхъ знаковъ для уплаты вознагражденія рабочимъ и онъ дѣйствительно уплачиваетъ заработную плату раньше, чѣмъ продуктъ окончательно изготовленъ, или, по крайней мѣрѣ, раньше чѣмъ онъ проданъ. Но это же явленіе, говорятъ противники теоріи заработнаго фонда, представится въ иномъ видѣ, если мы будемъ его разсматривать съ точки зрѣнія всего народнаго хозяйства т.е. того цѣлаго, которое образуетъ собою совокупность отдѣльныхъ частныхъ предпріятій. Эти отдѣльные предпріятія вовсе не представляютъ изъ себя независимыхъ

единицъ, они соединены между собою общественнымъ раздѣленіемъ труда, и производятъ — не продукты для собственнаго потребленія (по пословицѣ — пасѣчникъ меду неѣстъ, гробовщикъ изготавляетъ гробы не для себя), а цѣнности, содержащія въ себѣ эквиваленты всѣхъ тѣхъ предметовъ потребленія, необходимыхъ для предпринимателей и рабочихъ, которые получаютъ отъ другихъ производителей путемъ обмена. Очевидно, что если въ томъ или другомъ отдѣльномъ предпріятіи производится продуктъ, оплачиваемый на рынкѣ по стоимости его производства, то въ специальной формѣ даннаго продукта воспроизведена цѣнность и того, что необходимо для содержанія людей, трудившихся при его производствѣ. Далѣе, можетъ быть констатировано, какъ всеобщее явленіе во всѣхъ предпріятіяхъ, что заработная плата уплачивается понедѣльно, мѣсячно, или поденно т. е. послѣ того когда рабочій создалъ уже своимъ трудомъ опредѣленную цѣнность, одну долю которой онъ и получаетъ въ видѣ заработной платы. Если при этомъ заработанная плата выдается раньше, чѣмъ продуктъ окончательно изготавленъ, или же когда онъ хотя изготавленъ, но не проданъ, то все-таки съ народно-хозяйственной точки будетъ совершенно правильно сказать, что заработная плата есть часть цѣнности уже произведеннаго продукта, уплачивается изъ продукта, а не изъ капитала. Правда, бываетъ иногда и такъ, что заработная плата уплачивается до начала работы, но въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ особый видъ заработной платы, осложненной кредитною сдѣлкой, т. е. конкретное явленіе, которое неопровергаетъ общаго факта. Противниками теоріи заработнаго фонда было также обращено вниманіе, что въ первобытномъ хозяйствѣ особенно наглядно выступаетъ тотъ фактъ, что содержаніе работника получается изъ цѣнности произведеннаго имъ продукта. Первобытній человѣкъ ѣстъ дикія ягоды, послѣ того какъ онъ ихъ найдетъ, носить звѣриную шкуру послѣ того какъ убьетъ звѣря. Ска-

затѣ же въ данномъ случаѣ, что дикарь получаетъ свое содержаніе изъ „запаснаго фонда“ — это значило бы утверждать, что пища утоляетъ его голодъ, а одежда грѣетъ раньше чѣмъ эти предметы имъ добыты. Явленіе наглядно выступающее въ первобытномъ хозяйствѣ дикаря (т. е. что содержаніе работника получается изъ цѣнности продукта текущаго труда) имѣетъ мѣсто и въ современномъ сложномъ мѣновомъ хозяйствѣ, но оно замаскировано общественно-хозяйственнымъ раздѣленіемъ труда, употребленіемъ денегъ, какъ платежнаго средства, а также кредитными сдѣлками часто соединяемыми съ заработной платой.

Ученіе, защищаемое Торнтономъ и Уокеромъ — что содержаніе рабочихъ получается изъ цѣнности продукта текущаго производства, а не изъ капитала — есть только одна изъ необходимыхъ консеквенцій общей теоріи распредѣленія, выведенной дедуктивнымъ путемъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ методологическихъ условій. Исправленіе этого ученія простымъ наблюденіемъ надъ конкретными явленіями было бы смѣшеніемъ двухъ качественно различныхъ порядковъ хозяйственныхъ явленій. Если бы этотъ способъ провѣрки получилъ всеобщее примѣненіе къ политической экономіи, то результатомъ этого было-бы извращеніе, имѣющихъ уже нѣкоторыя, такъ сказать, права гражданства, основныхъ экономическихъ ученій о цѣнности, капиталѣ, доходѣ и т. п.¹⁵⁾ Но если конкретныя явленія и эмпирическіе законы не могутъ служить провѣркою основныхъ законовъ, полученныхъ въ результатѣ дедуктивнаго вывода, то они за то могутъ и должны служить незамѣнимымъ средствомъ контроля надъ правиль-

---

15) См. Зиберъ. „Теорія цѣнности и капитала“, въ новой переработкѣ подъ заглавіемъ „Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ“, 1835 г. Спб. стр. 12, гдѣ приведены ошибки въ разныхъ теоріяхъ цѣнности, произшедшія вслѣдствіе смѣшенія явленій частнаго хозяйства (наиболѣе конкретныхъ) съ народно-хозяйственными явленіями,

ностью самых посылок, на основаніи которых построены данный экономическій законъ — и это уже вполне согласуется съ общимъ ученіемъ о роли индуктивныхъ изслѣдованій въ первой стадіи дедукціи. Если бы, напримѣръ, по отношенію къ теоріи поземельной ренты Рикардо были бы приведены взятые изъ наблюденія факты, показывающіе невѣрность агрономическаго закона возвращенія затратъ труда и капитала на одномъ и томъ же участкѣ, или же было дознано, что разстояніе земельныхъ участковъ отъ рынка и различіе въ плодородіи почвы вовсе не оказываютъ вліянія на образованіе, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, излишка цѣнности продуктовъ, сверхъ необходимаго на покрытіе затраты труда и капитала съ обыкновенною прибылью — то тѣмъ самымъ была бы доказана невѣрность всей теоріи поземельной ренты. Именно въ одномъ изъ этихъ пунктовъ старались опровергать Рикардовскую теорію ренты Кэри и Родбертусъ¹⁶⁾, поэтому нападки этихъ экономистовъ на теорію Рикардо, независимо отъ убѣдительности представленныхъ ими аргументовъ, должны считаться съ методологической стороны совершенно правильными. Но если бы желая доказать несостоятельность той же теоріи стали ссылаться на единичные факты нахожденія подѣ обработки, такихъ земель, которыя не возвращаютъ ихъ воздѣльвателямъ и обыкновенной прибыли на затраченный капиталъ, то такая аргументація не имѣла бы никакой научной цѣны. Въ смыслѣ нами утверждаемомъ понимаетъ исправленіе выводовъ экономической дедукціи Кэрнсъ, говоря о тѣхъ поправкахъ, которыя Тукъ на основаніи своихъ историко-статистическихъ изслѣдованій внесъ въ господствовавшее въ его время ученіе о цѣнѣ и денежномъ обращеніи (Currency Theory)¹⁷⁾.

---

16) См. Rodbertus-Iagetzow. Zweite Brief an von der Kirchman.

17) Log. Method. стр. 91.

Изъ предыдущихъ очерковъ можно видѣть, что методологическіе вопросы теоретической экономіи не потерпываются вопросомъ о роли индукціи и дедукціи въ теоретическихъ изслѣдованіяхъ. Все что было нами сказано объ экономической дедукціи имѣетъ значеніе для характеристики теоретико-экономическихъ изслѣдованій по отношенію къ другимъ отраслямъ экономической науки (хозяйственной статистикѣ и исторіи, политикѣ и наукѣ о финансахъ). Тѣ болѣе частныя методологическія требованія, соблюденіе которыхъ служитъ условіемъ правильнаго примѣненія дедуктивной методы — въ предыдущемъ изложеніи были нами едва только намѣчены. Одно изъ важнѣйшихъ методологическихъ положеній, заключающееся въ требованіи строгаго разграниченія между двумя точками зрѣнія на хозяйственныя явленія — частно-хозяйственной и общественно-хозяйственной — прямо вытекаетъ, какъ необходимая консенвенція изъ того, что нами было сказано о предметѣ теоретической экономіи, какъ наукѣ объ общественномъ хозяйствѣ. Послѣдовательное приведеніе этого требованія должно служить однимъ изъ важнѣйшихъ условій при рѣшеніи труднѣйшихъ экономическихъ проблемъ, относящихся къ теоріи распредѣленія и къ ученію капиталѣ, рентѣ и т. п. экономическихъ институтахъ.

Резюмируя содержаніе предыдущихъ очерковъ, мы считаемъ необходимымъ сдѣлать еще нѣсколько замѣчаній относительно законовъ теоретической политической экономіи — ихъ характера, условій примѣненія къ объясненію хозяйственныхъ явленій и отношенія теоретическихъ ученій къ другимъ отраслямъ и направленіямъ экономическихъ изслѣдованій.

1) Теоретическія ученія политической экономіи суть законы одной части общественныхъ явленій, — они имѣютъ своимъ предметомъ выясненіе хозяйственныхъ формъ общественности. Этотъ характеръ теоретическихъ доктринъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ точно передается опредѣленіемъ политической

экономіи, какъ „науки изслѣдующей законы тѣхъ общественныхъ явленій, которыя проистекаютъ изъ соединенной дѣятельности людей, направленной на производство благъ, *насколько эти явленія не модифицируются преслѣдованіемъ другихъ какихъ либо цѣлей (пріобрѣтеніе путемъ обмана, деликта и т. п.)*“¹⁸⁾.

2) Послѣ того, что нами было сказано объ историческомъ характерѣ теоретической экономіи и ея предметѣ (гл. II и III) само собою слѣдуетъ, что ея ученія или законы могутъ быть примѣнены только къ объясненію того хозяйственнаго состоянія изъ котораго они взяты. Или, другимъ словами, законы теоретической экономіи могутъ объяснить намъ явленія современнаго денежнаго хозяйства культурныхъ народовъ, и притомъ только явленія одной изъ трехъ сферъ народнаго хозяйства, прибавимъ, самой сложной и самой трудной для объясненія.

3) Теоретическая экономія есть наука *аналитическая*. Она изображаетъ хозяйственную жизнь, давая намъ законы ея господствующихъ факторовъ или тенденцій, которыя при наблюденіи конкретныхъ явленій бываютъ заслонены для глаза наблюдателя присутствіемъ второстепенныхъ обстоятельствъ. То что при такомъ изображеніи теряется въ детальности, восполняется обширностью кругозора, причемъ, получается воз-

---

18) См. I. I. Mill. Essays. стр. 14С. Германскіе теоретики экономисты, характеризуя ученія теоретической экономіи, называютъ ихъ „законами хозяйственности“ (Wirtschaftlichkeit), въ отличіе отъ эмпирическихъ законовъ. Это опредѣленіе едвали правильно. При такомъ опредѣленіи экономическіе кризисы, какъ крайнее проявленіе дурныхъ, невыгодныхъ для общества хозяйственныхъ явленій (Misswirtschaft) не должны были бы разсматриваться въ абстрактной теоретической экономіи, а между тѣмъ эти явленія вовсе не говорятъ еще о томъ, что заинтересованные въ данномъ случаѣ люди отступили отъ преслѣдованія своихъ чисто-хозяйственныхъ интересовъ, но они показываютъ только, что дѣятельность людей, при всемъ ихъ стараніи осуществить свои интересы, приводитъ иногда, вслѣдствіе условій общественно-хозяйственной организаціи, къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Приведенное въ текстѣ опредѣленіе Милля не исключаетъ разсмотрѣнія и подобныхъ явленій, а потому оно правильнѣе.

возможность обозрѣнія всей хозяйственной структуры общества. Абстрактно-теоретическое направленіе въ политической экономіи можно сравнить съ приѣмомъ практикуемымъ при топографическомъ изученіи страны. Когда требуется обозрѣть очертанія какой либо мѣстности, то изслѣдователь для этого поднимается на какую нибудь возвышенность, отъ этого онъ несомнѣнно много теряетъ, такъ какъ тѣ малые предметы, которые онъ, стоя внизу, могъ бы видѣть отчетливо, во всѣхъ подробностяхъ, становятся едва замѣтными и даже вовсе невидимыми, но за то онъ и много выигрываетъ: съ высоты изслѣдователю сразу открываются общія очертанія данной мѣстности, долины, лѣса, рѣки, озера и ихъ расположеніе. Въ теоретическомъ изслѣдованіи хозяйственной жизни многія подробности исторической дѣйствительности рассчитано затушеваны, съ тѣмъ чтобы удобнѣе выяснить общій складъ народно-хозяйственныхъ отношеній. Но конечно было бы большею ошибкою переносить эти приемы теоретическаго изслѣдованія и въ сферу историческаго и эмпирическаго изслѣдованія конкретныхъ явленій. Въ большей части теоретическихъ истинъ политической экономіи вполне приложимы слѣдующія слова Бэджгота. „Всякая научная идея или представленіе есть ничто иное какъ конкретный фактъ, или рядъ конкретныхъ фактовъ — минусъ то что выбразывается или исключается изъ реальной дѣйствительности“... Бэджготъ, поэтому, называетъ методъ теоретической экономіи „singl case method“, въ отличіе отъ историческаго, или статистическаго изслѣдованія конкретныхъ явленій, которое онъ обозначаетъ терминомъ „all case method“. Конечно тотъ родъ знанія, который представляетъ собою теоретическая экономія не можетъ замѣнить собою ни хозяйственной статистики, ни исторіи хозяйственнаго быта, ни равно системы ученій, составляющихъ предметъ хозяйственной политики, но всѣ эти отрасли экономическихъ знаній, являясь односторонними въ отдѣльности, составляютъ въ своей совокупности полную систему экономіи.

ческой науки. Такимъ образомъ къ изученію хозяйственной жизни народа можно приближаться не иначе, какъ сложнымъ путемъ, расчлениая задачи изученія и точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсматривать хозяйственныя явленія. Факты, теоремы, правила — вотъ три класса положеній, изъ которыхъ слагается все экономическое знаніе. Дѣленіе исторической жизни на періоды, дѣленіе всей сложной организациі народнаго хозяйства на отдѣльныя сферы хозяйственныхъ отношеній, абстрагированіе однихъ сторонъ общественной жизни отъ другихъ, изученіе типовъ хозяйственныхъ явленій, на ряду съ изученіемъ конкретныхъ явленій, изученіе тѣхъ и другихъ съ точки зрѣнія общественной статики и динамики — таковы тѣ сложные пути и приемы, которые ведутъ къ познанію хозяйственной жизни. Въ этомъ смыслѣ политическая экономія является сложною наукою преслѣдующею цѣлый рядъ различныхъ задачъ и пользующуюся разнообразными методами ¹⁹⁾.

---

19) Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести, для дополненія представленной нами характеристики теоретической экономіи, слѣдующія превосходныя замѣчанія талантливаго отечественнаго мыслителя, относительно общихъ критеріевъ научныхъ истинъ вообще, замѣчанія пмѣющія особенную цѣну въ виду тѣхъ возраженій, которыя вызываютъ вышеизложенные приемы теоретическаго изслѣдованія со стороны исторической школы. — „Наука изслѣдуетъ нецѣльный предметъ, въ его совокупности, въ его живой дѣйствительности, пишетъ покойный Кавелицъ, а только одни условія и законы его существованія и дѣятельности и обобщаетъ эти законы и условія въ общія формулы. Вслѣдствіе этого она вездѣ и всегда начинаетъ съ разложенія дѣйствительнаго живаго факта на его составныя части и получаетъ въ результатъ уже нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ была дѣйствительность, подвергнутая научному анализу. Результатъ этотъ состоитъ въ обнаруженіи и пониманіи условій и законовъ дѣйствительной жизни. Оттого то выводы науки представляютъ совсѣмъ инныя комбинаціи, чѣмъ какія дѣйствительно существуютъ и вовсе на нихъ не похожія. Эти комбинаціи, когда они сдѣланы совершенно правильно, на основаніи всѣхъ характерныхъ явленій, суть несомнѣнныя истины, отвѣчающія дѣйствительности, но истины въ объясненномъ выше смыслѣ т. е. представляющія соотвѣтствіе нашего пониманія съ тѣми законами и условіями, которыя дѣйствительно управляютъ живыми явленіями. Наука даетъ намъ, такимъ образомъ, знаніе того что есть, но съ особенной точки зрѣнія, съ извѣстной стороны, которая отвлечена отъ

Выполненіе же этихъ задачъ раздѣлено между рядомъ отдѣльныхъ наукъ о народномъ хозяйствѣ—теоретическихъ, историческихъ и прикладныхъ.

Историческая школа экономистовъ не признаетъ не этого разграниченія задачъ экономической науки, ни тѣхъ методологическихъ основъ теоретическаго изслѣдованія въ политической экономіи, выясненію которыхъ были посвящены предыдущіе очерки. Возраженія, представленныя въ обоихъ отношеніяхъ историческою школою, въ свою очередь, основываются на особой системѣ методологическихъ воззрѣній этой школы, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и переходимъ²⁰⁾.

дѣйствительности и совсѣмъ иначе комбинируется въ нашемъ умѣ“. Кавелинъ. Злоба дня. Посмертная статья въ „Русск. Мысли“. 1888 г. Апрель.

20) Историческая школа экономистовъ, ставшая въ оппозиціонное положеніе по отношенію къ методологіи, возникшей на почвѣ классической школы, распадается, въ настоящее время, на двѣ группы—германскихъ и англійскихъ экономистовъ. Въ то время какъ въ Германіи школа эта получала преобладаніе въ наукѣ и только въ самое послѣднее время вызвала противъ себя реакцію, въ Англіи она только начинаетъ завоевывать себѣ сторонниковъ; причемъ англичане, за немногими исключеніями, (Клифъ Лесли, Интрэмъ, Конигамъ, Connigham) вовсе не раздѣляютъ крайностей и односторонностей исторической школы, заимствовавъ у нея то, что дѣйствительно представляетъ научную цѣну—ея склонность къ историческимъ и статистическимъ изслѣдованіямъ хозяйственнаго быта.

У.

Очеркъ возрѣній исторической школы въ политической экономіи на задачи и методы этой науки.

Методологическія возрѣнія исторической школы мы сводимъ къ слѣдующимъ тремъ категоріямъ, представляемымъ различными группами и оттѣнками этой школы. 1) Возрѣніе на политическую экономію, какъ на науку чисто историческую, въ томъ смыслѣ, что изслѣдованіе явленій въ процессѣ ихъ развитія есть единственная точка зрѣнія, которая должна быть прилагаема въ политической экономіи. 2) Возрѣніе на политическую экономію, какъ на науку этическую, или какъ на науку, изслѣдующую хозяйственныя явленія „какъ они должны быть“, съ точки зрѣнія хозяйственной политики. 3) Направленіе требующее изученія хозяйственныхъ явленій въ связи со всѣми явленіями общественной жизни политической, моральной, юридической и т. п. 4) Всѣ вышеназванныя системы методологическихъ возрѣній сходятся между собою въ одномъ—въ отрицательномъ отношеніи къ теоретической экономіи англійской классической школы. Совокупность возрѣній на эту теорію и ея методу образуетъ цѣлую критическую литературу, которая занимаетъ видное мѣсто въ методологическихъ возрѣніяхъ исторической школы. По этимъ четыремъ пунктамъ мы и рассмотримъ возрѣнія исторической школы. При чемъ въ виду нѣкоторой своеобразности этихъ возрѣній, которая легко могла сгладиться, или утратиться при свободномъ изложеніи, мы предпочитаемъ передачу отдѣльных воз-

зрѣній исторической школы близкую къ формѣ выраженій и подлиннымъ словамъ ихъ авторовъ — извѣстнаго рода грубый видъ реализма весьма умѣстный, какъ намъ кажется, въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится полемизировать съ чужими мнѣніями.

Воззрѣніе исторической школы на политическую экономію, какъ на науку историческую.

Сочиненіе Вильгельма Рошера „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach Geschichtlicher Methode“, вышедшее въ Геттингенѣ, въ 1843 году, по общему признанію главнѣйшихъ представителей исторической школы, является трактатомъ, въ которомъ впервые изложены начала систематики и методологіи политической экономіи въ духѣ этой школы. Въ этомъ сочиненіи Рошеръ прямо задается цѣлью представить „систему экономической науки по историческому методу“. Свои воззрѣнія на задачи политической экономіи и методъ, которымъ они могутъ быть рѣшены, Рошеръ формулируетъ въ видѣ слѣдующихъ краткихъ положеній. 1) Вопросъ о томъ, какимъ образомъ лучше всего можно содѣйствовать національному благосостоянію, конечно, есть главный вопросъ въ политической экономіи, но этотъ вопросъ не составляетъ ея исключительной задачи. Наука о народномъ хозяйствѣ, по существу, есть не только искусство сдѣлаться богатымъ, но она, въ то же время, является и политической наукой, въ которой идетъ рѣчь объ уясненіи существующихъ явленій. Этой послѣдней цѣли политическая экономія достигнетъ, въ томъ случаѣ, когда она намъ представитъ изображеніе того, что народы въ хозяйственномъ отношеніи думали и чувствовали, чего желали, къ чему стремились и чего достигали, почему они стремились и почему достигали; но такое изображеніе возможно для политической экономіи только въ тѣснѣйшей связи съ

другими науками о народной жизни, а въ особенности въ связи съ исторіей права и исторіей культуры. 2) Народъ, однако, не есть только масса теперь живущихъ индивидуумовъ, и изслѣдователь народнаго хозяйства не долженъ ограничиваться лишь наблюденіемъ современныхъ хозяйственныхъ отношеній. Наряду съ этимъ послѣднимъ, равную важность представляетъ изученіе хозяйственныхъ отношеній на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, которое помогаетъ уяснить хозяйственное состояніе современныхъ намъ народовъ. 3) Трудность извлечь изъ большой массы явленій существенное и законмѣрное настоятельно побуждаетъ насъ сравнивать между собою въ хозяйственномъ отношеніи всѣ народы, которые мы имѣемъ возможность изучать. Но современные народы, во всѣхъ моментахъ ихъ жизненныхъ отношеній, такъ тѣсно связаны между собою, что основательное изученіе каждаго народа въ отдѣльности невозможно безъ изученія остальныхъ. Въ особенности представляютъ для насъ много поучительнаго древніе народы, отжившіе свой вѣкъ, такъ какъ развитіе ихъ представляется нашему взору въ совершенно законченномъ видѣ. 4) Историческому методу вовсе не свойственно одобрять, или порицать тотъ или другой хозяйственный институтъ, потому что весьма немногое существуетъ такихъ учрежденій, которыя для всѣхъ народовъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія были бы одинаково благотельны, или вредны. Помочи ребенка и палка старика не годятся для человѣка зрѣлыхъ лѣтъ. Поэтому главная задача науки заключается въ томъ, чтобы показать „какимъ образомъ и почему, цѣлесообразныя явленія постепенно преобразовывались въ нелѣпыя, а изъ благодѣянія дѣлалось бѣдствіе“ (wie und warum allmählig aus Vernunft Unsinn, aus Wohlt hat Plage geworden. —) ¹⁾. Въ своемъ „Конспектѣ лекцій политической экономіи, по историческому методу“, Рошеръ не

1) Grundriss стр. IV—V.

только специально для себя, въ данномъ случаѣ, ставитъ чисто историческія задачи изслѣдованія въ области народнаго хозяйства, но онъ считаетъ, при этомъ, историческую точку зрѣнія единственно научною точкою зрѣнія, съ которой должны быть, вообще, изслѣдуемы хозяйственные явленія. „Политическая экономія, говоритъ онъ категорически, есть наука о законахъ развитія народнаго хозяйства“. Въ такомъ же смыслѣ онъ понимаетъ и всѣ теоретическія общественныя науки—общую политику, административное право, международное право, представляя ихъ, какъ науки, которыя съ разныхъ сторонъ изображаютъ законы развитія государства²⁾. Въ позднѣйшемъ изданіи „Основацій политической экономіи“ мы встрѣчаемъ у Рощера то же самое опредѣленіе политической экономіи, какъ ученія о законахъ развитія хозяйственной жизни. Онъ называетъ также политическую экономію „философіей народно-хозяйственной исторіи“³⁾.

Въ 1853 году Карль Книсъ издаётъ свою книгу: „Die politische Oekonomie vom Standpunkte der Geschichtlichen Methode“, которая до сихъ поръ остается самымъ капитальнымъ сочиненіемъ исторической школы по методологіи политической экономіи. Высокая и вполне заслуженная ученая репутація К. Книса, какъ глубоко образованнаго экономиста, а вмѣстѣ съ тѣмъ, то большое вліяніе, которое его сочиненіе, какъ своими научными достоинствами, такъ и недостатками, оказало на весь складъ методологическихъ воззрѣній исторической школы, побуждаютъ насъ передать нѣсколько подробно ходъ заключающихся въ этомъ сочиненіи мыслей Книса „объ историческомъ методѣ“.

Книсъ сначала останавливается на вопросѣ о томъ, какое мѣсто занимаетъ политическая экономія въ ряду другихъ на-

2) Тоже § 3 стр. 6.

3) W. Roscher. Grundlagen der Nationalökonomie. 10-е изд. 1873 года, стр. 30.

укъ. По этому поводу онъ приводитъ двѣ извѣстныя классификаціи наукъ—изъ которыхъ одна принадлежитъ Гельмгольцу, а другая Лотце; въ первой изъ нихъ всѣ науки, вообще, подраздѣлены на двѣ группы—науки о духѣ (Geisteswissenschaften) и науки естественныя,—а во второй вся область знанія подраздѣляется на науки естественныя и историческія. Не соглашаясь съ каждымъ изъ этихъ подраздѣленій въ отдѣльности, Книсъ камбинируетъ обѣ эти классификаціи и настаиваетъ на раздѣленіи всѣхъ наукъ на три группы: науки о природѣ, (естествознаніе), о духѣ (психологія, логика, философія) и науки историческія. Къ этой послѣдней группѣ онъ относитъ всѣ науки общественныя, въ томъ числѣ и политическую экономію. Въ политической экономіи Книсъ усматриваетъ сложную науку; онъ не только различаетъ въ ней науки о частномъ, общественномъ и финансовомъ хозяйствѣ, но старается провести точное разграниченіе между явленіями каждой изъ этихъ областей народнаго хозяйства.

Съ первыхъ страницъ своего трактата Книсъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на хозяйственной исторіи. Съ особенною настойчивостью онъ выдвигаетъ основанія въ пользу дальнѣйшаго дифференцированія этой науки и расширенія ея области. Книсъ говоритъ о томъ, что хозяйственная исторія народовъ, при послѣдующей ея разработкѣ, должна обнять болѣе обширную область знанія, чѣмъ ту, которую ей до тѣхъ поръ отводили германскіе экономисты,—именно, въ составъ ея должна войти не только исторія экономическихъ ученій и практической дѣятельности государства въ области финансовой и народнохозяйственной политики, но также исторія хозяйственного быта различныхъ народовъ. Въ отношеніи собственно хозяйственной исторіи Книсъ указываетъ на необходимость строго разграничивать исторію экономическихъ ученій отъ исторіи хозяйственного быта. Само собою разу-

мѣется, что въ процессѣ историческаго развитія — явленія хозяйственной жизни и мысли взаимно между собою переплетаются и образуютъ одно органическое цѣлое — и это постоянно надо имѣть въ виду. Но чтобы правильно уяснить взаимодействие этихъ двухъ группъ хозяйственныхъ явленій необходимо предварительно изслѣдовать каждую изъ нихъ въ отдѣльности, въ противномъ случаѣ получится бы спутанность двухъ различныхъ родовъ явленій, чему въ особенности способствуетъ употребленіе въ различныхъ значеніяхъ термина „политическая экономія“. Противъ этого требованія, по мнѣнію Книса, погрѣшаетъ большинство сочиненій по исторіи политической экономіи⁴⁾. Далѣе Книсъ обращаетъ вниманіе на то, что игнорированіе экономистами хозяйственной исторіи въ обоихъ ея отрасляхъ — исторіи хозяйственныхъ теорій и исторіи хозяйственного быта — оказываетъ самое вредное вліяніе на развитіе пол. экономіи, долженствующей постоянно опираться на изслѣдованія эмпирической дѣйствительности и которая т. е. полит. экон. сама себя должна разсматривать, какъ историческое развитіе⁵⁾. При игнорированіи историческихъ наукъ о народномъ хозяйствѣ легко вкрадывается взглядъ на систему ученій, составляющихъ теоретическую экономію, какъ на абсолютныя истины одинаково приложимыя къ хозяйственнымъ состояніямъ народовъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія. Возрѣнія нѣкоторыхъ экономистовъ, впадающихъ въ эту ошибку, Книсъ называетъ „космополитизмомъ и абсолютизмомъ теорій“. Напротивъ изученіе экономич. теорій съ исторической точки зрѣнія приводитъ къ убѣжденію, что, подобно мѣняющемуся хозяйственнымъ состояніемъ, переживаемымъ народами въ теченіи ихъ исторіи, и всякая экономическая теорія есть только результатъ историческаго развитія — она есть дитя

4) Pol. Oek. vom Stand. Gesch. Method стр. 12—15.

5) Idem стр. 23.

своего времени и имѣть только временное и мѣстное значеніе. Книсъ съ полнымъ одобреніемъ относится къ раздѣленію политической экономіи на три отдѣльныя отрасли: 1) теоретическую экономію или политическую экономію въ собственномъ смыслѣ 2) хозяйственную политику и 3) финансовую науку, какъ особую отрасль хозяйственной политики, но при этомъ онъ обращаетъ вниманіе на то, что историческую точку зрѣнія нужно прилагать къ каждой изъ этихъ отраслей науки въ отдѣльности, между тѣмъ какъ до сихъ поръ германскіе экономисты обыкновенно говорили объ историческомъ характерѣ науки о финансахъ и хозяйственной политики, но вовсе игнорировали эту точку зрѣнія по отношенію къ теоріи политической экономіи, считая ея истины абсолютными т. е. имѣющими равное значеніе для всѣхъ народовъ, независимо отъ условій мѣста и времени ⁶⁾. Вслѣдствіе этого игнорированія историческаго характера экономическихъ теорій въ экономической литературѣ могло появиться воззрѣніе на законы теоретической экономіи, какъ на „естественные законы народнаго хозяйства“, по аналогіи съ законами естествознанія, рождающее ошибочное представленіе объ безусловной неизмѣнности и всеобщности законовъ политической экономіи. Такое представленіе находится въ явномъ противорѣчій съ истиннымъ характеромъ доктринъ теоретической экономіи. Только одна часть — именно болѣе общая часть общей части теоретической экономіи, обнимающая отношенія людей къ внѣшнимъ благамъ природы, носитъ такой характеръ, но и въ этомъ отдѣлѣ экономической науки постоянное такъ часто исчезаетъ въ „перемѣнномъ“ и „человѣческомъ“, что всякая попытка выражать экономическія теоріи въ алгебраическихъ формулахъ не можетъ быть признана цѣлесообразною. Такъ какъ политическая экономія имѣетъ предметомъ своего изслѣдованія исторически об-

---

6) Idem стр. 37.

разовавшіяся явленія, то отсюда слѣдуетъ то прямое заключеніе, что она не должна быть чисто умозрительной наукой, въ которой всѣ ученія построились бы въ видѣ логическихъ выводовъ изъ опредѣленныхъ общепризнанныхъ аксіомъ ⁷⁾. Затѣмъ Кнись съ чрезвычайной обстоятельностью выясняетъ историческій характеръ явленій хозяйственного быта, ихъ связь со всѣми сторонами человѣческой культуры, при чемъ сопровождаетъ свое изложеніе многочисленными пояснительными примѣрами вліянія условій внѣшней природы, (географическаго положенія страны, строенія почвы и подпочвы, очертанія береговой линіи, направленіе рѣкъ и т. п.), а съ другой стороны правовыхъ и церковно-религіозныхъ отношеній и нравственныхъ понятій народа на складъ народнаго хозяйства. По отношенію къ народному хозяйству Кнись констатируетъ тоже, что раньше было констатировано историческою школою относительно права, что оно не есть явленіе совершенно самостоятельное и изолированное, но находится въ органической связи со всею жизнью народа, интегральную часть которой оно составляетъ. При изученіи народнаго хозяйства рѣчь идетъ о народѣ и объ его хозяйственной дѣятельности, характеръ и формы которой находятся въ зависимости отъ всей совокупности условій, опредѣляющихъ бытъ народа въ данномъ мѣстѣ и въ данное время ⁸⁾.

Изложенные до сихъ поръ воззрѣнія Книса на предметъ политической экономіи и задачи историко-экономическихъ изслѣдованій, насколько намъ извѣстно никогда, ни съ чьей стороны не вызывали возраженій, а для своего времени (въ началѣ пятидесятихъ годовъ), когда теоретическое направленіе въ политической экономіи было преобладающимъ, имѣли важное значеніе, такъ какъ въ нихъ Кнись указывалъ

---

7) Idem стр. 162.

8) Idem стр. 141—142.

новыя стороны въ изученіи народнаго хозяйства, выставялъ на видъ игнорировавшіяся до того времени задачи историческаго изслѣдованій хозяйственныхъ явленій. Спрашивается теперь, какія же послѣдствія вытекаютъ для экономической науки изъ сдѣланной Книсомъ характеристики народно-хозяйственныхъ явленій, ихъ историческаго развитія, ихъ связи и соотношенія со всѣми сопровождающими ихъ явленіями народной жизни? Какіе логическіе постулаты выводитъ Книсъ по отношенію къ задачамъ тѣхъ наукъ, между которыми онъ раньше подѣлилъ изученіе всей области хозяйственныхъ явленій? Какъ онъ примиряетъ пропагандируемую имъ историческую точку зрѣнія на хозяйственныя явленія съ спеціальными задачами каждой изъ трехъ намѣченныхъ имъ наукъ о народномъ хозяйствѣ, въ отдѣльности? Разъясненіе этихъ вопросовъ, разъ они были бы имъ поставлены съ надлежащею опредѣленностію, неизбежно привело бы къ такому или иному объясненію спеціальныхъ задачъ экономической теоріи и экономической политики, съ другой стороны, къ разграниченію этихъ двухъ отраслей науки отъ хозяйственной исторіи. Но вмѣсто этого, все вниманіе Книса, сначала до конца его книги, поглощаетъ другая сторона предмета, разъясненіе того, въ чемъ должно состоять приложеніе исторической точки зрѣнія въ политической экономіи ⁹⁾. Конечно, въ трактатѣ, посвященномъ систематическому обзорѣ составныхъ частей и задачъ экономической науки должно занять опредѣленное мѣсто выясненіе исторической точки зрѣнія на экономическія теоріи, — но односторонность воззрѣнія Книса заключается въ томъ, что онъ частію смѣшиваетъ съ цѣлымъ, задачу историческаго изученія экономическихъ теорій отождествляетъ съ задачами экономической науки вообще, желая говорить о задачахъ теоретической экономіи, онъ, вмѣсто того, говоритъ объ

---

9) Idem стр. 254—255.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 17.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литог. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ С. Шпилевскій.

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридич. Лицея.

ОГЛАВЛЕНИЕ

№ 17-го Юридической Библиографіи.

1. *Н. Каръевъ*. „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“. Выпускъ 1-й. С.-Петербургъ. 1890 г., 288 стр. *В. Щегловъ* . . . 1—29.

2. Dr. A s c h r o t t. Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafen. Hamburg. 1890. s. 1—59. *П. Бесѣдкинъ* 29—38.

3. Dr. A p p e l i u s. Die bedingte Verurtheilung und die anderen Ersatzmittel für kurzzeitige Freiheitsstrafen. Cassel. 1890. s. 1—118. *П. Бесѣдкинъ* 38—48.

STATEMENTS

STATEMENTS OF THE MEMBERS OF THE BOARD OF DIRECTORS

I, W. H. HARRIS, President of the Board of Directors, do hereby certify that the following is a true and correct statement of the assets and liabilities of the Corporation as of the date of the meeting of the Board of Directors held on the 15th day of December, 1900.

I, W. H. HARRIS, Secretary of the Board of Directors, do hereby certify that the following is a true and correct statement of the assets and liabilities of the Corporation as of the date of the meeting of the Board of Directors held on the 15th day of December, 1900.

I, W. H. HARRIS, Treasurer of the Board of Directors, do hereby certify that the following is a true and correct statement of the assets and liabilities of the Corporation as of the date of the meeting of the Board of Directors held on the 15th day of December, 1900.

W. H. HARRIS

1. *Н. Карѣвъ*: „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“. Выпускъ 1. С.-Петербургъ. 1890 года. 288 стр..

Профессоръ Карѣвъ — авторъ цѣлаго ряда сочиненій по различнымъ историческимъ вопросамъ, надъ которыми онъ началъ работать еще съ конца 70 годовъ. Изъ этихъ трудовъ Карѣва выдаются особенно по своей полнотѣ и основательности изслѣдованія его по исторіи крестьянскаго вопроса во Франціи, политической исторіи Польши и обширная работа „Основные вопросы философіи исторіи“ (2 тома), заключающая въ себѣ критику исторіософическихъ идей и опытъ научной теоріи прогресса¹⁾. Последнее сочиненіе возбудило вскорѣ послѣ своего появленія (въ 1883 г.) вниманіе русскаго образованнаго общества и сдѣлалось даже предметомъ оживленной научной полемики между авторомъ и противниками его соціально-историческихъ взглядовъ. Несомнѣнно, однако, что каковы бы ни были недостатки этого сочиненія Карѣва, одинъ его починъ въ разработкѣ въ русской литературѣ важнѣйшихъ историко-философскихъ вопросовъ, затронутыхъ въ работѣ Карѣва, и трудность ихъ изслѣдованія, отличающагося у автора обширной эрудиціей и полнымъ знаніемъ научныхъ пріемовъ, въ состояніи оправдать многіе пробѣлы въ подобномъ трудѣ. Но Карѣвъ не ограничился указанной капи-

---

¹⁾ Заслуживаютъ упоминанія и четыре книжки Карѣва, содержащія введенія въ курсы исторіи Востока, древняго міра, средне-вѣковой и новой исторіи, въ которыхъ авторъ указываетъ на основные принципы въ каждую изъ этихъ эпохъ въ жизни общества и даетъ обстоятельное обзорѣніе всей исторической литературы.

тальной работой объ основныхъ вопросахъ философіи исторіи; послѣ долгаго промежутка времени, въ теченіе котораго почтенный профессоръ былъ занятъ другими историческими изслѣдованіями, онъ снова приступилъ къ дальнѣйшей разработкѣ своихъ историческихъ взглядовъ въ сочиненіи, названіе котораго выставлено нами въ заголовкѣ статьи. Этотъ его трудъ представляетъ собою, по замѣчанію автора, — первое вообще изслѣдованіе въ данной области: о сущности историческаго процесса, отвлеченно взятаго, и о роли личности въ исторіи писано было до сихъ поръ очень мало. Последнее обстоятельство заставляетъ Карѣва дѣлать „разныя экскурсіи въ постороннія научныя области“ и давать „подготовительныя этюды, иногда отклоняющіе ходъ его мыслей отъ, положенной въ основу всего труда, логической нити“ (предисловіе). Ничего не имѣя противъ этихъ отступленій Карѣва въ другія области знанія, вызываемыя, какъ увидимъ, самою сущностью дѣла, мы позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь лишь нѣсколько замѣчаній относительно взгляда автора, что о роли личности въ исторіи писали очень мало. Мы полагаемъ, что это мнѣніе Карѣва вѣрно по отношенію только къ спеціально-историческимъ изслѣдованіямъ, но что вопросъ о личности затрогивался и разрѣшался не разъ въ другихъ областяхъ соціальнаго знанія, экскурсіи въ которыя также могли бы помочь въ разрѣшеніи общаго историческаго вопроса.

Мы говоримъ именно о наукѣ права, въ которой отношеніе личности къ обществу составляетъ одинъ изъ коренныхъ вопросовъ, входящихъ въ содержаніе науки о правѣ¹⁾. Самый вопросъ о сущности историческаго процесса и о роли личности въ исторіи неразрывно связанъ съ вопросомъ о сущности и функціяхъ права въ обществѣ, которое является важнѣйшимъ факторомъ въ историческомъ процессѣ образованія и развитія, исторіи всего общества. Право вытекаетъ изъ основныхъ, коренныхъ свойствъ человѣческой природы и служитъ необходимымъ и луч-

¹⁾ См., наир., Н. Коркунова: «Лекціи по общей теоріи права», 202—207 стр.

шимъ средствомъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей человѣка. Поэтому-то всѣ новѣйшія школы права, начиная съ школы естественнаго права и оканчивая современной, реалистической, занимаются вопросомъ о роли отдѣльной личности въ юридической жизни общества, отводятъ ей здѣсь сообразно съ своими главными взглядами на право то или другое мѣсто. Такъ школа естественнаго права исходила въ своихъ воззрѣніяхъ изъ той точки зрѣнія, что въ образованіи права исключительная роль принадлежитъ человѣч. личности, отъ произвола которой зависитъ возникновеніе и развитіе права, государства и общества. Такой взглядъ на личность былъ вызванъ протестомъ общественнаго сознанія противъ чрезмѣрной, регламентирующей всю общественную жизнь, дѣятельности полицейскаго государства XVI—XVIII столѣтія и поддерживался долго, благодаря еще философской, раціоналистической школѣ Декарта, которая возводила индивидуальный, человѣческій разумъ, слѣдовательно, отдѣльную личность въ общій и основной принципъ всего знанія и бытія. Вліяніе этого начала отразилось, между прочимъ, на сочиненіи Ж. Ж. Руссо: „*Du contrat social*“, въ которомъ идея человѣческой личности, надѣленная отъ природы всюду неизмѣнными и неотчуждаемыми правами, была положена въ основу всего ученія Руссо объ образованіи права въ, такъ называемомъ, естественномъ состояніи и соціальной жизни и доведена въ немъ до крайней степени своего развитія. Также и философскія воззрѣнія Э. Канта на право, государство и общество покоятся на томъ же преувеличенномъ представленіи объ исключительной роли человѣч. личности во всей жизни общества. Едва ли нужно говорить здѣсь о томъ, какое могущественное вліяніе оказали въ свое время идеи школы естественнаго права на всѣ умы, на науку вообще и на дѣйствительную исторію общества въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія. Рѣзкое противорѣчіе ученія школы естественнаго права съ дѣйствительными фактами общественной жизни и неисчислимый вредъ его для всего общества и дальнѣйшаго развитія его цивилизаціи, исторіи общества, въ которой окончательнымъ результатомъ ея примѣненія было бы

уничтоженіе личнаго начала ¹⁾), вызвали въ европейскомъ обществѣ появленіе исторической школы права, которая въ лицѣ своихъ основателей (Гуго, Савиньи и Пухты) напала энергично на школу естественнаго права за ея игнорированіе историческаго элемента въ образованіи права и всего общества, исторической связи права съ остальными сторонами народной жизни, съ народнымъ сознаніемъ. Но историческая школа права также зашла слишкомъ далеко въ своемъ отрицаніи взглядовъ школы естественнаго права и желаніи указать на зависимость права въ его развитіи отъ разнообразныхъ условій общественной жизни: она совершенно исключила личный элементъ изъ исторіи права и общества, въ которомъ право должно было появиться само собою, изъ таинственныхъ вѣдръ народнаго сознанія, безъ всякаго дѣятельнаго участія человѣческой личности ²⁾).

Крайности обоихъ направленій въ наукѣ права, — школы естественнаго права и исторической стремились примирить органическая школа права, въ воззрѣніяхъ которой на образованіе права, государства и общества занимаютъ одинаковое мѣсто личный или субъективный элементъ и — внѣшній или объективный, хотя этотъ послѣдній и преобладаетъ надъ первымъ у различныхъ представителей органической школы. Такое, по крайней мѣрѣ, значеніе имѣетъ одинъ изъ главныхъ взглядовъ этой школы на право, государство и общество, какъ организмы, тождественные съ физическимъ, индивидуальнымъ организмомъ. Сравненіе, или

¹⁾ Взгляды школы естественнаго права, особенно же послѣдніе изъ нихъ выводы и практическіе результаты напоминаетъ, а быть можетъ, и отражаетъ на себѣ историческая «теорія расы», которая рассматриваетъ человѣка, какъ существо съ наследственнымъ природнымъ складомъ извѣстныхъ свойствъ и качествъ, которыя не измѣняются въ исторіи.

²⁾ Аналогична до нѣкоторой степени этому взгляду исторической школы права «теорія климата», которая также отрицаетъ совершенно въ исторіи личный элементъ и подчиняетъ человѣка вполнѣ вліяніямъ внѣшней природы, подъ которыми образуется и народъ, какъ единственный источникъ права.

точно, отождествленіе общества съ человѣческимъ организмомъ, выставляющее, повидимому, на первый планъ личный элементъ въ общественной жизни, ведетъ на самомъ дѣлѣ къ совершенному исчезновенію его отсюда, поглощенію обществомъ: личность осуждается въ исторіи общества, часть котораго она составляетъ, на пассивную роль мертваго, механическаго орудія, необходимаго только для достиженія цѣлей общества, а не своихъ собственныхъ, которыхъ она даже и не можетъ имѣть. Почти такую же роль должна играть человѣческая личность въ общественной жизни и по ученію новѣйшей, реалистической школы въ наукѣ права, во главѣ которой стоитъ извѣстный ученый, Р. ф. Терингъ. Нельзя, конечно, отвергать, что принципъ „борьбы за право“, провозглашенный Терингомъ, какъ важнѣйшій факторъ въ образованіи, исторіи права, выдвигаетъ на первый планъ человѣческую личность, которую историческая школа обратила въ ничто въ своемъ представленіи о ходѣ исторіи, какъ всегда мирномъ и незамѣтнымъ для самого общества, безсознательномъ превращеніи однихъ формъ общественнаго устройства въ другія. Но, съ другой стороны, попытка Теринга отыскивать въ исторіи права проявленіе однихъ и тѣхъ же законовъ, которые управляютъ и видимыми явленіями природы, изслѣдовать вопросъ объ образованіи и въ то же время о сущности права съ телеологической точки зрѣнія (цѣли права вообще) снова отнимаетъ у личности руководящую роль въ исторіи и заставляетъ ее саму подчиниться неизмѣннымъ, роковымъ законамъ исторіи¹⁾.

Такимъ образомъ, самый бѣглый очеркъ главнѣйшихъ направленій въ новѣйшей исторіи философіи права показываетъ, что вопросъ о роли личности является въ наукѣ права центральнымъ пунктомъ, такъ что отношеніемъ къ нему той или другой

---

¹⁾ Въ этомъ окончательномъ своемъ выводѣ реалистическая теорія объ образованіи права совпадаетъ, служитъ отголоскомъ теоріи «самопроизвольной, безличной эволюціи» общества, совершающейся въ исторіи по извѣстнымъ законамъ, которые дѣйствуютъ фатально на отдѣльную личность.

школы права опредѣляется и ея значеніе въ правовѣдѣніи. Отсюда же ясно, что изученіе новѣйшаго періода въ исторіи философіи права, въ особенности же произведеній главнѣйшихъ представителей философско-юридическаго мышленія въ настоящее время предпочтительно предъ другими отраслями знанія можетъ въ значительной степени облегчить разрѣшеніе общаго вопроса о роли личности въ исторіи общества, неразрывную и, притомъ, важнѣйшую часть которой всегда составляетъ исторіа права и его органа—государства. Послѣдній взглядъ есть, между прочимъ, логическій результатъ изъ воззрѣній одного изъ знаменитыхъ современныхъ представителей науки объ обществѣ, Г. Спенсера, который признаетъ право и государство необходимыми, составными частями общественнаго устройства. Профессоръ Карѣвъ хорошо знакомъ съ этими и остальными взглядами Спенсера, какъ это видно изъ его „Основныхъ вопросовъ“ и, разсматриваемаго нами, сочиненія Карѣва, въ которомъ онъ, однако, почти не считаетъ нужнымъ дѣлать необходимыя на самомъ дѣлѣ „экскурсіи“ въ область всего правовѣдѣнія, какъ это видно, между прочимъ, изъ совпаденія взглядовъ школы права съ главными воззрѣніями на сущность истор. процесса. Что для науки исторіи общества и разрѣшенія важнѣйшихъ ея вопросовъ имѣютъ важное значеніе науки юридическія и политическія на ряду съ экономическими, это доказываетъ самъ Карѣвъ въ своей статьѣ: „Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки“¹⁾, гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ о помощи, которую совершаютъ всѣ указанныя науки при выработкѣ понятій и обобщеній для теоріи историческаго процесса. „Науки политическія, юридическія и экономическія готовятъ, замѣчаетъ здѣсь Карѣвъ, матеріалъ для теоріи исторіи уже тѣмъ самымъ, что все

---

¹⁾ Эта статья—рефератъ, читанный Карѣвымъ въ засѣданіи, недавно возникшаго, историческаго общества въ С.-Петербургѣ 24 января 1870 г., когда приблизительно появилось и его сочиненіе: «Сущность историч. процесса». Статья помѣщена въ «Русской Мысли» за мартъ 1890 г., откуда мы ее и цитируемъ.

болѣе и болѣе ставятъ свои вопросы на почву историческаго ученія и поднимаютъ, кромѣ спеціальныхъ вопросовъ, вопросы общіе“. Поэтому Карѣвъ признаетъ важными въ теоретическомъ отношеніи такія историческія работы въ сферѣ юриспруденціи и политической экономіи, какъ изслѣдованіе Ф. Куланжа о государственной жизни древнихъ грековъ и римлянъ, воззрѣніе Тёринга на силы, дѣйствующія въ исторіи права, взглядъ Маркса на процессъ первоначальнаго накопленія капитала и т. д.. Общій, философскій характеръ пріобрѣтаютъ, добавляетъ Карѣвъ, изслѣдованія въ исторіи политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеній, когда они дѣлаются сравнительнымъ методомъ, съ эволюціонной точки зрѣнія, которая по существу своему есть точка зрѣнія теоріи историческаго процесса. Лучшее средство для открытія общихъ началъ въ развитіи отдѣльныхъ элементовъ культуры и отдѣльныхъ формъ общественнаго быта, — это сравнивать исторію этихъ элементовъ и сторонъ у различныхъ народовъ: съ этой точки зрѣнія сравнительный методъ оказываетъ важную службу теоріи историческаго процесса, давая готовыя обобщенія, какъ матеріалъ для дальнѣйшихъ теоретическихъ операцій.

Вообще въ теоріи исторіи, говоритъ Карѣвъ, есть такіе вопросы, которые съ успѣхомъ могутъ быть разрѣшены только спеціальными представителями исторической науки. Таковъ вопросъ о вліяніи природы на человѣка и о значеніи прирожденныхъ способностей племени въ исторіи, который разрѣшается натуралистами, вопросъ о психическомъ взаимодействіи людей, которымъ занимаются психологи, и спеціальные вопросы духовнаго и общественнаго быта народовъ, относительно которыхъ историку нужно искать указаній у филологовъ, этнографовъ, политиковъ, юристовъ и экономистовъ. Но на ряду съ этими спеціальными задачами въ различныхъ отрасляхъ знанія, соприкасающихся съ исторіей и разрѣшаемыхъ до известной степени односторонне, у историка есть, замѣчаетъ Карѣвъ, и собственная область вопросовъ (181—183 с.), которые и входятъ у Карѣва въ содержаніе его труда: „Сущность историческаго процес-

са и роль личности въ исторіи“, составляющаго, по заявленію автора, непосредственное продолженіе, 3-й томъ его же „Основныхъ вопросовъ“. Самъ Карѣевъ такъ объясняетъ связь обоихъ этихъ своихъ трудовъ: „продолжая работать надъ историко-философскими вопросами, я мало помалу сосредоточилъ все свое вниманіе на объективной сущности историческаго процесса и на роли въ немъ отдѣльной личности, т. е., на вопросахъ, хотя и разсмотрѣнныхъ уже въ первыхъ двухъ томахъ, но не настолько еще тамъ разработанныхъ, чтобы служить прочной основой для дальнѣйшаго построенія теоріи прогресса. Настоящій томъ, имѣющій значеніе и совершенно самостоятельнаго сочиненія, посвященъ именно только что указаннымъ двумъ вопросамъ“ (предисловіе).

Мы такъ и будемъ разсматривать настоящій трудъ Карѣева, но въ виду слишкомъ общаго указанія въ немъ авторомъ его отношенія къ „Основнымъ вопросамъ“, въ связи съ которыми оно и пріобрѣтаетъ особенное научное значеніе, считаемъ нелишнимъ охарактеризировать вкратцѣ, но точно эту взаимную и неразрывную связь обѣихъ работъ почтеннаго профессора. Въ этомъ случаѣ поможетъ намъ самъ авторъ своей статьей: „Личное начало и роковыя силы въ исторіи“¹⁾, которая служитъ, по его же словамъ, связью между „Основными вопросами философіи исторіи“ и ихъ продолженіемъ, т. е., настоящимъ изслѣдованіемъ Карѣева. Авторъ заявляетъ въ началѣ этой статьи, что „единственнымъ факторомъ въ исторіи, однимъ реальнымъ въ ней существомъ является человѣкъ, по отношенію къ которому все остальное, что мы охотно представляемъ себѣ также дѣйствующимъ въ исторіи, будетъ имѣть значеніе простыхъ условій“. Роль личности въ исторіи не ограничивается только передачей на другихъ вліянія, окружающихъ ее, условій; она не пассивный только, но и активный факторъ исторіи, въ которой она принимаетъ дѣятельное участіе. Дѣятельность

¹⁾ Статья эта помѣщена въ «Русскомъ Богатствѣ» за прошлый годъ, въ апрѣльской книжкѣ, по которой мы ее и цитируемъ.

личности опредѣляется либо извнутри органически прирожденными свойствами расы человѣка, либо извнѣ неорганическими условіями, — внѣшней природой страны, въ которой обитаетъ народъ, и надъ — органическими, — культурно-соціальной средой, созданной исторіей народа. Каждое изъ этихъ условій поочередно принималось при объясненіи судебъ отдѣльныхъ народовъ, какъ главная, дѣйствующая сила, по отношенію къ которой дѣятельность отдѣльныхъ лицъ имѣетъ подчиненное и второстепенное значеніе. Такъ „теорія климата“, по которой человѣкъ только рабъ окружающей его природы, превращаетъ его въ простой объектъ вліяній со стороны поверхности страны, ея климата, почвы, естественныхъ произведеній и т. д. По этой теоріи человѣческая личность лишь *tabula rasa*, на которой внѣшняя природа начертываетъ то или другое содержаніе. По „теоріи расы“, также господствующей въ одно время въ исторической наукѣ, человѣческая личность представляется сосудомъ, наполненнымъ духовными качествами, свойственными извѣстной расѣ, и передаваемыми по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Вся исторія отдѣльной личности и народа всегда лишь то, что дѣлаетъ изъ нихъ ихъ происхожденіе. Обѣ эти теоріи одинаково заключаютъ въ себѣ отрицаніе личнаго начала: одна отнимаетъ у человѣка возможную для него самостоятельность, другая лишаетъ личность возможной для нея оригинальности, которая развивается въ жизни на основаніи индивидуальной измѣнчивости свойствъ, прирожденныхъ семьѣ, роду, племени и расѣ. Между тѣмъ, человѣкъ дѣйствуетъ на природу и самъ, прилагаетъ свои силы къ тому, чтобы подчинить ее себѣ. Точно также обычны и индивидуальныя отклоненія отъ основныхъ свойствъ и характера расы, такъ что человѣкъ свободенъ отъ исключительнаго вліянія собственнаго происхожденія также, какъ и отъ роковыхъ силъ внѣшней природы. Что касается культурно-соціальной среды, какъ третьяго ряда условій, отъ которыхъ зависитъ направленіе исторіи народа, то измѣненія въ ней составляютъ самое содержаніе исторіи, дѣятельности въ ней личности, взаимныхъ ея отношеній съ нравами, обычаями, общественными идеями и учре-

жденіями. Изслѣдованіе этихъ отношеній и составляетъ задачу 3 тома „Основныхъ вопросовъ“, т. е., разсматриваемаго нами, сочиненія Карѣва. Однако, при этомъ изслѣдованіи необходимо также остерегаться той крайности, которая состоитъ въ излишнемъ преувеличеніи вліяній культурно-соціальной среды на человѣческую личность. Достаточно, говоритъ Карѣвъ, преувеличить и безъ того всегда весьма сильное дѣйствіе духовно-общественной среды на отдѣльнаго человѣка и въ то же время отбросить иногда еле замѣтное дѣйствіе въ обратномъ направленіи, чтобы придти къ фатализму надъ-органической среды, теоріи самопроизвольной эволюціи. И эта теорія можетъ получить тѣмъ большую достовѣрность, что личность по отношенію и къ духовной, и къ общественной сторонѣ надъ — органической среды имѣетъ значеніе совершенно подчиненнаго элемента. Кроме того, на ту же мысль о полной и безусловной зависимости отъ среды человѣческой личности, въ которой она является только пассивнымъ орудіемъ, наталкиваютъ и, уже замѣченные наукой, извѣстные порядокъ и правильность въ развитіи каждаго соціальнаго элемента, а также и извѣстное сходство между нѣсколькими однородными порядками, указывающее на то, что элементы культуры и соціальныя формы въ своемъ развитіи подчинены нѣкоторымъ законамъ. Карѣвъ не раздѣляетъ этой теоріи и на мѣстѣ ея ставитъ свою собственную, которая формулируется у него такъ: „дѣятельность общества совершается въ извѣстной надъ—органической средѣ (культурѣ и соціальной организаціи) и эволюція этой среды составляетъ одну сторону историческаго процесса; другую же — дѣятельность личностей, вліяющая на эту эволюцію“. Эти двѣ стороны исторіи, которыя Карѣвъ называетъ культурно-соціальной и прагматической находятся между собой въ взаимодѣйствіи (141—152 стр.). Въ вступленіи къ своему сочиненію Карѣвъ подробно развиваетъ этотъ свой взглядъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, устанавливаетъ предметъ и содержаніе обоихъ родовъ историческаго направленія и всего труда, знакомство съ которымъ оказывается, такимъ образомъ, интереснымъ и важнымъ и для разрѣшенія спеціальнаго,

частнаго вопроса о роли личности въ исторіи, образованіи права, и о вліяніи на ея дѣятельность въ этомъ отношеніи всего общественнаго строя и его развитія.

Обращаемся къ изложенію самого сочиненія Карѣва, которое мы намѣрены сдѣлать лишь въ существенныхъ чертахъ, на сколько это нужно для характеристики основныхъ историческихъ взглядовъ автора. Карѣвъ сначала занимается, какъ мы замѣтили, уясненіемъ того, что нужно разумѣть подъ прагматической и культурной исторіей, — направленіями, принятыми въ исторіографіи издавна. Подъ понятіе исторіи прагматической подходитъ повѣствованіе о дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, ихъ дѣйствіяхъ, событіяхъ (*та пра҃мѣта*); культурная же исторія обнимаетъ всѣ описанія внѣшняго быта, образованности, гражданственности или культуры и цивилизаціи. Оба эти направленія различаются другъ отъ друга по своимъ особеннымъ задачамъ: въ прагматической исторіи факты изслѣдуются въ кузуальной связи, — отношеніи причины и слѣдствія, въ культурной же, — какъ измѣняющіеся образы и формы одного и того же явленія, какъ фазисы и моменты его развитія, эволюціи. Оба эти научныя направленія въ исторіи имѣютъ дѣло съ двумя сторонами одного и того же историч. процесса (4 с.). Не имѣя ничего противъ такого отличія въ исторіи личнаго, субъективнаго элемента отъ внѣшняго, объективнаго и необходимаго ихъ объединенія, мы, все-таки, позволимъ себѣ замѣтить, что рѣзкое ихъ различіе и полная изолированность въ изученіи прагматическихъ фактовъ и историко-культурныхъ данныхъ можетъ привести къ нѣкоторому недоумѣнію и сомнѣнію относительно правильности результатовъ подобнаго изслѣдованія исторіи. Въ самомъ дѣлѣ трудно себѣ представить, какъ прагматическая исторія можетъ обходиться безъ изученія элементовъ развитія въ прагматическихъ фактахъ, а культурная, наоборотъ, безъ изслѣдованія причинъ и связи культурно-соціальныхъ явленій и формъ. Какъ законъ эволюціи, такъ и законъ причинности — универсальныя міровыя законы, которые проявляются также неизбѣжно и во *всей* исторіи человѣческаго общества, во всѣхъ ея сферахъ, гдѣ развитіе немыслимо безъ той или другой связи раз-

личныхъ историческихъ фактовъ. Нельзя также себѣ представить и дѣятельность отдельной личности внѣ общественной жизни, цивилизаціи общества, въ которой она является необходимымъ факторомъ. Тѣсное и неразрывное соотношеніе субъективнаго и объективнаго элемента въ исторіи признаетъ и самъ Карѣвъ, по словамъ котораго „въ дѣйствительности прагматическія цѣли, образованныя по принципу причинности, и культурные ряды, основанные на идеѣ развитія, постоянно переплетаются между собою, и самая эволюція общественныхъ идей и учрежденій немислима безъ дѣятельности личности. Эта же послѣдняя, въ свою очередь, обусловливается данною надъ—органической средой, имѣющей свою эволюцію. Историческій процессъ создается взаимодействіемъ личности и надъ—органической среды“ (5—6 с.). Основными факторами исторіи являются, по Карѣву, съ одной стороны, безличная, бессознательная эволюція общественныхъ идей и учрежденій, а съ другой дѣятельность личностей, которыя видоизмѣняютъ эти идеи и учрежденія, значить, придаютъ общественной эволюціи уже личный характеръ. Неопредѣленность и запутанность въ опредѣленіи содержанія прагматической и культурной исторіи, вытекающія изъ невозможности вполне изолировать другъ отъ друга дѣятельность личности въ обществѣ отъ культурныхъ ея формъ при изученіи исторіи общества, сознаетъ и проф. Карѣвъ, который поэтому желаетъ уяснить свой взглядъ на различіе прагматической и культурной эволюціи примѣромъ, приводимымъ имъ въ его же сочиненіи: „Литературная эволюція на Западѣ“ (Воронежъ. 1886 г.). „Эволюцію литературы можно изслѣдовать, говоритъ здѣсь Карѣвъ, обращая все вниманіе на составъ писательскаго класса, структуру общества, общественную роль литературныхъ дѣятелей и проч., или же, оставивши въ сторонѣ всѣ эти условія общей эволюціи общества (политическую эволюцію, религіозную, философскую, научную и др.), можно изучать литературную эволюцію въ связи съ даннымъ видомъ литературы, идеей, тѣмой, сюжетомъ, вообще съ дѣятельностью писателей, какъ бы отрѣшившихся отъ всего остального. Въ дѣйствительности этого, конечно, не бываетъ, оговаривается

Карѣвъ, но безъ помощи такихъ *предположеній* наука обойтись не можетъ“ (7—9 с.). Такимъ образомъ, почтенный профессоръ самъ смотритъ на отдѣльное изученіе въ исторіи литературы личнаго и внѣшняго элемента, какъ лишь на необходимый въ наукѣ пріемъ въ виду лучшаго и всесторонняго изслѣдованія вопроса. Тоже значеніе необходимо придавать поэтому и послѣдующему замѣчанію Карѣва, что и во всѣхъ остальныхъ видахъ общественной эволюціи замѣчается одна и таже сущность: *взаимодѣйствіе прагматизма и культуры, самой дѣятельности, идущей по протореннымъ путимъ или пролагающей новые, и ея путей, то удерживающихъ на себѣ дѣятельность, то проводящихъ ее на новые пути*“ (12 с.). Въ виду этого-то различія прагматической и культурной стороны историческаго процесса, указывающаго, по нашему мнѣнію, на два фактора всей исторіи общества: личный или субъективный и внѣшній или объективный элементъ его цивилизаціи и ея прогрессивнаго развитія, и возможно, по словамъ Карѣва, изучать каждую изъ этихъ сторонъ отдѣльно, не теряя, однако, общей связи между ними въ дѣйствительной жизни общества.

Что различіе между прагматической и культурной исторіей имѣетъ въ глазахъ нашего ученаго историка не только что указанный нами смыслъ и даже не защиту его первоначальнаго взгляда какъ бы на два вида исторіи общества, образовавшагося исторически, а скорѣе получаетъ методологическое значеніе, это видно изъ воззрѣній Карѣва на окончательную цѣль исторической науки. „Главный вопросъ, рѣшенія котораго слѣдуетъ добиваться при изученіи того, какъ происходитъ прагматическая исторія и какъ совершается всякое культурное развитіе, есть, заявляетъ категорически Карѣвъ, *вопросъ о роли личности* въ историческомъ процессѣ: прагматическая сторона исторіи заключается въ дѣйствіи отдѣльной личности, а эволюція въ культурной совершается не иначе, какъ въ личностяхъ или черезъ личности“ (ibid.). Отсюда же объясняется и раздѣленіе содержанія всего новаго труда Карѣва на три отдѣла: 1) о роли личности въ прагматической исторіи, 2) о

роли личности въ культурной исторіи и 3) о взаимодействіи прагматизма и культуры. Первый изъ этихъ вопросовъ разсматривается имъ въ 1-мъ выпускѣ 3-го тома „Основныхъ вопросовъ“, который составляетъ предметъ нашей статьи.

Карфевъ начинаетъ свое изслѣдованіе формулированіемъ понятія прагматической исторіи, которая, по его словамъ, „есть совокупность отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, относящихся одни къ другимъ, какъ причины и слѣдствія“ (17 с.). Не всѣ, однако, человѣческіе поступки имѣютъ историческое значеніе; большинство дѣйствій отдѣльныхъ лицъ совершенно безцѣнно для исторіи, но отдѣльные поступки, какъ элементы историческихъ событій и движеній, будучи даже однородными, не представляютъ изъ себя равныхъ величинъ, а часто являются величинами несоизмѣримыми, такъ какъ могутъ принадлежать къ совершенно различнымъ категоріямъ дѣйствій тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ личностей“ (19 с.). Отсюда ясно, что задача прагматической исторіи состоитъ въ изученіи взаимнаго вліянія, дѣйствій людей другъ на друга, различныхъ въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Разныя попытки въ разрѣшеніи этой задачи сводились издавна къ дѣйствию въ исторіи одной исключительной личности, противопоставленной обществу, къ вопросу о томъ, кто дѣйствуетъ въ исторіи, великіе люди, герои или же народныя массы, толпа, увлекаютъ ли первые послѣднюю, какъ бездѣтельную, инертную массу, или ихъ самихъ, какъ безсильныхъ единицъ, влечетъ за собой эта послѣдняя? Въ раннюю эпоху возникновенія обществъ воображеніе современниковъ поражали преимущественно индивидуальныя дѣянія, выросавшія въ памяти потомства до героическихъ размѣровъ. Кромѣ того, наивная вѣра раннихъ временъ приурочивала къ отдѣльнымъ личностямъ происхожденіе государства, религіи, письма и т. п.. Отсюда понятно, почему ранняя исторіографія занималась только героями и не различала отдѣльныхъ личностей въ яко бы совершенно однородной толпѣ. Перемѣна въ воззрѣніяхъ историковъ наступила лишь тогда, когда поняли, что исторія должна (быть исторіей не отдѣльныхъ личностей, а коллективныхъ

существовъ, — народовъ, когда массы были признаны также силой, дѣйствующей въ исторіи, которая теперь была противопоставлена силѣ великихъ людей, непотерявшихъ, впрочемъ, своего прежняго положенія внѣ массы (22 с.). Не смотря, однако, на всю важность вопроса о роли личности въ прагматической исторіи, онъ слабо разработанъ въ научной (исторической) литературѣ. Изъ сочиненій, относящихся спеціально къ вопросу, Карѣвъ беретъ, прежде всего, книгу знаменитаго англійскаго историка, Т. Карлейля: „О герояхъ, культѣ героевъ и героическомъ въ исторіи“ и сравниваетъ, изложенные здѣсь, взгляды Карлейля съ философско-историческими разсужденіями графа Л. Н. Толстаго въ „Войнѣ и мирѣ“.

Воззрѣнія Карлейля на роль личности въ исторіи диаметрально противоположны взглядамъ графа Толстаго на этотъ вопросъ: теорія Карлейля — запоздалое провозглашеніе „культа героевъ“, между тѣмъ какъ историческая философія графа Толстаго отличается полнымъ игнорированіемъ индивидуальнаго элемента въ историческихъ событіяхъ, которыя разсматриваются имъ только, какъ результатъ дѣятельности массы. По мнѣнію Карлейля, „всемірная исторія, исторія того, что человекъ совершилъ въ этомъ мірѣ, есть въсущности исторія, біографія великихъ людей, трудившихся на землѣ и явившихся въ мірѣ, какъ посланники изъ нѣдръ безконечнаго неизвѣстнаго“. Великій человекъ — живой источникъ свѣта, героическаго мужества и благородства, въ сіяніи котораго всѣ души чувствуютъ себя такъ хорошо (27—31 с.). Карлейль принимаетъ шесть категорій великихъ людей (божество, пророкъ, поэтъ, священникъ, писатель и царь). Но доходя до обоготворенія великихъ людей, Карлейль не доказываетъ основныхъ пунктовъ своей исторической теоріи. Самая классификація героевъ произвольна, сбивчива и неполна, также какъ отрывочны и бездоказательны и его замѣчанія объ отличительныхъ свойствахъ великихъ людей. Вопросъ о дѣйствиіи великихъ людей на массу остается у Карлейля мало затронутымъ и неразработаннымъ и вся его книга есть только, такъ-называемое, „переживаніе“ древнихъ вѣрованій

(36 с.). Въ противоположность Карлейлю графъ Толстой проповѣдуетъ культъ „роевой силы“ массъ, дѣйствующей въ исторіи въ то время, какъ герои являются только „ярлыками событій“. Въ „Войнѣ и мирѣ“ Толстой, говоритъ Карѣевъ, справился вполне съ психической стороной дѣйствія исторіи на человека, проникъ въ самую глубь взаимодѣйствія между личностью и исторіей, которое составляетъ суть процесса движущейся общественной жизни. Но въ тоже время онъ игнорируетъ другую, не менѣе важную сторону историческихъ событій, соціологическую сторону исторіи, вліяніе формъ общественной жизни на полноту, свободу и благополучіе человѣческой личности. Измѣненіе культурно-соціальныхъ формъ, преобразованія въ общественной жизни есть, по словамъ Толстого, дѣло, безразличное для индивидуальной жизни. Графъ Толстой рѣшительно заявляетъ, что сознательное стремленіе къ общему благу путемъ преобразованія соціальныхъ формъ даже невозможно: „только одна бессознательная дѣятельность, говоритъ онъ, приноситъ плоды; и человекъ, играющій роль въ историческомъ событіи, никогда не понимаетъ его значенія“ (42 с.). Такимъ образомъ, каждый человекъ въ исторической жизни есть, по взгляду Толстого, бессознательное, несвободное орудіе чего-то роковаго, исполняетъ, предписанные ему, законы, однимъ словомъ, дѣйствуетъ фатально. Движущая сила исторіи, какъ причина движенія, заключается, по мысли Толстого, въ суммѣ произволовъ всѣхъ людей безъ исключенія, а послѣдняя въ данный моментъ такова потому, что при данныхъ же обстоятельствахъ иная комбинація немыслима. „Роевая сила“ массы исключаетъ всякую инициативу отдѣльной личности, сила вещей или рока—законъ, всецѣло подчиняющій себѣ человека и не позволяющій ему вносить въ историческое движеніе ничто свое. Такимъ образомъ, исторія въ глазахъ Толстого есть только массовое движеніе, совершающееся роковымъ образомъ, причемъ великіе люди являются у него лишенными собственной воли, слѣпыми орудіями рока, „ярлыками событій“.

Въ этой исторической теоріи графа Толстого Карѣевъ видитъ реакцію противъ взглядовъ на личность, какъ единствен-

ный и самостоятельный факторъ исторіи, парализующій совершенно всякое значеніе народныхъ массъ въ историческихъ событіяхъ. Но Толстой, замѣчаетъ Карѣевъ, зашелъ слишкомъ далеко въ приниженіи исторической роли личности и въ преувеличеніи „роевой силы“ массы въ общественной жизни, возведши въ законъ стихійный ходъ исторіи (46 с.). Сравненіе историческихъ дѣятелей съ ярлыками событій и бурлящими струями въ историческомъ теченіи, по которому плыветъ корабль исторіи, направляемый массой, дѣлаетъ ихъ общественную дѣятельность призрачной, излишней въ исторіи. Великіе люди перестаютъ у Толстого быть не только полубогами и героями, но даже и обыкновенными людьми, такъ какъ они исключаются изъ числа „всѣхъ“, творящихъ исторію, и превращаются въ какихъ-то призраковъ въ человѣческомъ образѣ (49 с.). Толстой совершенно устраняетъ изъ исторіи сознательныя дѣйствія людей, сознательное ихъ отношеніе къ окружающему, возможность борьбы съ нимъ. Онъ не признаетъ у человѣка свободы воли, относительной отъ дѣйствующихъ въ исторіи, силъ, которыя могутъ смѣняться другими силами. Въ исторіи ведется борьба между несвободой, въ какой удерживаетъ волю рутина, пассивное подчиненіе образовавшемуся теченію, и свободой, выражающейся въ личной инициативѣ, въ самостоятельномъ отношеніи къ данному ходу событій. Графъ Толстой не видитъ этой борьбы, къ которой сводится вся общественная дѣятельность, какъ стремленіе личности къ самостоятельному вмѣшательству въ стихійный процессъ исторіи (53 с.).

Въ заключеніе изложенія взглядовъ Карлейля и графа Толстого на роль личности въ исторіи Карѣевъ дѣлаетъ еще два общихъ замѣчанія, упрекаетъ ихъ обоихъ въ субъективномъ отношеніи къ вопросу, а также и въ томъ, что ни Карлейль, ни Толстой не обратили вниманія на дѣйствіе героя на толпу, изученіе котораго должно лечь въ основу общаго опредѣленія личности въ исторіи. Истина, замѣчаетъ Карѣевъ, въ срединѣ между двумя крайними взглядами Карлейля и Толстого, въ высшей степени односторонними (57 с.). Эта односторонность и

крайность во взглядахъ двухъ указанныхъ писателей теряютъ, однако, свой рѣзкій характеръ, если мы припомнимъ послѣдующее, позднѣйшее, существенное видоизмѣненіе въ основныхъ воззрѣніяхъ Толстого на роль личности въ общественной жизни, которое они получили въ его моральной системѣ. Здѣсь личность у Толстого является уже энергичнымъ и дѣятельнымъ факторомъ въ средѣ нравственной жизни, которая составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ въ общественномъ организмѣ и оказываетъ сильное вліяніе на ходъ главнѣйшихъ историческихъ событій. Причину такого радикальнаго измѣненія во взглядахъ Толстого и ихъ рѣзкаго противорѣчія другъ другу нужно искать въ особенныхъ обстоятельствахъ личной его жизни. Первоначальное, высказанное Толстымъ въ „Войнѣ и мирѣ“, мнѣніе о „роевой силѣ“ массъ и ничтожномъ значеніи личности въ исторіи имѣло свой корень въ юношескомъ его увлеченіи новѣйшимъ, позитивнымъ направленіемъ въ наукѣ, подчиняющимъ, какъ извѣстно, въполнѣ дѣятельность отдѣльнаго лица роковымъ, міровымъ законамъ. Когда же для Толстого миновала пора увлеченія позитивизмомъ и наступило время полного разочарованія и мучительнаго сомнѣнія въ наукѣ, искусствѣ и остальныхъ благахъ современной цивилизаціи, онъ естественно отрѣшился и отъ своего прежняго историческаго взгляда и сталъ на другую противоположную точку зрѣнія, которую нельзя терять изъ виду при оцѣнкѣ вообще воззрѣній Толстого на роль личности въ исторіи.

Съ другой стороны, едва ли можно назвать историческую теорію Карлейля „переживаніемъ древнихъ вѣрованій“: въ примитивную эпоху общественной жизни человѣческая личность не имѣла никакого значенія, вся ея дѣятельность, жизнь и смерть каждого зависѣли и опредѣлялись безусловно обществомъ—государствомъ, ради цѣлей котораго человѣкъ только и жилъ тогда. Всѣ взаимныя отношенія между людьми въ первобытной жизни общества регулировались исключительно одними общинно-родовыми началами и другими условіями примитивнаго быта, изъ которыхъ вытекалъ не культъ живыхъ (героевъ), а—мертвыхъ

(предковъ). Конечно, нельзя отвергать, что и въ примитивной жизни начинается возникать идея отдѣльной личности, какъ необходимаго соціального фактора: отдѣльные лица и здѣсь уже начинаютъ выдаваться изъ среды остальныхъ, толпы какими-либо личными качествами (физической силой, умомъ, различными нравственными качествами и проч.) и потому становятся предметомъ почитанія со стороны современниковъ при своей жизни и еще болѣе по смерти. Но подобныхъ, выдающихся чѣмъ-либо, лицъ было слишкомъ мало въ первые моменты жизни общества, интересы котораго всецѣло преобладали тогда надъ интересами личности. Самое почитаніе тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ лицъ и приуроченіе къ нимъ важнѣйшихъ событій въ примитивной жизни вытекало здѣсь скорѣе изъ міеологическаго взгляда на такихъ людей, какъ только на представителей божества или его воплощеніе на землѣ, нежели необыкновенныхъ людей (героевъ) и нисколько не ослабляло фактическаго преобладанія общества надъ личностью во всѣхъ сферахъ соціальной жизни. Вотъ эта-то характерная черта первоначальнаго общественнаго устройства и исключала возможность всесторонняго развитія въ примитивномъ быту мысли о „герояхъ“, какъ необыкновенныхъ людяхъ, которые одни только создаютъ общество и являются единственнымъ факторомъ и во всемъ послѣдующемъ его развитіи. Теорія „культа героевъ“ могла только возникнуть въ первобытномъ обществѣ, благодаря отдѣльнымъ примѣрамъ, особенымъ личнымъ качествамъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя они проявляли въ роли родоначальниковъ, предводителей племени, жрецовъ и т. д.. Но культъ героевъ *развился* лишь въ новѣйшую эпоху европейской исторіи, когда, вслѣдствіе цѣлаго ряда благоприятныхъ обстоятельствъ ¹⁾, человѣческая личность дѣйствительно становится центромъ всей общественной жизни, отдѣльные

---

¹⁾ Напр., вліянія на исторію общества христіанства, германцевъ, различныхъ событій новѣйшей исторіи, поднявшихъ уровень умственной, нравственной и экономической жизни европейскаго общества и др...

лица и на самомъ дѣлѣ стали оказывать сильное, а подчасъ и исключительное вліяніе на образованіе общества и его дальнѣйшее развитіе, когда, однимъ слоеомъ, индивидуализмъ сдѣлался даже основнымъ принципомъ и базисомъ сначала умственной жизни общества (въ раціоналистическомъ направленіи философіи, школѣ естественнаго права, экономической школѣ Адама Смита и проч.), а потомъ и всѣхъ общественныхъ событій и соціальныхъ движеній. Въ эту-то продолжительную эпоху необычайнаго въ исторіи развитія идеи человѣческой личности и ея свободы (XV—XVIII и въ началѣ XIX ст.) культъ героев долженъ былъ явиться естественнымъ, логическимъ результатомъ фактическаго положенія вещей и стать руководящимъ взглядомъ въ вопросѣ о причинахъ историческихъ событій. И только позже, когда крайности развитія индивидуалистическаго принципа въ теоріи и практикѣ вызвали противоположное теченіе идей, выразившееся въ позитивномъ направленіи общественной и исторической науки, этотъ принципъ сталъ казаться и дѣйствительно сдѣлался какимъ-то анахронизмомъ въ глазахъ историковъ — представителей позитивной школы. Эту истину сознаетъ, между прочимъ, и Карлейль, утверждавшій въ духѣ индивидуализма, что „великіе люди достойны нашего удивленія“ и въ тоже время замѣтившій, что это его поклоненіе героямъ „считается въ наши дни вещью, совершенно исчезнувшею“.

Въ 3-й главѣ своего сочиненія Карѣвъ останавливается опять на двухъ противоположныхъ взглядахъ на роль личности въ исторіи, которые принадлежатъ уже не такимъ диллетантамъ исторической философіи, какъ Карлейль и графъ Толстой, а специалистамъ — соціологамъ: Г. Спенсеру и Миртову. Контрастъ воззрѣній этихъ послѣднихъ находится въ связи съ противоположными въ исторіи теоріями объ обществѣ и государствѣ, съ различнымъ пониманіемъ отношеній между индивидуумомъ и обществомъ или государствомъ, которое отражается и на пониманіи взаимныхъ отношеній между личностью и обществомъ. Гербертъ Спенсеръ является въ наше время главнымъ представителемъ органической теоріи общества, унодобляющей общество физич.

организму и отрицающей самостоятельное значеніе личности въ общественной жизни. Личность по этой теоріи играетъ чисто пассивную роль въ безличной эволюціи общества, которое измѣняется само собою, помимо желаній и дѣятельности личностей (62 с.). Спенсеръ объясняетъ появленіе теоріи великихъ людей въ исторіи изъ охотничьихъ разсказовъ дикарей о подвигахъ предводителей племени, живыхъ или умершихъ. Эта теорія поддерживается въ современномъ обществѣ школьнымъ преподаваніемъ исторіи, всеобщею любовью къ личности и понятіями и привычками менѣе развитой части, большинства общества. Вопреки этой теоріи о великихъ людяхъ, cadaго изъ нихъ должно ставить на ряду съ остальными общественными явленіями. Великій человекъ является, подобно языку, знанію, обычаямъ, искусству, ремесламъ и общественнымъ учрежденіямъ, результатамъ громадной агрегаціи силъ, дѣйствовавшихъ совместно въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ. Происхожденіе его зависитъ отъ длиннаго ряда сложныхъ вліяній, произведшихъ ту расу, среди которой онъ появляется и то соціальное состояніе, до котораго эта раса дошла медленнымъ путемъ. Прежде, чѣмъ онъ передѣлаетъ общество, это послѣднее должно произвести его самого, такъ что всѣ измѣненія, ближайшимъ началомъ которыхъ считается онъ, произведены, главнымъ образомъ, тѣми поколѣніями, отъ которыхъ онъ самъ происходитъ. Великій человекъ беспіеленъ при отсутствіи матеріальнаго и умственнаго капитала, наслѣдуемаго обществомъ отъ прошедшаго, и при оцѣнкѣ важныхъ измѣненій, вызванныхъ имъ въ обществѣ, необходимо принимать во вниманіе весь, существовавшій до него, громадный запасъ силы, которой онъ даетъ исходъ, и то неизмѣримое количество предшествовавшихъ явленій, благодаря которымъ явились и онъ самъ, и эта сила. Вообще теорія великихъ людей представляется Спенсеру правильной только по отношенію къ древнѣйшимъ временамъ и совершенно невѣрною въ новое время, когда все въ обществѣ дѣлается само собою, безъ всякихъ заботъ со стороны какого-либо короля и законодателя (63—70 с.).

Карѣвъ считаетъ критику Спенсеромъ исторіи великихъ

людей поверхностною и неправильною. „Спенсеръ интересуется, говоритъ онъ, исключительно соціологической стороною исторіи, а исходя изъ понятія общества, какъ саморазвивающагося организма, естественно не придаетъ никакого значенія личнымъ усиліямъ единицъ направлять культурно-соціальныя измѣненія въ ту или другую сторону“. Спенсеръ не противопоставляетъ великаго человѣка массѣ: и отдѣльныя личности, и масса у него одинаково продукты соціальной эволюціи. Онъ, правда, признаетъ возможность измѣненій общества однимъ человѣкомъ, но только отдѣльная личность, по его мнѣнію, безсильна безъ содѣйствія другихъ. Карѣвъ соглашается съ Спенсеромъ, что единицы и массы, какъ и культурно-соціальныя формы въ равной степени продукты исторіи, но онъ считаетъ нужнымъ прибавить, что механизмъ историческаго процесса заключается въ взаимодействіи, антагонизмѣ, въ борьбѣ человѣческой личности и культурно-соціальныхъ формъ, а не въ спокойномъ и ровномъ теченіи общественной жизни. Взглядъ Спенсера на дѣятельность великаго человѣка и народной массы, какъ продуктъ исторіи и моментъ соціальной эволюціи — логическій выводъ изъ, дѣлаемаго имъ, уподобленія исторіи общества развитію индивидуальнаго организма: при такомъ пониманіи сущности историч. процесса дѣйствія личности сливаются въ безличную эволюцію самого общества, какъ единого и цѣльнаго организма. Любимая идея Спенсера — идея невмѣшательства человѣка въ естественный ходъ вещей: исторія дѣлается сама собою и потому великіе люди и народныя массы должны только пассивно исполнять ея велѣнія. Между тѣмъ, замѣчаетъ Карѣвъ, онъ долженъ былъ бы понимать, что исторія дѣлается, все-таки, людьми, и что если они и зависятъ отъ даннаго хода исторіи, то и сами въ то же время извѣстнымъ образомъ направляютъ ея теченіе. Къ этой мысли Спенсеръ и склоняется въ одномъ мѣстѣ своихъ „Основаній соціологіи“, гдѣ онъ говоритъ, что сознаніе присуще не обществу, а отдѣльнымъ лицамъ и что ихъ притязанія только придаютъ смыслъ существованію политическаго агрегата. На органической теоріи Спенсера отразилось, по словамъ Карѣва, влія-

ніе современнаго естествознанія, рассматривающаго самый организмъ, какъ общество; она явилась также и реакціей противъ, господствовавшаго въ прошломъ столѣтіи, взгляда на искусственное и сознательное созданіе общества самими людьми¹⁾. Органическое воззрѣніе на общество внесло въ общественныя науки идею законмѣрности, но, отождествляя историческій процессъ съ органической эволюціей, оно упустило изъ виду важную роль человѣческой личности въ исторіи (71—79 с.).

Къ этимъ замѣчаніямъ Карѣва о взглядахъ Спенсера и вообще органической теоріи общества мы позволимъ себѣ прибавить нѣсколько словъ. Намъ кажется совершенно неправильнымъ взглядъ Спенсера, что теорія великихъ людей вѣрна только по отношенію къ древнѣйшимъ временамъ, такъ какъ она, какъ мы видѣли, развилась гораздо позже вмѣстѣ съ развитіемъ въ обществѣ идеи человѣческой личности. Съ другой стороны, взглядъ Спенсера на великихъ людей и вообще на роль личности въ исторіи противорѣчитъ его же воззрѣнію, что общество состоитъ изъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ единицъ, что оно существуетъ для блага своихъ членовъ, а не наоборотъ,

---

¹⁾ Такому контрасту различныхъ теорій о происхожденіи общества соотвѣтствуетъ, по Карѣву, два разныхъ взгляда на роль человѣч. личности въ культурно-соціальной исторіи, проводимыхъ школой естеств. права (механической) и исторической (органической) — 78 с.. Авторъ обѣщаетъ заняться этими школами при изложеніи вопроса о роли личности въ культурной исторіи, къ которой онѣ относятся, по мнѣнію Карѣва. Но онъ, однако, касается въ 1-мъ выпускѣ воззрѣній органич. и позитивной школы, хотя эти школы еще болѣе затрогиваютъ вопросъ о происхожденіи общества, при-нижаютъ роль личности въ исторіи и относятся къ культурной исторіи (91 с.); нежели школа естеств. права и историческая, вмѣсто которой Карѣвъ ставитъ органическую школу права. Школа естественнаго права прямо утверждаетъ что человѣческая личность — единственный факторъ исторіи общества и потому изученіе ея взглядовъ уместно и въ прагматической исторіи, гдѣ не мѣшаетъ сказать и объ исторической школѣ, которая явилась противоположностью школы естественнаго права и основаніемъ органич. школы.

и, что благосостояніе общества немыслимо внѣ благосостоянія отдѣльныхъ его членовъ¹⁾. Мы видѣли также, что органическая теорія общества представляетъ собою попытку примиренія крайностей въ воззрѣніяхъ школы естественнаго права и исторической, и что она признаетъ равное участіе въ образованіи общества человѣческой личности и соціальныхъ формъ, а не однѣхъ только этихъ послѣднихъ, какъ утверждаетъ Карѣвъ. Поэтому между органическимъ и позитивнымъ направленіемъ въ общественной наукѣ есть опредѣленное различіе, которое сводится къ отрицанію послѣднимъ самостоятельнаго участія личности въ общественной жизни. Наконецъ, идея законмѣрности общественныхъ явленій провозглашена впервые исторической школой и была уже развита далѣе органической.

Полнымъ контрастомъ взглядамъ Спенсера на сущность историческаго процесса представляется историко-философское воззрѣніе Миртова²⁾, который ставитъ цѣлью историческаго прогресса „развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи“. По мнѣнію Миртова, весь прогрессъ человѣчества основывается на личностяхъ, критически мыслящихъ и воплощающихъ свою мысль въ жизни. Задача человѣческаго прогресса въ переработкѣ культуры мыслью личности, которая есть единственный реальный дѣятель прогресса. Народный духъ и опытъ человѣчества есть ничто иное, какъ пониманіе исторіи народа и всего человѣчества тѣми же личностями, критически мыслящими и энергично желающими внести въ настоящее возможно болѣе истины и справедливости. Оцѣнивая эту теорію Миртова, Карѣвъ говоритъ, что ея авторъ рѣшаетъ вопросъ не о томъ, какъ совершается исторія, а — какъ она должна идти и что должны дѣлать въ ней отдѣльные лица. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Миртовъ выражаетъ мысль, что культурно-соціальныя формы измѣняются подъ вліяніемъ идей отдѣльныхъ личностей, которыя

¹⁾ Основанія соціологіи, 2 т., 508 с. и слѣд.,

²⁾ Въ его «Историческихъ письмахъ», появившихся лѣтъ 20 тому назадъ.

соединяются между собою единствомъ убѣжденій, осуществляемыхъ ими въ жизни (83 с.). Въ связи съ этой мыслью Миртова находятсѣ нѣкоторые историческіе взгляды въ разныхъ статьяхъ, появившихся въ одно время съ сочиненіемъ Миртова. Въ одной изъ этихъ статей¹⁾ человѣческое общество сравнивается съ обществѣми животныхъ, въ которыхъ измѣненія совершаются само собою, между тѣмъ какъ въ человѣческомъ обществѣ ихъ производитъ дѣятельность отдѣльныхъ личностей. Въ людяхъ мысли авторъ видитъ спасеніе человѣческихъ обществъ отъ застоя. И въ современномъ европейскомъ обществѣ главная роль принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ. Тѣ же мысли проведены и въ статьѣ г. П. М-ова²⁾, который думаетъ, что реальны въ исторіи одни лишь личности, которыя ее дѣлаютъ; исторія народовъ, государства, мысли и проч. представляетъ лишь идеальныя обобщенія событій, принадлежащихъ къ области біографій отдѣльныхъ лицъ. Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ статьяхъ сдѣлана, замѣчаетъ Карѣевъ, нѣкоторая попытка синтеза противоположностей, выражающихся въ теоріяхъ личнаго дѣйствія и безличной эволюціи въ исторіи. Но эта послѣдняя—только поправка къ первой теоріи: безличная эволюція внѣ дѣятельности людей—только научная фикція (91 с.).

Предметъ слѣдующей (4-й) главы труда Карѣева составляютъ „герои“ и „толпа“, вопросъ о томъ, совершается ли исторія отдѣльными лицами или народными массами, какъ ихъ совокупностью. Карѣевъ интересуется здѣсь психологія индивид. особенностей, создающихъ героевъ, и — тѣхъ массовыхъ движеній, которыя производятся толпой. Первымъ вопросомъ занимается Жюли³⁾, который, однако, изучаетъ великаго человѣка въ самомъ себѣ, безъ отношенія его къ историческимъ движеніямъ. Великій человѣкъ у Жюли управляетъ своимъ временемъ

¹⁾ «Цивилизація и дикія племена» (Отеч. Записки за 1869 г.),

²⁾ «Введеніе въ исторію мысли» (Знаніе за 1873 г.),

³⁾ Въ своемъ сочиненіи: «Психологія великихъ людей» (переведено и на русскій языкъ),

и господствует надъ нимъ, обезпечиваетъ за собой всегда со-
дѣйствіе выдающихся умовъ своей эпохи. Жоли думаетъ также,
что на каждую эпоху общественной жизни приходится не болѣе
одного великаго человѣка. Этотъ взглядъ Жоли, какъ и вообще
рѣзкое выдѣленіе имъ великихъ людей изъ окружающей среды
составляютъ существенный недостатокъ теоріи Жоли: на самомъ
дѣлѣ въ обществѣ существуетъ цѣлая градація человѣческихъ спо-
собностей, отъ высшихъ до самыхъ низшихъ (102 с.). Другой
французскій писатель, *Э. Геннекенъ* считаетъ ¹⁾ факторами
историч. движеній инициативу великихъ людей и подражаніе имъ
массъ. Герой у Геннекена является центромъ, притягивающимъ
къ себѣ группы людей въ силу ихъ внутренняго родства съ
нимъ. Подобно Жоли, Геннекенъ отстаиваетъ теорію великихъ
людей въ болѣе мягкой ея формѣ и, такимъ образомъ, является
исключеніемъ изъ современныхъ историковъ, обыкновенно игно-
рирующихъ индивидуальный элементъ въ исторіи. Не смотря на
это, *Луи Бурдо* обвиняетъ историковъ въ чрезмѣрномъ покло-
неніи великимъ людямъ и настаиваетъ на необходимости безлич-
наго и общаго характера исторіи ²⁾. Великіе люди не управ-
ляютъ толпою, которая сама толкаетъ и увлекаетъ ихъ; отъ нея
же герои получаютъ свое призваніе, которое состоитъ въ выпол-
неніи соціальной функціи. Великія дѣянія лишь случайно имѣ-
ютъ личный характеръ. Главная личность въ исторіи—толпа без-
вѣстныхъ людей. Великіе же люди только знаменосцы въ мас-
совыхъ движеніяхъ (118 с.). Такимъ образомъ, Бурдо припи-
сываетъ все въ появленіи великихъ людей безошибочному ин-
стинкту народа, хотя обыкновенно такіе люди и употребляютъ
сами большія усилія, чтобы стать великими (121 с.). Вообще
Бурдо только противопоставляетъ героя толпѣ, а не изслѣдуетъ
взаимныхъ отношеній между ними. Психологія толпы изучается
русскимъ публицистомъ—*Н. Михайловскимъ* ³⁾, для котораго
важны не мотивы, двинувшіе героя на подвигъ, а его отношеніе

¹⁾ Въ «Научной критикѣ» (1888 г.),

²⁾ Въ сочиненіи: «Исторія и историки» (1888 г.),

³⁾ Въ статьѣ: «Герои и толпа»,

къ толпѣ, только какъ двигателя. Разныя историческія событія объясняются имъ безсознательнымъ подражаніемъ толпы герою, проявляющемся въ разнообразныхъ формахъ (мимичности, гипнотическихъ явленіяхъ и др.). Толпа въ глазахъ Михайловскаго — *tabula rasa*, на которой каждый встрѣчный можетъ писать, что угодно. Герой — всякій, великій или заурядный, человекъ, увлекающій массу своимъ примѣромъ на хорошее или дурное. Такъ „культъ героевъ“ получаетъ у Михайловскаго другую, своеобразную форму¹⁾. Въ другомъ своемъ сочиненіи²⁾ Михайловскій касается того же вопроса по поводу сочиненій Гальтона, Рамбассона и Ломброзо. Михайловскій находитъ, что изъ стадныхъ инстинктовъ людей можно объяснить лишь распространеніе рабскихъ наклонностей толпы, а не ихъ происхожденіе, какъ это дѣлаетъ Гальтонъ. Отношенія между героемъ и толпою не могутъ быть выяснены и, проводимой Рамбассономъ, теоріей единства и превращенія физическихъ силъ, какъ и закономъ инерціи или неподвижности, консерватизма и дѣятельностью ненормальныхъ личностей (маттоидовъ), которыми Ломброзо хочетъ объяснить всѣ историческія событія.

Разобравши критически всѣ сочиненія по вопросу объ историческихъ факторахъ, Карѣевъ приходитъ къ общему выводу, что самая постановка въ литературѣ вопроса объ единицѣ и массѣ отличается ненаучностью. Этотъ послѣдній фактъ объясняется тѣмъ, что историки, благодаря вытѣсненію изъ науки теоріи великихъ людей позитивнымъ направленіемъ, смѣшали два различныхъ вопроса, чисто критическій „кого слѣдуетъ изображать“ въ исторіи съ теоретическимъ „кто ее производитъ“ (153 с.). Поэтому историки стали изучать только массу, игнорируя личность, которой они противопоставляютъ толпу вопреки дѣйств. фак-

1) Это замѣчаніе Карѣева смѣстѣ съ взглядами Михайловскаго подтверждаетъ наши соображенія о происхожденіи и развитіи культа героевъ, форма которой у Михайловскаго ясно указываетъ на видоизмѣненіе первоначальной теоріи о «герояхъ» въ современномъ обществѣ,

2) Въ «Научныхъ письмахъ»;

тамъ. Обѣ историческіе теоріи, взятые отдѣльно, обобщаютъ лишь факты одного рода, исключаютъ другъ друга, а не дополняютъ, какъ онѣ должны дѣлать въ виду фактическаго взаимодѣйствія между героемъ и толпой. Относительно этого взаимодѣйствія въ прагматической исторіи, согласно ея задачѣ, разсматривается только вопросъ о казуальной связи поступковъ отдѣльныхъ лицъ. Карѣвъ находитъ три формы прагматическаго воздѣйствія людей другъ на друга: индивидуальное взаимодѣйствіе (общая форма), индивидуально-коллективное и чисто коллективное (двѣ частныхъ формы). Последняго рода взаимодѣйствіе составляетъ предметъ „Очерковъ соціологій“ *Гумпловича*, который смотритъ на личность, какъ только на продуктъ общежитія, отдѣльныхъ соціальныхъ группъ. Историческій процессъ совершается самъ собою, но не дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ. Личность, необладающая никакими самостоятельными интересами, не дѣйствуетъ въ исторіи. Весь соціальный міръ движется только общественными группами. Такимъ образомъ, Гумпловичъ отвергаетъ тотъ фактъ, что одна и таже личность можетъ принадлежать одновременно къ различнымъ группамъ, и что она можетъ организовывать и руководить ими (въ качествѣ органовъ власти, ученыхъ и проч.)—178 с..

Въ послѣдней главѣ своей работы Карѣвъ приступаетъ къ самой задачѣ всего труда, разрѣшенію вопроса о роли личности въ прагматической исторіи, для чего онъ предварительно разсматриваетъ вообще вопросъ о причинной связи въ различныхъ общественныхъ наукахъ (философіи, логикѣ, психологіи, юриспруденціи и исторіи). Эта глава не закончена у Карѣва, который не даетъ также и, обѣщанной имъ, еще одной главы (VII), гдѣ должна идти рѣчь о неравенствѣ дѣйствія отдѣльныхъ личностей (183 с.). Знакомство съ этими обѣими главами мы поэтому откладываемъ до появленія 2-го выпуска, за которымъ, вѣроятно, скоро послѣдуетъ и третій выпускъ¹⁾ капитальнаго труда профес-

¹⁾ Второй выпускъ сочиненія Карѣва уже вышелъ въ свѣтъ, но мы не имѣемъ его еще подъ руками.

сора Карѣва, въ которомъ разрѣшается важнѣйшій вопросъ въ общественной наукѣ, — вопросъ объ отношеніи человѣческой личности къ обществу.

В. Щегловъ

Dr. Aschrott. Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstrafen.
Hamburg 1889. s. 1—59.

Dr. Appelius. Die bedingte Verurtheilung und die anderen Ersatzmittel für kurzzeitige Freiheitsstrafen.
Cassel 1890. s. 1—118.

Dr. Adolf Wach. Die Reform der Freiheitsstrafe.
Leipzig 1890. s. 1—81.

Arnoldi. Verbrechen und Strafe. Zur Reform der Strafrechtspflege Berlin 1890. s. 1—51.

Въ германской уголовно-правовой литературѣ, особенно за послѣдніе два года, замѣчается усиленное движеніе по вопросу о реформѣ господствующей карательной системы. Центральнымъ узломъ послѣдней является, какъ извѣстно, лишеніе свободы въ разнообразныхъ его формахъ и чаще всего (при практическомъ примѣненіи) въ формѣ краткосрочнаго тюремнаго заключенія. Между тѣмъ уголовная статистика, отмѣчая постоянное возростаніе рецидива преступленій, успѣла наглядно показать, что краткосрочное лишеніе свободы, какъ мѣра борьбы съ преступленіемъ, не только бесполезно, но и положительно вредно. Бесполезно потому, что не можетъ никого ни серьезно утратить, ни тѣмъ болѣе исправить, вредно потому, что изъ случайныхъ нарушителей закона вырабатываетъ преступниковъ по ремеслу. Въ виду этихъ данныхъ, и въ литературѣ, и въ законодательныхъ сферахъ давно уже поставленъ былъ на очередь вопросъ о реорганизациіи карательной системы и въ частности о замѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы иными карательными мѣрами одинаковаго съ нимъ значенія. Въ Германіи инициатива движенія, открывшагося въ указанной области за послѣднее время, всецѣло принадлежитъ одному изъ ея выдающихся криминалистовъ бывшему Марбургскому, а нынѣ Галлевскому профессору Францу

фонъ Листу. Ближайшимъ поводомъ къ усиленной разработкѣ вопросовъ о реформѣ наказаній послужили здѣсь прежде всего занятія и отчеты международного союза криминалистовъ (*l'union internationale de droit pénal*), основаннаго (съ 1 янв. 1889 г.) Листомъ совместно съ двумя другими профессорами: Амстердамскимъ Ванъ-Гамелемъ и Брюссельскимъ А. Принсомъ. На первомъ-же годовомъ собраніи союза, состоявшемся 7 авг. 1889 года въ Брюсселѣ, были сдѣланы доклады и происходили пренія по вопросу о мѣрахъ ограниченія краткосрочнаго лишенія свободы и, въ частности, о такъ называемомъ условномъ осужденіи (*la condamnation conditionnelle*). Рядомъ съ этимъ особенное вниманіе въ Германіи возбудила и рѣшающее значеніе имѣла обширная (хотя и не оконченная еще) ¹⁾ статья проф. Листа, появившаяся въ томъ-же 1889 году на страницахъ издаваемого имъ журнала „*Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft*“ подъ заглавіемъ: „*Kriminalpolitische Aufgaben*“ ²⁾. Въ этой статьѣ, представляющей своего рода *profession de foi* автора, Листъ выступаетъ съ критикой современной нѣмецкой карательной системы, требуетъ полной ея реорганизациі и между прочимъ, въ замѣнъ краткосрочнаго лишенія свободы, рекомендуетъ цѣлый рядъ мѣръ (денежный штрафъ, опредѣляемый сообразно высотѣ подоходнаго налога, принудительныя работы безъ заключенія) и на первомъ планѣ введеніе, по примѣру Бельгіи, института условнаго осужденія.

Съ момента появленія названной статьи и отчетовъ о засѣданіяхъ союза и начинается въ Германіи оживленная разработка вопросовъ о наилучшей организаціи карательной системы; причемъ главное вниманіе посвящается условному осужденію, которое образуетъ настоящую злобу дня. Не говоря уже о спеціальныхъ журналахъ и монографической литературѣ, даже и ежедневная пресса охотно открываетъ свои столбцы для его обсужденія ³⁾, а въ послѣднее время и официальные сферы (именно:

¹⁾ По недавнему заявленію самого автора. См. Z. B. X s. 683.

²⁾ См. Z. B. IX s. 452—498; 737—782; B. X. s. 51—83.

³⁾ Въ замѣткѣ, помѣщенной въ *Nationalzeitung* 20 Juni 1889,

прусское министерство юстиціи) начинают обращать на него вниманіе, дѣлая по этому поводу запросы магистратурѣ¹⁾.

Въ настоящемъ библиографическомъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду дать отчетъ о нѣсколькихъ произведеніяхъ, обязанныхъ своимъ появленіемъ вышеуказанному движенію научной мысли.

Первая изъ названныхъ въ заголовкѣ брошюръ принадлежитъ перу Берлинскаго участковаго судьи Ашротта, извѣстнаго въ уголовной литературѣ изслѣдованіями современныхъ сѣверо-американскихъ и англійскихъ карательныхъ учрежденій.

Ашроттъ начинаетъ свое изложеніе указаніемъ на общепризнанную несостоятельность краткосрочнаго лишенія свободы, какъ мѣры уголовной репрессіи. Констатированіе этого факта въ свою очередь приводитъ къ заключенію о полной несостоятельности и всей вообще современной германской карательной системы, такъ какъ краткосрочное лишеніе свободы, при практическомъ примѣненіи ея, занимаетъ первое мѣсто: давая, напр., въ 1886 году, на 100 осужденій 64,48⁰/₁₀₀. Причины такого частаго примѣненія данной мѣры наказанія Ашроттъ усматриваетъ во 1-хъ въ слишкомъ неуклонномъ слѣдованіи германской прокуратуры въ обвинительной дѣятельности своей принципу законности (Legitimationsprinzip) и во 2-хъ въ стѣсненіи судейскаго усмотрѣнія при выборѣ наказанія, влѣдствіе чего судья приходится, по требованію самого закона, чаще всего назначать именно краткосрочное лишеніе свободы.

Для устраненія указанныхъ недостатковъ необходима законодательная реформа, которая должна состоять, съ одной стороны, въ реорганизаціи денежныхъ взысканій, а съ другой—

Бернеръ между прочимъ говоритъ: «Wir sind überzeugt, diese bedingte Verurtheilung ist in unserer Frage das Wort der Zeit. Wie die bedingte Freilassung, so wird sie siegreich ihre Reise um die Welt machen». (Aschrott, Ersatz kurzzeitiger Freiheitsstr. s. 41).

¹⁾ Z. B. X. s. 666 f.

въ созданіи новыхъ карательныхъ средствъ, годныхъ замѣнить собою краткосрочное лишеніе свободы. Эти средства — залогъ и условное осужденіе.

Существующая система денежныхъ наказаній не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, главнымъ образомъ вслѣдствіе своей неуравнительности. Неуравнительна-же она прежде всего потому, что законъ не опредѣляетъ общаго максимальнаго размѣра денежнаго штрафа и такимъ образомъ лишаетъ судью возможности сообразовать высоту его съ имущественною состоятельностью наказываемаго. Затѣмъ, тотъ-же законъ предписываетъ ему на случай несостоятельности замѣнять денежный штрафъ лишеніемъ свободы, и при этомъ напередъ и разъ навсегда таксируетъ ихъ количественное соотношеніе, признавая 1 день заключенія равнымъ при нарушеніяхъ 1—15 марокъ, при проступкахъ 3—15 марокъ. Последнее обстоятельство вызываетъ обыкновенно двойное послѣдствіе: во 1-хъ ставитъ судью въ необходимость понижать размѣры назначаемого имъ денежнаго штрафа исключительно только въ виду возможной замѣны его лишеніемъ свободы и во 2-хъ очень часто побуждаетъ его всѣмъ безъ различія виновнымъ, т. е. и состоятельнымъ и малоимущимъ, прямо назначать (минуя денежный штрафъ) краткосрочное лишеніе свободы. Лицамъ состоятельнымъ — на томъ основаніи, что соответствующій денежный штрафъ для нихъ вовсе не наказаніе, а малоимущимъ, наоборотъ, въ виду полной безнадёжности на его полученіе, тѣмъ болѣе что и сами они, даже при несомнѣнной возможности уплатить пеню, чаще всего предпочитаютъ „отсидѣть“ ее (abzusitzen или, какъ выражается Ашроттъ, abzufaulen).

Предлагаемая Ашроттомъ реорганизація разбираемаго наказанія сводится къ слѣдующему.

Денежный штрафъ слѣдуетъ назначать сообразно высотѣ платимаго лицомъ подоходнаго налога (Klassen-Einkommen Steuer), принимая за единицу измѣренія мѣсячный размѣръ послѣдняго. Для тѣхъ разрядовъ населенія, которые совсѣмъ не подлежатъ налогу или избавлены отъ уплаты его, необходимо установить

особую минимальную мѣсячную норму штрафа. Судья въ своемъ приговорѣ долженъ обозначать не только величину штрафа, но также начальный и предѣльный сроки его уплаты, допуская, такимъ образомъ, частную, постепенную уплату. Самое взысканіе наложенныхъ по приговору суда денежныхъ штрафовъ слѣдуетъ возложить на обязанность тѣхъ-же лицъ, которыя взимаютъ и налоги, т. е. на обязанность сборщиковъ.

Главная выгода проектируемой реформы очевидна: она создаетъ для судьи возможность соразмѣрять тяжесть налагаемаго имъ наказанія съ имущественной состоятельностью виновнаго.

Но, вѣдь, это только одна сторона проблемы. Другая, и едва-ли не болѣе важная, состоитъ въ томъ, чтобы, практикуя денежные взысканія, въ тоже время вполне устранить необходимость примѣненія краткосрочнаго лишенія свободы, какъ наказанія субститутивнаго; а для этого, очевидно, необходимо найти на его мѣсто какое-либо иное средство замѣны денежныхъ штрафовъ въ случаяхъ оказавшейся несостоятельности виновныхъ.

Такое средство — *принудительныя работы безъ заключенія*, введенныя закономъ 15 апрѣля 1878 года въ Пруссіи при такъ назыв. „Forstdiebstälen“.

Цѣль ихъ — заставить несостоятельнаго виновнаго отработать наложенный на него денежный штрафъ; ихъ достоинство въ томъ, что они не отрываютъ человѣка отъ его семьи и не приучаютъ его къ праздности.

Возраженіе, что для нѣкоторыхъ лицъ трудно найти подходящія работы, какъ напр., для врачей, учителей, чиновниковъ и т. под., Ашроттъ считаетъ не убѣдительнымъ. По его мнѣнію, при реорганизаціи денежныхъ наказаній на началахъ имъ указанныхъ, случаи несостоятельности къ уплатѣ наложенной пени у лицъ названныхъ категорій будутъ несомнѣнно крайне рѣдки; а съ другой стороны, виновный „отнюдь не имѣетъ права домогаться для себя наиболѣе пріятнаго и удобнаго способа отработыванья, и нисколько не повредить мелкому ремесленнику или даже писцу — разъ они дѣйствительно не въ состояніи даже и по частямъ уплатить денежной пени — если имъ

придется денька два поколоть дрова“ (стр. 14).

Что касается двухъ другихъ средствъ замѣны краткосрочнаго лишенія свободы: залога и условнаго осужденія, то общая ихъ черта — это ихъ полицейскій характеръ. Но, замѣчаетъ Ашроттъ, по моему мнѣнію наказанія въ собственномъ смыслѣ слова должны имѣть мѣсто лишь тогда и постольку, поскольку и когда они безусловно необходимы для защиты правопорядка; при маловажныхъ колебаніяхъ (Gefährdungen) правопорядка заслуживаютъ предпочтенія аналогичныя наказанію мѣры (Strafähnliche Massregeln), менѣе убыточныя какъ для осужденнаго, такъ и для общества“ (стр. 16).

И залогъ, и условное осужденіе имѣютъ уже въ нѣкоторыхъ государствахъ практическое примѣненіе.

Историческое развитіе залога всего нагляднѣе выступаетъ въ правѣ англійскомъ. Какъ мѣра полицейская, онъ извѣстенъ здѣсь съ давнихъ поръ. Издавна мировой судья, въ качествѣ хранителя мира, имѣлъ право устанавливать залогъ для лицъ, оказавшихся почему-либо опасными для этого мира (surety или recognizances for the peace и for good behaviour). Установленіе залога совершалось въ формѣ долговой записи на имя короля или королевы въ опредѣленной суммѣ и на опредѣленный срокъ (обыкновенно 12 мѣсячный), причемъ, кромѣ подписи виновнаго, требовались также поручительныя подписи и нѣсколькихъ (обыкновенно 2-хъ) его согражданъ. Въ 1861 году, при консолидаціи нѣкоторыхъ уголовныхъ законовъ, залогъ получаетъ въ нихъ новое значеніе — значеніе добавочнаго наказанія (къ тюремѣ и денежнымъ штрафамъ), и кромѣ того облегчается и самое примѣненіе его, такъ какъ судья дается право обязывать имъ исключительно одного обвиняемаго. Этимъ создается для массы случаевъ возможность замѣны краткосрочнаго тюремнаго заключенія денежнымъ наказаніемъ, назначаемымъ совмѣстно съ залогомъ.

Отъ залога въ послѣдней формѣ оставалось сдѣлать только одинъ шагъ къ тому, чтобы ввести институтъ условнаго осужденія. Этотъ шагъ и былъ сдѣланъ въ Англіи въ 1887 году

изданиѣмъ такъ назыв. Probation of first offenders act'a, обязаннаго своимъ происхожденіемъ инициативѣ бывшаго шефа лондонской сыскной полиціи, Говарда Винцента. Названный актъ даетъ судѣ право, соображаясь съ обстоятельствами дѣла, съ характеромъ, возрастомъ и прошлымъ поведеніемъ обвиняемаго, постановить приговоръ объ условномъ освобожденіи его отъ наказанія по взятіи съ него письменной залоговой записи въ томъ, что онъ въ теченіи опредѣленнаго судьей испытательнаго срока будетъ сохранять миръ и хорошо вести себя. Для примѣненія акта необходимы только два условія: 1., чтобы виновный былъ осужденъ (convicted of) впервые и 2., чтобы совершенное имъ преступленіе каралось не свыше 2-хъ лѣтняго тюремнаго заключенія.

Гораздо раньше, чѣмъ въ Англіи, система условнаго осужденія возникла и практиковалась въ Америкѣ, въ штатѣ Массачузетсѣ (первоначально для дѣтей, а съ 1878—80 г. также и для взрослыхъ). Въ бытность свою въ Америкѣ Ашроттъ имѣлъ случай лично ознакомиться съ примѣненіемъ ея въ главномъ городѣ этого штата — Бостонѣ. Сущность американской probation system, въ отличіе отъ англійской, сводится къ тому, что вмѣсто залога здѣсь установленъ родъ полицейскаго надзора со стороны особаго выборнаго чиновника (probation officer), который является предъ судьей какъ-бы формальнымъ поручителемъ за обвиняемаго и что для примѣненія этой системы не имѣетъ рѣшающаго значенія ни тяжесть наказанія, ни предшествующая судимость лица.

На европейскомъ континентѣ идея условнаго осужденія впервые возникла во Франціи (предложеніе Беранже 1884 г., проектъ Мишо 1885 г., Рейберта 1886 г. проектъ новаго уголовного кодекса); но практическое осуществленіе получила пока только въ Бельгіи (законъ 31 мая 1888 года, изданный по инициативѣ министра юстиціи Лежена). Условія примѣненія бельгійскаго закона слѣдующія: назначаемое судьей наказаніе не должно превышать 6 мѣсяцевъ тюрьмы; за виновнымъ не должно числиться предшествовавшего осужденія за преступленіе или

проступокъ; продолжительность испытательнаго періода опредѣляется по усмотрѣнію судьи, но срокъ его не можетъ быть больше 5 лѣтъ. Разъ испытаніе выдержано, то согласно постановленію закона, „la condamnation sera considerée comme non avenue“, въ отличіе отъ англо-американской системы, гдѣ отпадаетъ только наказаніе, между тѣмъ какъ обвинительный приговоръ самъ по себѣ отнюдь еще не уничтожается.

Въ нѣмецкихъ государствахъ: Австріи и Германіи, пока ограничиваются только проектами. Такъ въ Австріи, по инициативѣ депутата Баретера, проектъ закона объ условномъ осужденіи былъ представленъ министромъ юстиціи гр. Шенборномъ. Условія: наказаніе не болѣе 6 мѣс. тюрьмы; испытательный періодъ 1—3 лѣтъ; дѣйствіе закона предполагается распространять только на лицъ, имѣющихъ осѣдлость, не осужденныхъ ранѣе за преступленіе или проступокъ, не ограниченныхъ въ своихъ гражданскихъ правахъ и не находящихся подъ надзоромъ полиціи. Въ Германіи появились два проекта: 1, директора Плотцензейской тюрьмы Вирта, представленный имъ въ мартѣ 1888 г. прусскому министру юстиціи и 2, проф. Листа. Условія Виртовскаго проекта: виновный долженъ быть малолѣтній, не подвергавшійся ранѣе осужденію, наказаніе не выше 1 мѣсяца, испытательный періодъ отъ 2—3 лѣтъ; факультативно можетъ быть взятъ и залогъ въ суммѣ отъ 10—10,000 марокъ. Условія проекта Листа: наказаніе — тюремное заключеніе, если только оно назначено не въ замѣнъ цухтгауза; необходимое условіе, чтобы виновный не подвергался ранѣе въ своемъ отечествѣ этому наказанію; испытательный періодъ — 3 года; факультативно можетъ быть взятъ залогъ, высота котораго зависитъ отъ усмотрѣнія судьи.

Такова исторія и современное положеніе залога и условнаго осужденія.

Переходя къ оцѣнкѣ ихъ, Ашроттъ по поводу залога (Friedensburgschaft), высказываетъ слѣдующее.

Въ Германіи залогъ долженъ быть введенъ не въ формѣ англійской долговой записи, а въ формѣ дѣйствительнаго вне-

сенія опредѣленной суммы денегъ или самимъ виновнымъ или кѣмъ-либо за него. Въ такомъ видѣ залогъ можетъ назначаться: 1., какъ мѣра добавочная къ наказанію лишеніемъ свободы и денежнымъ штрафомъ; 2., какъ средство замѣны полицейскаго надзора, въ несостоятельности котораго всѣ уже убѣдились и который за послѣднее время назначается въ Германіи въ очень рѣдкихъ случаяхъ (по даннымъ 1887 г. на 100 случаевъ 1,94); 3., какъ средство замѣны — при такъ наз. *Roheitsverbrechen* и притомъ въ связи съ денежнымъ штрафомъ — краткосрочнаго лишенія свободы и, наконецъ, 4., какъ самостоятельная мѣра репрессіи при проступкахъ и нарушеніяхъ во всѣхъ случаяхъ, когда судья, въ виду маловажности вины, найдетъ возможнымъ освободить лицо отъ наказанія.

Вполнѣ удачнымъ нововведеніемъ будетъ несомнѣнно и институтъ условнаго осужденія или, какъ предлагаетъ назвать его Ашроттъ, „*Urtheil mit bedingter Strafe*“.

По мнѣнію Ашротта, условное осужденіе необходимо ввести въ смыслѣ суспензирования и эвентуальнаго погашенія наказанія, а не въ смыслѣ погашенія самого приговора, какъ это устанавливаетъ бельгійскій законъ и требуетъ Листъ. Норма подпадающаго подъ привиллегію закона краткосрочнаго заключенія не должна превышать 1 мѣсяца, иначе народъ потеряетъ довѣріе къ юстиціи. Максимальный размѣръ испытательнаго періода долженъ быть назначенъ: при нарушеніяхъ въ 1 годъ, при проступкахъ въ 3 года; минимальный размѣръ — по благоусмотрѣнію судьи.

Условіемъ непримѣненія наказанія слѣдуетъ поставить хорошее поведеніе виновнаго въ теченіи испытательнаго срока, обязательно требуя отъ него гарантировать выполненіе этого условія внесеніемъ залога или представленіемъ поручительства.

Въ процессуальномъ отношеніи, постановленіе объ условномъ осужденіи должно составлять интегральную часть судебного приговора въ томъ смыслѣ, чтобы и обжалованью оно подлежало только вмѣстѣ съ послѣднимъ. Какъ при выполненіи условій испытанія, такъ и при невыполненіи ихъ послѣдствія должны

быть констатированы особымъ рѣшеніемъ суда.

На основаніи всѣхъ этихъ посылокъ Ашроттъ формулируетъ соотвѣтствующій проектъ закона, состоящій ихъ 4 параграфовъ. Затѣмъ послѣдній отдѣлъ (V) своей работы онъ посвящаетъ бѣглому обзору другихъ средствъ замѣны краткосрочнаго лишенія свободы — выговора (Verweis), тѣлеснаго наказанія (Prügelstrafe), ручнаго труда (Handarbeitssstrafe) и домашняго ареста (Hausarrest).

Ни одной изъ этихъ карательныхъ мѣръ онъ не считаетъ годнымъ средствомъ замѣны: выговоръ плохое средство, потому что онъ на разныхъ лицъ дѣйствуетъ различно; тѣлесное наказаніе пока несимпатично общественному мнѣнію, хотя — по мнѣнію автора — въполнѣ годное средство при всѣхъ Roheitsdelicte; ручной трудъ, въ смыслѣ общей мѣры, средство нецѣлесообразное; домашній-же арестъ представляетъ при его практическомъ примѣненіи непреодолимая трудности.

И такъ, лучшее средство для замѣны краткосрочнаго лишенія свободы — условное осужденіе.

Таково содержаніе небольшого труда Ашротта. Цѣль его, если можно такъ выразиться, декларативная: познакомить читающую публику съ новыми вѣяніями въ области пенологии. Сторонникъ листовскихъ проектовъ — Ашроттъ даже и не пытается отнестись къ нимъ критически, посмотрѣть на нихъ съ общихъ точекъ зрѣнія ученія о преступленіи и наказаніи. Предлагаемыя имъ поправки проектовъ Листа не идутъ дальше частныхъ, а потому и не имѣютъ существеннаго, принципиальнаго значенія.

Вторая брошюра — Апелліуса — отличается отъ первой не только по своему болѣе крупному объему, но также и по характеру. Вопросъ объ условномъ осужденіи трактуется въ ней съ принципиальной точки зрѣнія: ставится въ тѣсную связь съ различными воззрѣніями на существо и цѣли наказанія. Основной элементъ брошюры — критика, содержаніе ея направлено глав-

нымъ образомъ противъ предложеній проф. Листа, вслѣдствіе чего и тонъ ея сплошь и рядомъ переходитъ въ полемическій. Брошюра распадается на пять отдѣловъ: въ первыхъ двухъ (I и II) авторъ подвергаетъ институтъ условнаго осужденія критической оцѣнкѣ съ точки зрѣнія дѣйствующаго германскаго законодательства; въ III отдѣлѣ онъ сходитъ съ почвы догматической, рассматриваетъ вопросъ объ условномъ осужденіи подъ угломъ развиваемой имъ теоріи наказанія, т. е. Schutztheorie, и притомъ рассматриваетъ не изолированно, а въ связи съ другими средствами замѣны краткосрочнаго лишенія свободы. Наконецъ, снова возвращаясь въ двухъ послѣднихъ отдѣлахъ (IV и V) къ дѣйствующей германской карательной системѣ онъ проектируетъ въ ней нѣкоторыя улучшенія, ограничивая впрочемъ рамки своихъ реформаторскихъ предложеній преступленіями лицъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ.

Съ первыхъ-же строкъ своей работы Апеліусъ заявляетъ, что принципиально онъ не противникъ условнаго осужденія; онъ думаетъ только, что при современномъ состояніи „нашей“ юстиціи было-бы неправильно вводить его въ томъ объемѣ, въ какомъ предлагаетъ проф. Листъ (стр. 3). Защитники условнаго осужденія главнымъ образомъ опираются на то, что при немъ въ извѣстныхъ случаяхъ лучше достигаются цѣли наказанія. Но, спрашивается, совпадаютъ-ли цѣли, преслѣдуемыя германскимъ уголовнымъ уложеніемъ, съ тѣми, которыя ставитъ наказанію проф. Листъ: „наказаніе должно устрашить (abschrecken), исправить (bessern) и эвентуально сдѣлать безвреднымъ (unschädlich machen)“? Отнюдь нѣтъ. Основная цѣль наказанія по германскому уложенію — *возмездіе* (Vergeltung für die That), другія-же цѣли: устрашеніе и исправленіе принимаются въ расчетъ лишь постольку, поскольку онѣ фактически достигаются, наряду съ первою, тѣмъ или инымъ наказаніемъ. „При современномъ состояніи законодательства, говоритъ онъ, за каждымъ злодѣяніемъ должно слѣдовать наказаніе и отъ наказанія мы ожидаемъ въ первой линіи только того, чтобы оно было воздаяніемъ за совершенное дѣяніе“. *Исполняя* наказаніе, мы, конечно,

стремимся по возможности также и къ нравственному исправленію преступника, но, въ сравненіи съ первой — эта цѣль отступаетъ на задній планъ (стр. 13).

Разумѣется, что съ точки зрѣнія такой теоріи возмездія условное осужденіе можетъ быть рассматриваемо только какъ актъ помилованія и притомъ помилованія *судейскаго*. Противники его обыкновенно и нападаютъ съ этой стороны: они указываютъ, что совсѣмъ не дѣло судьи миловать. Однако, по мнѣнію Апелліуса, подобное возраженіе не можетъ быть признано неопровержимымъ доводомъ противъ принятія условнаго осужденія. Онъ не видитъ причинъ, почему-бы современному законодателю, допускающему при наложеніи наказаній въ широкихъ размѣрахъ судебскую усмотрѣніе (*Ermessen*), не сдѣлать дальнѣйшаго шага въ томъ-же направленіи и не облечь судью правомочіемъ совсѣмъ исключать въ извѣстныхъ случаяхъ примѣненіе наказанія. Даже и въ настоящее время, говоритъ онъ, такое исключеніе практикуется при болѣзни осужденнаго или, когда примѣненіе наказанія связано для лица съ вредомъ и убытками, лежащими внѣ цѣлей уголовной кары“. Но въ настоящее время указанные факты — явленіе случайное, а между тѣмъ нѣтъ ничего легче создать на ихъ мѣсто общее правило. Для этого слѣдуетъ только дать судѣ право временно суспендировать примѣненіе наказанія во всѣхъ вообще случаяхъ, когда онъ фактически убѣжденъ, что тюремное заключеніе повлечетъ за собою для осужденнаго чрезвычайно невыгодныя послѣдствія въ будущемъ, и что, съ другой стороны, преступленіе было результатомъ аффекта, такъ что повторенія его, при очевидномъ раскаяніи лица, ожидать нельзя. Въ такой формѣ, говоритъ Апелліусъ, условное осужденіе въ концѣ концовъ было-бы лишь расширеніемъ существующихъ постановленій о случаяхъ непримѣненія наказанія. Тогда нельзя было-бы и говорить о томъ, что судья милуетъ; потому что „эвентуальное отпаденіе наказанія являлось бы совершенно независимымъ отъ дѣятельности судьи, по закону наступающимъ послѣдствіемъ правомѣрнаго поведенія осужденнаго,, (стр. 15).

Таковъ, по воззрѣнію Апелліуса, единственный способъ для примиренія условнаго осужденія съ требованіями теоріи возмездія, практикуемой германскимъ законодательствомъ.

Мнѣ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ Апелліусъ, самъ того не замѣчая, дѣлаетъ очень крупный промахъ: смѣшиваетъ въ своихъ разсужденіяхъ двѣ совершенно различныхъ теоріи наказанія. Одна теорія, которую, какъ думаетъ онъ, усвоило германское уголовное уложеніе, кладетъ въ основу свою принципъ возмездія, а осуществленіе всякихъ полезныхъ цѣлей допускаетъ лишь постольку, поскольку онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ первой, т. е., иначе говоря, поскольку онѣ справедливы. Другая, на основаніи которой онъ дѣлаетъ свои построенія о допустимости условнаго осужденія, наоборотъ, справедливость наказанія мѣряетъ полезностью его и такимъ образомъ идею возмездія отодвигаетъ на второй планъ. Съ точки зрѣнія первой теоріи, условное осужденіе, разумѣется, будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ актомъ судейскаго помилованія, и такого вывода нельзя обойти никакими хитросплетеніями; съ точки зрѣнія другой — хитросплетенія и не нужны совсѣмъ, такъ какъ стоитъ только доказать *in concreto* съ одной стороны вредъ примѣненія наказанія, а съ другой — пользу примѣненія условнаго осужденія, чтобы тѣмъ самымъ доказать несправедливость перваго и полную справедливость послѣдняго.

Само собою понятно, что конечный выводъ Апелліуса относительно введенія условнаго осужденія въ систему современнаго германскаго уголовного законодательства былъ-бы совершенно иной, если-бы онъ нѣсколько строже держался своихъ первоначальныхъ посылокъ.

Какъ бы то ни было, принципиальная сторона дѣла рѣшена Апелліусомъ въ смыслѣ утвердительномъ. Въ принципѣ ничто не препятствуетъ введенію условнаго осужденія даже и *stantibus rebus*. Но другой вопросъ — существуетъ-ли въ настоящее время настоятельная и дѣйствительная потребность въ этомъ, иными словами: желательно-ли и цѣлесообразно-ли немедленное введеніе условнаго осужденія и въ состояніи-ли всѣ ожидаемыя отъ него

выгоды покрыть могутія возникнуть противъ сомнѣнія?

На этотъ вопросъ Апелліусъ отвѣчаетъ отрицательно. Онъ согласенъ съ проф. Листомъ въ томъ, что современная организація карательной дѣятельности государства не выдерживаетъ критики; что наказаніе въ разныхъ мѣстахъ исполняется далеко не одинаково; что общее заключеніе, практикуемое за недостаткомъ одиночныхъ камеръ, вредно, особенно для малолѣтнихъ; что нераціонально въ одномъ и томъ-же пенитенціаріѣ смѣшивать два отдѣленія: тюремное и цухтгаузное, — но онъ полагаетъ, что все это еще не можетъ оправдать предлагаемаго Листомъ мѣропріятія. Всѣ указанные недостатки (Übelstände), говоритъ Апелліусъ, могутъ быть, хотя и не вдругъ, устранены. Для этого слѣдуетъ только, во 1-хъ, вычеркнуть совсѣмъ маленькія участковыя тюрьмы изъ списка мѣстъ, предназначенныхъ для отбытія уголовныхъ наказаній, придавъ имъ исключительно лишь характеръ мѣстъ подслѣдственнаго заключенія; во 2-хъ, увеличить общее количество тюремъ въ такой мѣрѣ, чтобы можно было отдѣлить простыхъ преступниковъ отъ рецидивистовъ и малолѣтнихъ отъ взрослыхъ и въ 3-хъ ввести для всѣхъ заключенныхъ трудъ. И какъ только, при посредствѣ этихъ мѣропріятій, будетъ достигнуто такое положеніе вещей, при которомъ заключеніе не будетъ *ухудшать* лицъ поступившихъ въ тюрьму — проектъ Листа потеряетъ подъ собою всякую почву. Въ пользу его остался-бы лишь тотъ доводъ, что краткосрочное лишеніе свободы не можетъ *исправить* виновнаго; но, „наше законодательство и практика, напоминаетъ Апелліусъ, и не признаютъ исправленія *цѣлью* наказанія; государство не можетъ пренебречь наказаніемъ потому только, что примѣненіе его не послужитъ къ исправленію преступника“ (стр. 26). Такимъ образомъ, указаніе на недостатки въ организаціи карательныхъ мѣръ само по себѣ отнюдь еще не предрѣшаетъ вопроса о введеніи условнаго осужденія.

Но, для оцѣнки законопроекта Листа могутъ быть предложены и другія точки зрѣнія.

Прежде всего, не является-ли присужденіе къ лишенію сво-

боды въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрно жестокимъ для при-
сужденнаго, такъ что не слѣдуетъ-ли, въ виду этого, дать судьямъ возможность суспендировать наказаніе? Затѣмъ, не слѣдуетъ-ли рекомендовать введеніе условнаго осужденія въ виду того, что пройдутъ и должны пройти годы прежде чѣмъ состояніе тюремныхъ учрежденій будетъ доведено до такой степени совершенства, когда они перестанутъ производить упомянутое выше ухуждающее дѣйствіе?

Отвѣчая на первый вопросъ, Апелліусъ находитъ, что система наказаній германскаго уложенія вовсе не жестока. Преступнику едва-ли будетъ легче отъ того, что ему суспендируютъ наказаніе, ибо безчеститъ не тюрьма, а преступленіе, — такъ что лицу, совершившему преступленіе, хотя-бы оно и было освобождено отъ наказанія, также трудно найти мѣсто и работу, какъ и отсидѣвшему свой срокъ (стр. 28).

Что касается указанія на продолжительность времени, необходимаго для улучшенія тюремъ, то не смотря на полную справедливость этого, условное осужденіе въ предлагаемой Листомъ формѣ принято быть не можетъ. Ввести его — значило-бы создать не только патентъ на безнаказанность перваго проступка, но и прямой побудъ къ преступленію. „Поэтому, говоритъ Апелліусъ, въ Листовскомъ предложеніи я вижу только опасность для нашей уголовной юстиціи. Разумѣется, опасность эта была-бы значительно меньше, если-бы сѣздить область примѣненія условнаго осужденія, именно, если бы понизить размѣръ наказанія, при которомъ допускается у Листа условное осужденіе, настолько, что-бы изъ сферы его дѣйствія изъяты были проступки (Vergehen).

Помимо всего вышеприведеннаго, Апелліусъ указываетъ еще на слѣдующія отрицательныя стороны разбираемаго имъ законопроекта Листа.

Мѣропріятіе Листа не отвѣчаетъ *народному сознанію*. „Въ Германіи народное сознаніе требуетъ для преступника наказанія, а не въ эвентуальнаго судейскаго прощенія“ (36). Кромѣ того, условное осужденіе можетъ стать въ противорѣчіе съ интересами

потерпѣвшаго, такъ какъ очень часто наказаніе является для послѣдняго единственнымъ средствомъ удовлетворенія. Въ силу этого, введеніе условнаго осужденія можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ увеличеніе въ Германіи количества преступленій изъ чувства мести (стр. 34—38).

Условное осужденіе въ предлагаемой Листомъ формѣ противорѣчитъ извѣстному требованію, чтобы преступленіе и наказаніе находились между собою въ возможно болѣе близкой связи по времени. Время изглаживаетъ все; наказаніе, исполненное чрезъ значительный промежутокъ времени, можетъ оказаться несправедливымъ; между тѣмъ проектъ Листа именно и создаетъ возможность такого явленія для массы случаевъ.

Практическое примѣненіе разбираемаго законопроекта повлечетъ за собою нарушеніе начала равноправности. „Въ Германіи до сихъ поръ твердо держались—въ принципѣ по крайней мѣрѣ—правила, что для всѣхъ должно быть равное право“. Если-же, слѣдуя проекту Листа, примѣненіе *in concreto* условнаго осужденія, обусловить залогомъ, то этимъ будетъ создана монополія безнаказанности для богатыхъ, тогда какъ бѣднымъ придется всегда отбывать наказаніе (стр. 42—48).

Проектъ слишкомъ широко открываетъ двери судейскому благоусмотрѣнію, такъ какъ не опредѣляетъ точно, при какихъ условіяхъ судья долженъ примѣнять условное осужденіе.

Для оцѣнки практической пригодности нововведенія слишкомъ еще мало имѣется въ распоряженіи достовѣрныхъ данныхъ. Въ Бельгіи и Англіи условное осужденіе примѣняется сравнительно очень недавно; а Бостонская статистика, показывающая, что при дѣйствіи probation system число рецидивистовъ представляло 2—3%, не можетъ служить критеріемъ для оцѣнки, такъ какъ она не даетъ свѣдѣній относительно того, произошло ли въ общемъ уменьшеніе или наоборотъ увеличеніе преступности и какія тому ближайшія причины (стр. 44—46).

Нельзя, наконецъ, не отмѣтить и того обстоятельства, что, рекомендуя введеніе условнаго осужденія, Листъ становится въ противорѣчіе съ самимъ собою; такъ какъ самъ-же констатиру-

еть приростъ преступленій и возстаєть противъ снисходительности судей, а между тѣмъ жаєть ввести еще большую поблажку.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, Апелліусъ находитъ возможнымъ принять проектъ Листа только съ слѣдующими двумя ограниченіями:

1) условное непримѣненіе наказанія осуществляется путемъ условнаго помилованія со стороны верховной власти на основаніи мотивированнаго ходатайства о томъ прокуратуры и

2) указанное мѣропріятіе имѣетъ мѣсто лишь при наказаніяхъ краткосрочныхъ и подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что-бы оно не коллидировало съ притязаніемъ потерпѣвшаго на вознагражденіе (стр. 47—49).

Ясно, что при такой формулировкѣ отъ проекта Листа въ сущности ничего не остается. Но если, по мнѣнію Апелліуса, практическое примѣненіе его повлекло-бы за собою „ухудшеніе нашей юстиціи“, то съ другой стороны и лично имъ самимъ внесенныя поправки едва-ли можно признать удачными. Прежде всего, предлагаемое имъ условное помилованіе вводитъ, хотя и въ непрямой формѣ, непосредственное участіе верховной власти въ отправленіи правосудія, что не можетъ быть признано желательнымъ, ни въ интересахъ самой этой власти, ни также въ интересахъ правильнаго и единообразнаго рѣшенія уголовныхъ дѣлъ. Съ другой стороны, крайне сомнительна и практическая пригодность мѣропріятія, такъ какъ при осуществленіи его непремѣнно произойдетъ одно изъ двухъ: или прокуратура будетъ пользоваться своимъ правомъ ходатайства слишкомъ сдержанно и такимъ образомъ цѣль проектируемаго (сведеніе къ возможному minimum'у случаевъ краткосрочнаго лишенія свободы) достигнуто не будетъ; или-же верховная власть до такой степени будетъ обременена ходатайствами, что потеряетъ всякую возможность входить въ ихъ спеціальную оцѣнку, а это будетъ равносильно фактической передачѣ права помилованія въ руки прокуратуры.

Третій отдѣлъ своего труда, какъ указано было выше, Апелліусъ посвящаетъ критическому анализу всѣхъ вообще карательныхъ мѣръ, предложенныхъ взамѣнъ краткосрочнаго ли-

шенія свободы, съ точки зрѣнія чисто теоретической, т. е. внѣ условій дѣйствующей законодательной системы.

Замѣна краткосрочнаго лишенія свободы другими мѣрами желательна, такъ какъ это наказаніе дорого и сложно. Но ни *денежныя пени*, ни *принудительныя работы* безъ заключенія не могутъ быть признаны болѣе совершенными карательными средствами.

Предложенный Листомъ способъ опредѣленія денежной пени по высотѣ платимой виновнымъ подати вызываетъ со стороны Апелліуса цѣлый рядъ возраженій, сущность которыхъ сводится къ тому, что подобная реорганизація не въ состояніи еще устранить вполнѣ неравномѣрность даннаго наказанія и что незначительная платежная способность бѣдныхъ напередъ уже ставитъ границу его распространенію. Самъ Апелліусъ, на основаніи критическаго разбора денежныхъ пеней, какъ наказанія, проектируетъ ввести слѣдующее общее узаконеніе. Лицо, присужденное къ тюрьмѣ на срокъ не выше 1 мѣсяца или къ аресту (исключая случаевъ, указанныхъ въ § 361 г. у. у.), имѣетъ право вполнѣ или отчасти отклонить отъ себя исполненіе наказанія лишеніемъ свободы, уплативъ замѣнъ соотвѣтствующую сумму денежнаго штрафа, считая 1 день заключенія равнымъ 5—50 маркамъ при проступкахъ и 3—50 при нарушеніяхъ. Онъ полагаетъ, что „такимъ образомъ въ значительной мѣрѣ уничтожено будетъ примѣненіе наказанія лишеніемъ свободы на очень короткіе сроки“. Но намъ думается, что послѣдуетъ явленіе какъ разъ обратное: дозволеніе *частичной* замѣны лишенія свободы денежной пеней неминуемо повлечетъ за собою увеличеніе случаевъ краткосрочнаго заключенія. Кромѣ того, Апелліусъ повидимому совершенно забываетъ то, что онъ раньше говорилъ по поводу залога (стр. 42—43) и что вполнѣ можетъ быть примѣнено и къ данному случаю, именно, — что этимъ будетъ создана монополія безнаказанности для богатыхъ, тогда какъ бѣднымъ въ большинствѣ случаевъ придется отбывать наказаніе натурою.

Еще менѣе практическаго значенія придаетъ Апелліусъ

принудительнымъ работамъ безъ заключенія, такъ какъ 1, не существуетъ надежнаго средства, въ случаѣ прямаго нежеланія лица, принудить его къ работѣ; 2, не при всѣхъ отрасляхъ труда возможно точное опредѣленіе рабочаго урока (различіе работъ по качеству); 3, немыслимо болѣе или менѣе однородное примѣненіе данной мѣры въ деревнѣ съ одной стороны и въ городѣ съ другой; и 4, бѣднякъ все равно не можетъ посвящать отработкѣ наказанія все время и всѣ силы свои, ибо иначе его семьѣ придется за это время умерѣть съ голоду.

Обращаясь затѣмъ къ оцѣнкѣ *залога*, Апелліусъ признаетъ его совершенно негоднымъ средствомъ замѣны. „Если, говоритъ онъ, я не оспаривалъ того, что расширеніе денежныхъ взысканій и введеніе принудительныхъ работъ безъ заключенія, хотя и не вполне, то все-жѣ таки отчасти поведетъ къ замѣнѣ ими краткосрочнаго лишенія свободы, — то въ отношеніи *залога* (Friedensburgschaft) я не могу сказать даже и этого“. Ввести залогъ — значитъ создать привиллегію безнаказанности въ пользу богатыхъ. Точно также нельзя признать годными средствами наказанія, а равно и замѣны краткосрочнаго лишенія свободы — *внушеніе, домашній арестъ и тѣлесныя наказанія*; послѣднія, впрочемъ, можно еще рекомендовать, какъ хорошее дисциплинарное средство для всѣхъ карательныхъ и исправительныхъ учрежденій.

Послѣднюю и главную мѣру замѣны краткосрочнаго лишенія свободы — *условное осужденіе* Апелліусъ разсматриваетъ въ связи съ вопросомъ о существѣ и цѣляхъ наказанія, но уже не съ догматической, а съ чисто теоретической точки зрѣнія. Здѣсь, прежде всего, онъ излагаетъ теорію наказанія Листа, причемъ отмѣчаетъ противорѣчіе между воззрѣніемъ послѣдняго на историческое происхожденіе наказанія, съ одной стороны, и юридическимъ его обоснованіемъ — съ другой. Затѣмъ, опираясь на ученіе о несвободѣ воли человѣка (зависимость дѣянія отъ характера лица, характера отъ наслѣдственныхъ задатковъ, воспитанія, среды), онъ приходитъ къ выводу, что, съ точки зрѣнія этого ученія, теорія возмездія не имѣетъ никакого смысла и что

ея мѣсто въ будущемъ должна заступить теорія защиты правопорядка (Schutztheorie), которая ставитъ наказанію цѣли утѣшенія, исправленія и общественнаго обезпеченія, въ зависимости отъ того—съ какой категоріей преступниковъ приходится имѣть дѣло. Разъ названная теорія ляжетъ въ основу уголовного кодекса, тогда ничто не будетъ препятствовать и введенію условнаго осужденія, хотя все таки въ болѣе ограниченномъ объемѣ, чѣмъ по проекту Листа. Однако рассчитывать на скорую реформу уголовнаго законодательства въ указанномъ направленіи нѣтъ никакихъ основаній, а потому Апелліусъ, пронизывая очевидно по адресу проф. Листа, полагаетъ умѣстнымъ все предъидущія свои соображенія и предположенія окрестить названіемъ „Kriminalpolitische Phantasien“.

Совсѣмъ иначе ставится вопросъ о реорганизаціи карательныхъ мѣръ, практикуемыхъ въ отношеніи малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ: въ этой области реформа—и притомъ скорая—не только умѣстна но и вполне возможна. Реформа должна заключаться въ смягченіи карательныхъ средствъ и главное въ измѣненіи самого характера наказанія, въ превращеніи его въ мѣру по преимуществу воспитательную и исправительную. Всѣхъ малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, съ точки зрѣнія ихъ наказуемости, слѣдуетъ раздѣлить по ихъ относительному возрасту на три класса: 1-й, отъ 6—12 лѣтъ; 2-й, отъ 12—16, и 3-й, отъ 16—18 лѣтъ; для первыхъ двухъ классовъ ограничиться мѣрами воспитательными, совершенно исключивъ примѣненіе уголовныхъ наказаній; а для третьяго сократить объемъ наказаній (непримѣнимы: смертная казнь, пухтаузь и крѣпость), понизить ихъ размѣры (максимум—тюрьма до 15 лѣтъ) и допустить сверхъ того условное осужденіе.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Апелліусъ и предлагаетъ въ заключеніе довольно обширный (34 §) проектъ соответствующаго закона.

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ

ЛИЦЕЕМЪ.

№ 18.

ЯРОСЛАВЛЬ.

Типо-литог. Г. Фалькъ, Духовская ул., собств. домъ.

1890.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ *С. Шпилевскій.*

81 81

ОГЛАВЛЕНІЕ

№ 18-го Юридической Библиографіи.

1. *Н. Минскій.* „При свѣтѣ совѣсти“. Мысли и мечты о цѣли жизни. С.-Петербургъ. 1890 г. 261 стр. *В. Щегловъ* . . . . . 1—30.
  2. „Основные понятія о нравственности, правѣ и общежитіи“. Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ. С -Петербургъ 1889 г. 144 стр *В. Щегловъ* . . . . . 30—39.
  3. Dr. A d o l f W a c h. Die Reform der Freiheitsstrafe. Leipzig. 1890. s. 1—81. *П. Бестъджинъ* 39—46.
  4. A r n o l d i. Verbrechen und Strafe. Zur Reform der Strafrechtspflege. Berlin. 1890. s. 1—51. *П. Бестъджинъ* . . . . . 47—48.
-

OTADNIE

1918-1919

1-10

11-20

21-30

31-40

1. *Н. Минскій: „При свѣтѣ совѣсти“. Мысли и мечты о цѣли жизни. С.-Петербургъ. 1890 г. 261 стр.*

Въ предисловіи къ своей книгѣ, затрогивающей важнѣйшій, интересующій современное общество, вопросъ о сущности морали и ея значеніи въ жизни каждаго, г. Минскій заявляетъ, что его трудъ посвященъ исключительно вопросу о верховной цѣли жизни. Предметъ книги покажется, замѣчаетъ авторъ, празднымъ и безцѣльнымъ многимъ образованнымъ людямъ, которые убѣждены въ томъ, что для счастья нужны научныя знанія, нравственныя чувства, но не вѣра въ какую-то верховную цѣль жизни. Въ наше время никто и не живетъ этой вѣрой. Оттого-то современное общество и поражено страшнымъ недугомъ равнодушія къ жизни и ужаса къ смерти. Изъ отсутствія вѣры въ цѣлесообразность міра вытекаетъ, по мнѣнію Минскаго, цѣлый рядъ современныхъ общественныхъ явленій: теорія борьбы за существованіе, взаимная ненависть національностей, идеалъ крови и желѣза, меленитные патроны, паденіе семейной жизни, самоубійства, утилитаріанизмъ и проч.. Недостатокъ вѣры въ верховную цѣль жизни не могутъ замѣнить совѣты: любить ближняго, жить, какъ живутъ простые люди, или окунуться въ дѣйствительную жизнь. Любовь къ людямъ, подобно мнѣ, жалкимъ и безцѣльнымъ существамъ, только средство къ достиженію верховной цѣли. Жизнь попросту вноситъ въ душу лишь одно разочарованіе, а интересы обыденной жизни совершенно безцѣльны. Вопросъ о конечной цѣли жизни не можетъ быть разрѣшенъ слѣдованіемъ этимъ правиламъ. Поэтому Минскій отыскиваетъ эту цѣль „тернистымъ путемъ сомнѣній и внутренней борьбы, которымъ совѣсть вела его душу“ (VII с.). Книга г. Минскаго состоитъ

изъ трехъ частей, которыя хотя всѣ и содержатъ попытку автора отыскать верховную цѣль въ жизни, но задуманы и написаны въ разное время и относятся другъ къ другу, какъ полночь, предразсвѣтныя сумерки и день. Поэтому Минскій спѣшитъ предупредить читателя, чтобы онъ не принималъ мрачныхъ воззрѣній на жизнь, выраженныхъ въ 1-й части, за окончательное міросозерцаніе автора, а смотрѣлъ бы на нихъ, какъ на фундаментъ, который складывается въ отдаленіи отъ свѣта (III с.).

Такимъ образомъ, оказывается, что цѣль сочиненія г. Минскаго и его содержаніе однородны съ аналогичными трудами графа Л. Н. Толстого, который также ищетъ цѣли въ жизни и также достигаетъ ея съ своей точки зрѣнія послѣ продолжительнаго психическаго процесса самобичеванія, внутренней борьбы, сомнѣній и разочарованій во всѣхъ благахъ современной цивилизаціи. Посмотримъ же, къ чему пришелъ такимъ же путемъ Минскій, который отвергаетъ совѣтъ жить попросту, въ общеніи съ природой, въ деревнѣ, который даетъ графъ Толстой своимъ послѣдователямъ. Удалось ли новому философу вывести современное общество, страдающее и на самомъ дѣлѣ всякаго рода невзгодами, физическими и моральными, изъ безпросвѣтнаго мрака безнадежной тоски и страшнаго отчаянія на прямой и свѣтлый путь истинныхъ, жизненныхъ идеаловъ и цѣлесообразной, бодрой и энергичной дѣятельности? Взгляды Минскаго на этотъ насущный вопросъ современнаго поколѣнія, отъ вѣрнаго разрѣшенія котораго зависитъ правильность и жизненность всѣхъ экономическихъ, юридическихъ и политическихъ понятій и даже крѣпость, устойчивость и дальнѣйшее движеніе всего соціальнаго строя, интересуютъ насъ еще и потому, что Минскій также философъ—поэтъ, какъ и графъ Л. Н. Толстой, а въ нашей литературѣ есть даже мнѣніе, что художники являются, по сравненію съ учеными, наиболѣе компетентными людьми въ созданіи общественныхъ идеаловъ и цѣлыхъ положительныхъ системъ морали ¹⁾. Мы не будемъ входить здѣсь въ разборъ этого

¹⁾ См. Яроша: «Вопросы современной морали». 1888 г.

совершенно превратнаго воззрѣнія на задачи искусства, сдѣланный нами въ другомъ мѣстѣ¹⁾), а перейдемъ прямо къ краткому изложенію самой книги Минскаго, а затѣмъ и критикѣ его моральныхъ взглядовъ.

Три великихъ противорѣчія наполняютъ собою, говоритъ Минскій, нашу жизнь и служатъ причиной всѣхъ душевныхъ страданій. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ, что я созданъ такъ, что любить долженъ только себя, но эту любовь къ себѣ я могу проявить не иначе, какъ первенствуя надъ своимъ ближнимъ, такимъ же самолюбивымъ, какъ и я: цѣли моей жизни и — моего ближняго, такимъ образомъ, взаимно уничтожаютъ другъ друга. Любить можно только себя, а не ближнихъ, предъ которыми мы только притворяемся, что ихъ любимъ, такъ что самое состраданіе къ чужому горю есть только сожалѣніе къ самому себѣ. Мнѣ нужны только живые люди и я нуженъ людямъ только живой. И каждый, кто только заплачетъ надъ моей могилой, сдѣлаетъ это лишь потому, что я былъ ему полезенъ при своей жизни. Безкорыстная любовь къ ближнимъ невозможна. Самолюбіе — не порокъ или болѣзнь души, а основной, неизмѣнный законъ нашей природы, заставляющій насъ стремиться къ первенству надъ другими, немыслимому безъ ихъ приниженія и страданій. Поэтому всеобщее благо безусловно невозможно. Изъ стремленія каждаго къ первенству или любви къ личному бытію вытекаютъ всѣ наши понятія о добрѣ и злѣ, пользѣ и вредѣ, наслажденіяхъ и страданіяхъ, прекрасномъ и безобразномъ. Каждый желаетъ и мечтаетъ лишь о томъ, чтобы всѣ люди видѣли въ немъ единственный источникъ бытія и радости, чтобы его обоготворяли, любили только за то, что онъ существуетъ, и чтобы въ часъ его смерти всѣ они уничтожили все въ жизни и, собравшись вокругъ могилы, сами умерли отъ горя (10 с.). Страсть къ первенству заставляетъ людей безцѣльно лгать, при-

¹⁾ Юридическая библіографія Дем. Юр. Лицея, № 10 и моя актовая рѣчь: «Нравственность и право въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ». 1888 г., 62—63 стр.

творяться на разные лады только для того, чтобы чѣмъ-либо отличиться предъ другими. Больной, на примѣръ, стонетъ сладострастно, если вблизи его находится, любящій его, человѣкъ; для него доставляетъ удовольствіе сознаніе того, что онъ имѣетъ право наполнять всю квартиру воплями о себѣ, истерзать душу любимаго человѣка своей мукой. Стремленіе къ превосходству не покидаетъ нашу душу даже въ самыя печальныя минуты нашей жизни. У постели умирающаго близкій къ нему человѣкъ, который, кажется, готовъ сойти съ ума отъ отчаянія, въ то же время сознаетъ, что смерть эта сдѣлаетъ его въ глазахъ другихъ безутѣшнымъ страдальцемъ. Его будутъ жалѣть, утѣшать, онъ, шатаясь отъ горя, пойдетъ *первымъ* за похоронной колесницей (16 стр.).

Сознаніе превосходства проявляется въ людяхъ въ физическихъ преимуществахъ однихъ предъ другими и принудительной власти богатаго надъ бѣднымъ, сильнаго надъ слабымъ, побѣдителя надъ покореннымъ. Высшей степени развитія достигаетъ въ людяхъ это сознаніе своего превосходства предъ другими при добровольномъ преклоненіи предъ ними толпы, которое достигается при пожертвованіи своими силами счастьемъ другихъ, вѣрнѣе, притворству предъ ними, что счастье людей дороже своего собственнаго. Поэтому притворство и, неразлучное съ нимъ, чувство неудовлетворенности, грусти и вѣчнаго одиночества сопровождаютъ постоянно человѣка на высшихъ ступеняхъ его развитія, являются здѣсь необходимымъ послѣдствіемъ перваго противорѣчія въ его жизни (27 с.).

Второе великое жизненное противорѣчіе состоитъ въ противоположности любви къ самому себѣ съ презрѣніемъ и ненавистью къ своей личности, вытекающей изъ нашего внутренняго голоса—совѣсти, которую принято представлять, какъ чувство нравственнаго долга, идеала. На самомъ же дѣлѣ совѣсть ополчается на самолюбіе не во имя нравственнаго долга, а страха смерти. Будь человѣкъ бессмертенъ, онъ не имѣлъ бы совѣсти. Теперь же онъ презираетъ себя потому, что онъ сознаетъ, что любить нѣчто, обреченное тлѣну, небытію. Совѣсть открываетъ во всѣхъ

дѣлахъ милосердія и справедливости печать смерти и безцѣльности и отвергаетъ ихъ во имя какой-то непонятной высшей цѣли. Милосердіе или состраданіе, порождаемое въ насъ самолюбіемъ, основывается на воображеніи и памяти. Поэтому въ молодости мы болѣе расположены къ состраданію, нежели въ зрѣлыя годы жизни, когда мы „черствѣемъ къ мукамъ ближняго“ (32 с.). Состраданіе къ ближнему есть отраженіе нашего собственнаго страданія. Всякому жаль голоднаго нищаго, но еще болѣе жаль себя и свою копѣйку. Кто болѣе другихъ дрожитъ надъ своимъ благополучіемъ, тотъ жалостливѣе прочихъ. Оттого-то въ наши дни, когда боязнь страданій и жажда удовольствій стали единственными мотивами поступковъ человѣка состраданіе возведено въ священный культъ. Состраданіе рождается всегда въ душѣ вмѣстѣ съ чувствомъ злорадства. Разность между дѣйствительнымъ страданіемъ ближняго и представленіемъ въ моей душѣ когда-то бывшаго страданія претворяется въ самодовольное чувство злорадства и въ желаніе продлить горе ближняго — символъ моего благополучія. Чужая радость, напримѣръ, будитъ въ насъ вмѣстѣ съ отраднымъ чувствомъ доброжелательства и боль зависти, которая таится подъ благородными движеніями сердца. Мы завидуемъ даже тѣмъ, кому сами доставляемъ счастье: нищему, которому помогаемъ, актеру, котораго вызываемъ, тенію, котораго прославляемъ (39 с.).

Также и справедливость въ смыслѣ воздаянія каждому должнаго, не есть чувство, противоположное самолюбію, а, напротивъ, прямо вытекаетъ изъ него. Только ожиданіе большихъ личныхъ благъ — благодарности, славы, признанія превосходства заставляетъ человѣка любить своего ближняго. Въ этомъ случаѣ справедливость только охраняетъ наше самолюбіе; она — молотъ въ рукахъ сильнаго, соломинка — въ рукахъ слабаго. Если въ жизни добродѣтель часто попирается, а зло ликуетъ, то это дѣлается не въ интересахъ высшей справедливости, а лишь оттого, что люди не въ состояніи разсчитать свои же собственные выгоды. Предъ лицомъ высшей справедливости, невысказанной внѣ самолюбія того или другаго лица, нѣтъ ни правыхъ, ни виноватыхъ. Если лю-

ди дѣйствуютъ независимо отъ всякихъ мотивовъ, тогда награды и наказанія за ихъ дѣйствія бесполезны, потому что страхъ наказанія и желаніе награды являются уже мотивами. Но тѣ и другія къ тому же и незаслуженны, такъ какъ не за что награждать или наказывать человѣка разъ его дѣйствія возникаютъ случайно, безъ всякаго мотива. Но тотъ же отрицательный результатъ получается и при предположеніи, что человѣкъ дѣйствуетъ по необходимымъ, независящимъ отъ его воли, мотивамъ: нельзя награждать или наказывать человѣка за то, что онъ дѣйствуетъ подъ вліяніемъ роковыхъ причинъ (47 с.).

Сдѣлавши это небольшое отступленіе для выясненія происхожденія понятій состраданія и справедливости, Минскій снова возвращается къ изслѣдованію вопроса о природѣ совѣсти, которая, по его словамъ, такъ жива и благодѣтельна на первыхъ ступеняхъ развитія потому, что она въ это время указываетъ душѣ на безсмертіе и внушаетъ человѣку боязнь небытія. Поэтому примитивный человѣкъ твердо различаетъ между добромъ и зломъ, самолюбіемъ и любовью къ ближнему. Онъ заботится о дѣтяхъ болѣе, чѣмъ о себѣ, потому что въ дѣтяхъ продлится его бытіе, жертвуетъ семьей ради государства, которое долговѣчнѣе семьи. Но какъ скоро разумъ и опытъ докажутъ человѣку, что добро — только дальнорукое самолюбіе, а зло — близорукое, въ ту же минуту истина разума и правда совѣсти вступаютъ между собою въ неизбѣжную и непримиримую борьбу, при которой онѣ уничтожаютъ другъ друга вслѣдствіе внутренняго ихъ противорѣчія. Безконечная и беспощадная борьба между совѣстью и разумомъ прекратилась теперь побѣдою разума надъ совѣстью, которая сдѣлалась послѣ этого разрушительной силой въ жизни человѣка: если нѣтъ постоянного, вѣчнаго мѣрила добра и зла, то, значить, они безразличны, безцѣльны и ничтожны. Но отрицая челов. добро, совѣсть не знаетъ, въ чемъ состоитъ высшее добро и предоставляетъ попрежнему самолюбію властвовать надъ человѣч. душой. Этотъ губительный разладъ совѣсти сталъ повальною болѣзью нашего вѣка, выражающейся въ неустойчивости характеровъ, безпричинной жестокости и преувеличенной

чувствительности. Чья совесть лучше развита, тотъ глубже и падаетъ. Въмѣсто того, чтобы вести, какъ было прежде, человѣка къ добру, совесть, отчаявшаяся въ безсмертіи, влечетъ его къ разврату, возбуждаетъ въ его душѣ недовольство жизнью и ненависть къ земному добру. Поэтому совесть мучается теперь не послѣ совершенія злыхъ поступковъ, какъ прежде, а послѣ добрыхъ. Высокая цивилизація превращаетъ все чувства и страсти въ наркотическіе яды, дающіе забвеніе. Немногіе избранники, -- аристократы ума и фантазіи — опьяняютъ себя наукой, отрицающей верховную цѣль міра, и искусствомъ, отрѣшеннымъ отъ идеи добра. Большинство прибѣгаетъ къ болѣе обыденнымъ средствамъ (морфію, эфиру и проч.). Каждую надшую душу еще болѣе тянетъ въ грязь разврата, хотя позоръ паденія все-же свидѣтельствуется о тоскѣ по безсмертіи и о необходимости заглушить ее (50 стр. и у слѣд.).

Нарисовавши такую безотрадную картину нравственного состоянія современнаго общества, Минскій находитъ естественнымъ и пессимистическое воззрѣніе на жизнь, и преждевременный ея конецъ, также какъ и полное отсутствіе опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ въ современномъ обществѣ. Если міръ созданъ случаемъ, польза — верховный законъ развитія, если нѣтъ конечной цѣли въ жизни и добро и зло безразличны, то не можетъ быть, говоритъ Минскій, и отвѣтственности за дѣйствія и каждый можетъ возводить въ долгъ то, что ему нравится (65 стр.). Но противъ такого вывода возстаетъ человѣческая совесть, которая не можетъ забыть мечту о безсмертіи. Чтобы еще ярче и рельефнѣе выразить всю глубину и позоръ нравственнаго паденія современнаго общества, Минскій представляетъ настоящее его состояніе въ формѣ своего яко бы сна, — фантастическаго разсказа, въ которомъ среди шума и суеты городской жизни появляется на сцену высокая, болѣзненная женщина со свитой изъ угрюмыхъ людей въ черныхъ одеждахъ и съ горящими факелами въ рукахъ. Эта женщина — „безумная“ совесть поэта, которая изъ за любви къ людямъ и сознанія безысходности своего и ихъ состоянія осуждаетъ людей и всю землю на всеобщую и момен-

тальную гибель при помощи одного изъ горящихъ факеловъ, ударъ которымъ о землю повлечетъ за собою окончательное разрушеніе всего земнаго шара. Но совѣсть согласна отмѣнить свой неумолимый и безпощадный приговоръ, если люди докажутъ, что жизнь есть не безцѣльное страданіе, смерть не вопіющая несправедливость, и что въ мірѣ есть нѣчто святое и цѣлесообразное. Тогда предъ лицомъ совѣсти появляются, одинъ за другимъ, представители различныхъ жизненныхъ цѣлей и идеаловъ; аскетизма, красоты, науки, искусства и другихъ и защищаютъ ихъ, каждый съ своей точки зрѣнія. Но доводы ихъ убѣждаютъ только мрачныхъ людей изъ свиты совѣсти, которые и тушатъ, одинъ за другимъ, свои факелы; сама же совѣсть не удовлетворяется ими. Такъ въ аскетизмѣ совѣсть видитъ только развившееся самолюбіе; онъ не избавляетъ отъ страха смерти и лишь уродуетъ сознаніе (75 с.). Красота не служитъ орудіемъ добра и кротости, влечетъ къ преступленіямъ, она злѣйшій врагъ долга, одно изъ орудій пытки въ рукахъ насмѣшливаго рока (79 с.). Любовь къ женщинѣ, въ которой воплощается красота, освящаетъ обманы, жестокость, и чувство ревности къ сопернику навсегда останется неизгладимо — позорнымъ клеймомъ, выдающимъ изменную природу любви — самолюбиваго и непостояннаго чувства (82—3 с.). Совѣсть признаетъ нѣкоторую заслугу за наукой, которая разогнала дѣтскіе предразсудки человѣчества и позволила человѣку ощущать чувство безграничнаго торжества и гордости при видѣ, побѣжденной знаніемъ, природы, безчисленныхъ научныхъ открытій. Но въ то же время наука съ ея пренебреженіемъ къ конечнымъ цѣлямъ, съ, признаваемымъ ею самою, безсиліемъ постичь цѣлесообразность въ мірѣ отвращаетъ отъ себя совѣсть, которая не можетъ помириться съ тѣмъ, что наука отвергаетъ вѣру въ безсмертіе и правду и научныя открытія служатъ одинаково добру и злу, жизни и разрушенію. Наука опустошила человѣческую душу, признала вмѣсто божественнаго слѣпой случай и уродливую пользу и толкнула человѣка въ объятія пресыщенія и разврата (84—90 с.). Также и современное искусство, которое служитъ торгашамъ, не дѣлаетъ

добрыми и счастливыми ни ихъ, ни остальное, трудолюбивое и страдающее человечество, которое никогда даже не узнаетъ и не пойметъ созданій искусства (96 с.). Совѣсть отчаявается въ томъ, чтобы когда-либо въ будущемъ исчезли въ мірѣ жестокость и несправедливость: будущее людей — это безсиліе, мракъ, агонія и возвращеніе къ первобытному варварству. Совѣсть не соглашается щадить міръ ни во имя материнской любви, которая такъ развиваетъ въ матери эгоизмъ и рождаетъ большую половину зла и преступленій, ни невинности дитяти, которая „не можетъ быть вечерней зарей жизни“, и въ послѣдній разъ дѣлаетъ знакъ покончить съ міромъ нашему поэту, въ рукахъ котораго очутился неожиданно послѣдній факель. Но Минскій не рѣшается сдѣлать это, потому что начинаетъ сомнѣваться въ всеобщемъ господствѣ лжи и самолюбія и находитъ оправданіе для жизни міра въ существованіи самой совѣсти (100 с.).

Наличность въ душѣ человѣка совѣсти, олицетворяющей его постоянное стремленіе, вѣчные порывы къ безконечному добру и цѣлесообразности при всемъ ихъ отсутствіи въ жизни, даетъ право нашему автору заключить, что человѣческой душѣ присуще понятіе объ истинномъ добрѣ и конечной цѣли, которыя обрѣтаются, однако, внѣ земной жизни человѣка, какъ *святыня*. Безъ идеи объ этомъ вѣчномъ бытіи мы не могли бы убѣдиться въ безцѣльности земной жизни и считали бы болѣе соответствующимъ нашей природѣ не чувство жизни, а — смерти. О необходимости вѣчнаго нашего бытія говоритъ намъ и, врожденное намъ, чувство долга (кантовскій категорическій императивъ), и при помощи котораго мы различаемъ добрые поступки отъ дурныхъ (109 с.). Во имя святыни совѣсть отрицаетъ все, что ни вытекаетъ изъ самолюбія, и признаетъ истинно добрымъ только подчиненіе всѣхъ нашихъ земныхъ цѣлей одной вѣчной цѣли, которая раскрывается человѣческому сознанію постепенно, по мѣрѣ выясненія въ немъ образа святыни и содержанія верховной цѣли, но на всѣхъ ступеняхъ развитія понятіе о святынѣ является мѣриломъ высшей правды (117 с.). Этой святынѣ не можетъ быть ни видимый міръ, который не заключаетъ въ себѣ абсолютныхъ и

неизмѣнныхъ свойствъ, ни человѣческая душа, которая, кромѣ добра, совершаетъ и зло и не находится у всѣхъ людей на одинаково высшей ступени развитія, ни, наконецъ, — абсолютъ, какъ вѣчная субстанція и источникъ бытія и силы, потому что свойства его совершенно противоположны свойствамъ міровой мысли, дѣлаютъ невозможнымъ бытіе міра (126 — 137 с.).

Такимъ образомъ, человѣкъ обладаетъ стремленіемъ къ святѣ, но нигдѣ и ни въ чемъ ее находитъ, и въ этомъ заключается, по мнѣнію Минскаго, послѣднее глубокое противорѣчіе въ его жизни. Изъ глубины его и остальныхъ противорѣчій не могутъ вывести человѣка ни искусство, въ произведеніяхъ котораго изображаются только временныя настроенія ихъ авторовъ и толпы, ни наука, которая во имя точнаго знанія отрицаетъ вѣчную цѣль человѣческой жизни, ни философія, которая проповѣдуетъ безстрастное созерцаніе вѣчныхъ идей, ни этика, въ которой существуетъ безчисленное количество моральныхъ системъ, одностороннихъ и противоположныхъ другъ другу. Одна изъ современныхъ моральныхъ системъ, утилитаризмъ, однако, привлекаетъ вниманіе автора, который и останавливается на главныхъ его принципахъ.

Минскій объясняетъ появленіе утилитаризма въ настоящемъ столѣтіи стремленіемъ человѣческаго разума къ независимости, которое и привело ко взгляду, что польза личности, ея земное счастье и наслажденіе составляютъ содержаніе и высшую цѣль нравственной жизни человѣка, которому должны быть чужды идея долга и всякіе порывы къ безсмертію. Критерій нравственности заключается, поэтому, въ разумѣ человѣка, знаніи людьми своихъ собственныхъ выгодъ, — взглядъ, противорѣчащій всѣмъ даннымъ опытомъ. Идеаломъ утилитаризма является неопредѣленное, субъективное и ни для кого не обязательное понятіе общаго наибольшаго блага, которое доставляется наибольшему числу людей. Оправданіе утилитаризма въ томъ, что это единственно возможная моральная система въ настоящее время при всеобщемъ господствѣ эгоизма. Утилитаризмъ особенно сильно вліяетъ на молодое современное поколѣніе своимъ смѣлымъ отрицаніемъ абсо-

люта, бодрой вѣрой въ развитіе, торжество разума, своимъ взглядомъ, что независимость, слава можетъ быть получена каждымъ, кто только не стремится къ своему счастью, совпадающему съ общественнымъ благомъ. Исторія обязана утилитаризму всѣмъ величіемъ прошлыхъ вѣковъ и настоящаго (отмѣной рабства, свободой, наукой и пр.), но онъ же былъ причиной неопредѣленности, разшатанности нравственныхъ понятій и неустойчивости характеровъ, дряблости, распушенности нравовъ и чрезмѣрнаго развитія необузданнаго эгоизма (146—165 с.).

Авторъ заканчиваетъ вторую часть своего сочиненія меланхолическими воспоминаніями о дняхъ своей молодости, когда онъ увлекался свѣтлыми мечтами о благѣ и счастья всѣхъ людей, и о, смѣнившемъ эти радостные дни, времени жестокаго разочарованія въ жизни, и заключаетъ мрачнымъ призывомъ „примириться съ сумерками противорѣчій, для которыхъ нѣтъ разсвѣта, и вкусить покой безсилія и смерти, оцепенѣть душой“ (170 с.).

Читатель, однако, не долженъ пугаться этихъ поистиннѣ страшныхъ словъ Минскаго и принимать за что-либо серьезное чисто поэтическую метафору автора: согласно своему обѣщанію, онъ выведетъ его изъ полнаго мрака „полночи“ и „предразсвѣтныхъ сумерокъ“ въ свѣтлый и ясный день, лучи котораго разсѣютъ всѣ порожденія ночной тьмы. Посмотримъ же, какъ нашъ авторъ находитъ высшую, конечную цѣль жизни и разрѣшаетъ всѣ, указанные имъ, великія жизненные противорѣчія.

Минскій примираетъ ихъ въ одной высшей идеѣ, которую онъ называетъ *мэономъ*, заимствуя этотъ терминъ у Платона (*μῆν* — несуществующій). Авторъ находитъ цѣлый рядъ такихъ мэоновъ, достигая до ихъ познанія путемъ сложнаго процесса отвлеченнаго мышленія. Минскій беретъ извѣстный родъ міровыхъ явленій, отыскиваетъ общія ихъ свойства и сводитъ эти послѣднія къ одному совершенно отвлеченному, несуществующему понятію, противоположному изучаемымъ явленіямъ, — „священному ничто“. Таковы пространственные мэоны вселенной и — атома, получаемые посредствомъ измѣренія и отрицанія явленій пространства, мэоны времени: вѣчности и, — мгновенія, — при измѣреніи различныхъ со-

стояній матеріи, разсудочные мѣоны: мѣонъ свободной перво-причины и верховной цѣли, вытекающіе — первый изъ отрицанія нашихъ понятій о причинности видимыхъ явленій, — второй — изъ наблюденія надъ безконечнымъ усовершенствованіемъ міровыхъ организмовъ (175 — 194 с.). Мѣоны познанія, — понятія самосознающаго „я“ и — вещи „самой въ себѣ“ создаются изъ противоположенія нашимъ сознаніемъ всего внѣшняго міра и качествъ вещей ихъ внутренней, неизмѣнной сущности. Измѣняемость всего въ мірѣ вызываетъ въ насъ мѣонъ, понятіе о неизмѣнномъ бытіи, и тождество, и неизмѣнность частицъ матеріи приводитъ къ мѣону небытія. (201 — 202 с.).

Послѣдними и наиболее важными мѣонами являются у Минскаго два мѣона, опредѣляющіе содержаніе и цѣль нравственной дѣятельности человѣка. Первый изъ нихъ — это мѣонъ чистой, всеобъемлющей, безкорыстной любви, который является въ душѣ человѣка на высшей ступени развитія его самолюбія. Въ самолюбіи нѣтъ жизни для людей, которые въ процессѣ всеобщаго міроваго развитія и помогаютъ, и борются другъ съ другомъ за свою жизнь. Есть различныя формы развитія самолюбія, высшую ступень котораго составляетъ появленіе въ душѣ человѣка чувства чести, сознаніе собственнаго достоинства. Теперь герой жаждетъ, чтобы люди добровольно отреклись отъ своей воли и свободы и преклонились предъ нимъ, ради чего герой долженъ посвятить всѣ свои силы служенію людямъ, страдать и, если нужно, и умереть за нихъ (207 с.). Такого рода полное отрицаніе самолюбія не существуетъ, невозможно въ дѣйствительности и тѣмъ не менѣе въ глазахъ человѣка есть единственно завѣтное и священное. Второй нрав. мѣонъ — аскетизмъ, свобода отъ внѣшняго міра, всѣхъ своихъ желаній, которая достигается посредствомъ непрерывной борьбы и отказа отъ нихъ и даже уничтоженія самой личности, какъ источника всѣхъ желаній и страстей. Борясь съ ними, аскетъ стремится къ состоянію души, чуждому всякой борьбы и желаній, вполне спокойному, неподвижному (212 с.).

Общими свойствами всѣхъ мѣоновъ являются, по Минскому,

то, что всё они сливаются въ понятіи объ единомъ, предполагаютъ другъ друга, что они отрицательныя понятія о чѣмъ-то, діаметрально противоположномъ явленіямъ, совершенно несущест्वующемъ, и ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть осуществленъ безъ опасности уничтоженія всего міра. Поэтому мэоны не идеалы, которые достижимы, какъ явленія, и стремиться къ реальному осуществленію мэоновъ невозможно. Возникновеніе въ нашей душѣ мэоновъ сопровождается особеннымъ чувствомъ — *экстазомъ*, представляющимъ собою смѣшеніе высшей радости при достиженіи мэоновъ съ безысходной скорбью о томъ, что они не существуютъ (217 с.). Ограниченность нашихъ чувствъ заставляетъ насъ принимать мэоны за явленія (223 с.).

Изъ всѣхъ мэоновъ понятіе объ единомъ — верховный мэонъ, по отношенію къ которому всё остальные мэоны — только его атрибуты, представляющіе собою цѣлый рядъ непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей и потому исключаютъ возможность существованія верховнаго мэона. Видимый, ограниченный и смертный міръ обязанъ своимъ возникновеніемъ безкорыстному самопожертвованію своимъ бытіемъ верховнаго мэона, благодаря которому міръ стремится всегда познать единое святое, какъ противоположное себѣ (231 с.).

Это мэоническое міросозерцаніе доставляетъ Минскому чувство глубокаго удовлетворенія, разрѣшаетъ всё его недоумѣнія и сомнѣнія и раскрываетъ тайну красоты и искусства, которыя такъ близки къ нашему автору, какъ поэту. Нашъ восторгъ предъ красотою есть, говоритъ онъ, — завѣтное и священное чувство потому, что въ прекрасныхъ предметахъ мы находимъ символъ извѣстной ступени развитія, отраженіе идеи цѣлесообразности. Въ произведеніяхъ искусства выражается верховная цѣль міра, извѣстная ступень міровыхъ контрастовъ, гармоніи мірозданія. Мэонизмъ не только даетъ, по словамъ Минскаго, мѣрило добра и зла, красоты и безобразія, но и примиряетъ матеріальное съ идеальнымъ, позитивизмъ съ мистицизмомъ и оптимизмъ съ пессимизмомъ. Въ каждомъ явленіи матерія отрицаетъ себя во имя небытія мэона, такъ что всюду начало матеріальное неразрывно

связано съ идеальнымъ. Цѣль міровой жизни состоитъ въ томъ, чтобы развиваться, искать мѣона разумомъ, чувствомъ и волей и на высшей степени развитія постигать безцѣльность исканія и свою противоположность мѣону. Въ человѣческой жизни всякое чувство, желаніе и мысль, доведенныя до конца, воплощаютъ торжество мѣона, такъ что разбойникъ, грабящій на большой дорогѣ, и герой, жертвующій собою для блага ближняго, оба служатъ міровой цѣли, жаждутъ превосходства, ищутъ единого и не достигаютъ его. Разница между ними только въ томъ, что разбойникъ достигаетъ минутнаго превосходства силы и поэтому наказывается, а герой доходитъ до полнаго превосходства, разрѣшаетъ до конца противорѣчіе въ жизни и потому восхваляется (246 с.). Ясное познаніе мѣоновъ, сопровождаемое чувствомъ экстаза и составляетъ конечную, крайнюю цѣль въ жизни, которая представляется воображенію Минскаго въ видѣ четырехъ высокихъ лѣстницъ: науки, искусства, самолюбія и аскетизма, составляющихъ четыре идеала практической добродѣтели. По одной изъ этихъ лѣстницъ нужно взобраться каждому для того, чтобы съ общей верхней площадки низринуться въ мистическую бездну познанія мѣоновъ. Но ученіе о мѣонахъ не заключаетъ само въ себѣ какой-то универсальной мудрости или святости, а, наоборотъ, отрицаетъ, устраняетъ само себя. Мы осуждены любить и искать счастья въ томъ, чтобы убѣдиться, что на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни любви, ни счастья. Чѣмъ глубже раскрывается предъ нами безцѣльность и зло міра, тѣмъ сильнѣе мы должны любить міръ, какъ символъ небытія мѣона. Мы — жертва, которая должна прославить единого своими муками и смертью, мы и жрецы, поющіе ему торжественный гимнъ, и мы же и божество, внемлющее этому гимну (252 с.).

Итакъ, заключаетъ Минскій свою книгу, не существуетъ и не можетъ существовать ничего единого, ни атома, ни любви, ни свободы, ни нирваны. Чтобы спасти совѣсть и желаніе жить, человѣчество должно выкинуть изъ души тысячелѣтнюю надежду постигнуть единое, какъ явленіе, осуществленіе которой повело бы къ исчезновенію всего міра. Поэтому, кому дорога его судьба,

пусть благословить его несовершенство и радуется своей печали. Мэонизмъ учить не бояться безцѣльности жизни, не скорбѣть бездѣлательно о небытіи счастья, любви и свободы, но сдѣлать все, чтобы доказать это небытіе. Ученіе о мэонахъ защищаетъ душу отъ отчаянія, потому что само выросло изъ отчаянія (255 с.). Цѣль науки, искусства, труда, славы — въ ихъ отрицаніи; жизнь — жертва, сожигаемая въ сердцѣ огнемъ экстаза. Смерть страшна и должна быть такою, потому что безъ ужаса смерти мы не могли бы познать небытіе мэоновъ. Ничто не сохранится въ мірѣ отъ нашихъ мыслей, дѣлъ и чувствъ: ни добро, ни зло, ни слава, ни безсмертіе, ни разумъ, ни безуміе, ни подвиги, ни преступленія. Они должны исчезнуть на вѣки, безъ возврата, ибо безсмертіе и вѣчность — мэоны, противоположныя міру. Только тотъ не безслѣдно промелькнулъ на землѣ, кто выстрадалъ истину о небытіи мэоновъ, чья душа пріобщалась священнаго экстаза. Истинная жизнь — въ внутреннемъ содраганіи души предъ неподкупнымъ судомъ совѣсти чрезъ мучительное отрицаніе несовершенствъ и пороковъ міра. Поэтому да будутъ благословенны страданія несовершеннаго міра, отсутствіе любви, истины, свободы, науки, искусства, самоотреченіе и самолюбіе, къ высшему развитію котораго мы должны стремиться (261 с.).

Мы не прерывали изложенія сочиненія г. Минскаго своими замѣчаніями съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы дать читателю полную, цѣльную картину міросозерцанія автора, въ которой, право, не знаешь, чему удивляться болѣе, систематическому ли искаженію всѣхъ фактовъ изъ сферы нравственной жизни современнаго общества въ угоду фантастическимъ взглядамъ Минскаго на цѣль и основы человѣческой жизни и дѣятельности, или же этимъ послѣднимъ. Мы ничего не имѣемъ противъ того энергичнаго и страстнаго исканія авторомъ конечной цѣли жизни и открытаго и безпощаднаго бичеванія всѣхъ нравственныхъ недостатковъ современнаго общества, устраненіе которыхъ такъ живо интересуется въ наше время всѣхъ образованныхъ людей и которые изображены такъ художественно въ извѣстной „Исповѣди“ графа Толстого. Но мы не можемъ ни въ какомъ случаѣ одоб-

рить пріемъ автора, который изъ предвзятаго желанія доказать во что бы то ни стало универсальное и исключительное господство въ мѣрѣ эгоизма (самолюбія) объясняетъ имъ самыя разнообразныя и разнородныя жизненныя явленія и часто видитъ одно лишь самолюбіе тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть. Такъ положительно нельзя утверждать, не насилуя факты, что наша любовь къ ближнему есть всегда сплошное притворство, отъ котораго люди не отрѣшаются ни на мигъ въ теченіе всей своей жизни и даже въ минуту смерти близкаго челоуѣка скорбятъ о немъ лишь потому, что онъ былъ нуженъ имъ при жизни. Кому неизвѣстны многіе примѣры того, что добро ближнему совершается часто съ искреннимъ желаніемъ оказать ему помощь, недопускаящимъ даже и тѣни притворства, которое во многихъ подобныхъ случаяхъ (напр., при уходѣ за больными, ранеными, спасеніи утопающаго и проч.) не имѣетъ никакого разумнаго основанія? Не жалѣютъ ли отъ души и предаются неутѣшному горю часто люди, которые не только ничего не проигрываютъ отъ смерти своего роднаго, а напротивъ даже выигрываютъ (напр., наслѣдство)? Г. Минскій представляетъ эгоизмъ развитымъ у людей до колоссальныхъ размѣровъ, когда онъ думаетъ, что всѣ они считаютъ себя единственнымъ источникомъ бытія всего міра, видятъ ихъ непрерывно обуреваемыми какой-то маіей величія, забывающими своихъ себялюбивыхъ притязаній даже въ самыя тяжелыя минуты своей жизни, когда бываетъ не до нихъ. Кто въ самомъ дѣлѣ повѣритъ, что будто каждый больной стонетъ, да еще „сладострастно“ оттого, что онъ имѣетъ возможность мучить своихъ близкихъ? Или, чтобы кто-либо при похоронахъ своего любимаго родственника ни на минуту не забывалъ, что онъ *первый* въ печальной процессіи? Изъ одного и того-же источника — чрезмѣрнаго самолюбія у челоуѣка объясняются Минскимъ и такія разнородныя явленія, какъ высокіе подвиги самоотверженія, совершаемые въ явный ущербъ своимъ выгодамъ, и войны между народами, которыя происходятъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Г. Минскій утверждаетъ, что челоуѣкъ чувствовалъ себя постоянно одинокимъ и недовольнымъ,

особенно же на высшихъ ступеняхъ своего развитія, хотя, казалось бы, при всеобщемъ господствѣ эгоизма должно встрѣчаться много примѣровъ и довольства собою. И въ дѣйствительности такіе самодовольные субъекты встрѣчаются не въ маломъ количествѣ въ той части современнаго общества, гдѣ царствуетъ самый грубый и беззастѣнчивый эгоизмъ. Чувство довольства жизнью встрѣчается рѣдко лишь у людей, посвящающихъ себя *дѣйствительно* безкорыстному служенію добру, котораго такъ еще мало въ жизни.

Неудовлетворенность жизнью въ современномъ поколѣніи, объясняющаяся искреннимъ его стремленіемъ къ болѣе возвышенной жизни, организациі ея на альтруистическихъ началахъ, является у Минскаго результатомъ того жизненнаго противорѣчія, которое вытекаетъ изъ невозможности для людей осуществлять свое чрезмѣрное самолюбіе. Но если бы у всѣхъ людей и на самомъ дѣлѣ было такое непомѣрное самолюбіе, тогда немыслима была бы и ихъ совмѣстная жизнь: они уничтожили бы другъ друга. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого перваго „великаго“ жизненнаго противорѣчія, какъ никогда не бывало и втораго, также выводимаго Минскимъ изъ одного самолюбія: если человекъ, движимый *однимъ* только самолюбіемъ, въ тоже время презираетъ и ненавидитъ послѣднее, то, очевидно, въ душѣ его есть что-то высшее самолюбія, которое и заставляетъ относиться къ нему съ порицаніемъ. Эго нѣчто признаетъ и самъ авторъ, хотя и вопреки себѣ, и называетъ его совѣстью, происхожденіе которой у человека онъ объясняетъ страхомъ смерти, уничтоженія своего „я“. Но немного позже Минскій называетъ уже совѣсть, согласно взглядамъ Канта, чувствомъ долга, одобряющимъ наши хорошіе поступки и порицающимъ дурные, и при свѣтѣ, понимаемой въ этомъ смыслѣ, совѣсти доходитъ до своего мѣоническаго міросозерцанія. Но при такомъ рѣзкомъ противорѣчіи Минскаго во взглядахъ на сущность совѣсти что же нужно разумѣть подъ ней? Или, можетъ быть, у человека есть двѣ совѣсти, которыя взаимно уничтожаютъ другъ друга: одна, которая помогаетъ человеку истребить въ его душѣ все доброе, внести въ нее мракъ

горя, и тотчас иная, друная, которая выводитъ ее снова на путь добра и свѣтлыхъ упованій? По крайней мѣрѣ, только съ точки зрѣнія такого двойкаго пониманія Мировымъ совѣсти можно объяснить, съ одной стороны, негую попытку достигнуть руководящей цѣли въ жизни, да съ другой, отъ него взгляды на состраданіе и справедливость, какъ только на выраженіе одного самолюбія. Нельзя думать, чтобы при состраданіи чужому горю человекъ жалѣлъ одного себя, и въ коминія свое прошлое горе или опасеніе его въ будущемъ. Высокое чувство состраданія извѣстно людямъ, не имѣвшимъ никакого горя въ своемъ прошломъ, и чуждое горе обыкновенно возбуждаетъ въ насъ сочувствіе и помимовсякаго предъ- ставленія о томъ, что и съ нами можетъ случиться что-либо подобнаго. Состраданію доступны люди всякаго возраста, хотя молодые и сильнѣе сочувствуютъ чужимъ страданіямъ, но это происходитъ не потому, что юнейшее поддѣствуетъ воображенію, а въ силу ея увлеченія дѣлать истинными чувствами и идеями. Но немало есть въ современномъ обществѣ и пожилыхъ добрыхъ людей, которые не жалѣютъ и раба и вѣны благотворительными дѣла не только „копейки“, а даже сотни и тысячи рублей, и которыя увеличиваютъ благосостояніе другихъ, да не ихъ собственное. Все подобныя поступки истекаютъ изъ людей не изъ эгоизма, не самолюбія, а изъ чисто альтруистическихъ стремленій, и можно лишь сожалѣть о томъ, что въ наше время состраданіе не возведено въ священ- ный культъ, и что тогда не было бы ни половины тѣхъ безчислен- ныхъ бѣдъ и всякаго зла въ жизни, которое мы видимъ те- перь. Все-таки, и въ современномъ поколѣніи можно найти большое количество такихъ нравственно развитыхъ лицъ, отъ кото- рыхъ далеко мыслѣ видѣть однихъ торѣ близняго „символъ своего благополучія“, и которыя искренно помогаютъ несчастнымъ въ ихъ торѣ безъ всякаго влорадства и радуются иотъ души при чу- жомъ счастьи. Кто же завидуетъ нищему, и которому не огазы- ваетъ помощь? Нельзя также объяснить исключительно самолюбі- емъ происхожденіе справедливости среди людей: и воздавать каж- дому должно и заставляеть насъ не наша личная выгода, а при- знаніе за всѣми людьми челоѣческаго достоинства и личной сво-

боды, то съ развитіемъ которой въ обществѣ соединяется обыкновенно и развитіе въ немъ идею справедливости. Не во всякой справедливой поступки доставляютъ человеку всякаго рода жизненные блага: напротивъ, настоющи ограничиваютъ его въ пользованіи благами, а иногда лишаютъ и самаго необходимаго. Никто не считаетъ справедливымъ притѣсненіе сильными слабымъ, а между тѣмъ какъ защита негонишинности, его свободы составляетъ въ глазахъ всего современнаго общества первое и основное требованіе справедливости и существенную задачу права. Если бы люди видѣли въ справедливости только средство своихъ личныхъ выгодъ, то сильные одни и когда не поступали бы слабымъ въ своихъ правахъ, въ нѣмъ ущерба самимъ себѣ. Между тѣмъ, и одинъ фактъ разнообразныхъ реформъ, которыя совершаются въ современныхъ европейскихъ государствахъ въ интересахъ низшей, слабѣйшей массы населенія на счетъ высшихъ, сильнѣйшихъ классовъ населенія, показываетъ, что одинъ такой неоспоримый фактъ доказываетъ, что въ этомъ случаѣ рѣшительнѣе идетъ о благе не одного только болѣе сильнаго класса общества, а о слабѣйшихъ негони членахъ. Однако, люди и при всѣхъ своихъ, усиленныхъ въ состояніи исполнить осуществити идею справедливости, отчасти по ограниченности своей природы, отчасти же, благодаря дѣйствительно существующему развитію (его) измѣнѣ взаимныхъ отношеній членовъ общества, который поддерживается всѣмъ, исторически образованнымъ строемъ общественной жизни. За то и въ) болѣе чѣмъ живеть и непоколебимая и ничѣмъ увѣренность, что въ будущей жизни каждый будетъ вознагражденъ по своимъ заслугамъ и возмездію въ полномъ отвѣтѣ за свои дѣла. Минскій совершенно изгоняетъ изъ сферы нравственной и слѣдственно и юридической жизни идею ответственности, жертовъ ради блага, а не возмездіе существуетъ и основывается на томъ незыблемомъ убѣжденіи, доказываемомъ наукою и повседневнымъ опытомъ, что человекъ свободное существо, такъ какъ онъ дѣйствуетъ сознательно и по известнымъ мотивамъ, а убѣжденіемъ, которое образуются имъ самими, и не связываютъ его волю и тѣмъ противъ представляютъ ему широкій выборъ въ достиженіи его самостоятельныхъ цѣлей наилучшими средствами. Надежны въ руко

водителемъ для человѣка въ этомъ случаѣ является его совѣсть, которая, по представленію Минскаго, достигаетъ высшаго вліянія на всѣ дѣйствія людей уже на низшихъ ступеняхъ ихъ развитія. Но полное сознаніе высшаго нравственнаго чувства — совѣсти — становится доступнымъ человѣку только по мѣрѣ развитія у него правильныхъ понятій о добрѣ и злѣ, которыя въ примитивномъ обществѣ представляются смѣшанными, причемъ, эгоизмъ совершенно преобладаетъ надъ альтруизмомъ. Поэтому первобытныя представленія о нравственности орѣзко противорѣчатъ современнымъ моральнымъ воззрѣніямъ, проникнутымъ альтруистической идеей. Но даже и дикари представляютъ безсмертіе не въ видѣ продолженія своей жизни въ дѣтяхъ или государствѣ, а какъ безконечную, запробную жизнь душъ умершихъ, принимаютъ безсмертіе, какъ сверхъчувственную идею, какъ это доказываетъ наличность въ примитивномъ обществѣ культа предковъ. Дикарямъ совершенно чужда мысль о томъ, что въ дѣтяхъ продолжается ихъ жизнь, или что государство — должникъ семьи: иначе они не избивали бы такъ безпощадно своихъ дѣтей, въ особенности же дѣвочекъ, и не истребляли бы другъ друга по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Г. Минскій думаетъ, что совѣсть дѣйствуетъ разрушительно въ жизни современнаго общества, въ которой она побѣждена разумомъ, наукой послѣ долгой, взаимной ихъ борьбы между собою. Но эта борьба между представителями науки и совѣсти (религіи) произошла вовсе не изъ убѣжденія въ отсутствіи всякаго добра въ жизни, а изъ чрезмѣрнаго увлеченія изученіемъ видимыхъ явленій природы, развитія только матеріальнаго благосостоянія общества и пренебреженія къ нравственнымъ задачамъ его жизни. Современное общество уже сознало всю односторонность и вредъ такого направленія своей жизни, и всѣми мѣрами старается выдти изъ такого ненормальнаго положенія. Поэтому-то въ немъ замѣчается оживленіе религіознаго сознанія и неудержимое желаніе найти истинныя, высшія цѣли человѣческой дѣятельности. Необходимо также замѣтить, что не вся современная наука борется и отрицаетъ религію, какъ вѣру человѣка въ Высшее Существо и

загробный міръ, а только одно узкое въ ней направленіе, известное подъ именемъ позитивизма, который отрицаетъ совершенно вопросъ о конечныхъ цѣляхъ человѣческой жизни, „признаетъ, скажемъ словами автора, вмѣсто божественнаго разума слѣпой случай и уродливую пользу и отвергаетъ вѣру въ безсмертіе и правду“. Вооружаясь противъ современной науки въ такой формѣ, авторъ побиваетъ самого себя, потому что онъ всецѣло принадлежитъ къ позитивизму или, точнѣе, утилитаризму, который именно и возводитъ пользу въ верховный принципъ человѣческой жизни и старается доказать, что самолюбіе—основной законъ человѣческой природы, и что поэтому между добромъ и зломъ нѣтъ кореннаго различія. Но если бы всѣ люди такъ думали, тогда не только не было бы того душевнаго разлада, на который указываетъ Минскій, но всѣ жили бы совершенно спокойно, подъ руководствомъ *одного* самолюбія. Если же на самомъ дѣлѣ душевный разладъ и овладѣлъ современнымъ обществомъ, то онъ происходитъ вслѣдствіе недовольства жизнью, въ которой преобладаютъ грубые, матеріальныя интересы и эгоизмъ, и внутренней потребности человѣка въ лучшей жизни, основанной на началахъ высшей правды и справедливости. Но тотъ человѣкъ, въ которомъ этотъ разладъ чувствуется сильнѣе, не способенъ впасть въ развратъ, отъ котораго его спасаетъ живое сознаніе своего долга. Совѣсть и теперь и даже еще болѣе, чѣмъ прежде, является положительною, руководящею силою человѣческаго поведенія, возбуждая стремленіе къ добру и отвращеніе къ злу. И только того не мучать укоры совѣсти за сдѣланное кому-либо зло, въ комъ она подавлена страстями, чувственными влеченіями, хотя даже и такого человѣка, какъ замѣчаетъ самъ Минскій, не покидаетъ тоска о безсмертіи.

Что совѣсть оказываетъ не одно только отрицательное, но и положительное и, притомъ, могущественное вліяніе на дѣяствія людей и въ современномъ обществѣ, это видно изъ сна Минскаго, въ которомъ совѣсть поэта представляется страшнымъ и неумолимымъ судьбою всего міра, изрекаетъ безпощадныя, жестокія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, роковыя и окончательныя

приговоры надъ всѣми жизненными идеалами и радостями, не стоящими въ ея глазахъ того, чтобы изъ за нихъ падать весь міръ. Совѣсть является теперь у Минскаго какимъ то ужаснымъ бичемъ, не хочетъ признать какое-либо нравственное значеніе хотя бы за одною изъ земныхъ цѣлей человеческой жизни и видитъ вездѣ и во всемъ одно зло, пороки, преступленія. Ни аскетизмъ, ни красота, ни искусство, ни наука не могутъ оправдать, по ея мнѣнію, существованіе міра, хотя немного позже они и оказываются, по сознанію той же совѣсти Минскаго, необходимыми цѣлями человеческой жизни и самъ нашъ авторъ доказываетъ, что люди чрезъ нихъ познаютъ высшую цѣль своей жизни. Зло можетъ примѣшиваться ко всѣмъ жизненнымъ цѣлямъ, но это обстоятельство не исключаетъ возможности и преслѣдованія, осуществленія добра въ дѣятельности человѣка. Такъ аскетизмъ представляется высшею степенью личнаго нравственнаго совершенствованія побѣдой человѣка надъ своими страстями посредствомъ подвиговъ самоотреченія. Поэтому аскетизмъ возводится самимъ Минскимъ въ одно изъ основаній (мэонъ) нравственной жизни человѣка. Произведенія искусства возвышаютъ душу человѣка, отрываютъ его отъ мелкихъ житейскихъ заботъ, доставляютъ людямъ чистое и высшее наслажденіе прекраснымъ и указываютъ на свѣтлые идеалы человеческой дѣятельности. Любовь къ жѣнщинѣ, мужчине служитъ источникомъ его энергичной работы надъ общественными дѣлами и личнаго нравственнаго развитія. Любовь материнская представляетъ собою, хотя и узкую, но не сомнѣвную, истинную форму альтруизма. Наконецъ наука, постепенно и неумолимо раскрывающая законы всѣхъ явленій, даетъ человѣку такую массу знаній о нихъ, которая въ равной мѣрѣ удовлетворяетъ и любознательность людей и ихъ нужду въ подчиненіи силъ природы для удовлетворенія своихъ потребностей. Такъ сонъ Минскаго, далекій отъ дѣйствительности, въ которой онъ преувеличиваетъ до *plus ultra* одну тѣмную, мрачную сторону жизни, есть не болѣе, какъ праздная и безцѣльная мечта, порожденная болѣзненною фантазіей поэта, который воображаетъ себя въ немъ судьей всего міра и тѣмъ возводитъ на высокій пьедесталъ свое собственное самолюбіе!

Похороненная совѣсть на яву и вновь открытая Минскимъ во „снѣ“, совѣсть, какъ стремленіе къ конечной цели жизни, отвергаетъ неограниченное дѣйствіе самолюбія въ дѣятельности человека и стремится къ вѣчной правдѣ или „святынѣ“. Совѣсть или, все равно, г. Минскій не находитъ ее нигдѣ и даже въ сферѣ религіи, доказывая невозможность видѣть въ святынѣ Высшее, личное и совершеннѣйшее, Существо какими-то казуистическими силлогизмами, которые авторъ заимствовалъ изъ какого-нибудь стариннаго учебника логики или богословія. Если бы Минскій не прибѣгалъ къ такимъ устарѣлымъ приемамъ средневѣковой схоластики, которые, однако, не мешаютъ ему признать потомъ, хотя и на одинъ мигъ, Высшее Существо, онъ не пришелъ бы и къ своему третьему глубокому противорѣчію, котораго нѣтъ въ жизни: правда, человекъ стремится къ „святынѣ“, но въ тоже время онъ и находитъ ее въ религіи (христіанствѣ). Минскій утверждаетъ, что „святынѣ“ не указываетъ человеку ни современное искусство, ни наука, ни философія и вслѣдъ за этимъ строить научнымъ методомъ свое философское, мѣоническое міросозерцаніе, на основаніи котораго открываетъ „тайну“ красоты и искусства, и провозглашаетъ науку и искусство необходимыми и важнѣйшими путями для достиженія понятія о мѣонахъ.

Критика Минскимъ утилитаризма не содержитъ въ себѣ чего либо особеннаго, новаго. Авторъ ошибается, когда онъ утверждаетъ, что утилитаризмъ возникъ только въ XIX столѣтіи: корни его надо искать еще въ греческихъ философскихъ системахъ, — гедонизмъ и эвдемонизмъ. Минскій также преувеличиваетъ и вліяніе утилитаризма на цивилизацію европейскаго общества, которая появилась не вдругъ въ XIX столѣтіи, какъ Минерва изъ головы Юпитера, и въ которой отбѣла рабства, развитіе науки и свободы, приписываемыя авторомъ всецѣло утилитаризму, произошли подъ вліяніемъ массы самыхъ разнообразныхъ историческихъ условій жизни (въ европейскихъ государствахъ (христіанства, эпохи возрожденія, реформаціи, развитія экономическаго благосостоянія третьяго класса и проч.). Впро-

чемъ, самъ нашъ авторъ не убѣжденъ въ исключительно благо-
дѣтельномъ вліяніи утилитаризма на современное поколѣніе, въ
которомъ онъ произвелъ, по его словамъ, немало зла, неутѣши-
тельныхъ явленій, вредныхъ для нравственнаго его развитія.
Но ни это обстоятельство, ни печальный опытъ самого Минска-
го не помѣшали ему примкнуть къ утилитаристамъ и рѣши-
тельно заявить, что это — единственно возможная моральная си-
стема въ настоящее время, когда всюду господствуетъ эгоизмъ.
Поэтому всѣ моральныя воззрѣнія Минскаго проникнуты насквозь
утилитаризмомъ: основной взглядъ школы утилитаристовъ, что
только самолюбіе, личная выгода и расчетъ руководятъ людьми
во всѣхъ ихъ поступкахъ приводится Минскимъ не въ одной
только критической части своей работы, но и при опредѣленіи
верховой цѣли человѣческой жизни, когда онъ прямо заявляетъ,
что внѣ самолюбія нѣтъ жизни, что самолюбіе есть практическая
добродѣтель, что самая безкорыстная любовь къ ближнему выте-
каетъ изъ того же самолюбія, къ высшему развитію котораго мы
и должны стремиться въ своей жизни. Послѣ этихъ категори-
ческихъ заявленій Минскаго о самолюбіи, какъ цѣли и сущно-
сти нравственной дѣятельности человѣка, какъ-то страннымъ ка-
жется слышать отъ него же, что совѣсть отвергаетъ неограничен-
ное дѣйствіе самолюбія въ человѣческой жизни и ищетъ высшей
правды или святости внѣ его. Совершенно излишнимъ оказы-
вается послѣ восторженнаго дифирамба самолюбію и стремленіе
автора найти высшую, конечную жизненную цѣль и разрѣшить
всякія жизненныя противорѣчія, которыя представляются лишь
въ воображеніи автора.

Мэоническое міровоззрѣніе Минскаго, въ которомъ онъ
занимается совершенно непроизводительною тратою времени и
своей фантазіи, представляетъ собою какую-то пеструю амаль-
гаму, фантастическую смѣсь метафизики, утилитаризма, мисти-
цизма и пессимизма. Авторъ находитъ свои мэоны путемъ со-
вершенно отвлеченныхъ пріемовъ мышленія, строитъ свой взглядъ
на верховную цѣль міра на обломкахъ всего существующаго въ
человѣческой жизни, въ которой онъ разрушаетъ все положи-

тельное, уничтожаетъ въ ней всѣ цѣли и идеалы человеческой дѣятельности для того, чтобы найти рядъ какихъ-то отрицательныхъ, несуществующихъ понятій, нисколько незамѣняющихъ человеку безвозвратно утраченныхъ жизненныхъ цѣлей и идеаловъ. Такое безплодное достиженіе мѣоновъ съ, сопровождающимъ ихъ познаніемъ, экстазомъ и есть верховная цѣль жизни, по представленію Минскаго, который и не подозреваетъ, что подобную созерцательную жизнь, — жертву, сожигаемую въ сердцѣ огнемъ экстаза, — прославленіе несовершенствъ міра и обреченіе себя на жестокія страданія и муки рекомендовалъ міру буддизмъ еще нѣсколько тысячъ тому назадъ. На помощь себѣ при образованіи такого далеко не новаго, но получившаго у Минскаго поистиннѣ чудовищную и нелѣпую форму, взгляда онъ призываетъ и диалектическую методу Гегеля, и категоріи мышленія Канта (пространства, времени и др.), и чрезмѣрно увеличенный утилитаристами эгоизмъ и, наконецъ, все уничтожающія, возрѣнія пессимистовъ; въ заключеніе же поетъ гимнъ страданію и отчаянію и возводитъ ихъ въ апоэозъ. Только запасшись большою дозой терпѣнія, можно разобратся въ этой бессодержательной путаницѣ разнородныхъ понятій, какихъ-то клочковъ, отрывковъ изъ разныхъ философскихъ системъ, извращенныхъ авторомъ до неузнаваемости. Ни одно изъ тѣхъ понятій, которыя авторъ объявляетъ рѣшительно несуществующими (мѣонами), несоотвѣтствующими дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ не имѣетъ такого только отрицательнаго характера. Такъ подъ вселенной обыкновенно понимаютъ всѣ міровыя явленія при всемъ ихъ разнообразіи, безконечности и неизмѣримости; подъ атомами наука разумѣетъ элементарныя, неразложимыя, мельчайшія частицы матеріи, которыми наполненъ весь міръ. Понятіе вѣчности обнимаетъ всѣ моменты времени, а мгновенія — одинъ моментъ. До сознанія первой причины вседѣствующаго человекъ достигаетъ путемъ изслѣдованія связи между всеми міровыми явленіями, ихъ родами, но не отрицаніемъ универсальнаго закона причинности. Свободная воля человека — также положительный фактъ, доказываемый неопровержимо всей исторіей человеческого общества, въ прогрессивномъ раз-

витія, котораго человѣческая личность занимаетъ несомнѣнно главнѣйшую роль. Что понятіе верховной цѣли не — мифъ, а соответствуетъ реальной потребности человѣка искать окончательнаго оправданія всего своего поведенія, это доказывается, между прочимъ, примѣромъ самого Минскаго, который ищетъ въ своей книгѣ эту высшую цѣль человѣческой жизни и находитъ ее съ своей точки зрѣнія. Также реальны и остальные мѣоны автора, между которыми существованіе самосознающаго „я“ доказываетъ намъ наше внутреннее сознаніе. Послѣдніе же и наиболѣе важные нравственные мѣоны: аскетизмъ и альтруизмъ составляютъ искони главные идеалы моральной жизни человѣчества, въ которой находятся безчисленные примѣры осуществленія ихъ побужденій. Издавна религія, наука и здравый смыслъ человѣчества признавали несоединимость и противоположность самолюбія, эгоизма альтруизму и сущность морали полагали въ этомъ послѣднемъ¹⁾. Подвиги нравственности совершаются не исключительно только героями: они встрѣчаются гораздо чаще, нежели думаютъ обыкновенно, но только возможны не при высшемъ развитіи самолюбія, а при забвеніи своихъ интересовъ, самоотверженіи.

Причину созданія Минскимъ своихъ мѣоновъ, какъ несуществующихъ понятій, можно видѣть въ неудачномъ приложеніи имъ діалектической методы мышленія Гегеля къ изслѣдованію міровыхъ явленій, которая, какъ извѣстно, заключается въ трехъ моментахъ: тезисъ, антитезисъ и синтезъ, причемъ, этотъ послѣдній моментъ мышленія составляетъ нѣчто среднее между двумя первыми. Между тѣмъ, Минскій, противопоставляя существующему полное его отрицаніе, не пытается примирить ихъ въ чемъ-либо среднемъ, что должно имѣть извѣстную реальность. Вотъ этотъ-то недостатокъ у него синтеза, остановка на одномъ антитезисѣ, т. е., полномъ отрицаніи существующаго, и отразился на дальнѣйшемъ ходѣ мышленія Минскаго. Можно ли себѣ представить, спросимъ мы у читателя, чтобы отрицательныя понятія — мѣоны — предполагали другъ друга и сливались въ одно понятіе объ единомъ, —

¹⁾ См. мою фактовую рѣчь: «Нравственность etc».

верховномъ мѣонѣ, когда всѣ мѣоны представляютъ собою рядъ
 непримиримыхъ противорѣчій и несообразностей и потому исклю-
 чаютъ возможность существованія верховнаго мѣона? Какъ можетъ
 быть осуществлено то, что не существуетъ и какая опасность для
 міра заключается въ возможности осуществленія фантастическихъ,
 вполне отрицательныхъ понятій? Мы совершенно недоумѣваемъ,
 какъ могло это мѣоническое міросозерцаніе доставить Минскому
 глубокое удовлетвореніе и разрѣшить всѣ его сомнѣнія: оно не
 только не даетъ ни того, ни другаго, но производитъ прямо
 полный хаосъ во всѣхъ моральныхъ понятіяхъ. Какъ мѣонизмъ,
 т. е., рядъ несуществующихъ понятій, можетъ стати крите-
 ріемъ добра и зла, красоты и безобразія и сдѣлаться цѣлью все-
 общаго развитія, а также и человѣческаго? Какъ бы ни были
 высокими и „священными“ мѣоны въ глазахъ Минскаго, человѣкъ
 никогда не будетъ видѣть высшую цѣль въ жизни въ томъ, что-
 бы ради пріобрѣтенія путемъ экстаза какихъ-то туманныхъ и
 абстрактныхъ понятій, которымъ ничто и нигдѣ не соответству-
 етъ, онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ благъ міра, отъ любви,
 счастья, свободы, надежды на будущую жизнь, безсмертіе, да
 еще находить удовлетвореніе въ сознаніи того, что всего этого
 нѣтъ и не можетъ быть. Человѣкъ осуждается Минскимъ на
 вѣчную и безцѣльную погоню за несуществующимъ, въ которой
 и должна состоять цѣль его жизни. Лишь только онъ достигаетъ
 до понятія вселенной, вѣчности, первопричины, верховной цѣли
 и проч., какъ сейчасъ же долженъ съ горечью и отчаяніемъ въ
 душѣ убѣдиться, что ни въ мірѣ, ни внѣ его нѣтъ ничего, со-
 отвѣтствующаго этимъ понятіямъ. Точно также каждый неизбежно
 долженъ дойти до сознанія того, что безкорыстное служеніе
 людямъ—миръ, ничто, почему-то, все-таки, священное и желан-
 ное. И на самомъ дѣлѣ любовь къ ближнему ничто въ мнѣніи
 Минскаго, который не дѣлаетъ никакого существеннаго различія
 между разбойникомъ, грабящимъ на большой дорогѣ, и героемъ,
 жертвующимъ собою для блага ближняго. Разница между ними,
 проведенная Минскимъ, сгладится совершенно, если разбойнику
 удастся заниматься своимъ ужаснымъ въ глазахъ каждого здраво-

мыслящего дѣломъ до конца своей жизни: тогда превосходство его силы будетъ полнымъ, и общество должно само награждать его за то, что онъ такъ удачно разрѣшилъ всѣ жизненные противорѣчія.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ мѣоны Минскаго отрицательны. Онъ рѣшается допустить, что верховный мѣонъ долженъ былъ жить, хотя бы одинъ мигъ иначе, и міръ не могъ бы возникнуть. Но созданіе міра мѣономъ представляется Минскому въ такомъ же произвольномъ и фантастическомъ видѣ, какой имѣетъ и все остальное въ его книгѣ. Минскій «подслушиваетъ» предъ-редовые критикитявленій», и видитъ, какъ «воплощеніе единого», т. е. «всего дѣла» созданія міра, есть случайный капризъ верховнаго мѣона, пожелавшаго сотворить міръ изъ любви къ некоему несуществующимъ, и его формамъ и явленіямъ» (229 д. с.). Но какъ скоро міръ возникаетъ, т. е. верховный мѣонъ немедленно исчезаетъ, и па-даетъ жертвой своего безкорыстнаго самопожертвованія и живущей влуне своей противоположности несовершенному міру, который вмѣстѣ съ человѣкомъ обрекается имъ на непрерывныя мученія и страданія. Жизнь человека становится сплошнымъ отрицаніемъ добра, разума, славы, труда, зла, преступленій, безсмертія, однимъ словомъ, всего, въ чемъ онъ только находитъ какой-либо интересъ. Дѣятельность каждого превращается въ мучительную жертву, приносимую на алтарѣ неизвѣстному божеству, или вѣрнѣе, самому себѣ, своему непомѣрному самолюбію, божеству, однако, также эфемерному, озаренъ и обреченному на исчезновеніе и, при-томъ, безъ всякаго слѣда на землѣ.

Но *sapienti sat*. Дальше этого предѣла, и до котораго до-ходитъ Минскій съ своей необузданной фантазіей, едва ли мож-но идти, не возбуждая сомнѣній въ здравомъ умѣ. Очевидно, что г. Минскій, замѣчая общее недовольство и разочарованіе кру-гомъ себя, и рѣшившись создать такую философскую систему, которая могла бы оставить далеко за собою и пессимистическія системы Гартмана, и Шопенгауера и другихъ. И дѣйствительно, оставши-до такой степени тона чудовищна и нелѣпа! Такое мрачное, безъ

зотрадное и въ то же время безцѣльное и бесплодное міровоззрѣніе могло вырости только изъ отчаянія, какъ сознается и самъ авторъ, но оно же, вопреки его намѣренію, и приводитъ къ тому же страшному отчаянію, изъ глубины котораго современное общество желаетъ выдти всѣми возможными средствами. Поэтому оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять ученія Минскаго о мѣонахъ, которое не универсальная мудрость, а догма, по вѣрному замѣчанію автора, устранившая себя. Напрасны надежды Минскаго, чтобы современное поколѣніе «согласилось» обречь себя на непрерывное и безцѣльное погруженіе въ мистическую бездну и познанія мѣоновъ, которое не только не сообщаетъ никакихъ положительныхъ указаній на цѣль въ жизни, но отнимаетъ все, что оно придаетъ смыслъ, то силу и энергію (дѣятельности) чело-вѣка и вѣдаетъ живительную отраду и утѣшеніе въ печальныхъ минутахъ жизненныхъ лишеній и горя. Обществу такъ дорого его вѣрованія, убѣжденія, плоды науки, искусства и матеріальной благосостоянія, приобретенныя цѣною (таже лаго труда, терпѣнія и страданій) цѣлаго ряда поколѣній, что оно никогда не согласится лишиться того, что оно имѣетъ, ради того, чего нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности. Въ высшей степени неудачная попытка Минскаго разрѣшить своимъ мѣоническимъ міровоззрѣніемъ животрепещущій и моральный вопросъ въ современной жизни общества еще разъ доказала, что поэзія не въ состоя-ніи сдѣлать то, что входитъ въ задачу науки (этики), которая имѣетъ свои особенныя цѣли, содержаніе и приемы, отличныя отъ — поэзіи. Взглядъ Минскаго, на примѣръ, что въ произведе-ніяхъ искусства, какъ и во всемъ мірѣ, проявляется идея цѣле-сообразности ничего въ сущности не объясняетъ и только при-бавляетъ одно лишнее противорѣчіе къ тѣмъ, которыми и безъ того наполнена вся его книга. Не все цѣлесообразное красиво и наоборотъ. Голубое и постоянно чистое небо красиво, но безъ дождливыхъ облаковъ оно приноситъ засуху, точно также облач-ное, сѣрое и дождливое небо не красиво, но полезно для земле-дѣльи. Но, кромѣ того, что указанное воззрѣніе Минскаго на всеобщность проявленія идеи цѣлесообразности не вѣрно и отно-

сится къ, давно уже устарѣвшему въ наукѣ, телеологическому міро-
воззрѣнію, предположеніе о существованіи какихъ-то внѣшнихъ,
положительныхъ, міровыхъ цѣлей, управляющихъ вселенной,
уничтожаетъ однимъ ударомъ всемаоническое, отрицательное міро-
созерцаніе Минскаго. Пониманіе же или объясненіе каждымъ
цѣлесообразности различныхъ міровыхъ явленій по своему даетъ
широкій просторъ фантазіи, которая можетъ легко разрушить
всѣ маоны, какъ и ни трудно было Минскому изобрѣтеніе того
„священнаго“ нигилизма.

Заклучимъ наши замѣчанія на книгу Минскаго его же сло-
вами, которыми онъ произнесъ приговоръ „самому себѣ“. Бѣда,
говоритъ онъ, если творецъ моральной системы обладаетъ живой
фантазіей и образнымъ сло-
гомъ! Тогда его мысль становится со-
вѣмъ работой своихъ рабовъ; у него только она рождается, на нее,
беззащитную, со всѣхъ сторонъ нападаютъ образы, сравненія, бе-
рутъ ее въ плѣнъ и увлекаютъ по прямому направленію, оглушая
своимъ звономъ“ (142 ст.). Именно такую непрощенную услугу
оказала Минскому и его плодовитая фантазія, которую мы и со-
вѣтуемъ автору поберечь для созданія только его поэтическихъ
произведеній, въ которыхъ онъ — у себя дома, а не употреблять
ее напрасно и безъ всякой пользы для себя и другихъ для раз-
рѣшенія важнѣйшихъ и труднѣйшихъ научныхъ проблемъ, ко-
торое требуетъ, главнымъ образомъ, массы основательныхъ и разномъ
образныхъ (знаній и точнаго и систематическаго, логическаго
мышленія).

В. Щегловъ.

2. „Основные понятія о нравственности, правѣ и обще-
житіи“. Курсъ законовѣдѣнія для кадетскихъ корпусовъ.

С.-Петербургъ. 1889 г. 144 стр.

Неизвѣстный авторъ этой книги издалъ ее въ свѣтъ съ
тою цѣлью, чтобы дать „юношамъ, оканчивающимъ въ кадет-

скихъ корпусахъ общаго образованія: правильныя и ясныя понятія о тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ каждый человѣкъ неизбежно находится въ семьѣ, обществѣ и государствѣ, какъ равно и о томъ, что власть и законъ представляютъ собою существенные элементы всякаго организованнаго общежитія“ (введеніе). Такова именно, по словамъ автора, цѣль преподаванія въ указанныхъ заведеніяхъ началъ законовѣдѣнія, къ которой поэтому приурочено и все содержаніе его книги, интересной, однако, не для однихъ кадетовъ. По правильности въ опредѣленіи авторомъ многихъ юридическихъ основныхъ понятій, достигаемому имъ при сжатомъ изложеніи всего обширнаго матеріала правовѣдѣнія, сочиненіе автора, относящееся къ учебникамъ по общей теоріи права (наукѣ энциклопедіи права), заслуживаетъ вниманія всякаго, кто только занимается изученіемъ вопросовъ о морали, правѣ и обществѣ, а потому книгу автора можно рекомендовать для чтенія и юристамъ, въ особенности новичкамъ — студентамъ университетовъ и высшихъ юридическихъ учрежденій. Мы позволимъ себѣ изложить здѣсь вкратцѣ все содержаніе книги, отмѣчая мимоходомъ и, замѣченные нами, недостатки, невѣрности въ опредѣленіи различныхъ основныхъ юридическихъ понятій.

Вся книга распадается на введеніе и три отдѣла. Во введеніи авторъ сначала констатируетъ двойственность природы человѣка, различіе въ ней матеріальныхъ и духовныхъ ея потребностей, основывающееся на несомнѣнномъ проявленіи въ дѣятельности человѣка его разума, и ставитъ во главѣ всѣхъ духовныхъ потребностей религіозныя потребности, за которыми слѣдуютъ нравственныя, умственныя и эстетическія потребности. Всѣ потребности человѣка проявляются и удовлетворяются только въ общежитіи людей, которое есть естественное состояніе людей, обязанныхъ (въ немъ трудиться: „разумный и добросовѣстный трудъ служить источникомъ внутренняго довольства человѣка и укрѣпляетъ его физическія и духовныя силы“ (78 с.)). Въ такой же мѣрѣ необходимыми, какъ трудъ, являются въ общежитіи и раздѣленіе труда, и преемственная передача и сохраненіе въ человѣческомъ родѣ умственныхъ и матеріальныхъ богатствъ. Нѣко-

нцы, общежитіе основывается на нравственномъ чувствѣ, — совѣсти, которая руководитъ человѣкомъ въ его дѣятельности при условіи высокаго умственнаго развитія въ связи съ твердой выработкой свободной воли и характерами положительными законами. Подъ этими послѣдними авторъ разумѣтъ твердо установленныя общественною властью и ясно изложенныя правила взаимныхъ отношеній людей, которыми очерчивается въ общежитіи кругъ правъ и обязанностей каждаго отдѣльнаго человѣка (10 с.). Такимъ образомъ, авторъ, очевидно, исключаетъ изъ сферы права то, что извѣстно подъ именемъ обычнаго права, предшествующаго и замѣняющаго законъ на первыхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Въ то же время немного ниже самъ авторъ признаетъ такую необходимую регулирующую силу обычнаго права въ первобытную эпоху человѣческаго общежитія и совершенно вѣрно опредѣляетъ отношеніе обычнаго права къ закону въ этотъ и послѣдующій, высшій періодъ соціальной жизни (45—46 с.). Узко и недостаточно опредѣлено у автора то значеніе, которое онъ приписываетъ праву въ общежитіи: мало сказать, что оно очерчиваетъ кругъ правъ и обязанностей каждаго въ общежитіи. Нужно еще выяснитъ, съ какою цѣлью это дѣлается правомъ. Впрочемъ, и ниже авторъ, какъ мы увидимъ, снова останавливается на общемъ понятіи права, такъ что объ одномъ и томъ же предметѣ говорится у него въ двухъ мѣстахъ книги и, притомъ, и до нѣкоторой степени различно. Въ разбираемомъ нами мѣстѣ авторъ правильно понимаетъ только отношеніе въ правѣ юридическаго требованія и, соотвѣтствующей ему обязанности и дѣлаетъ научное опредѣленіе объективнаго и субъективнаго права. Мы согласны съ нимъ также и относительно того, что общественная сила всего права (а не однихъ только положительныхъ законовъ, какъ говоритъ авторъ) основывается на полномъ его согласіи съ нравственнымъ чувствомъ человѣка. Отсюда же вытекаетъ у автора необходимость разсмотрѣть сначала понятіе нравственности (1-й отдѣлъ книги), потомъ понятіе права (2-й отдѣлъ) и, наконецъ, формы общежитія (3-й и послѣдній отдѣлъ) — 11 стр.

Авторъ выводитъ все ученіе о нравственности изъ, яко бы прирожденныхъ человѣческому разуму, представленій о добрѣ и злѣ (13 с.), примыкая, такимъ образомъ, къ давно уже устарѣлой въ психологій интуитивной школѣ, которая утверждаетъ, что человѣку прирождены всѣ представленія, понятія и идеи. Воззрѣнія этой школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и автора, опровергаются историческимъ опытомъ, общественною жизнью людей, въ которой находится необозримая масса самыхъ разнообразныхъ нравственныхъ понятій, часто совершенно противоположныхъ, противорѣчащихъ другъ другу. Таковы, напримѣръ, понятія примитивнаго человѣка о мести, воровствѣ, развратѣ, убійствѣ, какъ похвальныхъ дѣйствій людей въ противоположность современнымъ взглядамъ на нихъ, какъ безнравственные поступки. Первобытному человѣку также недоступна и мысль о томъ, что только тѣ поступки человѣка имѣютъ нравственный характеръ, которые совершаются имъ при содѣйствіи разума и свободной воли. Авторъ ставитъ въ непосредственную связь съ вопросомъ о нравственности и вопросъ о конечной цѣли человѣческой жизни, но при разрѣшеніи этого вопроса о высшемъ благѣ руководствуется преимущественно идеальными заповѣдями религіи (христіанской), не обращая вниманія на дѣйствительныя, болѣе ограниченныя требованія человѣческой природы и морали. Поэтому авторъ говоритъ, что человѣкъ для достиженія спокойствія и довольства въ жизни долженъ стремиться скорѣе къ ограниченію своихъ потребностей, помня ту истину, что „чѣмъ менѣе потребностейъ, тѣмъ болѣе счастья“, строго осуждаетъ естественное стремленіе человѣка къ матеріальному благосостоянію и заключаетъ свою чисто проповѣдническую филиппику противъ развитія разныхъ пороковъ въ человѣческой жизни общимъ замѣчаніемъ, что высшее благо человѣка можетъ заключаться *лишь* въ удовлетвореніи потребностей человѣческой природы и, главнымъ образомъ, религіозной ея потребности. Ничего не имѣя противъ признанія той истины, что христіанская религія требуетъ безусловнаго подчиненія всѣхъ земныхъ цѣлей небеснымъ, мы полагаемъ, однако, что говорить о такомъ отношеніи всѣхъ потребностей человѣческой природы

къ религіознымъ требованіямъ умѣстно въ учебникѣ по этикѣ или нравственному богословію, но не въ книгѣ, спеціально посвященной изложенію основныхъ началъ права, которое имѣетъ дѣло со *всеми* потребностями человѣка, а не съ одной только религіозной. Нужно также замѣтить, что сравнительно небольшое число людей видитъ высшее благо въ томъ, въ чемъ оно состоитъ по ученію христіанской религіи, которая и не распространена такъ на земномъ шарѣ, какъ языческія религіи (буддизмъ, маометанство и др.). Масса людей ищетъ высшаго блага въ жизни часто во всякаго рода земныхъ благахъ, а нѣкоторые и совершенно отрицаютъ всякую возможность найти его. Авторъ, очевидно, незнакомъ съ этимъ современнымъ, довольно распространеннымъ въ образованномъ обществѣ, отрицательнымъ направле-ніемъ, если онъ рѣшается ставить религіозную формулу общаго блага, какъ для всѣхъ несомнѣнную и безусловно обязательную для каждаго, игнорируя въ тоже время необходимость указать на альтруизмъ, какъ существенное основаніе морали, научное и практическое. Не мѣсто также въ книгѣ автора и его поучительнымъ разсужденіямъ объ обязанностяхъ человѣка къ Богу и самому себѣ, христіанскихъ обязанностяхъ человѣка къ ближнимъ и нравственныхъ добродѣтеляхъ: все это обыкновенно излагается въ руководствахъ по богословскимъ и моральнымъ наукамъ. Въ числѣ нравственныхъ добродѣтелей авторъ упоминаетъ о справедливости, но при этомъ не говоритъ ни слова объ отношеніи ея къ праву. Оттого-то какъ понятіе права, такъ и сущность его функцій въ общественной жизни остаются у автора недостаточно выясненными и опредѣленными.

Переходя къ понятію права, авторъ опредѣляетъ его, какъ ограниченіе, мѣру свободы лица, предоставляемую ему закономъ для осуществленія его жизненныхъ цѣлей, норму, притомъ, разрѣшающую, запрещающую или предписывающую человѣку дѣлать что-либо (30 — 31 с.). Но центръ, сущность понятія права не въ этомъ ограниченіи свободы человѣка, а возможно широкомъ ея развитіи, предоставленіи каждому развитія и удовлетворенія всѣхъ его потребностей. Взглядъ на право, какъ разрѣшающую,

запретительную или предписывающую что-либо норму авторъ замѣчаетъ цѣликомъ и безъ всякой критической провѣрки у Коркунова ¹⁾. Послѣ опредѣленія понятія права авторъ указываетъ на различіе между физическими и юридическими лицами, не упоминая при этомъ о видахъ этихъ послѣднихъ, хотя позже онъ и говоритъ довольно подробно объ акціонерныхъ компаніяхъ и товариществахъ (75 с.), относящихся къ категоріи юридическихъ лицъ. Авторъ, какъ интуитивистъ, высказывается рѣшительно въ пользу того взгляда, что всѣмъ людямъ безусловно принадлежатъ нѣкоторыя права; таково, напр., право на неприкосновенность жизни и чести. Но вслѣдъ за этимъ мнѣніемъ мы встрѣчаемъ замѣчаніе у автора, что положительные законы возникаютъ и развиваются подъ вліяніемъ историческихъ условій жизни каждаго народа, вслѣдствіе чего законодательство въ каждой странѣ отличается извѣстными особенностями (32—33 с.). Не замѣчая и на этотъ разъ противорѣчія самому себѣ, авторъ продолжаетъ, что законодательства всѣхъ христіанскихъ странъ безусловно обеспечиваютъ каждому человѣку цѣлый рядъ прирожденныхъ правъ, какъ-то: право на неприкосновенность жизни, здоровья и тѣла, право человѣка на умственное и нравственное развитіе, безпрепятственное исполненіе религіозныхъ обязанностей, право личной свободы и право на честь и доброе имя. Не говоря уже о томъ, на сколько странно въ основномъ, *общемъ* ученіи о правѣ ограничиваться только христіанскими народами, *равное и одинаковое* обезпеченіе всѣмъ указаннымъ правъ существуетъ только въ воображеніи автора: на самомъ дѣлѣ замѣчаются самыя разнообразныя градаціи этихъ правъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ. Разсматривая всѣ эти права подъ рубрикой личныхъ правъ, авторъ, очевидно, понимаетъ подъ ними тѣ права личной свободы, которыя выработались въ европейскомъ обществѣ въ теченіе долгаго историческаго процесса его жизни и признаны въ каждомъ изъ нихъ далеко не въ одной и той же

¹⁾ См. наши замѣчанія по поводу этого взгляда на право Коркунова въ 8 № Юрид. Библиографіи Дем. Юр. Лицея.

степени. Кромѣ правъ личности, въ отдѣлѣ о субъективномъ правѣ входитъ у автора, хотя и краткое, но вѣрное изложеніе вопросовъ о правѣ собственности, договорномъ и наследственномъ правѣ. Въ рубрикѣ „объективное право“ сначала опредѣляется известнымъ образомъ отношеніе обычнаго права къ закону и затѣмъ дается общее понятіе о кодификаціи, такъ что вопросъ о судебной практикѣ, какъ второстепенной формѣ права, совершенно опускается авторомъ. Что касается науки права, то онъ понимаетъ подъ нею „науку объ юридическихъ отношеніяхъ, вытекающихъ изъ условій человѣческаго общежитія“ (49 с.), — опредѣленіе, требующее большихъ комментарій: правовѣдѣніе — наука не объ однихъ юридическихъ отношеніяхъ, но и юридическихъ нормахъ, основныхъ правовыхъ понятіяхъ, законахъ возникновенія и развитія юридическихъ явленій въ общественной жизни и положительномъ юридическомъ строѣ въ различныхъ государствахъ. Нельзя также называть сокращенное изложеніе науки о правѣ законовѣдѣніемъ (*ibid.*): существенный ея характеръ не измѣняется оттого, излагаютъ ли ее въ полномъ или сокращенномъ видѣ. Къ тому же терминъ „законовѣдѣніе“ невольно наводитъ на мысль, что авторъ смѣшиваетъ и отождествляетъ законъ съ правомъ вообще, что и произошло и на самомъ дѣлѣ у автора, какъ мы видѣли. Авторъ совершенно не затрагиваетъ вопроса о положеніи науки и правъ въ ряду другихъ отраслей знанія и ограничивается въ этой рубрикѣ только очень краткимъ и нераздѣльнымъ изложеніемъ вопроса о системѣ права и — правовѣдѣнія. Этимъ и заканчивается у автора отдѣлъ объ объективномъ правѣ, который у него слѣдуетъ за субъективнымъ, хотя обратный порядокъ изложенія имѣетъ за себя болѣе научныхъ основаній: субъективное право, какъ говоритъ и самъ авторъ (11 с.), есть только осуществленіе объективнаго, безъ котораго оно немыслимо.

Авторъ различаетъ три формы человѣческаго общежитія: семейство, гражданское общество и государство. Семья разсматривается у него только въ томъ видѣ, какъ она существуетъ у христіанскихъ народовъ, такъ что о болѣе низшихъ формахъ

семьи и брака не говорится на слова. Поэтому-то объясненіе авторомъ возникновенія запрещеній браковъ между близкими родственниками изъ однихъ религіозныхъ основаній является одностороннимъ, вѣрнымъ только по отношенію къ христіанскимъ народамъ. Авторъ, слѣдуя Гегелю и Чичерину, стлнчаетъ гражданское общество отъ государства, которое — только одна составная часть общества, органъ права въ немъ. Этотъ же взглядъ на отношеніе государства къ обществу, хотя и вопреки себѣ, высказываетъ и самъ авторъ, когда онъ называетъ государство высшей формой общежитія (82 с.). Авторъ невѣрно видитъ отличіе государства отъ другихъ общественныхъ союзовъ во внѣшней силѣ, которую оно употребляетъ для огражденія правъ отъ произвольнаго ихъ нарушенія (80 с.): власть — только внѣшній признакъ, условіе дѣятельности государства лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, аналогичныхъ упомянутому авторомъ. По подобными случаями не исчерпывается юридическая жизнь общества, сущность которой состоитъ въ возможно широкомъ развитіи и удовлетвореніи всѣхъ потребностей людей, содѣйствіи ихъ благосостоянію, по словамъ самого же автора (82 с.), при помощи права и его органа — государства. Авторъ правильно устанавливаетъ понятіе государства, отличая въ немъ необходимые три элемента: верховную власть, территорію и народъ, но не дѣлаетъ отличія государства отъ правительства, имѣющаго важное значеніе для надлежащаго, нормальнаго отношенія государства къ обществу. Авторъ принимаетъ только двѣ формы политическаго быта общества: монархическую и республиканскую (84 с.), между тѣмъ какъ въ наукѣ о государствахъ еще со времени Аристотеля точно установилось различіе между монархической, аристократической и демократической формами правленія. Нельзя также согласиться безусловно съ теократическимъ взглядомъ автора, что верховная власть — представительница Бога на землѣ (86 с.): этотъ взглядъ можетъ быть доказанъ только по отношенію къ нѣкоторымъ изъ современныхъ европейскихъ государствъ, въ большей части которыхъ приняты теперь воззрѣнія на этотъ предметъ чисто демократическаго характера. Авторъ опредѣляетъ народъ, какъ „совокуп-

бираемому нами. — аттестат (№ 02) об окончании

Авторъ вполне вѣрно устанавливаетъ виды функцій власти и отношеніе другъ къ другу государственныхъ установленій: законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ (100 с.), упуская только изъ виду, что раздѣленіе функцій власти между ними не только не уничтожаетъ, а даже требуетъ признанія принципа единства власти въ государствѣ, безъ котораго немислимо и достиженіе имъ разнообразныхъ соціальныхъ задачъ. Относительно способа организаціи государственныхъ установленій авторъ допускаетъ на ряду съ бюрократическимъ и коллегіальнымъ ихъ устройствомъ еще монархическое или единоличное (101 с.), которое по своему основному принципу совпадаетъ въ сущности съ бюрократическимъ: бюрократическія государственныя учрежденія представляютъ собою цѣлый рядъ *единоличныхъ* должностей, подчиненныхъ другъ другу въ іерархическомъ порядкѣ до высшаго главы учрежденія, въ рукахъ котораго сосредоточивается также *единоличная* власть, контроль и вся отвѣтственность за дѣятельность всѣхъ, подвѣдомственныхъ ему, лицъ. Сравнительно подробнымъ изложеніемъ отдѣльныхъ задачъ управленія: законодательной, административной и судебной и заканчивается весь курсъ законовѣдѣнія неизвѣстнаго автора. Можно поставить ему въ заслугу въ особенности по сравненію съ аналогичнымъ трудомъ Бакшеева („Курсъ законовѣдѣнія“, 1885 г.) то,

что при всѣхъ недостаткахъ своего труда авторъ сумѣлъ соединить въ немъ почти всѣ общія, основныя понятія юриспруденціи съ главными принципами русскаго государственнаго права и изложить содержаніе своей книги во многихъ ея мѣстахъ съ достаточною ясностью, опредѣленностью, а иногда и полнотой, — качествами, которыми не всегда отличаются не только общія, но даже и спеціальныя сочиненія по наукѣ о правѣ.

В. Щегловъ.

Dr. Adolf Wach. Die Reform der Freiheitsstrafe.
Leipzig 1890. s. 1—81.

Arnoldi. Verbrechen und Strafe. Zur Reform der
Strafrechtspflege Berlin 1890. s. 1—51.

(Продолженіе).

Брошюра Лейпцигскаго профессора Адольфа Ваха, послѣ предъидущихъ двухъ и особенно Апелліусовской, читается съ большимъ наслажденіемъ: до того легкокъ и изященъ его языкъ и складъ рѣчи. Образовалась она изъ доклада, читаннаго Вахомъ 19 марта 1890 г. въ Вѣнскомъ юридическомъ обществѣ и появленіемъ своимъ обязана все тому-же движенію мысли, возбужденному предложеніями проф. Листа, по отношенію къ которымъ она занимаетъ положеніе отрицательное.

Послѣ коротенькаго предисловія, гдѣ указывается рядъ вопросовъ, возбуждаемыхъ недостатками дѣйствующаго германскаго уголовного уложенія и причина выбора вопроса о реформѣ наказанія лишеніемъ свободы, авторъ даетъ сжатую, но вмѣстѣ съ тѣмъ основательную критику теоретической и практической постановки германской свободокарательной системы. „Всѣ согласны, гороритъ онъ, что такъ, какъ есть — не можетъ дольше продолжаться (стр. 5). Дѣйствующая германская система наказаній лишеніемъ свободы, а вмѣстѣ съ нею и все построеніе преступныхъ дѣяній, сообразно ихъ тяжести, есть громадная офиціальная ложь. Упоминаемые въ уголовномъ уложеніи

различные виды наказаній: цухтгаузъ, тюрьма, крѣпость и арестъ суть только шаблоны, которые должны были-бы получать содержаніе при выполненіи наказаній, но которые никогда его не получали. А между тѣмъ по закону они подлежатъ соизмѣренію (8 м. цухтгауза=1 году тюрьмы, 8 м. тюрьмы=1 году крѣпости) и на этомъ самоизмѣреніи основано все уложеніе съ его 3-хъ членнымъ дѣленіемъ преступныхъ дѣяній.

Гдѣ-же искать причинъ такого порядка вещей? Причины коренятся, съ одной стороны, въ несовершенствахъ самого закона, недостаточно рѣзко отдѣлившаго цухтгаузъ отъ тюрьмы по мѣсту ихъ выполненія, по характеру помѣщеній, по условіямъ режима, дисциплины, тяжести и даже срока работъ; а съ другой — въ обусловливаемомъ отчасти этимъ обстоятельствомъ разнообразіи практики выполненія наказаній, къ тому-же не выработанной еще и лишенной системы. До чего доходитъ это разнообразіе — видно изъ откровеннаго объясненія одного освобожденнаго изъ цухтгауза матроса съ директоромъ заведенія. „Я не хочу утверждать — сказалъ освобождаемый матросъ директору — что я не возвращусь больше въ цухтгаузъ, такъ какъ я опять примусь за старое. Но я надѣюсь, господинъ директоръ, не попадать больше къ Вамъ на попеченіе. Лучше 5 лѣтъ Зонненбурга, чѣмъ 1 годъ Бранденбурга“ (стр. 8).

На основаніи критическаго анализа свободокарательной системы и ея практическаго осуществленія Вахъ ставитъ цѣлый рядъ требованій, имѣющихъ въ виду ея улучшеніе. Цухтгаузъ (главное наказаніе за преступленія) долженъ носить характеръ наказанія безчестящаго и быть строго ограниченъ отъ тюрьмы (главное наказаніе за проступки), простое лишеніе свободы безъ работы не должно совсѣмъ практиковаться; въ отношеніи малолѣтнихъ — независимо отъ того, дѣйствова-ли они съ разумѣньемъ или безъ разумѣнья — принудительное воспитаніе должно быть признано единственной мѣрой и способомъ дѣйствія. „Но, замѣчаетъ онъ далѣе, отнюдь не въ подобномъ послѣдовательномъ проведеніи карательной системы заключается предметъ настоящаго изложенія. Оно посвящено радикальнымъ реформамъ,

которыя волнуютъ умы въ настоящее время“ (стр. 14). Эти радикальныя реформы касаются вопросовъ объ отмѣнѣ краткосрочнаго лишенія свободы, и о введеніи условнаго осужденія и неопредѣленныхъ приговоровъ.

Краткосрочное лишеніе свободы въ его современномъ видѣ страдаетъ крупными недостатками, однако, дѣлаемый отсюда нѣкоторыми лицами, выводъ о необходимости совершенной отмѣны его — слишкомъ поспѣшенъ.

Главное зло заключается, по мнѣнію Ваха, въ чрезъчуръ щедромъ, расточительномъ употребленіи этой мѣры наказанія, но въ то-же время „man würde den Teufel durch Beelsebub austreiben“, если-бы послѣдовали предложенію Листа: повысить minimum ея до 6 мѣсяцевъ. Краткосрочность, сама по себѣ, не недостатокъ, а напротивъ — преимущество. Правда, краткосрочное лишеніе свободы не можетъ ни воспитать, ни исправить и притомъ трудно соединимо съ репрессивнымъ принудительнымъ трудомъ; но для оправданія его довольно и того, если оно представляетъ изъ себя достаточное карательное зло (Strafzweck), такъ какъ этимъ оно выполняетъ основное назначеніе наказанія. Съ другой стороны, „чѣмъ короче лишеніе свободы, тѣмъ легче выполнять его по системѣ полного изолированія, тѣмъ легче, избѣгая опасности соприкосновенія наказываемаго съ другими, устранить опасности для общественнаго положенія (Berufsstellung) и чести его, легче найти такую форму, которая представлялась-бы достаточно репрессивною, даже и безъ строгаго принудительнаго труда“. Удачнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить организація военнаго ареста.

Такимъ образомъ, заключаетъ Вахъ, мы считаемъ вопросъ объ уничтоженіи краткосрочнаго лишенія свободы пока открытымъ, такъ какъ недоказана еще не только необходимость, но даже и самая возможность этого.

Переходя къ оцѣнкѣ условнаго осужденія, Вахъ заявляетъ, что хотя идея, породившая институтъ условнаго осужденія (со-страданіе и любовь къ людямъ), и симпатична, но что здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ либо, нельзя позволить сердцу управлять голо-

вой. Институтъ на европейской почвѣ не имѣетъ прошлаго, такъ какъ бельгійская система не успѣла еще создать его, а бостонскій опытъ для оцѣнки ея непригоденъ въ силу разности самыхъ системъ. Остается, значитъ, при оцѣнкѣ руководиться исключительно логикой и требованіями народнаго духа.

На этой почвѣ Вахъ, прежде всего, возражаетъ противъ мотивировки предлагаемаго проекта, которая представляется ему и неясной и недостаточной. Въ пользу принятія проекта приводятъ лишь отрицательное основаніе: бесполезность и даже вредъ краткосрочнаго лишенія свободы. Но подобнаго рода недостатки могутъ быть устранены мѣрами другаго рода: измѣненіемъ уголовныхъ законовъ, предоставленіемъ судѣ большей свободы въ выборѣ между денежнымъ штрафомъ и заключеніемъ, введеніемъ выговора, улучшеніемъ исполненія наказаній. Во всякомъ случаѣ, одинъ отрицательный моментъ — необходимость реформировать существующее — не можетъ еще оправдать разумность того, что хотятъ поставить на его мѣсто: „man könnte sonst leicht aus dem Regen in die Traufe kommen“. Какія-же положительныя стороны предлагаемаго института? Говорятъ, что онъ имѣетъ значеніе мѣры въ одно и тоже время и милующей (*scho-nenden*), и карающей (*bändigenden*) и воспитывающей (*erziehenden*). Но помилованіе спасительно лишь тогда, когда оно имѣетъ мѣсто въ надлежащее время и въ надлежащей формѣ, чего отнюдь нельзя сказать про систему бельгійскую, такъ какъ, послѣ постановки въ публичномъ засѣданіи обвинительнаго приговора, нельзя уже говорить о помилованіи въ надлежащее время, и простое непримѣненіе наказанія, при существованіи обвинительнаго приговора, нельзя считать пощадой въ надлежащей формѣ. Сомнительно также дисциплинарное и воспитательное вліяніе мѣры. Для смирнаго, раскаявающагося виновнаго это состояніе подъ угрозой, вмѣсто того, чтобы, сразу отбывъ наказаніе, начать новую жизнь — будетъ бесполезной пыткой; для привычнаго закоренѣлаго злодѣя — предметомъ насмѣшки; для легко увлекающагося непримѣненіе наказанія, въ связи съ надеждой избѣжать вторично изобличенія, будетъ равносильно уст-

раненію лишняго мотива къ несовершенію. Этой неясности и незрѣлости творческой мысли, по мнѣнію Ваха, вполне соответствуетъ и запутанность самыхъ условій, которыя ставятъ для практическаго примѣненія данной мѣры. Между прочимъ также упускаютъ изъ виду и то, что условное осужденіе не всегда можетъ имѣть мѣсто: что оно непримѣнимо во 1-хъ тамъ, гдѣ, источникъ преступленія—искреннее убѣжденіе (при преступленіяхъ политическихъ) и во 2-хъ—гдѣ народное сознаніе не мирится съ безнаказанностью. „Что будетъ дѣлать, восклицаетъ Вахъ (стр. 34), оскорбленный, побитый, ограбленный, отецъ соблазненнаго или развращеннаго дитяти, тотъ, чья честь запятнана прелюбодѣянiемъ, тотъ, кто унижительно потерпѣлъ отъ злоупотребленія властью—что они будутъ дѣлать, если на ихъ просьбу о правосудіи и наказаніи отвѣтятъ: подавите это недостойное чувство; человекъ тотъ, по всей вѣроятности, ничего подобнаго впредь не совершить, а стало быть нѣтъ и цѣли его наказывать“!

Въ концѣ концовъ, послѣ внимательнаго анализа разбираемаго института, отъ него, по мнѣнію Ваха, ничего не остается, или лучше остается „ein Sprung ins Dunkle“. Заключение Вахъ дѣлаетъ такое. Если ужъ долженъ быть произведенъ экспериментъ, то отнюдь не по бельгійскому, а по бостонскому образцу, т. е. первоначально только въ отношеніи малолѣтнихъ и притомъ съ той-же системой воспитательнаго полицейскаго наблюденія.

Такъ называемые, неопредѣленные приговоры (indeterminate sentences, unbestimmte Verurtheilung) Вахъ рассматриваетъ, какъ одинъ изъ эпизодовъ борьбы относительныхъ и абсолютныхъ теорій наказанія. Предлагаютъ ихъ въ двухъ формахъ, существенно между собою различныхъ. Первая форма, когда въ законѣ нормированы только виды лишенія свободы, а опредѣленіе сроковъ предоставлено органамъ завѣдующимъ примѣненіемъ наказанія; вторая, когда судья назначаетъ не только родъ наказанія, но и минимальный и максимальный размѣры срока, предоставляя уже затѣмъ движеніе между minimum и

maximum усмотрѣнію исполнительныхъ органовъ. Вторая форма практикуется въ Америкѣ и рекомендуется для Германіи проф. Листомъ, предлагающимъ установить слѣдующія шаблоны наказаній: тюрьму отъ 6 недѣль до 2-хъ лѣтъ; цухтгаузъ отъ 2—5, отъ 5—10 и отъ 10—15 лѣтъ.

Защитники системы неопредѣленныхъ приговоровъ приводятъ въ пользу ея слѣдующіе доводы. Мы находимся, говорятъ они, на ложномъ пути, гоняемся за призрачнымъ и недосигаемымъ идеаломъ справедливости: воздаяніемъ коемуждо должнаго. Необходимо стать на почву фактовъ, имѣть въ виду практическія цѣли наказанія; наказывать надо не преступленію, а преступника. Неразумно выпускать его изъ заключенія до тѣхъ поръ, пока онъ еще опасенъ: *the character of the offender, not the character of the offence should determine the duration of the imprisonment*¹⁾. Между тѣмъ у судьи, на одну минуту видящаго преступника, нѣтъ твердыхъ данныхъ для соизмѣренія наказанія. Отсюда, назначаемая судьей мѣра наказанія есть продуктъ случайности, пародія на справедливость!

Съ основательностью всѣхъ этихъ упрековъ Вахъ согласенъ, согласенъ, что между виной и наказаніемъ нѣтъ соотношенія, между приговоромъ и его исполненіемъ нѣтъ связи. Но, возражаетъ онъ, только Богъ знаетъ и можетъ судить внутренняя; наше дѣло — чисто внѣшняго характера. Нравственное и юридическое воздаяніе суть понятія разныхъ порядковъ. „Мы наказываемъ противное государственной цѣли дѣянію, виновное нападеніе на внѣшнія жизненные блага и интересы общественности, независимо отъ настроенія (*Gesinnung*) и мотива, и никогда не наказываемъ мы только настроенію, хотѣнію, преступную склонность“ (стр. 42). Никто, даже преступникъ въ сердцѣ своемъ, не носитъ прочнаго масштаба уравнианія между преступленіемъ и наказаніемъ; поэтому несправедливость начинается только при явномъ несоотвѣтствіи между виной и наказаніемъ или при очевидно неодинаковомъ обсужденіи подобныхъ случаевъ.

¹⁾ Слова проф. Fr. Walland.

Несовершенства приговоровъ могутъ быть сглажены, во 1-хъ, сведеніемъ отдѣльныхъ видовъ наказаній (Strafarten) къ устойчивымъ, по существу, а не по имени только различающимся, величинамъ, и во 2-хъ, установленіемъ нормальныхъ, способныхъ раздвигаться вверхъ и внизъ, рамокъ наказаній (Normalstrafrahmen), съ примѣрнымъ (а не лимитативнымъ) указаніемъ увеличивающихъ и уменьшающихъ вину обстоятельствъ.

Въ оправданіе предлагаемаго нововведенія ссылаются также на американскій опытъ, исторія и данныя котораго заключаются въ слѣдующемъ „Indeterminate Sentences“ впервые стали практиковаться въ Нью-Йоркѣ въ 1871 г. Для исполненія ихъ была назначена Эльмирская тюрьма, поступившая съ 1877 г. въ заведыванье одного изъ лучшихъ администраторовъ, генераль-суперинтендента Mr. Brockway. Примѣру Нью-Йорка послѣдовали: Массачузетсъ (законъ 24 іюня 1886 г.), Пенсильванія, Огіо и т. д. Основныя начала и порядки эльмирской системы сводятся къ слѣдующему. Она предназначена для мужчинъ отъ 16—30 лѣтъ, впервые уличенныхъ въ преступленіи и подающихъ надежду на исправленіе. Эльмира принимаетъ только тяжкихъ преступниковъ (felony or other crime): убійцъ, грабителей, со взомомъ крадущихъ и т. п. Судъ, вмѣсто тюрьмы, приговариваетъ къ заключенію въ Reformatory, не указывая продолжительности послѣдняго (законъ 24 апр. 1877 г. гл. 173 § 2). Срокъ заключенія опредѣляютъ „Managers of the Reformatory“, управомоченные держать осужденнаго до максимальнаго предѣла назначеннаго въ законѣ за то преступленіе наказанія. Освобожденіе ранѣе этого срока можетъ послѣдовать или безусловно (without parole) или условно (on parole). Тюремный совѣтъ (board of managers) имѣетъ право непригодныхъ для Reformatory субъектовъ отсылать въ другія тюрьмы. Заключенные въ Эльмирѣ раздѣлены на три класса: (The First Grade; The Second or Intermediate Grade; The Third or penal Grade). Новичекъ поступаетъ прежде всего во второй классъ; за дурное поведение можетъ попасть въ штрафной—третій, за хорошее (въ теченіи 6 мѣсяцевъ) поведение переводится въ первый; причемъ для

оцѣнки поведенія употребляется марочная система. Обыкновенно черезъ 6 мѣсяцевъ въ первый классъ попадаетъ до 40⁰/₀ заключенныхъ, а въ общемъ — только малая часть ихъ не достигаетъ его. Классы различаются между собою одеждою, устройствомъ камеръ, а второй и третій также и высотой перегородокъ содержанія. Въ доказательство исправительнаго вліянія Reformatory ссылаются на то, что, по даннымъ отчета 1888 г., изъ общаго числа 1722 человекъ, освобожденныхъ изъ Эльмира въ періодъ времени, начиная съ ея основанія и до 1888 г., только 27 процентовъ находились въ ней долѣе двухъ лѣтъ.

Вахъ однако не признаетъ убѣдительнымъ американскаго опыта: что хорошо въ Америкѣ, говоритъ онъ, то можетъ быть дурно въ Европѣ, гдѣ по тюремной части отъ американцевъ отстаютъ. Кромѣ того, и по существу дѣла, эльмирская система не можетъ безусловно рассчитывать на внутреннее исправленіе: досрочное освобожденіе заманчиво и побуждаетъ притворяться. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что привычные преступники ведутъ себя въ тюрьмахъ скромнѣе и благонравнѣе всѣхъ“.

Наконецъ, система неопредѣленныхъ приговоровъ прямо нарушаетъ справедливость. „Идею воздающей справедливости, говоритъ Вахъ, считаютъ фальшивою, истертою монетою, а тѣхъ, которые придерживаются ея — идеологами. А между тѣмъ эти послѣдніе, а не ихъ противники, суть реальные политики. Идея есть могущественнѣйшій фактъ. Она — сила, двигающая міромъ. Притомъ всегда остается *iustitia regnorum fundamentum*, и — по слову нашего великаго міроваго мудреца — „если погибнетъ справедливость, то не стоитъ труда людямъ и жить на землѣ“. Конечно, мы наказываемъ ради государства, а не „*in maiorem Dei gloriam*“. Наказаніе находится на службѣ у государственной цѣли, но цѣль эта заключается въ воспитаніи общественной совѣсти, въ осужденіи дурнаго дѣла. Послѣднее должно быть зломъ для того, кто его совершаетъ: въ этомъ — вѣчный жизненный законъ нравственнаго и правоваго порядковъ“.

Послѣднее изъ подлежащихъ нашему разбору произведеній: „Verbrechen und Strafe“ Арнольди принадлежитъ къ категоріи тѣхъ, читать которыя значитъ напрасно тратить трудъ и время. Ни новыхъ фактовъ, ни логикъ и системы, ни даже мыслей порядочныхъ — ничего въ немъ нѣтъ, хотя касается оно самыхъ разнообразныхъ вопросовъ: о физической и духовной природѣ человѣка вообще (стр. 1—7), о правѣ и неправѣ, справедливости и морали (стр. 9—12), о свободѣ воли (стр. 12—19), о наказаніи (стр. 19—32), объ организаціи уголовной юстиціи (стр. 32—35), о воспитаніи (стр. 36—38) и, наконецъ, о задачахъ социализма (стр. 38—51).

Изъ произведенія Арнольди мы узнаемъ, что человѣкъ есть созданіе природы, какъ и всѣ прочія твари; что душа его есть продуктъ его тѣла, съ которымъ она возникаетъ (wird), существуетъ (ist) и исчезаетъ (vergeht); что воля человѣка безусловно несвободна, но что наказаніе тѣмъ не менѣе имѣетъ полный *raison d'être*, какъ противовѣсъ преступнымъ желаніямъ. Далѣе, Арнольди коротко и просто рѣшаетъ, что смертная казнь оправдывается началами необходимой обороны; сожалѣетъ о тѣхъ, которые заражены ложною гуманностью и спѣшить съ своей стороны дать совѣтъ, что для лица заключеннаго въ цухтгаузъ „Kälte und Hunger dürfen nicht gespart werden, um ihm für immer das Wiederkommen zu verleiden“ (стр. 23). Искренно сожалѣетъ о томъ, что въ настоящее время не въ чести удобнѣйшее средство устрашенія — тѣлесное наказаніе и предостерегаетъ отъ заблужденія, что будто-бы оно способно причинить вредъ человѣческому достоинству (стр. 24). Мимоходомъ (и безъ всякой связи съ предъидущимъ и послѣдующимъ) предлагаетъ сдѣлать дуэль безнаказанной и поучаетъ, что она „ein Schutz des Schwachen ist“. Для привычныхъ преступниковъ рекомендуетъ депортацію въ какое нибудь „auswärtigen“ Ort, причемъ пользуется случаемъ косвенно принести благодарность „userer Regierung“ за его заботы о созданіи такихъ „auswärtige Orte und Länder“ (очевидно, Арнольди не зналъ еще о послѣднемъ англо-германскомъ договорѣ). Говоря о необходимой оборонѣ, при-

водитъ въ примѣръ такого состоянія рабочаго, который получа-
етъ отъ хозяина меньше, чѣмъ сколько нужно ему для достой-
наго человѣка существованія. Удивляется ужасно „почему у насъ
и въ другихъ культурныхъ государствахъ судъ народа (Laie-
ngerichte т. е. судъ присяжныхъ и шеффеновъ), откопанный
(ausgegraben) по случаю провозглашенія такъ называемыхъ
правъ человѣка, давно не канулъ въ рѣку забвенія“ (стр. 35),
и вслѣдъ за тѣмъ высказываетъ желаніе и надежду на возоб-
новленіе въ Германіи тѣхъ судовъ, которые были тамъ 50 лѣтъ
назадъ. Въ отдѣлѣ о воспитаніи (при посредствѣ церкви, семьи
и школы) является сторонникомъ іезуитской политики: цѣль
оправдываетъ средства. Про религію говоритъ исключительно
какъ про лишнюю узду для необразованной толпы, находитъ,
что чѣмъ меньше у пролетарія знаній, тѣмъ лучше; совѣтуетъ
дѣтей учить, между прочимъ, страху Божію, забывая, что на пер-
выхъ страницахъ своего произведенія онъ опредѣлилъ Божество,
какъ *неизвѣстную* конечную причину (въ смыслѣ физическаго
закона), страху предъ которой учить по меньшей мѣрѣ странно.
Наконецъ, побесѣдовавъ въ послѣднемъ отдѣлѣ (Die Aufgaben
des Sozialismus) о перепроизводствѣ, о страхованіи рабочихъ
о вредѣ соціалъдемократовъ, которыхъ лучше всего прогнать изъ
имперіи, о работѣ женщинъ и дѣтей, о нормальномъ рабочемъ
днѣ, Арнольди заканчиваетъ увѣреніемъ своихъ соотечественни-
ковъ въ томъ, что „соціалъдемократія не имѣетъ никакой будущ-
ности, пока наша военная сила твердо и непоколебимо стоитъ
за короля и отечество“!

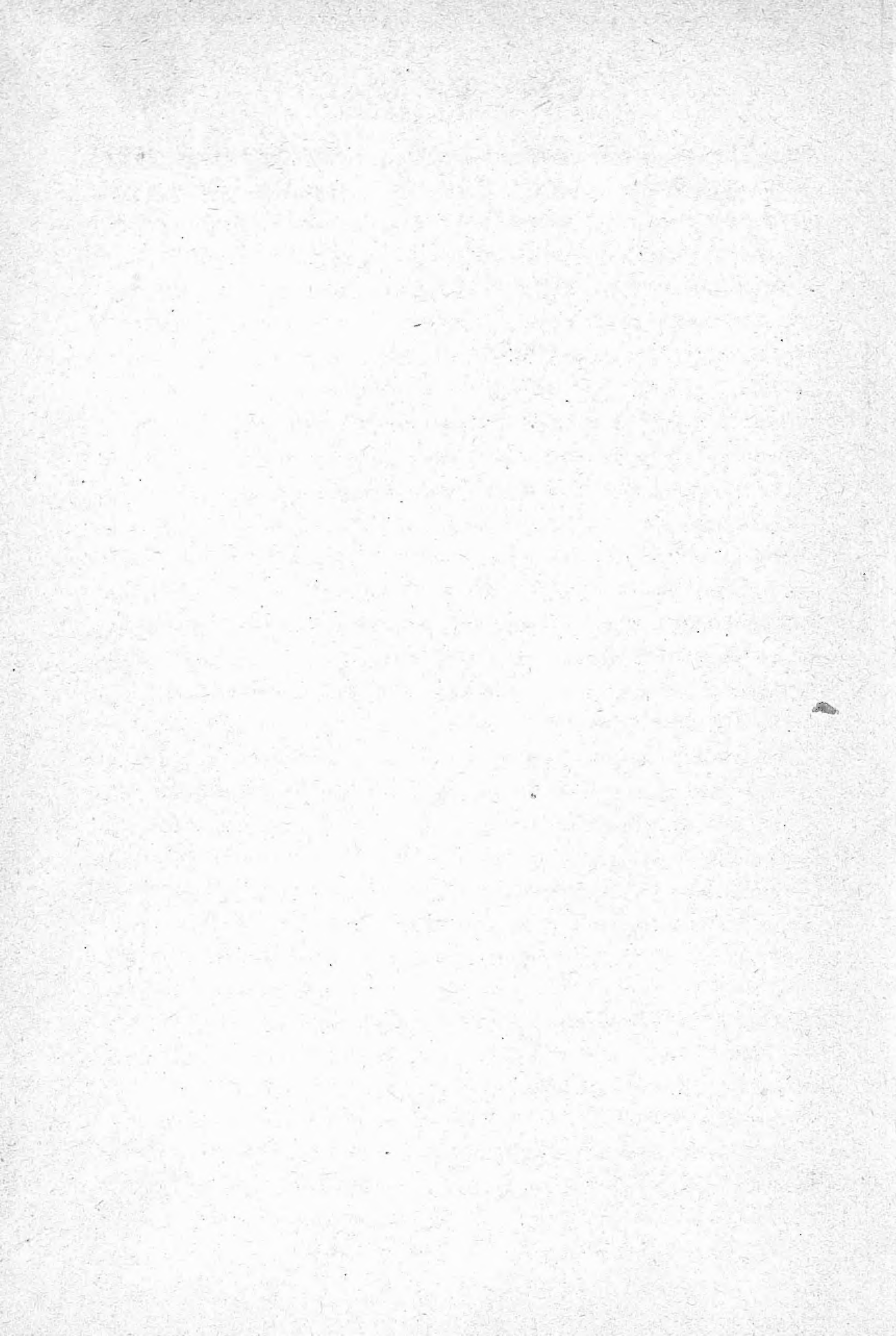
Словомъ, произведеніе Арнольди это — своего рода *signatura
temporis*.

П. Бесѣдкинъ.

S0041272

СФ СПбГУ

